

Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**ВЕСТНИК
АНТРОПОЛОГИИ
HERALD OF ANTHROPOLOGY**

2022 № 2

Журнал «Вестник Антропологии» учрежден решением Ученого совета
Института этнологии и антропологии РАН 20 марта 2014 г.
Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации
Регистрационный номер ПИ № ФС77–61734

Журнал входит в систему
Russian Science Citation Index (RSCI)

12 февраля 2019 г. приказом Минобрнауки России
№ 21-р «Вестник Антропологии» включен в Перечень
рецензируемых научных изданий, в которых должны
быть опубликованы научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук

ГЛАВНЫЕ РЕДАКТОРЫ

Мартынова М.Ю. (социокультурная антропология),
Васильев С.В. (физическая антропология)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Анчабадзе Ю.Д., Бондаренко Д.М., Боруцкая С.Б., Буганов А.В., Бутовская М.Л., Герасимова М.М.,
Дубова Н.А., Казьмина О.Е., Каландаров Т.С., Канукова З.В., Крадин Н.Н., Мажия А. (Итальянская
Республика), Пушкарева Н.Л., Радойичич Д. (Республика Сербия), Харламова Н.В., Халид А. (США)

ОТВЕТСТВЕННЫЕ СЕКРЕТАРИ

Григорьева О.М. (физическая антропология), Зыкина О.А.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Тишков В. А. (председатель, РФ), Балзер М. (США), Бутитта И. Э. (Итальянская Республика),
Васильев С. В. (РФ), Веселовская Е. В. (РФ), Головнев А. В. (РФ), Гонзалес Алкантуд Х. А. Испания),
Дроздова Е. (Чешская Республика), Кобылянский Е. (Израиль), Мартынова М. Ю. (РФ),
Паскуалино К. (Франция), Пашалы П. М. (Республика Молдова), Печенкина К. (США), Радойичич Д.
(Республика Сербия), Слезкин Ю. (США), Функ Д. А. (РФ), Хан В. С. (Республика Узбекистан),
Чае-ван Лим (Республика Корея), Чистов Ю. К. (РФ), Юхас К. (Венгрия).

Адрес редакции:

119991 Москва, Ленинский проспект, 32-А
Институт этнологии и антропологии РАН

Контакты:

По вопросам физической антропологии
Васильев Сергей Владимирович
odtantrop@yandex.ru

По вопросам этнологии, социокультурной антропологии
Мартынова Марина Юрьевна
martynova@iea.ras.ru
journal_of_anthropology@mail.ru

Интернет-сайт: <http://journals.iea.ras.ru>

ISSN (print) 2311–0546
ISSN (online) 2782–1552

© Институт этнологии и антропологии РАН, 2022
© Журнал «Вестник антропологии», 2022

The journal “Herald of Anthropology” was established by the RAS Institute of Ethnology and
Anthropology Academic Council decision of 20/03/2014
The journal is registered with the Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media of the
Russian Federation. Registration number PI No. FS77–61734

The Journal is indexed in the
Russian Science Citation Index (RSCI)

By the order No.21-p of The Ministry of Science and Higher
Education of the Russian Federation of 12/02/2019 “Herald
of Anthropology” is included in the list of peer-reviewed
scientific journals recommended for publishing scientific
results of theses for Candidate and Doctoral scientific degrees

EDITORS-IN-CHIEF

M. Yu. Martynova (Social/Cultural Anthropology),
S. V. Vasiliev (Physical Anthropology)

EDITORIAL BOARD

Yu. D. Anchabadze, D. M. Bondarenko, S. B. Borutskaya, A. V. Baganov, M. L. Butovskaya,
N. A. Dubova, M. M. Gerasimova, O. E. Kazmina, T. S. Kalandarov, Z. V. Kanukova, N. N. Kradin,
N. V. Kharlamova, A. Khalid (USA), A. Maxia (Italy), N. L. Pushkareva, D. Radojičić (Serbia)

EXECUTIVE EDITORS

O. M. Grigorieva (Physical Anthropology), O. A. Zykina

ADVISORY BOARD

V. A. Tishkov (Chairman, Russia), M. Balzer (USA), I. E. Butitta (Italy), Yu. K. Chistov (Russia),
E. Drozdova (Czech Republic), D. A. Funk (Russia), A. V. Golovnev (Russia), J. A. González
Alcantud (Spain), K. Juhász (Hungary), V. S. Khan (Uzbekistan), E. Kobylansky (Israel),
Chae-wan Lim (Korea), M. Yu. Martynova (Russia), P. M. Pashaly (Moldova), C. Pasqualino
(France), K. Pechenkina (USA), D. Radojičić (Serbia), Yu. Slezkine (USA), S. V. Vasiliev (Russia),
E. V. Veselovskaya (Russia)

Address:

119991 Moscow, Leninskiy prospect, 32A
RAS Institute of Ethnology and Anthropology

Contacts:

Ethnology, Social/Cultural Anthropology
Marina Yurievna Martynova
martynova@iea.ras.ru
journal_of_anthropology@mail.ru

Physical Anthropology
Sergei Vladimirovich Vasiliev
odtantrop@yandex.ru

Web: <http://journals.iea.ras.ru>

ISSN (print) 2311–0546
ISSN (online) 2782–1552

© RAS Institute of Ethnology and Anthropology, 2022
© Journal “Herald of Anthropology”, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Историческая память и идентичность	Historical Memory and Identity		
<i>Зимовина Е. П., Проданцов К. С.</i> Историческая память населения Калининградской области: общее и особенное в восприятии поколений	<i>Zimovina, E., Prodantsov, K.</i> Historical Memory in the Kaliningrad Region: the Common and Particular Across Generations	7	
<i>Григорьева Р. А., Мартынова М. Ю.</i> Участие белорусов в формировании Калининградского социума	<i>Grigorieva, R., Martynova, M.</i> Participation of Belarusians in the Formation of Kaliningrad Society	28	
<i>Зыкина О. А.</i> Национальные герои России в представлении учащихся школ и вузов Москвы, Санкт-Петербурга и Кировской области	<i>Zykina, O.</i> National Heroes of Russia as Perceived by Students of Schools and Universities in Moscow, St. Petersburg and Kirov Region	42	
<i>Сабинина Д. С.</i> Образ места в представлениях жителей малого российского города Старица Тверской области	<i>Sabinina, D.</i> The Place Image as Seen by Residents of the Small Russian Town Staritsa in Tver' Region	54	
<i>Калинина О. Ю.</i> Псково-Печерский монастырь в культуре русских и сето Печорского района Псковской области: монастырская идентичность и местные практики	<i>Kalinina, O.</i> The Pskovo-Pechersky Monastery in the Culture of the Russians and Seto of the Pechersky District of the Pskov Region: Monastery Identity and Local Practices	68	
<i>Пашкова И. В.</i> Приходские летописи как исторический источник о крестьянах Смоленской губернии	<i>Pashkova, I.</i> Parish Chronicles as a Historical Source About the Peasants of the Smolensk Province	90	
Антропология Америки	American Anthropology		
<i>Billings, Dorothy K.</i> The Loss of Indigenous Languages	<i>Billings, D. K.</i> The Loss of Indigenous Languages	100	
<i>Phillips, James S.</i> Legal Struggles of the Indigenous Peoples of Guatemala	<i>Phillips, J. S.</i> Legal Struggles of the Indigenous Peoples of Guatemala	113	
Гендер и тело в культуре	Gender and Body in Culture		
<i>Сиражудинова С. В.</i> Гендер и фронт на Северном Кавказе	<i>Sirazhudinova, S.</i> Gender and the Frontier in the North Caucasus Region	128	
<i>Литвин Ю. В.</i> Новые аспекты изучения женской телесности в карельской культуре	<i>Litvin, J.</i> New Aspects in the Study of Female Corporeality in Karelian Culture	141	
<i>Щанкина Л. Н., Егорова О. В.</i> Трансформация традиционной мужской национальной одежды мордвы	<i>Shchankina, L., Egorova, O.</i> Transformation of Traditional Mordovian Men's Underwear Clothing	154	
			<i>Popovkina, G.</i> Fiction as a Source of Information About Traditional Medicine Among the Eastern Slavs in the Russian Far East
		162	
	Физическая антропология		Physical Anthropology
	<i>Лейбова Н. А., Тур С. С.</i> Новые данные к одонтологии носителей пазырыкской культуры Горного Алтая	174	<i>Leibova, N., Tur, S.</i> New Dental Anthropology Data on the Pazyryk Culture Population of the Altai Mountains
	<i>Веселовская Е. В., Пеленицына Ю. В., Алехина О. И., Крыков Е. А., Юдина А. М.</i> Никто не забыт, ничто не забыто	193	<i>Veselovskaya, E., Pelenitsyna, Y., Alyokhina, O., Krykov, E., Yudina, A.</i> Nobody Is Forgotten, Nothing Is Forgotten
	<i>Пестряков А. П., Григорьева О. М., Пеленицына Ю. В.</i> Краниологические варианты монголоидной расы и их территориальная приуроченность	226	<i>Pestriakov, A., Grigoryeva, O., Pelenitsyna, Y.</i> Cranial Variation of the Mongoloid Race and Its Geographic Distribution
	Антропологическая мозаика		Anthropological Mosaic
	<i>Воронцов В. С., Загребин А. Е.</i> Роль исследователя-эксперта в научном обеспечении государственной национальной политики в России (1990–2000-е гг.): по материалам экспертного опроса	239	<i>Vorontsov, V., Zagrebin, A.</i> The Role of an Expert Researcher in the Scientific Support of the State National Policy in Russia (1990–2000s): Results of an Expert Survey
	<i>Гурко А. В.</i> Идентичность белорусской молодежи по материалам полевых исследований 2012–2014 гг. и 2020–2022 гг. Сравнительный анализ	257	<i>Hurko, A.</i> Belarusian Young People's Identity. A Comparative Analysis of the Two Field Research Campaigns in 2012–2014 and 2020–2022
	<i>Корнишина Г. А., Мишина О. А.</i> Этнокультурная и социальная адаптация детей мигрантов в школах Республики Мордовия	266	<i>Kornishina, G., Mishina, O.</i> Ethnocultural and Social Adaptation of Migrant Children in Schools of Mordovia
	<i>Фаис-Леутская О. Д.</i> О роли пищи в диалоге «своих» и «чужих» на юге Италии	274	<i>Fais-Leutskaya, O.</i> The Role of Food in the Dialogue Between "Us" and "Others" in Southern Italy
	Историография, школы, концепции		Historiography, Schools, Concepts
	<i>Арутюнов С. А.</i> Несерьезные забавы очень серьезных людей (Обзор книг о культуре досуга в Японии)	292	<i>Arutyunov, S.</i> Frivolous Amusements of Very Serious People (Review of the Books on Leisure Culture in Japan)
	<i>Бахматова М. Н.</i> Центральный институт аудио- и видео наследия Италии: прошлое и настоящее	310	<i>Bakhmatova, M.</i> The Central Institute for Sound and Audiovisual Heritage of Italy: The Past and Present

Кутявин Н. А. Анализ неоязычества и национализма в антропологии Рене Жира

Рецензии

Казьмина О. Е. Рец. на мон.: Tisha M. Rajendra. Migrants and Citizens: Justice and Responsibility in the Ethics of Immigration. Grand Rapids (Michigan): William B. Eerdman Publishing Company, 2017. 179 p.

Шабает Ю. П., Шилов Н. В. Рец. на: Язык и идентичность: антропологическое исследование ситуации в России / отв. ред. М. Ю. Мартынова. М.: ИЭА РАН, 2021. 620 с.

320 Kutyavin, N. Neopaganism and Nationalism in the Anthropology of Rene Girard

Reviews

333 Kazmina, O. Book Review: Tisha M. Rajendra. 2017. Migrants and Citizens: Justice and Responsibility in the Ethics of Immigration. Grand Rapids (Michigan): William B. Eerdman Publishing Company, 179 p.

340 Shabayev, Y., Shilov, N. Book Review: Martynova, M. (ed.). 2021. Language and Identity: An Anthropological Study of the Situation in Russia. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology RAS, 620 p.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ИДЕНТИЧНОСТЬ

УДК 39+314

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-2/7-27

Научная статья

© Е. П. Зимовина, К. С. Проданцов

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ НАСЕЛЕНИЯ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В ВОСПРИЯТИИ ПОКОЛЕНИЙ

В статье рассматриваются возрастные особенности восприятия жителями Калининградской области исторического прошлого. Информационной базой для авторов послужили стенограммы восьми фокус-групп, в которых всего приняли участие 48 человек. Респонденты являлись представителями четырех возрастных групп: 18–25 лет, 26–39 лет, 40–54 года, 55 лет и более. В результате исследования было выявлено как общее, так и частное в интерпретации исторического прошлого разными поколениями, проживающими на территории Калининградской области. Все возрастные группы проявляют интерес к одним и тем же историческим событиям, а также личностям российской истории. Однако различия между поколениями прослеживаются при обсуждении значимости Дня Победы, в оценке роли личности Сталина и в отношении к СССР. Советский период истории Калининградской области респонденты в основном критикуют за невнимание к довоенному немецкому культурному наследию, но высоко оценивают вклад первых переселенцев в развитие региона и положительно относятся к переименованию г. Кёнигсберга в г. Калининград. Возрастные отличия зафиксированы при оценке постсоветского периода истории области: представители старших поколений высказывали больше критических замечаний, а молодые жители региона рассматривали постсоветское время в связке с современностью. Историко-культурное наследие немецкого периода имеет высокую ценность для жителей Калининградской области. Но при этом мнения расходятся относительно восстановления Королевского замка, а также о стилизации советской и современной застройки под довоенную немецкую архитектуру. Авторами был сделан вывод о том, что поколенческие особенности восприятия

Зимовина Елена Павловна — к. и. н., старший научный сотрудник Социологической лаборатории, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (236016 Калининград, А. Невского, 14). Эл. почта: ezimovina@kantiana.ru, zimelena@yandex.ru

Проданцов Константин Сергеевич — старший лаборант Социологической лаборатории, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (236016 Калининград, А. Невского, 14). Эл. почта: ProdantsovKS@yandex.ru

* Работа выполнена с использованием средств государственного бюджета по госзаданию на 2021 год № 2249–21 «Реализация научно-исследовательских мероприятий по проблемам геополитики и исторической памяти на калининградском направлении»

исторического прошлого связаны с общественно-политическими реалиями, в которых воспитывались респонденты.

Ключевые слова: Калининградская область, историческая память, история России, региональная история, поколения

Ссылка при цитировании: Зимовина Е. П., Проданцов К. С. Историческая память населения Калининградской области: общее и особенное в восприятии поколений // Вестник антропологии, 2022. № 2. С. 7–27.

UDC 39+314

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-2/7-27

Original Article

© Elena Zimovina, Konstantin Prodantsov

HISTORICAL MEMORY IN THE KALININGRAD REGION: THE COMMON AND PARTICULAR ACROSS GENERATIONS

The paper examines the age-related aspects of the perception of the Kaliningrad region's history by its residents. The study is based on the transcripts of eight focus groups, which included 48 people. The respondents represented four age groups: 18–25 years, 26–39 years, 40–54 years, 55 years or more. The study revealed both common and particular aspects of the historical past perception by different generations of people living in the Kaliningrad region. All age groups are uniform in their interest in particular historical events and personalities of Russian history. However, there are differences in their perception of the significance of the Victory Day, the role of Stalin's personality, and their attitude to the USSR. The respondents mostly criticize the Soviet Period of the Kaliningrad region's history for the lack of attention to the pre-war German cultural heritage. However, they highly appreciate the first settlers' contribution to the development of the region and approve of the renaming of Königsberg to Kaliningrad. Age differences manifested in the assessment of the Post-Soviet period of history: older age groups expressed a more critical point of view while younger residents considered the Post-Soviet period in conjunction with modernity. The historical and cultural heritage of the German period is of high value to the residents of the region. At the same time, opinions differ regarding restoring the Royal Castle and styling the Soviet and modern buildings after pre-war German architecture. The authors conclude that, in general, the perception of the historical past is associated with the socio-political situation in which the respondents were brought up.

Keywords: Kaliningrad region, historical memory, history of Russia, regional history, generations

For Citation: Zimovina, E.P., Prodantsov, K.S. 2022. Historical Memory in the Kaliningrad Region: the Common and Particular Across Generations. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 2: 7–27.

Author Info: Zimovina, Elena P. — Ph.D. in History, Senior Researcher of Sociological Laboratory, Immanuel Kant Baltic Federal University (236016 Kaliningrad, A. Nevskogo st., 14). E-mail: ezimovina@kantiana.ru, zimelena@yandex.ru

Prodantsov, Konstantin S. — Sociological Laboratory Senior Assistant, Immanuel Kant Baltic Federal University (236016 Kaliningrad, A. Nevskogo st., 14). E-mail: ProdantsovKS@yandex.ru

Введение

Постановка проблемы. На современном этапе вопросы исторической памяти представляют особую значимость. Прежде всего, это обусловлено существованием целого ряда факторов, которые в совокупности оказывают огромное влияние на коллективное сознание — Интернет, социальные сети, печатные и телевизионные СМИ, радио, образовательные учреждения, общественные организации и т. д. При этом историческая память играет двойную роль — она способна как консолидировать, так и расколоть общество. Поэтому обращение к вопросам исторической памяти необходимо для понимания общественных настроений и выстраивания гибкой социальной политики.

Региональный аспект изучения исторической памяти необходим вдвойне. Важность исследования локальной специфики состоит в том, что каждый субъект Российской Федерации имеет богатую историю и многообразный этнический состав населения. У жителей регионов формируется особое виденье прошлого. И его необходимо учитывать при разработке мер, направленных как на сохранение этнокультурного своеобразия региона и конструирование региональной имиджевой политики, так и на укрепление общероссийской идентичности.

Интерес к исторической памяти населения Калининградской области вызван тем, что прошлое региона является «многослойным». Это переплетение разнообразных культур и эпох — прусской, немецкой, советской, российской. Так, на территории региона расположены руины тевтонских замков, образцы немецкой архитектуры XIX-первой половины XX вв., сооружения советского периода и современные постройки. Такое сочетание памятников материальной культуры способствует формированию особенностей восприятия исторического прошлого. Тем более, что и население региона имеет свою специфику — его основа была заложена в результате переселенческого движения по окончании Великой Отечественной войны и продолжает формироваться за счет внешних и внутренних миграций до сих пор.

Подчеркнем, что память об историческом прошлом является важным компонентом общественного сознания. Она способствует сохранению традиций, влияет на формирование гражданской позиции, содействует утверждению этнической идентичности. Память о значимых исторических событиях воспроизводится с каждым поколением. Однако восприятие отдельных явлений или исторических личностей может быть не одинаковым у представителей разных возрастов. Феномен состоит в том, что коллективная историческая память сохраняется, но оценки могут меняться. В связи с этим представляется важным обращать внимание как на общность, так и на разницу в восприятии исторических событий людьми разных поколений.

Обзор исследований. На современном этапе в России изучением вопросов исторической памяти занимаются представители разных наук — историки, социологи, политологи, философы. В результате появляются оригинальные исследования, в которых используются различные методы и подходы. При этом работы теоретико-методологического характера (Репина 2016; Горшков 2016; Шнирельман 2018; Тощенко 2020; Ефременко, Миллер 2020) сочетаются с работами, в которых делается акцент на поколенческий аспект (Савин 2017; Долгов 2021; Подлесная 2021) и региональный ракурс исторической памяти (Мазалова 2018; Полутин, Булавин, Зубов, Нагаева 2021). Исследуется влияние исторической памяти на формирование этнического самосознания (Буганов 2018; Савоскул 2018). Особое внимание уделяется проблемам сохранения исторической памяти о войне (Тетуев 2021; Кравченко 2021; Вершилов 2021).

Свой вклад в изучение исторической памяти вносят и крупнейшие социологические центры России (ВЦИОМ, ФОМ, Левада-Центр), которые проводят опросы и осуществляют мониторинг общественного мнения по исторической проблематике (Историческая 2020; Великая 2021; Годовщина 2020; Фадеев 2021).

Что касается изучения исторической памяти населения Калининградской области, то в первую очередь необходимо упомянуть о широкомасштабных исследованиях проблем заселения и освоения региона. Среди них, в частности, проведение интервью с первыми переселенцами, формирование на их основе архивных материалов, а также публикации стенограмм бесед (Костяшов 2018; ГАКО). Опубликованы работы, связанные с исторической памятью жителей Калининградской области о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (Гареев, Кретинин 2019; Костяшов 2020; Кретинин 2020). Анализируются и специфические формы сохранения исторической памяти населения региона (Кретинин 2015; Маслов 2016; Маслов 2017; Дементьев 2019а; Дементьев 2019б). В то же время тема отношения жителей Калининградской области к региональной и общероссийской истории оказалась вне поля зрения исследователей. Данная работа направлена на некоторое восполнение существующего пробела.

Цель представленного исследования — выявить особенности восприятия исторического прошлого представителями разных поколений, проживающих на территории Калининградской области.

В соответствии с поставленной целью, были сформулированы следующие исследовательские вопросы: 1) в какой степени ключевые события российской истории вызывают интерес у представителей разных поколений? 2) как представители разных поколений оценивают советский и постсоветский периоды истории Калининградской области? 3) какое значение для жителей Калининградской области разных поколений имеет немецкое культурно-историческое наследие?

Информационной базой исследования явились стенограммы восьми фокус-групп, проведенных с жителями Калининградской области в сентябре-октябре 2021 г. Всего в групповых интервью приняли участие 48 человек (9 мужчин и 39 женщин). Из них 27 человек были жителями г. Калининграда, 21 человек — жителями Советского, Черняховского и Гусевского городских округов. Все респонденты являлись представителями четырех возрастных категорий: 18–25 лет (14 человек), 26–39 лет (11 человек), 40–54 года (10 человек), 55+ (13 человек). Каждая фокус-группа

состояла из людей только одной возрастной категории. В результате был получен целый спектр оценок исторического прошлого России и Калининградской области.

Методика исследования. Участникам фокус-групп было предложено дать общую оценку историческим событиям на территории России, выразить свое отношение к историческому наследию Калининградской области (немецкому, советскому, постсоветскому), а также высказать мнение относительно современного состояния и перспектив развития региона. Для проведения фокус-групп была разработана программа (топик-гайд), содержащая вопросы для обсуждения. Программа состояла из нескольких блоков: 1) преамбула, 2) вводная часть, 3) оценка общероссийских исторических событий, 4) восприятие советского и постсоветского периодов истории Калининградской области, 5) отношение к немецкому наследию, 6) заключительная часть.

Методологической основой исследования явилась концепция поколений. В частности, идея о том, что при анализе поколений демографический подход необходимо дополнить историко-культурным. То есть рассматривать поколение не просто как возрастную когорту, а как группу людей, совместно переживших определенные исторические события и в силу этого демонстрирующих общность восприятий и практик поведения (Радаев 2020). Пережитые события являются важным фактором социализации какого-либо поколения, отпечатываются в его исторической памяти, формируют специфические формы восприятия и, в конечном счете, определяют специфику данного поколения. Это вовсе не означает, что представители одного поколения будут иметь единую точку зрения по всем вопросам. Напротив, мнения могут быть диаметрально противоположными. Однако для каждого поколения будет характерно особенное восприятие как исторического прошлого, так и современности.

Оценка общероссийских исторических событий

Осведомленность об исторических событиях является не только признаком образованности человека. Она также свидетельствует о его способности анализировать и сопоставлять эпохи, обращать внимание на особенности развития общества в определенный период, выражать собственное мнение и давать оценку значимым событиям и личностям. Именно поэтому проведение фокус-групп начиналось с вопроса о знакомстве респондентов с событиями российской истории. Практически все участники восьми фокус-групп ответили, что в той или иной степени интересуются историей России. Причем определилась следующая тенденция — чем старше возраст, тем в большей степени люди проявляют интерес к истории. Отметим, что большинство респондентов оказались самокритичны и оценили свои знания как удовлетворительные, в рамках школьной программы. Например, один молодой человек уточнил: «...Такие относительные знания, школьная база. Может быть какие-то даты и не помню, но эпохи — без проблем» (ФГ 1). Респонденты среднего возраста также апеллировали к школьным знаниям: «Так, школьная программа и всё» (ФГ 7); «Сами по себе эти вопросы очень интересные, единственный минус, что мало мы уделяем этому времени» (ФГ 7). А вот среди представителей поколения 55+ нашлись люди, которые самостоятельно изучают отдельные исторические события, знакомятся с дополнительной литературой, обновляют свои знания: «Слишком поздно начали узнавать все это, слишком много скрывалось, а школа уже очень дав-

но была ...Поэтому потихоньку начинаем изучать, по-новому» (ФГ 2); «Я приехала из другой страны и мне очень интересно — что здесь было раньше, что сейчас происходит. Поэтому я интересуюсь. Ну, пока ещё очень мало знаю» (ФГ 8).

Наибольший интерес у респондентов всех возрастов вызывают в основном события XX века — Революция 1917 года, Великая Отечественная война, послевоенный период, распад СССР, 1990-е годы: «У меня раньше была такая шутка, что всё интересно до XX века. Но со временем я поняла, что как раз XX век — самый интересный» (ФГ 4); «Мне кажется весь XX век интересным. То, что было в XVIII и XIX веке, оно так или иначе, уже успело отобразиться, успело дать свои следы, которые в XX веке проявились. А то, что было в XX веке (война, революция, становление и распад СССР, культы там Ленина, Сталина и других правителей), они еще отражаются на нас, на нашей истории» (ФГ 1).

Молодые люди обратили внимание на современный период: «XXI век тоже интересен. За последние десять лет много событий произошло — и касательно Украины, и касательно Крыма и всех вот этих конфликтов между державами. Там Америка, там страны Ближнего Востока. То, что вот разворачивается и до сих пор продолжается — оно тоже влияет больше всего на настоящее время» (ФГ 1).

Некоторые респонденты продемонстрировали интерес к событиям древней и средневековой истории, XVIII и XIX векам: «Мне очень интересна жизнь до революции» (ФГ 2); «момент правления Ивана Грозного» (ФГ 4); «правление Петра» (ФГ 3); «Интересно про 1812 год» (ФГ 8) и т. д. При этом некоторые не только упоминали об определенных событиях, но и обосновывали их важность: «Я считаю, что даже татаро-монгольское иго тоже очень важный период нашей истории. Потому что когда несколько сотен лет находишься под экспансией, то это не может бесследно пропасть» (ФГ 1).

Следует отметить, что представители всех поколений проявляют интерес к одним и тем же историческим событиям, осознают их значимость и считают ключевыми в истории страны. Однако делают акценты на разные моменты этих событий и явлений. Например, при оценке Великой Отечественной войны одни респонденты обращали внимание на значимость последствий войны: «... Потому что она очень влияет на современность и повседневность. Мы до сих пор ещё не отошли. Современная политика очень от неё зависит» (ФГ 4). А другие на трудности, с которыми пришлось столкнуться населению СССР во время войны: «...В семьях у нас у многих были люди, которые принимали непосредственно участие в войне. Например, моя бабушка. Ей было 12 лет на момент войны. Она как раз жила в Сталинграде. И когда была Сталинградская битва — они всё это время там прожили, прятались в канализационной трубе» (ФГ 7).

Отметим, что знания по истории имеют общий характер — как правило, респонденты затруднялись называть точные даты. Что касается исторических личностей, то наиболее часто упоминались имена всем известных людей — Петр Первый, Екатерина Вторая, Ленин, Сталин, Гагарин: «Это некие флагманские личности. Допустим, Пётр Первый или Екатерина. Ну, с которыми связаны квантовые скачки в развитии государства» (ФГ 4). В то же время, некоторые указывали на определенные категории исторических личностей: «Если говорить про какие-то личности, я больше склонен к ученым, потому что какой-то практический результат есть. ...это Королев, ...Циолковский еще. Все эти имена известны не только в истории

нашей страны, но и в истории мировой» (Ф 1); «Конечно, писатели, художники все наши. Перечислять их просто времени не хватит... Это люди, которые прославили культурные традиции. Все наши композиторы „Могучей кучки“, литераторы. Как без них!» (ФГ 2); «Ну, художники» (ФГ 4); «Ну, классики» (ФГ 4). В целом, были названы имена многих деятелей истории — политиков, военачальников, представителей науки и культуры. Таким образом, респонденты продемонстрировали довольно широкий спектр осведомленности о значимых исторических личностях. При этом поколенческие различия были не существенными.

В ходе обсуждения общероссийских исторических событий несколько тем вызвали живой интерес участников. Это Великая Отечественная война и празднование Дня Победы; оценка роли личности Сталина; советское прошлое. Именно по данным направлениям во всех фокус-группах развернулись основные дискуссии.

Осмысление событий Великой Отечественной войны оказалось важным для представителей всех поколений. В связи с этим был задан вопрос об отношении к празднованию Дня Победы. И здесь мнения разделились. Часть респондентов воспринимает 9 Мая как праздник: «У меня на 9 Мая почему-то всегда мурашки по коже. Когда по городу работают громкоговорители, по которым играют песни военные, военных лет и они, действительно, вызывают мурашки и слезы. Такие вот ощущения, смешанные. Все-таки я считаю, что 9 Мая — это праздник. Причем это великий праздник. Безусловно, помнить о победе, помнить о ветеранах нужно постоянно, не только 9 Мая. Это не обсуждается даже. А 9 Мая — это один из дней, когда мы можем показать величие нашей страны, мощь нашей страны, тот подвиг, который совершили в нашей стране» (ФГ 1); «... 9 Мая — это всеобъемлющий праздник. Это день памяти и скорби о погибших и дань благодарности нашим предкам, которые отстояли нашу родину. Это торжественное мероприятие о памяти, об окончании такой кровопролитной войны» (ФГ 1); «Радость, так сказать, сквозь слезы. Гордость. То, что наши предки, бабушки, дедушки выстояли» (ФГ 6); «Мы этот праздник, конечно, отмечаем. С большой радостью, всегда за столом. ...к сожалению, наши предки не дожили до этого. ...И мы вспоминаем их, конечно, со слезами на глазах. ...все это очень чутко воспринимаешь, очень близко к сердцу» (ФГ 7).

Некоторые респонденты рассматривают 9 Мая как день памяти: «Это праздник со слезами на глазах... Это День памяти и он, по моему мнению, трагичный. Это напоминание нам об этих событиях. ... Это напоминание о тех эмоциях, которые мы не пережили, но о которых нам рассказали» (ФГ 1); «Для меня это вообще не праздник, для меня это день травмы» (ФГ 1), «Для меня это тоже грустный праздник. Я не понимаю вот этого всего, всей этой радости, мне кажется, это по-другому можно показывать» (ФГ 1); «У меня тоже вызывает смешанные чувства. Больше печаль и грусть. Но, все равно, гордость какая-то за то, что это было и что мы с этим справились. Ну, не мы, наши предки. ... Я согласна с тем, что это праздник грусти» (ФГ 1); «...Скорее, что-то смешанное. Потому что это одновременно радость из-за победы, насколько это все положительно для нас сложилось. И одновременно скорбь и грусть из-за того, насколько оно трагично на нашей истории отобразилось — на нашей экономике, на нашей демографии и так далее» (ФГ 5); «для меня и 22 июня, и 9 мая — это одинаково скорбные дни. И повод задуматься» (ФГ 4); «В моей семье всегда говорили о том, что это повод задуматься. Это не праздник и не траур. Это день, когда нужно посидеть, вспомнить, проана-

лизировать. ... *Моя семья состоит из двух линий. Одна линия — еврейская, другая — людей военных и поэтому это очень сильно как бы сказало на нас, вся эта война. Поэтому для меня это день, чтобы проанализировать»* (ФГ 1).

Представители молодых поколений рассказали об эволюции своего восприятия Дня Победы — о нарастании ощущения боли по мере взросления: *«В детстве, где-то до 13 лет, для меня это был, безусловно, праздник. У меня воспоминания исключительно о том, как 9 Мая мы всей семьей утром по телевизору смотрим парад. Потом как мы идем, опять же всей семьей, к памятнику 1200, покупаем тюльпаны ...Идем к родственникам, празднуем там, вспоминаем какие-то истории, родственники ордена показывают. ... Ну, то есть какие-то воспоминания позитивные... Но чем старше я становилась, тем реже мы стали собираться семьей по этому поводу. Тогда я уже начала больше вдумываться в эти истории, которые мне рассказывали в детстве. И для меня это стал больше как какой-то трагичный день, когда я задумывалась какие последствия моя семья испытывает из-за этого и что это тянется на многие и многие поколения. В последнее время мы редко празднуем вместе и это ... какую-то трагическую пустоту вызывает. Я даже не могу телевизор смотреть. Хожу к памятнику 1200 и не могу сказать, что как-то это весело. Скорее, наоборот»* (ФГ 1); *«У меня когда-то было чувство праздника, но со временем оно изменилось»* (ФГ 4); *«Я пытаюсь просто вспомнить о том, что это за День, сколько людей погибло и какой ужас и ад они пережили»* (ФГ 4).

В качестве дополнения респонденты всех поколений сообщили, что прививают детям ценность празднования Дня Победы: *«Мы обязательно ходим на Бессмертный полк. Обязательно. У нас есть два портрета наших дедушек. ... В прошлом году я не смогла пойти — у меня маленький ребёнок. И пошёл сынишка мой, ему 12 лет было. ... И он пошёл на 9 мая, на Бессмертный полк. Он пришёл со слезами — до такой степени он расчувствовался»* (ФГ 7); *«Для нас, для нашей семьи это даже не то, что праздник — это память ...Я стараюсь привить эту память ребёнку, потому что придерживаюсь такой мысли, такой концепции, чтобы война не повторилась. Люди как можно дольше должны помнить о ней, о последствиях и вообще о жизни в войну»* (ФГ 4); *«...Мы вспоминаем всегда солдат, которые погибли в Великую Отечественную войну. Поэтому и детей растим точно также, в патриотическом стиле»* (ФГ 7).

Можно сказать, что эмоциональная память о войне жива. Ощущение радости, гордости и торжественности этого Дня, сочетается с чувством невосполнимой утраты, боли и глубокой печали. И это относится ко всем поколениям. Другое дело, что у старших поколений это связано с воспоминаниями о своих родителях или ближайших родственниках: *«Я, например, в день Победы вспоминаю всегда своего деда»* (ФГ 2); *«...вспоминаю поколение наших родителей. Они всегда, если спрашивали, какой самый главный праздник для тебя в жизни, отвечали — День Победы»* (ФГ 2). Для представителей поколения 55+ память о войне — это, прежде всего, память о членах своей семьи. Это память о тех, кто выжил или о тех, кто не вернулся. Представители молодых поколений также упоминают о переживших или не переживших войну родственниках, но многие знают о них лишь по рассказам. Возможно, это является одной из причин того, что для молодых поколений характерен более широкий взгляд на войну. Зачастую именно они стремятся к более глубокому осмыслению трагедии войны — не только на уровне семьи, но и на уровне страны и даже на уровне самого явления.

Большой интерес респондентов во всех фокус-группах вызвал вопрос об отношении к личности Сталина. Часть респондентов оценивают личность вождя положительно и подчеркивают его роль в ключевых исторических событиях — победа в Великой Отечественной войне, восстановление народного хозяйства, сплочение населения СССР: *«Я считаю, что Сталин, насколько это было возможно, сделал много хорошего для страны... Мне кажется заслуга Сталина в том, как страна восстанавливалась после войны. ...Восстановились здания, вся вот эта система транспорта, система сообщений, система социальных служб, здравоохранение, образование. ...Поэтому я отношусь, в принципе, положительно, закрывая глаза на некоторые вещи»* (ФГ 1); *«Как по мне, так этого требовала история, какая-то закономерность. ...Потому что, действительно, население его слушалось, и верхушка властная тоже ему содействовала. Такая была ситуация в стране. И очень хорошо, что последствия были не только отрицательные, но и положительные»* (ФГ 1); *«Сталин — это такая достаточно великая личность ...Он весь Советский Союз держал в таком сплочении, что люди росли именно в таком патриотическом стиле. И все были едины. И когда началась Великая Отечественная война, никто и не подумал, чтобы не пойти на защиту»* (ФГ 7); *«... Он своей сильной рукой и хладнокровием смог привести к таким действиям, которые привели к победе»* (ФГ 5).

Наибольшее одобрение деятельность Сталина вызывала у представителей двух старших поколений (40–55 и 55+ лет): *«Сейчас вот этих качеств, которые были у него, в нашем обществе не хватает. Никто не может навести у нас порядок»* (ФГ 7); *«Люди или, действительно, в бой с этим именем. Это не просто так. А провозжали как, когда умер? Даже в годы репрессий...народ верил в Сталина»* (ФГ 2); *«А я так считаю — он большой вклад внес. Я больше положительно отношусь»* (ФГ 8); *«Когда начались большие беспорядки в стране, мой папа говорил: «Сталина на вас нет!»* (ФГ 8); *«Говорят так: вернуть бы Сталина и порядок был бы в стране. Очень многие говорят, несмотря на жестокие годы репрессий»* (ФГ 2). Некоторые участники из старших фокус-групп делились воспоминаниями о реакции окружавших их людей на смерть Сталина: *«Я помню была маленькой, мне было пять лет, когда он умер... Я тогда не знала, кто такой Сталин, но помню, как все рыдали, когда Сталин умер»* (ФГ 8).

Другие респонденты негативно оценивают и сам культ личности, и самого Сталина: *«Я не считаю правильным и культ Сталина, и культ Ленина и, в принципе, культ какого-то политика»* (ФГ 1); *«Странно говорить о том, что Сталин выиграл войну. Потому что человек как бы не может выиграть, там было много военачальников, которые были профессионалами в этом деле и учились для того, чтобы вести войны, командовать. Как правило, за руководителем только условно последнее слово»* (ФГ 1). Многие респонденты, вне зависимости от возраста, критиковали Сталина за репрессии, жестокость: *«Мне он не нравится за его репрессивные меры»* (ФГ 5); *«Для меня, всё равно, он больше диктатор ... его режим всё таки больше угнетал людей, нанёс больше ущерба»* (ФГ 6); *«Вот мне непонятна его жестокость, очень сильная жестокость»* (ФГ 7); *«...Да были репрессии, ...и были расстрелы. Много чего было и пострадали люди»* (ФГ 7).

Встречаются и нейтральные оценки, которые демонстрируют непонимание самого явления культа личности как такового: *«Я к нему отношусь как бы нейтрально. ... Просто для меня это было очень странно, когда мне рассказала бабушка, что*

когда он умер — она плакала. То есть это насколько был человек просто... могущественный, когда из-за него плачет бабушка. Ну, тогда она была девушкой. Просто он настолько был сильной личностью, что несмотря на все что было... плохое, его все очень сильно любили. Для меня это просто не понятно» (ФГ 1); «Вообще, явление культа личности уникально. Его сложно до конца понять. Наверное, Сталина можно сравнивать со звездой. В плане отношения людей. Такое воздействие и влияние. Это насколько нужно быть человеком умным, стратегически продуманным, чтоб каждый свой шаг... ну как-то структурировать, чтобы иметь такое воздействие на массы людей. Для меня это страшный человек» (ФГ 1). Существуют некоторые возрастные особенности в восприятии личности Сталина. Старшее поколение очень эмоционально отстаивает свою позицию, опираясь на детские воспоминания о его смерти и ощущая некую сопричастность к этой эпохе. Молодежь же относится к Сталину всего лишь как к одной из значимых исторических личностей в истории страны, а потому их мнения носят более взвешенный характер.

Оценки советского периода в разрезе поколений получились неоднородными. Многие представители младшего поколения искренне недоумевали, почему их старшие родственники и знакомые ностальгируют по образу жизни советских людей: «Я просто не могу даже на мгновение представить, чтобы я так жила. ... Моя мама мне рассказывает, что они покупали какие-то бананы зеленые и в шкафу ждали пока они созреют... И я вот просто сижу и не понимаю... как можно бананы ждать месяц, если сейчас вот «Яндекс Еда» ко мне через пятнадцать минут придет и не нужно ждать, что что-то там созревает ... Это вообще другой мир для меня, ну просто, я вот не могу представить его» (ФГ 1); «В плане атрибутики — это, кстати, прикольно ...весь вот этот набор вещей, который напоминает об СССР. Да, это интересно посмотреть. Это как-то атмосферно, уютно, какая-то ностальгия просыпается. Ну, не у меня — у родственников. ...Мое мнение — СССР это что-то действительно странное. Это дефицит, это культы, это кризисы, недостатки чего-то, но люди, зато ходят какие-то счастливые. ... Это явление какое-то просто непонятное. Ну что может быть там хорошего?» (ФГ 1); «Я не знаю, как к этому относиться. Не знаю. Реально, это был какой-то странный, непонятный для меня мир» (ФГ 1); «Я бы его (советский период — авт.) так охарактеризовал: необязательно было устраивать революцию. Можно посмотреть на положительный опыт европейских держав, которые решили проблемы с помощью реформ» (ФГ 5).

Многие молодые люди вообще затруднялись дать оценку советскому периоду, обосновывая это тем, что они не жили в СССР и могут судить об этом периоде только по воспоминаниям родственников: «К Советскому Союзу я никак не отношусь, потому что я в нем не жила» (ФГ 5); «... Так как я там ...не жила, то могу судить только по рассказам тех, кто там жил» (ФГ 5); «Нужно, наверное, там жить, чтобы это понять, чтобы это прочувствовать» (ФГ 1).

По мере увеличения возраста респондентов, возрастало и количество положительных оценок советского времени. Эмоциональнее становились и дискуссии: «Великая страна была. Один народ, многонациональный. ...Всё-таки люди как-то жили лучше» (ФГ 6); «Я думаю, что мы больше потеряли, чем обрели» (ФГ 6); «Это прекрасный период был, когда люди любили свою страну» (ФГ 7); «Я, например, оцениваю только положительно. Это период расцвета» (ФГ 2). Такая же возрастная

тенденция прослеживалась и в оценках распада СССР — самые молодые участники опроса положительно или нейтрально воспринимают факт распада Советского Союза: «Нужны были перемены стране»; «... Что произошло, то произошло. Я это принимаю и к Советскому Союзу отношусь таким образом»; «Все-таки жизнь не стоит на месте и к распаду Советского Союза я отношусь тоже положительно»; «Это перемены, а перемены нам нужны» (ФГ 5).

Несмотря на разные оценки, представители всех возрастов сошлись во мнении, что в качестве достижений советского периода можно отметить отсутствие безработицы, стабильность цен, уверенность в будущем, социальные гарантии, качественное образование и медицину: «Нравятся социальные гарантии. То, что люди могли получить жилье. Высшее образование было более стоящее» (ФГ 5); «Это было очень счастливое, спокойное время. Каждый знал, что он получит квартиру, что у него будет работа» (ФГ 7); «...Когда мы закончили обучение, у нас было будущее. Тогда шло распределение. Всех посылали работать, и мы знали, что когда приедем, нас уже будут ждать» (ФГ 2). Своеобразный «итог» дискуссии подвела двадцатилетняя девушка, отметив настроение людей того времени: «А я думаю, что это был прекрасный период ... Ну вот даже какие-то элементы культовые и дефицит говорят нам о том, что люди умели радоваться простым вещам. А сейчас этого нет» (ФГ 1).

Таким образом, для разных поколений характерны как общие, так и особенные представления об историческом прошлом России. Например, при обозначении ключевых событий и выделении наиболее значимых личностей, представители разных поколений, зачастую, упоминали одни и те же эпохи и имена. Однако при обсуждении вопросов, связанных с отдельными периодами нашей истории, были отмечены некоторые расхождения во мнениях среди представителей разных поколений. Так, подчеркивая значение Победы в Великой Отечественной войне, оценивая культ личности Сталина, высказывая свое отношение к существованию и распаду СССР, представители старших возрастов (40–54 лет и 55 лет и старше) проявляли больше эмоций, приводили больше аргументов из своей жизни и жизни знакомых людей, а также связывали события из своей биографии с определенными историческими этапами. Представители младших поколений (18–25 лет и 26–39 лет) выражали меньше эмоций, в своих оценках зачастую опирались на сведения, о которых узнали из рассказов старших родственников, и давали оценки историческим событиям не с позиции своего жизненного опыта или истории своей семьи, а в соответствии с известными фактами, относящимися к определенному периоду.

Восприятие советского и постсоветского периодов истории Калининградской области

Калининградская область является специфичным регионом Российской Федерации. По окончании войны с нацистской Германией, в результате международных договоренностей, часть территории Восточной Пруссии была передана СССР. В 1946 г. здесь была образована Калининградская область. Это были ключевые моменты, положившие начало совершенно новому периоду в истории региона. Именно поэтому участникам фокус-групп были предложены вопросы, связанные с советским и постсоветским прошлым Калининградской области.

Следует отметить, что уровень знаний респондентов всех поколений по региональной истории оказался ниже, чем по истории страны. Если говорить о молодых поколениях, то это может быть связано с тем, что в образовательных учреждениях больше внимания уделяется общероссийской, а не региональной истории: «Нам в школе немного рассказывали, но очень поверхностно» (ФГ 1); «Я помню очень поверхностно» (ФГ 1); «Потому что обычно это скучновато рассказывается и преподносится» (ФГ 4). Невысокий уровень знаний местной истории старшими поколениями объясняется тем, что многие респонденты родились и выросли не на территории Калининградской области: «Приехала сюда в начале 1978 года. ... Я очень мало знаю в этой области, очень мало. Я только начинаю переворачивать эти страницы» (ФГ 2); «Я приехала из Республики Узбекистан в 1994 году» (ФГ 2); «Я проживала в Ярославской области» (ФГ 2); «Свердловская область, город Обнинск» (ФГ 8); «я из Литвы» (ФГ 8); «Город Бишкек» (ФГ 8).

Тем не менее, когда речь заходит о советской истории региона, респонденты прежде всего обращаются к событиям Великой Отечественной войны. В частности, упоминаются события Восточно-Прусской операции и штурм Кёнигсберга, боевые действия за форты и диверсионно-разведывательные действия группы «Джек». Называются и имена известных военачальников, которые воевали на территории региона: А. М. Василевского, И. Д. Черняховского, К. Н. Галицкого, С. И. Гусева. Память о войне у многих ассоциируется с Мемориальным комплексом 1200 гвардейцам в г. Калининграде.

Советский период истории области респонденты, как правило, критиковали за невнимание к довоенному немецкому культурному наследию: «У меня нейтральная оценка, но может быть чуть-чуть с отрицательным налётом..., потому что для меня как-то таким флэжком является история с руинами замка, которые могли восстановить или могли сохранить. Но лидеры советской власти решили что его нужно уничтожить» (ФГ 4); «Скорее негативно, так как была германофобия после победы во Второй мировой войне» (ФГ 5). При этом, респонденты разных поколений озвучили и основные причины борьбы с немецким прошлым края: «Люди просто пытались избавиться от того, что, во-первых, чуждо, а во-вторых, они против этого сражались» (ФГ 7); «Можно проследить, как люди пытались восстановить. Но, в связи с разными ситуациями, например, из-за идеологии или что это трофейная земля. Поэтому было ощущение временности пребывания ... люди не знали останутся здесь или нет» (ФГ 4). В то же время участники фокус-групп отметили и вклад советских людей в восстановление региона: «Я думаю, что нужно отдать должное тем людям, которые это восстанавливали. Представляете насколько они духовном были...ну, я просто даже не могу это словами описать» (ФГ 7). «Многое, что здесь построено — построено руками многих тысяч людей, которые ходили на субботники бесконечные, за трудовни. И это большой вклад в восстановление города, который был разрушен на 70%. Это достойно уважения» (ФГ 4).

Практически все участники дискуссий считали правильным переименование г. Кёнигсберга в г. Калининград в 1946 г.: «Чисто с идеологической точки зрения это было необходимо. Людям было попросту тяжело проживать на территории с немецким названием» (ФГ 5); «Это логично. Странно, если бы остался Кёнигсбергом» (ФГ 6); «Мне кажется абсолютно понятно почему город переименовали, это совершенно логично» (ФГ 4); «Мы живём в России, это уже наша территория»

(ФГ 8). В то же время, не все респонденты были согласны с тем, что город и область были названы в честь М. И. Калинина. Многие выражали мнение, что нейтральное географическое название было бы лучше: «Было же несколько вариантов переименования. Там самый оптимальный был бы скорее Балтийск. ... Потому что это нейтральное географическое название, оно было бы более логичным в этом смысле» (ФГ 4); «Мне бы лично хотелось чтобы это был Балтийск ... очень логично и красиво звучит» (ФГ 4).

Одним из архитектурных сооружений г. Калининграда, существование которого вызывает острые споры жителей региона, является Дом Советов. Строительство этого здания началось в 1970 г., но так и не было завершено. В постсоветский период мнения горожан относительно судьбы Дома Советов разделились. Одни считают, что данный объект архитектуры необходимо сохранить, другие выступают за его снос (Снести 2020; Власти 2020). Среди участников фокус-групп разных поколений также зафиксированы диаметрально противоположные точки зрения. Так, часть респондентов выступают за сохранение здания, воспринимая Дом Советов как своего рода памятник советской истории: «В настоящее время Дом Советов стал своеобразным символом Калининграда. Также это памятник какой-то ретро-футуристической советской архитектуре. То есть это очень интересное здание. Само собой, оно в аварийном состоянии. Но так просто его снести, убрать его — это как-то неправильно. Потому что все-таки я очень часто видел, как люди гуляют, фотографируются рядом с этим зданием. Сходить, посмотреть на него — это многого стоит» (ФГ 5); «Дом Советов уже очень долго, десятилетиями там стоит ... сложно представить что-то другое на его месте ... Однозначно — пусть оставляют Дом Советов» (ФГ 6); «Знаете, я живу в том районе. Как раз у меня из окна с одной стороны — собор, а с другой — Дом Советов. ... Я к нему долго привыкала..., но мне бы тоже было жалко, если бы его снесли и воплотили в жизни тот проект, который сейчас якобы утверждён» (ФГ 3); «Почему всем мешают Дом Советов?» (ФГ 1). Другие являются сторонниками сноса. Интересно отметить, что больше всего приверженцев сноса Дома Советов зафиксировано среди жители области старше 55 лет: «Я за снос, потому что это просто яркий пример бесхозяйственности. Я не могу к этому спокойно относиться как гражданин, как горожанин... Построить такой объект огромный ... и ни дня не использовать. Это вообще что такое?.. Пример бесхозяйственности. Почему он там? Я против» (ФГ 2); «Я же говорю: как бельмо на глазу. Стоит здание и все. Никакой истории, ничего. Недострой какой-то» (ФГ 8). Таким образом, мнения участников фокус-групп олицетворяют в миниатюре две противоположные точки зрения калининградской общественности об одном из значимых архитектурных объектов региона. При этом представители старшего поколения (55+), которые в большинстве случаев положительно оценивают советский период и являются сторонниками консервативных идей, выступают против сохранения Дома Советов, ассоциируя его с крахом социалистического строя.

Будущее региона респонденты связывают с развитием разных сфер: «Я считаю, что нужно развивать туризм. ... Раз люди пока что сюда едут, надо на этом зарабатывать» (ФГ 4); «Нужно восстанавливать то, что у нас было потеряно: сельское хозяйство и рыбную промышленность» (ФГ 3); «... Образовательную сферу нужно развивать. Чтобы к нам ехали учиться. Чтобы в том числе иметь возможность

здесь контактировать, например, со студентами из иностранных каких-то учебных заведений. Калининградская область должна использовать своё уникальное место» (ФГ 4). Самые молодые респонденты высказались за необходимость развивать не только Калининград, но и другие населенные пункты региона: «Я за то, чтобы развивать города в области, а не только Калининград. Потому что Калининград — хороший город, с инфраструктурой, работой. А именно в маленьких городах — там все просто чахнет» (ФГ 5); «Очень печально смотреть. ... Допустим, я вынужден уехать из своего родного города Советска, потому что мне там негде учиться и негде работать» (ФГ 5).

Таким образом, оценивая советский период истории Калининградской области, различные поколения выражали схожие мнения. Представители всех возрастов критиковали советскую власть за разрушение довоенного немецкого культурного наследия, но положительно относились к переименованию г. Кёнигсберга в г. Калининград и высоко оценили результаты деятельности первых переселенцев. При анализе постсоветского периода респонденты старших поколений высказывали больше критических замечаний и проводили сравнения с советской эпохой. Молодые респонденты рассматривали постсоветское время как один из этапов истории региона, который тесно связан с современностью. Будущее Калининградской области респонденты старших возрастов связывали, в основном, с развитием туризма, сельского хозяйства, рыбной промышленности. Молодежь обращала внимание на проблемные моменты в сфере образования, здравоохранения, трудоустройства по специальности. Кроме того, молодых людей в большей степени волновали вопросы развития муниципальных образований, а не только областного центра.

Отношение к немецкому культурно-историческому наследию

Визуальным воплощением немецкого периода истории Калининградской области являются объекты архитектуры различного назначения — жилые дома, административные сооружения, кирхи, бастиионы, форты и т. д. Беседы в фокус-группах выявили не только положительное отношение и интерес респондентов к немецкому культурному наследию, но также продемонстрировали стремление людей сохранить или восстановить его. Причем такой точки зрения придерживаются участники всех возрастных категорий: «Почему бы и нет? ... если посмотреть на то, какое количество денег это приносит со стороны туризма» (ФГ 5); «Да, за сохранение, но не до такого фанатического, когда каждый камень нужно сохранять. По возможности...» (ФГ 6); «Я считаю мы должны это сохранять. Хоть не наше, но нужно сохранять. ... Просто поддерживать» (ФГ 1).

Одним из самых знаменитых архитектурных сооружений города немецкого периода являлся Королевский замок. Это был интересный комплекс, который на протяжении веков многократно перестраивался, а потому объединял в себе различные архитектурные стили. Замок серьезно пострадал во время ковровой бомбардировки британской авиации в августе 1944 г. и при штурме Кенигсберга в апреле 1945 г. (Фостова 2015; Кулаков 2008). Его руины были снесены в 1968 г., несмотря на многочисленные протесты общественности (Клемешева 2000). В последние годы активно обсуждается вопрос о возможности восстановления замка (В Калининграде 2015; Понравившийся 2020). Этой же теме была посвящена и часть дискуссии

в фокус-группах. Мнения респондентов разделились. Одни считают, что строение необходимо восстановить: «Я отношусь очень положительно ... Все замки средневековья — это такая популярная и даже заезженная тема, но она точно привлекла бы больше людей в область» (ФГ 5); «Почему бы и нет? Одно дело в руинах быть, другое — восторгаться красотой и окунуться в эту атмосферу» (ФГ 7). Другие выступили против восстановления: «Не тратьте деньги» (ФГ 1); «Там кафе или что-то такое хотели сделать. Или тематический музейный магазин ... Но это уже будет не Королевский замок, а что-то заново построенное» (ФГ 4); «Вновь строить — нет. Это будет новодел» (ФГ 2). По большому счету, поколенческие различия по поводу реконструкции Королевского замка являются довольно слабыми. В данном случае ключевую роль играет эстетико-прагматическое, а не эмоциональное восприятие исторического прошлого.

На современном этапе большое внимание уделяется не только благоустройству городов, но и их декорированию, а также стилизации зданий и улиц под определенную эпоху. В Калининграде и области поддерживается такой подход, хотя отношение жителей региона нельзя назвать однозначным. Так, большинство респондентов положительно относятся к стилизации советской и современной застройки под довоенную немецкую архитектуру: «Резко положительно. ... Лицезреть сочетание унылых панельных зданий и какой-то исторической застройки — это пусть и своеобразно, но интересно. Возможно, это даже как-то извращенно-красиво» (ФГ 5); «Положительно. А что — нормальная тема. ... что-то в этом есть. ... Тем более такое убожество, какое там стояло. ... Объективно — теперь здорово» (ФГ 6); «Для того, чтобы сохранить некую такую гармонию в архитектурном стиле — вполне нормально и хорошо» (ФГ 2). Как ни странно, но среди представителей младших поколений встречались противоположные мнения: «Мне, кажется, мы не умеем реставрировать правильно. Получается всегда какая-то каша» (ФГ 1); «... я отношусь к подобным реинкарнациям негативно ... потому что мне кажется, что это сделано очень плохо. А с пластиковыми окнами — очень дисгармонично. И ты ощущаешь себя не в реальном городе, а в какой-то киношной декорации» (ФГ 4).

На вопрос «Какому из периодов истории области (немецкому, советскому, современному) нужно уделять большее внимание в образовательных учреждениях?» значительное количество респондентов отмечали, что все периоды истории региона необходимо изучать в равной степени: «Я считаю, что каждый этап важен, его нужно изучать» (ФГ 5); «На мой взгляд, не должно быть прям акцента. ... это история, ее просто нужно изложить, как она была» (ФГ 4); «... Это как спрашивать у ребенка: ты любишь маму или папу? ... Я всех люблю, это все мое» (ФГ 3). При этом респонденты посетовали на недостаточное внимание к истории региона в образовательных учреждениях: «Я согласна насчет того, что «История западного региона» в нашей школе преподавалась, грубо говоря, от балды» (ФГ 5); «... Историю не преподают или очень мало часов преподают. ... Ну, были экскурсии для школьников привозили, показывали, рассказывали» (ФГ 3). Как видно, респонденты продемонстрировали заинтересованность в изучении как истории региона в целом, так и ее отдельных аспектов. Причем, самые молодые участники фокус-групп отметили рост интереса к историческому прошлому с возрастом: «У нас в школе был предмет «История родного края». ... Я ничего не читала. Потом нас возили на всякие экскурсии... и я спала в этот момент. Потому что на тот момент это

было мне настолько не актуально. А вот сейчас — наоборот. Я читаю Википедию, какую-то информацию и не замечаю как время проходит. Видимо, вот мой мозг в детстве был не готов к этому» (ФГ 1); «..В целом школьная программа предусматривает курс «История Западной России». Но, исходя исключительно из своего опыта... мне было все равно как-то очень тяжело привязать это к месту, где я проживаю. То есть для меня это почему-то было как-то очень абстрактно, прям как-то очень в общем. Банальный пример — в университете на первом курсе я готовил доклад про свой город (Советск). И я просто удивился тому, насколько много достопримечательностей, архитектуры опять же, памятных каких-то знаков. И про это, если и было упомянуто, то как-то очень вскользь и у меня в памяти вообще не отложилось» (ФГ 5).

Таким образом, культурно-историческое наследие немецкого периода жители Калининградской области воспринимают позитивно и осознают его ценность. Представители всех поколений отмечают значимость всех сохранившихся памятников и выступают за их сохранение. Если выделить особенности поколенческого отношения, то люди старших поколений проводят четкую грань между немецким периодом, советским временем и постсоветскими годами. Исключения составляют лишь те эпизоды немецкого прошлого региона, которые связаны с историей России (визиты Петра Первого, Семилетняя война, Тильзитский мир, Гумбиненское сражение и т. д.). Молодые люди, в большинстве случаев, воспринимают немецкий период как определенный этап в истории региона и с возрастом ощущают некую сопричастность и к этой эпохе.

Заключение

Подводя итоги, необходимо отметить общее и особенное в восприятии исторического прошлого представителями разных поколений, проживающих на территории Калининградской области. Единым для респондентов всех возрастов является интерес к широкоизвестным событиям и масштабным историческим личностям. Причем, независимо от уровня знаний по истории. Различия между поколениями прослеживаются при обсуждении значимости тех или иных исторических событий, в ходе анализа респондентами роли выдающихся деятелей истории, а также при выражении своего отношения к конкретным историческим явлениям. При этом представители старших поколений (40–54 года и 55+ лет) отстаивали свою позицию более эмоционально, зачастую опираясь на собственный жизненный опыт. Представители младших поколений (18–25 лет и 26–39 лет) обращали внимание на глубинные процессы, старались выявить причины исторических событий, но при этом придерживались общеизвестных фактов и при оценке проявляли меньше эмоций. В целом, представители разных поколений продемонстрировали целый спектр мнений по важнейшим вопросам отечественной и региональной истории. Однако поколенческие особенности выражались в акцентах, которые делали респонденты разных возрастов, исходя из тех общественно-политических реалий, в которых они воспитывались.

Источники и материалы

- Великая 2021 — Великая Отечественная война в семейной памяти. ВЦИОМ. 2021. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/velikaja-otechestvennaja-voina-v-semeinoi-pamjati> (дата обращения: 22.11.21).
- Власти 2020 — Власти хотят демонтировать знаменитый Дом советов в Калининграде. Это один из самых узнаваемых символов советского модернизма. Здание строили несколько десятилетий — и ему не хватило года, чтобы открыться. Медуза. 2020. <https://meduza.io/feature/2020/12/05/vlasti-hotyat-demontirovat-znamenityy-dom-sovetov-v-kaliningrade-eto-odin-iz-samyh-uznavaemyh-simvolov-sovetskogo-modernizma> (дата обращения: 21.12.21).
- В Калининграде 2015 — В Калининграде спорят о восстановлении прусского замка. Русская служба Би-би-си. 2015. https://www.bbc.com/russian/russia/2015/09/150929_kaliningrad_castle (дата обращения: 23.11.21).
- ГАКО — Государственный архив Калининградской области. Ф.Р-1191 (Коллекция документов первых жителей Калининградской области с 1945 по 1952 годы).
- Годовщина 2020 — Годовщина революции. Октябрьская революция в жизни страны и российских семей. ФОМ. 2020. <https://fom.ru/Proshloe/14489> (дата обращения: 22.11.21).
- Историческая 2020 — Историческая память. Левада-Центр. 2020. <https://www.levada.ru/2020/06/22/istoricheskaya-pamyat/> (дата обращения: 22.11.21).
- Понравившийся 2020 — Понравившийся Путину: как пытались восстановить Королевский замок в Калининграде. Клопс. 2020. <https://klops.ru/articles/2020-11-12/223308-ponravivshiy-sya-putinu-kak-pytalis-vosstanovit-korolevskiy-zamok-v-kaliningrade> (дата обращения: 23.11.21).
- Снести 2020 — Снести нельзя оставить. Мнения о судьбе Дома Советов в Калининград. РБК. 2020. <https://kaliningrad.rbc.ru/kaliningrad/15/11/2020/5fb0ff0c9a7947eb9ba82e65> (дата обращения: 21.12.21).
- ФГ 1 — фокус-группа 1 (18–25 лет, жители г. Калининграда, 22.09.2021, стенограмма).
- ФГ 2 — фокус-группа 2 (55 лет и старше, жители г. Калининграда, 23.09.2021, стенограмма).
- ФГ 3 — фокус-группа 3 (40–54 лет, жители г. Калининграда, 25.09.2021, стенограмма).
- ФГ 4 — фокус-группа 4 (26–39 лет, жители г. Калининграда, 25.09.2021, стенограмма).
- ФГ 5 — фокус-группа 5 (18–25 лет, жители г. Советска, г. Гусева, г. Черняховска, 25.09.2021, стенограмма).
- ФГ 6 — фокус-группа 6 (26–39 лет, жители г. Советска, 28.09.2021, стенограмма).
- ФГ 7 — фокус-группа 7 (40–54 лет, жители г. Черняховска, 30.09.2021, стенограмма).
- ФГ 8 — фокус-группа 8 (55 и более лет, жители г. Черняховска, 02.10.2021, стенограмма).

Научная литература

- Буганов А. В. Русские начала XXI в. Историческая память и этнокультурная идентичность // Историческая память и российская идентичность / под ред. В. А. Тишкова, Е. А. Пивневой. М.: РАН, 2018. С. 52–69.
- Вершилов С. А. Историческая память о войне: особенности и проблемы сохранения // Военно-исторический журнал, 2021. № 5. С. 35–38.
- Гареев М. А., Кретинин Г. В. Познание Победы // Калининградские архивы: материалы и исследования / отв. ред. В. Н. Маслов. Калининград: БФУ им. И. Канта, 2019. Вып. 16. С. 163–177.
- Горшков М. К. Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики). М.: Новый хронограф, 2016. 416 с.
- Дементьев И. О. Идентичность и коллективная память калининградцев в зеркале современных польских исследований // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки, 2019. № 2. С. 104–112.

- Дементьев И. О. Эйдткунен как русское место памяти // Калининградские архивы: материалы и исследования / отв. ред. В. Н. Маслов. Калининград: БФУ им. И. Канта, 2019. Вып. 16. С. 188–200.
- Долгов А. Ю., Мелешкина Е. Ю., Толпыгина О. А. От ностальгии к осмыслению настоящего: СССР в представлениях разных поколений // Политическая наука, 2021. № 1. С. 245–273.
- Ефременко Д. В., Миллер А. И. (под ред.). Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Актеры, институты, нарративы. Санкт-Петербург: Автономная некоммерческая образовательная организация высшего образования Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2020. 632 с.
- Клемешева М. А. О судьбе Королевского замка (Из документов облгосархива) // Калининградские архивы: материалы и исследования / Калининград: Янтарный сказ, 2000. Вып. 2. С. 179–191.
- Костяшов Ю. В. (под ред.). Восточная Пруссия глазами советских переселенцев. Первые годы Калининградской области в воспоминаниях и документах. Калининград: Калининградская книга, 2018. 364 с.
- Костяшов Ю. В. Советские воинские монументы в Калининграде и эволюция исторической памяти (середина XX-начало XXI в.) // Наследие веков, 2020. № 3 (23). С. 62–72.
- Кравченко А. В. «А потом забылось»: предпосылки забвения локальных событий гражданской войны в с. Красново // Шаги/Steps, 2021. Т. 7. № 1. С. 99–116.
- Кретинин Г. В. Об истоках формирования исторической памяти жителей Калининградской области (1945–1960) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки, 2015. № 12. С. 61–66.
- Кретинин Г. В. Проблема формирования и сохранения исторической памяти о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. в Калининградской области России // Путь к Великой Победе: история и современность / под ред. Е. М. Малышева. Майкоп: Адыгейский государственный университет, 2020. С. 259–263.
- Кулаков В. И. История замка Кёнигсберг. Калининград: Живем, 2008. 126 с.
- Мазалова Н. Е. Выборжане: историческая память и идентичность // Историческая память и российская идентичность / под ред. В. А. Тишкова, Е. А. Пивневой. М.: РАН, 2018. С. 397–407.
- Маслов В. Н. Советская академическая наука и формирование исторической памяти при переименовании населенных пунктов Калининградской области // Историческая экспертиза, 2016. № 3. С. 100–107.
- Маслов В. Н. Экскурсионная деятельность и формирование исторической памяти калининградцев в 1964–1975 годах // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки, 2017. № 4. С. 77–84.
- Подлесная М. А., Соловьёва Г. В., Ильина И. В. Историческая память: школьники и студенты об истории России // Вестник Института социологии, 2021. Т. 12. № 2. С. 55–82.
- Полутин С. В., Булавин А. В., Зубов О. Е., Нагаева Т. В. События прошлого в исторической памяти молодежи национальных регионов Приволжского федерального округа // Региология, 2021. Т. 29. № 1 (114). С. 191–215.
- Радаев В. В. Миллениалы. Как меняется российское общество. М.: «Высшая Школа Экономики (ВШЭ)», 2019. 224 с.
- Ретина Л. П. Историческая память и национальная идентичность: подходы и методы исследования // Диалог со временем, 2016. № 54. С. 9–15.
- Савин И. С. Историческая память и российская идентичность: особенности восприятия молодежью на Северном Кавказе // Историческая память и российская идентичность на Северном Кавказе / под ред. А. К. Аликберова. М: Индивидуальный предприниматель А. В. Воробьев, 2017. С. 37–70.

- Савоскул С. С. Историческое сознание и российская, русская и локальная идентичности // Историческая память и российская идентичность / под ред. В. А. Тишкова, Е. А. Пивневой. М.: РАН, 2018. С. 342–363.
- Тетуев А. И. Историческая память о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Нальчик, 2021. 372 с.
- Тощенко Ж. Т. Историческое сознание и историческая память: анализ современного состояния. Новая и новейшая история, 2000. № 4. Доступ: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/JOURNAL/NEWHIST/HIMEM.HTM> (дата обращения: 23.11.2021).
- Тощенко Ж. Т. Что происходит с исторической памятью о Великой Отечественной войне? // Социологические исследования, 2020. Т. 46. № 5. С. 18–22.
- Фадеев П. В. Историческая память россиян в социологических опросах: основания, реальность, проблемы // Вестник Института социологии, 2021. Т. 12. № 2. С. 36–54.
- Фостова С. А. Дискуссия о судьбе кёнигсбергского замка и его разрушении в 1950–1960-е годы (из фондов государственного архива Калининградской области) // Калининградские архивы: материалы и исследования / отв. ред. В. Н. Маслов. Калининград: БФУ им. И. Канта, 2015. Вып. 12. С. 179–204.
- Шнирельман В. А. Социальная память: вопросы теории // Историческая память и российская идентичность / под ред. В. А. Тишкова, Е. А. Пивневой. М.: РАН, 2018. С. 12–34.

References

- Buganov, A.V. 2018. Russkie nachala XXI v. Istoricheskaia pamiat' i etnokul'turnaia identichnost' [Russians at the beginning of the XXI century]. In *Istoricheskaia pamiat' i rossiiskaia identichnost'* [Historical Memory and Russian Identity], edited by V. A. Tishkov and E. A. Pivneva, 52–69. Moscow: RAN.
- Dement'ev, I.O. 2019. Eidtkunen kak russkoe mesto pamiati [Eidtkunen as a Russian place of memory]. In *Kaliningradskie arkhivy: materialy i issledovaniia* [Kaliningrad Archives: Materials and Research], edited by V. N. Maslov 16: 188–200. Kaliningrad: Baltijskij Federal'nij Universitet imeni I. Kanta.
- Dement'ev, I.O. 2019. Identichnost' i kollektivnaia pamiat' kaliningradtsev v zerkale sovremennykh pol'skikh issledovaniia [The identity and collective memory of kaliningraders in recent polish studies]. *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seria: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki* 2: 104–112.
- Dolgov, A. Yu., E. Iu. Meleshkina, and O. A. Tolpygina. 2021. Ot nostalgii k osmysleniiu nastoiashchego: SSSR v predstavleniakh raznykh pokolenii [From nostalgia to understanding the present: perception of the ussr by different generations]. *Politicheskaia nauka* 1: 245–273.
- Efremenko, D.V., and A. I. Miller, eds. 2020. *Politika pamiati v sovremennoi Rossii i stranakh Vostochnoi Evropy. Aktory, instituty, narrativy* [The politics of memory in contemporary russia and in countries of eastern europe]. Sankt-Peterburg: Avtonomnaia nekommercheskaia obrazovatel'naia organizatsiia vysshego obrazovaniia Evropeiskii universitet v Sankt-Peterburge.
- Fadeev, P.V. 2021. Istoricheskaia pamiat' rossiian v sotsiologicheskikh oprosakh: osnovaniia, real'nost', problem [The historical memory of russians in sociological surveys: foundations, reality, problems]. *Vestnik Instituta sotsiologii* 12 (2): 36–54.
- Fostova, S.A. 2015. Diskussiia o sud'be kenigsbergskogo zamka i ego razrushenii v 1950–1960-e gody (iz fondov gosudarstvennogo arkhiva Kaliningradskoi oblasti) [Discussion about the fate of the Konigsberg castle and its destruction in the 1950s-1960s (from the funds of the state archive of the Kaliningrad region)]. In *Kaliningradskie arkhivy: materialy i issledovaniia Kaliningrad Archives: Materials and Research*, edited by V. N. Maslov 12, 179–204. Kaliningrad: Baltijskij Federal'nij Universitet imeni I. Kanta.

- Gareev, M.A., and G. V. Kretinin. 2019. Poznanie Pobedy [The knowledge of victory]. In *Kaliningradskie arkhivy: materialy i issledovaniia* [Kaliningradskie arkhivy: materialy i issledovaniia Kaliningrad Archives: Materials and Research], edited by V. N. Maslov 16, 163–177. Kaliningrad: BFU im. I. Kanta.
- Gorshkov, M.K. 2016. *Rossiiskoe obshchestvo kak ono est' (opyt sotsiologicheskoi diagnostiki)* [Russian society as it is (experience of sociological diagnosis)]. Moscow: Novyi khronograf.
- Klemesheva, M.A. 2000. O sud'be Korolevskogo zamka (Iz dokumentov oblgosarkhiva) [On the fate of the Royal Castle (From the documents of the regional state archive)]. In *Kaliningradskie arkhivy: materialy i issledovaniia* [Kaliningradskie arkhivy: materialy i issledovaniia Kaliningrad Archives: Materials and Research], edited by V. N. Maslov 2, 179–191. Kaliningrad: Baltijskij Federal'nij Universitet imeni I. Kanta.
- Kostiashov, Yu.V., ed. 2018. *Vostochnaia Prussia glazami sovetskikh pereselentsev. Pervye gody Kaliningradskoi oblasti v vospominaniakh i dokumentakh* [East Prussia through the eyes of Soviet immigrants. The first years of the Kaliningrad region in memoirs and documents]. Kaliningrad: Kaliningradskaya kniga.
- Kostiashov, Yu.V. 2021. Sovetskie voinskie monumenty v Kaliningrade i evoliutsiia istoricheskoi pamiaty (seredina XX-nachalo XXI v.) [Soviet military monuments in Kaliningrad and the evolution of historical memory (mid XX-early XXI centuries)]. *Nasledie vekov* 23 (3): 62–72.
- Kravchenko, A.V. 2021. «A potom zabylosia»: predposylki zabvenii lokal'nykh sobytii grazhdanskoi voiny v s. Krasnovo [«And then it was forgotten»: the prerequisites for oblivion of civil war local events in krasnovo village]. *Shagi/Steps* 7 (1): 99–116.
- Kretinin, G.V. 2015. Ob istokakh formirovaniia istoricheskoi pamiaty zhitel'ei Kaliningradskoi oblasti (1945–1960) [On the formation of historical memory in the kaliningrad region (1945–1960)]. *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki* 12: 61–66.
- Kretinin, G.V. 2020. Problema formirovaniia i sokhraneniia istoricheskoi pamiaty o Velikoi Otechestvennoi voine 1941–1945 gg. v Kaliningradskoi oblasti Rossii [The problem of formation and retention of historical memory of the Great Patriotic War of 1941–1945 in the kaliningrad region of russia]. In *Put'k Velikoi Pobede: istoriia i sovremennost'*, edited by E. M. Malysheva, 259–263. Maikop: Adygeiskii gosudarstvennyi universitet.
- Kulakov, V.I. 2008. *Istoriia zamka Kenigsberg* [History of Königsberg castle]. Kaliningrad: Zhivem.
- Maslov, V.N. 2017. Ekskursionnaia deiatel'nost' i formirovanie istoricheskoi pamiaty kaliningradtsev v 1964–1975 godakh [Tourist excursions and the formation of historical memory of kaliningraders in 1964–1975]. *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki* 4: 77–84.
- Maslov, V.N. 2016. Sovetskaia akademicheskaya nauka i formirovanie istoricheskoi pamiaty pri pereimenovanii naseleennykh punktov Kaliningradskoi oblasti [Soviet academic science and the formation of historical memory — renaming of settlements in the Kaliningrad region]. *Istoricheskaya ekspertiza* 3: 100–107.
- Mazalova, N.E. 2018. Vyborzhane: istoricheskaya pamiat' i identichnost'. In *Istoricheskaya pamiat' i rossiiskaia identichnost'* [Vyborzhane: historical memory and identity], edited by V. A. Tishkova and E. A. Pivneva, 397–407. Moscow: RAN.
- Podlesnaia, M.A., G. V. Solov'eva, and I. V. Il'ina. 2021. Istoricheskaya pamiat': shkol'niki i studenty ob istorii Rossii [Historical memory: schoolchildren and students about the history of russia]. *Vestnik Instituta sotsiologii* 12 (2): 55–82.
- Polutin, S.V., A. V. Bulavin, O. E. Zubov, and T. V. Nagaeva. 2021. Sobytiia proshlogo v istoricheskoi pamiaty molodezhi natsional'nykh regionov Privolzhskogo federal'nogo okruga [Events of the past in the historical memory of the youth in the ethnic regions of the volga federal district]. *Regionologiya* 29 (1): 191–215.

- Radaev, V.V. 2019. *Millenialy. Kak meniaetsia rossiiskoe obshchestvo* [Millennials: How the Russian Society Changes]. Moscow: Vysshaia Shkola Ekonomiki.
- Repina, L.P. 2016. Istoricheskaya pamiat' i natsional'naya identichnost': podkhody i metody issledovaniia [Historical memory and national identity: approaches and research methods]. *Dialog so vremenem* 54: 9–15.
- Savin, I.S. 2017. Istoricheskaya pamiat' i rossiiskaia identichnost': osobennosti vospriiatiia molodezh'iu na Severnom Kavkaze [Historical memory and Russian identity: peculiarities of perception by young people in the North Caucasus]. In *Istoricheskaya pamiat' i rossiiskaia identichnost' na Severnom Kavkaze* [Historical Memory and Russian Identity in the North Caucasus], edited by A. K. Alikberova, 37–70. Moscow: Individual'nyi predprinimatel' A. V. Vorob'ev.
- Savoskul, S.S. 2018. Istoricheskoe soznanie i rossiiskaia, russkaia i lokal'naya identichnosti [Historical consciousness and Russian, Russian and local identities]. In *Istoricheskaya pamiat' i rossiiskaia identichnost'* [Historical Memory and Russian Identity], edited by V. A. Tishkova and E. A. Pivnevoi, 342–363. Moscow: RAN.
- Shnirel'man, V.A. 2018. Sotsial'naya pamiat': voprosy teorii [Social memory: questions of theory]. In *Istoricheskaya pamiat' i rossiiskaia identichnost'* [Historical Memory and Russian Identity], edited by V. A. Tishkova and E. A. Pivnevoi, 12–34. Moscow: RAN.
- Tetuev, A.I. 2021. *Istoricheskaya pamiat' o Velikoi Otechestvennoi voine 1941–1945 gg.* [Historical memory of the Great Patriotic War of 1941–1945 (On the example of Kabardino-Balkaria)]. Nal'chik.
- Toshchenko, Zh.T. 2020. Chto proiskhodit s istoricheskoi pamiat'iu o Velikoi Otechestvennoi voine? [What happens to the historical memory of the Great Patriotic War?]. *Sotsiologicheskie issledovaniia* 46 (5): 18–22.
- Toshchenko, Zh.T. 2000. Istoricheskoe soznanie i istoricheskaya pamiat': analiz sovremennogo sostoiianiia [Historical consciousness and historical memory: analysis of the current state]. *Novaia i noveishaia istoriia* 4. <http://vivovoco.astronet.ru/VV/JOURNAL/NEWHIST/HIMEM.HTM>
- Vershilov, S.A. 2021. Istoricheskaya pamiat' o voine: osobennosti i problemy sokhraneniia [Historical memory of the war: features and problems of conservation]. *Voенно-istoricheskii zhurnal* 5: 35–38.

УДК 39+314

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-2/28-41

Научная статья

© Григорьева Р. А., Мартынова М.Ю.

УЧАСТИЕ БЕЛОРУСОВ В ФОРМИРОВАНИИ КАЛИНИНГРАДСКОГО СОЦИУМА

В статье показано место белорусов в формировании калининградского социума и калининградской территориальной общности, основанной на тесных социальных связях, местной культуре и обладающей целым рядом особенностей региональной идентичности. Дается демографический портрет калининградских белорусов в динамике, с момента образования Калининградской области до наших дней. Делается вывод, что в молодежной среде происходит постепенное изменение самосознания, имеющие белорусские корни юноши и девушки вовлекаются в формирование калининградского социума на основе русского языка и элементов локальной культуры. В то же время, в Калининградской области отмечаются два разнонаправленных процесса. Наряду с интеграцией разных групп населения и происходящего на протяжении десятилетий процесса формирования общих элементов культуры, региональной идентичности, имеют место процессы объединения жителей по этническому признаку и усиливается их интерес к традиционной культуре, истории семьи и своего народа. В связи с общей активизацией этнокультурной жизни в стране в Калининградской области заметна мобилизация этнической составляющей, в том числе и среди белорусов. Исследование базируется на результатах опросов школьников старших классов, данных статистики, архивных материалах и других источниках.

Ключевые слова: Калининградская область, белорусы, демографический портрет, идентичность, региональная история

Ссылка при цитировании: Григорьева Р. А., Мартынова М. Ю. Участие белорусов в формировании калининградского социума // Вестник антропологии, 2022. № 2. С. 28–41.

Григорьева Регина Антоновна — к. и. н., ведущий научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН (119991, Москва, Ленинский просп., 32А). Эл. почта: grigorieva_r@mail.ru
Мартынова Марина Юрьевна — д. и. н., профессор, Заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник — зав. Центром европейских исследований, Институт этнологии и антропологии РАН (119991, Москва, Ленинский просп., 32А). Эл. почта: martynova@iea.ras.ru
ORCID: 0000-0001-7280-7450

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ и БРФФИ в рамках научного проекта № 20-59-00014/21 «Опыт лонгитюдных исследований идентичности и жизненных стратегий молодежи Калининградской и Гродненской областей»

UDC 39+314

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-2/28-41

Original Article

© Regina Grigorieva, Marina Martynova

PARTICIPATION OF BELARUSIANS IN THE FORMATION OF KALININGRAD SOCIETY

The paper shows the place of Belarusians in the formation of the Kaliningrad society and the Kaliningrad socio-territorial community, based on close social ties, regional culture, and possessing a number of features of regional identity. The authors give a demographic portrait of the Kaliningrad Belarusians in dynamics, from the time of the formation of the Kaliningrad region to the present day. The conclusion is made that there is a gradual change of self-consciousness among young people. Young men and women with Belarusian roots are involved in the formation of the Kaliningrad society based on the Russian language and elements of local culture. At the same time, two multidirectional processes are observed in the Kaliningrad region. Along with integration of different groups of population and the process of formation of common cultural elements and regional identity which has been going on for decades, there are processes of unification of residents along ethnic lines, and their interest in traditional culture, history of their families and their ancestral homelands is growing. Due to the general activation of ethnic life in the country, in the Kaliningrad region the mobilization of the ethnic component is noticeable, also among the Belarusians. The study is based on the results of surveys of high school students, statistical data and other sources.

Keywords: Kaliningrad region, Belarusians, demographic portrait, identity, regional history

For Citation: Grigorieva, R.A., Martynova, M. Yu. Participation of Belarusians in the Formation of Kaliningrad Society. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 2: 28–41.

Author Info: Grigorieva, Regina A. — Ph.D. (Hist.), Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, RF). E-mail: grigorieva_r@mail.ru

Martynova, Marina Yu. — Dr. of Hist., prof., Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, RF). E-mail: martynova@iea.ras.ru. ORCID: 0000-0001-7280-7450

Funding: The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research and Belarusian Foundation for Basic Research, project number 20-59-00014/21.

Как известно, население Калининградской области сформировалось после Второй мировой войны в результате переселения сюда жителей из других регионов страны по специальной государственной программе. С момента создания в 1946 г. Калининградской области и на протяжении всего периода ее существования в этническом составе местных жителей преобладали восточнославянские народы — рус-

ские, белорусы, украинцы. Перепись 2010 года показала, что большинство жителей Калининградской области считают себя русскими (82%), а вместе с белорусами и украинцами они составляют 88,9% населения. Белорусы по численности занимали до начала 2000 годов в структуре местного населения второе место, а к 2010 году переместились на третью позицию, незначительно, но уступив второе место украинцам. Несмотря на выраженный в 2000-е годы процесс сокращения числа белорусов в регионе (между переписями населения 2002 и 2010 гг. на 18,2 тысячи человек), демографический потенциал их на этой территории достаточно значим. По данным переписи населения 2010 г. каждый 29-й житель области идентифицировал себя с белорусским народом, однако материалы по истории заселения этой территории и анализ этнокультурных процессов в регионе позволяют утверждать, что выходцы из Белоруссии и их потомки составляют более весомый процент калининградцев.

Демографический портрет белорусов в 1946–1990 гг.

Миграционный обмен с Беларусью с разной степенью интенсивности отмечается на протяжении всех лет существования Калининградской области. Среди современных жителей белорусское происхождение имеет несколько поколений участников разных миграционных волн. Часть из них — фронтовики, поселившиеся на этой территории сразу после войны, другие переселились в результате целенаправленной и отчасти стихийной миграции населения.

Как известно, белорусы, наряду с русскими и украинцами, были в числе первых поселенцев Калининградской области с момента ее создания. Согласно архивным данным, уже в период со второй половины 1946 г. и до конца 1947 г. в сельскую местность Калининградской области переселилось более 20 тысяч семей или 97,132 тысяч человек (ГАРФ, ф. 327 оп. 2, ед. хр. 327. Л. 32), в их числе 14,5 тысяч человек или 15%, были выходцами из Белорусской ССР (НАРБ, ф. 7 оп. 3, ед. хр. 1936. Л. 47).

По подсчетам калининградского ученого Ю. В. Костяшова, в 1946–1950 годах в миграционном приросте населения области Белоруссия, вслед за Россией (ее доля — 74,6%), занимала второе место, составляя в нем 12% (Костяшов 2009: 133–134). Всего за период с 1946 по 1953 годы в Калининградскую область переселилось из Белоруссии 54,5 тысяч человек (Маслов 2008: 29–32), преимущественно из Гомельской, Витебской, Могилевской и Минской областей. Главной причиной добровольного переселения их на новое место жительства были разруха и трудное материальное положение населения в разоренной войной Белоруссии.

Среди приезжих из Белоруссии были представители разных национальностей, но большинство составляли белорусы. Так, с января по июль месяц в 1947 года в Калининградскую область из соседней республики было отправлено 12130 человек, из них 95% составляли белорусы. (НАРБ, ф. 7 оп. 3 ед. хр. 1931. Л. 49, 143). В феврале — марте 1949 года в область было отправлено 2121 человек, в их числе 58% белорусов и 35% русских (НАРБ, ф. 7 оп. 3 ед. хр. 1944. Л. 98). Доля русских была наиболее заметной среди переселенцев из Бобруйской и Витебской областей, украинцев и поляков — из Полесской области. Таким образом, переселенцы из Белоруссии участвовали в формировании не только белорусской, но и других этнических общностей — русской, украинской, польской. Надо полагать, что и они принесли в Калининградскую область элементы белорусской культуры. Наряду с этим, белорусы

были среди переселенцев из Воронежской, Калужской, Смоленской, Брянской и других областей России и они пополнили белорусскую этническую общность региона.

Таким образом, уже изначально каждая из этнических общностей не была единой по культуре и включала носителей разных локальных традиций, что в результате совместного проживания на новой территории и интеграционных процессов способствовало формированию специфической региональной культуры.

По оргнабору ехали чаще всего молодые люди, или молодые семьи. Возраст был важным критерием при отборе кандидатур для переселения. Предпочтение отдавалось семьям, имеющим не менее двух трудоспособных членов, а также лицам, демобилизованным из Красной армии и Военно-Морского Флота.

Выходцы из Белоруссии размещались главным образом в Правдинском, Гвардейском и Черняховском районах (по современному административному делению), составляя среди сельских жителей Гвардейского района 45%, Правдинского района — 58%, Черняховского района — 10% жителей (НАРБ, ф. 7, оп., 3 ед. хр. 1921. Л. 75, 162; Костяшов 2009: 137–140). Белорусы участвовали также в формировании населения других районов Калининградской области. Это подтверждается архивными материалами и данными о современном этническом составе районов. Например, семьи, прибывшие из Белоруссии в 1949 году, расселяли в Приморском, Советском, Багратионовском, Большаковском, Славском, Нестеровском районах (НАРБ, ф. 7 оп. 3, ед. хр. 1936. Л. 49).

В большинстве районов соседями белорусов чаще всего становились русские, прибывшие из разных областей России и обладавшие различными локальными особенностями культуры и традиций. В этих условиях довольно часто складывались этнически-смешанные семьи, преимущественно с русскими, формировалась местная калининградская культура с элементами традиций разных народов и разных регионов. Переселенцы принесли с собой распространенные на их старой родине особенности быта, местные говоры, песни, образ жизни, опыт хозяйственной деятельности. Здесь, на территории Калининградской области, происходил неизбежный процесс смешения культурных традиций, приводивший к упрощению и нивелировке отдельных этнокультурных черт, утрате или трансформации элементов бытовой культуры, что способствовало формированию специфической региональной культуры, имеющей, однако, множественные проявления. На формирование местных традиций большое влияние оказала и немецкая культура, с которой пришлось встретиться переселенцам, не только послевоенным, а и более поздним.

Несмотря на большие разрушения во время военных действий, на исследуемой территории сохранились многие элементы немецкой культуры, которые были неизвестны переселенцам — предметы быта, архитектура, планировка жилого помещения и обустройство жизни в населенных местах, организация сельского хозяйства и другие особенности материального быта. Некоторые из элементов местной культуры переселенцы из России и Белоруссии адаптировали и включили в свою жизнь. Например, изразцовые печи, часто переделанные переселенцами, были украшением во многих домах. Приезжие пользовались также хозяйственными предметами, оставшимися после выселения немцев в Германию: орудиями труда, кухонной и столовой посудой, мебелью.

Надо сказать, что не все первопоселенцы остались жить в Калининградской области. Для большинства из них, особенно из российской и белорусской глубинки,

открывался новый мир вещей, а вместе с этим у определенной части мигрантов первой волны, в т. ч. из Белоруссии, появлялось ощущение, что они «здесь чужие». Все это влияло на их приживаемость в новых условиях. Довольно большой процент жителей, прибывших сюда по оргнабору, возвращались обратно на родину. С 1948 по 1953 год выехало из Калининградской области 33% всех прибывших за этот период из Белоруссии. При этом, считается, что укорененность белорусских переселенцев была более высокой, по сравнению с российскими, доля выбывших среди которых составляла 52% от переселенцев этого периода (Маслов 2008: 29).

Важную роль в процессе реэмиграции сыграла сплошная паспортизация жителей, в том числе и сельских, в конце 1940-х и начале 1950-х годов. Это отличало Калининградскую область от большинства российских и белорусских сельских территорий, способствовало большей мобильности сельского населения области и независимости от действий местной администрации.

Вместе с тем, численность белорусов в Калининградской области постоянно росла. Преимущественное участие в миграционных потоках жителей из областей России и Белорусской ССР сохранялось вплоть до 1990-х годов. За тридцать лет между переписями населения 1959 и 1989 гг. численность белорусов в Калининградской области увеличилась с 57,2 тысяч до 73,9 тысяч или на 16,7 тысяч человек, как за счет миграций, так и за счет естественного прироста. Белорусы были вторыми по численности после русских, а вместе с русскими и украинцами они составляли в 1989 г. 94,2% населения. В то же время за этот период несколько снизилась доля белорусов в составе населения (от 9,4% до 8,5%) на фоне увеличения доли русских (от 77,6% до 78,5%) и украинцев (от 5,8% до 7,2%). Заметными этническими общностями стали литовцы и поляки (Всесоюзные переписи населения 1959, 1979, 1989).

Демографический портрет калининградских белорусов в 1990–2020 гг.

С 1990-х годов направление и масштабы миграций резко изменились. В миграционный обмен с Калининградской областью включились некоторые бывшие республики СССР, из которых стали активно переселяться русскоязычные жители, вынужденные покидать страны проживания из-за обострения межнациональных отношений. Часть из них были беженцами. Однако это не касалось Республики Беларусь, которая, как и Россия, принимала в числе переселенцев не только белорусов, но и русских, украинцев, представителей других народов. Существенные изменения в миграционных процессах, появление новых ее участников вызвали существенную трансформацию этнического состава населения Калининградской области. Возросла численность новых для Калининградской области этнических общностей. При явном преобладании восточнославянского населения более ощутимым стало присутствие армян, численность которых увеличилась в 5 раз (8,4 тысячи), азербайджанцев (около 3 тысячи), в 2,5 раза больше стало узбеков. Появились казахи, узбеки, чеченцы, осетины, таджики и другие народы. Всего переписью населения 2002 года в Калининградской области зафиксировано 132 национальности, тогда как в 1989 г. их было 109. Еще более пестрым в этническом плане стал состав населения области в последующие годы, но основные тренды его структуры остались прежними. Участие каждой из этнических групп, помимо русских, украинцев и белорусов, не превышало в структуре жителей 1% (всероссийская перепись 2010).

Численность русских в 2002 году по сравнению с 1989 годом (683,563 тыс. чел.) выросла на 103 тысячи человек и составила 786,885 тыс. чел., их доля стала

82,4% от всего населения или 83,14% от числа указавших свою национальность (в 1989 году — 78,47%). Согласно переписи населения 2010 г. в Калининградской области численность русских составляла 772534 чел., а доля — 82,02% от всего населения и 86,43% от числа указавших национальность (всероссийская перепись 2010). Очень активно в первое постсоветское десятилетие на эту территорию стали переселяться немцы из Казахстана, Сибири, Средней Азии. Масштабность их переселений подтверждается сравнением данных переписей 1989 и 2002 г., которые говорят о том, что численность немцев в Калининградской области за этот период увеличилась в 6 раз и составила в 2002 г. 8,3 тысяч. Часть из них впоследствии выехали на постоянное место жительства в Германию, некоторые вернулись оттуда обратно. В результате миграций в Израиль, США и Германию стало меньше евреев (в 2 раза).

За время, прошедшее между переписями населения 2002 и 2010 гг. произошло сокращение численности почти всех этнических общностей, участников первой и второй миграционных волн: русских — на 14,5 тысяч, белорусов — на 18,2 тысяч, украинцев на 14,5 тысяч, литовцев на 4,2 тысячи, поляков — на 1,1 тысяч, немцев — на 1 тысячу (Переписи населения 2002, 2010). Несмотря на некоторое сокращение численности русских между переписями населения в цифровом измерении, доля их возросла с 82% до 86%.

Что касается белорусов, их согласно переписи населения РФ, в 2010 г. в Калининградской области проживало 32,5 тысячи. Если сравнить эти цифры с данными предыдущих переписей (перепись населения РФ 1989 г. зафиксировала здесь 73,9 тыс. белорусов — максимальное количество за все годы истории области, а в 2002 г. уже на 23,2 тыс. меньше или 50,75 тыс. чел.), становится очевидным, что данные переписи 2010 г. говорят о продолжающемся сокращении числа белорусов и об усилении значимости русской составляющей в этнической структуре населения Калининградской области. Отчасти это объясняется изменением геополитической ситуации в стране и неопределенностью будущей жизни в России, в следствие чего значительная часть белорусов возвратилась в 1990-е годы в Беларусь. Вновь появившаяся страна — Республика Беларусь — оказалась привлекательной для переселенцев своей стабильностью, сохранением в значительной степени привычного для советских людей образа жизни, стереотипов поведения, отсутствием особых проблем при получении гражданства, отсутствием языковых барьеров и межнациональных конфликтов. У многих переселенцев, особенно у тех, кто переселился в Калининградскую область в 1970-е-1980-е годы, сохранились родственные и дружеские связи с Белоруссией. В реэмиграции важную роль также сыграл факт слабой укорененности части белорусских переселенцев в Калининградской области, для которых она так и осталась «чужой» территорией.

Опираясь на данные Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Калининградской области, можно утверждать, что с 1999 по 2007 год за счет миграционного обмена с Беларусью число белорусов в Калининградской области сократилось на 179 человек. Неслучайно Республика Беларусь была единственной страной, с которой Россия в конце 1990-х годов и вплоть до 2004 г. имела отрицательное сальдо миграций. С 1997 по 1999 гг. из России выехало в Беларусь на 14 тысяч человек больше, чем прибыло. В 2000 году — на 8,5 тысяч (Население РБ 2001: 206–209).

Следует, однако, отметить, что потери белорусского населения в миграционном обмене с Республикой Беларусь частично компенсировались миграционным приростом за счет приезда белорусов в Калининградскую область из других регионов России (118 человек) и Казахстана (222 человека). Вместе с тем, естественная убыль значительно превышала миграционный прирост, что привело к ощутимому сокращению численности белорусов здесь в начале 2000-х годов. По переписи населения 2002 г. численность белорусов по сравнению с 1989 г. уменьшилась на 23,1 тысячи (в 1,5 раза) и составила 50,7 тысяч человек.

Сложившееся с конца 1990-х годов отрицательное сальдо миграции с Белоруссией с 2004 года сменилось на положительное. Но оно было незначительным. В 2000-ые годы участие Беларуси в миграционном приросте стало малым. В 2005–2009 гг. миграционный прирост в области за счет Беларуси составил всего 350 человек (Костяшов 2009: 137–140).

За 10 лет с 2011 по 2020 гг. миграционный прирост за счет стран СНГ в Калининградской области составил 46,6 тысячи человек, в том числе за счет Беларуси — 1611 человек (3,5%) (Калининградская область в цифрах 2015: 29–30; Калининградская область в цифрах 2021: 24–25). Наиболее заметно оказалось участие в формировании Калининградского социума Казахстана, Киргизии, Узбекистана, Украины.

В последние пять лет показатели миграционного прироста выходцев из Беларуси были более ли менее стабильны: 2016 г. — 248 чел., 2017 г. — 236 чел., 2018 г. — 283 чел., 2019 г. — 470 чел., 2020 г. — 366 чел. При этом количество выбывших за этот период в Беларусь хоть численно и невелико, но показывает явную динамику в сторону роста. Так, в 2016 г. уехал в соседнюю страну 51 чел., в 2017 г. — 96 чел., 2018 г. — 119 чел., 2019 г. — 146 чел., 2020 г. — 230 чел. (Калининградская область в цифрах 21: 28).

Калининградская область относится к числу высоко урбанизированных территорий. Доля городских жителей здесь выше, чем в среднем по стране. В 2010 году горожане составляли около 78% всех жителей, среди которых 58% проживали в г. Калининграде (45% всех жителей области). Белорусы в этом плане не являются исключением. По данным переписи населения 2010 года 76,8% местных белорусов жили в городах. По уровню урбанизированности они, после украинцев (81%) и русских (78,6%), занимали третье место. Большая часть белорусов-горожан жили в городах: Калининград (около 15 тыс. или 46%), Балтийск (1,4 тыс.), Советск (1,1 тыс.), Светлый (1,5 тыс.), Гвардейск (1,3 тыс.), Гусев (0,8 тыс.) Черняховск (1,6 тыс.). Подчеркнем, что, несмотря на то, что первоначально переселение белорусов было направлено в основном в сельскую местность, уже в 1959 году 34% всех белорусов жили в городе Калининграде. В последующие годы прослеживалась тенденция возрастания их концентрации в областном центре. С 1959 по 1989 годы число белорусов в Калининграде стало почти на 15 тысяч больше (34,7 тысяч или 44,7% всех белорусов). По данным переписи 2010 года в Калининграде живет 46,1% белорусов (15 тыс.).

В сельской местности проживает 23,2% всех белорусов области. Расселение сельских жителей в значительной мере совпадает с географией их заселения в 1940-е-1950-е годы. Белорусы наиболее компактно живут в Багратионовском, Балтийском, Гвардейском, Гурьевском, Правдинском районах (от 1,3 тысячи в Гвардейском районе до 1,5 тысяч в Правдинском районе). Следует отметить, что небольшие группы белорусов живут практически во всех го-

родах и районах Калининградской области и играют заметную роль в осуществлении регионального развития области.

Отметим, что по уровню образования белорусы в Калининградской области занимают довольно высокую позицию, располагаясь на третьем месте после русских и украинцев. Данные переписи населения 2010 г. показали, что имеют высшее или неполное высшее образование 44,4% всех белорусов. Они играют заметную роль в социально-экономическом развитии области, занимая высокие должности в разных сферах жизни региона. Белорусы представлены в офицерском составе Балтийского флота, в администрациях городов, например, Зеленоградска, Светлого, Мамонова, Калининграда. Среди белорусов большое число предпринимателей и руководителей фирм. Калининградская область имеет очень высокий уровень сотрудничества с Республикой Беларусь. На территории Калининградской области зарегистрировано более 90 российско-белорусских предприятий и фирм.

Особенности идентичности калининградских белорусов по данным этносоциологических опросов

Значительное сокращение численности белорусов в последние десятилетия связано не только с реэмиграцией и с естественной убылью, но и трансформацией этнической идентичности у части жителей. Особенно ярко это проявилось в белорусско-русских семьях, которых здесь довольно много. С получением российского гражданства некоторые, по происхождению белорусы, стали идентифицировать себя как россияне и русские, часто ставя знак равенства между ними. Произошло некоторое замещение понятий «гражданство» и «этничность». По оценке экспертов, в это время этническая граница между русскими и белорусами практически не была четко обозначена. Основными дифференцирующими признаками между русскими и белорусами оказалось происхождение и специфический говор, который сохранялся у первого, а иногда и второго поколения переселенцев первой волны, а также у некоторых мигрантов 1980-х гг. (ПИМА). Этнокультурные параметры были во многом сходны. Очень похожа и демографическая ситуация, характеризующаяся продолжающимся процессом естественной убыли населения.

Одним из важных показателей воспроизводства этнической общности и ее стабильности является возрастная структура. Рассматривая этот параметр у белорусов Калининградской области, следует отметить, что согласно международным критериям население считается старым, если доля людей в возрасте 65 лет и старше превышает 7% от всего населения. По статистическим оценкам на начало 2020 г. 24,8% всех жителей области находились в пенсионном возрасте, что свидетельствует о старении населения и увеличении демографической нагрузки на трудоспособных жителей.

По данным переписи населения 2010 г. в Калининградской области среди всех этнических общностей именно у белорусов наиболее заметны диспропорции возрастных групп — около половины из них (48,7%) имеют возраст старше трудоспособного. Это самый высокий среди других этнических групп показатель в области. Сравним: у русских — 20%, у украинцев — 41%, у поляков — 37%, у литовцев — 30%, татар — 24%, у немцев — 15%, у армян — 13%, у азербайджанцев — 4%. Катастрофически низок процент молодых людей, обозначивших себя белорусами — 1,7%. По этому

показателю белорусам принадлежит лидерство, хотя доля молодежи низка и у украинцев (2,5%), поляков (5,2%), литовцев (5,7%) (Всероссийская перепись 2010).

Цифры свидетельствуют об очень глубоких изменениях в формировании идентичности белорусов. Это подтверждается данными проведенных нами лонгитюдных исследований в 13 городах Калининградской области среди школьников выпускных классов. В 2013 г. было опрошено 1180 чел., в 2020 г. — 845 чел. Согласно полученным результатам, белорусская идентичность воспроизводится молодым поколением очень слабо. В ходе опроса 2013 г. лишь 1 школьник из 15, выросших в однонациональных белорусских семьях и трое из 58 белорусско-русских семей ассоциировали себя с белорусским народом. При ответе на прямой вопрос назвали себя белорусом или белорусской 5,3% опрошенных. Но из их числа поставили эту идентичность на 1 место 29,0%, на 2–48,4%, на третье и ниже — 22,6% (Григорьева, Мартынова 2017). В 2020 г. из числа респондентов всего 3,7% старшеклассников ответили, что их мать по национальности белоруска, и у 4% из них белорусом являлся отец. Около 4% молодых людей отметили множественную (двойную или тройную) этническую идентичность родителей (Материалы опроса 2020. Вопрос 38). Сказали, что считают белорусскую идентичность для себя важной, 1,42% (12 из 845) респондентов (Материалы опроса 2020. Вопрос 26).

При этом, отвечая на вопрос, какой язык (языки) Вы считаете своим родным, белорусский язык в качестве первого или второго родного назвали 0,5% детей. Из них 1 человек считал родным одновременно русский и белорусский языки, а еще 1 с.азу три славянских языка — русский, украинский и белорусский (Там же. Вопрос 30). Белорусский язык в качестве языка домашнего общения отметили тоже 0,5% детей. Русский и белорусский как 2 языка домашнего общения отметили лишь 2 школьника, а три языка, среди которых есть и белорусский — еще 2. Третьим в этом случае был назван польский язык. При этом 98,1% всех респондентов, указавших язык, общаются в семьях на русском языке, другой язык (разный) является еще одним, домашним для 8,3% старшеклассников. (Там же. Вопрос 31). Чаще всего молодые люди идентифицируют себя с русским народом, но нередко и с регионом проживания, обозначая себя «калининградцем», или с гражданством — «россиянин».

Следует иметь в виду, что значительная часть белорусов по происхождению вошла в состав русского населения в результате ассимиляции и трансформации этнической идентичности. Она также была включена в формирование региональной идентичности или калининградского социума. Основными объединяющими калининградцев факторами стали русский язык, история заселения, сходные элементы культуры, прежде всего у восточнославянских народов, восприятие жителями территориальной и социокультурной уникальности региона, в котором они живут. (Большая часть (74,4%) нерусских жителей Калининградской области при переписи населения 2010 года в качестве родного языка назвала русский, и подавляющее большинство участвовавших в ней (99,4%) указало, что владеет русским языком). Все эти факторы были для разных этнических общностей интегрирующими и выделяли жителей Калининградской области среди других регионов России. Появилась и созревает региональная идентичность — «калининградец».

Многие данные свидетельствуют о процессах формирования социально-территориальной общности и ее возрастающей значимости для населения. Рассматривая современную идентичность жителей Калининградской области и белорусов

в частности, следует особо отметить, что во время переписи населения 2010 г. не захотели или не смогли идентифицировать себя с определенным народом 48 тысяч (или 5%) жителей Калининградской области. По всей вероятности, это можно объяснить особым положением региона, осознанием жителями этнокультурной отличительности области, имеющей европейскую составляющую, от других регионов России и интеграцией жителей на основе территориальной общности. Формирующаяся локальная субкультура и эксклавное положение определяют появление особой идентичности жителей, связанной часто с регионом проживания.

Проведенные исследования в значительной степени подтверждают становление социально-территориальной калининградской общности, основанной на тесных социальных связях, региональной культуре, обладающей целым рядом особенностей территориальной идентичности. Значительную роль в формировании идентичности калининградцев играет зарубежное окружение. Исследователями были зафиксированы такие идентичности как «калининградец», «россиянин», «европеец», что не было предусмотрено в переписи населения.

По оценкам экспертов в Калининградской области эта идентичность более выражена у рожденных в Калининградской области жителей, особенно молодых. Сходная тенденция наблюдается и среди белорусов. По нашим наблюдениям в их идентичности присутствует также европейский компонент. Неоднократно это было озвучено белорусами: «Мы, калининградцы, ближе к Европе, мы больше европейцы, чем в других районах России или в Беларуси». Следует отметить, что белорусы, так и другие жители области, оценивая свой образ жизни, уровень личностных контактов, развитие деловых отношений с соседями, ощущают близость с Европой. Подавляющее большинство жителей считают область особенной территорией (ПМА).

Вместе с этим для части белорусов важную роль играет и этническая идентичность, которая в большей мере выражена среди переселенцев 1990-х-2000-х годов. Признавая большое значение Республики Беларусь, как государственного образования, как важного центра белорусского народа и белорусской культуры, многие белорусы Калининградской области воспринимают себя как особую группу, имеющую специфическую историю, культуру, отличающую их не только от представителей других национальностей на своей новой родине, но и от жителей Беларуси. Сегодня белорусы Калининградской области являются гражданами России и как многие этнические общности получают поддержку и помощь со стороны областной администрации в осуществлении их специфических потребностей.

По данным на начало 2022 г. в Калининградской области действует 99 национально-культурных сообществ, из которых 78 национально-культурных автономий и сообществ зарегистрировано. Они объединяют представителей 18 народов. Белорусы имеют два крупных объединения, которые несколько отличаются друг от друга своими акцентами и позициями (НКО Калининградской области).

Региональная национально-культурная автономия «Калининградское землячество белорусов», созданное в 2001 году, имеет около 10 своих отделений в разных городах и районах области. Основной акцент в своей работе белорусское землячество делает на объединение белорусов в регионе с целью сохранения белорусской культуры и языка. Предпринимаются попытки возрождения некоторых форм обрядовой культуры. Большой упор делается на песенный фольклор. При землячестве имеются три фольклорных ансамбля, ансамбли белорусской песни и детский вокально-

инструментальный. Библиотеки через землячество получают книги по истории Беларуси и белорусского народа на русском и белорусском языках.

Ежегодно по инициативе общества проводится Областной фестиваль белорусской культуры «Белые росы», отмечается День славянской письменности и культуры. На средства землячества у главного корпуса Университета в 1998 году установлен памятник Франциску Скорине. Одну из главных улиц Калининграда украшает сквер российско-белорусской дружбы с картой Беларуси и гербами 6 областных центров (ПМА).

Национально-культурная автономия имеет прочные связи с Калининградским отделением Посольства Республики Беларусь в Российской Федерации, поддерживает существующую в Беларуси символику и отмечает основные государственные праздники, как российские, так и белорусские. Работа землячества высоко оценена в самой Беларуси. Президент Беларуси наградила медалью Франциски Скорины председателя Совета Национально-культурной автономии «Калининградское землячество белорусов» М. И. Гриба (Калининградское землячество белорусов).

Второе крупное объединение — региональная общественная организация «Белорусское культурное общество» было зарегистрировано в 1999 году, а ведет свою деятельность с 1992 г. Это общество объединяет людей, родившихся в области, второе и третье поколение переселенцев и частично мигрантов 1980-х годов. Основное направление его работы — сохранение родного языка как основы культуры. Как и у многих обществ, у белорусов есть музыкальные ансамбли, которые участвуют в разных представлениях и концертах. Однако в обществе декларируется в качестве самой важной этнической ценности и показателя белорусской этничности белорусский язык. Во время мероприятий и собраний члены общества чаще всего говорят по-белорусски, знание и изучение языка поддерживается и на специальных занятиях, часто по Интернету. По сведениям, представленным экспертами, белорусский язык используется как основное коммуникативное средство в некоторых семьях и осваивается следующим поколением (ПМА). В отличие от землячества членами этого общества используется неофициальная символика — бело-красно-белый флаг. Большое внимание общество придает также исторической памяти в своем представлении. Это общество активно взаимодействует с белорусскими творческими коллективами, организует встречи с белорусами соседних стран. Члены его постоянно сотрудничают с белорусской интеллигенцией, многие представители которой приезжают в область для чтения лекций по истории Беларуси и культуре белорусов. Председателем общества долгие годы является Игорь Ростиславович Шахович (КРОО «Белорусское культурное общество»).

Некоторые расхождения во взглядах членов этих объединений на историю Беларуси, формирование государственности и традиционные ценности, не мешают встречаться им и участвовать в одних и тех же мероприятиях. Так, например, эти два объединения активно участвовали в возведении памятника Франциску Скорине, ежегодно выступают на праздниках «День белорусской культуры» и «День славянской письменности и культуры», других мероприятиях.

Большинство белорусов, также как русских и украинцев, считают себя православными, и часть из них в настоящее время соблюдает православные праздники и обряды. Однако некоторые белорусы, даже крещенные в православии, в последние годы стали переходить в католичество. Трудно оценить масштабность этого явления, но оно заметно и охватывает некоторую часть молодых людей. На наш взгляд это

вызвано как минимум тремя причинами: во-первых, сказывается влияние соседних стран Польши и Литвы; во-вторых, в костелах, в службе и обрядах присутствует европейский компонент, и этим привлекается молодое поколение; в-третьих, католичество становится для некоторой части молодых людей опорой их идентичности, важным фактором, выделяющим белорусов среди русскоязычного населения. Большую роль в этом сыграл и личностный фактор. В одном из костелов г. Калининграда, прихожане которого — русскоязычные католики, в их числе и белорусы, священнослужитель имеет белорусское происхождение, хорошо знает белорусский язык, предполагает в дальнейшем вести службу на белорусском языке. В отличие от польского костела, расположенного также в Калининграде, здесь часто служба ведется на русском языке.

Выводы

Таким образом, в Калининградской области отмечаются два разнонаправленных процесса. С одной стороны, идет интеграция разных групп населения, формирование общих элементов культуры, региональной идентичности, с другой стороны, происходят процессы объединения жителей по этническому признаку и усиливается интерес к традиционной культуре. В связи с общей активизацией национальной жизни в стране, в Калининградской области заметна мобилизация этнической составляющей, в том числе и среди белорусов. Нередко молодые люди, рожденные и выросшие здесь, проявляют интерес к своим корням, к осмыслению происхождения своей семьи, что влияет на конструирование их идентичности.

Белорусская идентичность нередко формируется у второго и даже третьего поколений переселенцев, рожденных в Калининградской области, у которых появился большой интерес к истории своей семьи и народа. В связи с развитием этнокультурной жизни в области, происходит активизация этничности и национальности на личностном уровне, в т. ч. среди белорусов. По нашим наблюдениям некоторые молодые люди, рожденные в области и никогда не жившие в Беларуси, но имеющие родителей или одного из родителей белоруса, осознают себя в большей мере белорусами, чем их родители и даже дистанцируются от русских. «Я россиянин, но я белорус». Такие люди пытаются учить белорусский язык и осваивать по литературе национальные традиции. По переписи 2002 г. белорусский язык знали 15000 жителей Калининградской области (ПМА).

Проведенные исследования в значительной степени подтверждают становление калининградского социума или социально-территориальной Калининградской общности, основанной на тесных социальных связях, региональной культуре, обладающей целым рядом особенностей территориальной идентичности. Белорусы на протяжении всей истории этого региона были активными участниками происходивших там этнокультурных процессов. Многие элементы белорусской культуры влились в региональную субкультуру. Белорусы и контакты с Республикой Беларусь представляют важную часть жизни населения Калининградской области. Однако демографические процессы и ассимиляция белорусов ведут к сокращению числа лиц, идентифицирующих себя с белорусским народом.

Источники и материалы

- ПМА — Полевые материалы авторов, Калининградская область 2013–2022 гг.
- Всероссийская перепись 2010 — Всероссийская перепись населения 2010 года. Официальные итоги с расширенными перечнями по национальному составу населения и по регионам // Официальный сайт Всероссийской переписи населения 2010 г. [Электронный ресурс]. https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/perepis_itogi1612.htm
- Всесоюзная перепись 1989 — Всесоюзная перепись населения 1989 г. Национальный состав населения по регионам России. Калининградская область. Демоскоп. № 939–940. 5 апреля — 18 апреля 2022.
- Калининградская область в цифрах 2015 — Калининградская область в цифрах. 2015 год. Краткий статистический сборник. Калининград 2015.
- Калининградская область в цифрах 2021 — Калининградская область в цифрах. 2021: Краткий статистический сборник / Калининградстат-Калининград, 2021. 145 с.
- Калининградское землячество белорусов — Общественная организация Региональная национально-культурная автономия «Калининградское землячество белорусов» [Электронный ресурс]. <https://belros.org/regional/39/>
- КРОО «Белорусское культурное общество» — Калининградская региональная общественная организация «Белорусское культурное общество» [Электронный ресурс]. <https://cheko.ru/company/kroo-belorusskoe-kulturnoe-obshchestvo-1033918508150>
- Материалы опроса 2020 — Материалы анкетного опроса, проведенного авторами совместно с О. А. Зыкиной и М. П. Кляус в 2020 с. ед. учащих выпускных классов школ Калининградской области. Учетные листы.
- Население РБ 2001 — Население Республики Беларусь. Минск. 2001.
- ГАРФ, ф. 327 оп. 2, ед. хр. 327. Л. 32 — Государственный архив Российской Федерации, ф. 327, оп. 2, ед. хр. 327. Л. 32.
- НАРБ, ф. 7 оп. 3, ед. хр. 1936. Л. 47 — Национальный архив Республики Беларусь, ф. 7 оп. 3, ед. хр. 1936. Л. 47.
- НАРБ, ф. 7 оп. 3, ед. хр. 1931. Л. 49, 143 — Национальный архив Республики Беларусь, ф. 7 оп. 3, ед. хр. 1931. Л. 49, 143.
- НАРБ, ф. 7 оп. 3, ед. хр. 1944. Л. 98 — Национальный архив Республики Беларусь, ф. 7 оп. 3, ед. хр. 1944. Л. 98.
- НАРБ, ф. 7, оп. 3, ед. хр. 1921. Л. 75, 162 — Национальный архив Республики Беларусь, ф. 7 оп. 3, ед. хр. 1921. Л. 75, 162.
- НКО Калининградской области — Национально-культурные автономии Калининградской области // Калининградская областная дума. Официальное интернет-представительство [Электронный ресурс]. <https://duma39.ru/activity/public-relations/national/nka1.php?month=03&year=2021&print>
- Территориальный орган КО — Данные Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Калининградской области.

Научная литература

- Григорьева Р. А., Мартынова М. Ю. Молодёжь в городах Калининградской области. Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Вып. 260. М.: ИЭА РАН, 2017. 132 с.
- Костяшев Ю. В. Секретная история Калининградской области. Очерки 1945–1956 гг. Калининград, 2009.
- Мартынова М. Ю., Григорьева Р. А. Этнокультурная ситуация и идентичность населения Калининградской области // Этническое и религиозное многообразие России. М.: ИЭА РАН. С. 323–349.
- Маслов Е. А. Заселение Калининградской области и формирование религиозной структуры // Балтийские исследования. 2008, 3(46). С. 29–32.

References

- Grigor'eva R.A., Martynova M. Yu. 2017. *Molodezh' v gorodakh Kaliningradskoi oblasti. Issledovaniia po prikladnoi i neotlozhnoi etnologii* [Youth in the Cities of the Kaliningrad Region. Studies in Applied and Urgent Ethnology]. Vypusk 260. Moskva: Institut etnologii i antropologii RAN. 132 s.
- Kostiashev Yu. V. 2009. *Sekretnaia istoriia Kaliningradskoi oblasti. Ocherki 1945–1956 gg.* [The Secret History of the Kaliningrad Region. Essays from 1945–1956]. Kaliningrad.
- Martynova M. Yu., Grigor'eva R. A. Etnokul'turnaia situatsiia i identichnost' naseleniia Kaliningradskoi oblasti [Ethnocultural Situation and Identity of the Population of the Kaliningrad Region] In *Etnicheskoe i religioznoe mnogoobrazie Rossii* [Ethnic and Religious Diversity of Russia]. Moskva: Institut etnologii i antropologii RAN. S. 323–349.
- Maslov E. A. 2008. Zaselenie Kaliningradskoi oblasti i formirovanie religioznoi struktury [Settlement of the Kaliningrad Region and the Formation of the Religious Structure]. *Baltiiskie issledovaniia*. 3(46). P. 29–32.

УДК 39
DOI: 10.33876/2311-0546/2022-2/42-53
Научная статья

© О. А. Зыкина

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ГЕРОИ РОССИИ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ УЧАЩИХСЯ ШКОЛ И ВУЗОВ МОСКВЫ, САНКТ-ПЕТЕРБУРГА И КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Обращение к исторической памяти с целью выявления и анализа значимых для государственного строительства личностей позволяет, в том числе, судить о ключевых ориентирах, определяющих направления развития общества. За основу эмпирических данных были взяты результаты массового опроса, проведенного среди учащихся в Москве, Санкт-Петербурге и Кировской области в 2018–2019 гг. Одним из результатов текущего исследования стало создание списка персоналий, которых по мнению молодежи можно считать предметом гордости россиян. Среди названных героев в первую очередь упоминаются имена правителей российского государства с древности до наших дней — более половины респондентов отдает предпочтение именно этой категории деятелей. Относительно часто также звучат имена известных литераторов и военачальников. Столичная студенческая молодежь начинает обращать внимание на труд ученых и государственных деятелей, не обладающих наивысшими полномочиями. Сравнительный анализ ответов в зависимости от возрастной, гендерной, этнической и гражданской (включение себя в российскую общность) принадлежности учащихся свидетельствует о значимости этих параметров в ходе формирования исторической памяти и дает возможность показать ряд особенностей молодежного восприятия российской действительности.

Ключевые слова: национальные герои, нация-государство, историческая память, ценности, патриотизм, российская идентичность, учащиеся

Ссылка при цитировании: Зыкина О. А. Национальные герои России в представлении учащихся школ и вузов Москвы, Санкт-Петербурга и Кировской области // Вестник антропологии, 2022, № 2. С. 42–53.

UDC 39
DOI: 10.33876/2311-0546/2022-2/42-53
Original Article

© Olga Zykina

NATIONAL HEROES OF RUSSIA AS PERCEIVED BY STUDENTS OF SCHOOLS AND UNIVERSITIES IN MOSCOW, ST. PETERSBURG AND KIROV REGION

Appealing to historical memory in order to identify and analyze the personalities significant for nation-building allows, among other things, to judge the key reference points that determine the direction of society's development. The empirical data was based on the results of a mass survey conducted among students in Moscow, St. Petersburg and the Kirov region in 2018–2019. One of the results of the current study was the creation of a list of personalities who, in the opinion of young people, can be considered a source of pride for Russians. Among the named heroes the names of the rulers of the Russian state from antiquity to the present day are mentioned in the first place — more than half of the respondents give preference to this category of figures. The names of famous writers and military leaders are also mentioned relatively frequently. Moscow students are beginning to pay attention to the work of scientists and statesmen who do not have the highest authority. A comparative analysis of the responses depending on the age, gender, ethnic and civic (inclusion of oneself in the Russian community) of students indicates the importance of these parameters in the formation of historical memory and makes it possible to show a number of features of youth perception of Russian reality.

Keywords: national heroes, values, nation-state, historic memory, patriotism, Russian identity, students

Author Info: Zykina, Olga Alexandrovna — junior researcher, The Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (Russian Federation, Moscow). E-mail: ol_ya_z@mail.ru ORCID: 0000–0002–6752–6651

For citation: Zykina, O. 2022. National Heroes of Russia as Perceived by Students of Schools and Universities in Moscow, St. Petersburg and Kirov Region. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)*. 2: 42–53.

Funding: The research was carried out within the Program of fundamental and applied scientific research “Ethnocultural Diversity of Russian Society and Strengthening of the all Russian Identity”. The project “Russian Values and Symbols: National Unity and Ethnocultural Diversity”.

Российская молодежь довольно часто становится предметом пристального внимания исследователей самых разных научных специализаций¹. Учеными анализируются

Зыкина Ольга Александровна — младший научный сотрудник отдела русского народа, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (Российская Федерация, 119334, Москва, Ленинский пр., 32А). Эл. почта: ol_ya_z@mail.ru ORCID: 0000–0002–6752–6651

* Выполнено в рамках Программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности». Проект: «Российские ценности и символы: национальное единство и этнокультурное многообразие».

¹ Из последних социологических измерений см.: (Горшков, Тихонова 2018; Горшков, Петухов 2018). Из последних обобщающих трудов социологов и этнологов см.: (Тишков, Бараиш, Степанов 2014; Горшков, Шереги 2020; Селезнева 2022 и др.).

общее самочувствие, жизненные стратегии и предполагаемые траектории развития, мировоззрение и ценности молодого поколения. Изучение влияния на процесс формирования личности исторической памяти и содержащихся в ней ориентиров, мировоззренческих концептов чаще всего происходит в русле поиска ценностно-нормативных составляющих российской идеологии и патриотического воспитания молодежи (*Кривошеев, Соколов 2013; Татаренкова 2015; Алентьева 2016; Свак 2017; и др.*). Однако восприятие молодыми людьми выдающихся исторических личностей оценивается учеными чаще всего в контексте сопоставления периодов правления политических лидеров, преимущественно XX века, и выделения наиболее благополучной с точки зрения социально-экономического развития эпохи (*Селезнева 2022: 144–153; Горшков, Шереги 2020: 77–99*). Анализ символического значения для российского общества как правителей, так и других известных деятелей нашей истории проводится точно и скорее ситуативно (например, см.: *Тишков, Бараиш, Степанов 2014; Кривошеев, Соколов 2013; и др.*). Таким образом, выявление в процессе данной работы максимально широкого спектра персоналий, которых по мнению современной молодежи можно считать предметом гордости россиян, а также определение их степени значимости в целом и в сравнении друг с другом представляется актуальным.

В рамках изучения российской идентичности в представлении учащейся молодежи в конце 2018–2019 г. был проведен опрос среди старшеклассников и студентов Москвы, Санкт-Петербурга и Кировской области. В исследовании приняли участие 1133 человека.

В результате были составлены две выборочные совокупности по школьным когортам, они включают 148 школьников 9–11 классов из г. Москвы и 172 ученика 9–11 классов из г. Кирова. Квотирование проводилось по полу, мнение юношей и девушек в каждой из выборок представлено в равных долях. В конечном счете были опрошены старшеклассники из шести средних учебных заведений Москвы, расположенных в Северном, Северо-Восточном, Юго-Западном, Западном и Восточном административных округах города. Одна из школ предусматривает обучение с медицинским уклоном, во всех остальных случаях специализация старшеклассников либо отсутствует, либо проводится на уровне отдельных классов в параллели. В Кирове опросом были охвачены пять школ во всех трех районах города, одна из них предполагает углубленное изучение гуманитарных наук, другая — предметов естественно-научного направления.

На основании данных по студенческой аудитории были сформированы еще две выборки, которые отражают позиции 200 учащихся столичных вузов и 300 студентов кировских вузов. Согласно квоте по каждой из этих выборочных совокупностей количество респондентов социогуманитарных специальностей равно числу опрошенных, которые получают образование по естественно-научному и инженерному профилю. При этом в материалах по Москве и Санкт-Петербургу число анкет, заполненных юношами и девушками, одинаковое; в Кирове из 300 опросных листов 131 (44%) получены от юношей и 169 (56%) от девушек, что соответствует реальному соотношению полов среди обучающихся в вузах. В опросе приняли участие студенты крупнейших вузов Москвы, Санкт-Петербурга и Кирова: Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (МГУ), Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН), Московского педагогического государственного университета (МПГУ), Московского государственного строительного

университета, Первого Московского государственного медицинского университета им. И. М. Сеченова, Высшей школы экономики (ВШЭ), Всероссийского государственного института кинематографии им. С. А. Герасимова, Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ), Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (РГПУ им. А. И. Герцена), Балтийского государственного технического университета «Военмех» им. Д. Ф. Устинова (БГТУ «Военмех» им. Д. Ф. Устинова), Российского государственного гидрометеорологического университета (РГГМУ), Вятского государственного университета (ВятГУ), Кировского государственного медицинского университета (КирГМУ).

Самоидентификация учащихся по отношению к России и миграционные настроения

Прежде чем говорить о значимых исторических личностях в представлении молодого поколения, целесообразно дать общую картину относительно самоопределения учащихся в качестве россиянина и значимости для них данной категории. На вопрос «Считаете ли Вы себя россиянином (россиянкой)?» утвердительно ответило подавляющее большинство респондентов: 85% учащихся столичных вузов, 90% московских школьников и 96% кировчан. Высказали отрицательную позицию 5–8% столичной молодежи и 1–3% провинциальной. При этом 4% столичных студентов и 1% старшеклассников Москвы и Кирова из давших иной ответ на этот вопрос акцентировали внимание на своей принадлежности к русскому народу. Все оставшиеся отметили другой вариант ответа по следующим причинам: родились и выросли не в России, считают этническую принадлежность более значимой и относят себя не к русскому этносу, считают деление людей на различные национальности неоправданным, являются россиянами только по паспорту и выражают сожаление в связи со своим рождением в России. В анкетах, не вошедших в итоговые выборки, на этот вопрос встречались ответы, в которых молодые люди отмечали, что считают себя «гражданином мира», «личностью» или просто «человеком», т. е. учащиеся стремились при ответе уйти от разделения человечества по странам и народам и даже подчеркнуть первоочередную значимость личностных качеств индивидуума; были и озорные ответы на данный вопрос: «я эльф», «я кактус».

На вопрос «Кем Вы считаете себя в первую очередь?» можно было дать только один ответ из представленных, включающих государственную, этническую и региональную идентичности, или предложить свой вариант ответа. В первую очередь гражданином страны назвали себя 49% студентов столиц и около двух третей московских школьников и кировской молодежи; представителем отдельной национальности — порядка 10% молодежи столиц и 2–5% кировчан; жителем определенного региона — 3% московских старшеклассников, 15% столичных студентов, около 10% учащихся Кирова¹. Немалая часть опрошенных (в среднем порядка 14%) не стала ограничиваться заданными формулировками ответов; учащиеся написали собствен-

¹ В основном полученные данные по этому вопросу соотносятся с аналогичными материалами других исследований. Подробнее о сочетании гражданской, этнической и региональной идентичности респондентов в регионах России с учетом единичных и множественных ответов и по всем возрастным категориям (не только студенческой молодежи) по опросам 2019 г. в рамках деятельности Сети этнологического мониторинга EAWARN излагается в ряде работ: (*Степанов 2019: 140–154; Тишков, Степанов 2019*).

ные, среди которых часто встречались такие: «это совокупность, которую нельзя делить», «землянином», «человеком», «жителем планеты, частью человечества», «здоровомыслящим человеком», «личностью», «человеком с другой планеты», «человеком со своими интересами и мнением», «жителем района города», «пролетарием», «гражданином мира с русской душой», «космополитом», «изгоем мира, когда живу в России». С одной стороны, в подобного рода комментариях заметен некоторый протест молодежи относительно существующего миропорядка и встречающегося несправедливого отношения к людям по независящим от них причинам, в том числе, по этнической принадлежности. С другой стороны, молодые люди таким образом демонстрируют стремление к преодолению разного рода стереотипов и одновременно открытость к другим культурам и настроенность на коммуникацию в интернациональном обществе. Кроме того, в ряде случаев подчеркивается первостепенная значимость других видов идентичности, связанных с семейным статусом и ведущим типом деятельности, а также влияния на самоидентификацию более мелкого территориального деления, что проявилось в таких ответах — считаю себя: «членом своей семьи», «жителем района города», «физтехом», «работягой».

В целом можно говорить о сопоставимости ответов школьников и студентов на вопрос об их самоопределении как россиян — за редким исключением основная часть среди них соотносит себя с государством и считает себя россиянами, при этом государственная идентичность является существенно более значимой для молодого поколения, чем этническая и региональная.

Еще одним показательным вопросом при рассмотрении российской идентичности является вопрос о миграционных планах молодого поколения. Он звучал следующим образом: «Планируете ли переехать в другой регион или страну?». Существенных отличий в ответах столичных школьников и студентов нет. Учащиеся московских и Санкт-петербургских вузов в большей мере определились со своим будущим местом жительства и чуть чаще выражают готовность жить и выстраивать карьеру в своем населенном пункте, чем московские школьники, но разница эта незначительна. В целом хотели бы переехать на постоянное место жительства в другую страну 32% школьников и 28% студентов, в другой регион России — 7% и 6% соответственно. Однако еще чуть менее трети респондентов затруднились с ответом на этот вопрос, и, очевидно, могут ситуативно выстроить свою жизненную траекторию вдали от России. В итоге 22% школьников и 26% студентов двух столиц планируют остаться в Москве либо в Санкт-Петербурге. В Кирове миграционная ситуация более критичная: настроены уехать из области около 60% опрошенных, из них в другой регион России намерены перебраться 39% старшеклассников и 29% учащихся вузов, в другую страну — 21% и 29% соответственно. Кроме того, еще не менее 26% не уверены в своем решении и затруднились с ответом на вопрос.

Цифры свидетельствуют о том, что склонность к миграции у столичных студентов уже несколько снижается по сравнению со школьниками, а у провинциальных остается на том же уровне, но смещается в сторону международной миграции. Для московской когорты обозначенная тенденция может быть связана, в том числе, не только с более реалистичным взглядом на жизнь в студенческой возрастной группе, но и с осуществлением выбора ими высшего учебного заведения для продолжения образования в России, достижении ими некоторой определенности в отношении будущей профессии. В то время как среди школьников присутствует некоторый про-

цент тех, кто продолжит свое образование за пределами нашей страны. На примере Кирова мы видим явный миграционный отток молодого населения, который сохраняет свои масштабы и после получения молодежью диплома о высшем образовании.

Итак, фактически треть молодых москвичей и петербуржцев и почти две трети молодых кировчан рассматривают возможности переезда на новое место жительства, еще чуть менее трети не уверена в своей готовности продолжать свою жизнь в своем населенном пункте¹. Насколько успешно молодые люди реализуют свои миграционные планы, можно в некоторой степени представить на основании данных о траектории миграции студентов, окончивших кировские вузы в 2014 г. По сведениям о выпускниках, официально трудоустроившихся в течение календарного года после получения диплома, чуть менее 85% молодых специалистов начали свою трудовую деятельность вскоре после завершения обучения и около 40% из них — в другом регионе России. Среди наиболее значимых направлений миграции могут быть названы: Москва, где трудоустроились 26% выпускников кировских вузов 2014 г., покинувших область; Республика Коми — 19%; Нижегородская область — 9% (Фадеева, Софронов 2018: 112, 116).

Следует отметить, что по столичной группе в каждом возрасте среди желающих уехать в девушек несколько больше, чем юношей; присутствуют не менее половины тех, кто не считает себя россиянами, и выбирают ответ другое, при этом значимость гражданской идентичности падает примерно на 20% (с 49% по выборке учащихся столичных вузов до 31% в когорте студентов, намеренных уехать из страны и с 62% до 44% в школьном возрасте). В группе, склонной к отъезду из России, присутствуют основная часть представителей других национальностей, помимо русской из общей выборки и чуть меньше половины из тех, кто на вопрос о преобладающей идентичности обращал внимание на первостепенность личностных качеств человека, называл себя гражданином мира и предлагал иные формулировки для ответа на этот вопрос. Для кировской группы среди тех, кто планирует уехать в другую страну на постоянное место жительства, по сравнению с основной выборкой, характерно следующее: во всех возрастах юношей несколько больше, чем девушек; присутствуют около двух третей из тех, кто не считает себя россиянами; значимость для них гражданской идентичности падает на 20–30% (с 65% по общей выборке студентов Кирова до 46% для группы, выбирающих отъезд из России и с 68% до 39% по школьной группе); здесь же оказывается половина тех, кто считает этническую идентичность более значимой в сравнении с государственной и региональной, и одна треть представителей других национальностей, а также основная часть из тех, кто предлагал свои варианты ответов на вопрос о преобладающей идентичности. Все это говорит о том, что стремление уехать из страны скорее не зависит от пола, возраста, региона проживания и не всегда напрямую связано с идентификацией молодых людей себя как россиян. В то же время, заметно, что представители нерусских национальностей, а также те, для кого этническая идентичность более значима, чем государственная, или же для кого государственная, этническая и региональная

¹ Интересно сопоставить эти данные с результатами массовых социологических опросов студенческой молодежи в 2013 и в 2016 гг. В 2013 г. о настроенности на эмиграцию заявляли от 55% опрошенных студентов в Санкт-Петербурге до 69%, в 2016 г. установка на эмиграцию из России уменьшилась почти на 5% (Симолян 2017: 321–322).

идентичности скорее незначимы — в большей степени склонны к отъезду за рубеж на постоянное место жительства.

Национальные герои России в представлении учащихся

Одним из результатов данного исследования стало создание списка персоналий, которых по мнению учащейся молодежи Москвы, Санкт-Петербурга и Кирова можно считать предметом гордости россиян. Вопрос был открытым и предполагал самостоятельный выбор респондентами значимых для России героев. Только 1% московских школьников и 3% столичных студентов считают, что у России нет достойных героев, еще порядка 10% опрошенных затруднились с ответом на этот вопрос. Основная часть молодых людей отвечала достаточно активно и с явным интересом. Составленный на основе ответов список включает почти 400 деятелей. Ответы студентов отличаются несколько большей широтой взглядов и оригинальностью, однако ключевые персоны для всех групп опрашиваемых преимущественно совпадают. В пятерку лидеров среди наиболее значимых героев по всем когортам неизменно попадают Петр I (его указывают 26–30% опрошенных), А. С. Пушкин наравне с Ю. А. Гагариным (около 20%), для школьников яркой фигурой является М. И. Кутузов (22–24%).

Все ответы учащихся о значимых для России личностях можно классифицировать по направлению деятельности названных героев (табл. 1). Наиболее частыми стали следующие категории: правители российского государства с древности до наших дней (называют хотя бы одного примерно 60% школьников и кировских студентов и 49% учащихся столичных вузов), военачальники (от 30% до 40%), литераторы (от 25% до 35%), ученые (от 16% до 44% у столичных студентов) и деятели, связанные с космической сферой (22–24%). Встречаются в ответах, но значительно реже, известные художники, композиторы, режиссеры, спортсмены, деятели современного искусства, блогеры, государственные деятели разного уровня (не правители), оппозиционеры власти, герои Великой Отечественной войны из народа и некоторые другие знаменитости, а также простые люди.

Среди обозначенных учащимися ключевых правителей особенно выделяются несколько личностей (табл. 1): Петр I — его выбирают самое меньшее от 26% опрошенных в кировской школьной группе до максимальных 30% у студентов-кировчан; В. И. Ленин — от 13% до 20%; И. В. Сталин — от 10% до 17%; В. В. Путин и Екатерина II в среднем набирали по 10% в каждой группе респондентов¹. Довольно часто молодые люди называли сразу нескольких правителей, а не ограничивались кем-то одним. Стоит подчеркнуть, что все перечисленные лидеры государства не являются правителями либерального склада, а скорее могут быть названы в качестве примера авторитарного и даже жесткого тоталитарного характера правления. Если говорить о Петре I как некотором идеале российского правителя, то следует иметь в виду ре-

¹ Полученный результат относительно наиболее значимых правителей в истории России в целом может быть соотнесен с данными исследования 2014 года. При некотором отличии в формулировке вопроса, общей организации анкеты и, соответственно, ином процентном соотношении по персоналиям четверка лидеров полностью совпадает. Единственное, В. В. Путин с явного второго места для 2014 года перемещается на четвертое в 2019 году, что вполне объяснимо для ситуации в общественных настроениях 2014 и 2019 годов. См.: (Тихиков, Бараин, Степанов 2014: С. 85–117).

ализацию им таких масштабных проектов (данный список основан на ответах учащихся на вопрос о значимых для России событиях и достижениях), как: строительство Санкт-Петербурга и перенос столицы, строительство военно-морского флота, победа в Северной войне и выход к Балтийскому морю, серия реформ в государственном управлении и общественной жизни. При этом, решения о начале указанных проектов иногда шли вразрез с мнением правящей элиты и принимались Петром I, в том числе, единолично, а, кроме того, требовали значительных ресурсов и, в какой-то степени, самоотверженности простых людей. В каком-то смысле, можно говорить о готовности современной молодежи пренебречь демократическими ценностями и даже, возможно, качеством жизни граждан в случае осуществления действующим лидером крупных государственных проектов.

Победы в войнах являются еще одним предметом гордости молодых россиян, а потому среди героев довольно часто присутствуют известные военачальники, прославившиеся победами в знаковых сражениях. У московских школьников и учащихся Кирова это вторая по частоте упоминания категория деятелей, и особенно они выделяют: М. И. Кутузова (его указывают от 15% до 24% респондентов), А. В. Суворова (от 9% до 19%), Г. К. Жукова (от 9% до 14%). У столичных студентов список главнокомандующих тот же, но выстроен в несколько другой последовательности: на первое место перемещается А. В. Суворов (15%), далее следуют М. И. Кутузов (10%), Г. К. Жуков (9%), появляется в ответах Ф. Ф. Ушаков (5%). Впрочем, при сравнительно не меньшем интересе студенческой молодежи Москвы и Санкт-Петербурга к военачальникам, все же чаще в ответах этой группы уже звучат имена ученых и литераторов.

Знают и гордятся молодые люди деятелями литературы и обычно называют среди них признанных русских классиков. Наиболее часто встречаются в ответах А. С. Пушкин (22% от опрошенных), Л. Н. Толстой (от 4% до 10%), М. Ф. Достоевский и М. Ю. Лермонтов (около 5–7%). Немаловажно акцентировать внимание на том, что все перечисленные писатели в полной мере соотносятся со школьной программой по литературе и объемом выделенных часов на изучение их творчества. Помимо изучаемых в рамках школьной программы писателей и поэтов старшеклассники вспоминают также В. С. Высоцкого и В. Р. Цоя, а студенты — В. С. Высоцкого, В. Р. Цоя, Е. Летова, Б. Акунина, Э. А. Асадова, М. И. Веллера, Мусу Джалиля, но это скорее единичные ответы. Возможно также, что первые три фигуры имеют для них значение прежде всего как исполнители, а не авторы текстов.

Предметом гордости россиян по мнению учащейся молодежи должны также быть деятели науки. В первую очередь были названы Д. И. Менделеев (его имя написали от 6% до 15% опрошенных), М. В. Ломоносов (от 6% до 15%), С. П. Королев (от 2% в Кирове до 9% в столицах), И. П. Павлов (от 2% до 6%). Почти в два раза чаще обращаются к деятелям науки столичные студенты в сравнении другими когортами учащихся, что, возможно, объясняется не только спецификой обучения на высшей ступени образования, но и предшествовавшим ей конкурсным отбором.

На основе анализа полученных ответов по полу респондентов можно отметить следующее. В ответах школьников и кировских студентов нет значимых различий между юношами и девушками, существенно не отличается их выбор героев ни по содержанию, ни в процентном отношении. Единственное, в ответах девушек немного чаще, чем у юношей, звучат женские имена: больше упоминается Екатерина II, встречаются В. В. Терешкова и З. Космодемьянская. На уровне столичного студен-

чества ответы на вопрос о значимых героях и личностях обладают уже определенной спецификой в зависимости от пола респондента. Девушки-студентки в среднем дают чуть меньше ответов, чем юноши; их выбор и частота упоминания правителей и военачальников скорее не отличается от школьного; при этом существенно возрастает интерес к писателям, ученым и различным деятелям искусства (режиссерам, балеринам и т. д.). Среди особо значимых правителей у девушек в сравнении с ответами школьников исчезает И. В. Сталин, его уже опережает Екатерина II. Кроме того, так же как и у школьников, несколько чаще, чем у юношей присутствуют женские имена среди значимых личностей; помимо Екатерины II, В. В. Терешковой и З. Космодемьянской, у студенток можно также встретить императрицу Елизавету Петровну, Н. А. Дурову, Е. Ю. Шанину, Л. М. Павличенко, С. В. Ковалевскую, М. И. Цветаеву, О. Ф. Берггольц, Д. В. Вишневу, М. М. Плисецкую, А. П. Павлову. В свою очередь юноши-студенты начинают значительно больше интересоваться деятельностью правителей и военачальников; чаще, чем юноши в школьном возрасте, выбирают ученых и литераторов; кроме того, чуть больше, чем девушки-студентки обращают внимание на труды художников и композиторов; в круг их интересов также попадают спортсмены и блогеры. Среди правителей знаковой фигурой для юношей-студентов становится Александр II (11%). Среди военачальников большое внимание юношей привлекает личность А. В. Суворова и Ю. А. Гагарина. Спектр ответов юношей-студентов несколько шире, чем у девушек, возможно, в том числе за счет чуть большего числа ответов.

Анализировать ответы учащихся по этническому составу и стремлению уехать из России не вполне правомерно в связи с небольшим числом анкет представителей других национальностей, помимо русской и недостаточно большим анкет тех, кто планирует покинуть нашу страну и обосноваться в другом государстве. Тем не менее, можно отметить некоторые тенденции по имеющимся ответам: представители русского этноса в большей степени гордятся военными и учеными, в то время как представители других национальностей в целом дают меньшее число ответов, и по этим категориям деятелей, в частности; учащиеся, намеревающиеся уехать из России, в два раза реже называют в числе героев правителей и государственных деятелей, чем те, кто не уверен в своих желаниях или планирует остаться, а также заметно реже упоминают военачальников, уделяя большее внимание ученым и литераторам.

Заключение

Подводя итог всему вышесказанному, необходимо отметить, что все основные представления о нашей стране, все ключевые символы и образы, которые содержатся в исторической памяти, закладываются в школьном возрасте и, судя по всему, преимущественно через систему образования и школьные курсы истории и литературы. На студенческом уровне идет расширение и углубление имеющихся знаний и представлений, однако кардинальных трансформаций относительно мнения о значимых для России деятелях не происходит. С учетом изменения концепции школьного исторического образования и введения новой линейки учебников в соответствии с новым историко-культурным стандартом с 2016/2017 учебного года через несколько лет можно будет оценить значимость данной реформы для исторической памяти следующего поколения россиян при повторном исследовании.

Таблица 1

Национальные герои в представлении учащихся Москвы, Санкт-Петербурга и Кировской области, 2019 г., %*

	студенты Москвы и СПб.		школьники Москвы		студенты Кировской обл.		школьники Кировской обл.	
Правители	154	52	122	59	107	58	127	61
<i>из них:</i> Петр I	28		28		30		26	
Ленин В.И.	13		20		17		16	
Сталин И.В.	10		17		16		15	
Екатерина II	10		12		10		10	
Путин В.В.	8		12		10		8	
Александр Невский	8		7		5		16	
Полководцы, военачальники	68	33	72	36	47	30	68	40
<i>из них:</i> Суворов А. В.	15		10		9		19	
Кутузов М.И.	10		24		15		22	
Жуков Г.К.	9		14		9		10	
Ушаков Ф.Ф.	5		3		0		2	
Писатели, литераторы	72	34	59	30	44	25	60	27
<i>из них:</i> Пушкин А. С.	17		22		18		19	
Толстой Л.Н.	10		9		5		4	
Достоевский Ф.М.	7		5		4		6	
Лермонтов М.Ю.	6		7		3		6	
Ученые	107	44	41	23	24	16	46	27
<i>из них:</i> Менделеев Д. И.	16		9		6		12	
Ломоносов М.В.	15		5		8		12	
Королев С.П.	9		5		2		2	
Павлов И.П.	6		2		3		6	
Сахаров А.Д.	6		1		1		1	
Деятели, связанные с космической сферой	31	22	28	24	27	24	41	24
<i>из них:</i> Гагарин Ю. А.	16		20		22		21	
государственные деятели, не правители	36		18		11		16	
композиторы	9		5		1		8	
художники	5		3		1		7	
другие деятели культуры и искусства	16		5		2		1	
спортсмены	3		0		1		2	
герои Великой Отечественной войны — простые люди	8		7		7		5	
герои из народа и простые люди	10		7		4		3	
оппозиционеры власти современные и в прошлом	14		3		1		2	
представители молодежной культуры	0		2		4		2	
затруднились с ответом	7		9		11		8	

* по второму столбцу для каждой группы опрошенных указана доля респондентов, назвавших хотя бы одного деятеля в указанной сфере.

В рамках определения практического значения работы следует добавить, что проведенный опрос позволяет фиксировать общие социальные и политические настроения учащихся. Особенно выделяется своими критичными взглядами по отношению к действующей государственной власти студенческая молодежь Москвы

и Санкт-Петербурга: 8% опрошенных в этой группе не считают себя россиянами и 12% в качестве ключевых исторических личностей выдвигают людей, известных своими оппозиционными взглядами (А. Д. Сахарова, А. А. Навального, Б. Е. Немцова, Э. В. Лимонова и др.). Вместе с тем среди школьников Москвы и молодого поколения в Кирове ничего подобного не наблюдается. Можно ожидать, что в этой среде негативное восприятие современной российской власти распространено гораздо меньше. Кроме того, исходя из сведений о многообразии ответов и частоте упоминаний деятелей российской науки и культуры можно сказать, что уровень школьников и качество образования в Москве и Кирове приблизительно одинаковы, а на ступени высшего образования дифференциация уже довольно заметна. Вполне ожидаемо, что как изначальный уровень подготовки студентов столичных университетов, так и последующее качество образования в Москве и Санкт-Петербурге, судя по всему, в среднем оказывается выше, чем в провинциальных вузах, и на примере спектра ответов о значимых героях России это хорошо чувствуется.

Научная литература

- Алентьева Т. В. Пантеон национальных героев и парадоксы исторической памяти: на примере каких героев воспитывать этнокультурную идентичность российской молодежи? // Образование и педагогика. 2016. № 3 (30). С. 227–232.
- Горшков М. К., Петухов В. В. (отв. ред.) Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян: опыт социологического анализа. М.: Весь Мир, 2018. 384 с.
- Горшков М. К., Тихонова Н. Е. (отв. ред.) Столицы и регионы в современной России: мифы и реальность пятнадцать лет спустя. М.: Весь Мир, 2018. 312 с.
- Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований. М.: ФНИСЦ РАН, 2020. 688 с.
- Кривошеев Ю. В., Соколов Р. А. Феномен национального героя в общественном сознании и идеологии (на примере Александра Невского) // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2013. С. 43–57.
- Свак Д. Опыт создания новой государственной концепции истории России // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2017. т. 62. Вып. 4. С. 897–908.
- Селезнева А. В. Российская молодежь: политико-психологический портрет на фоне эпохи. М.: Аквилон, 2022. 288 с.
- Симонян Р. Х. Миграционные настроения российской молодежи: региональный аспект // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены, 2017. № 6. С. 312–326. DOI: 10.14515/monitoring.2017.6.16.
- Степанов В. В. Измерение культурного многообразия России // Измерение культурного многообразия. Языковая ситуация, переписи, полевая этностатистика / ред. М. Ю. Мартынова, В. В. Степанов. М.: ИЭА РАН, 2019. С. 140–154.
- Татаренкова Н. А. Формирование национальной идентичности студентов в процессе изучения курса «История» // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Психолого-педагогические науки. 2015. № 3(27). С. 226–232.
- Тишков В. А., Бараиш Р. Э., Степанов В. В. (под ред.) Российское студенчество: идентичность, жизненные стратегии и гражданский потенциал. М.: ИЭА РАН, 2014. 342 с.
- Тишков В. А., Степанов В. В. (под ред.) Миграция и межнациональные отношения: ресурс государственно-общественного партнерства в России. М.: ИЭА РАН, 2019. 340 с.
- Фадеева И. М., Софронов Д. А. Траектории межрегиональных миграций выпускников вузов Приволжского федерального округа // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки, 2018. № 1 (45). С. 108–119. DOI 10.21685/2072–3016–2018–1–13.

References

- Alentieva, T.V. 2016. Panteon natsional'nykh geroev i paradoksy istoricheskoi pamyati: na primere kakikh geroev vospityvat' etnokul'turnuyu identichnost' rossiiskoi molodezhi? [The pantheon of national heroes and paradoxes of historical memory: which characters teach the Russian youth ethnic and cultural identity?]. *Obrazovanie i pedagogika* 3 (30): 227–232.
- Fadeeva, I.M., Sofronov, D.A. 2018. Traektorii mezhregional'nykh migratsii vypusknikov vuzov Privolzhskogo federal'nogo okruga [Interregional migration trajectories of high schools graduates in Volga federal district]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Obshchestvennye nauki* 1 (45): 108–119. DOI 10.21685/2072–3016–2018–1–13.
- Gorshkov, M.K., Petukhov, V.V., eds. 2018. *Dvadsat' pyat' let sotsial'nykh transformatsii v otsenkakh i suzhdeniyakh rossiyan: opyt sotsiologicheskogo analiza* [Twenty-five years of social transformations in the assessments and judgments of Russians: practices in sociological analysing]. Moscow: Ves' mir.
- Gorshkov, M.K., Sheregi, F.E. 2020. *Molodezh' rossii v zerkale sotsiologii. K itogam mnogoletnikh issledovaniy* [Russian youth in the mirror of sociology. To the results of many years of research.] Moscow: FNISC RAN publ.
- Gorshkov, M.K., Tikhonova, N.E., eds. 2018. *Stolitsy i regiony v sovremennoi Rossii: mify i real'nost' pyatnadsat' let spustya* [Capitals and regions in modern Russia: myths and reality fifteen years later]. Moscow: Ves' mir.
- Krivosheev, Yu.V., Sokolov, R.A. 2013. Fenomen natsional'nogo geroya v obshchestvennom soznanii i ideologii (na primere Aleksandra Nevskogo) [The image of national hero in public consciousness and ideology (on the example of Alexander Nevsky)]. *Trudy Istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta*: 43–57.
- Selezneva, A.V. 2022. *Rossiiskaya molodezh': politiko-psikhologicheskii portret na fone epokhi* [The Russian youth: a political and psychological portrait in the background of the epoch]. Moscow: Akvilon.
- Simonyan, R.H. 2017. Migratsionnye nastroyeniya rossiiskoi molodezhi: regional'nyi aspekt [Migration attitudes of Russian youth: a regional dimension]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* 6: 313–326. DOI: 10.14515/monitoring.2017.6.16.
- Stepanov, V.V. 2019. Izmerenie kul'turnogo mnogoobraziya Rossii [Measuring the cultural diversity of Russia]. In *Izmerenie kul'turnogo mnogoobraziya. Yazykovaya situatsiya, perepisi, polevaya etnostatistika* [Measuring cultural diversity. Language situation, censuses, field ethnostatistics], edited by M. Yu. Martynova, V. V. Stepanov. Moscow: IEA RAS.: 140–154.
- Szvák, G. 2017. Opyt sozdaniya novoi gosudarstvennoi kontseptsii istorii Rossii [The experience of creating a new concept of state in Russian history]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya* 62(4): 897–908.
- Tatarenkova, N.A. 2015. Formirovanie natsional'noi identichnosti studentov v protsesse izucheniya kursa "Istoriya" [The formation of the national identity of students in the study of the course "history"]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Psikhologo-pedagogicheskie nauki* 3 (27): 226–232.
- Tishkov, V.A., Barash, R.E., Stepanov, V.V., eds. 2014. *Rossiiskoe studenchestvo: identichnost', zhiznennye strategii i grazhdanskii potentsial* [The Russian students: identity, life strategies and civic potential]. Moscow: IEA RAS.
- Tishkov, V.A., Stepanov, V.V., eds. 2019. *Migratsiya i mezhnatsional'nye otnosheniya: resurs gosudarstvenno-obshchestvennogo partnerstva v Rossii* [Migration and interethnic relations: a resource of state-public partnership in Russia]. Moscow: IEA RAS.

УДК 39
DOI: 10.33876/2311-0546/2022-2/54-67
Научная статья

© Д. А. Сабина

ОБРАЗ МЕСТА В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ЖИТЕЛЕЙ МАЛОГО РОССИЙСКОГО ГОРОДА СТАРИЦА ТВЕРСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье на примере г. Старица Тверской области рассматриваются особенности восприятия образа города его жителями. Данная тема становится актуальна, в числе прочего, благодаря широкому интересу регионов России к развитию туризма. Исследование построено на основе этноэкологического подхода. Применялись такие методы, как анкетирование и экспертные опросы, глубинные и тематические интервью. Обработка данных анкетирования производилась с помощью программы SPSS. В результате удалось выделить категории культурных, религиозных и природных достопримечательностей, которые жители связывают со своим городом и отмечают как важные для себя лично. Анализируется отношение к этим достопримечательностям жителей разных возрастов. Отмечается разница в мнениях людей, вовлеченных профессионально в туристическую деятельность, и тех, кто не связан с ней. На суждение первых часто влияют клише и административные ограничения, что порой мешает формированию индивидуальности образа места при представлении его гостям и ведет к обезличиванию городов. Люди, не имеющие прямого отношения к туристической деятельности, значительно чаще высказывают мнения, раскрывающие особый образ города и его индивидуальность.

Ключевые слова: этническая экология, образ места, природно-культурная среда, малый город, туризм

Ссылка при цитировании: Сабина Д. А. Образ места в представлениях жителей малого российского города Старица Тверской области // Вестник антропологии, 2022. № 2. С. 54–67.

UDC 39
DOI: 10.33876/2311-0546/2022-2/54-67
Original Article

© Daria Sabinina

THE PLACE IMAGE AS SEEN BY RESIDENTS OF THE SMALL RUSSIAN TOWN STARITSA IN TVER' REGION

The article is devoted to the perception of a small town by its citizens. In this paper, we consider the case of Staritsa town in Tver' region. The topic has become relevant due to the broad interest in tourism development throughout Russian regions. The study is based on questionnaires, expert polls, in-depth and thematic interviews used the human ecology approach. The survey data was processed using the SPSS software package. As a result, significant cultural, religious and natural sites were categorized. These spaces and locations were mentioned by residents as personally meaningful, providing the connection between them and their town. The age-related aspects of choice were analyzed as well. We also distinguished between the residents professionally involved in tourism and those not associated with it. Cli-chés and administrative restrictions often influence the judgments of experts. This sometimes leads to the rejection of individuality of certain places or the town itself. Residents not directly involved in the tourism industry provide more variable lists of valuable sites that form the town's image and its specific features.

Keywords: human ecology, space and place, natural and cultural environment, small town, tourism

For Citation: Sabinina, D. The Place Image as Seen by Residents of the Small Russian Town Staritsa in Tver' Region // *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 2: 54–67.

Author Info: Sabinina, Daria — Ph.D. student, Centre for Human Ecology, Institute of Anthropology and Ethnography Russian Academy of Sciences (Moscow, RF). E-mail: sabininads@gmail.com

Исследования малых городов в последнее десятилетие вызывают большой интерес специалистов разных направлений. В России это в основном экономические или социологические исследования, связанные анализом или решениями, способствующими расширению коммерческих предложений в городах. Самым крупным из них стал проект «Настоящая Россия», реализованный при поддержке фонда развития малых исторических городов (Проект содействия), многих специалистов туристической отрасли, журналистов, туристических блогеров и даже ведущих радиоканалов, например, «Эхо Москвы».

Образы городов в таких исследованиях формировались на основе представлений приглашенных специалистов и исследователей. Основными результатами становились конкретные предложения по изменению назначения улиц, зданий, предприятий или пространств конкретного города, учитывающие собственное понимание вопроса этими специалистами, их образование и опыт. Опыт стороннего наблюдателя,

посетителя, туриста. Такой подход начал складываться еще столетие назад: немецкий философ и социолог Георг Зиммель 1903 году поднял тему человека в большом городе (*Зиммель* 2002: 1–12). Чуть позже знаменитая Чикагская школа социологии стала разрабатывать социо-экологический подход в городских исследованиях (*Парк* 1921: 161–216). Понятия экологии при этом трактовались совсем по-иному, рассматривались главным образом аспекты внутригородских сообществ и маргинальных групп. В середине XX века громко, особенно в свете студенческих выступлений во Франции, прозвучала теория права на город А. Лефевра (*Lefebvre* 1967: 29–35), которая была направлена на исследование социальной структуры города, акторов в городском пространстве и их целей. Современные зарубежные исследования уже в большей степени перекликаются с предметом нашей работы и рассматривают пространство города, его образ в рамках множества подходов, в том числе антропологии места или пространства (*Low* 2000). Но детерминантой таких текстов чаще всего выступает социо-экономический ракурс различных систем изучения города.

В отечественной науке аналогичное комплексное и многоплановое исследование, в котором предлагаются разные подходы к изучению проблем восприятия городской среды, опубликовала Е. Г. Трубина (*Трубина* 2011). Но все перечисленные работы носят больше теоретический характер. Они дают широкий спектр инструментов будущим исследователям.

Стараясь выйти за рамки социально-экономического подхода, целью которого служит коммерческое применение результатов исследований, можно обратиться к работам специалистов разных гуманитарных специальностей. Наиболее тематически близкие к нашему исследованию публикации, связанные с образом места, образом города, появились в нашей стране в трудах ученых-географов. Например, Д. Н. Замятин и Н. Ю. Замятина много статей и книг посвятили городскому пространству и образу пространства (*Замятина* 2007: 62–87), Ю. А. Веденин открыл для российского сообщества понятие культурного ландшафта в целом (*Веденин* 2004). Они серьезно развили теорию, но не проводили массовых опросов. Проблемам малого российского города уделяли внимание и социальные антропологи (*Мартынова* 2010; *Тишков* 2013; *Кабичкий и др.* 2014).

В данной статье мы рассматриваем именно представления жителей о важных и значимых природно-культурных достопримечательностях своего города на примере г. Старицы Тверской области в рамках этноэкологического подхода, позволяющего проанализировать представления местного населения о городе, его образе и содержании, применяя результаты как опросов, так и глубинных интервью, а также массового анкетирования.

Этническая экология изучает связь различных сообществ со своей природной, культурной и социальной средой. В. И. Козлов ввел этот термин в отечественную науку, и как одну из важнейших задач дисциплины обозначил «исследование способов адаптации этнических групп к природным и социально-культурным условиям жизни, оценку успешности этой адаптации» (*Козлов* 1994: 13)¹. В нашем случае этноэкологические подходы используются более локально: рассматривается сообщество жителей малого города Европейской части России с условно монолитным русским населением (*Григулевич и др.* 2018: 11).

Исследование проводилось в рамках проекта РФФИ № 17–01–00274 «Население малого города центральной России в XXI в.: этнокультурные, демографические, экологические и социально-экономические аспекты развития» (рук. Н. И. Григулевич). Научным коллективом из всего множества малых городов Центральной России на первом этапе были выбраны два — Старица Тверской и Белев Тульской областей. Города выбирались по нескольким параметрам: численность населения не более 20 000 человек, преимущественно русский этнический состав жителей, удаленность от Московской агломерации и областных центров, отсутствие железнодорожной станции в городе. Подробную информацию о принципах выбора городов можно найти в коллективной монографии участников проекта (*Григулевич и др.*, 2018). Первые результаты комплексного исследования в Белеве и Старице также опубликованы (*Остапенко, Субботина* 2019).

Очерчивая регион исследования малыми городами Центральной России, участники проекта руководствовались рядом причин. Центральная Россия имеет богатую историю. Эта часть страны на протяжении веков подвергалась воздействию разных социальных катаклизмов. Тем не менее, в прошлом столетии на этой территории был достаточно стабильный уровень жизни, здесь работало значительное число как промышленных, так и сельскохозяйственных предприятий, функционировали учреждения культуры. Сейчас, в связи с закрытием основной массы производств и увеличением мобильности населения, ситуация изменилась. Она требует дополнительного изучения и оценки.

Один из разделов проекта касался исследования туристического потенциала городов, что связано со всевозрастающим интересом правительства и муниципалитетов к туризму как к виду экономической деятельности, способной поддержать благосостояние регионов. Притягательна идея о том, что, при отсутствии крупных промышленных и добывающих предприятий, туризм, основанный на природно-культурном наследии конкретной местности, сможет дать импульс интенсивному экономическому развитию территории, при этом с меньшими экологическими нагрузками на нее.

В связи с актуальными задачами во многих малых городах ЦФО действуют программы реконструкций городской среды, поддержанные на муниципальных или федеральном уровнях. Некоторые городские объекты, в частности — набережные, были реконструированы, например, в Острогожске, Воронежской или Кашине Тверской области по федеральной программе «Всероссийского конкурса создания комфортной городской среды» (Всероссийский конкурс). Эти города упоминаются здесь, т. к. автор лично видел результат действия этой программы. В качестве примера муниципального уровня можно привести программу «Создание условий для развития туризма и обустройство отдельных рекреационных зон на территории городского округа Жигулевск» (Создание условий) в Самарской области. Подобные программы в настоящее время поддержаны и в городах, где проводилось наше исследование.

В процессе любой реконструкции или при новом строительстве меняется образ города. Это естественный исторический процесс. Но зачастую проекты по улучшению городской среды ориентированы на привлекательность для приезжих, а не для местных жителей. Приглашение экспертов из других регионов и крупных агломераций ставит под угрозу сохранение уникальных особенностей разных городов России, неповторимых образов и естественно складывающихся традиций. В то же вре-

¹ Терминология, связанная с понятием этноса дискуссионна. Развитие понятий и терминов подробно представлено в специальной статье А. Н. Ямскова (*Ямсков* 2013: 49–64).

мя, рассмотрение представлений местных жителей о своем городе может дать новые перспективы развития образа города.

Город Старица на момент проведения анкетирования (2018 г.) насчитывал 7700 жителей. Город является административным центром Старицкого района Тверской области. Он расположен на берегах Волги, на восточной окраине Валдайской возвышенности, в 65 км к юго-западу от Твери. Промышленность в городе связана с переработкой продукции сельского хозяйства, частично восстанавливается камнедобывающая промышленность (Григулевич 2018). Проблемы загрязнения водных объектов и природных ресурсов: почв, лесов и т. д., стоят достаточно остро. Вместе с тем, культурное наследие региона, сосредоточенное в Старице и ее окрестностях, составляет национальное достояние.

Этот исторический город, основанный в 1297 г. князем Михаилом Тверским, до сих пор сохраняет памятники множества эпох, достопримечательные места, связанные с важными именами Русской истории и культуры, например, с Иваном Грозным и с Александром Пушкиным (Смирнов и др., 1996). Сохранился и локальный фольклорный пласт наследия, такой как городские легенды. Например, «... между жителями г. Старицы крепко держится предание, что до основания Старицы на месте ее был город Любим; что город этот был razoren татарами до основания». А город Старица был вторично заложен на том месте, где жила одна «старуха, укрывшаяся от татар в какой-то пещере, от которой город и получил свое название. От того-то, ... и на гербе города изображается и поныне старуха с посохом...» (Зубарев 1914: 66). Важно отметить, что легенды и предания такого характера, известные каждому жителю города, составляют его нематериальное наследие.

Ниже приведены некоторые примеры популярных и часто упоминаемых в опросах и анкетировании достопримечательных мест города, составляющих культурный контекст города Старицы.

Городище. По преданию, первое поселение здесь основали два племянника Рогнеды (княгини Полоцкой, жены князя Владимира). Оно было построено на реке Нижней Старице (Крылов 1914: 1). И лишь в 1297 г., по указу Михаила Ярославича Тверского, рядом возникает «Новый Городок», который ныне называется «старым городищем» г. Старицы. Хорошо сохранившийся вал исследовался археологами в конце XX века. В 2020 г. в рамках реконструкции набережной проводились археологические раскопки, обнаружившие следы деревянных конструкций, описанных ранее (Хворостова 1994: 177–183).

Монастырь. Монастырь на месте Старицкого Успенского монастыря впервые мог появиться на век раньше образования города Старицы. Легенду о его создании приводит исследователь А. В. Шитков, ссылаясь на не дошедший до нас памятник самого Успенского монастыря: «... В 1110 году пришли на урочище Старый Бор два инока из Киевских пещер Трифон и Никандр и стали там жить и слову Божию учить приходящих к ним ...» (Шитков 2004: 4). Расположенный на низком берегу монастырь, видимо, был razoren татарами в 1304 г. и восстановлен лишь в XVI в. Монастырь просуществовал до начала XX в., когда в его стенах был размещен музей. После попадания бомбы во время Великой Отечественной войны многие постройки монастыря были разрушены или сгорели. Важной архитектурной доминантой монастыря является шатровая церковь Ведения во храм Пресвятой Богородицы, построенная в период правления Ивана Грозного. Она сохранила больше исторических

деталей, чем Успенский собор, построенный на 40 лет раньше. Сейчас монастырь восстановлен, и на его территории открыт паломнический центр.

Музей. Старицкий музей открылся в 1919 г. на основе коллекций местных краеведов и археологов-любителей, среди которых наиболее яркой личностью был И. П. Крылов. В первые годы своего существования музей размещался в настоятельском корпусе закрытого к этому времени Свято-Успенского мужского монастыря. В период Великой Отечественной войны музейная коллекция не была вовремя вывезена и оказалась практически уничтожена. Погибли бесценные предметы, рукописи и книги. В 1975 г. Старицкий музей въехал в здание Введенской церкви XVI в. в том же Свято-Успенском монастыре. Через два года он стал филиалом Тверского государственного объединённого музея и находится в этом статусе по сей день. В 2008 г., в связи с передачей здания Введенского храма Тверской епархии Русской Православной Церкви и включением его в общий комплекс успешно восстанавливаемого Свято-Успенского монастыря, в Старице было выстроено новое здание для краеведческого музея. Оно располагается при въезде в город со стороны Твери (Старицкий музей).

Пещеры. Особый интерес сегодня, в том числе и для туристов, представляют карстовые пещеры и остатки систем каменоломен, известных с XIV–XVI вв. в окрестностях Старицы. Добыча белого камня в них шла до начала XX века, а затем каменоломни были заброшены. Здесь сохранились следы добычи камня, оборудования, использовавшегося рабочими, части балок. В каменоломнях не удастся обеспечить должный уровень безопасности для массового туризма, однако некоторые индивидуальные экскурсии сюда проводятся. Добыча камня продолжается уже в окрестностях города карьерным способом.

Белокаменные кузни. Комплекс из нескольких десятков кузниц был выстроен в конце XVIII в. по проекту архитектора М. А. Черныгина на высоком берегу Волги, в самом центре современной Старицы, напротив действующего, отреставрированного Свято-Успенского Старицкого монастыря. В настоящее время кузницы заброшены и разрушаются, однако имеют федеральный охранный статус.

Уникальность этих сооружений заключается в том, что они были встроены в тело средневекового вала и сооружались из знаменитого старицкого белого камня («мармара»). В настоящее время сохранилось меньше десяти кузниц, украшенных богатым резным декором. После необходимой реставрации можно было бы открыть в них музей кузнечного дела, проводить мастер-классы, квесты и т. д. Такой объект, расположенный в удивительно красивом месте, безусловно, обогатил бы культурную программу индивидуальных и организованных туров.

Храм Вознесения. Из белого же камня был построен еще один монастырь города — Вознесенский женский монастырь. Его строительство относят ко времени пребывания в Старице Ивана Грозного. Теперь на этом месте можно видеть только руины базиликального храма Вознесения. Они расположены в городском парке — одной из немногих общественных зон для гуляния в центре города, возле администрации и учебных заведений.

За последние три года в городе реализовались проекты двух частных музеев. Один из них Музей русской печи, второй — Музей хлеба. Последний является скорее развлекательным учреждением.

В Старице сохранена богатая историческая застройка, многие дворянские и купеческие особняки, дома простых горожан, даже целые улицы, представляющие исто-

рический ландшафт — например Аптекарский переулочек, постройки хозяйственного назначения: ротонда, магазины и складские помещения. В процессе реставрации находится ряд церквей.

В 2019–2021 годах прошла реконструкция набережной на месте бывших торговых рядов, разрушенных во время войны. Набережная расположена вблизи бывшей переправы и пристани. В этом месте сейчас находятся опоры единственного моста через Волгу в районе города. Хотя реконструкция произошла позже времени проведения нашего опроса, на основании личного посещения автором г. Старицы, можно сказать, что место уже стало востребованным — любимой прогулочной зоной у местных жителей.

Сам мост через Волгу, построенный в 1963 году, действительно монументален. Его замечают и отмечают как доминанту города каждый приезжающий. Однако некоторые жители демонстрируют скептическое отношение к его функциональности (отмечается «плохое покрытие и вечный ремонт») или влиянию на город, утверждая, что он разрушил исторический облик и создал много шума и загрязнений («круглосуточный проезд фур и большой трафик») (ПМА).

В Старице расположено несколько памятников и монументов: памятник воинам, погибшим в боях при освобождении Старицы, обелиск Победы, памятник маршалу М. В. Захарову, родившемуся в Старице, памятник адмиралу В. А. Корнилову — уроженцу Старицкой земли, монумент-памятник к 700-летию основания города, связанный с его гербом, изображающим женщину с посохом.

В своем исследовании мы попытались понять, как все это богатое историческое и культурное наследие отражается в представлении старичан о родном городе.

В 2018 г. был проведен массовый социологический опрос жителей Старицы. Специально составленная анкета включала и вопросы, касающиеся важных мест в городе. Мы хотели понять, как воспринимают свой регион, свой город местные жители. На что они ориентируются, когда речь идет о родном городе, какие конкретно объекты материального культурно-исторического наследия и их категории они отмечают и замечают.

Выборка была квотная и составила 300 человек: по 100 человек в каждой из трех возрастных категорий: от 18 до 29 лет; от 30 до 49 лет; старше 50 лет. В каждой категории было представлено одинаковое число мужчин и женщин.

В данной статье анализируются ответы на открытый вопрос: «В какое необычное место Вы повели бы гостя Вашего города?». Вопрос был сформулирован именно так, чтобы получить максимальное разнообразие ответов. Кроме того, был проведен небольшой опрос (16 человек) и интервьюирование (7 человек) экспертов, что позволяет увидеть разницу между теми объектами, которые упоминают жители, вовлеченные в сферу туризма, и теми, что представляют интерес и значимы для жителей, не относящихся к ней.

Из 300 опрошенных, на интересующий нас вопрос, касающийся достопримечательных мест Старицы (то есть образа города), ответили 106 человек (53 ответа дали мужчины и 79 — женщины). Ответов больше, чем число ответивших, т. к. участники опроса имели возможность в свободной форме сформулировать один или несколько вариантов.

Для систематизации ответов они были сгруппированы в три основные категории: 1) культурные и исторические объекты (городские постройки, объекты город-

ской среды, музеи, парки, городские достопримечательности, объекты культурного и исторического наследия) — в таблице они объединены под названием «светские»; 2) религиозные объекты (церкви, храмы, монастыри, пустыни, святые источники) объединены под названием «духовные»; 3) природные (реки, леса, озера, рекреационные хозяйства и поселения вне города, сельскохозяйственные угодья, объекты природного наследия). Конечно, некоторые из указанных объектов, могут относиться к нескольким категориям одновременно, как по смыслу, по своей истории, так и по восприятию. Однако, к каждой категории нами даются пояснения. Была добавлена и категория «затрудняюсь ответить», когда опрашиваемый не мог назвать какие-либо интересные, по его мнению, объекты в городе.

Перед нами стояло несколько задач: первая — это попытаться оценить, какого характера достопримечательности жители видят доминирующими в своем городе; вторая — проанализировать возрастные различия в этой оценке; третья — рассмотреть разнообразие полученных конкретных ответов, обратив внимание на особенности редко встречающихся и сопоставить их с ответами экспертов.

В табл. 1 приведено распределение полученных ответов как в целом по выборке, так и по возрастным группам.

Таблица 1.

Распределение вариантов ответов на вопрос «В какое необычное место Вы повели бы гостя Вашего города?» (опрошено 106 человек)

Возраст	1 (духовное)	2 (светское)	3 (природа)	4 (затрудняюсь ответить)	Суммарно ответов
18–29	5	10	14	9	38
30–49	9	13	15	3	40
50+	14	14	19	6	53
Все возраста суммарно	28	37	48	18	131

Сведенные в таблицу данные показали, что наибольшее внимание горожанами уделяется природным достопримечательностям родного края (48 ответов), меньше — светским, культурно-историческим (37 ответов), и еще меньше — духовно-религиозным (28 ответов). Затруднились ответить 18 человек.

Третья категория — природные достопримечательности, оказалась самой многочисленной, а ответ «Пещеры» здесь упомянут 27 раз — это самый распространенный ответ в данной категории и во всем опросе. Можно предположить, что такой результат получен, в том числе, благодаря распространенности легенд, связанных с системами старицких пещер и каменоломен (далее — пещер), некоторые из которых приведены выше. В легендах упоминаются уникальные особенности природно-культурного ландшафта, характерного исключительно для определенного города, подчеркивается их важность в мировосприятии местных жителей. С историческими или современными легендами о пещерах знаком каждый житель города, с которыми встречался автор. Само же посещение пещер, в настоящее время располагающихся в черте города и рядом с ним, в какой-то степени табуировано: оно связано с опасностью, современными историями о заблудившихся там людях или обвалившемся входе, с деятельностью поисково-спасательного отряда, созданного в Старице. Согласно нашим материалам, часть жителей города не посещала пещеры никогда или

«один раз в детстве», именно опасаясь их, а не из-за боязни закрытого пространства. Вторым по распространенности ответом (всего 8) в «природной» категории стал берег Волги или просто «река Волга», в разных формулировках, например, респонденты вспоминали «свое потаенное место на берегу Волги» или говорили, что «устроили бы экскурсию по берегам Волги». Есть и три ответа о поездках просто «на природу». Перечислялись также карьер (2 ответа), лес, дача, родники (упомянуты единожды).

Самым большое разнообразие вариантов ответов было зафиксировано в категории светских достопримечательностей. Здесь назывались и исторические объекты, и современные спортивные комплексы, кинотеатры и студенческое общежитие. Спортивно-развлекательные заведения упоминались не только людьми самой младшей возрастной категории. Напротив, большее количество ответов такого рода дали респонденты средней возрастной категории. А, например, «боулинг» упомянут всего дважды, людьми старшей и средней возрастных категорий. Каток (или Ледовый дворец) и стадион более популярны также среди ответивших, относящихся к возрастной группе от 30 лет. Несколько оригинальных ответов встретились единожды: «кладбище», «заброшенный хлебозавод», «рынок». Городской музей назвали всего 6 раз и один раз музей Пушкина в с. Берново. Городище оказалось популярнее у жителей Старицы. Названное по-разному оно упомянуто в ответах 9 раз. В этой же категории оказались прогулки по городу, парк, городской сад.

Наименьшее разнообразие объектов показали ответы в категории духовных достопримечательностей. Можно предположить, что это связано с тем, что все они относились к христианской традиции. Лидирующим ответом в этой категории был Успенский мужской монастырь. Он встретился в ответах 16 раз. Храмы Старицы уникальны и разнообразны, однако отдельно названа в ответах только Ильинская церковь¹. Еще в двух ответах «церкви» названы обобщенно. Четыре раза упомянут «святой источник в д. Маслово», и один раз упомянут просто «святой источник» без географической привязки.

Среди городских светских достопримечательностей жители города отметили «спорткомплекс» и «каток». Их ни разу не упомянули при опросе эксперты. Также и «пещеры» игнорировали все эксперты, кроме одного, который некогда занимался научным исследованием пещер и водил туда гостей города. На уточняющий вопрос «Почему вы их не упомянули?», люди, связанные с индустрией туризма, в основном отвечали, что существует административный запрет на организацию посещения пещер-каменоломен из-за опасности обвала. Однако через год после опроса уже двое экспертов занимались «помощью в организации посещения пещер Старицы». Такая формулировка дает возможность обойти запрет, так как гид в данном случае лишь помогает туристу, а не выступает организатором.

К категории природных достопримечательностей отнесены природные объекты и за границами города Старицы, в частности, у близлежащих сел или сами села. За исключением случаев, когда в ответе присутствовало наименование религиозного характера, например, «святой источник» или «храм в селе Красное». В таком случае ответы попадали в первую категорию — религиозных достопримечательностей.

¹ Ильинская церковь г. Старицы, построена в 1804 году, каменная, имеет два предела: Скорбящей Божией Матери и Великомученицы Екатерины. Построена взамен сгоревшей в 1782 году, деревянной Ильинской церкви, 1624 года постройки.

В нескольких анкетах встречались упоминания музеев, в частности, «музея Пушкина в Берново». В таком случае ответ был отнесен ко второй категории.

Важно отметить, что респонденты в некотором числе случаев называли села, удаленные от Старицы иногда на расстояние до 40 км. Это упомянутое выше Берново, а также Маслово, Красное, Иванищи, Ордино, Родня, Щапово, д. Федурново. Однако, такие ответы важны, так как отражают восприятие границ Старицкой земли ее жителями. Еще два ответа: реки Межа (160 км. к западу от старицы) и Селижаровка (160 км. на север от города) явно выходят за эти пределы, однако находятся в Тверской области.

В таблицах 2 и 3 представлены отдельно ответы мужчин и женщин на тот же вопрос.

Таблица 2.

Распределение вариантов ответа на открытый вопрос «В какое необычное место Вы повели бы гостя Вашего города» среди мужчин г. Старицы (53 ответивших)

Возраст	1 (духовное)	2 (светское)	3 (природа)	4 (загрудняюсь ответить)	Суммарно
18–29	1	4	6	7	18
30–49	2	7	5	1	15
50+	2	5	8	5	19
Все возраста суммарно	5	16	19	13	53

Таблица 3.

Распределение вариантов ответа на открытый вопрос «В какое необычное место Вы повели бы гостя Вашего города» среди женщин г. Старицы (53 ответивших)

Возраст	1 (духовное)	2 (светское)	3 (природа)	4 (загрудняюсь ответить)	Суммарно
18–29	4	6	8	2	20
30–49	7	6	10	2	25
50+	13	9	11	1	24
Все возраста суммарно	24	21	29	5	79

* несколько вариантов ответов давали только женщины

Количество ответивших мужчин и женщин оказалось одинаковым. При этом, в целом, как и во многих других сферах жизни, наиболее активными и давшими более интересные ответы оказались женщины. И особенно женщины старшей возрастной категории. Они же уделили больше внимания духовным ценностям, в противовес мужчинам с самым низким абсолютным показателем в данной категории. Но во всей совокупности ответов духовные ценности и объекты оказались лишь на третьем месте. Среди мужчин почти в три раза чаще встречались те, кто затруднились ответить на данный вопрос.

Ответы экспертов, несмотря на то, что выборка и методы сбора данных не совпадают с таковыми при массовом опросе, все же представляют интерес для данного исследования. Экспертами выступали гиды, экскурсоводы, сотрудники музеев и гостиниц, организаторы паломнических и светских маршрутов, сотрудники администрации города, курирующие сферу туризма и организации массовых мероприятий. Их ответы были более унифицированы, т. к. респонденты опирались на хорошо разработанные маршруты. Надо отметить, что география перечисленных достопримечательностей была такой же широкой: включала в т. ч. удаленные села с их природно-культурным наследием. Часто представители администрации и работники туристической индустрии региона также являются местными жителями. Это, конечно, играет свою положительную роль, но не избавляет от профессиональной деформации — «замыливания взгляда» и ориентации на привычные формы взаимодействия с туристами и устоявшиеся объекты туристического показа.

Однако два эксперта дали такие варианты ответа, которые ни разу не встречались в ответах при массовом опросе. Один эксперт назвал в качестве достопримечательности «аэродром». Выяснилось, что в 5 км от Старицы находится аэродром, где есть возможность совершить полет или прыгнуть с парашютом. Также была упомянута «прогулка на лодке». Верховья Волги непроходимы для крупных судов, маленькие же весельные или моторные лодки в основном предлагаются в наши дни как развлечение, а не средство передвижения. Такой ответ встретился единожды.

Во всей массе ответов автор находит удивительным только невнимание респондентов, как всех жителей, так и экспертов, к Старицкому мосту через Волгу. Возможно, это связано с утилитарным ежедневным многократным использованием его жителями. В итоге, можно сказать, что жители Старицы приоритетно (с небольшим перевесом) связывают свой город с природными достопримечательностями, включенными в историческую культурную канву традиционного природопользования региона. Ведь истари здесь добывали кремень и известняк — закрытым (каменоломни) и затем открытым (карьеры) способом. Целый пласт жизни города был и до сих пор связан с добычей камня.

Оценка мест, достойных показа гостям, в представлениях экспертов и жителей отличается, однако варианты, предложенные различными категориями респондентов, лишь дополняют друг друга. Экспертные мнения носят следы влияния профессии. А проанализировав возрастные различия в ответах респондентов, мы можем заметить тенденции к увеличению числа ответов, связанных со спортом и движением в самой молодой категории. Большую, чем у других склонность к духовности продемонстрировали представители старшей возрастной категории.

Разнообразие полученных ответов позволяет по-новому посмотреть на рекреационные возможности малых городов и Старицы, в частности. Возможности активного отдыха, природно-культурного и экологического туризма здесь гораздо шире, чем те, что стандартно предлагаются в турфирмах или описываются в Интернете на туристических сайтах. Жители города чаще обращают внимание на редко встречающиеся объекты, которым туристическая индустрия не уделяет внимания.

Не всё интересное возможно включать в экскурсионное и туристическое обслуживание. Это связано с административными и правовыми нормами, с государственными программами, расставляющими приоритеты. У администрации каждого региона есть свой взгляд на развитие территории в экономическом плане. Ей важно

обеспечить уровень жизни населения, создать рабочие места, развивать те или иные отрасли — сельское хозяйство или промышленность, или и то, и другое. Сейчас многие регионы также делают ставку на туризм, в том числе и на создание инфраструктуры для развития туризма, облегчение доступа к особым объектам — природным и историческим, налаживание народных промыслов и производство памятных сувениров как символов региона. Администрация и сама, без участия местных жителей может искусственно выделять или даже создавать те или иные объекты, делая их центрами посещения. Но часто интерес туристов к таким нововведениям низок, в силу того, что они создаются на основе решений сверху, не учитывающих местные особенности, и похожи на виденное в других регионах и городах.

Местное население может выступать для администрации индикатором того, какие объекты формируют образ места, требуют особого внимания, имеют наибольшую важность для жителей, составляют часть местного колорита, неотъемлемы от места в представлении людей. Что именно в первую очередь реставрировать, ремонтировать, что и где открывать, чего не хватает — могут показать данные опросов. Туристы приезжают и уезжают, а постоянное население легче может стать источником сведений для решения некоторых задач в приоритетном планировании реконструкций и реставраций отдельных достопримечательностей и памятников.

В заключение важно отметить, что с точки зрения этноэкологии туризм в последние десятилетия стал новым видом взаимодействия населения с локальной природно-культурной средой, то есть новым видом этноэкологической связи. Характер этой связи, ее особенности и тенденции развития требуют изучения. Образ места при этом становится ресурсом, привлекающим к себе все больше внимания, как в научном, так и в экономическом планах.

Источники и материалы

- ПМА — ПМА. Архив Центра антропоэкологии ИЭА РАН
 Проект содействия — Проект содействия развитию туризма [Электронный ресурс] <https://travelvesti.ru/issledovaniya/proekt-sodejstviya-razvitiyu-turizma-v-malykh-istoricheskikh-gorodakh-nastoyashchaya-rossiya.html> (дата обращения 13.09.2021).
 Старицкий музей — Старицкий краеведческий музей [Электронный ресурс] <https://tvermuzeum.ru/affiliates/SKM> (дата обращения 13.09.2021).
 Всероссийский конкурс — Всероссийский конкурс лучших проектов создания комфортной городской среды [Электронный ресурс] <https://konkurs.gorodsreda.ru/> (дата обращения 25.09.2021).
 Создание условий — «Создание условий для развития туризма и обустройство отдельных рекреационных зон на территории городского округа Жигулевск» [Электронный ресурс] <https://zhigulevsk.org/files/Cenoobrazovanie/2018/2030.pdf> (дата обращения 25.09.2021).

Научная литература

- Григулевич Н. И., Дубова Н. А., Остапенко Л. В., Сабина Д. С., Субботина И. А., Ямсков А. Н. Население малого города Центральной России в XXI в. «Исследования по прикладной и неотложной этнологии». Вып. № 267. М.: ИЭА РАН, 2018. 111 с.
 Веденин Ю. А. Культурный ландшафт как объект наследия. М: Институт наследия, 2004. 620 с.
 Воробьев В. М. История Тверского края. Учебное пособие. Тверь: Созвездие, 1996. 215 с.
 Воробьев М. В. Первоначальное заселение старицкой земли // Старица: путь длиною в семь веков 1297–1997 гг. Тверь. 1997. С. 6–13.

- Замятина Н. Ю. Гений места и город: варианты взаимодействия // Вестник Евразии 2007. С. 62–87.
- Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос 2002. Вып. 3(34). С. 1–12.
- Зубарев Ф. Н. Город Старица и Вознесенский монастырь. Старица: Б.и.1914. 204 с.
- Кабицкий М. Е., Артемова О. Ю., Мартынова М. Ю. (отв.ред.). *Малые города — большие проблемы: Социальная антропология малого города. М.: ИЭА РАН, 2014.*
- Козлов В. И. Этническая экология: становление дисциплины и история проблемы. М.: ИЭА РАН, 1994. 230 с.
- Крылов И. П. Материалы для истории города старицы Тверской губернии, Старица: типография И. П. Крылова, 1905. 122 с.
- Крылов И. П. Старица и ея достопримечательности. Издание 2-е. Старица: Типография И. П. Крылова. 1914. 168 с.
- Лавренов В. И. Муниципальная символика города Старицы и Старицкого района Тверской области. Тверь: Издатель Алексей Ушаков, 2001. 32 с.
- Мартынова М. Ю. (отв. ред.). *Малый город в современной России. М.: ИЭА РАН, 2010.*
- Остапенко Л. В., Субботина И. А. Провинциальный русский город в начале XXI века, М: Старый сад, 2019. 290 с.
- Смирнов Д. И. Летопись древнего города. Тверь: Твер. обл. кн.-журн. изд-во, Б. г. (1996). 79 с.
- Тишков В. А. (отв. ред.). «Мы здесь живем»: социальная антропология малого российского города. М.: РГГУ, 2013.
- Трубина Е. Г. Город в теории: опыты осмысления пространства. М.: Новое литературное обозрение., 2011. 519 с.
- Хворостова Е. Л. Деревянные постройки Старицкого городища // Тверской археологический сборник. Вып.1. Тверь: Кн.-журн. Изд-во,1994. С. 177–183.
- Шитков, А. В. Заложник эпохи. Старица: Стариц. тип., 2010. 144 с.
- Шитков А. В. Опальный род князей Старицких, Старица: Стариц. тип., 2001. 159 с.
- Ямсков А. Н. История становления и развития отечественной этноэкологии // Этнографическое обозрение. 2013. № 4. С. 49–64.
- Lefebvre, H. Le droit a la ville L'Homme et la societe. 1967. № 6. P. 29–35.
- Low, S. On the Plaza. The politics of Public space and culture. Austin: University of Texas Press, 2000. 296 p.
- Park, R.E. eds. Introduction to the science and society. Chicago: University of Chicago Press, 1921. P. 161–216.

References

- Grigulevich, N.I., Dubova, N.A., Ostapenko, L.V., Sabinina, D.S., Soubbotina, I.A., Yamskov, A.N. 2018. *Naselenie malogo goroda Tsentral'noi Rossii v XXI v.* [Population of a minor town of Central Russia in XXI c.] Moskva.
- Kabickiy M. E., Artemova, O.Y, Martynova M. Y. (ed.). 2014. *Malye goroda — bol'shie problemy: Sotsial'naia antropologiya malogo goroda* [Small Cities — Big Problems: The Social Anthropology of the Small City]. Moskva: Institut etnologii i antropologii RAS.
- Khvorostova, E.L. 1994. *Dereviannye postroiki Staritskogo gorodishcha* [Wooden constructions of Staritsa hillfort]. Tverskoi arkheologicheskii sbornik. 1: 177–183.
- Kozlov, V.I. 1994. *Etnicheskaya ekologiya: stanovlenie distsipliny i istoriia problemy* [Ethnic Ecology: establishment of the discipline and history of the problem]. Moskva.
- Krylov, I.P. 1905. *Materialy dlia istorii goroda Staritsy Tverskoi gubernii* [Materials for the history of Staritsa town in Tver' region]. Staritsa: Tipografiia I. P. Krylova.
- Krylov I. P. 1914. *Staritsa i eia dostoprimechatel'nosti*. Izdanie 2-e. [Staritsa and its sights. Second issue]. Staritsa: Tipografiia I. P. Krylova.

- Lavrenov, V.I. 2001. *Munitsipal'naia simbolika goroda Staritsy i Staritskogo raiona Tverskoi oblasti* [Municipal Symbols of Staritsa town and its district in Tver region]. Tver': Izdatel' Aleksei Ushakov.
- Lefebvre, H. 1967. Le droit a la ville. *L'Homme et la societe*. 6: 29–35.
- Low, S. 2000 *On the Plaza. The politics of Public space and culture*. Austin: University of Texas Press.
- Martynova, M.Y. (ed.). 2010. *Malyi gorod v sovremennoi Rossii* [The Small Town in Modern Russia]. Moskva: Institut etnologii i antropologii RAS.
- Ostapenko, L.V., Subbotina, I.A. 2019. *Provintsial'nyi russkii gorod v nachale XXI veka* [Provincial Russian town in the beginning of XXI century]. Moskva: Staryi sad.
- Tishkov, V.A. (ed.). 2014. «*My zdes' zhivem'*: sotsial'naia antropologiya malogo rossiiskogo goroda [«We Live Here»: The Social Anthropology of a Small Russian Town]. Moskva: Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet.
- Trubina, E.G. 2011. *Gorod v teorii: opyty osmysleniia prostranstva*. [City in the theory: experiments of comprehension of space] Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Park, R.E. eds. 1921. *Introduction to the science and society*. Chicago: University of Chicago Press.
- Shitkov, A. V. 2010. *Zalozhnik epokhi* [Hostage of an Epoch]. Staritsa: Staritskaya tipografia.
- Shitkov, A.V. 2001. *Opal'nyi rod kniaziei Staritskikh* [Disgraced family of princes Staritsky] Staritsa: Staritskaya tipografia.
- Simmel, G. 2002. *Bol'shie goroda i dukhovnaia zhizn'* [The Metropolis and mental life]. Logos. 3(34): 1–12
- Smirnov, D.I. 1996. *Letopis' drevnego goroda* [Chronicle of an old city]. Tver': Tverskoje oblastnoje knizno-zhurnalnoje izdatelstvo.
- Vedenin, Yu. A. 2004. *Kul'turnyi landschaft kak ob'ekt nasledii* [Cultural landscape as a heritage]. Moskva: Institut nasledii.
- Vorob'ev, V.M. 1996. *Istoriia Tverskogo kraia*. [History of Tver' region]. Tver': Sozvezdie.
- Vorob'ev, M.V. 1997. *Pervonachal'noe zaselenie staritskoi zemli* [Initial colonization of Staritsa region]. In *Staritsa: put' dlinoi v sem' vekov 1297–1997 gg.* Tver'.
- Yamskov, A.N. 2013. *Istoriia stanovleniia i razvitiia otechestvennoi etnoekologii* [The history of formation and development of Russian ethnoecology]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 4. Moskva.
- Zamiatina N. Yu. 2007. *Genii mesta i gorod: varianty vzaimodeistviia* [Genius loci and the city: modalities for interaction]. *Vestnik Evrazii*.
- Zubarev F. N. 1914. *Gorod Staritsa i Voznesenskii monastyr'*. [Staritsa town and Voznesensky monastery] Staritsa.

УДК 39
DOI: 10.33876/2311-0546/2022-2/68-89
Научная статья

© О. В. Калинина

ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИЙ МОНАСТЫРЬ В КУЛЬТУРЕ РУССКИХ И СЕТО ПЕЧОРСКОГО РАЙОНА ПСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ: МОНАСТЫРСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И МЕСТНЫЕ ПРАКТИКИ

Статья посвящена анализу нарративов, собранных у населения Печорского района Псковской области (русских и сето), касающихся Свято-Успенского Псково-Печерского мужского монастыря. Интерес к этой теме обусловлен фактом непрерывной деятельности монастыря, который не закрывался ни на один день, начиная со времени своего основания в конце XV века. В фокусе исследования оказались не внутренние монастырские и не паломнические практики, а мировоззренческие позиции и действия местного населения, т. н. «туземцев». Материалы 100 интервью, отражающие ситуацию послевоенного советского и постсоветского периодов в городе Печоры и его окрестностях, дополнены свидетельствами из архивных источников. Исследование опирается на концепции «живой религии» и локальной идентичности. Анализ нарративов показал, что монастырь осознавался населением в качестве сакрального локуса, историко-архитектурного памятника, паломнического и туристического объекта, просветителя, работодателя, спонсора, носителя идейных и экономических ресурсов. Являясь постоянным фоном местной действительности, он породил не только религиозные, но и разнообразные светские практики. Таким образом, монастырская идентичность местного населения формировалась вне зависимости от религиозного сознания его отдельных индивидов. Несмотря на значительные ограничения влиятельных возможностей монастыря в советский период, в частности, запрет на посещение монастыря детьми и молодежью, он продолжал играть ключевую роль в местной культуре как религиозный центр, историческая доминанта, предмет краеведческой гордости, рекреационная зона, источник инфоповодов и т. д. Попытка превращения города Печоры из монастырского в индустриальный моногород не увенчалась успехом в следствии распада СССР и экономического кризиса. В постсоветский период монастырь стремительно начал восстанавливать свое влияние в качестве символического хозяина Печорского края.

Ключевые слова: русские, сето, Псково-Печерский монастырь, идентичность, монастырская культура, советский период, постсоветский период, религия, повседневность.

Ссылка при цитировании: Калинина О. В. Псково-Печерский монастырь в культуре русских и сето Печорского района Псковской области: монастырская идентичность и местные практики // Вестник антропологии, 2022. № 2. С. 68-89.

Калинина Ольга Владимировна — научный сотрудник, Российский этнографический музей (191186 Санкт-Петербург, Инженерная ул., 4/1). Эл. почта: kalinina_ol@mail.ru

UDC 39
DOI: 10.33876/2311-0546/2022-2/68-89
Original Article

© Olga Kalinina

THE PSKOVO-PECHERSKY MONASTERY IN THE CULTURE OF THE RUSSIANS AND SETO OF THE PECHERSKY DISTRICT OF THE PSKOV REGION: MONASTERY IDENTITY AND LOCAL PRACTICES

The article analyzes the narratives about the Holy Dormition Pskovo-Pechersky Monastery collected among the population of the Pechersky District, both Russians and Seto. Interest in this subject is caused by the uninterrupted activity of the monastery, which has never been closed since its foundation in the late XV century. The research is focused not on monastic or pilgrimage practices but on the worldview concepts and activities of the local population, the so-called «natives». One hundred interviews reflecting the situation in the Soviet period after the Second World War and Post-Soviet time in the town of Pechory and its outskirts are supplemented by archival evidence. The research is based on the concepts of «lived religion» and local identity. Analysis of narratives revealed that the population perceived the monastery as a sacred locus, a monument of history and architecture, an object of pilgrimage and tourism, an enlightener, employer, sponsor, a keeper of ideological and economic resources. As a constant backdrop of local realities, it produced not only religious but also various secular practices. Thus, the convent identity of the local population was shaped independently of individual's conscience. In spite of the significant restriction of monastery influence in the Soviet period, in particular the prohibition for children and young people to visit the convent, it continued to play a key role in local culture as a religious center, historic dominant, an object of pride for local historians, a recreation zone, a source of information, etc. The attempt to transform the town of Pechory from a monastery center into an industrial settlement failed due to the collapse of the USSR and the economic crisis. In the Post-Soviet period, the monastery started to reestablish its influence rapidly as a symbolic master of the Pechorsky District.

Keywords: Russians, Seto, Pskovo-Pechorsky Monastery, identity, monastery culture, Soviet period, Post-Soviet period, religion, daily life.

For Citation: Kalinina, O. 2022. The Pskovo-Pechersky Monastery in the Culture of the Russians and Seto of the Pechersky District of the Pskov Region: Monastery Identity and Local Practices. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 2: 68-89.

Author Info: Kalinina, Olga — Researcher, Russian Museum of Ethnography (191186 St.-Petersburg, Inzhenernaya str. 4/1). E-mail: kalinina_ol@mail.ru

Введение

Феномен православного монастыря занимает отдельное место в современных исследованиях по антропологии религии. Монастыри рассматриваются «изнутри» с позиции повседневности и разнообразия практик (Астэр 2009; Naumescu 2012; Дубовка 2017), а также «снаружи» — как центры притяжения (Шейбак 2008; Kõiva, Kuperjanov, Vesik 2018). Соответственно объектом исследования становятся либо насельники монастырей (монахи, послушники, трудники), либо люди пришлые — туристы, паломники, переселенцы за отцами духовными. Отдельный интерес вызывает субкультура людей т. н. «прицерковного круга» (Тарабукина 2000). Между тем, имеется еще одна категория людей, тесно связанная с монастырями, — это местное население, «туземцы». Они являются неотъемлемой и как бы «статичной» составляющей сакрального локуса, к которому стремятся пришлые (Кормина 2019:209), а на страницах исторических исследований упоминаются как «местные», «верующие», «верующие жители». (Шкаровский 2010:375; Шлихта 2017). Их голоса «звучат» в материалах, собранных фольклористами (Малчев 1999; Шеваренкова 2011; Ведерникова, Никитина 2014). Но в целом, в современных публикациях о феномене «советской религиозности» тема монастырской «туземной» культуры представлена слабо. Если в дореволюционной отечественной литературе симбиоз монастыря и его окружи рассматривался чаще всего в контексте просветительско-миссионерской традиции православного монашества, то политика советского государства, направленная на физическое уничтожение монастырей, сделала эту тему неактуальной и по сути невозможной. В реалиях постсоветской России исследователи имеют дело с прерванной традицией и ситуацией возрождения монастырей. Исследуя народную религиозную прозу, они фиксируют феномен устойчивости памяти населения об их прошлой монастырской культуре, которая зачастую возводится в эталон и мифологизируется (Шеваренкова 2011). Тем интереснее рассмотреть случай с монастырем, не прекращавшем своего служения на ни один день и остававшемся сильным игроком на исторической арене.

Известно, что к 1938 г. на территории СССР не осталось ни одного монастыря (Шкаровский 2010:125). Сохранение монашеской традиции в советском государстве послевоенного периода было связано с политикой оккупационных властей, разрешавших открывать на занятых ими территориях православные храмы и монастыри, но в большей степени — с территориальными присоединениями 1939–1945 гг. Речь идет о монастырях Западной Украины, Западной Белоруссии, Молдавии и Прибалтики. В дальнейшем начался процесс их закрытия, к концу антирелигиозной кампании 1958–1964 гг. в СССР сохранилось лишь 16 православных монастырей — 6 мужских и 10 женских (Шкаровский 2010: 386). Наиболее известные из них — Почаевская Лавра (Украина), Жировичский мужской монастырь (Белоруссия), Жабский женский монастырь (Молдова), Пюхтицкий женский монастырь (Эстония), Псково-Печерский мужской монастырь (который в 1920–1940 гг. также находился в составе независимой Эстонской Республики). Стратегии их выживания в период хрущевской антимонастырской кампании включали объединение мужских и женских общин под одним кровом (например, Вильнюсский Свято-Духов монастырь), открытое неповиновение властям и разнообразные приемы дипломатии — прежде всего апеллирование к международной общественности. (Непочатова 2016; Лаукайтуте 2017; Шлихта 2017).

Задачей данной статьи является анализ нарративов, записанных у старожильского населения Печорского района Псковской области (русских и сето), связанных с Псково-Печерским монастырем, и характеристика монастырской идентичности местного населения. Исследование базируется на полевых материалах, собранных в 2007–2017 гг. В качестве дополнительных источников используются архивные материалы. В ходе исследования было сделано около 100 интервью, которые позволяют проанализировать отношение населения к Псково-Печерскому монастырю и выявить разнообразные практики, связывающие обывателей с обителью — как религиозные, так и светские. Хронологические рамки исследования обусловлены возрастом респондентов — людей 1930-х — 1980-х годов рождения, чьи нарративы отражают ситуацию в послевоенных советских и постсоветских Печорах. Это современные горожане, многие из которых переехали в Печоры из окрестной сельской местности, а также потомственные жители деревень и хуторов Печорского района.

Для раскрытия мировоззренческих позиций изучаемого сообщества используется феноменологический подход [Шюц 2004; Гуссерль 2009] и концепция «живой/проживаемой религии» [Orsi 2002; McGuire 2008], позволяющие рассматривать самые разнообразные духовные практики в контексте повседневности, с позиции самих носителей культуры без противопоставления «народное — церковное». Не менее важной для данного исследования является концепция локальной идентичности, то есть сопричастности субъекта с определенной территорией и/или объектом, будь то населенный пункт, исторический памятник или промышленное предприятие. (Solomon 2003, Castells 2010, Недосека 2020) В конкретном случае речь будет идти о «монастырской» идентичности и культуре населения Псково-Печорского края, которые были сформированы в результате взаимодействия населения с монастырем в новейший период истории.

Население Печорского района и локальная религиозная традиция

Печорский район Псковской области (Псково-Печорский край) представляет собой историческую этно-контактную зону на границе между восточной и западной христианскими традициями. Многонациональный состав населения края (русские, сето, эстонцы, латыши) во многом объясняется его пограничным положением — непосредственной близостью с современными Эстонией и Латвией. Православное старожильское население Печорского района составляют русские и сето (сету)¹. Последние являются представителями финно-угорской языковой общности, чей язык входит в группу южно-эстонских диалектов. До недавнего времени сето не имели статуса отдельного народа и учитывались в официальных документах как эстонцы. Тем не менее понимание разницы между эстонцами и сето всегда присутствовало как у рядового населения, так и у властей. Оно базировалось на различиях в языке, вероисповедании и культуре. От русского населения сето получили экзоним «полуверцы», который использовался на бытовом уровне и в советский период.

Свято-Успенский мужской монастырь, образованный в 1473 г., развивался как форпост православия на западной окраине Псковской земли и активно занимался

¹ В эстонской историографической традиции принят термин «сету», употреблявшийся (в том числе русскими авторами) вплоть до начала XXI в. В настоящее время в научной литературе все чаще используется эндоэтноним «сето».

миссионерской деятельностью, с которой обычно связывают происхождение православного вероисповедания сето (*Piho* 2011). В 1920–1940 гг. район находился в составе независимой Эстонии в качестве Печорского уезда (Петсеримаа), с этим обстоятельством было связано увеличение эстонского населения Печор и их окрестностей. С появлением протестантских церквей в Печорах (эстонская) и в деревне Лавры (эстонско-латышская) здесь были несколько усилены позиции Евангелическо-лютеранской церкви. Однако подавляющее число местного населения относило себя к православной традиции — 37000 русских и 15000 сето (*Setumaa* 1928: 42). На территории образованного Печорского уезда Эстонской Республики действовали 19 православных храмов и монастырь. (*Setumaa* 1928: 218–360). Богослужения проводились на эстонском (языке религии для сето) и церковнославянском языках. Государственная граница, отделившая Печоры (Петсери) от СССР, спасла местную православную традицию от уничтожения и в какой-то степени законсервировала ее. Стойкость местных обрядовых практик, связанных с православием, даже вызывала некоторое недоумение у эстонцев новообразованной республики (*Kalkun* 2014). Советизация населения началась здесь в 1940–1941 гг., была прервана немецкой оккупацией (1941–1944) и развернулась уже в послевоенный период, когда Печорский край был выведен из состава Эстонии и вновь присоединен к Псковской области.

В постсоветский периоды доля сетоского населения в районе резко сократилась в связи с оттоком людей в Прибалтику и естественной убылью. В 2011 г. численность сето Печорского района составила не более 225 человек (*Манаков, Потапова* 2013: 181). Однако в советский послевоенный период они являлись активными действующими лицами Псково-Печорского края и местной церковно-приходской системы. Русское население отмечало религиозность «полуверцев», их любовь к церковной обрядности. Сето являлись непременными участниками религиозных праздников и крестных ходов, выделяясь из толпы богомольцев внешним видом — белыми кафтаном и обилением серебряных украшений на женщинах. «Ну в праздники они надевали костюмы, женщины... Женщины бросались в глаза. С фибулами, с красивыми лентами. Это они так и ходили» (Е.В.Ц., 1965 г. р., русская, Печоры). Сето были и остаются своеобразной визитной карточкой Свято-Успенской обители, наглядно демонстрируя миссионерскую идею в действии и предоставляя возможность сторонним посетителям сполна насладиться местной экзотикой. Облаченные в национальные костюмы, они являются обязательными действующими лицами фото-кино-видео презентаций монастыря. Имея особый статус «чад» Псково-Печерской обители, сето неизменно пользуются ее участием и покровительством, но не отделяются от русскоязычного прихода. Для упрощения коммуникации между монастырским духовенством и прихожанами периодически в литургическую ткань включалась/включается эстонская речь, однако в современных условиях практически полного исчезновения сетуязычного населения на территории Печорского района и владения оставшимся контингентом русским языком, это делается редко, как дань традиции или проявления уважения к приезжающим из Эстонии делегациям. Ключевая роль Псково-Печерского монастыря в культурном генезисе сето отмечена исследователями (*Valk* 2008, *Piho* 2011, *Enhelgard* 2010, *Kalkun* 2014) и всячески подчеркивается активистами современного возрождения сетоской культуры.

Вместе с тем, неизменным предметом интереса исследователей являлись дохристианские верования сето и синкретизм церковного и народного в их культуре.

Несмотря на то, что многие религиозные практики православного населения Печорского края (почитание природных объектов, приношение даров иконам) исторически носили универсальный характер и не зависели от этнических характеристик, в сознании местных русских во вт. пол. XX в. они ассоциировались именно с сето. Внутри монастырских стен находятся две святыни, связанные с этими представлениями: резной образ Николы Можайского в Никольской надвратной церкви и т. н. Святой дуб на Святой горе (в саду) монастыря. В конце XIX — перв. пол. XX вв. дуб обвязывали поясами и полотенцами, прижимались к нему, обрывали с дерева кору, считавшуюся целебной; к изображению святого Николая сето приносили продукты и сапоги, обмазывали рот статуи медом и сметаной (*Benfoughal* 2017: 336–338); (В.А.Д., 1932 г. р., русская, Печоры). Подобные формы проявления народной религиозности встречали негативную оценку со стороны монастыря и ограничивались при помощи физических барьеров — стеклянного колпака вокруг образа святого Николая; оградки вокруг Святого дуба, а затем и полного закрытия Святой горки для посетителей. Во второй половине XX в. эти проявления религиозной традиции были полностью «приручены» Псково-Печерским монастырем. Современная трактовка некогда почитаемых природных объектов внутри и в окрестностях монастыря сводится к сугубо историческому контексту.

В настоящее время различия между сето и русскими прихожанами Печорского края нивелировались. Обычай надевать на церковную службу традиционный костюм с набором серебряных украшений сохранялся во второй половине XX века лишь пожилыми женщинами сето. Сегодня так одеваются активистки культурного возрождения сетоской культуры, основная часть которых приезжает из Эстонии. Богослужения на эстонском языке для сето в России не проводятся¹. Полевые исследования автора свидетельствуют об идентичности православных практик сето и русских во второй половине XX–нач. XXI в. (*Калинина* 2019), однако в изложении материала сохранено звучание двух голосов, «поющих» в унисон. Далее мы рассмотрим некоторые «ипостаси» Псково-Печерского монастыря, в которых он существует для местного населения.

Монастырь — святыня

Представление о Псково-Печерском монастыре как о святыне соответствует сформировавшейся народно-религиозной идее в отношении всех богородичных обителей — это «Дом Пречистыя Богородицы» (*Аполлос* 1893: 52–53), место, находящееся под ее особым небесным покровительством. Главным праздником города Печоры был и остается храмовый праздник монастыря — Успение Пресвятой Богородицы (Успенъё — русск., Мааг'арäiv — сето), на который собираются тысячи людей, местных и приезжих. Эта традиция сохранялась в советский период, несмотря на запрет проведения Успенского крестного хода вокруг монастырских стен, который с 1960 по 1990 гг. совершался внутри обители. В представлении местных верующих действенное молитвенное заступничество Богородицы за Печорский край

¹ В начале 2021 в возрасте 90 лет скончался почетный настоятель храма святой великомученицы Варвары в Печорах Евгений Пелешев. Это был последний русский священник Псково-Печорского края, умевший проводить богослужения целиком на эстонском языке. Начиная с 1975 г. он служил на двух языках, а последние 20 лет уже практически только на церковнославянском, так как прихожан сето стало очень мало.

подтверждается самой историей XX в. — район избежал большевистского террора 1920–1930-х гг., монастырь продолжал свою деятельность при всех политических режимах. «Монастырь хотели закрыть, все церкви эти закрыть. Но не удалось. У нас тут хозяин, хозяйка — Пресвятая Богородица. Успенъё. Не очень доступно». (Е.Н. сето, жен., 1938 г. р., д. Запутье). Эта мысль, озвучиваемая насельниками монастыря, приходским духовенством, а вслед за ними и прихожанами, нашла отражение в современной растиражированной литературе о Псково-Печерском монастыре и вышла за пределы узкого местного знания.

Сердцем монастыря, отправной точкой его существования являются «Богом зданные пещеры». Ближние пещеры Псково-Печерского монастыря аналогичны по своему устройству пещерам Киево-Печерской Лавры (Агапов 2011: 241). С самого начала устройства пещерного некрополя сложилось представление о нем как о месте особой святости, где не действуют законы природы и нет запаха тления от мертвых тел. Как известно, Киево-Печерская Лавра, перенявшая традиции святого Афона, стала архетипом монастыря на Руси. Идея исторической и духовной связи между Киево-Печерской Лаврой и Псково-Печерским монастырем отражена в местном пещорском предании о пещерном ходе между обителями. По легенде, животное (заяц или собака), запущенное в пещеры Псково-Печерского монастыря, выходило наружу в Киевской Лавре (Миротворцев 2006: 155; Valk 2008: 97). Тезис о взаимосвязи и схожести этих двух обителей озвучивается и современными насельниками Псково-Печерского монастыря: «Псково-Печерский монастырь и Киево-Печерская Лавра — они как бы побратимы» (из монастырской экскурсии 2007 г.). Для православных верующих «Богом зданные пещеры» являются зримым воплощением самой идеи подвижничества и местом упокоения преподобных старцев, обладающих необыкновенной заступнической силой. Монастырское предание повествует о разнообразных чудесах, связанных с мощами печерских святых. Вместе с тем, опрос местных жителей показал, что сами они очень редко бывают (или никогда не были) в подземном некрополе монастыря. Если для паломников и туристов пещеры являются обязательным объектом устремления, то для местных жителей — данностью, символом монастыря, не требующим личного физического присутствия для осознания самой идеи святости этого места. «Ну я так-то знала. Да, ну я считала, и мысли не было у меня ходить... Ну приезжие, знаете, им все интересно. А мне что-то это не интересно. В церковь схожу и все... Вот не хочу и все. Я и так ночью плохо сплю» (Н.Х. сето, жен., 1942 г. р., Печоры).

Соприкосновение печорян с особо чтимыми святынями Псково-Печерской обители происходило/происходит априори во время каждого посещения ими монастыря. Местные чудотворные иконы и мощи являются для них неотъемлемой составляющей всего сакрального комплекса. Особой известностью пользуется чудотворный образ Успения Пресвятой Богородицы (в житии) XVI в. Согласно традиции Успенская икона, а также другие почитаемые образы обители выставлялись на крепостных стенах для защиты от осады, поднимались братией для совершения крестных ходов в кризисных ситуациях. Во время праздничных крестных ходов, в особенности на праздник Успения, иконы богато украшаются живыми цветами.

В течение XX в. цветочная тема в богородичном празднике получила серьезное развитие. Предмет особой гордости местного населения — это наличие «цветочного ковра» — дороги из живых цветов и трав, которая специально выкладывается для

шестивия Успенского крестного хода из Успенского храма в Михайловский. В письменных описаниях монастыря вт. пол. XIX — нач. XX вв. упоминания о дорожке из живых цветов отсутствуют. По утверждению местного старожила и краеведа В. А. Денисовой, традиция цветочного ковра появилась во время наместничества архимандрита Алипия (1959–1975 гг.). (АРЭМ: Ф.10. Оп.1 Д. 218. Л. 43). Конструирование традиции хорошо прослеживается по фотографиям праздника разных лет: от тканевых дорожек с немногочисленными разложенными на них цветами (1960-е г.) до пышных цветочных композиций на фоне сплошного ковра из травы (настоящее время). (Секретарев: 2007: 618–639). Сегодня цветочный ковер воспринимается населением как вневременная константа. «Он был всегда! Ну, не такой богатый. Сперва, может, зелень только. Но цветы были» (З.С., сето, жен., 1941 г. р., д. Залесье).

Согласно народным представлениям, святость почитаемого объекта переходит на те предметы, которые были с ним в непосредственном соприкосновении. Поэтому после шествия «цветы от Владычицы», а также траву, составляющую основу ковра, приносят в дом, хранят, некоторые даже заваривают в чай. Тот же принцип трансляции сакрального действует и в случае с песком, взятым из «Пещер, Богом зданных» — по народным представлениям он обладает целебными и охранительными свойствами.

С историей Псково-Печерского монастыря новейшего периода связан феномен православного старчества. В связи с религиозными гонениями и закрытиями монастырей здесь сосредоточилось небывалое число духовных наставников, к которым ехали за советом и благословением со всех уголков СССР¹. Естественно, их имена были на слуху, однако большинство местных жителей района находилось вне круга духовных чад и почитателей старцев. «У нас ведь как? Вот кто готов поднять себя, приехать, стоять у стен и биться к старцу! Есть у него проблемы, нет. А вот мы здесь местные, все-таки стесняемся» (А.Н.К., 1958 г. р., русская, Печоры). Сельские жители и большинство воцерковленных горожан удовлетворяли свои духовные нужды у приходского духовенства, прекрасно знакомого со всеми горестями и радостями своей паствы. Нередки были случаи узнавания местными жителями о старцах от приезжих. Широкий доступ к информации о старчестве Псково-Печерского мо-

¹ В годы войны в монастырь переселились некоторые бывшие насельники Макарьевской пустыни (Ленинградской области); в 1942–1944 гг. здесь жил ее бывший настоятель — «тайный» схиэпископ Макарий (Васильев), погибший во время бомбардировки обители советской авиацией при взятии города. В 1957 г. в Печоры переселились семь монахов из Ново-Валаамского монастыря Финляндии — валаамские старцы. В 1958–1961 гг. в монастыре жил на покое известный церковный деятель и писатель митрополит Вениамин (Федченков). В 1955 г. из Троице-Сергиевой Лавры в Псково-Печерский монастырь был переведен отец Савва (Остапенко), обладавший даром проповедника и имевший множество духовных чад, в 1973 г. принял схиму. В 1975 г. из Лавры прибыл иеромонах (в последствии архимандрит) Адриан Кирсанов, проводивший по благословию патриарха чин изгнания злых духов. С Псково-Печерским монастырем неразрывно связано имя Иоанна Крестьянкина — одного из наиболее почитаемых старцев конца XX — начала XXI вв. Архимандрит Иоанн жил здесь с 1967 г. до своей кончины в 2006 г. Многие пещорские старцы снискали себе известность как прозорливцы и целители. В Псково-Печерском монастыре практиковался экзорцизм. До 1960 г. это послушание исполнял преподобный Симеон (Желнин), затем схиархимандрит Агапий (Агапов) — скончался в 1979 г., схиигумен Савва (Остапенко) — скончался в 1980 г., до 1992 г. отчитывал бесноватых архимандрит Адриан (Кирсанов) — скончался в 2018 г.

настыря местное население получило уже в результате активной издательской деятельности обители в XXI веке.

Монастырь — церковный приход

Изборский старожил и краевед Н. П. Дроздов (1934 г. р.) в одном из своих рассказов описывает Печорский район послевоенного периода как край, в котором «повсюду церкви»: «их больше десятка и все они действующие, никогда не были закрыты, а главный над ними Печерский монастырь» (Дроздов 2015:84). Во второй половине XX в. в Печорском районе Псковской области действовало 13 сельских храмов и два городских — церковь Сорока мучеников Севастийских (русский приход в Печорах) и Варваринская церковь (сетуский приход, отделившийся от Сорокамученической церкви в 1920-х г.). Поскольку местная церковно-приходская система сохранялась в советский период, принадлежность к тому или иному церковному приходу оставалась важным фактором самоидентификации населения. Среди аргументов, которые приводят информанты в пользу посещения богослужений в приходском храме перед монастырским — семейная традиция, привычка к «своей» церкви и приходскому священнику как духовнику, постоянный и знакомый состав прихожан. Монастырские службы длиннее служб в приходских храмах, а исповедь строже — требовалось «сдавать грехи», тогда как на приходах исповедь зачастую сводилась к расхожей формулировке «Грешен, батюшка». В целом религиозная жизнь местного населения сосредотачивалась вокруг приходских храмов, а в Псково-Печерский монастырь заходили поставить свечку, приложиться к святыням, поприсутствовать некоторое время на богослужении. И только незначительная часть печорян регулярно участвовала в литургической жизни монастыря. По мере географического удаления от Печор монастырь утрачивал свою значимость в жизни населения. Среди даже пожилых сельских жителей встречаются те, кто был на монастырских службах всего один или несколько раз в жизни. В основном с монастырем связаны воспоминания о больших церковных праздниках — в первую очередь об Успении Богородицы и пасхальном всенощном бдении («Стоянии»). «В монастырь на Успение, как правило, ну а так я не помню, чтобы как-то часто ходили». (Л. К., сето, жен., 1956 г. р., Печоры).

В «монастырских» нарративах респондентов, рожденных в послевоенный советский период, преобладает мотив столкновения семейной религиозной традиции с государственной антицерковной идеологией. Эпоха «научного атеизма» запомнилась коренным жителям Псково-Печорского края запретом на посещение детьми и молодежью религиозных учреждений. Контроль за его исполнением в целом возлагался на школьных педагогов. Они были обязаны не просто предупреждать учеников о недопустимости посещения церковных служб, но и физически препятствовать этому. «Здесь были учителя с повязками на руках, которые контролировали, записывали, и потом это все разбирательство было в школе, что почему вы нарушаете порядок, который был доведен до вас» (Л.К., сето, жен., 1956 г. р., Печоры). Такое положение дел существенно влияло на внутрисемейные воспитательные практики печорян. С переходом ребенка в статус школьника, родительский диктат утрачивал свою первостепенность. От родителей требовалось молчаливое подчинение школе и общему политическому курсу. Дальнейшее развитие ситуации в каждой семье напрямую

зависело от степени религиозной убежденности ее старших членов, их готовности и желания противостоять системе. Среди опрошенных информантов были те, кто не участвовал в пионерском и комсомольском движении, открыто посещали храмы вместе с родителями. С другой стороны встречаются респонденты, которые ни разу не были в монастыре в школьном возрасте «Успенье? Не помню, не ходил. В детстве нельзя было. Родители ходили, им ничего не было. А детей не пускали» (Ю.В.З., 1960 г. р., русский, Печоры). Однако в целом складывается впечатление, что дети были достаточно осведомлены о том, что такое монастырь и что там происходит. Следует сказать, что «караулы» выставлялись только в дни больших религиозных праздников, следовательно, при желании можно было попасть на монастырскую службу в любой другой день. Для проникновения в монастырь во время праздника можно было смешаться с толпой, кроме того, далеко не все педагоги добросовестно выполняли указание пофамильно записывать «провинившихся» для дальнейшего выговора в школе. Печорские учителя, большинство из которых являлись коренными жителями Псково-Печорского края, сами были воспитаны в той же системе ценностей, что и их подопечные. Выговоры за присутствие на праздничных монастырских службах для детей в школе и их родителей на рабочих местах (за то, что водят детей в храм) являлись неременным атрибутом времени и воспринимались как должное, необходимая формальность.

Нарративы печорян, рожденных и воспитанных в советский период, являются яркой иллюстрацией несоответствия постулируемой нормы: «Нас даже близко к церкви не подпускали» и реальных практик: «Ходили помогать крестной мыть пол в церкви», «Мама водила в церковь по праздникам» и т. д. Привычные с детства фоновые практики не являются предметом рефлексии, повседневность сливалась с идеологическим сознанием, поэтому информанты раз за разом воспроизводят тезис о собственной отчужденности от церкви и монастыря, а затем невольно опровергают его в процессе беседы.

В постсоветский период, когда все запреты на религию были сняты, а монастырь открыто занялся миссионерской деятельностью, произошла заметная активизация монастырской идентичности местного населения. Вскоре, однако, выяснилось, что обычаи местной церковно-приходской жизни зачастую входят в противоречие с привнесенными практиками паломников и новообращенных верующих, хлынувших в Печоры как к месту, обладающему особой благодатью. «Я православная, но только не такая вот, как у нас теперь в деревне приезжают [подражает]: «Прости, господи, прости, господи!». Всюду бегают, крестятся...» (Н.К., сето, жен., 1939 г. р., д. Гусинец); «А потом стали уже эти паломники без конца, то начнут скандалить. ... Не так посмотрел, и вот лезут все без конца. Кажется, что упади, и они растопчут» (А.С.К., русская, 1963 г. р., д. Паниковичи). Экзальтированные формы религиозного поведения приезжих, а также их менторский тон «знатоков» православной догматики, вызывали/вызывают раздражение у коренного населения. Очевидно, что специфика монастыря как паломнического и туристического центра привносит некоторые неудобства в общую обстановку монастырской службы — это толчея из-за потоков туристов, сквозняки, постоянная смена лиц. Все эти моменты, а также указанная ранее приверженность к приходским храмам, приводят к картине скорее эпизодического участия печорян в литургической жизни монастыря. Однако на ментальном уровне именно монастырь осознается религиозным центром всей округи.

Монастырь — краеведческая гордость

Псково-Печерский монастырь был и остается главной достопримечательностью города Печоры. Наличие такого «живого памятника старины», который не подвергся закрытию, переделке или музеефикации, ставило довольно сложные идейные задачи перед местным партийным руководством и работниками культуры. Осознавая ключевую роль монастыря в городе, они должны были сместить акценты с религиозной составляющей на историко-краеведческую. Печорскому краеведческому музею было вменено в обязанность экскурсионное обслуживание монастыря во избежание «религиозного содержания» экскурсий (ГАПО: Ф. Р-1776. Д.30. Л. 27), однако, учитывая послевоенное смягчение антицерковной политики в СССР, местные чиновники предпочитали не предпринимать резких шагов, занимали осторожную позицию «*Как бы чего не вышло*», а директор музея в 1954 г. задавался вопросом «как бы не оскорбить экскурсиями чувств верующих» (ГАНИПО: Ф. 426 ОП. 1. Д.3. Л. 68). В результате возможность проведения светской экскурсии по обители была завуалирована в нейтральном и ни к чему не обязывающем объявлении рядом со входом в монастырь: «Краеведческий музей проводит экскурсии по историческим местам города Печоры» (ГАПО: Ф.Р-1776. Оп. 1. Д.53. Л.30), а приезжие предпочитали обращаться за экскурсиями непосредственно к монашествующим. Монахи и послушники составляли успешную конкуренцию музейным сотрудникам на ниве «экскурсоведения» вплоть до 1960-х гг., когда произошло ужесточение контроля за религиозными организациями («Инструкция по применению законодательства о культах» от 16 марта 1961 г.).

В этот же период в СССР активизировалось краеведческое движение. Историчность и ценность Псково-Печерского монастыря как памятника архитектуры безусловно признавались местным сообществом. Этому способствовала просветительская деятельность музея и созданного в 1975 г. Экскурсионного бюро. В экскурсионное дело, предоставлявшее возможность творческой самореализации и заработка, активно включились местные краеведы, библиотекари, учителя. Многие из опрошенных печорян в разные хронологические периоды вплоть до сегодняшнего момента водили (водят) экскурсии по монастырю и считают себя в определенной степени его знатоками. Среди них есть люди воцерковленные и те, что не ходят в церковь, но всех их объединяет чувство личной сопричастности Псково-Печерскому монастырю, символическое присвоение его себе.

Краеведческий энтузиазм в отношении монастыря нашел отражение в школьной педагогике. «С одной стороны мы ходили по местам боевой славы... И в то же время ходили и сюда. Но это называлось краеведением. Мы познавали историю» (Е.В.Д., 1963 г. р., русская, Печоры). Ситуации знакомства школьников с монастырской историей были различны и зависели от инициатив конкретных учителей, которые рисковали получить выговор за ненужное возбуждение интереса к религии у детей. Согласно официальной идеологии монастырь должен был рассматриваться не как духовный центр, а только как исторический объект, памятник крепостного зодчества. Таким образом, у советского поколения печорян складывалось двойное отношение к монастырю: это был «запретный плод» с одной стороны, и предмет краеведческой гордости — с другой.

На постсоветском пространстве вновь возникла конкуренция за сферу влияния и экскурсионное обслуживание между светскими структурами и паломнической

службой монастыря. Помимо Городского экскурсионного бюро свои услуги начали предлагать частные экскурсоводы. Таким образом, монастырь косвенно давал возможность печорянам поправить свое финансовое положение в тяжелых условиях экономического кризиса. Однако в настоящее время монастырь четко придерживается линии развития собственной паломнической инфраструктуры и привлечения воцерковленных, специально обученных монастырем экскурсоводов. Правило об обслуживании монастыря только экскурсоводами монастырской паломнической службы (2019 г.) вызвало недовольство у части «профессиональных» гидов.

Весьма образной иллюстрацией соотношения влиятельных сил в городе является история локаций Музея истории города Печоры. В 1974 г. музей занял здание бывшей монастырской гостиницы слева от главного входа в монастырь, а в 2015 переехал на новый адрес, в здание бывшего детского сада, расположенное неподалеку. Ремонт и переезд состоялись по инициативе монастыря, он же помогал в обустройстве детского сада, вынужденного переехать в результате всех ротаций. В здании бывшей монастырской гостиницы расположилась экспозиция Псково-Печерской обители. Начиная с 2019 г. здесь демонстрируются мультимедийные проекты, посвященные печорским старцам. Таким образом, монастырь четко и последовательно занимает ключевые позиции в городе — как в ментальном, так и в реальном пространстве. На первый план выходит история обители (в трактовке монастыря), а история города занимает подчиненное к ней положение.

Монастырь — обыденность

Помимо осознания монастыря как сакрального локуса и памятника истории существовал и житейский, бытовой уровень его восприятия. Монастырь присутствовал в обыденной жизни горожан на самых разных уровнях: визуально, аудиально, вербально. Люди в монашеских одеяниях на улицах и в общественных местах, паломники, богомольцы и «религиозные фанатики», как их называли в средствах массовой информации, являлись частью местного культурного ландшафта. Нарративы печорян о советском прошлом полны косвенных упоминаний о разнообразных контактах с монашествующими: это и встречи в общественных местах, и общение по работе, краткие случайные беседы. Монастырская тема постоянно «фонила» в бытовых разговорах — обсуждалось экономическое положение монастыря, его отношения с властями, моральный облик насельников, поведение отдельных выдающихся личностей и т. д. «Я не знаю про жизнь в монастыре, а как отец Нафанал [монастырский казначей] по городу ходил и на почту, стопочками составлял монетки, это я помню» (Е.В.Д., 1963 г. р., русская, Печоры). Особый комплекс нарративов связан с наместниками¹ Псково-Печерского монастыря. Они традиционно воспринимались фигурами очень значимыми в местной иерархической структуре, несмотря на то, что не обладали никакой реальной властью в городе. Рассуждения рядовых печорян и жителей района об игуменах Псково-Печерского монастыря далеки от панегирических, наместники удостаиваются эпитетов «бойкий», «хитрый», «темная лошад-

¹ В современной Русской православной церкви настоятелем епархиальных монастырей является епархиальный архиерей, поэтому духовное лицо, осуществляющее непосредственное руководство Псково-Печерским монастырем (в данном случае — архимандрит) носит звание наместника.

ка» и т. д. Однако неизменным остается само представление о том, что наместник имеет право вести диалог со светскими властями на равных и в какой-то мере даже задавать тон.

Знаковым аудиальным символом монастырского города является звон колоколов. Несмотря на развернувшуюся в 1960–1961 гг. кампанию по запрету колокольного звона, осуществлявшийся сбор подписей у местного населения и принятие исполкомом Печорского горсовета решения о возбуждении ходатайства о запрете колокольного звона от 5 марта 1962 г. (ГАПО: Ф.-Р 1776. Оп. 1. Д. 120. Л. 3), никаких дальнейших действий по борьбе с колоколами не последовало. Сопоставление протоколов собраний и современных устных свидетельств печорян об этом инциденте дает достаточно типичную картину несоответствия образа мыслей (намерений) записанным на бумаге казенным фразам о вреде колокольного звона, которые требовалось произносить в этой ситуации. Колокольный звон действительно вызывал некоторое недоумение у приезжих, но в воспоминаниях местных кампания трактуется исключительно как нелепость, формализм. На тот период монастырь нашел способы борьбы с государством (об этом чуть ниже), и делу не был дан дальнейший ход.

В рассказах информантов 1940-х-1980-х гг. р. Псково-Печерский монастырь часто фигурирует как рекреационная зона. Эстетика внутренней территории обители (аккуратные клумбы, ухоженные дорожки, красота самого архитектурного ансамбля) делали ее любимым местом прогулки печорян. «Сначала по городу прогуляются, потом обязательно в монастырь. Это было нормально, да — сходить прогуляться в монастырь» (А.Н.К., русская, 1958 г. р. Печоры); «Там куда у нас? В монастырь! Больше некуда. Гуляем!» (М.В.О., сето, жен., 1945 г. р., д. Крупп).

Монастырь и прилегающая в нем (отличная от окружающей действительности) жизнь вызвали живой интерес у детей и молодежи. Те, кого родители воспитывали вне религии, интересовались монастырем у одноклассников из воцерковленных семей: «Я помню по школе, у меня девчонки вон, одноклассницы, они: „А что там? А он работает?“» (В.Л., супруга священника, русская, 1960-х г. р.). Монастырь представлялся притягательным местом для самостоятельного его посещения без ведома родителей. «Это ж мы не были приучены туда ходить. Мы ходили туда играть» (А.Н.К., русская, 1958 г. р., Печоры). Само проникновение внутрь было связано с определенным риском не только из-за официальной антирелигиозной идеологии, но и потому, что насельники монастыря проявляли бдительность и строгость в отношении расшалившихся детей. В число детских развлечений, связанных с монастырской территорией, входило лазание по разрушенным крепостным стенам, вытаскивание из Святого колодца монет, брошенных паломниками, и даже катание на санях по «Кровавому пути»¹, если удавалось проскочить мимо монастырского привратника. Старшеклассники также посещали монастырь компаниями, чаще всего вечером, чтобы не быть на виду. В особенности это касалось приезжавших с отдаленных хуторов и деревень, проживавших всю рабочую неделю вне родительского контроля

¹ Кровавый путь — так называется дорога от монастырских ворот к Успенскому храму, которая идет вниз с большим уклоном. Свое название путь получил в память о мученической кончине игумена Корнилия в 1570 г. Согласно преданию, царь Иван Грозный заподозрил настоятеля в государственной измене, выхватил меч и в гневе отрубил голову Корнилию, вышедшему встречать царский обоз. Вслед за этим царь раскаялся, взял тело убитого на руки и понес его вниз к храму.

в школьном общежитии. «А я училась в Печорах, так вечером там все на службу ходили... Не знаю — насколько там молились или насколько ходили на красивых монахов хорошо одетых смотреть». (К.М.П, сето, жен., 1939 г. р., д. Паниковичи). Обитатели монастыря, отличавшиеся от остальных мужчин и внешним видом, и поведением, а главное — статусом, являлись отдельным объектом девичьего любопытства. Одна из самых известных романтических историй «сведения с монастыря» послушника печорской девушкой связана с очень уважаемым в последствии приходским священником. Пестрое разнообразие приезжих в Псково-Печерский монастырь также давало шанс на интересное знакомство и расширение кругозора.

Монастырь — хозяин и воспитатель

Город Печоры вырос из монастырской слободы, социально-экономическое положение населения которой напрямую зависело от монастыря. Жители слободы обязаны были защищать обитель в случае военного нападения и обеспечивать ее хозяйственное обслуживание. До секуляризационной реформы 1764 г. монастырь владел 3932 крестьянами мужского пола, обширными земельными угодьями, лугами, огородами и т. д. (Болховитинов 2006: 111). В 1782 г. слободе был присвоен статус города. Для ведения хозяйства и обслуживания собственных нужд монастырь активно привлекал наемных работников из местных жителей. Связь Псково-Печерского монастыря с окрестным населением поддерживалась годичным циклом крестных ходов, совершаемых из обители в Псков и сельские храмы (Миротворцев 2006: 157). В период нахождения Печорского края в составе Эстонии и потери связи с Псковом, монастырь развивал свое влияние в эстонских православных приходах Причудья и Принаровья (ГАПО: Ф. 499. Оп. 1. Д. 412 Л. 255–256). Крестные ходы из монастыря в деревни Печорского края продолжались вплоть до 1949 г., а затем были запрещены. (В Псково-Печерском монастыре 2001: 48). Старожилы вспоминают многолюдные процессии с иконами и хоругвями, молебны в домах и на улицах во время шествия ходов в 1946–1948 гг.

В дальнейшем влиятельные возможности Псково-Печерского монастыря были максимально купированы. В условиях запрета на проведение внешних крестных ходов, организацию паломничеств и экскурсий, миссионерская деятельность монастыря была затруднена. Однако на своей собственной территории монастырь продолжал использовать разнообразные варианты коммуникации с населением (в том числе и с приезжими людьми советской формации) — от проповедей до неформальных кратких бесед. Ярким примером осуществления подобной деятельности являются беседы наместника монастыря архимандрита Алипия (1959–1975 гг.), которые он вел с посетителями монастыря, стоя на балконе настоятельского корпуса. Харизматичная личность наместника Алипия (ветерана войны, художника и хозяйственника) запечатлелась в памяти населения как человека волевого и умного. Вот его характеристика, данная уполномоченным по делам РПЦ Псковской области в 1960 г.: «Это фанатик с рациональными взглядами, хитрый, волевой и дисциплинированный человек, способный навести порядок в монастыре и поддержать необходимое благолепие и создавать влияние монастыря на окружающее население и паломников» (ГАПО: Ф.Р.-1776. Оп. 1. Д. 85. Л. 22). О степени воздействия речей наместника на население свидетельствуют нарративы печорянки, работавшей в тот период экскурсоводом

в монастыре, но никогда не относившей себя к воцерковленным верующим: «Он с экскурсоводами беседовал... И вот я тоже постояла, послушала... Я тоже так подумала, правильно говорит» (К.М., 1935 г. р., эстонка, Печоры). Не меньшее влияние, чем слова, оказывали действия наместника: масштабные хозяйственно-реставрационные работы в монастыре, оказание помощи (в том числе финансовой) людям. Особым предметом гордости местного населения является поступок архимандрита Алипия в отношении приказа о закрытии монастыря. Нарратив об открытом уничтожении этого приказа наместником носит полулегендарный характер и излагается в разных вариациях: бросил в пылающий камин на глазах у представителей властей (*Секретарев 2007: 148*), порвал и выкинул со словами «У нас есть 70% воинов — у нас есть. Что, если надо, так мы и оружие возьмем» (Е.Н., 1938 г. р., сето, ж., д. Запутье) и т. д. В государственных архивных документах отсутствуют свидетельства об этом происшествии. Вероятно, немалую роль в деле сохранения монастырской жизни в Печорах сыграл заместитель председателя отдела внешних сношений Московского Патриархата епископ Таллинский и Эстонский Алексей (Ридигер), будущий патриарх, детство которого прошло в среде русской эмиграции Эстонии, для которой монастырь олицетворял собой старую Россию. Очевидно, что церковные иерархи делали ставку на международную общественность и резонанс, который вызовет столь недемократические действия советской власти, ущемлявшие права верующих.

Роль Псково-Печерского монастыря как «градообразующего предприятия» в Печорах должна была снизиться в процессе советской индустриализации города. Самой перспективной отраслью местного хозяйства являлось керамическое производство на базе печорского месторождения тугоплавких глин. В 1968 г. здесь был образован завод коллекторно-дренажных труб, а в 1985 г. началось строительство керамического комбината, которому уготавливалась роль промышленного гиганта. На окраине города возник новый микрорайон с характерным советским названием «Майский», где селились приезжавшие со всего Советского Союза работники комбината. «Как Керам начал строиться, тогда и жилье стали давать. И тогда понаехали со всей Руси — Волгоград, Саратов» (А.Г.Т., 1935 г. р., русский, Печоры). Это были пришлые совсем иного рода, чем привычные печорянам паломники или туристы, монастырская атмосфера города была им чужда. В Майском, расположенном на довольно большом расстоянии от исторического центра Печор, развивается собственная инфраструктура, позволявшая микрорайону существовать вполне автономно. Налицо было противостояние «старого» и «нового» миров, монастырь и комбинат олицетворяли собой разные исторические эпохи, две конкурирующие влиятельные силы. Печорам была уготовлена судьба промышленного моногорода, значительная часть населения которого должна была быть задействована на керамическом производстве. Однако предприятие с трудом пережило экономический кризис 1990-х гг. Если в 1990 г. на комбинате работало более 1500 человек, то 1991 году их осталось всего лишь 300 а дальше и того меньше — отдельные энтузиасты своего дела. (АРЭМ: Ф. 10. Оп. 1. Д. 218. Л. 52).

В то время как «Керам» боролся за выживание, Псково-Печерский монастырь стремительно восстанавливал свои влиятельные силы. В условиях развалившейся экономики он оставался «кормильцем» печорян. Приток людей, ищущих новые смыслы жизни в религии, только увеличивался, и местные жители имели возможность сдавать в наем комнаты и дачи, проводить экскурсии, торговать сувенирами.

Монастырь создавал и создает рабочие места в хозяйстве, в строительстве, в сфере обслуживания паломников.

Эпоха возрождения активной миссионерской деятельности обители связана с именем архимандрита Тихона Секретарева (с 1992 г. — катехизатора, с 1995 г. — наместника монастыря). При его личном участии и содействии были созданы Печорское православное педагогическое общество и ежегодная научно-образовательная конференция «Корнилиевские чтения», катехизаторские курсы для взрослых, система детских кружков и лагерей, организованы разнообразные встречи и беседы с печорянами, налажена издательская деятельность. Большую роль здесь всегда играло личное общение населения с наместником и монахами-просветителями. Местные жители, прошедшие своеобразный курс «православного ликбеза», активно включились в процесс религиозного воспитания как собственных детей, так и приезжих посетителей. Здесь увлеченность неопитства сочеталась с усвоенными в раннем детстве нормами религиозности. Миссионеры могли опереться на межпоколенную преемственность, апеллировать к уже имеющемуся религиозному опыту населения.

В начале XXI в. монастырь формирует современный облик города: возводит новые архитектурные доминанты и оказывает существенное влияние на реорганизацию старых государственных структур. Так, за период с 2000 г. были построены церковь Рождества Христова в Майском (2003), двухэтажное здание Духовно-просветительского центра (воскресной школы) близ монастыря (2006), открыт Паломнический центр с собственным отдельным храмом на огромной территории бывшей воинской части (2012), организован музей истории монастыря в здании бывшего городского музея. Таким образом, монастырь включил в сферу своего влияния все слои местного населения (например, пришлых «безбожников» Майского), а также перехватил у города инициативу в туристическом секторе. Если еще в начале 2000-х гг. в Печорах стояла острая проблема нехватки гостиничных мест, то в настоящее время монастырь предлагает для приезжих полный комплекс услуг: спальные места, трапезные, прогулочные территории, детские площадки — на них, кстати, местные родители с удовольствием приводят собственных детей.

Такая активность и вездесущность монастыря в конце концов начала вызывать определенное отторжение со стороны местного населения, высказывается мысль о превращении обители в некий бизнес и туристический центр. «А деятельность монастыря уже отходит от христианского куда-то в сторону... У них деньги есть, они в садик, у них кружок» (В.П. Л. 1936 г. р., русский, Печоры). С другой стороны, населением безусловно признаются мощные ресурсы Псково-Печерского монастыря, положительно влияющие на экономику и культуру края. Организация детского досуга и отдыха, финансовая помощь различным учреждениям, создание рабочих мест — все эти монастырские инициативы оцениваются в положительном ключе.

В 2019 г. Печоры получили статус моногорода, единственного в Псковской области. Градообразующим предприятием вновь было названо «ООО Еврокерамика». Однако задача, которую ставит перед собой правительство Псковской области в этом проекте — это не увеличение мощностей производства или вовлечение большего числа печорян в деятельность предприятия, а увеличение количества светских туристов (не паломников) для привлечения средств в экономику города. Очевидно,

что Псково-Печерский монастырь остается «градообразующим» стержнем и символическим хозяином города, с которым сложно конкурировать.

Новая страница взаимоотношений печорян и монастыря началась с назначением на должность правящего архиерея Псковской митрополии и настоятеля Псково-Печерской обители архимандрита Тихона Шевкунова¹ в 2018 г. Дальнейшее исследование печорян как «жителей при монастыре» требует определенного временного дистанцирования. Однако уже сейчас можно сказать, что местные жители имеют свой собственный взгляд на монастырь, отличный как от паломнического (внешнего), так и монашествующего (внутреннего).

Заключение

Анализ нарративов жителей Печорского района Псковской области показал ключевую роль монастыря в формировании их культуры и мировоззрения. Практически в каждом интервью, в независимости от его направленности, тем или иным образом «всплывает» тема Псково-Печерского монастыря. Он осознается и «проговаривается» населением как главный сакральный локус района, место трансцендентного переживания, носитель и транслятор старинного благочестия, архитектурно-исторический памятник, просветительский центр, «градообразующее предприятие», спонсор. В то же время, являясь постоянным фоном местной действительности, монастырь порождает множество не отрефлектированных практик: проводить время в монастыре, как в рекреационной зоне, обсуждать «монастырские дела» в повседневных разговорах и т. д.

Монастырская идентичность печорян не зависит от религиозного сознания отдельных индивидов. Она формируется посредством постоянного соприкосновения с православной обителью, ее насельниками, туристами, паломниками и переселенцами. Немаловажным фактором здесь является противопоставление «мы – они». Жители Печор и ближайших окрестностей, как правило, говорят «наш монастырь», с удовольствием и гордостью показывают его приезжим. Именно благодаря действующему монастырю маленький город на границе с Эстонией стал центром притяжения не только для людей со всего СССР, но и для иностранных делегаций. Монастырь давал печорянам ощущение сопричастности к важнейшим историческим событиям, позволял познакомиться с «большим миром», не выезжая за пределы района. В условиях маленького провинциального города посещение монастыря являлось одним из доступных способов проведения досуга, возможностью для интересного знакомства или даже устройства личной жизни.

Связь воцерковленного местного населения с монастырем выражается не столько в частоте физического присутствия в обители (на богослужения люди приходят в свои приходские храмы), сколько в признании его духовным центром на ментальном уровне. По мере географического удаления от города монастырь теряет свои лидирующие позиции в восприятии жителей, оставаясь, тем не менее, важным объектом, визуализи-

¹ История его собственного воцерковления непосредственно связана с Псково-Печерским монастырем, обитель и ее насельники были воспеты им в книге «Несвятые святые» (2011 г.), ставшей бестселлером и способствовавшей притоку паломников и туристов в монастырь во время наместничества арх. Тихона Секретарева. Среди насельников монастыря в тот период даже появилась шутка — «жертвы батюшки Шевкунова».

зированным свидетельством сохранения традиции. Конструирование вневременных констант, связанных с монастырем, прослеживается по истории возникновения во вт. пол. XX в. Успенского цветочного ковра — ныне он является неотъемлемым символом Печор. Тема монастырской твердыни, способной дать отпор врагам, обыгрывается в нарративе об отце Алипии. Здесь крепость понимается не только в буквальном, но и метафизическом смысле — как крепости духовной, что было особенно важно для руководства монастыря в советский антирелигиозный период.

Поскольку Псково-Печерскому монастырю удалось избежать закрытия, местным чиновникам приходилось считаться не только с самим фактом его существования, но и с локальной монастырской спецификой печорской культуры. Насильственное ограждение молодежи и детей от монастыря зачастую вызывало обратную реакцию: любопытство и желание попробовать «запретный плод». В постсоветский период монастырь начал стремительно восстанавливать свое влияние в качестве «хозяина» Печорского края. В следствии этой деятельности заметно актуализировалась монастырская идентичность местного населения.

Источники и материалы

- Аполлос* 1893 — *Аполлос (Беляев И. Г.)* Первоклассный Псково-Печерский монастырь. Издание второе, дополненное при настоятеле архимандрите Иннокентии. Остров: типография А. С. Степановой, 1893. 175 с.
- АРЭМ — Архив Российского этнографического музея. Ф. 10. Оп. 1. Д. 218. Полевые записи М. Л. Засецкой. Экспедиция в Псков, Печоры, Эстонию. 2009 г.
- Болховитинов* 2006 — *Болховитинов Е.* Описание Псково-Печерского первоклассного монастыря. 1821 г. // Святыни и древности Псковского уезда по дореволюционным источникам. Псков: Дом печати, 2006. С. 99–131.
- В Псково-Печерском 2001 — В Псково-Печерском монастыре (воспоминания насельников). М.: Отчий дом, 2001. 207 с.
- ГАНИПО — Государственный архив новейшей истории Псковской области Ф. 426. Оп. 1. Д. 3. Протокол собрания партийной организации отдела культуры исполкома райсовета Печорского района от 26.11.1954 г.
- ГАПО — Государственный архив Псковской области. Ф. 499. Оп. 1. Д. 412. Прощение архиепископу Нарвскому и Изборскому от настоятеля монастыря епископа Иоанна о посещении иконы Богоматери «Одигитрии» Причудья, Принаровья и г. Нарвы. 1928 г.
- ГАПО. Ф. Р-1776. Оп. 1. Д. 30. Отчет о работе Уполномоченного совета по делам РПЦ при Совете министров СССР по Псковской области за II кв. 1949 г.
- ГАПО. Ф. Р-1776. Оп. 1. Д. 53. Справка о деятельности Псково-Печерского монастыря в 1954 г.
- ГАПО. Ф. Р-1776. Оп. 1. Д. 85. Информационный отчет Уполномоченного по Псковской обл. за 1960 г.
- ГАПО. Ф. Р-1776. Оп. 1. Д. 120. Ходатайства граждан Печорского района о прекращении колокольного звона в Псково-Печерском монастыре. 1962 г.
- Дроздов* 2015 — *Дроздов Н. П.* А это было так. Истории из жизни изборян. Изборск: б/и, 2015. 192 с.
- Миротворцев* 2006 — *Миротворцев М.* Псково-Печерский монастырь. Памятная книжка Псковской губернии на 1860 г. // Святыни и древности Псковского уезда по дореволюционным источникам. Псков: Дом печати, 2006. С. 131–159.
- ПМА 2007–2017 — Полевые материалы автора. Печорский район Псковской области.

Секретарев Тихон (архимандрит). Врата небесные. История Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря. Печоры: Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, 2007. 800 с.

Setumaa 1928 — Setumaa: maadeteauduslik, tulunduslik ja ajalooline kirjeldus. Eesti III. Tartu: Eesti Kirjanduse Selts, 1928. 381 p.

Научная литература

Агапов И. А. О возможном происхождении пещер Псково-Печерского монастыря // Христианство в регионах мира (Христианская архаика) / отв. ред. М. Ф. Альбедиль, Ю. Ю. Шевченко. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2011. С. 237–260.

Астэр И. В. Современное русское православное монашество как социокультурный феномен. Автореф. дисс. ... канд. философ. наук. СПб., 2009. 23 с.

Ведерникова Н. М., Никитина С. Е. Соловки в памяти поморов (по материалам экспедиций в Поморье). М.: Институт наследия, 2014. 320 с.

Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии / пер. с нем. А. В. Михайлова. 2-е изд. М.: Академический проект, 2009. 489 с.

Дубовка Д. Г. Повседневные дисциплинарные практики и религиозная рефлексия в православных женских монастырях постсоветской России: этнографические аспекты. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2017. 14 с.

Калинина О. В. Православная традиция в культуре сету и русских Печорского района Псковской области во второй половине XX — начале XXI в. Результаты полевого исследования // Северо-Запад: Этноконфессиональная история и историко-культурный ландшафт-2. Восьмые Шёгреневские чтения / науч. ред. О. М. Фишман. СПб.: Инкери, 2019. С. 250–267.

Кормина Ж. В. Паломники. Этнографические очерки православного номадизма. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2019. 351 с.

Лаукайтис Р. Православные монастыри в Литве: советский период истории // Православие в Балтии, 2017. № 6 (15). С. 77–90.

Малчев Р. Р. Фолклор и религия (по наблюдениям върху културните пространства на Рилския и Бачковския манастир). Дис. за присъждане на образователната и научна степен «доктор». Пловдив, 1999. 163 с.

Манаков А. Г., Потапова К. Н. Этносоциальный портрет сету Печорского района Псковской области по (по результатам исследований 1999–2011 гг.) // Этнографическое обозрение, 2013. № 2. С. 177–187.

Недосека Е. В. Локальная идентичность населения моногорода (на примере г. Сокола) // Проблемы развития территории, 2020. № 1 (105). С. 109–123. DOI: 10.15838/1.105.8

Непочатова М. И. К истории Пюхтицкого Успенского женского монастыря в 1944–1962 гг. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, 2016. Сер. 2. № 69. С. 66–79.

Тарабукина А. В. Фольклор и культура прицерковного круга. Дисс. ... канд. филол. наук. СПб, 2000. http://www.ruthenia.ru/folktee/CYBERSTOL/books/Tarabukina/arina_tarabukina.html (дата обращения: 28.12.2022)

Шеваренкова Ю. М. «Свой — чужие», «свое — чужое» в религиозном фольклоре одной локальной традиции // Рябининские чтения. Материалы VI научной конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2011. С. 410–413.

Шейбак В. В. Генезис и эволюция христианских традиций паломничества у белорусов. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Минск, 2008. 24 с.

Шкаровский М. Русская православная церковь в XX веке. М.: Вече, Лепта, 2010. 480 с.

Шлихта Н. Как учредить «антисоветскую организацию»: к истории Кестонского института и письма верующих из Почаева // Государство, религия, церковь в России и за рубежом, 2017. № 1 (35). С. 244–268.

Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. / пер. с нем. и англ. М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. 1056 с.

Benfoughal T., Fishman O., Valk H. Missions du Musée de l'Homme en Estonie Boris Vildé et Léonide Zouroff au Setumaa (1937–1938). Paris: Museum National d'Historie Naturelle, 2017. 859 p.

Castells M. Power of Identity. Second edition with a new preface. Wiley-Blackwell, 2010. 584 p.

Engelhardt J. The acoustics and geopolitics of Orthodox practices in the Estonia-Russia border region // Eastern Christians in Anthropological Perspective / ed. by Ch. Hann, H. Goltz. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 2010. P. 101–123.

Kalkun A. Fasts and feasts in Estonians' representations of the Seto culture // Journal of Ethnology and Folkloristics. 2014. Vol. 8 (1). P. 53–73.

Kõiva M., Kuperjanov A., Vesik L. Sacred places — destinations of travel and pilgrimage in Bulgaria // Balkan and Baltic States in United Europe. Histories, Religions, and Cultures II / ed. by E. Anastasova, S. Toncheva. Sofia: Paradigma Publishing House, 2018. P. 121–134.

McGuire M. B. Lived Religion: Faith and Practice in Everyday Life. New York: Oxford University Press, 2008. 304 p.

Naumescu V. Learning the «Science of Feelings»: Religious Training in Eastern Christian Monasticism // Ethnos: Journal of Anthropology. 2012. Vol. 77 (2). P. 227–251.

Orsi R. A. The Madonna of 115th Street: Faith and Community in Italian Harlem, 1880–1950. New Haven: Yale University Press, 2002. 287 p.

Piho M. Setode usk ja Setumaa tsässonad // Setumaa tsässonad / koost A. Raudoja, T. Mäkeläinen. Tartu: Setu Kultuuri Fond, 2011. P. 13–60.

Solomon E. Constructing local identity through archaeological finds: the case of Knossos (Crete, Greece) // Museological Review. Department of Museum Studies, University of Leicester. 2003. No. 10. P. 31–48.

Valk H. Kiiev setu pärimuses: koopad, käsikivad ja ristikäigud // Setumaa kogumik 4 / koost M. Aun, M. Lõiv. Tallinn: Tallinna Raamatutrükikoja, 2008. P. 93–142.

References

Agapov, I.A. 2011. O vozmozhnom proiskhozhdenii peshcher Pskovo-Pecherskogo monastyria [On the possible origin of the caves of the Pskov-Pechersky Monastery]. In *Khristianstvo v regionakh mira (Khristianskaia arkhaika)*[Christianity in the Regions of the World (Christian Archaic)], edited by M. F. Al'bedil' and Yu. Yu. Shevchenko, 237–260. St. Petersburg: Peterbugskoe Vostokovedenie.

Aster, I.V. 2009. *Sovremennoe russkoe pravoslavnoe monashestvo kak sotsiokul'turnyi fenomen* [Modern russian orthodox monasticism as a socio-cultural phenomenon]. Ph.D. diss. abstract, Herzen State Pedagogical University of Russia (Herzen University).

Benfoughal T., Fishman O., Valk H. 2017. *Missions du Musée de l'Homme en Estonie Boris Vildé et Léonide Zouroff au Setumaa (1937–1938)*. Paris: Museum National d'Historie Naturelle.

Castells, M. 2010. *Power of Identity. Second edition with a new preface*. Wiley-Blackwell.

Dubovka, D.G. 2017. *Povsednevnye distsiplinarynye praktiki i religioznaia refleksii v pravoslavnykh zhenskikh monastyriakh postsovetskoï Rossii: etnograficheskie aspekty* [Everyday disciplinary practices and religious reflection in orthodox convents of post-soviet Russia: ethnographic aspects]. Ph.D. diss. abstract, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera).

- Engelhardt, J. 2010. The acoustics and geopolitics of orthodox practices in the Estonia-Russia border region. In *Eastern christians in anthropological perspective*, edited by Ch. Hann and H. Goltz, 101–123. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press.
- Husserl, E. 1913. Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. Allgemeine Einführung in die reine Phänomenologie. *Jahrbuch für Philosophie und phänomenologische Forschung*. Vol. 1 (1). Halle: Verlag von Max Niemeyer.
- Kalinina, O.V. 2019. Pravoslavnaia traditsiia v kul'ture setu i russkikh Pechorskogo raiona Pskovskoi oblasti vo vtoroi polovine XX — nachale XXI veka. Rezul'taty polevogo issledovaniia [Orthodox traditions in the culture of Setus and Russians of Pechorsky District of the Pskov Region in the second half of the 20th — early 21st centuries. Results of field research]. In *Severo-Zapad: Etnokonfessional'naia istoriia i istoriko-kul'turnyi landschaft-2. Vos'mye Shegrenovskie chteniia* [North-West: Ethno-confessional History and Historical and Cultural Landscape-2. Eighth Sjögren Readings], edited by O. M. Fishman. St. Petersburg: Inkeri: 250–267.
- Kalkun, A. 2014. Fasts and feasts in Estonians' representations of the Seto Culture. *Journal of Ethnology and Folkloristics* 8 (1): 53–73.
- Kõiva, M., Kuperjanov, A., Vesik, L. 2018. Sacred places — destinations of travel and pilgrimage in Bulgaria. *Balkan and Baltic States in United Europe. Histories, Religions, and Cultures II*, edited by E. Anastasova and S. Toncheva, 121–134. Sofia: Paradigma Publishing House.
- Kormina, Zh. V. 2019. *Palomniki. Etnograficheskie ocherki pravoslavnogo nomadizma*. [Pilgrims. Ethnographic sketches of the orthodox nomadism]. Moscow: HSE University Press.
- Laukaytite, R. 2017. Pravoslavnye monastyri v Litve: sovetskii period istorii [Orthodox Monasteries in Lithuania: soviet period of history]. In *Pravoslavie v Pribaltike* 6 (15): 77–90.
- Malchev, R. R. 1999. *Folklor i religii (po nabliudeniia vrkhu kulturnite prostranstva na Rilskiia i Bachkovskiia manastir* [Folklore and religion on the base of observations on the cultural spaces of the Rila and Bachkovo Monasteries]. Ph.D. diss., «Paissii Hilendarsk» University of Plovdiv.
- Manakov, A.G., Potapova, K.N. 2013. Etnosotsial'nyi portret setu Pechorskogo raiona Pskovskoi oblasti (po rezul'tatam issledovaniia 1999–2011) [*Ethnosocial portrait of setu of Pechory District of Pskov Region (based on the research results of 1999–2011)*]. *Etnograficheskoe obozrenie* 2: 177–187.
- McGuire, M. B. 2008. *Lived Religion: Faith and Practice in Everyday Life*. New York: Oxford University Press.
- Naumescu, V. 2012. Learning the “Science of Feelings”: Religious Training in Eastern Christian Monasticism. *Ethnos: Journal of Anthropology* 77 (2): 227–251.
- Nedoseka, E. V. 2020. Lokal'naia identichnost' naseleniia monogoroda (na primere g. Sokola) [Local Identity of Single-industry Town's Population (Case study of the town of Sokol)]. In *Problemy razvitiya territorii* 1 (105):109–123. <https://doi.org/10.15838/ptd.2020.1.105.8>
- Nepochatova, M. I. 2016. K istorii Piukhtitskogo Uspenskogo zhenskogo monastyria v 1944–1962 [To the history of Pyukhtitsky Uspensky Convent in 1944–1962]. In *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta* 2 (69): 66–79.
- Orsi, R. A. 2002. *The Madonna of 115th Street: Faith and Community In Italian Harlem, 1880–1950*. New Haven: Yale University Press.
- Piho, M. 2011. Setode usk ja Setomaa tsässonad. *Setomaa tsässonad*, edited by A. Raudoja and T. Mäkeläinen, 13–60. Tartu: Setu Kultuuri Fond.
- Shevarenkova, Yu. M. 2011. «Svoi — chuzhie», «svoe — chuzhoe» v religioznom fol'klöre odnoi lokal'noi traditsii. *Riabininskie chteniia. Materialy VI nauchnoi konferentsii po izucheniiu i aktualizatsii nasledii Russkogo Severa* [“Ours — Strangers” in the religions folklore of one local tradition. Colloquium in honor of Riabinin. Materials of the Sixth Research Conference on Study and Modernization of Cultural Heritage of the Russian North]. Petrozavodsk: Karelian Research Centre of the RAS Press: 410–413.

- Sheybak, V.V. 2008. *Genezis i evoliutsiia khristianskikh traditsii palomnichestva u belorusov* [Genesis and evolution of christian pilgrimage among Belarusians]. Ph.D. diss. abstract, K. Krapiva Institute of Art History, Ethnography and Folklore (Academy of Sciences, Belarus).
- Shkarovsky, M. 2010. *Russkaia pravoslavnaia tserkov' v XX veke* [Russian Orthodox Church in the 20th century]. Moscow: Veche, Lepta.
- Shlikhta, N. 2017. Kak uchredit' «antisovetskuiu organizatsiiu»: k istorii Kestonskogo instituta i pis'ma veruiushchikh iz Pochaeva [How to establish an “anti-soviet organization”: on the history of the Keston Institute and the letters of believers from Pochaev]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov v Rossii i za rubezhom* 1 (35): 244–268.
- Schütz, A. 1970. *On Phenomenology and Social Relations: Selected Writings*, ed. by H. R. Wagner. Chicago: University of Chicago Press.
- Solomon, E. 2003. Constructing local identity through archaeological finds: the case of Knossos (Crete, Greece). *Museological Review. Department of Museum Studies, University of Leicester*. 10: 31–48.
- Tarabukina, A.V. 2000. *Fol'klor i kul'tura pritserkovnogo kruga* [Folklore and culture of the church district]. Ph.D. diss., Institute of Russian Literature (the Pushkin House). http://www.ruthenia.ru/folktee/CYBERSTOL/books/Tarabukina/arina_tarabukina.html
- Valk, H. 2008. Kiiev setu pärimuses: koopad, käsikivad ja ristikäigud. In *Setumaa kogumik 4*, edited by M. Aun and M. Lõiv, 93–142. Tallinn: Tallinna Raamatutrükikoja.
- Vedernikova, N.M., Nikitina, S. Ye. 2014. *Solovki v pamiati pomorov (po materialam ekspeditsii v Pomor'e* [Solovki in the memory of the Pomors (based on the materials of the expedition to Pomorie)]. Moscow: Institut nasledii.

УДК 39
DOI: 10.33876/2311-0546/2022-2/90-99
Научная статья

И. В. Пашкова

ПРИХОДСКИЕ ЛЕТОПИСИ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК О КРЕСТЬЯНАХ СМОЛЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ

В статье рассматривается становление приходского летописания в Смоленской губернии в XIX веке, выявляются его характерные черты, такие как опора на опубликованные примеры, совмещение формализованной структуры и субъективной оценки авторов. На основе анализа приходских летописей Смоленской губернии, которые публиковались как историко-статистические описания приходо-вых, выстраивается образ смоленского крестьянина с точки зрения приходского священника. Существовало два устойчивых образа — великоруса и белоруса, которые отличались между собой характером, образом жизни и внешним видом, что связывалось с этнической принадлежностью. Священники пытались объяснить особенности характера и быта природными, социально-историческими и культурными особенностями. В целом образ крестьянина наделялся положительными чертами, такими как благоразумие, рассудительность, нищелюбие, но в то же время отмечалось существование суеверий, пороков (таких как пьянство, сквернословие, воровство), семейных разделов.

Ключевые слова: приходские летописи, этническая идентичность, крестьяне, Смоленская губерния.

Ссылка при цитировании: Пашкова И. В. Приходские летописи как исторический источник о крестьянах Смоленской губернии // Вестник антропологии, 2022. № 2. С. 90–99.

UDC 39
DOI: 10.33876/2311-0546/2022-2/90-99
Original Article

© **Irina Pashkova**

PARISH CHRONICLES AS A HISTORICAL SOURCE ABOUT THE PEASANTS OF THE SMOLENSK PROVINCE

The article examines the tradition of writing parish chronicles in the Smolensk province in the 19th century and reveals its characteristic features, such as reliance on published examples, the combination of a formalized structure and authors' subjective assessment. Based on the analysis of the parish chronicles, published as historical and statistical descriptions of parishes, the image of a Smolensk peasant

Пашкова Ирина Викторовна — научный сотрудник, ФГУБК «Музей Смоленская крепость» (214000 Смоленск, ул. Большая Советская, 30/11). Эл. почта: azal14@mail.ru

from the point of view of a parish priest is reconstructed. There were two stable images — a Great Russian and a Belarusian differing in personality, lifestyle and appearance, which were associated with ethnicity. The priests explained these differences by natural, socio-historical and cultural factors. In general, a peasant was seen as characterized by prudence, discretion and sympathy to the poor. At the same time, it was noted that superstitions, vices (such as drunkenness, foul language, theft), family breakdowns were common among them.

Keywords: parish chronicles, ethnic identity, peasants, Smolensk province

For Citation: Pashkova, I. V. 2022. Parish Chronicles as a Historical Source About the Peasants of the Smolensk Province. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 2: 90–99.

Author Info: Pashkova, Irina Viktorovna — Researcher, Federal State Budgetary Institution of Culture “Museum of the Smolensk Fortress” (214000 Smolensk, Bolshaya Sovetskaya street, 30/11). E-mail: azal14@mail.ru

Церковно-приходские летописи являются важнейшими источниками при изучении истории епархии и ее населения. Сведения, содержащиеся в них, в комплексе с данными этнографических исследований дают возможность наиболее полно описать традиции и обычаи крестьянства Смоленщины в историческом прошлом. Приходские летописи и написанные на их основе историко-статистические описания приходо-вых Смоленской губернии хранятся в Государственном архиве Смоленской области, значительная часть из них была опубликована на страницах газеты «Смоленские епархиальные ведомости». Именно эти материалы рассматриваются автором данной статьи.

История распространения церковно-приходского летописания в Смоленской епархии

Церковно-приходские летописи получили распространение в России с середины 60-х годов XIX века. В 1866 году Святейший Синод, опираясь на пример написания церковных летописей в Оренбургской епархии, обратился к епархиальным архиереям с предложением завести в своих епархиях приходские летописи (*Добренский* 2000: 358).

Активное написание приходских летописей в Смоленской епархии началось с 1869 года после того, как в «Смоленских епархиальных ведомостях» была опубликована программа их составления, перепечатанная с № 3 журнала «Руководство для сельских пастырей». Составитель программы прежде всего ответил на вопрос, зачем необходимо написание данных документов: «Без летописей мы не знали бы своей церковной и гражданской истории и не могли иметь ее» (Несколько слов 1869: 274). Внимание читателя обращалось на тот факт, что информация, содержащаяся в летописях, будет полезна не только причту церкви и приходу, но и исследователям русской церкви и государства: «Свод исторических сведений о приходских церквях той или другой епархии может весьма много содействовать к прояснению исторических судеб всей церкви отечественной, а частью и всего народа» (Там же 1869: 275).

Предлагался следующий план составления летописи: 1) история храма и прихода; 2) о причте; 3) описание прихода. В описании прихода рекомендовалось обра-

титель внимание на такие особенности жизни населения, как степень усердия жителей к церковному богослужению; случаи обращения их в раскол; расположение прихожан к взаимному вспоможению; степень их умственного и нравственного развития; грамотность, распространенные суеверия и предрассудки; занятия и промыслы жителей прихода; особенные события и явления природы в данной местности. В конце каждого года составителям летописи предписывалось делать вывод на основе статистических данных о движении населения (число родившихся, умерших, венчавшихся, бывших на исповеди и т. д.). Писать летопись рекомендовалось как можно яснее и проще, избегая нарочитой витиеватости, «таким языком и слогом, каким кто владеет и говорит» (Там же 1869: 281). Составителям летописи надлежало избегать оценок, писать объективно, однако скрыть субъективное мнение автору не всегда удавалось. Оно чувствуется в употребляемой лексике, в самом тоне записи. А. А. Миронова при анализе церковно-приходских летописей горнозаводской зоны Южного Урала приходит к заключению: «Летописец создает нарративную презентацию действительности, соединяя объективное представление (даты, место, источник информации, ссылка на документ, место его хранения, статистические данные) и субъективное восприятие (оценка)» (Миронова 2020: 81).

Священники выступали настоящими знатоками местности приходов, потому сбор исторических материалов часто возлагался на них. Священник А. Розанов в своих очерках писал: «Предполагается, например, в губернии издать «Сборник материалов для описания губернии», в который должны войти исторические очерки городов, сел, деревень, местностей, отдельные исторические эпизоды ... описания этнографические: описания народностей, расселения, быт, нравы, обычаи, одежда, занятия, верования... За всеми сведениями обращаются — к священникам» (Розанов 1882: 13). Высокую оценку знаниям священников о народном быте и хозяйстве дал смоленский помещик А. Н. Энгельгардт: «Кто хочет узнать, что представляет это, никому неизвестное, неразгаданное существо, которое называется мужиком, тот, не ограничиваясь собственным наблюдением, должен именно между попами искать необходимых для него сведений» (Энгельгардт 1956: 54).

Жизнь сельского священника протекала в крестьянской среде, по своему экономическому положению он мало чем отличался от крестьян, более того, в материальном плане он от них зависел. В то же время социальный статус священника был значительно выше, что требовало от него органично вписаться в крестьянское общество, «основной коммуникативный механизм которого строился по принципу «свой-чужой» (Леонтьева 2002). А. Розанов, перечисляя требования, предъявляемые обществом к священникам, проводит тем самым границу между духовным словом и другими социальными группами населения, саркастично замечая: «Чтобы удовлетворять «требованиям современного общества» — крестьян, священник должен быть мужиком» (Розанов 1882: 7). Таким образом, приходские священники обладали уникальными знаниями о жизни своего прихода, однако взгляд священников на крестьян являлся внешней оценкой.

В качестве источников для исторической части летописей сельские священники использовали: 1) акты, ведомости и другие документы, хранившиеся непосредственно в церкви; 2) материалы, издававшиеся на страницах «Смоленских епархиальных ведомостей» специально для составления летописей; 3) собственные наблюдения; 4) местные предания и рассказы жителей.

На страницах «Смоленских епархиальных ведомостей» с 1870 года периодически публиковались обширные фрагменты летописей приходов под названием историко-статистических описаний. Содержание летописи, как правило, печаталось в нескольких номерах и представляло собой историческое описание прихода, его клира и населения. Для подтверждения своих слов летописцы приводили выписки из метрических книг, данные о доходах и расходах прихода, а также ссылались на другие статистические материалы. С 1870 года по 1902 год было опубликовано 41 историко-статистическое описание приходов. Все они, за исключением 4 летописей, освещающих историю городских церквей, описывают историю сельских приходов Смоленской губернии. Редакторы «Смоленских епархиальных ведомостей» стремились отобрать для публикации наиболее интересные летописи. Степень информативности летописи зависела от личности автора, уровня его образования и отношения к самой идее летописания.

При составлении характеристики населения сельские священники использовали типовой подход, который основывался не только на следовании инструкции, но и на опубликованном примере. Отпечатанные материалы служили образцом для тех приходов, которые только начинали вести свои летописи. Нередко шло заимствование не только самой схемы подачи информации, но и ее содержания. Весьма показательны зарисовки домашнего быта, сделанные в двух разных приходах Дорогобужского уезда и напечатанные в «Смоленских епархиальных ведомостях» с разрывом в 9 лет. Первый отрывок сделан священником Александром Конокотиным села Пушкина Дорогобужского уезда (Конокотин 1878: 533). Второй отрывок написан Александром Терновским, сыном причетника села Слободки, окончившим в 1885 году семинарию. Написанная им летопись относится к другому приходу — к селу Мстиславская Слободка Дорогобужского уезда (Терновский 1887: 971). Как отмечает редакция, работа над летописью шла не более полугода, но труд вышел «вполне обстоятельный». При сопоставлении фрагментов с описанием избы можно отметить ряд характерных элементов, которые практически идентичны и повторяют друг друга. Схожестью обладает сама структура описания, применяемая в обоих отрывках. Можно предположить, что при составлении летописи Мстиславской Слободки Александр Терновский включил в нее описания из более ранней летописи села Пушкина. В таблице одинаковые элементы выделены курсивом и пронумерованы автором.

Схожесть описания домашнего быта

Село Пушкино (1878 г)

1) *Полы в доме у них никогда не моются и нет обыкновения мыть.* 2) *Когда же нарастёт на полу много грязи, тогда они берут железную лопату, поскребут немножко грязь, пометут веником (эта заботливость, кстати нужно заметить, 3) происходит только пред великим праздником) и дело с концом.* В зимнее время, особенно, часто можно встречать в избах их неприятное зрелище: 4) *на полу — в грязи как-попало валяется целая куча ребятишек, оборванных, полунагих, босых*

Село Мстиславская слободка (1887 г)

1) *Мыть полы при таком положении нет возможности, — да у них и в обыкновении этого нет.* Грязь с полу на ногах переносится на печь и нары — их постели. Словом, где ни посмотришь, везде находится грязь. Побывать в такой избе не выпачкаться — нет никакой возможности. 2) *Когда уже накопится слишком много грязи, тогда хозяйка берет железную лопатку, поскребет, пометет и дело с концом.* Но и это 3) *делается только пред большими праздниками Рождеством*

и грязных; здесь в соседстве с ними кормится семья свиней, телята, ягнята, вследствие чего 5) воздух бывает в избах до того удушлив, что без привычки дышать им нет никакой возможности, они же переносят спокойно и без ущерба здоровью.

Христовым и Пасхою. Тут же в избе под столом лежит несколько собак, в углу под лавкою увидим овец с ягнятами и телятами, 4) среди избы можно встретить целую кучу ребятишек полунагих и грязных ползающих в грязи, а рядом с ними и свиньи с поросятами. При такой обстановке 5) воздух в избах бывает до того удушлив, что без привычки нет никакой возможности дышать им, а крестьяне переносят — по привычке ли, или уже по необходимости.

Этнографические сведения в приходских летописях Смоленской губернии

Наиболее богата сведениями этнографического характера третья часть летописей, называемая «О приходе». Она начинается с установления границ прихода и описания географических условий, содержит статистические данные о количестве населения мужского и женского пола, количестве дворов, сведения о рождаемости и смертности.

В отличие от многих статистических документов второй половины XIX века, приходские летописи содержат указание на этнический характер населения. Для Смоленской губернии было характерно деление населения на великорусов и белорусов. Граница расселения в целом совпадает с той, что привел Г. Соловьев в «Сельскохозяйственной статистике Смоленской губернии»: Вяземский, Юхновский, Гжатский, Сычевский и Бельский уезды населены великорусским племенем, оставшаяся большая часть губернии населена белорусами (Соловьев 1855: 94). Однако анализ приходских летописей показывает, что этническая картина была довольно размыта: четкой линии расселения провести невозможно, в уездах с великорусами находятся приходы, население которых священники относят к белорусам, и наоборот.

Священники не всегда уверены, к какому народу отнести жителей прихода, а этническую принадлежность определяют по внешним признакам, таким как язык или одежда. Расплывчатый характер этнической идентичности хорошо заметен в следующих замечаниях: «Прихожане — по языку и обычаям — от ближайшего соседства с Белоруссией племени более Белорусского» (Михаловский 1871: 833). В некоторых случаях священники затрудняются дать этническую принадлежность: «Какого происхождения или племени прихожане села Заозерья, определенно сказать невозможно: нельзя назвать их чисто белорусами, или великорусами; произношение слов у них (крестьян) не совсем чистое... более же всего в произношении слышится польский выговор» (Кулагин 1874: 321).

С этническим признаком соотносится физический облик крестьян. Авторы отмечали, что великорус отличается крепким телосложением, красотой, безразличием к климатическим условиям. Характер его сильный и крепкий, но грубый. Священники находили оправдание такому характеру смоленского крестьянина в природных условиях, в которых тому приходится жить: «Они, весь свой век, обращаясь с землею да камнями, ... сами получили отпечаток этих предметов» (Воскресенск 1875: 267). Вслед за заключениями этнографов, публиковавших свои очерки о белорусах, священники писали о том, что белорус худощав, с острым носом и светлыми волоса-

ми, длинной шеей, узкой грудью, в движениях его нет особой легкости и поворотливости, но во время срочных работ бывает энергичен (Кулагин 1874: 321; Конокотин 1878: 451; Терновский 1887: 969). Подчеркивается, что белорус труднее расстается с домом, малообщителен, не склонен к другим занятиям, кроме земледелия и лесной промышленности. В песнях белорусов слышится тоска по родине, они доверчивы ко всяким вымыслам. В таких описаниях отчетливо проступает клишированность и опора на уже устоявшуюся в литературе и краеведческих очерках традицию.

В некоторых случаях присутствовала попытка объяснить особенности характера через социально-исторические и культурные условия, хотя анализ «натуры» продолжал оставаться довольно поверхностным. Крестьяне села Клушино Гжатского уезда, по оценке их пастыря, особой энергии не имели и были очень тяжелы на подъем: «В этом проглядывается натура ненормальная, загнанная, забитая, может сотнями лет, в течении жизни целых поколений. Татарское иго, или целый ряд бедствий и бедности пригнули натуру Клушинского прихожанина» (Львов 1875: 630).

По оценке священников, крестьянское население отличалось прилежностью в делах веры, часто посещало службы, слушало с удовольствием проповеди и жизнеописания святых. Однако в связи с увеличением отходничества в крупные города, а также в селах, расположенных вблизи уездных центров, ослабевала связь прихожан с церковью. Тем не менее повсеместно в дни «святой седмицы» — Пасхи — и на храмовые праздники в крестьянских домах проходили молебны. Среди наиболее часто почитаемых святых, которым просили отслужить молебны, были Св. Николай и Св. Параскева. Во многих приходах (преимущественно с белорусским населением) проводился обряд, известный как «никольская свеча». При разных бедствиях, таких как засуха, эпидемии, падеж скота, крестьяне просили священников провести не только молебен в церкви, но и на полях.

Несмотря на высокую религиозность, священники отмечали существование, особенно в прежние времена, самых темных суеверий: вера в домовых и лесовых, водяных и полевых, в русалок, в колдовство и наговоры. В каждые заговины (последний день перед продолжительным постом) крестьяне села Даньково после семейного ужина клали на тарелку остатки от трапезы и оставляли ее на верее (столб в звене забора) для угощения домового, чтобы он был добрее к хозяевам (Михаловский 1871: 838). Повсеместно было особое отношение к пятнице. В этот день крестьяне не занимались такими видами работ, как прядение, не пахали и не сеяли ржи. Понедельник считался несчастным днем, потому никакое дело не начиналось. Крестьяне верили в существование «бродячих душ» — тех, кто умер раньше срока или не своей смертью. Эта категория покойников известна как «закладные». Это были самоубийцы, утопленники, отравившиеся и т. д. По крестьянским повериям, такие покойники могли ходить по селениям и вредить живым людям (Воскресенск 1875: 382). Чтобы прекратить хождения мертвеца, необходимо было вбить осиновый кол в могилу, тогда он уже не мог ее покинуть (Терновский 1887: 935).

Священникам свойственна тенденция рационализировать проявления крестьянских суеверий, объясняя их существование крепостью традиции, недостатком образования, замкнутостью образа жизни и недоступностью информации и опыта другого вида. Священник села Воскресенска указывал, что суеверные представления крестьянам передали их отцы и матери с малых лет и подкрепили их своими словами, что «вот мол мой батюшка или матушка сами видели домового» (Воскре-

сенск 1875: 382). Крестьяне в болезнях прибегали к помощи знахарей не столько от своей «темноты», но больше из-за недоступности медицинской помощи, а также из-за дороговизны аптекарских средств. Знахарь же обычно просил лоскут полотна, ковригу хлеба, кусок мяса или сала, что вполне подъемно по крестьянским меркам (*Качевский* 1875: 491).

Однако там, где население более активно занималось отходничеством или было связано с городом, суеверия изживали себя быстрее: «Нынче ничему не верят. При таком настроении, самые колдуны перевелись; с истреблением лесов исчезли и русалки, и игры в честь их» (*Лызлов* 1873: 576). Как отмечали священники, знахари предпочитали не афишировать свои знания, им уже не оказывалась былая честь: «Уже не занимают первого места на празднествах и вечерах, как бывало прежде» (*Лосевский* 1872: 845).

В целом, уровень образованности среди крестьян Смоленской губернии был невысоким. Приходские училища стали появляться в большинстве случаев только во второй половине XIX века. Однако стоит отметить, что необходимость в образовании стала осознаваться крестьянами, поэтому в некоторых деревнях крестьяне, которые не могли послать детей учиться грамоте из-за отдаленности деревни от приходского училища или вовсе из-за его отсутствия, нанимали отставного солдата или другого грамотного крестьянина с тем, чтобы он обучил их детей чтению, псалтырю и письму. В итоге, «грамотность в приходе довольно быстро распространяется и грамотных в каждой деревне можно найти более 5-ти человек» (*Вишневецкий* 1873: 231). Крестьяне компенсировали отсутствие образования своим опытом и рассудительностью. Эти качества часто отмечали составители летописей. Кроме того, именно из среды крестьян помещики выбирали себе управляющих имениями, старост и «бурмистров». Крестьяне села Ильинского, служившие управляющими помещьем, были неграмотными и при необходимости ставили подпись в виде трех крестов во имя Св. Троицы (*Брянцев* 1871: 513).

Помимо благоразумия и рассудительности смоленские крестьяне отличались трудолюбием и нищелюбием. Раздача кусочков хлеба тем, кто «пошел по миру», делалась хозяйкой, всегда «соображаясь с своими средствами и силами, а многие и с расчетами» (*Лосевский* 1872:823). Зажиточные крестьяне села Ляпкина Бельского уезда в голодные годы раздавали нуждающимся не только хлеб, но и деньги. Крестьяне оказывали друг другу помощь в дни несчастий, например, при пожаре, а также в случае смерти работника, когда семья не могла одна справиться с работами в поле. Также односельчане помогали провести достойные поминки по умершему родственнику бедной семье, поскольку такая помощь рассматривалась как последняя дань умершему.

Для историко-статистических описаний, опубликованных в «Смоленских епархиальных ведомостях», уже не свойственна идеализация крестьянского мира, характерная для первой половины XIX века в сочинениях этнографов. Священники вполне осознавали пороки смоленского крестьянства. В качестве таковых наиболее часто отмечались раздоры в семье и пьянство. Ни одно значимое событие, ни один праздник не обходился без употребления водки, потому обычным явлением было, когда пьянство переходило в разгул. Однако стоит отметить, что уровень преступности по селам был чрезвычайно низким. Сообщения о кражах в приходах чрезвычайно редки, а случаи убийств и вовсе не упоминаются. Также редким явлением,

особенно для отдаленных приходов, было наличие «гулящей девки». Женщины старались хранить супружескую верность. Однако обращает на себя внимание то закономерное обстоятельство, что с увеличением отходничества в крупные города в приходах не только уменьшается количество бытовавших суеверий, но и резко падает нравственность.

В 1870–1880-е годы священники с печалью констатировали невысокий уровень крестьянского благосостояния. Типичной является фраза: «Первоначально прихожане ... жили лучше и богаче, нежели впоследствии» (*Брянцев* 1871:513). Причиной ухудшения материального положения крестьян являлся недостаток земли, поскольку после отмены крепостного права крестьянский надел составил меньше трех десятин на душу (село Ильинское Сычевского уезда). Не хватало не только пахотных угодий, но и покосов и пастбищ. По мнению священников, земледелие не приносило доходов и едва было способно прокормить крестьянина. В тех местах, где мужчины занимались отходничеством, все полевые работы ложились на плечи женщин, которые при всем старании не могли выполнить весь тот объем работ, который был необходим. Помимо ржи и овса, крестьяне высаживали коноплю и лен. Лен приносил высокий заработок, поскольку цены на него были довольно высоки, но за несколько лет он истощал землю. После льна требовалось внесение удобрений, иначе начинались неурожаи. Бедой крестьян была нехватка дров для отопления. При крепостной зависимости помещики разрешали брать дрова из своих лесных владений, в том числе для постройки домов. С отменой крепостного права во многих селах такая договоренность была ликвидирована.

Одна из главных причин падения уровня благополучия, по мнению авторов летописей, были семейные раздоры. Крестьянские семьи делились не только на два, но порой и на три-четыре двора, в которых оставалось по одному мужчине, а потому для успешного ведения хозяйства семье не хватало работников. Главная причина разделов с точки зрения приходских священников — это ослабление патриархальности и увеличение семейных раздоров. Священник села Клушино Гжатского уезда полагал, что виною разделов является женская сварливость: в борьбе за власть в доме женщины начинают подбивать мужчин на отделение (*Львов* 1875:629).

Вместе с неурожаями и разделом хозяйств крестьянские семьи все больше разорялись. В некоторых местностях выход находился в виде отхожих промыслов, часто носивших сезонный характер. Так, крестьяне села Ильинского в зимнее время занимались извозом хлеба и устройством барок на реке Гжати. Из села Гривы Сычевского уезда мужчины отправлялись работать на фабрики и заводы не только Смоленска, но и в обе столицы. В Бельском уезде распространенным видом отходничества был сплав леса в город Белый. Среди упоминаемых ремесел встречаются плотничество, бондарство, изготовление колес и саней, гонка дегтя. Гривские каменотесы изготавливали по рисункам и чертежам могильные памятники, а затем продавали их в Вязьме, Гжатске, Смоленске. Крестьяне села Ляпкина, поправившие свое материальное состояние на возке леса, перестали строить черные курные избы, заменив их чистыми светелками, вместо лаптей мужчины начали ходить в сапогах, а у женщин появились башмаки, одежда стала нарядней.

Заключение

Для историко-статистических описаний приходов характерна определенная двойственность. С одной стороны, приходские летописи строились по заранее заданному образцу и заносимая в них информация отвечала формальным признакам, изложенным в инструкции. С другой стороны, степень насыщенности материалов была разной, многие авторы подходили к процессу ответственно и заносили свои личные наблюдения и мнения относительно крестьянского населения приходов, проводили попытки анализа и сопоставления, тем самым их деятельность сближалась с работой этнографа-собираателя.

Создаваемый приходскими летописями образ смоленского крестьянства в целом отличался положительной окраской. Крестьяне наделялись такими чертами, как религиозность, трудолюбие, благоразумие и рассудительность, милосердие, нищелюбие и отзывчивость как готовность оказать помощь. В 70–90-х годах XIX века в крестьянской среде продолжали бытовать многочисленные суеверия, но под внешним влиянием (рост числа образованных, смена социальной среды и т. д.) они уменьшались. В отличие от этнографической литературы данного периода, использующей метод сравнения, приходские летописи не содержат прямых сравнений двух этносов — великоруссов и белоруссов — но создают узнаваемые образы их представителей, воспроизводя типичные черты народов с точки зрения господствовавших этнических стереотипов.

Источники и материалы

- Брянцев 1871 — *Брянцев И.* Церковно-приходская летопись села Ильинского // Смоленские епархиальные ведомости. 1871. № 14. С. 477–515.
- Вишневский 1873 — *Вишневский А.* Летопись села Дровнина Гжатского уезда Смоленской епархии // Смоленские епархиальные ведомости. 1873. № 6. С. 218–232.
- Воскресенск 1875 — Историко-статистическое описание прихода села Воскресенска Юхновского уезда Смоленской епархии // Смоленские епархиальные ведомости. 1875. № 9. С. 267–276.
- Несколько слов 1869 — Несколько слов о приходских летописях // Смоленские епархиальные ведомости. 1869. № 21. С. 273–281.
- Качевский 1878 — *Качевский В.* Историко-статистическое описание прихода села Ляпкина Бельского уезда // Смоленские епархиальные ведомости. 1875. № 16. С. 483–493.
- Конокотин 1878 — *Конокотин А.* Летопись села Пушкина Дорогобужского уезда // Смоленские епархиальные ведомости. 1878. № 19. С. 527–539.
- Кулагин 1874 — *Кулагин М.* Историко-статистическое описание прихода села Заозерья Бельского уезда Смоленской епархии // Смоленские епархиальные ведомости. 1874. № 8. С. 307–326.
- Лосевский 1872 — *Лосевский П.* Историко-статистическое описание прихода села Будина (Попова) Бельского уезда Смоленской епархии // Смоленские епархиальные ведомости. 1872. № 24. С. 843–853.
- Львов 1875 — *Львов А.* Историко-статистическое описание прихода села Клущина Смоленской губернии Гжатского уезда // Смоленские епархиальные ведомости. 1875. № 21. С. 621–631.
- Лызлов 1873 — *Лызлов А.* Историко-статистическое описание прихода села Гривы Смоленской епархии Сычевского уезда // Смоленские епархиальные ведомости. 1873. № 14. С. 565–588.

- Михаловский 1871 — *Михаловский А.* Церковно-приходская летопись Николаевской села Данькова церкви смоленского уезда // Смоленские епархиальные ведомости. 1871. № 23. С. 827–846.
- Розанов 1882 — *Розанов А. И.* Записки сельского священника: быт и нужды православного духовенства. СПб: Исторический журнал «Русская старина», 1882. 324 с.
- Соловьев 1855 — *Соловьев Я. А.* Сельскохозяйственная статистика Смоленской губернии. М.: изданием Учен. ком. М-ва гос. имуществ, 1855. 486 с.
- Терновский 1887 — *Терновский А.* Историко-статистическое описание прихода села Мстиставской Слободки, Смоленской губернии, Дорогобужского уезда // Смоленские епархиальные ведомости. 1887. № 20. С. 969–977.
- Энгельгардт 1956 — *Энгельгардт А. Н.* Из деревни. 12 писем. 1872–1887. М.: Гос. изд-во сельскохозяйственной литературы, 1956. 490 с.

Научная литература

- Добренький С. И. Церковно-приходские летописи Никольского уезда Вологодской губернии второй половины XIX — начала XX века // Никольская старина: Исторические и этнографические очерки / Отв. ред. С. А. Тихомиров. Вологда: Древности Севера, 2000. С. 356–382.
- Леонтьева Т. Г. Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX — начале XX вв. М.: Новый хронограф, 2002. https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/vera-i-progress-pravoslavnoe-selskoe-duhovenstvo-rossii-vo-vtoroj-polovine-19-nachale-20-vv/4 (дата обращения 10.03.2021).
- Миронова А. А. Нарративность церковно-приходских летописей XIX в.: объективное и субъективное // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. № 3 (437). С. 81–86.

References

- Dobren'kii, S.I. 2000. Tserkovno-prihodskie letopisi Nikol'skogo uезда Vologodskoi gubernii vtoroi poloviny XIX — nachala XX veka [Church and parish chronicles of Nikolsky Uyezd, Vologda Province, the second half of the 19th — early 20th centuries]. In *Nicol'skaia starina: Istoricheskie i etnograficheskie ocherki* [Nikolskaya starina: Historical and ethnographic sketches]. edited by S. A. Tihomirov, 356–382. Vologda.
- Leont'eva, T.G. 2002. *Vera i progress: pravoslavnoe sel'skoe dukhovenstvo Rossii vo vtoroi polovine XIX — nachale XX vv.* [Faith and Progress: Orthodox Rural Clergy in Russia in the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries]. М. 2002. https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/vera-i-progress-pravoslavnoe-selskoe-duhovenstvo-rossii-vo-vtoroj-polovine-19-nachale-20-vv/4
- Mironova, A.A. 2020. Narrativnost' tserkovno-prihodskikh letopisei XIX v.: ob'ektivnoe i sub'ektivnoe [Narrativity of 19th-century parish chronicles: objective and subjective]. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 3: 81–86.

АНТРОПОЛОГИЯ АМЕРИКИ

UDC 39
DOI: 10.33876/2311-0546/2022-2/100-112
Original Article

© *Dorothy K. Billings*

THE LOSS OF INDIGENOUS LANGUAGES

How can someone lose his or her first language? How can a language disappear, leaving no speakers left who speak it? Why are indigenous languages disappearing? This paper considers the various ways that languages are lost and what it means to the native speakers. I will look at examples in Papua New Guinea and North and South America. I will also note the dilemmas of the multitude of migrants moving to new cultures and languages in the modern world.

Keywords: *first language indigenous languages, Papua New Guinea, North and South America, migrants*

For citation: Billings, Dorothy K. 2022. The Loss of Indigenous Languages. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)*. 2: 100–112.

How can someone lose his or her first language? How can a language disappear, leaving no speakers left who speak it? Why are indigenous languages disappearing? Why does it matter? Why are some indigenous people organizing and working together to recover not only their cultures but their languages?

The International Decade of Indigenous Languages (2022–2032), as declared by the United Nations, began January 1, 2022. “It is an opportunity to shed light on the critical state of Indigenous languages and to bring resources to Indigenous communities’ efforts to revitalize and reclaim Indigenous languages to ensure the healing, well-being and prosperity of Indigenous communities” (Angarova 2021: 1). *Cultural Survival* has devoted a special issue to “Securing the Future of Our Languages: Investing in New Indigenous Languages Speakers.” Indigenous people know only too well that the loss of language follows the loss of land, community, and survival opportunities that they have depended on for millennia. Colonial theft does not just take land: in the end, it also takes community, culture, language, indigenous knowledge, histories, control and futures.

This paper considers the various ways that languages are lost, what it means to the native speakers, and what actions indigenous people are taking to reverse their losses and reclaim their heritage, and their futures. I will look at examples in Papua New Guinea and North and Central America. I will also note the dilemmas of the multitude of migrants moving to new cultures and languages in the modern world.

Dorothy K. Billings — Wichita State University, Anthropology Department (1845 Fairmount st., 67260 Wichita, State Kansas, USA). E-mail: dorothy.billings@wichita.edu

Papua New Guinea

In my anthropological field work in Papua New Guinea during ten visits from 1965 to 2005 I was able to see various ways that local people lost their languages¹.

Papua New Guinea was first colonized by the Germans in the north and the British in the south. A pidgin English developed which contained some German words learned from early colonizers, e. g. “raus” (get out!) and “bung” (meet). Most of the words derived from English and the grammar from Melanesian, according to linguists (Jenkins 2005). The purchase of land by outsiders was banned in the Trust Territory of Papua and New Guinea, which prevented the excesses of settler colonialism seen in places like the United States, Australia, and parts of Africa. In the mid-1960s, a few long-time European settlers in New Guinea, some married to local women, were allowed to purchase land to turn into plantations; including new coffee plantations. Those Europeans who stayed had to become citizens when Papua New Guinea became an independent nation in 1975.

The Europeans, as all white skinned people were called, originally came to do business and to set up coconut plantations, to which local labor was brought for 3 years at a time. They were then sent home with a trunk full of white man’s goods: clothes and tools, and the language that evolved for communication between locals and the white bosses: pidgin English, now called *tok pisin*. The English and the Australians set up schools and aid posts and some hospitals, and some of the missions also set up schools and health care facilities; and English became the language people spoke in schools, colleges, European offices, towns, and official business. Many German Catholic missions continued and spoke English, and they were joined, and sometimes replaced, by American Catholic missions. The other major missions, the Methodists, generally were started by Englishmen but led by English-speaking Australians. The Methodist Bible had been translated in the late 1800s by the first Methodist missionary, George Brown, into Kuanua; the language of the Tolai of New Britain. This is the island on which George Brown first established his mission (Clay 2005). George Brown was English and spoke English to his immediate assistants.

Papua New Guinea is composed of the eastern half of a large island 700 miles long east to west, the western half of which was for decades under Dutch colonial rule. Now, since 1963, it has become a reluctant part of Indonesia. There are many smaller islands north of the big island, and they are part of what became Papua New Guinea in 1975: New Britain, New Ireland, New Hanover and Manus. I did my anthropological field research in New Ireland and its smaller neighbor, New Hanover².

How an Individual Almost Lost His Language: Living with the Colonizers

When my colleague Nic Peterson and I first went to New Ireland in 1965, we had learned some pidgin English, now called *tok pisin*, from colleagues in Australia. When

¹ I did field work in the islands of New Ireland and New Hanover, which are now part of Papua New Guinea. Australia was the government when this was a Trust Territory of the United Nations and continues to serve in various capacities as needed. My first trip to New Ireland was in 1965 (Peterson and Billings 1965; Billings and Peterson 1967) followed by a longer stay in 1966–67 (Billings 1969, 1971, 1972, 1983, 1987, 1989, 1989a, 1991a, 1991b, 1991c, 1992a, 1992b, 1996, 1998, 2000, 2002, 2007, 2015), and shorter stays in 1972, 1974, 1983, 1988, 1990, 1994, 1998, and 2005. I have not discussed or reported the loss of language in any of these publications.

² See note 1.

a government car took us to a village Mangai in New Ireland, where they said we could work, and left us there, we were completely unpracticed in speaking *tok pisin*. We were, therefore, very relieved and grateful when we were approached by a local man who worked in the European world and spoke English well. His name was Konda Aisoli, and he was one of five well-educated children whose parents had both died when they were young. He told us he was just home with his wife and their new baby, Rachel, for Christmas vacation, and he offered to help us. He came with us to see the local artist and to all the homes so we could make a map and take genealogies. When I apologized for taking so much of his time, Konda said that he had been away so much at educational institutions he had never had a chance to learn about his own traditions, and he was glad to have the opportunity to do so. He also told me that he was afraid he was losing his New Ireland language because he did not often speak it where he worked in the Education Department.

I found this a very unsettling revelation. If a person loses his language, who is he? Is a person the same person in a different language without the continuing foundation of his first language?

Before we left New Ireland after this first short field work experience, I lent Konda my copy of *Life in Lesu* by Hortence Powdermaker (1933), the only full monograph on New Ireland published at that time, Konda read it through and penciled in corrections in the spelling of New Ireland words; which showed, I thought, that he still had much of his native tongue.

In 2021 I got an email from Konda's baby daughter, Rachel, who had grown up to go to Australian National University and become a linguist. Konda had died when she was a teenager, but I was sure he would be very proud of her work studying languages.

Marrying Into Another Village

There are six major language groups in New Ireland, and many variations within these. All of these languages are derivations of Austronesian, a language thought to have come to the north coast of New Guinea and the islands about 3,000 years ago, along with Lapita pottery (Bainton 1976; Jenkins 2005). People in New Ireland know each other and come together for ceremonies. Marriages are often between people from different language groups.

My friend and major helper Milika had married her first husband, Gage, in the Notsi linguistic area and their children were born in that area. When Gage died, Milika and her children moved 3 language groups north to the Tigak and Kara language groups where her mother lived with her husband from that area. Milika then married Kasino, the local teacher who took over the care and teaching of the children. When Nicolas and I arrived in 1965, Kas also led the education of the anthropologists. As it turned out, Milika had been good friends with an anthropological couple (Lewis 1969) that had worked in the Notsi linguistic area when she lived there. She spoke *tok pisin* well and not only to me but to local women with whom she worked. She explained to me that she could not speak the local language correctly and people would laugh at her if she tried; so it was better for her to just speak *tok pisin*. It was not just language that she could not master locally: she said: her shoulder had not learned to carry heavy food bundles at the ends of a pole over the shoulder, as women did in the Tigak/Kara language area. In the Notsi language area women carried food in baskets hung on their heads. Milika said she also could not point

her toes as the women in the Tigak/Kara villages did, so she preferred to stay out of most of the dances and help sing or play the drums. She had effectively lost her first language, except for simple communications, without acquiring confidence in another indigenous language; but she was very competent in *tok pisin*.

This is one of the situations that has led Papua New Guinea to gradually lose all its languages and move to *tok pisin*: when the Territory of Papua New Guinea became independent of Australia and the United Nations Trust Territories in 1975, the language that was adopted as the national language, to be spoken in Parliament, was *tok pisin*. In 1967 when I was attending a ceremony which lasted for nearly a month, the memai or "big man" leading the ceremony announced that he would speak *tok pisin* because I was there and he wanted me to understand. I was very embarrassed as well as grateful, but I soon realized that I was not the only one there who would benefit by his speaking *tok pisin*: there were people there, as many as 200, from five language areas; and when the memai once forgot and started to speak in his own language, someone called out "speak *tok pisin!*"

The linguist who has most recently studied the languages of New Ireland and of Papua New Guinea has found that *tok pisin* is gradually becoming the language that people speak, and indigenous languages are disappearing (Jenkins 2005). Jenkins sites Wurm, the linguist who has most completely covered the languages of New Guinea: "Wurm calls the New Guinea area one of the 'linguistically most complex and diverse areas in the world'" (Wurm 1975: 3; cited in Jenkins 2005: 4). He estimated 700 distinct languages, spoken by a population of only four million. There are two major categories of languages: the non-Austronesian, or Papuan, languages, spoken mainly in the interior of the big island of New Guinea. All the rest speak Austronesian languages, which were brought to the islands and along the coast by the travelers coming from Southeast Asia who started arriving in the New Guinea islands and the north coast about 3,000 years ago, along with Lapita pottery. They continued on to populate all of Polynesia with Austronesian languages. Austronesian languages are spoken throughout New Ireland, except for the Papuan languages still spoken by some in three villages that remain in the mountain area (Derlon 1997; Jenkins 2005; Lithgow and Claassen 1968). Unlike the Austronesian languages, the Papuan languages which are found throughout the big island of New Guinea "show no common grammar, and very little common vocabulary" and have "no affiliation outside the islands" (Capell 1969: 21; cited in Jenkins 2005: 5).

Jenkins distinguishes between "traditional Tigak," the name she uses for the languages of northern New Ireland, and "modern Tigak," Tigak as it is spoken now by the young people learning it when they are in contact with other languages, especially *tok pisin*. When they finish school, where English is spoken, they often move to the port town of Kavieng, New Ireland, or live near enough to visit there and meet other people who speak *tok pisin*. Their speaking of Tigak continues, but it is modified by the structure and vocabulary of *tok pisin* (Jenkins 2005: 190).

I saw that changing situation even in the primary school in Mangai village, where I lived, 50 years ago. Some students came from 1 or 2 villages away where a different language was spoken. *Tok pisin* was often a necessary supplement for communication even at this early level.

In the high schools, students came from different islands, and while English was taught and encouraged, *tok pisin* was the usual form of communication outside the classroom. In neighboring New Hanover, I saw an Australian Methodist school teacher swat, gently,

a child who was speaking her native tongue to a classmate and language-mate over the noon hour as they ate lunch. They were supposed to speak English.

This was a common practice in the United States, Canada and elsewhere in schools where it was decided that indigenous people should speak the language of the colonial conquerors.

How a Village in the Rainforest is Losing Its Language

Anthropologist Don Kulick has written the story of his fieldwork, which most of us would call heroic, in an isolated swampy village in Highland New Guinea; which began in the 1980s and continued on until 2014. He had malaria five times and every possible parasite, and the food the people ate, which they shared with him, was not something he was happy to eat. He could not go back again because of local violence, which had driven him away on two previous stays in Gapun. The return of intergroup violence has been a problem in the Highlands of New Guinea.

Kulick wanted to go to Gapun village because, alone in this world, people there spoke a language called Tayap; which turned out to be, he found, a language “as fully formed as English, Russian, Navaho or Zulu” (p. 29) When he got to the village he soon found that while many of the adults spoke Tayap to each other, the children could understand it but were not learning it. They were, instead, learning *tok pisin*. Men who had gone away to work on European-owned plantations had come home speaking *tok pisin*. It became clear that it was the language of whiteskinned people who had money and power, and it was necessary to communicate with them and with other plantations laborers from other places. When the men returned to their home villages, the women of the village soon learned it. The children soon followed. Kulick wanted to find out exactly how this happened.

Kulick was himself only able to communicate with villagers through *tok pisin*, which suggests that it was already well known in the village (p. 52). He spent many hours taping and making lists of words in Tayap; mostly with one old man who was the last remaining master of the language, people said. At the time of his first visit in the mid-1980s Kulick thinks about 90 people spoke Tayap; but by his last visit, only 45. He thinks the language will be dead in 50 years (p. 260).

Papua New Guinea has many languages, sometimes estimated at 500, most with fewer than 3000, many with only 500 or fewer speakers (Ibid.: 26). Tayap had only 90 speakers, in a population of 130. There were 45 out of 200 residents of Gapun 39 years later want change.

They want to become “modern”. They want “modern living” like the white people have, with money and things (Kulick: 69–70). This is the sentiment that has fueled the cargo cults of Papua New Guinea, including “The Johnson Cult” of New Hanover (Billings 1969, 1983, 2002).

Why were the children learning *tok pisin* and not Tayap? Kulick observed that when a mother told her child to do something in Tayap, it was ignored — or as the response is called in *tok pisin*, the child would *bighed*, Big headed is the word used throughout Papua New Guinea to identify responses that show people doing as they want to do, and not as requested. If mothers followed with the same request to the child in *tok pisin*, accompanied by a threat of “pain” — hitting them — in *tok pisin*, the child showed “savie” or knowledge, which was a desired characteristic: the child did as told. The parents saw this chain of

events as showing that the child was choosing *tok pisin* over Tayap, that the child preferred *tok pisin* (Ibid.: 114–5).

Why Maintain Indigenous Languages?

A language is created over time and, like the other arts of a culture, is a thing of beauty, complexity, historical information and clarity; a creation to be valued. But it may not be seen that way by people who are trying to acquire another language.

Our final goal as anthropologists must be, as Malinowski pointed out (Malinowski 1922: 25), to “grasp the native’s point of view.” Why do indigenous people want to learn or relearn or maintain their indigenous languages? Like their arts, languages contain much more knowledge than is ordinarily discussed, such as the meaning of the details (Billings 2007) and the values and social structure conveyed in style (Billings 2015). There has been a large body of research accumulated since 1980 on a societal contrast originally proposed by Tonnies in 1918: *gemeinschaft und geselleschaft*. Now this contrast is referred to as Individualism and Collectivism (Hsu 1953, 1973, 1983; Bernstein 1964; Lomax 1968; Hofstede 1980, 1990 1991; Billings 1987; 1989; 1991a, 1991b; 1992; Triandis 1990; Hemer 2015). Understanding the importance of both language and style, the Maori and Pakeha people of New Zealand are using Maori ways of communicating in their joint conservation project which is restoring an area of Maori land (Harms 2015).

The disappearance of languages in the modern world is not of central interest to linguists who study the major languages of Europe and Asia. In the past anthropological linguists have wanted to record languages before they disappear, and they knew that someday indigenous people might want these records. Anthropologists have needed to know something of indigenous languages so that they can accurately carry out their work. Anthropologists who are linguists have made major records. But it is to the Summer Institute of Linguistics¹, which educates mission workers in learning and recording indigenous languages, that future generations of anthropologists and indigenous people will be grateful for the records they have made and kept.

Migration

People all over the world today have left their home countries and cultures and languages because they could not survive, or could not survive well, at home. War, poverty, conflict over resources, drought, climate change and local gang wars have contributed to making life so difficult and dangerous that people find it worth the risk, and the loss, to move to a place that they think will be better for them.

Moscow: When people from the same group move to the same place, they may be able to bring aspects of their cultures, their celebrations, their foods, their arts, and even their languages with them (Martynova 2015). Their children, however, are educated in a different language and culture and, while they may be bicultural and bilingual for a while among the older generation, but they will pass less and less of this on to their own children.

¹ The Summer Institute of Linguistics is an educational organization in Texas that trains people who want to be missionaries in linguistics — they learn to speak indigenous languages. (I met 2 of these in New Ireland and they are amazing.) Anthropologists can study there too if they wish — it is a very good education in linguistics.

Martynova has studied the changing life and culture of migrants into the megalopolis: specifically, into Moscow (Martynova 2016). Migrants in the megalopolis show their meals preferences in a multicultural community. New folk cultures and traditions have been introduced into the Moscow community, especially the introduction of new meals in new restaurants, decorated in traditional ways.

Martynova also pays attention to the evolution of traditional culture in the modern world in Russia as elsewhere, requiring of migrants a process of social and cultural integration from the point of view of the major Moscow indigenous population. Martynova does not discuss language, but presumably, as elsewhere, languages are learned and retained as long as the old folks live and speak it; but gradually, as young people are integrated into the schools and cultures of the new place, they learn and rely on the language and culture.

Chinese: Chinese people everywhere have made a particular impact on the cultures of the world while retaining, in many cases, their language. When I first went to Papua New Guinea, arriving at the small Port Town of Kavieng, I was very surprised to see that 3 of the 4 streets in the center of town were lined with Chinese shops, all of which had food for sale. Local people of all backgrounds sought out this very good and affordable food. The Chinese are not the only mobile populations to start restaurants making their meals available to all, but they must surely be the most universally known¹. They usually come as communities and retain their language, at least.

Heritage Languages in Canada: Canada, three decades ago, had a program where adults taught “Heritage Language” classes on Saturday morning to young people, who did not learn their heritage language or customs in school. It is unclear whether or not this effort continues. The Wichita Asia Festival (below) has had some of the same objectives: to give the young people an opportunity to learn their heritage.

Siberian Peasants: Elena Fursova (2015) has studied the movement of whole groups of people who, for whatever reasons, leave their homelands and settle in new places. She focuses on the traditional knowledge of local people throughout their changing history. Her work has been with peasants of Siberia who rename the new places they come to with the familiar names of places from which they have come². They maintain important aspects of their culture by reapplying their knowledge of agriculture and maintaining their respect for nature (Fursova 215: 171–5).

Asians in Wichita, Kansas USA: When 75,000 Vietnamese came as refugees from war to Wichita, Kansas in 1975, a few Asian professors at the local university, Wichita State University, were concerned that they were likely to become an “Asian proletariat;” and, in order to bring some understanding to the local American population, they started the Asian Association. This organization, which continues nearly 50 years later, annually presents performances of the dances, arts and cultures of Asian groups, along with opportunities

¹ When I came to Wichita in 1969, there were few restaurants and nearly all were standard American. Most were not restaurants but fast food drive-throughs; except for 2 Chinese restaurants and one long established Mexican restaurant. Now there are several Vietnamese restaurants, two Thai, two Indian, a Pakistani, a Japanese, Malaysian, Iraqi, one from El Salvador, many Hispanic, and several Lebanese.

² This is probably a common, if little noted, practice. Wisconsin in the United States was settled by German populations, and the largest city, Milwaukee, has three beer breweries with German names; Schlitz, Pabst and Blatz. Milwaukee is a Native American name, but Berlin, Wisconsin tells of its German migrants. An area of the state of Kansas settled by people from Pennsylvania has several names from western Pennsylvania: Erie, Girard, Crawford County and others.

to buy the foods and art objects which are characteristic of the various cultures. Today at least as many local Wichitans of European heritage as local descendants of Asian immigrants attend the festival, to which the whole city looks forward. Many young people still speak their parents’ first languages, but mostly to the grandparents in the home. The Asian community has generated grocery stores, restaurants and five Buddhist temples which are cared for by Buddhist monks who come to Wichita for a year or two at a time. There are also Vietnamese services at a local Catholic church. Many immigrant Vietnamese, including the temporary immigrant Buddhist monks, attend the Wichita Indochinese Center to learn English as a Second Language. The Director of the Indochinese Center, who is from India, has been active in maintaining the Asian Association and the annual Asian Festival for many years.

Displacement of Indigenous Communities by Political and Economic Powers

The Decade of Indigenous Languages, designated by the United Nations, that has begun in 2022 will continue until 2032. Cultural Survival has devoted an issue of the journal to the loss of indigenous languages: it is “dedicated to uplifting the voices and work of Indigenous educators, practitioners, linguists, activists, journalists, and communicators, who, against all odds, with limited to no resources, are strengthening their mother tongues and creating new language speakers through various media platforms and tools.” (Cultural Survival 2022: 1)

Australia: Vanessa Ngala Farrelly grew up in Canberra, Australia with no contact with the Pertame, the group of indigenous people south of Alice Springs from whom she descended. At the age of 20 she went to visit them for the first time, and found some of the elders already engaged in a project to save the language. One of her grandparents, Christobal Swan, had made a list of Pertame words in the 1990s. She had worked for 30 years with police and hospitals and courts to translate for Aboriginal people, but the language was still not recognized or taught. She and other elders organized weekend language camps to pass the language on to young people, and Farrelly moved to Alice Springs and joined them. In 2019 Farrelly and Swan were invited to New York to the United Nations Permanent Forum on Indigenous Issues. There they learned about methods of reviving indigenous languages, which they took back to Australia. They started classes in some local primary schools, to which some elders came as teachers, but they realized that the languages could only be revived by passing it from the elders to the young people at home, in everyday settings, the way children in non-colonial situations learn languages.

Veronica Aguilar grew up in Mexican communities but not where they spoke her grandparents’ first language, Mixtec. Her parents never spoke it at home: fear of shame, where Spanish was the language of education, led them to speak the colonial language. When she grew up Aguilar tried to learn Mixtec at a distance by video call once a week with a teacher from her community, but she realized she could not learn Mixtec in this way. She went back to a community where it was still spoken by many to learn it “in an immersion environment” (Aguillar: 8).

All those who struggle to learn their heritage languages eventually reach this conclusion: that they need to learn by immersion in a community where the language is spoken. They also often state that they have had identity problems, which learning their heritage language helps them overcome: “I had the opportunity to ask myself many questions

during my 20s about who I was and the language I did not speak. Now, in my 30s, I know who I am and define my identity on my own terms ... I'm Mixtec but I don't speak Mixtec. But I am going to regain my language..." (ibid.: 9).

Traditional Ecological Knowledge

Adriana Chos, citing Farrelly, writes that "The language is the voice of the land. When we talk about the connection of Indigenous Peoples and the land, we talk about a whole living system that is interconnected and interdependent. This reciprocal relationship has a regenerative component. There needs to be a respectful way to interact with the land because the land feeds us and gives us life" (Chos 2021: 11).

Chos points out that "Traditional Ecological Knowledge contains valuable techniques and solutions to address, adapt, and mitigate climate change and biodiversity loss such as wildfires, floods, droughts, changes in animal behavior, and other alterations experienced on our lands and territories. This knowledge is intrinsically embedded and transmitted through the language and, "When the knowledge is lost the consequences are irreversible" (Ibid.).

Folk Wisdom and Ecological Knowledge

Russian Peasants and Soil Conservation: Rudnev (Rudnev 2009) underscores the folk wisdom he finds that supports sustainability for nature in our industrial age. Indigenous people always mention the precariousness of the supply of water on earth, which is part of what folk wisdom has found at least temporary solutions for (Rudnev 2009: 6) "The meaning and value of Folk Heritage in exploiting the environmental traditions in small-scale, non-industrialized societies, has been based ... on the perception that soil (earth) is the source of all life." Rudnev makes clear his view that it is the modern human outlook that has to change. He describes the contributions to knowledge of a sustainable environment made by Russian peasant communities that have lived and survived for long periods of time in the same place, and as communities. They have learned how to practice soil conservation.

Rudnev's argument reinforces the view of all the indigenous people who are trying to revitalize their languages, languages that sustained their communities and their knowledge and their ways of thinking and knowing, and their knowledge especially of the Natural world and its requirements. These have been notoriously ignored in the modern industrialized world, and we are all now seeing the consequences in what is called "climate change."

New Hanover, Papua New Guinea Tukul Kaiku writes of the special knowledge used in sustaining the lives of the people of her home island, New Hanover, Papua New Guinea. This knowledge is contained and identified in the local language, Tungak. This language is still the main one spoken in New Hanover, probably because it is spoken on an island and it has no indigenous competition. Many speak pidgin English, but the elders do not speak it to each other.

Knowledge of how to organize a large feast is held by the "custodian of complete nourishment", *mateng-masung*. The use of plants and herbs must always be reinforced with the appropriate body of rituals or procedural rites that summon the specialist spirit (anit)

in that particular art" (Kaiko 2009: 97). These procedures show and produce respect for mother nature.

Sardine farming must be accompanied by a series of rituals and a particular plant species used. *Inavu* is a person who nurtures sardines or any fish species and uses "physical rituals in carrying out his art" (Ibid.: 101). He strengthens his own resolve through these rituals, which show pernatural fulfillment (*kanang*) and also reinforces community belief that his actions will benefit the community.

Birth control methods are kept by a keeper of the knowledge of the use of a certain bark. Women are helped by this knowledge when it is needed.

Myths and legends reinforce knowledge for young Lavongais of the supernatural creation (*pukpukis*) of their island. Myths and legends in the local language that show respect for animals, plants and people are told to young people when they come together in the evening (Ibid.: 103).

"This oral transmission of knowledge has a role as they give effect to the sacredness of certain areas of the island. Or they serve as taboo areas where mortals dare not trespass for fear of being cursed. Therefore the use of the natural environment and the Lavongai exercise in sustainable development were contextualized into their spiritual and material coexistence with supernatural beings. Myths about caring and respect for animals, plants and people are told to young ones in the evenings when there are no disruptions and the child's mind is allowed to recreate scenes and settings for such." (Kaiko: 103-4).

Kaiku argues for the contributions made to a sustainable environment by communities that have maintained residence in places they know well; but she adds the importance of the indigenous language in identifying social roles, divisions of survival knowledge and designation of those responsible for knowing as named in the local Tungak language. Myths and rituals in the local language are part of the process that sustains this knowledge.

Lost Languages

Language as an essential container of indigenous knowledge about the natural world as well as about the ethics of respect for the environment and ways of revitalizing indigenous languages taught by those who had been carrying out this work, were discussed at a three-day virtual conference held by Cultural Survival Oct 5-7, 2021 (Chos 2021).

UNESCO has estimated that 230 languages became extinct between 1950 and 2010. UNESCO also estimates that "The world's remaining languages are predicted to disappear by the next century unless action is taken now. The world's remaining biodiversity hotspots are home to 70 percent of all languages spoken on Earth, showing strong geographic co-occurrence of Indigenous language speakers and biodiversity (Editorial comment, Cultural Survival: 9).

The work of Rudnev and Kaiku reinforce the assertions of indigenous people that the loss of their lands and resources and communities has led to their loss of their indigenous languages; and that this makes a difference to the conservation of the environment and the survival of life on earth. When the language is lost, the wisdom contained in it is lost; and the pride in speaking it is replaced by the shame assigned to it by ignorant colonial foreigners who have power without knowledge. This is why the loss of indigenous languages is not just of concern to indigenous people, but to all of life on earth; the two-leggeds but also the four-leggeds and the winged people and the plants which sustain us all.

Native Americans, like many people who did not grow up with writing and recording, were eloquent orators. Much if their recorded wisdom contrasts their ways with that of the white men who have taken over their lands.

“We know that the white man does not understand our ways. One portion of the land is the same to him as the next, for he is a stranger who comes in the night and takes from the land whatever he needs. The earth is not his brother but his enemy — and when he has conquered it, he moves on. He leaves his fathers’ graves, and his children’s birthright is forgotten.” Chief Seattle, Suqwanish and Duwamish (*Nerburn and Mengelkoch* 1991: 5).

Native Americans feel very much a part of Nature as is often the case for people who live directly on the resources of the land. They see the land and all its inhabitants as their brothers and they do not take or kill what they do not need for their own survival.

“What is man without the beasts? If all the beasts were gone, men would die from a great loneliness of spirit, for whatever happens to the beasts also happens to man. All things are connected. Whatever befalls the earth befalls the children of the earth.” Chief Seattle, Suqwanish and Duwamish. (*Nerburn and Mengelkoch* 1991: 2).

References Cited

- Angarova, Galina 2021. Our Future is Tied to Indigenous Languages. *Cultural Survival Vol 45, Issue 4*, December 2021. P. 1
- Aguilar, Veronica 2021. I’m Mixtec but I Don’t Speak Mixtec. . .But I Am Learning. *Cultural Survival Vol 45, Issue 4*, pp. 8–9.
- Bainton, Nicolas A. 1976. Austronesian languages: New Ireland. *Papers in Linguistics of Melanesia, Pacific Linguistic Series A 42:387–97*. Canberra: Australian National University.
- Bernstein, B. 1964. Elaborated and Restricted Codes: Their Social Origins and Some Consequences. *American Anthropologist* (special issue) 66, pt. 2, 55–69.
- Billings, Dorothy K. 1969. The Johnson Cult of New Hanover. *Oceania*, 40, 13–19.
- Billings, Dorothy K. 1971. New Ireland Art: An Ill-starred Quest for Holy Meaning. Paper presented at the annual meetings of the American Anthropological Association, San Diego.
- Billings, Dorothy K. 1972. Styles of Culture: New Ireland and New Hanover. Ph. D. Dissertation, University of Sydney. Department of Anthropology: Sydney, Australia.
- Billings, Dorothy K. 1983. The Play’s the Thing: The Political Power of Dramatic Presentation. *Journal of the Polynesian Society*, 92, 439–462.
- Billings, Dorothy K. 1987. Expressive Style and Culture: Individualism and Group Orientation Contrasted. *Language in Society*, 16, 475–97.
- Billings, Dorothy K. 1989. Individualism and group-orientation. In D. M. Keats, D. Munro, and L. Mann (eds), *Heterogeneity in Cross-Cultural Psychology, Selected Papers from the Ninth International Conference of the International Association for Cross-Cultural Psychology*. Lisse: Swets and Zeitlinger, pp. 92–103.
- Billings, Dorothy K. 1991a. Cultural Style and Solutions to Conflict. *Journal of Peace Research* 28(3): 249–262. Reprinted in V. H. Sutlive, M. D. Zamora, and T. Hamada, *The Anthropology of Peace: Essays in Honor of E. Adamson Hoebel*. Studies in Third World Societies Number 47. 1992.
- Billings, Dorothy K. 1991b. Social Organization and Knowledge. *The Australian Journal of Anthropology* (formerly *Mankind*), 2(1):109–125.
- Billings, Dorothy K. 1992a. The Theater of Politics: Contrasting Types of Performance in Melanesia. *Pacific Studies* 15(4).
- Billings, Dorothy K. 2000. Through culture-colored glasses: Is there a native point of view? In P. Boski, F.J.R. van de Vijver, and A. M. Chodyncka (eds). *New Directions in Cross-Cultural*

- Psychology, Selected Papers from the Fifteenth International Congress of the International Association for Cross-Cultural Psychology*. Poland: Pultusk, pp. 39–53. July 16–21.
- Billings, Dorothy K. 2002. *Cargo Cult as Theater: Political Performance in the Pacific*. Lanham: Lexington Books.
- Billings, Dorothy K. 2007. New Ireland Malanggan Art: A Quest for Meaning. *Oceania* 77(3): 257–285.
- Billings, Dorothy K. 2015. “Style in New Ireland Art and Culture: Grasping the Native’s Point of View.” *Oceania*, 85:1, pp. 1–28.
- Billings, D.K. and N. Peterson. 1967. Malanggan and memai in New Ireland. *Oceania* 38(1): 24–32.
- Clay, B.J. 2005. *Unstable Images: Colonial Discourses of New Ireland*. University of Hawaii Press. Honolulu.
- Derlon, Brigitte 1997. *De memoire et d’oubli — anthropologie des objets malanggan de Nouvelle--Irlande* French Edition | by Brigitte Derlon | Sep 18, 1997
- Faerrelly, Vanessa Ngala 2021. Pertame rweketya mapala ngketya nwerbaka ilkerta nyhurra mparema. *Cultural Survival* Vol. 45, Issue 4. December pp.6–7.
- Fursova, Elena 2015. *Organization of Ethnological systems by the East Slavic Settlers in the South of Western Siberia*.
- Harms, Matthew S. 2015. “Assertions of Cultural Auytono: Indigenous Maori Language in New Zealand’s Community-Based Maungatautari Eco-island Project.” *Global Bioethics* 2015 Volume 26 issue 1–4, 145–158.
- Hemer, S.R. 2015. Tracing the Melanesian Person. Emotions and Relationships in *Lihir*. University of Adelaide Press: Adelaide.
- Hofstede, Geert H. 1980. *Culture’s consequences: International differences in work-related vals*. Beverly Hills: Sage.
- Hofstede, Geert H. 1991. *Cultures and organizations: Software of the mind*. London: McGraw--Hill.
- HSU, F.L.K. 1953. *Americans and Chinese: Two ways of life*. New York: H. Schuman.
- HSU, F.L.K. 1973. Prejudice and its intellectual effect in American anthropology: An ethnographic report. *American Anthropologist*, 75(1), 1–19.
- HSU, F.L.K. 1983. Rugged individualism reconsidered: Essays in psychological anthropology. *Knoxville: University of Tennessee Press*.
- Jenkins, Rebecca Sue 2005. *Language Contact And Composite Structures in New Ireland* (SIL International Publications in Language Use and Education).
- Kaiko, Tukul 2009. Four Examples of Indigenous Knowledge for Sustainable Development from New Hanover island in the Pacific Region. In *Indigenous Knowledge and Sustainable Development: Selected Papers Presented at the 16th International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences, Kunming, China, 15–23 July, 2009*. Published by the Chinese Union of Anthropological and Ethnological Sciences. pp. 93–107.
- Lewis, Phillip H. 1969. The Social Context of Art in Northern New Ireland, Fieldiana. *Anthropology* (special Issue). Vol. 58. Chicago: Field Museum.
- Lithgow, David, & Oren Claassen 1968. *Languages of the New Ireland District*. Port Moresby, T.P.N.G.: Dept. of Information and Extension Service.
- Lomax, A. 1968. *Folk song style and culture*. Publication no. 88. Washington, D.C.: American Assn. for Advancement of Science.
- Malinowski, Bronislaw 1922. *Argonauts of the Western Pacific; an Account of Native Enterprise and Adventure in the Archipelagoes of Melanesian New Guinea*. London: G. Routledge & Sons, Ltd.
- Martynova, Marina 2016. “A reflection of the changing life. Migrants in the megalopolis and meals preferences in a multicultural community.” Paper presented at the IUAES Inter-congress ‘*World anthropologies and privatization of knowledge: engaging anthropology in public*’. May 4–9, Dubrovnik, Croatia.

- Rudnev, Viacheslav 2009. Folk Wisdom in using Nature. Some Aspects of Sustainability. In *Indigenous Knowledge and Sustainable Development: Selected Papers Presented at the 16th International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences, Kunming, China, 15–23 July, 2009*. Published by the Chinese Union of Anthropological and Ethnological Sciences. pp. 1–8.
- Sorokin, D. 1957. *Foreword to Community and society (Gemeinschaft und Gesellschaft) (1957)*, by Ferdinand Tonnies; trans. & ed. by Charles P. Loomis. East Lansing: Michigan State University Press.
- Strathern, M. *Gender of the Gift: Problems with Women and Problems with Society in Melanesia*. Berkeley: University of California Press.
- Tonnies, F. 1918. *Gemeinschaft und Gesellschaft Community and Society*. Translated and edited, C. P. Loomis. East Lansing: Michigan State University Press.
- Triandis, H. C. 1990. Cross-cultural studies of individualism and collectivism. In *Nebraska symposium on motivation: Cross-cultural perspectives*, 37: 41–133. Lincoln: University of Nebraska Press.

UDC 39
DOI: 10.33876/2311-0546/2022-2/113-127
Original Article

© James S. Phillips

LEGAL STRUGGLES OF THE INDIGENOUS PEOPLES OF GUATEMALA

Guatemala has a population of 17 million residents of which 41% are Maya; 1.77% are Xina people; 18% are of European descent; and 41% are of mixed indigenous and European ancestry. For several centuries the legacy of indigenous peoples in Guatemala has been under siege. There is overwhelming evidence that the indigenous peoples of Guatemala, in their history, have suffered from colonialism, economic imperialism, genocide, crimes against humanity, dispossession of their lands and resources, criminal gangs, and problems related to climate change. The above issues are examined within the framework of international law. International law and organizations could help to rescue their culture which will benefit all of humanity.

Keywords: Guatemala, Indigenous Peoples, Demographics, Historical Background, Lands and Resources, Genocide

For citation: Phillips, James S. 2022. Legal Struggles of the Indigenous Peoples of Guatemala. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)*. 2: 113–127.

Introduction

There is overwhelming evidence that the indigenous peoples of Guatemala, in their history, have suffered from colonialism, economic imperialism, genocide, crimes against humanity, dispossession of their lands and resources, criminal gangs, and problems related to climate change. Anthropologist Jennifer Schirmer has described Guatemala as “A Violence Called Democracy” (Schirmer 1999). The above issues will be examined within the framework of international law.

Demographics

Guatemala has a population of 17 million residents of which 41% are Maya; 1.77% are Xina people; 18% are of European descent; and 41% are of mixed indigenous and European ancestry (National Institute of Statistics of Guatemala 2020: 1). Professor Richard Fagen notes that the indigenous peoples “have kept their language, culture, and identity” and that “Most of them survive by a combination of subsistence farming and ill-paid seasonal work on central plantations” (Fagen 1981: 89).

Historical Background from the Pre-Columbian Era Through the United States-Backed Military Coup of 1954

The Mayan Empire emerged in approximately 2600 BCE (*Torres* 2018: 9). It included what is today known as Central America, excluding Panama. The Mayans built large temples, pyramids, schools and outdoor sports arenas (*Ibid.*). Some cities had more than 50 thousand residents. The people grew squash and corn, and made tools with clay and stone (*Ibid.*).

Internal conflict, drought, famine, and disease destroyed the Empire even before the Spanish invasion (*Torres* 2018: 21–22). The Spanish conquerors brought new diseases such as smallpox, influenza, and yellow fever to Mayan lands in the 16th century. Guatemala was the leading component of the Spanish Central American colony which was called the Kingdom of Guatemala; the latter included not only Guatemala but also Chiapas (which is now part of southern Mexico), El Salvador, Belize, Honduras, Nicaragua and Costa Rica (*Foster* 1987: 70).

In 1821 most of Central America including Guatemala, obtained independence from Spain. In 1823, Guatemala, Belize (which was part of Guatemala then), El Salvador, Honduras, Costa Rica and Chiapas formed The Federation of Central America as an independent republic (*Torres* 2018: 32). Later a Guatemalan secessionist movement resulted in Guatemala becoming an independent republic, by itself, in 1847. Guatemala has long been known for production of coffee, sugar, and bananas. Many of the indigenous people worked on plantations run by persons of Ladino descent.

In the next approximately 50 years there were numerous political fights and armed confrontations involving large landowners, urban businessmen, the military, peasants and workers, indigenous and nonindigenous (*Foster* 1987: 152–185). By 1898, Guatemala's dominant wealthy elite were more firmly entrenched than ever. Manuel Cabrera became President after the assassination of President Reino. Cabrera is most remembered for allowing the United Fruit Company from the United States to enter the political and economic life of Guatemala (*Chapman* 2007: 83). Many years of brutal oppression of the Mayans and the working class in general followed. Finally, in 1944, there was an armed revolt against the authoritarian oligarchy. The 1944 Revolution was led by Army Major Francisco Javier Arana and Army Captain Jacobo Arbenz Guzman. Under the new regime Jose Arvelo, self-described "Christian socialist", was elected President on a platform of land reform and expansion of labor rights (*Chomsky* 2001: 154).

In 1950 Jacobo Arbenz, a moderate socialist, was elected. He implemented an agrarian reform program which transferred uncultivated land to peasants and landless peasants and gave greater rights to workers. Unfortunately, the land reform program only included a minority of lands held by wealthy landowners.

The United Fruit Company (UFC) and its corporate allies and the big landowners feared that Arbenz was moved toward some kind of socialism which threatened their interests. John Foster Dulles, U. S. Secretary of States in the Eisenhower Administration (1953–58), was the former lawyer for the United Fruit Company. In 1954 the United States, acting through its Central Intelligence Agency, engineered a military coup led by Colonel Carlos Castillo Armas of the Guatemalan Army. He was flown into Guatemala on a CIA plane. Juan Torres states that: "The reason for supporting Armas was that the United Fruit Company expected Arbenz to uphold land ownership laws unfavorable to the UFC" (*Torres* 2018: 33). Arbenz left the country fearing for his life. Thus the Eisenhower Administration

was complicit in overthrowing the government which had had two previously elected presidents by the voters of Guatemala. It should be noted that during the Arbenz government from 1950 to 1954, the U.S had issued economic sanctions against Guatemala in opposition to the land reform program.

Guatemalan Genocide and Other Related Crimes

To understand the military coup of 1954 it must be understood that throughout history Guatemala's plantation owners had taken over vast tracts of land, originally mainly occupied by Mayan people and they needed a cheap source of labor (*Grandin* 2009: 2). An emerging urban business sector also needed low labor costs. The state passed laws of forced labor, debt and vagrancy laws which helped to ensure a sufficient labor supply. This was exacerbated by a history of racism against the Mayans (*Ibid.*). After the fall of the Arbenz government, the Guatemalan military and allied paramilitary units employed violence "fundamentally aimed against the excluded, the poor, and the Maya as well as those who struggle in favor of a more equitable society" (*Ibid.*).

By the end of 1956 "only 0.4% of those supposed to benefit from the land reform program had retained their land" (*Schirmer* 1999: 14). On November 13, 1960 young military officers, with a socialist orientation, attempted a coup with the purpose of "social justice, a just distribution of national wealth and against the los gringos imperialisticos (*Ibid.*: 15). Four guerilla groups were formed to support indigenous peoples, peasants, workers, and students and eventually united under the title of Guatemalan National Revolutionary Unity.

The Guatemalan government as well as the United States accused the guerillas of seeking a Communist revolution and a socialist reorganization of society. It was somewhat unclear whether members of the Guatemalan Right were motivated more by racist attitudes toward the Maya than worrying about a "Communist revolution." In any event, the Maya were perceived as the largest block in support of the radical insurgents. Thus they were targeted by the Guatemalan state. The civil war, which lasted from 1960 to 1996, was largely a battle between the Maya and the Guatemalan state.

The Guatemalan military with the assistance of the United States launched a counterinsurgency strategy, mainly against the Maya (*Grandin* 2009: 2). A 1968 declassified U. S. State Department report made clear how the U.S. viewed the counterinsurgency method:

"Murder, torture and mutilation is alright if our side is doing it and the victims are Communists (*Foster* 1987: 244)".

Although the world has probably not noticed, the U.S. government played an important role in the repression and genocidal policies directed against the Maya. In an interview with anthropologist Jennifer Schirmer, Guatemalan Naval Captain Alberto Yon Rivera in 1996 stated as follows: "It is quite simple and I won't deny it; between the 1960s and the 1990's we had a structure from the C.I.A. The money, resources, the training, and the relations were all through the C.I.A. Later, this was supplemented by the DEA (Drug Enforcement Administration). This was the case because our intelligence, in the end, had to serve the interests of the U.S." (*Schirmer* 1999: 171). Dr. Schirmer had accumulated various information about US and CIA covert aid to the Guatemalan military. General Hector Morales Gramajo, a former Guatemalan Defense Minister, and a prominent leader for many years in the army, told Dr. Schirmer in an interview in 1990 that: "The C. I.A.

has been working all along with us, so this kind of information is not that unusual” (Ibid.: 169). General Gramajo mentioned that the US CIA station chief in Guatemala had brought in people for intelligence training and “for more modernized intelligence methods and analysis” (Ibid.: 170). The US government also provided millions of dollars in aid from Congress to the Guatemalan military. This aid was for military salaries, equipment such as computers, walkie-talkies, special fire arms, communications gear, metal jeep parts, and other assistance (Ibid.: 171). In addition, even at the height of the genocide being led by Rios Montt (General in 1981–2 and also President after a coup in 1982) the Guatemalan government had the full public support of the US government. On a trip to Guatemala City in 1982, President Ronald Reagan described Montt as a “man of great personal integrity and commitment” who is “totally dedicated to democracy” (Ibid.: 33). It should be noted in passing, as we shall discuss later, former General and President Montt was found guilty of the crime of genocide in 2015 by a Guatemalan court.

Although the political repression and extrajudicial killings have occurred, in varying degrees, up to the present, the worst years were from 1981 to 1983 — especially for the Mayans. During the period of 1981–1983 the Guatemalan military and allied paramilitary groups engaged in selective and indiscriminate massacres, destruction of indigenous personal and real property, houses, sacred sites, cattle and other animals, sexual violence, forced disappearances, forced displacement, and forced recruitment into civil patrols which forced indigenous people to fight their own people and sometimes kill them. There were also numerous acts of kidnapping, deprivation of liberty and separation of children. Most of the victims were Mayans.

Despite the horrors committed by the Guatemalan state there was no referral by any country to the UN Security Council as in the case of Bosnia, for example; nor was there any action taken in the International Criminal Court or in a hybrid type court as in Sierra Leone, for example. However, as a consequence of the United Nations’ brokered Peace Accords of 1996 between the Guatemalan Government and the Guatemalan guerillas the parties agreed to the establishment of a truth commission which was called “The Commission on Historical Clarification in Guatemala”. It was a three-person commission. The Chairperson, a German international law professor, was appointed by the UN Secretary-General. The other two members were Guatemalans who were selected by consent of the parties to the Peace Accords. One was a distinguished Mayan scholar and the other a distinguished Guatemalan law professor of European descent.

From 1997 to 1999 the Commission gathered statements, and testimony from a large number of witnesses; documents from the Guatemalan Government and declassified papers of the United States Central Intelligence Agency.

The Commission had to decide whether the Guatemalan state had committed acts of genocide in violation of international law. It should be noted that the Commission generated findings that can be considered acts of genocide but also can be considered crimes against humanity and war crimes under provisions of international human rights law.

Article II of the UN Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (1948) states as follows:

“In the present Convention, genocide means any of the following acts committed with intent to destroy, in whole or in part, a national, ethnical, racial or religious group, as such

- (a) Killing members of the group
- (b) Causing serious bodily harm or mental harm to members of the group

(c) Deliberately inflicting on the group conditions of life calculated to bring about its physical destruction in whole or in part

(d) Imposing measures intended to prevent birth within that group

(e) Forcibly transferring children of that group to another group.”

Crimes against humanity, under the Rome Statute of the International Criminal Court, and under customary international law, include extermination, enslavement, forced labor, deprivation of liberty, imprisonment, torture, forcible transfer of populations, sexual violence, enforced disappearance, and other inhumane acts intentionally causing great suffering or serious injury to the body or physical health.

These crimes must be shown to be widespread or systematic.

War crimes under the Rome Statute and the Geneva Convention include willful killing, torture, willfully causing great suffering or serious injury, extensive destruction and appropriation of property not justified by military necessity, compelling a war prisoner to fight against his or her own people, intentionally directing attacks against a civilian population not taking part in hostilities (UN Convension...; Rome Statute 1998a; Rome Statute 1998b).

The Commission received evidence concerning four different Mayan regions of Guatemala. What follows are representative sections of the Commission’s comprehensive findings.

The Commission found in the 1980’s that “The Army came to identify the indigenous peoples as the “internal enemy” (CEH 1999: Section 3230, p. 24 in *Higonnet*). The commission found that the Guatemalan Government believed that a majority of indigenous peoples were supporting the guerrillas because of the indigenous peoples’ “lack of available land and immense poverty (Ibid.)”

The Commission found in Section 3234 of its findings that “Racism polarized Guatemalan society, dividing it into two big groups indigenous people and Ladinos. Racism occupied an influential place in dominant Guatemalan classes’ ideas about and treatment of “the Indians” (CEH 1999: Section 3230, p. 24). The Commission found that the Guatemalan military made no distinction between combatants and non-combatants. A witness, from a Mayan village, testified as follows: “...they accused us of being guerillas and we didn’t even know who these groups were, but they blamed the community for this and then they burned all our houses, they killed our parents, our families, our grandfathers and even kids, even pregnant women and they even killed our animals and ate them” (CEH 1999: Section 3252, p. 31). The Commission admitted into evidence a CIA document of 1981 which states as follows:

“During the battle it was impossible to differentiate between a member of the guerilla and an innocent civilian, and according to the soldiers, they were forced to fire at anything that moved. Comment: The Guatemalan authorities admitted that many civilians were assassinated in Cocob; many of them were undoubtedly non-combatants. The repercussions of this incident will reflect negatively upon the army throughout the area” (CEH 1999: Section 3258, p. 32).

Indiscriminate massacres of Mayan civilians were documented for all of the Mayan region surveyed by the Commission (CEH 1999: Section 3258, pp. 40–46, 89–91, 111–115, 117).

Witnesses told the Commission that “children of nursing age were killed by throwing them against the floor or walls” (CEH 1999: Section 3334, p. 51). There were also many selective massacres. One Army officer told members of the village: “You have to tell me who the witch doctors are that perform their magic, because they have to be finished off;

we don't want the witch doctors to perform rituals against the military" (CEH 1999: Section 3271, p. 35).

Another witness gave the following statement to a Commission investigator: "The Army arrived dressed in civilian clothes and then lined up the people in the central plaza — women, men and children — and started asking for identification cards. Before that, they had accused the people of being guerillas and a man who had his face covered appeared and began to signal the commander. The commander gave the order to shoot anyone who tried to get away. Thirty-five people died in the massacre and soldiers took away another 35" (CEH 1999: Section 3281, p. 38).

The Commission found that during the years 1980–1983 the military murdered a variety of community leaders such as Mayan priests, members of peoples' lands committees, members of committees on development, mayors, leaders of cooperatives, Mayan teachers and professors (CEH 1999: Section 3281, pp. 34–35, 87–88, 108–11).

The Army used "scorched earth policies" against Mayan villages. The Commission found that there were only three massacres in which the town or village was not burned to the ground. The Commission found that "The rest of the villages where there were massacres were physically destroyed either during or after the massacre. Likewise, many villages where there were no massacres because the population fled, were burned to the ground or destroyed. In general, the period of indiscriminate massacres coincides with the physical destruction of communities" (CEH 1999: Sections 3305, p. 44). One witness from a Mayan village testified that "They destroyed our houses, they robbed our possessions, they burned our clothes, they took away the animals, they cut down the milpas (cornfields), they persecuted us day and night" (CEH 1999: Section 3390, p. 71). In another region the witness testified that the Army exploded a bomb on a house that caught fire. The witness stated that women and children were burned alive (CEH 1999: Section 3520, p. 111). It should be noted that sometime the Army Airforce would drop bombs "A vast majority of the communities in the region suffered forced displacement. The displacement ranged from four to six weeks in some places, too much longer periods of two years in other places" (CEH 1999: Section 3541, p. 115). When people were forcibly removed from the village they were taken to other places where they were subjected to Army surveillance. They were not allowed to leave the compound. Some people who fled hid in the mountains for long periods and endured great physical and medical hardships.

The Commission found that: "The persecution during the displacement shows the desire to exterminate. There was nowhere safe to hide. The Army tirelessly chased after noncombatants, who were eliminated without any means of defending themselves" (CEH 1999: Section 3471, p. 93).

The Army had no problem killing vulnerable people. Witnesses testified that: "In one of the beds, there was a baby that was scarcely 8 years old. ... A soldier took it in his arms and the other soldier put the barrel of the gun in its mouth and with one shot, blew off the top of the baby's skull" (CEH 1999: Section 3472, p. 93). There was evidence that indigenous people were forced by the military to fight against and/or inform on other indigenous people either in their own villages or in other villages. Mayans were forced to murder other Mayans.

One example was where Mayan people were forcibly conscripted into the so-called Civil Patrol. The Commission found that the Army used these Patrols to carry out killings in some cases. According to Commission data, the Civil Patrolmen participated in four massacres "with the greatest marks of cruelty" (CEH 1999: Section 3441, p. 75). In one

village some of the Mayans were forced to hang other Mayans suspected of being guerillas (CEH 1999: Sections 3340, 3341, p. 52). These were ordinary people not connected to the Civil Patrol. The Government sought to fragment and undermine the social cohesion to weaken what the Government believed was the main base of the revolution. A document of the CIA, admitted into evidence by the Commission, stated that the "indigenous population is totally in favor of the EGPC (Army of the Poor, which was one of the Guerilla groups" (CEH 1999: Section 3253, p. 31). The CIA concluded that it was necessary for the Guatemalan military to kill non-combatants (Ibid.).

There was also much torture and sexual violence in all of the indigenous areas. In one village soldiers "cut off the ears, their nose and they poured salt in the wound" (CEH 1999: Section 3407, pp. 74–75). Sexual violence including rape in public was common in the area (CEH 1999: Section 3407, pp. 53–4, 76, 96 and pp. 120–121). Women were raped in front of their husbands and even in front of their children. Frequently after the sexual attacks they were then killed. Some young women were so badly damaged that they were unable to have children. The military was always eager to send a message to the indigenous population: supporting the guerillas has deadly consequences.

There was evidence of destruction of places that were deemed sacred sites. One example was that of a village which had a ceremonial place according to custom for community events. It was destroyed by the military. Corn fields were destroyed not only to eliminate sources of food but also because of the cultural significance to the people. In the case of another village the Commission made the following findings: "In the village of Cotzil, the soldiers dug trenches in the place where the Mayan ceremonies were held; the soldiers had orders to assassinate whoever they found... The village was razed, they burned everything: homes, clothes, dead people and animals" (CEH 1999: Section 3353, p. 54).

After considering all of the evidence the Commission (CEH), in 1999, concluded that there was evidence "that human rights violations were directed at a purposely discriminatory manner against the Maya population in these regions" (CEH 1999: Section 3582, p. 127). It was further concluded that "In almost all of these cases, the perpetrators' objective was to kill the maximum possible number of members of the (aforementioned Maya) group" (CEH 1999: Section 3588, p. 129). In addition, the CEH found that: "In studying happened in the four regions, the CEH established that alongside the mass killings — which were enough to guarantee the elimination of the groups identified as enemies — Army units or Civil Patrolmen systematically committed acts of cruelty and other cruel, inhuman and degrading acts. The effect of these acts was to terrorize the population and destroy the basic elements of social cohesion between members, particularly when they were forced to witness or commit these acts themselves" (CEH 1999: Section 3590, p. 1290).

The Commission held that the physical destruction of Mayan communities, the massacres, the forced displacement, sexual violence, torture and forcing people to fight against their own people were done intentionally and constituted acts of genocide" (CEH 1999: Section 3693–3695, p. 1320). The Commission found that the Guatemalan state had failed to honor its duty to investigate and punish acts of genocide in its territory all in violation of the United Nations Convention for the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (CEH 1999: Section 3604–3606, p. 132). The Commission further held that persons who committed genocide, whether they be "governmental leaders, functionaries or private citizens should be prosecuted" in Guatemalan courts or in an international court (CEH 1999: Section 360, p. 132–133).

The CEH also found that attacking civilians not engaged in hostilities constituted a violation of the laws of armed conflict as set forth in Common Article 3 of the Geneva Convention 1949, ratified in 1952 (Ibid.). The Commission construed the phrase “intent to destroy,” in whole or in part, of Article II of the Genocide Convention” as only requiring a general intent to destroy a particular population in whole or in part, regardless of the subjective motive (CEH 1999: Section 3607, p. 133). Thus, it was not necessary to show that intent was based on race or ethnic hatred. It does not matter whether the Government’s objective was military or a desire to eradicate socialism. Furthermore, the CEH made clear that the state actors need not have intent to destroy the whole ethnic group; intent to destroy part of the targeted population is enough.

During the years of 1981–1983 there were 200,000 or more indigenous people killed and 400 indigenous villages destroyed (Herman and Peterson 2010: 93; Roht 2009: 135). This is not to mention the many people who disappeared.

Since the Commission has no enforcement mechanism it had to rely on recommendations made to the Guatemalan Government to secure some restorative justice to the victims. One may ask what was the value of the Guatemalan Historical Clarification Commission? One thing which was helpful was that it made known to the Guatemalan people and to the world the acts of genocide and other related crimes which were committed. Such findings of 1999 would hopefully stimulate greater respect for international human rights. However, neither the Guatemalan state nor the United States has ever fully acknowledged the culpability of these two governments. Also, neither Taiwan nor Israel, who assisted the Guatemalan military at various times, have been held accountable.

Generally, as Edward Herman and David Peterson have observed, in the United States the word “genocide” is usually reserved for countries which the U.S. opposes while the U.S. either denies the use of the word genocide or plays it down with respect to countries it is allied with (Herman and Peterson 2010: 29–112). This pattern also applies to the International Criminal Court.

The Commission did make a series of recommendations in 1999 in its “Memory of Silence” document. The CEH recommended various provisions for preservation of the memory of the victims; reparations; economic compensation for personal and other injuries and damages resulting from the genocide; cooperation from the Guatemalan state to help find the disappeared and to allow exhumation; showing mutual respect and observance of human rights; steps to ensure respect for Mayan culture and symbols; reform of the judicial system to prevent impunity for violations of law; and measures to ensure the primacy of civilian power over the armed forces (CEH 1999: “Memory of Silence” recommendations, pp. 201–222 in *Higonnet*). These recommendations were made to the Guatemalan Government.

The Commission also recommended that the Guatemalan Government ratify several international human rights conventions and treaties. In response the Guatemalan Government, between the years 2000 and 2003, did ratify the following international agreements:

- 1) The Inter-American Convention on Forced Disappearances.
- 2) The additional Protocol to the American Convention on Human Rights regarding social, economic, and cultural activities.
- 3) The Optional Protocol of the UN Covenant on Civil and Political Rights.
- 4) The Optional Protocol of the Convention of the Rights of the Child and the Children in Conflict.

5) The International Convention Against Torture (Mersky 2005: 3).

What is most interesting is that because Guatemala signed these agreements it gave individual aggrieved persons the right to pursue claims of human rights violations in certain international judicial or quasi-judicial bodies such as the UN Human Rights Committee and the Inter-American Court of Human Rights. It does not appear that these remedies have been used very much. However, in 2008 the resident of an indigenous village filed a complaint with the Inter-American Commission on Human Rights against the Guatemalan government alleging multiple violations of the American Convention on Human Rights committed by the Guatemalan military. This case arose out of an indiscriminate massacre in 1982. Two hundred and two people were killed including women, children, and the elderly. The Commission found that the state should be held liable and should prosecute those who committed the orders. After the Commission’s ruling, the Guatemalan government failed to properly investigate and prosecute the offenders. Thereupon, the Commission referred to the Inter-American Court of Human Rights which conducts trial-type proceedings which include live witnesses, depositions, and production of documents. The Court made a decision on November 24, 2009 which held that the Guatemalan government had unjustly delayed the proceeding and had not held the offenders responsible. The Court issued a judgement on behalf of the members and relatives of the village in the sum of fourteen million five hundred quetzals as damages (Decision of Inter-American Court of Human Rights, pp. 1–80).

In the Guatemalan Courts there have been convictions of military officers and others involved in the genocide (Roht 2009, ft 4: 136). Former President and former Congressman Rios Montt was convicted of genocide after he left Congress in 2016. His conviction was overturned by an appellate court in Guatemalan and he was retried but died before completion of the trial in 2018.

Rigoberto Menchu, a prominent Mayan leader and Nobel Peace Prize winner, filed a complaint in a Spanish Court which has universal jurisdiction over human rights claims. Ms. Menchu’s complaint named various officers and individuals who participated in the genocide. These included criminal and civil claims. After eight years of legal battles, including extradition proceedings, the Constitutional Court of Guatemala refused extradition of the defendants from Guatemala to Spain (Ibid.: 138–147). Ms. Menchu brought her claim in 1999.

Despite some convictions obtained by Guatemalan prosecutors in Guatemalan courts, most of the culprits, including former Defense Minister, Hector Gramajo, avoided prosecution. In many cases in the Guatemalan courts there have been lengthy delays and appellate court rulings dismissing or overturning convictions.

In 2006 Guatemala entered into an agreement with the United Nations to join an International Commission Against Impunity the purpose of which was to reform the judicial system and obtain convictions for corruption. Guatemalan had faced international criticism for too much impunity. Although these efforts were not very successful former President Perez Molina was convicted for corruption in 2015 and is now serving a prison sentence (Dissent: 103).

In 2019 conservative Jimmy Morales, who has close ties to the Guatemalan military, terminated Guatemala’s participation in the international commission against impunity. However, recently the Guatemalan Constitutional Court has suspended termination of the Commission. Morales is now under investigation for campaign finance fraud.

The United States State Department, in its Human Rights Report of 2018, noted that Jose Mauricio Rodriguez Sanchez was charged with genocide involving a Mayan genocide during the civil war which lasted from 1960 to 1996. He was found guilty by a 3-judge panel (US SD Report 2018: 2). The Report also notes that from January to March of 2019 at least three indigenous rights advocates were killed because of their political activity. Two of them were involved in indigenous rights activism (US SD Report 2019: 20).

Dispossession of Indigenous Lands and Resources

The indigenous peoples of Guatemala, who were engulfed by settler colonialism and economic imperialism throughout their long history, lost much of their traditional lands and resources. What is left is currently threatened by corporate developers, allied with the Guatemalan state and by international business and finance.

For thousands of years the physical environment has been under the control of the good stewardship of the Maya whose knowledge of the interconnection between human beings and nature allowed them to survive as a people.

Indigenous peoples of Guatemala have been aided somewhat by the UN Declaration of the Rights of Indigenous peoples (2007), the International Labor Organization Convention 169 (1989) and the American Declaration of the Rights of Indigenous Peoples (2016). These documents require the Guatemalan Government and its corporate allies to engage in consultation with the affected indigenous peoples for the purpose of obtaining their consent before economic development projects can proceed where the people's culture and livelihood are materially affected.

There is a growing consensus in the international community and at the United Nations that not only informed consultation is necessary but also informed consent. I have discussed the issues of consultation and consent in greater detail elsewhere (*Phillips* 2015: 121–126).

The impact of international law has apparently caused the Guatemalan Congress to amend the Guatemalan Constitution to require consultation with indigenous peoples before economic projects can commence. The Guatemalan Constitutional Court in 2018 ordered the Energy of Mines to comply with the ILO Convention 169 consultation guidelines in negotiating with the Xina population with respect to the San Rafael gold mine before the mine could continue operating (US SD 2019: 21). A similar result occurred in a 2019 case before the same court. The Court ordered the Fenix Nickel Plant to suspend the mine's operation until the required consultation with the affected peoples had been achieved by the state and the company (*Ibid.*).

Indigenous peoples successfully obtained compensation for damages caused by a state approved construction of the Chixoy hydroelectric dam from the years 1975 to 1985 (*Ibid.*).

The construction of the dam caused 400 deaths and thousands of people displaced. As of October 2019, these people have received 98% of the settlement or 26 million dollars (US SD 2019: 3).

In 2013 the Guatemala Constitutional Court had ruled that the Government must respect the results of municipal referendums on whether mining projects can be constructed (*Phillips* 2015: 125).

In spite of the hopeful developments the Office of the United Nations Commissioner for Human Rights reported in 2019 that there were mine operations near the Barrio Nuevo area despite lack of consultation. The Government seems to have allowed mining companies to build mines and conduct mining operations in a number of indigenous areas without any consultation whatsoever and in spite of objections registered by the voters in local elections. Furthermore, there is evidence that the Guatemalan Government has not cooperated with indigenous people to establish effective demarcation of lands rendering it difficult for indigenous people to establish title to their traditional lands and resources (US SD 2019: 21).

The Guatemalan Government, like the U.S. and Colombia, does not appear to require consent of indigenous peoples before mining and other projects and other projects can be approved. The Guatemalan Constitution only requires consultation. Moreover, as the U S State Department Human Rights Report of 2019 indicates there are still irregularities in the Guatemalan judicial system.

Indigenous peoples of Guatemala remain subject to the power of big landowners, multinational companies, international business and finance and therefore the threat to cultural and environmental sustainability continues.

Criminal Gangs

Indigenous and other peoples in Guatemala have had to face the problem of gangs. Since the Peace Accords of 1996 many young men who served in the military are with the Guatemalan National Revolutionary Unity (UNRG or guerillas) became unemployed and had easy access to weapons (*Valdovinos* 2020: 1). Too many of these persons have turned to criminality as a way of making a living.

I interviewed many Guatemalans during the years 1996–2004, when, as a lawyer, I represented many Guatemalans in U. S. Immigration and Federal Courts. I can now recite something I learned.

A frequent situation was that gang members, who were armed, demanded money from ordinary citizens in exchange for their safety. Sometimes furniture and appliances were removed by the gangs from people's homes. At times the real property and houses were expropriated by gang members for their use. Citizens frequently had to pay a set sum of money every week or every month to these criminal elements. People who failed to comply were threatened with execution. There were times when person who refused to cooperate were killed or their families were harmed. Gang members, like the genocidal military of the past, had no problem sexually abusing women and killing or abusing children. When individuals did call the police most often no one came. Also, many individuals were afraid to call the police because they feared they would be killed or injured or have members of their families killed or injured by gang members if they found out that the police had been called. Sometimes honest policemen were harassed and even killed by the gangs. Frequently people would find death threat notes on the doors of their homes. There were instances where gang members killed people or injured members of their families if it was discovered that they were cooperating with the police. Some police may have been corrupt. Another factor is that police departments often lacked sufficient personnel and equipment because of cuts in public spending. Spending cuts had been required and/or en-

couraged by international banks and the International Monetary Fund. Lack of police protection is one consequence of the dominance of neoliberal economic doctrine throughout the western hemisphere. Neoliberalism, led by the United States, supports and emphasizes privatization of public services, tax cuts for the wealthy, and limited social spending. The gangs have existed in all parts of Guatemalan, rural and urban since about 1980. Many of the current Guatemalan arrivals at the border of the United States have reported in the press that their decision to come to the U.S. was because of the fear of gang members. Most of the people I interviewed viewed the revolutionary movement as supporting the interests of the poor against the big landowners, the military and rich businessmen. They had little knowledge of or interest in ideology.

John Washington, in his recent study of asylum seekers coming to the U.S. from Central America and Mexico, and the problem of criminal gangs states as follows: “The police in the northern triangle of Central America and Mexico — perhaps in no small part because of the United States’ longstanding favoring and financial support of strong-arm, iron-fist rule — are not only corrupt but ineffective: another argument showcasing the governments’ lack of control” (*Washington 2020: 62–63*). Washington observes that criminal conviction of gang members are rare in Central America and Mexico. His study was completed in 2020.

Gang violence coupled with widespread poverty and climate change accounts for a large number of Guatemalans leaving their country and seeking asylum abroad. Guatemalan have been seeking asylum in Nicaragua, Costa Rico, Panama, and the United States. Eighty percent of the asylum seekers come to the U.S. or seek entry thereto (*Valdovinos 2020: 1*).

International law mandates that nation states provide an opportunity for persecuted persons to file for asylum. Those Guatemalans who seek entry to the United States at or close to a port of entry or who are able to reach the U.S. interior, face serious obstacles in seeking asylum. These asylum seekers, who enter at or near a port of entry, by the U. S. border and are discovered are immediately arrested by the U. S. Border Patrol. They usually must wait for a hearing for an unreasonable amount of time in detention facilities that are commonly oppressive and unsanitary. Sometimes women have been sexually abused and forced to undergo unnecessary operation. Children have been separated from their parents by policies implemented by the Trump Administration. When an applicant for asylum does get a hearing on his or her asylum claim it is before an integration officer who is not a judge or legally trained. At this stage the applicant must show “a credible fear” based on a “significant possibility” that if returned to his or her own country he or she will be persecuted because of either their race, religion, nationality, membership in a social group and political opinion (8 U.S. code 1101a). If the applicant cannot establish that the threatened persecution occurs because of one of those five factors, then the officer will deny the application. The individual is then returned to the detention facility, which may be in Mexico, and eventually is removed or allowed to leave for his or her home country. A major problem is that many of the people at the border are seeking protection from gang members who have threatened their lives or have made life almost impossible. If an applicant wants to appeal from the decision of the officer he or she can do so. The appeal is to a U. S. Immigration Judge located near the border. However, there is a long delay sometimes for the applicant to get a hearing. In some circumstances the applicant can be released from the detention facility but the applicant must pay a cash bond to obtain his or her temporary freedom. Bonds are often set by the immigration judge for

\$1,500 to \$20,000 (*Washington 2020: 149*). From my own experience and knowledge, I can assert that most Guatemalans coming to the U.S. are indigenous peoples and poor Ladinos. They often come with nothing more than their clothes on their backs. If a person cannot pay the bond, they must stay in horrific detention facilities that are still being maintained by the U. S. Not surprisingly, many prefer to return home although also many prefer to endure the terrible conditions of detention rather than risk death in Guatemala from the criminal gangs. Individuals can obtain free legal service from sympathetic lawyers and organizations.

Individuals who enter illegally, without being detected by the U. S. Patrol agents and who reach areas beyond the border regions can file for asylum and can remain free until their asylum application is determined by the U. S. Immigration Court and the U. S. Federal Courts of Appeal.

A major problem for all asylum seekers is that they have to show or present evidence that the past persecution or feared future persecution is related to race, religion, nationality, membership in a social group or political opinion. Therefore, if they enter because of poverty or climate change they are ineligible. The question arises whether persecution from criminal gangs, who are non-state actors is a ground for asylum or withholding of removal. The United Nations High Commissioner for Refugees has recognized this problem and has adopted a legal position, under international law, that criminal gangs should be treated as de facto nation states. The Commissioner’s ruling was issued in 2016. While the Commissioner’s ruling was in connection in El Salvador it is certainly applicable to Guatemala.

John Washington explains the Commissioner’s reasoning as follows with respect to the Commissioner’s “Eligibility Guidelines for Assessing the International Protection Needs for Asylum Seekers from El Salvador” (*Washington 2020: 29*).

Mr. Washington states that:

“...the UNHCR explains that contradicting a gang is a political action. The gangs after all, have de facto political control over certain Salvadoran villages and towns, such as El Limon, the small village outside San Salvador where a mass grave was discovered in 2019...The gangs in these places charge taxes, they offer protection, they enact criminal punishment, they even evict, and dispossess people living in their territory” (*Ibid.*).

It is familiar U.S. asylum law that were a state is unwilling or unable to control non-state actors who persecute people because of one of the five factors mentioned above they can obtain asylum. Because of the Commoner’s opinion, recited above, an asylum applicant could argue that refusal to comply with gang members’ demands or informing police about gang activities is a form of political opinion rendering asylum applicable. However, U. S. Attorney General Jeff Sessions ruled in 2018 that: “Generally, claims by aliens pertaining to domestic violence or gang violence perpetrated by non-governmental actors will not qualify one for asylum” (*Ibid.*). It must be noted that Immigration Judges are administrative judges appointed by the U. S. Attorney General. Thus, Mr. Sessions’ opinion, which was rendered in a case, is binding on the Immigration judges. Therefore, under the Trump administration, applicants have often been left without a viable legal argument even though their lives are threatened by out of control armed criminal gangs.” However, asylum seekers can seek relief in the U.S, Courts of Appeal to override the U. S. Attorney General’s opinion if there are available lawyers willing to work pro bono or at low cost on behalf of these people.

Problems Related to Climate Change

In the last several years large storms, rising sea levels and extreme drought are additional reasons why indigenous peoples in Guatemala are seeking refuge in the United States (Macham 2019: 1).

On January 7, 2020, the quasi-judicial United Nations Human Rights Committee in the case of *Ioane Teitiota vs. New Zealand* issued an important decision which could provide indigenous Guatemalans with an argument for asylum or refugee status, where there is a serious threat to life based on climate related disasters or conditions (Teitiota vs. New Zealand, January 7, 2020).

The Committee held that a state has an obligation to grant asylum or refugee status, under Article 6 of the UN Covenant on Civil and Political Rights (1966), where continued exposure to environmental degradation is likely to produce death or serious illness (Ibid.). This decision has some precedential value even though Mr. Teitiota lost his case because of insufficient evidence. However, this ruling can become part of general international law.

Conclusion

For several centuries the legacy of indigenous peoples in Guatemala has been under siege. International law and organizations could help to rescue their culture which will benefit all of humanity. International law can form the basis of what attorney Michael Tigar has called a “jurisprudence of insurgency” (Tigar 2000: 273).

Sources

Government Reports and Statutes

- Institute of Statistics 2019 — Institute of Statistics, Guatemalan Government Documents, 2019
 8 United States Code 2020–8 United States Code, Section 1101 (a) 42(A)
 Human Rights in Guatemala Report 2018 — Human Rights in Guatemala Report, U. S. State Department.
 Human Rights in Guatemala Report 2019 — Human Rights in Guatemala Report, U. S. State Department
 IACHR 2001 – The Case of Las Dos Erres Massacre, Inter-American Court on Human Rights (IACHR) Court Document. Nov. 24, 2001.
 HRC 2020 — The Case of Teitoita vs. New Zealand, UN Human Rights Committee January 7, 2020 Available at <https://www.refworld.org/cases,HRC,5e26f7134.html> January7,2020; ccpr/C/27(D)2728(2016) Human Rights Committee/HRC, January 7, 2020.

International Law Documents

- UN Convention 1948 — The Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide. 1948.
 International Covenant 1966 — Article 6 of the International Covenant on Civil and Political Rights. 1996.
 Rome Statute1998a — The Rome Statute of the International Criminal Court on crimes against humanity. 1998.
 Rome Statute 1998b — The Rome Statute of the International Criminal Court on War Crimes. 1998.

Commission on Historical Clarification in Guatemala, Comision para el Esclarecimiento Historico (CEH), 1999

- CEH 1999 — “General Considerations and Legal Definitions” in Higonnet E. *Quiet Genocide: Guatemala 1981–1983*. Transaction Publishers: New Publishers, 2009. Pp. 17–28.
 CEH 1999 — “CEH’s “Analysis of Selected Regions ...” in Higonnet, pp. 29–133.
 CEH 1999 — “Final Conclusions to the Genocide Section” in Higonnet, pp. 127–133.
 CEH 1999 — “Guatemala: Memory of Silence Recommendations. In Higonnet, pp. 201–225.

References

- Chapman, Peter 2007. *Bananas: How the United Fruit Company Shaped the World*. New York: Canongate.
 Chomsky, Noam 2001. *Turning the Tide*. Boston: South Bend Press.
 Dada, Carlos 2020. Central America Dismantles Democracy. In *Dissent*, Fall. Pp. 95–106.
 Fagen, Richard 1987. *The Challenge of Central America*. New York: A Pocca Book, Basil Blackwell.
 Foster, Lynn V. 2007. *A Brief History of Central America*. New York: Checkmark Books.
 Grandin, Greg 2009. Politics by Other Means: Guatemala’s Quiet Genocide. In Higonnet (ed.). *Quiet Genocide: Guatemala 1981–1983*. Transaction Publishers: New Publishers, 2009. Pp. 1–13.
 Herman, Edward S. and David Peterson 2010, 2011. *The Politics of Genocide*. New York: Monthly Review Press.
 Higonnet, Etelle, ed. 2009. *Quiet Genocide: Guatemala 1981–1983*. Transaction Publishers: New Publishers.
 Macham, Lauren 2019. *How Climate Change is Pushing Central Americans to the U.S.* <https://www.theguardian.com/commentisfree/2019/apr/06/6165/access/February82022>,
 Mersky, Marcie 2005. *Human Rights in Negotiating Peace Agreements. In International Council on Human Rights*. Belfast: Ireland. Pp. 1–3.
 Phillips, James S. 2015. The Rights of Indigenous Peoples under International Law. In *Global Bioethics* V. 26, Issue 1–4, March-December 2015.
 Roht-Arriaza, Naomi 2009. Criminal Prosecutions for Genocide in Guatemala: Advances and Obstacles in Transnational and Domestic Cases. In Higonnet (ed.). *Quiet Genocide: Guatemala 1981–1983*. Transaction Publishers: New Publishers, 2009. Pp. 135–155.
 Schirmer, Jennifer 1998. *The Guatemalan Military Project: A violence Called Democracy*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
 Tigar, Michael 2000. *Law and the Rise of Capitalism*. New York: Monthly Review Press.
 Torres, John A. 2018. *The Guatemalan Genocide of the Maya People*. New York: Rosen Publishing Co.
 Valdovinos, Andrew 2019. *Ten Facts About Gangs in Guatemala*. June 30, Borgen Project. <https://borgenproject.org/10-facts-about-gangs-in-guatemala/>
 Washington, John 2020. *The Dispossessed: A Story of Asylum at the U.S. — Mexican Border and Beyond*. London and New York: Verso.

ГЕНДЕР И ТЕЛО В КУЛЬТУРЕ

УДК 39+392.6 (27)

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-2/128-140

Научная статья

© С. В. Сиражудинова

ГЕНДЕР И ФРОНТИР НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Данная статья написана в рамках одного из направлений гендерных исследований, посвященного изучению женского пространства и гендерных границ, их влияния на жизнь женщин и роль последних в обществе. Автор обращается к изучению этих явлений на примере Северного Кавказа в рамках фронтирной теории. Целью исследования является выявление особенностей и трансформации гендерного вопроса сквозь призму внутриобщественных и внешних поведенческих норм, факторов воздействия границ на жизнь женщин и их положение в обществе. Работа основана на анализе эмпирических данных, собранных автором в четырех республиках Северного Кавказа: Республике Дагестан, Чеченской Республике, Республике Ингушетия и Республике Кабардино-Балкария. Результаты исследования показали актуальность гендерного разделения пространства в регионе, где границы остаются жесткими, в том числе и внешние. Общество ориентировано на поддержание ограничений для женщин, проявляет безразличие к их проблемам и предпочитает не вмешиваться в сложившуюся ситуацию. Более того, в обществе появляются новые элементы фронтирности, а также новые социальные ограничения, связанные со стремительной исламизацией и традиционными особенностями интерпретации религии. Наиболее известными организациями и активистками в регионе остаются те, чья деятельность связана с развитием традиционной культуры и защитой языка.

Ключевые слова: границы, гендер, женское пространство, фронтир, Северный Кавказ, постколониализм, женская активность

Ссылка при цитировании: Сиражудинова С. В. Гендер и фронтир на Северном Кавказе // Вестник антропологии, 2022. № 2. С. 128–140.

UDC 39+392.6 (27)

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-2/128-140

Original Article

© Saida Sirazhudinova

GENDER AND THE FRONTIER IN THE NORTH CAUCASUS REGION

This article is written within the area of gender studies devoted to the gender space and gender boundaries, their impact on women's lives, and the role of women in society. The author turns to the study of these phenomena in the North Caucasus within the frontier theory. The study aims to identify the specificity and transformations of the gender issue through the prism of intra-social and external behavioral norms, the impact of borders on women's lives, and their position in society. The work is based on the empirical data collected by the author in four republics of the North Caucasus: Dagestan, Chechen Republic, Ingushetia, and Kabardino-Balkaria. The study showed the relevance of the gender division of space in a region where borders remain rigid, including the external ones. Society tends to maintain restrictions for women, shows indifference to their problems, and prefers not to intervene in the current situation. Moreover, new elements of «frontierism» and new social restrictions associated with rapid Islamization and traditional ways to interpret religion are developing. The most well-known organizations and activists in the region are those whose activities are related to the development of traditional culture and the protection of the language.

Keywords: borders, gender, women's space, frontier, North Caucasus, postcolonialism, women's activities

For Citation: Sirazhudinova Saida V. 2022. Gender and the Frontier in the North Caucasus Region. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 2: 128–140.

Author Info: Sirazhudinova Saida Valeryevna — Ph.D. in Political Sciences, Associate Professor, Dagestan State University of National Economy (367008 Makhachkala, Ataeva st., 5). E-mail: saida_kant@mail.ru, ORCID 0000–0002–6069–6076

Северный Кавказ представляет широкое поле для гендерных исследований, поскольку вопрос взаимоотношения полов здесь отличается многоаспектностью не только в ретроспективе, но и в современном обществе. Помимо территориальных, этнических, ценностных особенностей региона, одним из важнейших показателей воздействия фронта на социум является гендерный вопрос и гендерные поведенческие паттерны. Важно выявить, проследить и проанализировать специфику и динамику гендерного вопроса сквозь призму границ и гендерного разделения пространства на Северном Кавказе.

Часто выделяемое учеными женское пространство и гендерные границы — не только объект интереса ученых, но и значимая составляющая жизни женщин региона, общественного уклада общества. Проблема влияния фронтирного фактора на гендерные отношения, их роли и ожидания не утрачивает своей актуальности на протяжении веков. Территориальные и культурные особенности Северного Кав-

¹ Сиражудинова Саида Валерьевна — кандидат политических наук, доцент, Дагестанский государственный университет народного хозяйства (367008 Махачкала, ул. Атаева, 5). Эл. почта: saida_kant@mail.ru, ORCID 0000–0002–6069–6076

каза делают это регион особо привлекательным для исследований. С одной стороны — это пограничная зона и объект исторического пересечения клубка геополитических интересов, с другой стороны — это особый культурный мир, во многом сохранивший свою специфическую уникальность и до сих пор сопротивляющийся модернизации, имеющий свои специфические стандарты гендерных отношений, благодаря которым общество противопоставляет себя другим. Современные особенности положения женщин в регионе, местные отличия от общероссийской ситуации, значимость гендерных барьеров делают вопрос гендерных границ в обществе крайне актуальным.

Анализ проблемы гендера на Кавказе требует комплексного подхода. Так, чтобы раскрыть этот вопрос, который является актуальным на протяжении нескольких столетий, необходимо рассмотреть его с точки зрения ретроспективного анализа. Для этого в исследовании мы обратимся к важнейшим наработкам Ю. Ю. Карпова (Карпов 2001), посвятившего свои исследования описанию женского пространства и мужских союзов, впервые на основании этнографического материала и собственных исследований изучившего границы между мужским и женским пространствами. В Кабардино-Балкарии проблема женского пространства была изучена М. А. Текуевой (Текуева 2019: 23), которая впервые затронула проблему женской сексуальности.

Для понимания современной ситуации, в которой также велико значение и влияние границ на гендер, необходимо выявить особенности, закономерности, и взгляды самих людей, что требует проведения эмпирических и социологических исследований. Чтобы понять специфику влияния гендерного фактора на жителей современной северокавказской территории, важно выявить и структурировать проблему, рассмотреть традиционные формы воздействия границ и разделенного пространства на повседневную жизнь женщин и саму роль женщин в обществе.

Автором в рамках проекта Центра исследования глобальных вопросов современности и региональных проблем «Кавказ. Мир. Развитие» были применены социологические методы, включавшие качественное исследование, основанное на экспертных интервью с 57 женщинами-активистками разного возраста, проведенных в течение четырех месяцев с августа 2020 года по январь 2021 г., результаты которого рассмотрены в данной статье, и количественное исследование, проведенное среди жителей региона (опрошено методом стандартизированного анкетирования более 1000 респондентов).

Интервьюирование было осуществлено в четырех регионах Российской Федерации. География исследования: Республика Дагестан, Чеченская Республика, Республика Ингушетия и Республика Кабардино-Балкария. С респондентами были проведены прямые полуструктурированные глубинные интервью. Метод глубинных интервью предоставил широкие возможности в исследовании, позволил выявить проблемы, жизненные случаи и факты, оценить эмоциональный фон, получить субъективные оценки о разных аспектах изучаемой проблемы. Интервью длились от двух до четырех часов и проводились в домах участников и их родственников. Количественное исследование проводилось методом анкетирования.

Гендерный вопрос на Северном Кавказе

Трансформация тематики исследований женского пространства в регионе демонстрирует развитие подходов к изучению фронтальных типов. «В «дореволюционный период» женщин Кавказа описывали как прекрасный и необычный фронтальный тип, в советский период акцент делался на проблеме их эмансипации и угнетения» (Текуева 2019: 22). Многие исследователи, изучавшие регион (Баррет 2000), часто обращались к роли женщин (особенно в период войны). В то же время существуют лишь немногие работы, выделившие в отдельное исследование гендерные границы, гендерное пространство и его пределы.

Гендерный вопрос и гендерные ограничения, актуальные и по сей день (особенно в выборе брачного партнера девушкой), вновь отсылают нас к понятию «свои-чужие». Классики теории связывали фронт с колонизацией (Терне 2009), которая сыграла важную роль в истории региона и в значительной степени отразилась на проводившейся здесь гендерной политике, на положении женщин, она была связана с их эмансипацией, с формированием новых слоев общества (интеллигенция, городское население и т. д.) и с изменением роли женщин в разных сферах жизни.

Женщина и семья всегда были в центре интересов политики. Гендерная стратегия государства на протяжении веков в зависимости от идеологических ориентиров пыталась трансформировать или сохранить установленное традицией положение женщин. И в Российский период, и в Советском Союзе проводилась политика, направленная на трансформацию положения женщин. В настоящее время, напротив, преобладает тенденция на сохранение и укрепление «традиционных ценностей». Государственная политика на разных этапах была направлена на регулирование института семьи и брака, в советский период — на избавление от вредных пережитков.

История России и Северного Кавказа показывает, что женщины всегда были важным звеном фронта. Как отмечали многие исследователи, женщины — действенный культурный «мост» (Баррет 2000: 175) между Россией и Кавказом (Манкиева 2017: 27), разными народами и культурами. Женщин отличает гибкость и адаптация к новым ролям и функциям в т. ч. и в сфере межкультурного диалога.

Отметим и тот факт, что браки являются одной древних форм установления связей и укрепления взаимодействия между обществами. Мировая история пронизана сетью политических браков, подобные брачные союзы в небольшом количестве, но известны и в истории российско-кавказских отношений (Мария Темрюковна, царица Тамара и др.). Интерес Российской империи к региону положил начало изучению традиций, обычаев, местных народов, в том числе и положения женщин.

Роль женщин как стабилизирующего фактора на Северном Кавказе подчеркивала О. С. Мутиева, изучавшая отношения горцев и казаков, отмечавшая особую роль брачной стратегии казаков, захватывавших женщин горского происхождения и бравших их в жены, в последующем подобные браки (до конца XVIII в., когда усилился религиозный фактор) носили уже более добровольный характер и основывались на родственных и дружеских связях (Мутиева, 2012: 217–222). Наиболее известный пример вступления российского офицера в брак с местными девушками — Ермолов (Берже 1871), заключивший несколько кебинных браков с дагестанками. Также и некоторые русские солдаты переходили на сторону Шамиля, принимали ислам, заводили семьи с горянками (Мутиева 2012: 217–222).

Межнациональные браки были редким явлением в жизни простого народа, для которого характерна эндогамия, но в то же время они были приняты в «господствующей среде» (Верещагина 2013: 7–15), так высшее сословие (знать, шамхалы, ханы, князья), «зажиточные и знатные слои общества роднились ради укрепления своего сословного положения, выгодных связей» (Гаджиева 1985: 149). Часто встречались подобные браки и на пограничных территориях (у осетин, ингушей, адыгов, грузин и др.).

Советская власть проводила политику, направленную на увеличение количества межнациональных браков (Гутиева 2017). С 30-х гг. XX в. урбанизация, образование, распространение русского языка, интернационализация увеличили число межэтнических браков в городах (Верещагина 2013: 7–15). Повысился возраст для вступления в брак. Женщинам была открыта дорога к образованию. Советский период известен политикой привлечения женщин к профессиональному труду, «раскрепощения горянки», вовлечения ее в политические и общественные структуры. Женщины стали той прослойкой, на которую была ориентирована политика по трансформации общества. В других случаях женщины, наоборот, посредством трансляции ценностей, основными передатчиками которых они являются, путем жестких ограничений и контроля использовались для противостояния внешнему воздействию. Поэтому традиционные нормы, направленные на регулирование жизни и поведения женщин столь важны и более всего оберегаются обществом.

Женщины и война

Войны и экстраординарные события вносят свои коррективы в возможности женщин, раздвигая границы традиционных ограничений, позволяя женщинам демонстрировать зачастую не принятые в традиционном обществе мускулинные черты, допуская их участие в военных событиях. Анализируя литературные источники о Кавказской войне, Э. Х. Манкиева пришла к выводу, что воинственность женщин связывают с условиями оборонительной войны, позволяющей женщине участвовать в боях, так как война обезличивает женщин, стирая их гендерный отличительный облик, сближая с мужчиной» (Манкиева 2018: 246–249).

С другой стороны, в военный период объектом для насилия, закрепления победы, демонстрации силы также являются женщины. Многие исторические периоды, связанные с военными событиями, показывают вовлечение в них женщин, их героизм. Война сохранила имена известных и почитаемых в обществе женщин-героинь. Героический подвиг на грани потери чувства самосохранения в бою связан с уязвимостью женщин и страхом перед насилием. Трагичный пример — сожжение горцами своих женщин в башне Асах, чтобы они не попали в руки нападавших захватчиков (ПМА 2019). Распространенные на войне изнасилования — это демонстрация завоевания, запугивание и символическое «загрязнение врага» (Nagel 2003: 304–308).

Героические черты часто встречались у фольклорных персонажей (Мялх Азни, мехкари-воительниц) и героинь Нартского эпоса (богатырша Лашин, победительница Агунда / Гунда) и др. Победили иноземного врага известные героини эпоса лачка Парту Патима и ингушка Зоазо (Кодзоев 2004).

Выдающимися воинами-вдохновителями в истории Дагестана были отважные правительницы Баху Бике (сыгравшая сразу две особенных роли женщин на фронтире: возглавившая борьбу с имамом Шамилем, и продемонстрировавшая нацелен-

ность на укрепление союза с Россией) и Тути Бике. Кавказская война — яркий пример, когда дагестанки сражались в боях за Ахульго, Гимры, Салта, Гуниб и др. Имам Шамиль издал приказ об обязательном вооружении женщин, отмечал их самоотверженность и, зачастую, превосходство над мужчинами (Мутиева 2018: 26). Чеченские девушки, ставшие народными героинями (Таймасха Гехинская) и 46 девушек из аула, в т. ч. Айбика, Амаран, Айди и др., увековечены мемориалом в Дади-Юрт. Существование подобных памятников, их строительство в современных республиках лишней раз подтверждают фронтность региона.

Жены российских офицеров, так же не остались в стороне от общественных процессов, как и русские учителя в более поздние советские годы, они несли с собой идеи культуры, просвещения оказывая влияние на общество и жизнь городов.

Чеченская война вновь, вопреки стереотипам, продемонстрировала женскую активность. В этот период женщины становились субъектами террористической активности (Черные вдовы; Cunningham 2003: 3; Speckhard 2006: 63–80), но они же несли и миротворческие функции, объединялись в женские организации с целью помочь своему обществу разрешить конфликт, проявляли гибкость и принимали на себя важную экономическую функцию (Conley 2003: 3).

Несмотря на примеры участия женщин в войне, Э. Х. Манкиева называет особенностью женщин ее отрицание, выстраивание диалога культур и взаимодействия (Манкиева 2017).

Гендерные границы и гендерное пространство

Рассматривая фронт на Северном Кавказе, важно обратиться не только к его внешним территориально-цивилизационным факторам, но и к внутренним гендерным границам, к жесткой сегментации общества на мужское и женское пространства. Женщины здесь имеют отдельное пространство, окружены границами, нарушить которые чревато неприятием и осуждением со стороны общества. Одна из известных гендерных исследовательниц региона, М. А. Текуева отмечает, что «моральные запреты, поведенческие стереотипы (о разрешенном и недозволенном), сказываются на гендерном порядке и структурируют повседневность» (Текуева 2019: 22). Гендерная политика (Сиражудинова 2013: 14–19), тесно связанная с господствующей идеологией, способна как расширять границы, так и сужать их. Общество же и различные институты внутри его формируют и отстаивают собственные гендерные стратегии.

Важные исследования по «мужским союзам» (Карпов 1996) и по женскому пространству (Карпов 2001) были проведены Ю. Ю. Карповым. Ю. Карпов разделял микрокосмы женщин (дом, очаг) и мужчин (община). С гендерными демаркациями связаны и деления «правая — левая», «вверх — вниз» (Карпов 2001). Дагестанская исследовательница Б. М. Алимова также отмечала, что пространство женщин — «внутри дома» (Алимова 2007).

Помимо границы по отношению к «чужому» (в гендерном аспекте важен сохранившийся запрет на брак, особенно для женщин, вне общин и этноса), к сексуальным границам дозволенного поведения, до сих пор сильны внутренние границы и «сексуальные запреты» для женщин, воспринимаемых с точки зрения их репродуктивной функции (Nagel 2003: 304–308).

Гендерные границы утверждены обществом, его традициями, культурой, особенностями социализации. Большинство женщин лишено личной автономности и права на частную жизнь, находясь под постоянным контролем. На настоящий момент гендерные барьеры для женщин труднопреодолимы. Они усилены узлом из смешения традиций, религии, призывов патриархальных структур к новым барьерам (Сиражудинова 2015: 53–61), т. к. традиционное общество свое сопротивление модернизации начинает выстраивать именно с женщин.

О. С. Якушенкова отмечает гетеротропность фронта и особенности трансгрессии и перехода женщинами запретной грани в форме преодоления и разрыва традиционных гендерных стереотипов и паттернов. Описание Якушенковой О. С. фронтальной женщины в Китае находит соответствие и в северокавказских фронтальных образах женщин, которые также были «воительницами, описывались писателями как «прекрасные дикарки» (Манкиева 2018: 246–249), способные противостоять мужчинам или и вовсе доминировать над ними, с искусственно минимизированной сексуальностью» (Якушенкова 2015: 321–326) и т. д., что отражает общие черты гендерного аспекта фронта.

Изучение гендерных границ в исследуемом регионе на настоящий момент нашло отражение в малом количестве работ (Tlostanova 2010) и требуют дальнейшего анализа. В статье мы обращаемся к этапам фронта (гендерный аспект), изученного О. С. Якушенковой (Якушенкова 2017: 107–119) на примере роли индийских женщин в обществе. Она выделяла такие периоды как предфронт, фронт и постфронт. Так:

— *«предфронт»* это период „знакомства“ и диалога, путешественников» (Якушенкова 2017: 107–119) и переселенцев (на Кавказе, яркий пример — исследователи, путешественники, писатели, казаки, женившиеся на местных);

— *«фронт»* — военное время, когда актуализировались „воины-героини и миротворцы. Данный период породил и народных героинь“» (Якушенкова 2017: 107–119) в регионе (в некоторых случаях бродячие сюжеты фольклорных образов — Парту Патима и Зоазо и др.);

— *«постфронт»* — период, когда «женщины фронтальных народов несли в общество новые цивилизационные функции» (Якушенкова 2017: 41). Они стали носителями народной культуры и выполняли просвещенческие функции (наука, образование, публикационная, просвещенческая и культурная роль и отдельных женщин, и СМИ, и организаций, призванных транслировать традиционные ценности и популяризовывать родную культуру.

Роль женской активности на фронтальных территориях: современность

Женской активности в обществе отводится важная роль, поэтому на протяжении веков и даже тысячелетий регулирование социальных отношений, закрепление политического курса начиналось с обращения к статусу женщины, к сужению или расширению ее возможностей. Важный аспект женской активности связан с постфронтальным периодом (Якушенкова 2017: 107–119), когда женщины стали транслировать ценности, создавать популяризирующие их культуру организации, мероприятия, распространять культурные и духовные ценности.

Женщины сохраняют традиционные ценности общества (такова позиция большей части женщин до сих пор), но женщины и трансформируют его. Яркий пример — женщины активистки. Используя опыт и навыки, приобретенные в советский период, тренинговые программы международных структур времени войны в Чечне, женщины стали ведущим субъектом общественной жизни региона.

В то же время, женская активность в большей степени сосредоточена в городах (женские организации, центры социальной, психологической и правовой поддержки), где транслируются культуры и традиции, но не оставляет они без внимания и районы республик. Женщины ориентируются на запросы общества, постоянно модернизируя свою активность, развиваются сами и способствуют развитию окружающих. В то же время в регионе настоящее женское движение пока не сложилось, первостепенные функции женских организаций — социальные, психологические, правовые. Даже многих женщин-ученых в регионе отличают традиционные или полутрадиционные воззрения и установки. Борьба за права женщин на настоящий момент встречается лишь в публикациях и акциях немногочисленных активисток и феминисток (Анохина С., Сиражудинова С.), некоторые феминистки начали, не открывая имен и лиц, создавать свои группы («Мадо»), а социальные сети расширили их возможности.

Женщинам посвящены создающее положительный женский образ газеты («Горянка»), журнал («Женщины Дагестана») и более приближенный к суровой действительности известный электронный портал «Даптар».

Гадиева А. Н. и Урусова Ж. И. отмечают трудности для социальной деятельности женщин, силу гендерных стереотипов, не приветствующих женскую активность, так как общество видит в них преимущественно «хранительниц очага» (Гадиева 2015: 2–3). Эти нормы, согласно М. Текуевой «так же, как и культ огня восходят к периоду родового общества, что объясняет роль женщины в сохранении рода и семьи, и трансляции традиции как цементирующего материала» (Текуева 2006: 35).

Женщины подвержены социальному отчуждению, сталкиваются со сложностями при реализации потенциала. Общество формирует «секторальное гендерное пространство», отбирая для женщин ограниченные возможные направления активности (Шажожева 2010: 84–86). Выход за пределы пространства связан как с вынужденностью в период экстраординарных событий, так и с внутренними трансформациями женщин в более спокойные времена (повышение образования, знакомство с новыми идеями, осознание проблем, политика государства, влияние городской среды и т. д.). В таких условиях «женщины продемонстрировали умение обогнать свое время, возвыситься над объективными обстоятельствами, действовать в новых условиях и правилах» (Якушенкова 2017: 107–119).

Результаты социологического исследования

Результаты исследования, проведенного осенью 2020 г.- зимой 2021 г. в республиках Северного Кавказа показали, что фактор фронта до сих пор актуален для региона. Большинство женщин-респонденток отметили, что их положение отличается от женщин из других регионов (более 88,0%).

Гендерные границы остаются достаточно жесткими, в том числе и внешние. Существуют ограничения не только в рамках региона, но в пределах границ места про-

живания, и даже дома. Для того, чтобы выйти из дома, многие женщины объясняют причину и спрашивают разрешение (так ответили 76% опрошенных женщин, из которых большая часть с высшим образованием). Причем некоторые отмечали, что им часто нужно «искать выход» и «предлог». Эксперты, работающие с женщинами, рассказывали, что в их практике была женщина, которая после брака на протяжении пяти лет ни разу не покидала дома мужа.

Для женщин сохранились более жесткие ограничения в выборе брачного партнера.

В обществе живо мнение (его высказало большинство респондентов), что «основная роль женщины» — «женщина-мать».

К женской активности жители региона относятся положительно, но, в то же время отмечают, что им почти не известны женщины-активистки, кроме двух–трех правозащитниц (отмечали во всех регионах), женщин-активисток, работающих по продвижению традиционных ценностей и языка (в Кабардино-Балкарии).

Также многим неизвестны и выдающиеся женщины, которые оставили след в истории. Более известными оказались поэтессы, пишущие на национальных языках.

Эксперты отметили, что общество ориентировано на поддержание внутренних границ для женщин, проявляет безразличие к их проблемам и предпочитает не вмешиваться.

Даже этот краткий обзор результатов исследования позволяет отметить актуальность гендерного аспекта фронта в регионе.

Выводы

Гендерный аспект фронта отличается общими чертами и схожестью базовых классических этапов, в независимости от территории.

На Северном Кавказе пересекаются, дополняя друг друга одновременно несколько типов фронта. И внешний, и внутренний фронты до сих пор оказывают значительное влияние на жизнь женщин, выстраивая, защищая и даже усиливая границы. Несмотря на то, что женщины признаны носителями новых ролей, им же отводится роль в сопротивлении изменениям, в сохранении традиций. Женщин оберегают от трансформации и делают ответственными за стабильность в обществе.

Женский вопрос исторически является маркером общественных трансформаций на фронтальных территориях.

Кавказский регион еще полностью не преодолел фронтальный период, но в нем уже сегментарно развиваются и постфронтальные институты.

Чтобы работать, женщина должна получить разрешение от семьи, мужа, каждый выход за традиционные границы дома в публичное пространство или в поездку для большинства женщин возможен только после разрешения от «хозяина».

Границы сохраняются и становятся еще жестче, появляются новые ограничения в обществе (связанные со стремительной исламизацией и традиционными особенностями интерпретации религии).

Наиболее известными организациями и активистками в регионе остаются те, чья деятельность связана с развитием традиционной культуры, защитой языка. То есть выстраивание и сохранение фронтальности основывается на противопоставлении себя «другому».

Анализ трансформации гендерного вопроса на Северном Кавказе показывает, что здесь оставили след различные роли женщин (роль посредника, воина, миротворца и др.), и до сих пор встречается композитный фронтально-постфронтальный тип специфического общества.

Особенность современного этапа — сохранение и даже усиление внешних и внутренних гендерных границ, жесткое разделение пространства на «женское» и «мужское».

Женщин допускают в мужское пространство для защиты общества (в экстраординарных ситуациях переход за пределы гендерного пространства допустим в ряде случаев, и женщины, проявившие мускулинные качества, героизируются). В то же время любое вторжение женщин в мужское пространство и попытка перехода границ осуждаемы в повседневной жизни.

Женщины в экстраординарные и трансформационные периоды переходят за границы традиционных устоев, за гендерные пределы традиционного общества, происходят лингвистические, культурные, поведенческие, символические, правовые переходы и заимствования, появляются ростки сопротивления ограничениям (Якушеникова 2015: 321–326), происходит критическое осмысление традиций, особенно норм контроля над женщиной и ее сексуальностью, возложения односторонней ответственности за сохранение традиций и патриархального общества.

Источники и материалы

ПМА 2019 — Полевые материалы автора, собранные в экспедиции в с. Терутли Цунтинского района Дагестана. Интервью с Увайсовым Рамазаном. Сентябрь 2019 г.

Научная литература

Алимова Б. М. Женское пространство в культуре кумыков // История, археология и этнография Кавказа. 2007. 3(3). С. 69–76. <https://caucasushistory.ru/2618-6772/article/view/930/904>

Барретт Т. Линии неопределенности: Северокавказский «фронт» России. В М. Дэвид-Фокс (Ред.). Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период. Антология. Самара: Издательство «Самарский университет». 2000. С. 163–193.

Берже Ад. П. Алексей Петрович Ермолов и его кебинные жены на Кавказе 1816–1827 гг. Кавказская старина. 1871. http://az.lib.ru/b/berzhe_a_p/text_1871_ermolov_i_ego_zheny.shtml

Васильев И. Ю. Северокавказский фронт между общинами без первобытности // Славянский мир на северо-западном Кавказе. 2017. С. 24.

Верещагина А. В. Традиции этнодемографического поведения семьи и межэтнической брачности у народов Северного Кавказа. Социально-гуманитарные знания. 2013. № 11. С. 7–15.

Гаджиева С. Ш. Семья и брак у народов Дагестана в XIX — начале XX в. М., 1985. 149 с.

Гадиева А. Н., Урусова Ж. И. Гендерная проблематика в контексте гражданского общества // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2(3). <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=23596>

Гутиева М. А. Антирелигиозная работа партийных органов власти в национальных областях Северокавказского региона в 20–30-х гг. XX века. Достижения науки — сельскому хозяйству. Владикавказ. 2017.

Карпов Ю. Ю. Женское пространство в культуре народов Кавказа. Центр «Петербургское востоковедение». 2001.

- Карпов Ю. Ю. Джигит и волк: мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа. СПб.: Кунсткамера. 1996.
- Кодзоев И. Галглай. Зоазо. 2004.
- Манкиева Э. Х. «Война и женщина» как антропологическая проблема (на материале рассказов А. В. Дружинина «Madmoiselle Jeannette» и Л. Н. Толстого «Кавказский пленник»). // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 4–2 (82). С. 246–249.
- Манкиева Э. Х. Кавказоведческая ветвь русской литературы XIX века: взгляд на женщину // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 8–1 (74).
- Мутиева О. С. Женский фактор в горско-казачьих отношениях в XVIII–XIX вв. // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2012. № 4. С. 217–222.
- Мутиева О. С. Опыт участия дагестанских женщин в оборонительных сражениях Кавказской войны // Вестник КГУ. 2018. № 3. С. 26.
- Сиражудинова С. В. Гендерные границы и перспективы гендерного диалога на Северном Кавказе // Женщина в Российском обществе. 2015. № 1 (74). С. 53–61. doi: 10.24412/2500-221X-2015-174-53-61
- Сиражудинова С. В. Гендерная политика в республиках Северного Кавказа: современные тенденции // Женщина в Российском обществе. 2013. № 1. С. 14–19. doi: 10.24412/2500-221X-2013-166-14-19
- Текуева М. А. Мир чувственных переживаний кавказской женщины // Вестник антропологии. 2019. № 3 (47). С. 22–38. doi: 10.33876/2311-0546/2019-47-3/22-38
- Текуева М. А. Мужчина и женщина в адыгской культуре: традиции и современность. Нальчик. 2006.
- Тернер Ф. Дж. Фронтир в американской истории. М.: Весь Мир. 2009.
- Шажожева Н. А. Секторальное гендерное пространство в региональном измерении // Общество. Среда. Развитие. 2010. № 4 (17). С. 84–86.
- Якушеникова О. С. Женская трансгрессия на гетеротопных пространствах фронта // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2015. № 3. С. 321–326.
- Якушеникова О. С. От войны к дипломатии: роли индейских женщин на американском фронте // Журнал Фронтальных Исследований. 2017. № 2 (6). С. 107–119.
- Conley B. For the women of Chechnya, hope dies last. *Journal of Human Rights*. 2004. 3(3). Pp. 331–342.
- Cunningham K. J. Cross-regional trends in female terrorism. *Studies in Conflict and Terrorism*. 2003. 26:3. Pp. 171–195. doi: 10.1080/10576100390211419
- Nagel J. *Race, Ethnicity, and Sexuality. Intimate Intersections, Forbidden Frontiers*. Oxford University Press. 2003. Pp. 300–310.
- Speckhard A., Akhmedova K. «Black widows: the Chechen female suicide terrorists». In *Female suicide bombers: dying for equality?* Edited by: Sheiwitzer, Y. Tel Aviv: Jaffee Center for Strategic Studies. 2006.
- Tlostanova M. *Gender Epistemologies and Eurasian Borderlands*. Palgrave Macmillan, N.Y. 2010.

References

- Alimova, B. M. 2007. Zhenskoe prostranstvo v kul'ture kumykov [Women's space in the Kumyk culture]. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 3(3): 69–76. <https://caucasushistory.ru/2618-6772/article/view/930/904>
- Barrett, T. 2000. Linii neopredelennosti: Severokavkazskii <<frontir>> Rossii [Uncertainty Lines: North Caucasus “frontier” of Russia]. In M. David-Fox (Ed.). *American Russian Studies: Milestones of Recent Historiography. Imperial period. Anthology*. Samara: Samara University Publishing House. 163–193.

- Berger, Ad. P. 1871. Alekseĭ Petrovich Ermolov i ego kebinnye zheny na Kavkaze 1816–1827 gg. [Alexey Petrovich Ermolov and his kebin wives in the Caucasus 1816–1827]. *Caucasian antiquity*. http://az.lib.ru/b/berzhe_a_p/text_1871_ermolov_i_ego_zheny.shtml
- Conley, B. 2004. For the women of Chechnya, hope dies last. *Journal of Human Rights*, 3(3), 331–342.
- Cunningham, K.J. 2003. Cross-regional trends in female terrorism. *Studies in Conflict and Terrorism*. 26:3, 171–195. doi: 10.1080/10576100390211419
- Vasiliev, I. Yu. 2017. Severokavkazskii frontir mezhdū obshchinami bez pervobytnosti [The North Caucasian frontier between communities without primitiveness]. *Slavonic World in the North-West Caucasus*. 24.
- Vereshchagina, A.V. 2013. Traditsii ėtnodemograficheskogo povedeniĭa sem'i i mezhĕtnicheskoi brachnosti u narodov Severnogo Kavkaza [Traditions of ethnodemographic behavior of the family and interethnic marriage among the peoples of the North Caucasus]. *Social and Humanitarian Knowledge*. 11: 7–15.
- Gadzhieva, S. S. 1985. Sem'iĭa i brak u narodov Dagestana v XIX — nachale XX v. [Family and marriage among the peoples of Dagestan in the XIX-early XX centuries]. M., 149.
- Gadieva, A. N., Urusova, Zh. I. 2015. Gendernaiĭ problematika v kontekste grazhdanskogo obshchestva [Gender issues in the context of civil society]. *Modern problems of science and education*. 2(3). <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=23596>
- Gutieva, M. A. 2017. Antireligioznaiĭ rabota partiinykh organov vlasti v natsional'nykh oblastiakh Severokavkazskogo regiona v 20–30-kh gg. XX veka [Anti-religious work of the party authorities in the national regions of the North Caucasus region in the 20–30s of the XX century]. *Achievements of science — agriculture*. Vladikavkaz.
- Karpov, Yu. Yu. 2001. *Zhenskoe prostranstvo v kul'ture narodov Kavkaza* [Women's space in the culture of the peoples of the Caucasus]. The Center «St. Petersburg Oriental Studies».
- Karpov, Yu. Yu. 1996. *Dzhigit i volk: muzhskie soiūzy v sot'siokul'turnoi traditsii gortsev Kavkaza* [Dzhigit and the Wolf: men's unions in the socio-cultural tradition of the mountaineers of the Caucasus]. St. Petersburg: Kunstkamera.
- Kodzoev, I. 2004. *Glalglay. Zoazo*.
- Mankieva, E. H. 2018. <<Voĭna i zhenshchina>> kak antropologicheskaiĭ problema (na materiale rasskazov A. V. Druzhinina «Madmoiselle Jeannette» i L. N. Tolstogo «Kavkazskii plennik») [“War and Woman” as an anthropological problem (based on the stories of A. V. Druzhinin “Madmoiselle Jeannette” and L. N. Tolstoy “The Caucasian Prisoner”)]. *Philological sciences. Questions of Theory and Practice*, 4–2(82), 246–249.
- Mankieva, E. H. 2017. Kavkazovedcheskaiĭ vetv' russkoĭ literatury KhIKh veka: vzgliĭd na zhenshchinu [Caucasologica branch of Russian literature of the XIXth century: a look at the woman]. *Philological sciences. Questions of theory and practice*. 8–1 (74).
- Mutieva, O. S. 2012. Zhenskiiĭ faktor v gorsko-kazach'ikh otnosheniĭakh v XVIII–XIX vv. [Female factor in the mountain and Cossack relations XVIII–XIX s.]. *Humanities, Social-economic and Social Science*, 4, 217–222.
- Mutiyeva, O.S. 2018. Opyt uchastiiĭ dagestanskikh zhenshchin v oboronitel'nykh srazheniĭakh Kavkazskoiĭ voĭny [Experience of participation of Dagestani women in holding battles of the Caucasian war]. *Vestnik of Kostroma state university*, 3: 26.
- Nagel, J. 2003. *Race, Ethnicity, and Sexuality. Intimate Intersections, Forbidden Frontiers*. Oxford University Press, 300–310.
- Sirazhudinova, S.V. 2015. Gendernye granitsy i perspektivy gendernogo dialoga na Severnom Kavkaze [Gender borders and the perspective for gender dialogue in the Northern Caucasus]. *Woman in Russian Society*. 1 (74): 53–61. doi: 10.24412/2500-221X-2015-174-53-61
- Sirazhudinova, S.V. 2013. Gendernaiĭ politika v respublikakh Severnogo Kavkaza: sovremennye tendentsii [Gender policy in Russian Northern Caucasus: contemporary tendencies]. *Woman in Russian Society*. № 1 (66): 14–19.

- Shaozheva, N. A. 2010. Sektoral'noe gendernoe prostranstvo v regional'nom izmerenii [Sectoral gender space in the regional dimension]. *Society. Wednesday. Development*. 4 (17): 84–86.
- Speckhard, A., Akhmedova, K. 2006. “Black widows: the Chechen female suicide terrorists”. In *Female suicide bombers: dying for equality?* Edited by: Sheiwitzer, Y. Tel Aviv: Jaffee Center for Strategic Studies.
- Tekueva, M. A. 2006. Muzhchina i zhenshchina v adygskoĭ kul'ture: traditsii i sovremennost' [Man and woman in Adyghe culture: traditions and modernity]. Nalchik.
- Tekueva, M.A. 2019. Mir chuvstvennykh perezhivaniĭ kavkazskoĭ zhenshchiny [Caucasian women's inner world of emotional experience]. *Herald of anthropology*. doi: 10.33876/2311-0546/2019-47-3/22-38
- Turner, F. J. 2009. *Frontier in American history*. M.: The Whole World.
- Tlostanova, M. 2010. *Gender Epistemologies and Eurasian Borderlands*. Palgrave Macmillan, N.Y.
- Yakushenkova, O.S. 2015. Zhenskaiā transgressiā na geterotopnykh prostranstvakh frontira [Female transgression on heterotopic spaces of the frontier]. *Caspian region: Politics, Economy, Culture*, 3, 321–326.
- Yakushenkova, O.S. 2017. Ot voĭny k diplomatii: roli indeĭskikh zhenshchin na amerikanskom frontire [From the war to diplomacy: roles of Native American women on the American frontier]. *Journal of frontier studies*, 2 (6), 107–119.

УДК 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-2/141-153

Научная статья

© Ю. В. Литвин

НОВЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ЖЕНСКОЙ ТЕЛЕСНОСТИ В КАРЕЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЕ

В региональной российской историографии сохраняются лакуны, связанные с изучением женской повседневности, особенно, телесности и сексуальности. Подобное обстоятельство обусловлено как спецификой традиционной культуры, которая табуировала разговор на данную тему, так и научными традициями, долгое время обходившими стороной указанную проблематику. В данной статье на основе комплекса опубликованной научной литературы и историко-этнографических источников представлены некоторые малоизученные аспекты в жизни карельской крестьянки, связанные с физическим и «культурным» телом. К таковым отнесены: менархе, визуальные маркеры половозрелости, первая брачная ночь, рождение первенца и амбивалентное положение роженицы, завершение фертильного периода. Источниковую базу статьи также составляют авторские экспедиционные материалы, собранные у карелок, рожденных в 1920–1950-х гг. Несмотря на более поздний период фиксации, использование этих сведений позволяет раскрыть ранее неизвестные (подчас, довольно эмоциональные) стороны женской повседневности. Порядок изложения материала оформлен с опорой теорию обрядов жизненного цикла, на переход женщины из одного социального статуса в другой. В тоже время автор понимает условность данной категоризации, поскольку женская телесность не ограничивалась рождением, браком и смертью, а имела множество нюансов внутри классической «триады».

Ключевые слова: телесность, женская история, карельская культура, карельская женщина, история Карелии

Ссылка при цитировании: Литвин Ю. В. Новые аспекты изучения женской телесности в карельской культуре // Вестник антропологии, 2022. № 2. С. 141–153.

Литвин Юлия Валерьевна — к. и. н., научный сотрудник сектора этнологии, Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН — обособленное подразделение ФГБУН Федерального исследовательского центра «Карельский научный центр Российской академии наук» (185910 Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11). Эл. почта: litvinjulia@yandex.ru. ORCID: [0000-0002-2369-4987](https://orcid.org/0000-0002-2369-4987)

* Финансовое обеспечение исследования осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН.

UDC 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-2/141-153

Original Article

© Julia Litvin

NEW ASPECTS IN THE STUDY OF FEMALE CORPOREALITY IN KARELIAN CULTURE

In regional Russian historiography, gaps remain associated with the study of women's everyday life. This is due both to the specifics of traditional culture, which tabooed conversation on these topics and to scientific traditions, which for a long time bypassed these problems. This article presents the results of archival research and fieldwork. It investigates some understudied aspects of the life of a Karelian peasant woman, connected with the physical and «cultural» body and the emotional sphere. These include menarche, visual markers of sexual maturity, the first wedding night, the first childbirth, and the ambivalent position of a woman in labor, the end of the fertile period. One of the article sources is the author's expedition materials collected from women born in the 1920s-1950s. Despite the retrospective nature of interviews, this information reveals previously unknown (sometimes quite emotional) aspects of women's everyday life. The material is presented according to the rituals of the life cycle, which mark the transition of a woman from one social status to another. At the same time, the author acknowledges the conventionality of this categorization since female corporeality was not limited to birth, marriage, and death but had many other aspects.

Keywords: corporeality, women's history, Karelian culture, Karelian woman, history of Karelia

For Citation: Litvin, J.V. 2022. New Aspects in the Study of Female Corporeality in Karelian Culture. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 2: 141–153.

Author Info: Litvin, Julia V. — Ph.D. (History), Research Associate in the Ethnology Section, Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre, Russian Academy of Science (185910 Petrozavodsk, 11 Pushkinskaya Street, Russia). E-mail: litvinjulia@yandex.ru ORCID: [0000-0002-2369-4987](https://orcid.org/0000-0002-2369-4987)

В региональной историографии сохраняются лакуны, связанные с изучением женской повседневности, особенно телесности и сексуальности. Подобное обстоятельство, во-первых, обусловлено спецификой традиционной культуры, которая табуировала разговор по данной теме и повлекла за собой усеченность источниковой базы («не принято говорить»). Во-вторых, научными традициями, долгое время обходящими стороной указанную проблематику. Последнее обстоятельство связано со спецификой сбора этнографических данных. Традиционно при описании различий социального положения мужчин и женщин этнографы долгое время в качестве «отправной точки» или «нормы» считали социальные роли и статусы мужчин (Пушкарёва 2007: 343). Так, например, на материалах Карелии и сопредельных областей описаны обряды при передаче большины от отца к сыну (брату) (Ефименко 1878:

120; Карелы Карельской АССР 1983: 138; НА КарНЦ РАН, разр. VI, д. 475, л. 15 и т. д.). Т. А. Бернштам применительно к русской традиции Поморья — пограничного Карелии региона — писала, что «большуха держалась за свою власть гораздо крепче, чем мужчина-большак: почти не бывало случаев, чтобы свекровь добровольно уступала большину невестке» (Бернштам 1988: 131). Согласно исследованию Р. Бохака, возраст достижения статуса большухи в российской деревне в среднем был на 15–20 лет продолжительнее, что возраст мужчин для достижения положения большака (Bohak 1990: 109–110). Таким образом, путь крестьянки к статусу хозяйки был дольше, а передача власти чаще всего осуществлялась представительнице другого рода, тогда как в случае с большаком большина обычно переходила сыну или брату, и таким образом оставалась внутри родственного коллектива. Эти факторы, а также право хозяина дома выбрать другую хозяйку, могли способствовать обострению противоречий в женском коллективе.

Карельская этнографическая школа была создана в 1955 г. Р. Ф. Никольской (Таровой). Она была первой исследовательницей, систематически изучавшей материальную культуру и хозяйственные занятия карелов. В 1960–1970-ые гг. исследовательские акценты карельских этнографов сместились на изучение современной семьи, рабочего класса с использованием методов этносоциологии, а также были посвящены изучению обрядов жизненного цикла, календарной мифологии (Ю. Ю. Сурхаско, Е. И. Клементьев, А. А. Кожанов, А. П. Конкка, М. Sarmela, P. Virtaranta и др.). Гендерный подход получил развитие в Карелии в 2000-х гг., причем первыми к этой теме обратились финляндские и шведские коллеги. В работах Ю. Г. Шикалова, M.-L. Keinänen, P. Sallinen-Gimpl (на материалах финляндской Карелии), L. Stark и др. затрагивается тема женской телесности. Чуть позже данный подход стал развивать карельскими этнологами — И. Ю. Винокуровой и К. К. Логиновым, которые изучали традиции вепсов и русских Карелии, а также автором статьи.

Тело как социокультурный феномен рассматривается в ряде работ, среди которых уже классическими стали публикации Дж. Батлер, П. Бурдьё, И. Гофмана, М. Дуглас, И. С. Кона, М. Мерло-Понти, Дж. Г. Мида, М. Мосса, М. Фуко, Е. Р. Ярской-Смирновой и др. Телесность обладает свойством динамичности, через индивидуальный телесный опыт «преломляются» социальные нормы. Они направлены на поддержание социально приемлемого образца и канона привлекательности.

Источниковую базу статьи составляет комплекс историко-этнографических материалов, дополненных данными лингвистических словарей. Кроме того, автором представлены экспедиционные материалы, собранные в районах проживания карелов. Зафиксированные в ходе полевых выездов обычаи и традиции имеют более позднее время бытования, однако позволяют проникнуть в эмоциональную сферу женской повседневности и сфокусироваться на малоизученных аспектах жизни. Использование более поздних материалов может быть также оправдано тем, что таким образом исследователи дают слово самим женщинам, которые долгое время были лишены его.

Переход молодой карелки в девичество имел ритуально-магическое (собственно обряды, связанные с регулами), визуальное (одежда, поведение), социальное (участие в беседах, активное полонение приданого) измерения.

С учетом географической, экологической и экономической переменных исследователи приходят к выводу, что половое созревание северных карелок, саамок и финок наступало около 15 лет. Точные данные остаются недоступными в связи

с запретным характером данной темы в крестьянской культуре (Шикалов 2013: 93; Laukkarinen 1933). Более поздние свидетельства, в том числе собранные в экспедиции в Карельское Поморье, косвенно подтверждают, что менструации начинались у местных девушек не ранее 14 лет:

— Раньше не принято было о менструации говорить?

— Да, не принято. Это не-не-не. И даже с сестрами так бы и не знала, что... Мне, наверное, 17 лет то было. Что первый раз. Теперь у девочек так рано менструации начинаются в 13–14 лет. Это с ума сойти (ФА № 3956/11, 1936 года рождения);

«Но, когда я поступила в медицинское [училище], у меня пришли месячные (т. е. после 8 класса — прим. авт.). Несмотря на то, что я училась в медицинском, я была в панике, потому что мы этого толком ничего не знали. (...) Это теперь у меня правнучка 10 лет, она уже говорит: бабушка, расскажи, а зачем вот эти прокладки женщинам?» (ФА № 3956/2, 1950 года рождения).

Существовал целый спектр религиозных и ритуальных запретов и предписаний, нормирующих поведение девушки в этот период (Михайлова 2000: 35; Винокурова 2015: 328; Агапкина 2004: 242; Keanänen 2003: 98–100; Paulaharju 1995: 17). В карельской культуре ограничения имели много общего с традициями других православных народов России¹: сокрытие менструации и ограничение социальных контактов; запрет на посещение общественных мест (церковь, баня, посиделки); ограничения хозяйственной деятельности, которые объяснялись негативным влиянием женской «нечистоты» на результаты труда и т. д. В карельской традиции существовал ряд ограничений трудовой активности в этот период: запрет на мытье полов (в противном случае считалось, что будет много клопов), на стирку белья и др. (Михайлова 2000: 35), т. е. на все, что связано с очистительной семантикой. Свое белье в период менструации девушка должна была стирать отдельно от общего. Делалось это при соблюдении определенных условий: тайком, не в проточной воде, воду сливали в укромное место, например, в угол. Сокрытие начала месячных и стирки белья, по мнению Т. А. Листовой, объяснялось страхом глаза и более тяжелым протеканием этого процесса (по аналогии с родами) (Листова 1996: 153).

Запреты касались и взаимодействия с определенным кругом лиц. У карелов, как и других народов, существовал запрет на посещение молодежных посиделок в период менструации, на купание в бане или реке совместно с другими крестьянками и даже сидение на одной лавке, чтобы не «заразить» других женщин (Агапкина 2004: 243; Keanänen 2003: 99, 105). В случае нарушения запрета считалось, что длительность менструации у рядом сидящей женщины увеличится. Увеличение менструального цикла рассматривалось как неправильное состояние, нарушающее природные циклы, предопределенные каждому человеку.

Представление о женской «нечистоте» в этот период сочеталось с расширением ее ритуальных функций, в том числе в области лечебной и любовной магии. Так, тряпка с менструальной кровью являлась одним из средств лечения рожистого воспаления — инфекционного заболевания кожи. Тряпку прикладывали к телу вместе с ржаной мукой (Михайлова 2000: 37). Принцип действия был основан на визуаль-

ном сходстве «лечебного» средства и внешнего вида самого заболевания (покраснение поверхности кожи в связи с воспалительным процессом). У карелов и вепсов менструальную кровь использовали как любовное приворотное средство, которое добавляли в пищу или питье (Лесков 1894: 516; Винокурова 2015: 329).

В карельском языке существовала лексика для обозначения данного физиологического периода. В различных диалектах карельского языка применялись лексемы, обозначающие предметы женской одежды или указывающие на материал, поскольку нижняя рубаша часто использовалась в качестве прокладок: *sobahizet* (от *soba* — одежда, белье); *räččinälliset* — букв. «рубашечные» и др. Обращает на себя внимание отсутствие лексем, образованных от слова «кровь» (что связано с сакрализацией крови, особенно менструальной, равно как и других выделений человека — пота, слез и т. д.) или «красный», «красивый», «цвет» — эвфемизмов менструации, известных в русском языке. Также было встречено лишь единичное использование термина «менструация» в значении болезнь, недуг — *nedugat*, заимствованноелюдиками у русских (Lyydiläismurteiden sanakirja 1944: 261).

Визуальные маркеры половой зрелости девушки обозначались с помощью появления новых элементов одежды: передников, нижних юбок, головных уборов, так и через использование красного цвета в орнаменте одежды. Встречались и привозные передники из Финляндии, тканые из тонкой шерсти с продольными полосками (Логвиненко 2019: 128).

В карельской культуре сформировался идеал женской красоты: крепкое телосложение и, одновременно, гибкость и проворность, легкость в танцах (Конкка 2015: 137; Шикалов 2013: 94). Округлое лицо с большими и синими глазами, розовые щеки, небольшой нос и тонкие губы, а также светлые волосы дополняли портрет красивой карелки (Шикалов 2013: 94). Для достижения белизны лица видлицкие карелки собирали березовый сок и им умывались с целью избавление от веснушек (Паškova 2018: 108). Для того чтобы добиться румянца, девушки прибегали не только к натуральным красителям, но использовали свинец с примесью кислоты. Смесь наносили и на зубы, которые со временем чернели, что, по крайней мере до последней четверти XIX в., также считалось признаком красоты (Карельская крестьянка 2012: 53).

Не только само тело, но и нормы поведения были гендерно определены. Особенно рельефно они проявлялись во время молодежных посиделок — бесёд (карел. *bes'odat*), особенно в праздничное время. В будние дни девушке не следовало пожимать руку молодому человеку, а при встрече с мужчиной в будние дни она должна была опускать глаза, что символизировало ее сексуальную «замкнутость» и честность (Keinänen 2003: 74). Для сохранения репутации и, одновременно, развития сексуальной привлекательности, крестьянской девушке приходилось соблюдать равновесие между предписанной моралью и необходимой активностью, между скромным и раскрепощенным поведением. Это достигалось во время праздников, когда для незамужней крестьянки дозволялась более вольная трактовка норм поведения. Так, по воспоминаниям крестьянина Ф. В. Масаева, записанным в 1920-х гг. в д. Лижма, недалеко от г. Петрозаводска, после кадрили молодежь садилась «в шин» парочками и начинала целоваться: «целовались со скрипом» (НА КарНЦ РАН, разр. VI, оп. 1, д. 20, л. 7). В районе Ребол (Колвасозеро) в начале XX в. была зафиксирована возможность для девушки снять платок во время посиделок (НА КарНЦ РАН ф. 1, оп. 50, д. 3, л. 7).

¹ С той оговоркой, что в старообрядческих семьях, которые были распространены в крае, запреты отличались большей строгостью.

Следование принятым в обществе поведенческим стратегиям являлось символическим капиталом молодежи. Юноше прививались такие качества как смелость, сила, отвага, поскольку считалось, что в будущем он брал на себя все экономические риски семьи. Поведение девушек отличалось большей вариативностью в рамках предписанной социальной нормы (Mironova, Litvin 2017: 94).

Брачная ночь — важный жизненный этап для женщины, особенно в традиционной культуре. Он редко обсуждался, тем более с посторонними. В этнографической литературе большой акцент связан на обрядовой составляющей перехода — выводном и приводном столах, венчании, бане после брачной ночи (Сурхаско 1977: 183). Несмотря на относительно позднее время фиксации (дата свадьбы — 1961 г.), одна из карелок 1941 года рождения очень эмоционально описала свой опыт первой брачной ночи. Рассказ моей собеседницы сопровождался частым смехом и паузами — свидетельство эмоциональности события, которое ассоциировалось с ограничением свободы («Остались мы. И закрыли нас на замок. Всё, в капкан попала (смеется). Представь! А тут начались: боязни да всё! Конкретно не скажешь ничего, а потом это дело прошло, я села на лавку и плачу»; «Уже не будешь кривляться» и т. д.), сопровождалось страхом («боялась страшнее атомной войны») и стыдом («стыдно, глаза опустила»).

В этой связи традиция воздерживаться от половых отношений в течение нескольких дней или недели после свадьбы у северных карелов, которая объяснялась боязнью порчи, одновременно могла облегчать переход женщины в новый статус и в чужую семью: По сообщению из д. Каменное озеро, после свадьбы в 1923 г., патьвашка¹ уложил молодых спать и сказал жену без рукавиц не трогать: «Но ведь рукавиц не дали», — сетовал информант (НА КарНЦ РАН, ф. 1, оп. 50, д. 2, л. 67).

Обычай *гостьбы* у своих родителей после свадьбы, несомненно, также создавал психологически более комфортную среду для адаптации женщины в новом положении: Карелка из д. Ондозеро, вышедшая замуж в 1928 г., так отзывалась о традиции гостьбы у родителей новобрачной: «Это очень хорошо. Ведь в чужой семье боишься взглядов каждого, есть не смеешь. А дома все по-старому» (НА КарНЦ РАН ф. 1, оп. 50, д. 2, л. 77).

Беременность — тема, к которой этнологи всегда обращаются при описании обрядов жизненного цикла. Обратим внимание на изменение социального статуса женщины. Традиционно сроки беременности скрывали. В послевоенное время многие женщины уже не стремились к сохранению тайны. Например, в случае сильных токсикозов или изменившихся пищевых привычек. Карелка 1956 года рождения отмечала: «Я беременности не скрывала. Токсикозы были сильные. Где же скроешь беременность?» (ФА № 3945). В населенных пунктах с развитой медицинской инфраструктурой и небольшой численностью, обычай скрывать беременность также мало соблюдался: «Скрыть в те времена (речь о 1980-х гг. — прим. авт.) нельзя было, потому что, если ты три дня находился в стационаре — там же раньше на больничных всех писали. Это сейчас шифр, уже ничего не поймешь. А тогда знали — больничный же сдавали в бухгалтерию и там все было написано», — рассказывала фельдшер.

Когда беременность становилась очевидной, отношение со стороны сельского социума к женщине менялось. Ей старались не перечить, не отказывать в просьбах, по-

скольку, согласно народным представлениям, все желания исходили не от женщины, а от ребенка. Рожать старались скрытно — в бане или хлеву, овечьем закуте (Никольская, Сурхаско 1992). На помощь роженице приходила свекровь (сегозерские карелы) или приглашенная повитуха (северные карелы). Рожали лежа, по информации из Сямозера, стоя на корточках или сидя на деревянном ведре (Логинов 2008: 248). Для облегчения родов совершались различные манипуляции, имитирующие выход ребенка — развязывали все узлы на одежде роженицы, снимали пояс, распускали волосы.

Рождение первенца повышало статус женщины в семье и общине, при этом первое время женщина проводила в изоляции (от двух–трех дней до шести недель). Независимо от местонахождения в период изоляции, роженице не следовало разделять трапезу вместе с семьей, специально для нее выделялась посуда. Недавно родившей карелке запрещалось ходить на кладбище, в церковь, в гости. Переходный статус роженицы, указание на ее «нечистоту», опасность ее для окружающих (равно как и уязвимость самой роженицы) находило выражение в запрете на сексуальные контакты с мужем — от одной до шести недель. Согласно поверьям, нарушение запрета влияло на здоровье ребенка, он мог вырасти слабым и беспомощным. «Нечистота» женщины также была причиной, по которой она отстранялась от кормления ребенка в первый раз. Вместо грудного молока новорожденному давали либо тряпичную соску, смоченную сладкой водой, либо рожок с кипяченым или парным молоком (Keinänen 2003: 140).

В тоже время предметы, которые использовались при родах, и одежда роженицы служили для защиты новорожденного — это были нижняя рубаша, голик от венника, которым парилась женщина после родов в бане.

Интересным также представляется сценарии описания родов старшими женщинами, в которых фиксируется нормирующая модель поведения для молодых. Прежде всего, апелляция к терпению и выносливости. Приведу два фрагмента — один, записанный от карелки 1901 года рождения, второй — из экспедиции 2021 года (время события — 1952 г.):

«...Быстренько со стога спустилась на землю, побежала к двум осинам — там и ребенка родила. А муж пошел за лошадью. Пришел, а у меня уже ребенок. Что теперь делать будем? Семь километров от пожни до дому (...). Когда пришла домой, еще две коровы подоила, теленка напоила. На второй день сходила [помыться] в баню. Два дня прошло — да снова на сенокос и пошла. И с животом ничего не случилось (...), и ничто не болело, ничего со мною не произошло, ничто и нигде не болело.

А теперь как родят ребенка? Не диво ли жить теперь: до родов два месяца гулять дают, после родов два месяца дают, в пеленочки ребенка заворачивают. Сейчас точно на настоящем („чистом“) празднике» (Макаров, Рягоев 1969: 55–56).

«...Время рожать. Акушерка говорит, пора тебе ехать в город. Я говорю: „Не поеду“. И как раз это было [указание на дату], такая холодная весна была, и мы сажали картошку. И у меня заболела спина, потом живот. Я говорю: „Ой, мама, заболела, не могу“. А осталось еще ведро, может, картошки посадить. Она говорит: „Иди домой, затопи печку и начинай варить ужин, а я закончу и пойду корову встречать“. Она приходит, а я валяюсь. (...) Вечером как начало меня катать и до 6 утра. Вечером я говорю: „Иди за Ольгой“. Мама отвечает: „Пойду я за акушеркой — у нее маленький ребенок, будет тут она с тобой сидеть“. Я гово-

¹ Патьвашка (северно-карел. *pat'vaška*) — свадебный колдун.

рю: „Что я всю ночь буду мучиться?“ Она: „Может, и всю ночь“» (ФА № 3956/4, 1927 года рождения).

В целом, во многих рассказах о рождении детей, бытовавших среди женского коллектива, фиксировалась нестандартная ситуация рождения ребенка — в поле или дороге. Эти истории служили своего рода предупреждениями для молодых женщин, будущих матерей (Разумова 2001: 183, 28). В них же подчеркивалась быстрая реабилитация женщины и ее готовность к работе.

Завершая статью, обратимся к окончанию репродуктивного периода жизни женщины. Структурообразующим элементом гендерной системы являются иерархические отношения, причем не только по вертикальной, но и горизонтальной линиям. В расширенной семье рождение невесткой ребенка (особенно, мальчика) укрепляло ее позиции в доме и расширяло права, а завершение репродуктивного возраста хозяйки означало начало перехода власти от свекрови к невестке.

Одежда пожилых женщин отличалась простотой и сдержанностью в выборе цветов (преимущественно, темные оттенки). Одним из сигналов изменения репродуктивных способностей женщины и перехода в новый статус были головные уборы. Если молодые замужние женщины носили «рогатые» головные уборы (северокарельский вариант сороки), то в старости они меняли их на «безрогие» (Косменко 2011: 205). Манера поведения также была социально детерминирована: женщине не следовало передвигаться очень быстро, бегать, прыгать и танцевать (Sallinen-Gimpl 2013: 229–230).

Иерархический порядок в женской части коллектива был организован не только в виде разделения трудовых ролей, но также с помощью вещного мира — «женских» атрибутов власти. «Владение» определенными предметами подчеркивало статус женщины во внутригрупповой иерархии. К таковым в карельской культуре относились кадка и сам процесс печения хлеба, самовар, который занимал положение на женской половине стола¹. Основными ролями пожилых карелок было выполнение воспитательной и соционормативной функций. Так, крестьянки присматривали за детьми, особенно в возрасте до 5–7 лет, когда дети еще не разделялись в играх и труде по половому признаку (Илюха 2007: 52–53). Соционормативная функция пожилых людей распространялась и на сельскую общину в целом. Повсеместно пожилые и старые женщины осознавали себя отдельным сообществом, надзирающим и контролирующим (Мухина 2018: 462). И. К. Инха в 1894 г. писал, что в Северной Карелии, что во время танцев старики наблюдали со стороны и активно обсуждали молодежь (Инха 2019: 152–153). Схожие роли пожилых женщин сохранялись и во второй половине XX в., в послевоенный период: «...И придут родители на танцы — мама, какие-то бабки — вот они придут, рассядутся. А мы за эти печки [в клубе] спрячемся, думаем: господи, хоть бы они скорее ушли, чтобы мы могли потанцевать (смеется)» (ФА № 3956/2, 1950 года рождения).

Важнейшая роль пожилых женщин заключалась в передаче магических навыков и в ритуальной деятельности. Завершение репродуктивного возраста хозяйки означало начало перехода власти от свекрови к невестке. Сложение хозяйственных полномочий в семье открывало возможности для самореализации в общине. При наличии знаний, опыта и авторитета, пожилые карелки успешно занимались знахар-

ством, повитушеством, были причитальщицами на свадьбах и похоронах, до сих пор в Карелии велика роль пожилых женщин в похоронно-поминальном обряде. Данные занятия становились доступными и по причине женской «чистоты», т. е. отсутствия менструации и сексуальных отношений. Более того, во второй половине XIX в. некоторые из ритуально-магических занятий, выполняемых женщинами, профессионализировались.

Выводы

Итак, первым значимым этапом в жизни женщины было наступление менструации, которое переопределяло ее статус, общение со сверстниками и сверстницами, маркировалось в одежде и поведении. Процесс пробуждения и осознания девушкой своей женственности протекал в рамках строгого подчинения нравственным предписаниям, контроль за которыми осуществлялся сельским коллективом, особенно представительницами старшего поколения.

Период девичества, в целом, характеризовался более активным освоением карельской пространства за пределами дома. Участие в молодежных гуляниях, традиция гостыбы у родственников в другой деревне и иные виды активности — важные условия знакомства с жизнью вне своей округи. Вместе с тем конечной целью расширения жизненного пространства молодой карелки было вступление в брак. Брачная ночь — значимый жизненный этап для женщины, интимный и эмоциональный, который практически не описывается в научной традиции и о котором мало говорят сами женщины.

Замужество и рождение ребенка повышало социальный престиж крестьянки, поскольку она реализовывала свое главное предназначение — быть женой и матерью. Временное исключение женщины из жизни социума свидетельствует о ее маргинальном статусе, демонстрирует сужение ее жизненного пространства, ограничение социальных функций. «Периферийность» положения крестьянки была продиктована не только прагматическими целями, но была необходима для перехода женщины в новый, более высокий статус. Женская «нечистота» имела амбивалентное значение. С одной стороны, она таила в себе опасность для окружающих, с другой — предметы, с которыми роженица контактировала в этот период, наделялись сверхъестественной силой. Эти вещи могли нейтрализовать действие колдовства и обладали защитной функцией.

Таким образом, женская телесность в традиционной культуре функционирует на физическом и символическом уровнях, которые проявляются в визуальных маркерах, поведении и даже позах; телесность связана с миром вещей и пространством (например, традиция места родов). Обращение к теме телесности/сексуальности не только приоткрывает табуированную в традиционной культуре сторону жизни, но и позволяет расширить наши представления о женском опыте, увидеть процесс преобразования физиологической данности в культурные традиции.

Источники и материалы

Ефименко 1878 — Ефименко А. Я. Юридические обычаи лопарей, корелов и самоедов Архангельской губернии // Записки Русского географического общества по отделению этнографии. Т. VIII. СПб., 1878. С. 1–233.

¹ Подр. см.: Литвин 2020: 1505–1518.

- Лесков 1894 — Лесков Н. Карельская свадьба // Живая старина. 1894. Вып. 3–4. С. 499–511. НА КарНЦ РАН ф. 1, оп. 50 — Научный архив Карельского научного центра РАН, Этнографический архив ИЯЛИ. Полевые записи Ю. Ю. Сурхаско (1964–1972 гг.).
- НА КарНЦ РАН, разряд VI — Научный архив Карельского научного центра РАН, Этнографический архив ИЯЛИ. Коллекция документов и отдельных рукописей второй половины XIX — начала XX вв.
- ФА № 3945 — Фонограммархив Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, экспедиционные материалы Ю. В. Литвин.
- ФА № 3956/2 — Фонограммархив Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, экспедиционные материалы Ю. В. Литвин.
- ФА № 3956/4 — Фонограммархив Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, экспедиционные материалы Ю. В. Литвин.
- ФА № 3956/11 — Фонограммархив Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, экспедиционные материалы Ю. В. Литвин.

Научная литература

- Агапкина Т. А. Месячные // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. В 5 т. Москва: Международные отношения. 2004. Т. 3. С. 241–245.
- Винокурова И. Ю. Мифология вепсов: энциклопедия. Петрозаводск: Издательство Петрозаводского государственного университета, 2015. 521 с.
- Илюха О. П. Школа и детство в карельской деревне в конце XIX — начале XX века. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2007. 304 с.
- Инха И. К. В краю калевальских песен. Петрозаводск: Периодика; Кухмо: Юминкеко, 2019. 464 с.
- Карелы Карельской АССР / под ред. А. С. Жербина, Г. М. Керта, К. А. Морозова и др. Петрозаводск: Карелия, 1983. 288 с.
- Карельская крестьянка в зеркале историко-этнографических источников (вторая половина XIX — начало XX вв.). Сборник документов и материалов / Сост.: И. С. Петричева, Ю. В. Литвин, О. П. Илюха. Науч. ред. О. П. Илюха. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2012. 293 с.
- Конка А. П. Материалы по традиционным карельским праздникам северо-западных деревень // На плечах Большой Медведицы. Избранные статьи. (Юбилейный сборник к 65-летию и 45-летию собирательской деятельности). Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2014. С. 125–165.
- Косменко А. П. Послания из прошлого: традиционные орнаменты финноязычных народов северо-западной России / науч. ред. М. Г. Косменко. 2-е изд. Петрозаводск: Скандинавия, 2011. 304 с.
- Листова Т. А. «Нечистота» женщины (родильная и месячная) в обычаях и представлениях русского народа // Секс и эротика в русской традиционной культуре. Москва: Ладомир, 1996. С. 151–174.
- Литвин Ю. В. Печь, кадка и самовар: символы статуса хозяйки в карельской традиционной культуре // Quaestio Rossica. Vol. 8. № 5. 2020. С. 1505–1518.
- Лозвищенко Е. С. Традиционная одежда // Народы Карелии. Историко-этнографические очерки / отв. ред. И. Ю. Винокурова. Петрозаводск: Периодика, 2019. С. 127–133.
- Макаров Г. Н., Рягоев В. Д. Образцы карельской речи. Говоры ливвиковского диалекта карельского языка / ред. А. П. Баранцев. Ленинград: Наука, 1969. 283 с.
- Михайлова О. Следы архаических верований в современной культуре (на примере отношения к регулам) // Проблемы археологии и этнологии. Петрозаводск: без издательства, 2000. Вып. 2. С. 35–39.

- Мухина З. З. Русская крестьянка в пореформенный период (вторая половина XIX — начало XX века). Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2018. 725 с.
- Никольская Р. Ф., Сурхаско Ю. Ю. Баня в семейном быту карел // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 1992. С. 68–85.
- Паикова Т. В. Народная медицина карелов XIX — начала XXI века: опыт комплексного исследования. Дисс. ... д. и. н. Специальность 07.00.07. Петрозаводск, 2018. Место защиты: ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова». 559 с.
- Пушкарева Н. Л. Гендерная теория и историческое знание. Санкт-Петербург: Алетейя, 2007. 496 с.
- Разумова И. А. Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История. Москва: Индрик, 2001. 376 с.
- Сурхаско Ю. Ю. Карельская свадебная обрядность (конец XIX — начало XX в.). Ленинград: Наука, 1977. 236 с.
- Шикалов Ю. Г. «Подольше в девушках походишь, поменьше замужем поживешь»: репродуктивный период и брачный возраст женского населения Беломорской Карелии в конце XIX — начале XX в. // Карельская семья во второй половине XIX — начале XXI в.: этнокультурная традиция в контексте социальных трансформаций. Сборник статей и материалов. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2013. С. 89–110.
- Bohac R. D. Widows and the Russian serf community // Russia's women: accommodation, resistance, transformation / Barbara Evans Clements; Barbara Alpern Engel; Christine Worobec. Berkeley: University of California Press, 1990. P. 95–112.
- Keinänen M. — L. Creating Bodies: Childbirth practices in pre-modern Karelia. Stockholm: Stockholm University, 2003. 321 p.
- Laukkarinen J. Suomalaisten naimatapa ja // SKS toimituksia 186. Helsinki: Suomalaisten Kirjallisuuden Seura, 1933. 188 s.
- Lyydiläismurteiden sanakirja / toim. ja julk. J. Kujola. Helsinki: Suomalaisen Uskontotieteellinen Seura, 1944. 543 p.
- Mironova V., Litvin J. Young People's Joint Leisure Activities in Traditional Karelian Culture: Norms and Social Practice // Journal of Ethnology and Folkloristics. 2018. Volume 11. Issue 2. Pp. 85–100. DOI: 10.1515/jef-2017-0015
- Paulaharju S. Syntymä, lapsuus ja kuolema. Vienan Karjalan tapoja ja uskomuksia. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1995. 247 s.
- Sallinen-Gimpl P. Karjalainen nainen. Helsinki: Unifada, 2013. 251 s.

References

- Agapkina, T.A. 2004. *Mesyachnye* [Menseses]. Vol. 3. In *Slavyanskije drevnosti. Etnolingvističeskii slovar'* [Slavic antiquities. Ethnolinguistic Dictionary]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya: 241–245.
- Bohac, R.D. 1990. Widows and the Russian serf community, In *Russia's women: accommodation, resistance, transformation*, edited by B. Evans Clements, B. Engel, Ch. Worobec. Berkeley: University of California Press: 95–112.
- Ilyukha, O. P., eds. 2012. *Karel'skaya krest'yanka v zerkale istoriko-etnograficheskikh istočnikov (vtoraya polovina XIX — nachalo XX vv.). Sbornik dokumentov i materialov* [Karelian peasant woman in the mirror of historical and ethnographic sources (second half of the 19th — early 20th centuries). Collection of documents and materials]. Petrozavodsk: Karel'skii nauchnyi tsentr RAN.
- Ilyukha, O.P. 2007. *Shkola i detstvo v karel'skoi derevne v kontse XIX — nachale XX veka* [School and childhood in a Karelian village in the late 19th — early 20th centuries.]. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin.

- Inkha, I.K. 2019. *V krayu kaleval'skikh pesen* [In the land of Kalevala songs]. Petrozavodsk: Periodika; Kukhmo: Yuminkeko.
- Keinänen, M. — L. 2003. *Creating Bodies: Childbirth practices in pre-modern Karelia*. Stockholm: Stockholm University.
- Konkka, A.P. 2014. Materialy po traditsionnym karel'skim prazdnikam severo-zapadnykh dereven' [Materials about traditional Karelian holidays in the villages of the north-west]. In *Na plechakh Bol'shoi Medveditsy. Izbrannye stat'i. (Yubileinyi sbornik k 65-letiyu i 45-letiyu sobiratel'skoi deyatel'nosti)* [On the shoulders of the Big Dipper. Selected statisticians. (Jubilee collection for the 65th and 45th anniversary of the collective)], edited by A. P. Konkka. Petrozavodsk: Karel'skii nauchnyi tsentr RAN: 125–165.
- Kosmenko, A.P. 2011. *Poslaniya iz proshlogo: traditsionnye ornamenti finnoyazychnykh narodov severo-zapadnoi Rossii* [Messages from the Past: Traditional Jewelry of the Finnish-Speaking Peoples of the North-West of Russia]. Petrozavodsk: Skandinaviya.
- Kujola J., eds. 1944. *Lyydiläismurteiden sanakirja*. Helsinki: Suomalaisen Uskontotieteellinen Seura.
- Laukkarinen J. 1933. Suomalaisten naimatapoja. In *SKS toimituksia 186*. Helsinki: Suomalaisten Kirjallisuuden Seura.
- Listova, T.A. 1996. «Nechistota» zhenshchiny (rodil'naya i mesyachnaya) v obychnyakh i predstavleniyakh russkogo naroda [Feminine «impurity» (childbirth and menstruation) in the ordinary and perceptions of the Russian people]. In *Seks i erotika v russkoi traditsionnoi kul'ture* [Sex and eroticism in Russian traditional culture], edited by A. L. Toporkov. Moscow: Ladomir: 151–174.
- Litvin, J.V. 2020. Pech', kadka i samovar: simvoly statusa khoziaiki v karel'skoi traditsionnoi kul'ture [Stove, tub and samovar: symbols of the status of a housewife in Karelian traditional culture] *Quaestio Rossica*. 8 (5): 1505–1518.
- Logvinenko, E.S. 2019. Traditsionnaya odezhda [Traditional clothing]. In *Narody Karelii. Istoriko-etnograficheskie ocherki* [Karelians. Historical and ethnographic essays], edited by I. Yu. Vinokurova, 127–133. Petrozavodsk: Periodika.
- Makarov, G.N., Ryagoev, V. D. 1969. *Obratzsy karel'skoi rechi. Govory livvikovskogo dialekta karel'skogo yazyka* [Samples of Karelian speech. Livvi Dialect of the Karelian Language]. Leningrad: Nauka.
- Mikhailova, O. 2000. Sledy arkhaiskikh verovaniy v sovremennoi kul'ture (na primere otnosheniya k regulam) [Traces of archaic beliefs in modern culture (on the example of attitudes towards menses)]. In *Problemy arkheologii i etnologii* [Problems of archeology and ethnology]. Petrozavodsk. Vol. 2: 35–39.
- Mironova, V., Litvin, J. 2018. Young People's Joint Leisure Activities in Traditional Karelian Culture: Norms and Social Practice. In *Journal of Ethnology and Folkloristics*. Vol. 11(2): 85–100. DOI: 10.1515/jef-2017–0015
- Mukhina, Z.Z. 2018. *Russkaya krest'yanka v poreformennyi period (vtoraya polovina XIX — nachalo XX veka)* [Russian peasant woman in the post-reform period (second half of the 19th — early 20th centuries)]. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin.
- Nikol'skaya, R.F., Surkhasko, Yu. Yu. 1992. Banya v semeinom bytu karel' []. In *Obryady i verovaniya narodov Karelii* [Baths in the family life of Karelians], edited by Yu. Yu. Surkhasko, A. P. Konkka. Petrozavodsk: Karel'skii nauchnyi tsentr RAN: 68–85.
- Pashkova, T. V. 2018. *Narodnaya meditsina karelov XIX — nachala XXI veka: opyt kompleksnogo issledovaniya* [Traditional medicine of Karelians of the XIX — early XXI centuries: the experience of complex research]. Ph.D. diss., “Chuvashskii gosudarstvennyi universitet imeni I. N. Ul'yanova”.
- Paulaharju, S. 1995. *Syntymä, lapsuus ja kuolema. Vienen Karjalan tapoja ja uskomuksia*. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura.

- Pushkareva, N. L. 2007. *Gendernaya teoriya i istoricheskoe znanie* [Gender theory and historical knowledge]. St. Petersburg: Aleteiya.
- Razumova, I.A. 2001. *Potaennoe znanie sovremennoi russkoi sem'i. Byt. Fol'klor. Istoriya* [Hidden knowledge of the modern Russian family. Byt. Folklore. History]. Moscow: Indrik.
- Sallinen-Gimpl. P. 2013. *Karjalainen nainen*. Helsinki: Unifada.
- Shikalov, Yu.G. 2013. «Podol'she v devushkakh pokhodish', pomen'she zamuzhem pozhivesh'»: reproduktivnyi period i brachnyi vozrast zhenskogo naseleniya Belomorskoi Karelii v kontse XIX — nachale XX v. [The reproductive period and the age of marriage of the female population of the White Sea Karelia at the end of the 19th — beginning of the 20th centuries]. In *Karel'skaya sem'ya vo vtoroi polovine XIX — nachale XXI v.: etnokul'turnaya traditsiya v kontekste sotsial'nykh transformatsii. Sbornik statei i materialov* [Karelian family in the second half of the 19th — early 21st century: ethnocultural tradition in the context of social transformations. Collection of articles and materials], edited by O. P. Ilyukha. Petrozavodsk: Karel'skii nauchnyi tsentr RAN: 89–110.
- Surkhasko, Yu. Yu. 1977. *Karel'skaya svadebnaya obryadnost' (konets XIX — nachalo XX v.)* [Karelian wedding rituals (late 19th — early 20th centuries)]. Leningrad: Nauka.
- Vinokurova, I. Yu. 2015. *Mifologiya vepsov: entsiklopediya* [Vepsian mythology: an encyclopedia]. Petrozavodsk: Izdatel'stvo Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta.
- Zherbin, A.S., Kert, G.M., Morozov, K.A., eds. 1983. *Karely Karel'skoi ASSR* [Karelians of the Karelian ASSR]. Petrozavodsk: Kareliya.

УДК 39+391

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-2/154-161

Научная статья

© Л. Н. Щанкина, О. В. Егорова

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРАДИЦИОННОЙ НАТЕЛЬНОЙ МУЖСКОЙ ОДЕЖДЫ МОРДВЫ

Статья посвящена изучению изменения нательного мужского костюма как важнейшего элемента материальной культуры мордовского народа. Мордва была первым крупным по численности народом, присоединившимся к России в середине XVI в. С этого периода начинается христианизация мордвы, сыгравшая существенную роль в ее сближении с русским народом. В результате тесных межкультурных контактов с соседями, особенно с русскими, в мужской одежде мордвы нашли отражение элементы других культур, верований, обрядов и традиций. Наибольшие изменения традиционного мордовского костюма наблюдались в конце XIX — первой четверти XX века. Они связаны с использованием для изготовления одежды фабричных материалов, а также с заимствованиями отдельных компонентов костюма у соседних народов, проживавших в Волго-Урале. Результат анализа источниковой и литературной базы показал, что наиболее подробно в этнографических источниках и произведениях мордовского фольклора описаны особенности изготовления и, в частности, покроя рубахи, выбора цвета, материала и подбора одежды по сезону.

Ключевые слова: Волго-Уралье, мордва, мужской костюм, этнография, фольклор, трансформация.

Ссылка при цитировании: Щанкина Л. Н., Егорова О. В. Трансформация традиционной нательной мужской одежды мордвы // Вестник антропологии, 2022. № 2. С. 154–161.

Щанкина Любовь Николаевна — д. и. н., профессор, Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова (117997 Москва, Стремянный пер., д.36). Эл. почта: schanckina@yandex.ru

Егорова Оксана Вениаминовна — д. и. н., профессор, Московский физико-технический институт — Национальный исследовательский университет (141701, Московская область, Долгопрудный, Институтский пер., д. 9). Эл. почта: eoks71@gmail.com

UDC 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-2/154-161

Original Article

© Ljubov Shchankina, Oksana Egorova

TRANSFORMATION OF TRADITIONAL MORDOVIAN MEN'S UNDERWEAR CLOTHING

The article aims to study the changes in the male underwear clothing as an essential element of the material culture of the Mordovian people. Mordva was the first large ethnic group to join Russia in the middle of the XVI century. The Christianization of the Mordva started from that moment on and played a significant role in its rapprochement with the Russian people. As a result of close intercultural contacts with different ethnic groups, especially with Russians, the Mordovian men's costume reflected influences of other cultures, beliefs, rites, and traditions. The most notable changes in the traditional Mordovian costume were observed in the late XIX — first quarter of the XX century and are associated with the use of factory-made fabric and borrowing individual costume elements from neighboring peoples living in Volga-Urals. The study of the literature on the topic showed that ethnographic sources and Mordovian folklore provide the most detailed descriptions of the manufacture of shirts, color selection, material, and clothing choice according to the season.

Keywords: Volga-Urals, Mordva, male costume, ethnography, folklore, transformation.

For Citation: Shchankina, L. N., Egorova, O. V. 2022. Transformation of Traditional Mordovian Men's Underwear Clothing. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 2: 154–161.

Author Info: Shchankina, Ljubov N. — Dr. (Hist.), Professor, Plekhanov Russian State University of Economics (Moscow, RF). E-mail: schanckina@yandex.ru

Egorova, Oksana V. — Dr. (Hist.), Professor, Moscow Institute of Physics and Technology — National Research University (Moscow, RF). E-mail: eoks71@gmail.com

Тема народной одежды многогранна и поэтому может рассматриваться с различных точек зрения. Одна из них — одежда как исторический источник, поскольку в костюме находят отражение исторические события, происходившие в регионе расселения народа, изменения в экономике и тесные межкультурные контакты. С другой стороны, можно выделить функцию одежды как маркера, она является показателем имущественного положения, социально-возрастных отличий, социального статуса человека. В традиционном костюме выделяется и культурная коннотация, которая выражена в самобытных приемах шитья, в отделке, вышивке и украшениях. Изучение традиционного костюма мордовского народа позволяет проследить степень трансформации одежды в разных социальных слоях в результате промышленных и культурных воздействий, выявить этнокультурные особенности повседневных

и праздничных нарядов, влияние на них космогонических представлений, обычаев и обрядов и т. д.

В основу статьи положены неопубликованные экспедиционные материалы середины XX в., собранные В. Н. Белицер. В настоящее время они хранятся в архиве Института этнологии и антропологии РАН. Из опубликованных сведений использованы данные, приведенные в работах известных исследователей культуры мордвы конца XIX — первой трети XX в. М. Е. Евсевьева, А. А. Шахматова, И. Н. Смирнова. Во второй половине XX в. объектом пристального внимания была богато орнаментированная женская одежда, головные уборы и украшения мордвовок, что нашло отражение в многочисленных опубликованных изданиях российских и мордовских исследователей, в частности В. Н. Белицер, Н. И. Гаген-Торн, Т. П. Федянович и др. В последние десятилетия мордовские исследователи изучали традиционный костюм, особенности костюмных комплектов этнотерриториальных групп мордвы, где они еще сохранились (Г. А. Корнишина, Л. И. Никонова, Т. А. Шигурова), однако из общего содержания выпал анализ трансформационных и модернизационных процессов в изготовлении нательного мордовского мужского традиционного костюма.

Наиболее архаичным типом нательной одежды у мордвы была длинная рубаха туникообразного покроя, достигавшая колен, а иногда даже прикрывавшая их. При этом для спины и переда использовалось одно полотнище, перегибавшееся на плечах. Два более коротких, согнутых в длину полотнища пришивали к центральной части с боков. Ширина каждого из этих четырех кусков ткани составляла обычно 31–36 см (Белицер 1973: 29). Рукава без обшлагов длиной 60–65 см кроились из одного прямого полотнища и пришивались к центральному полотнищу. Под ними вшивали квадратные ластовицы (повседневная — из сурового холста, праздничная — из кумача). На повседневных (рабочих) рубахах на спине и груди делали подоплеку. Воротник-стойку изготавливали невысоким (3,0–3,5 см), а чаще ворот просто обшивали. Разрез на груди длиной 20–22 см имел различные варианты и был схож с рубахами других народов: на правой стороне (удмурты, марийцы), на левой (русские) и посередине (татары). Ворот рубахи и разрез на груди скрепляли с помощью крючка, пуговицы, реже завязками (Белицер 1973: 29), медными запонками, либо прикрепляли *сюкс* — веревочку толщиной с карандаш, плетеную из черной шерстяной пряжи (Шахматов 1910: 179).

Мордвины носили рубахи навыпуск поверх штанов и подпоясывали самотканым узким пояском *каркс* (э., м), вытканым из овечьей и даже верблюжьей шерсти (Белицер 1973: 36) или ремнем *инань-каркс* (м., э — ременный пояс), а в праздники — кушаком. В праздничном и свадебном костюмах холостых парней имелись разноцветные шелковые (бухарские) кушаки, наибольшей популярностью пользовались зеленого цвета (Шахматов 1910: 191). Существовало особое правило подпоясывания кушаком. Отступление от него приводило к насмешкам. Так, в с. Малое Сеськино Дальнеконстантиновского района Нижегородской области В. Н. Белицер были записаны шуточные слова:

Уж такого дали мужа дурака,
Не умеет подпоясать кушака,
Назади узлы завязывает,
Впереди концы закладывает (НА ИЭА РАН 1: Л. 6).

Специалистов поражает богатство и разнообразие поясов и ремней, украшенных бронзовыми, а иногда серебряными фигурными бляхами, часто снабженными колечками для подвешивания всякого рода нужных в ежедневном обиходе предметов (Кузнецов 1912: 16). Мужские пояса из разноцветных шерстяных ниток имели на каждом конце по две кисти, на всех ниточках которых в нижней части была закреплена *плеска* (блестящий металлический кружок) (Шахматов 1910: 180). Наиболее распространено было тканье поясов и тесьмы на дощечках (*досканят*), от числа которых (всегда четного, 8–10–12) зависела ширина изделия (Федянович 2011: 41). Их приобретали в городах и крупных торговых поселениях на ярмарках, базарах или в магазинах (НА ИЭА РАН 1: Л. 5–6).

Обязательной частью мужского костюма были штаны (нижние и верхние), которые шили преимущественно из самодельного материала (синяя полосатая набойка — суровый холст с набитыми на нем синими клеточками) (НА ИЭА РАН 1: Л. 2–3). Также существовал вариант покроя мужских штанов по типу женских — «с широким шагом». Аналогичный покрой, вероятно, весьма архаичный, зафиксирован также у удмуртов, казанских татар, а также у татар-мишарей Республики Мордовия (Щанкина 2004: 58). Каждая штанина представляла собой полотнище, сложенное по продольной нити. Для удобства ходьбы в них вставлялись небольшие клинья. Между штанинами вшивали так называемое дно — прямоугольный кусок ткани, перегнутый поперек. Штаны укрепляли на бедрах с помощью завязок (НА ИЭА РАН 2: Л. 4).

Очевидные изменения в традиционном костюме мордвы прослеживаются в конце XVIII — первой половине XIX в., когда в деревню начали проникать капиталистические отношения (влияние рынка, отходничества, развитие промыслов), разрушавших натуральное хозяйство. Этот период также связан с деятельностью миссионеров, завершением процесса христианизации мордовского народа, что вызвало изменение архаичных форм одежды и появление новых элементов (Рыбаков и др. 1965: 371). В источниках приводятся факты, как во время крещения взрослым мужчинам выдавалась русская одежда или выплачивалась определенная сумма денег, необходимая для ее приобретения. В ряде селений отмечается, что жители совершенно обрусели, давно оставили свои мордовские наряды, облеклись в русскую крестьянскую и городскую одежду с пиджаками и жилетками (Смирнов 1893: 1). Тем не менее, основу традиционного мужского костюма (праздничного и повседневного) продолжала составлять рубаха и штаны из домотканого холста. Разница наблюдается в выборе качества материала. Для повседневного ношения использовали более грубый холст, а для праздничной и подвенечной — более тонкий, преимущественно льняной. По праздникам мужчины носили также белые рубахи с кумачовыми ластовицами (Шахматов 1910: 604).

Во второй половине XIX в. наибольшей трансформации подверглись белые холщовые штаны *понкст* или цветные. *Понкст* шили из двух полотнищ холста, каждое длиной 90–95 см и шириной 37–38 см. Эти полотнища перегибали по продольной нитке. Между штанинами на всю длину вставляли спереди и сзади пару клиньев (Белицер 1973: 32).

В конце XIX — начале XX в. широко распространяются в мордовской среде рубахи из домотканой пестряди (розовые в мелкую клетку и др.). К началу XX в. вышивку и узорное тканье сменили полосы цветной ткани (сатина, ситца) или ленты.

Изменился и покрой рубахи: она стала шире в подоле, боковые полотнища начали раскашивать и сшивать, а в рукава, чтобы их расширить, снизу вставляли клинья вместо ластовиц. Воротник часто отсутствовал, что было характерным для старинных традиционных рубах (НА ИЭА РАН 2: Л. 3).

В середине XX в. у мордвы появляется новый тип натальной одежды, сочетающей элементы как традиционной, так и современной одежды городского типа. Наряду с традиционными рубахами из пестряди, встречаются рубахи из ситца, кашемира, сатина, в основном красного и малинового, а для более пожилых синего цвета (НА ИЭА РАН, *Белицер* Дело № 22. Л. 1). Среди молодых мужчин наблюдаются в одежде модные тенденции ношения наряду с белыми рубахами цветных, чаще всего красных из кумача и реже из шелка. Трансформация традиционной одежды прослеживается в среде разных этнотерриториальных групп мордвы. Анализируя состояние мордовского народа в Нижегородской губернии, С. П. Толстов писал: «Нижегородская мордва-эрзя сохраняет еще свой язык, но по материальной культуре почти не отличается от русских. Национальный мордовский костюм совершенно исчез из быта и разыскать его удастся с большим трудом» (*Толстов* 1928: 9). А. А. Шахматов, изучавший культуру мордвы села Оркино Петровского уезда Саратовской губернии, отмечал, что молодые парни по праздникам носили красные кумачовые рубашки, бумажные штаны и сапоги с каблуками (*Шахматов* 1910: 717). В некоторых уездах Тамбовской (Спасский уезд), Пензенской (Инсарский) и Нижегородской (Лукояновский) губерний у мордвы-эрзи и мокши распространилась белая рубаха-косоворотка с высоким воротником-стойкой. Широкой вышивкой крестом черными и красными хлопчатобумажными нитками украшались ее грудь, подол и рукава. Орнамент представлял собой сочетание растительных и геометрических мотивов. Подобные узоры, как и сами рубахи, не были характерны для мордвы. Аналогичные рубахи бытовали у русских крестьян в качестве праздничных (*Белицер* 1973: 31). В русском селе Лопатино Торбеевского района Мордовии рубахи носили с высоким воротом, а рукава, ворот и подол праздничной рубахи вышивали и украшали полоской узорного тканья. Из вышесказанного следует, что способы и материалы отделки рубахи отличались большим многообразием (вышивка, цветное и узорное тканье, разноцветные полосы ткани, блески, металлические цепочки и т. д.). Украшались главным образом шейный и нагрудный вырез, обшлага к рукавам, подол, реже плечи — узкими поперечными полосами. В мордовский костюм проникают элементы традиционных костюмов народов Волго-Уралья (русских, чувашей, татар), а также современных фабричных заготовок. Устойчивость сохранялась лишь в праздничной рубахе, которая шилась из льна и украшалась вышивкой или тканьем по вороту и рукавам.

В мордовских песнях XX в. часто упоминается термин *брюки* (*брюкат*) — это штаны, сшитые из покупного фабричного материала по городской моде («берлинские брюки») (*Евсевьев* 1963: 20) с застежкой на пуговицах (НА ИЭА РАН 2: Л. 4). А. А. Шахматовым были зафиксированы полотняные штаны с рисунками *чауфтынь понкст* — на них масляными красками набиты цветочки или полоски. Верх штанов скручивали для продевания бечевки, которую спереди завязывали на узел. Карманы вырезали не вдоль штанины, а поперек (*Шахматов* 1910: 179–180). Холщовые штаны *понкст* использовались исключительно как нижнее белье (*Белицер* 1973: 32). В начале XX в. стали шить штаны из фабричной ткани.

Уже к 30-м гг. XX в. мужская одежда у мордвы и русских стала однотипной. Состояла она из рубашки-косоворотки и штанов. Вместе с тем в мужском костюме появились новые, привнесенные черты — одежда типа военной формы: гимнастерки, френчи, галифе, ватные куртки. После Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в мужской одежде доминирующую роль играла воинская форма. Причем пошив из фабричных тканей галифе и френчи наблюдается позже. В связи с послевоенными трудностями интенсивная замена национальной одежды заметно приостановилась, так как в послевоенный период остро ощущалась нехватка товаров народного потребления — одежды, обуви, тканей. В это время нередко из чемоданов и сундуков мордовки доставали сохранившийся традиционный холст и изготавливали из него необходимую одежду. Сукно стоило довольно дорого, поэтому нередко на колхозных собраниях одежда преподносилась в дар лучшим производственникам. В 50–80-е годы XX в. в традиционной мужской одежде мордвы продолжался процесс унификации костюма. Общесоветские формы заняли доминирующее положение в повседневной, праздничной и обрядовой сфере. Полный комплект этнических элементов мужского костюма уже не сохранился.

Таким образом, комплексное научное исследование произведений устного народного творчества и этнографических источников дает возможность представить мордовский костюм наиболее ярко, образно и вплести детали в общую картину. Традиционная натальная мужская одежда, создаваемая в течение тысячелетий, является культурным достоянием. В ней отражены социальная жизнь, природные условия, художественные вкусы, понятия о нравственном идеале, воззрения и миропонимание народа в различные исторические эпохи. На сегодняшний день костюм потерял полностью сакральное значение. Мордовский традиционный стиль, орнаменты, вышивку демонстрирует лишь праздничная одежда и концертные наряды. Новые модели костюмов широко используются на сценах театров и в концертных залах. Технический прогресс и глобализация привели к стиранию из повседневности национально-культурной составляющей.

Традиционная натальная одежда мордовских мужчин рациональна. Показателем ее нарядности, предназначенности к торжественному случаю обычно служило лучшее качество домашних материалов или их фабричное происхождение. Подвергаясь на протяжении длительного времени различным влияниям, традиционный мужской костюм мордовского народа прошел своеобразный путь развития. Трансформация и модернизация мужской одежды начала происходить в результате тесных межкультурных контактов с народами, проживающими на территории Волго-Уралья, особенно русскими.

Существенно повлияло на покрой одежды и появление в портняжном промысле швейных машин. К примеру, еще в XVIII — и в первой половине XIX в. *сумань* шился вручную со сборами, а позднее на швейных машинах — приталенными. Несколько иным стал и покрой традиционной мордовской рубахи. Исчезли широкие и длинные рукава, на смену им пришли более узкие и короткие. Тесное общение мордвы с русским населением Поволжья привело к заимствованию покроя мужского костюма и сходству форм верхней мужской одежды, и в итоге заимствованные формы одежды стали восприниматься как национальные.

Располагая обилием технических возможностей, сегодня крайне важно исследовать традиционную материальную и духовную культуру мордовского народа, чтобы

иметь возможность реконструировать и передать последующим поколениям как сохранившие бытование, так и уже вытесненные ее компоненты. Особую актуальность эта задача приобретает в начале XXI в., в период активной трансформации культуры не только отдельных народов, но и наднациональной, общемировой.

Источники

- НА ИЭА РАН 1 — Научный архив Института этнологии и антропологии РАН. Личный архив Белицер В. Н. Одежда в фольклоре мордвы. 1953. Дело № 30. 414 л.
 НА ИЭА РАН 2 — Научный архив Института этнологии и антропологии РАН. Личный архив Белицер В. Н. Различные материалы по мордве. 1953. Дело № 22. 191 л.

Научная литература

- Белицер В. Н. Народная одежда мордвы. Труды мордовской этнографической экспедиции. М.: Издательство «Наука», 1973. 216 с.
 Евсевьев М. Е. Избранные труды: в 5 т. Т. 2. Народные песни мордвы. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1963. 517 с.
 Кузнецов С. К. Русская историческая география: Курс лекций, читаемых в Московском археологическом институте в 1907–1908 г. С. К. Кузнецовым. Вып. 1–2. Москва: Московский археологический институт, 1912. 73 с.
 Рыбаков Б. А., Серебренников Б. А., Смирнов А. П. (ред.). Этногенез мордовского народа. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1965. 440 с.
 Смирнов И. Н. Заметки о мордве и памятниках мордовской старины в Нижегородской губернии // Известия Общества археологии, истории и этнографии (ОАИЭ), 1893. Т. IX. Вып. 3. С. 1–5.
 Толстов С. П. Нацмены Ц. П.О.: 1-я отчетная выставка работ Этнологического подотдела Государственного музея Центрально-промышленной области. Москва: Типография кооператива «Наука и просвещение», 1928. 34 с.
 Федянович Т. П. Мордва: Материалы Мордовской этнографической экспедиции. 1953–1969: Этнографический альбом / Институт этнологии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. Москва: «Наука», 2011. 166 с.
 Шахматов А. А. Мордовский этнографический сборник. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1910. 848 с.
 Щанкина Л. Н. Этнокультурные традиции татар-мишарей Республики Мордовия в системе их жизнеобеспечения. Дисс. канд ист. наук. Саранск, 2004. 308 с.

References

- Belitser, V.N. 1973. *Narodnaia odezhda mordvy. Trudy mordovskoi etnograficheskoi ekspeditsii* [Mordovian folk clothes. Works of the Mordovian ethnographic expedition]. Moskva: izdatel'stvo "Nauka".
 Evsev'ev, M.E. 1963. *Izbrannye trudy: v 5 t. T. 2. Narodnye pesni mordvy* [Selected works: in 5 vol. Vol. 2. Folk songs of the Mordovians]. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo.
 Kuznetsov, S.K. 1912. *Russkaia istoricheskaia geografiia: Kurs lektcii, chitaemykh v Moskovskom arkheologicheskom institute v 1907–1908 g.* S. K. Kuznetsovym. Vyp. 1–2 [Russian historical geography: A course of lectures given at the Moscow Archaeological Institute in 1907–1908 by S. K. Kuznetsov. Out. 1–2]. Moskva: Moskovskii arkheologicheskii institut.
 Rybakov B. A., Serebrennikov B. A., Smirnov A. P. (ed.). *Etnogenez mordovskogo naroda* [Ethnogenesis of the mordovian people]. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1965.

- Smirnov, I.N. 1893. *Zametki o mordve i pamiatnikakh mordovskoi stariny v Nizhegorodskoi gubernii* [Notes on the Mordovians and monuments of Mordovian antiquity in the Nizhny Novgorod province]. *Izvestiia Obshchestva arkheologii, istorii i etnografii*. Vol. IX: 1–5.
 Tolstov, S.P. 1928. *Natsmeny Tsentral'no-promyshlennoi oblasti: 1-ia otchetnaia vystavka rabot Etnologicheskogo podotdela Gosudarstvennogo muzeia Tsentral'no-promyshlennoi oblasti* [Nazis of the Central Industrial Region: first reporting exhibition of works of the Ethnological Department of the State Museum of the Central Industrial Region]. Moskva: Tipografiia kooperativa "Nauka i prosveshchenie".
 Fedianovich, T.P. 2011. *Mordva: Materialy Mordovskoi etnograficheskoi ekspeditsii. 1953–1969: Etnograficheskii al'bom* [Mordva: Materials of the Mordovian ethnographic expedition. 1953–1969: Ethnographic album] / Institut etnologii i antropologii imeni N. N. Miklukho-Maklaia РАН. Moskva: "Nauka".
 Shakhmatov, A.A. 1910. *Mordovskii etnograficheskii sbornik* [Mordovian ethnographic collection]. St. Petersburg: Tipografiia Imperatorskoi Akademii nauk.
 Shchankina, L.N. 2004. *Etnokul'turnye traditsii tatar-misharei Respubliki Mordoviia v sisteme ikh zhizneobespecheniia* [Ethnocultural traditions of the tatars-Mishars of the Republic of Mordovia in their life support system]. Diss. kand ist. nauk. Saransk (Mordovian State University named after N. P. Ogarev).

УДК 39
DOI: 10.33876/2311-0546/2022-2/162-173
Научная статья

© Г. С. Поповкина

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ НАРОДНОЙ МЕДИЦИНЫ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ

В результате массового переселения из центральных регионов на Дальний Восток восточные славяне оказались в непривычном этнокультурном окружении, новой экологической нише. Кроме трудностей хозяйственного освоения новой территории, переселенцы столкнулись с нехваткой медицинской помощи, вследствие чего были особенно востребованы приемы народной медицины, адаптированные к дальневосточным условиям. Несмотря на глубокие исследования отдельных аспектов народно-медицинской практики переселенцев, до сих пор не проводилось комплексное изучение их лекарских традиций, в этнографической литературе мало подробностей освоения таёжного сырья в лечебных целях. В статье проверяется гипотеза о возможности использования произведений художественной литературы в качестве источника по изучению народной медицины восточных славян-дальневосточников. Для анализа выбраны произведения писателей-дальневосточников, чья деятельность тесно связана с путешествиями и изучением родного края. При выборе произведений учитывались особенности личности писателя, веги его биографии, специфика писательского стиля, например, отношение к описанию подробностей повседневной жизни. Сделан вывод, что литературные произведения дальневосточных писателей могут явиться дополнительным источником для изучения народной медицины славянских переселенцев в их взаимодействии с местным населением, другими переселенцами, выявления особенностей адаптации к новой культурной и экологической среде, а в некоторых случаях выступить причиной для пересмотра и уточнения уже имеющих сведения.

Ключевые слова: народная медицина, восточные славяне, Дальний Восток, старообрядчество, художественная литература.

Ссылка при цитировании: Поповкина Г. С. Произведения художественной литературы как источник для изучения народной медицины восточных славян Дальнего Востока России // Вестник антропологии, 2022. № 2. С. 162–173.

Поповкина Галина Сергеевна — к. и. н., старший научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (690001 Владивосток, ул. Пушкинская, 89). Эл. почта: galina.popovkina@gmail.com ORCID: 0000-0001-6521-8658

UDC 39
DOI: 10.33876/2311-0546/2022-2/162-173
Original Article

© Galina S. Popovkina

FICTION AS A SOURCE OF INFORMATION ABOUT TRADITIONAL MEDICINE AMONG THE EASTERN SLAVS IN THE RUSSIAN FAR EAST

After the mass migration from the central regions to the Far East, the Eastern Slavs found themselves in an unusual ethnocultural and ecological environment. The new settlers faced a lack of medical care, so the methods of traditional medicine adapted to the Far Eastern conditions were in particular demand. The medical traditions of migrants have not been studied comprehensively yet, although there have been profound studies of individual aspects of folk medical practices. The article attempts to use fiction as a source for studying traditional medicine of the Eastern Slavs in the Far East. For the analysis we selected the works of writers from the Far East who traveled and studied their native land. It is concluded that fiction by Far Eastern writers can be an additional source of information about folk medicine of Slavic settlers in their interaction with the local population, other settlers, and adaptation to a new cultural and ecological environment. In some cases, fiction can encourage revision of the already known information.

Keywords: folk medicine, Eastern Slavs, the Far East, Old Believers, fiction.

For citation: Popovkina, G. S. Fiction as a Source of Information about Traditional Medicine among the Eastern Slavs in the Russian Far East. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 2: 162–173.

Author Info: Popovkina, Galina S. — Ph.D. (hist.), Senior Researcher, Institute of history, archaeology and ethnography of the peoples of the Far-East Far Eastern Branch Russian Academy of Science (690001 Russia, Vladivostok, Pushkinskaya st., 89). E-mail: galina.popovkina@gmail.com ORCID: 0000-0001-6521-8658

Народная медицина как важнейшая составляющая традиционной культуры любого народа неоднократно становилась предметом изучения для этнографов. Анализу традиционных лечебных практик восточных славян посвящены работы С. И. Дмитриевой, М. Н. Власовой, И. В. Волохиной, А. А. Воронова, Н. Е. Мазаловой (Грысык), Л. И. Никоновой, В. Я. Темплинга, В. И. Харитоновой и др. Массовое переселение славян из центральных регионов на Дальний Восток началось в середине XIX в. Оказавшись в непривычном этнокультурном окружении и новой экологической нише, кроме трудностей хозяйственного освоения новой территории переселенцы столкнулись с нехваткой медицинской помощи, вследствие чего были особенно востребованы приемы народной медицины, адаптированные к дальневосточным условиям. Народной медицине восточных славян юга Дальнего Востока России посвящен ряд работ, первой из которых явилась статья Л. Е. Фетисовой, обратившей внимание на традиции лечебной практики восточнославянского на-

селения и выдвинувшей важное положение о возникновении единого культурного пространства на осваиваемых славянами территориях (Фетисова 1997). В рамках исследования старообрядчества Ю. В. Аргудяевой были рассмотрены и некоторые особенности лечебных практик в крестьянских семьях на Дальнем Востоке (Аргудяева 1997; 2000). Как специфическая область народной медицины изучено знахарство в работе Г. С. Поповкиной (Поповкина 2008). В ходе исследования этномедицины народов Дальнего Востока освещены некоторые аспекты народной медицины восточных славян в монографии В. В. Подмаскина (Подмаскин 2011). В то же время очевидно, что многие методы распространения специфических дальневосточных приемов самолечения прочно укоренились в повседневной практике восточных славян. Однако до сих пор народная медицина не становилась предметом специального изучения, вследствие чего отсутствует ее всестороннее описание, что обуславливает актуальность ее исследования. Кроме того, в современном мире происходит растворение народных традиций под влиянием глобализации. Поэтому исследование различных феноменов традиционных культур с целью их сохранения получает все большее значение.

Источником, заслуживающим внимания исследователя-этнографа и антрополога, могут стать произведения художественной литературы, которые демонстрируют сразу большой объем наблюдений за повседневной жизнью дальневосточников, исследователь словно находится «в поле», но наблюдает за происходящим глазами писателя. Кроме действия произведения, описания характеров героев и их развития, литература дает возможность видеть большую часть будничной жизни, которая может оказаться недоступной исследователю при выезде в поле. Без сомнения, выбирая прозу для изучения, необходимо принимать во внимание особенности личности писателя, вехи его биографии, особенности писательского стиля, например, отношение к описанию подробностей обыденной жизни. Народно-медицинская практика, как одна из наиболее востребованных в повседневной жизни, нашла свое отражение в работах писателей-дальневосточников. В литературных трудах описаны и конкретные способы лечения, и некоторые представления о болезнях и лекарствах в традиционной медицине. В статье будет проанализировано описание в художественной литературе методов народной медицины восточнославянских переселенцев на юге дальневосточного региона России, вынужденных сохранять и возвращать здоровье в суровых условиях выживания в дальневосточной тайге. Анализ будет проводиться с помощью гипотетико-дедуктивного метода: будет проверяться гипотеза о возможности использования произведений художественной литературы в качестве источника по изучению народной медицины восточных славян-дальневосточников. Для чего будет произведен поиск ответов на интересующие исследователя вопросы в литературных произведениях, а полученные сведения будут сопоставляться с уже имеющимися материалами.

Для анализа выбраны произведения писателей-дальневосточников, чья деятельность тесно связана с путешествиями и изучением родного края. Так, творчество И. У. Басаргина, писателя со старообрядческими корнями, стало возвращаться к читателю после длительного забвения. Отличительные черты его произведений — разнообразие и глубокие характеры героев, красочное описание таежных пейзажей и чуткое внимание к деталям быта, документальная точность их описания, иногда созданная с помощью всего лишь нескольких слов. За многие годы скитаний и вы-

нужденных переездов, сопряженных с голодом и лишениями, Басаргины сохранили старообрядческие традиции лечения, которые хорошо прослеживаются в произведениях и дневниковых записях Ивана Ульяновича. Материалы по традиционной медицине можно почерпнуть в литературном творчестве путешественника Ю. В. Вознюка, писателя и эколога М. С. Деменка, писателя, общественного деятеля, охотоведа В. П. Сысоева, писателей Н. А. Кортелева, С. И. Петрова и др.

Траволечение

Самая распространенная область народной медицины у восточных славян — траволечение. В новых экологических условиях переселенцы учились использованию таежных дикоросов. Наиболее известным своей лечебной силой и овеванным многочисленными легендами лекарственным растением является женьшень. Во многих повестях и романе «Дикие пчелы» И. У. Басаргина он также неоднократно упоминается: «Это такой корень, коий стоит здесь дороже золота. Его пьют и едят от всякой хворобы. Будто старик молодеет на десятки лет» (Басаргин 2016: 163), и далее: «Настой того корня пьют самые богатые купцы и мандарины. Пробовал и я пить тот настой, но только без веры-то в него силы не почуял. Так трава травой. Пахнет чуток землёй и сыростью и не более» (Басаргин 2016: 200). Православный верующий связывает свойства лечебного снадобья из женьшеня с верой в его действенность, что, в целом, характерно для мировоззрения восточных славян: например, лекари читали православные молитвы при сборе женьшеня: «...И я читал их (гольдов) молитвы, но когда пробовал читать свои, мне везло больше» (Поповкина 2008: 57).

Применение женьшеня описано и в произведениях других авторов. Рецепты использования женьшеня для лечения близорукости и слабости продемонстрированы в романе М. С. Деменка: «...У туземцев принято после сорока лет ежегодно принимать настойку женьшеня, якобы силу придает и глаз зорче становится» (Деменок 2002: 66), а для избавления от желудочно-кишечных заболеваний запаривали лист женьшеня кипятком и пили полученное снадобье (Деменок 2002: 66). Для возвращения сил и зрения настой женьшеня регулярно принимали в течение нескольких лет: «...В корень женьшень как-то не верил. Попил я его первый год, куда и слабость делась! На второй год — очки сбросил, и с тех пор вот по сопкам, как козёл, никакого одушья не чувствую» (Жиденков 1982: 257).

Женьшень использовали в качестве общеукрепляющего снадобья как самостоятельное средство, так и в составе целебных сборов: «Выпивая натошак по полстакана сока и столько же чая, заваренного на листьях мяты, полыни и женьшеня, Лазо уже на третий день почувствовал облегчение и прилив жизненных сил. А через неделю хворь будто рукой сняло» (Деменок 2002: 212).

Ю. В. Вознюк дает почти академическое описание свойств женьшеня на страницах своих книг: «Он не обладает побочными вредными воздействиями и мало того, снижает токсичность других лекарств, не мешая их прямому назначению. Этот удивительный безвредный стимулятор применяется при лечении нервных и психических расстройств, заболеваний сердечно-сосудистой системы, он отодвигает старость, успешно применяется при лечении ран, обмороживании, способен препятствовать изменению крови и противодействовать ядам» (Вознюк 1979: 340).

Использовать женьшень переселенцы учились у китайцев, и некоторые еще в начале XX в. становились искателями чудодейственного корня. Так, по оценкам Н. В. Кирилова, врача, активно интересовавшегося традиционными методами лечения дальневосточников, к 1913 году «искателей женьшеня в Уссурийском крае имеется не менее 500 человек; часть из них выбирает у лесничих особые билеты на право поисков с платою по 10 рублей за год». Ему же принадлежит идея по «огородному» выращиванию женьшеня с привлечением китайцев в качестве инструкторов, а также мака для получения опия, тутового дерева (шелковицы), конопли, которая, по его мнению, именно на Дальнем Востоке содержит «значительное количество гашиша, ценного в аптеке, и напрасно понимаемого некоторыми сельскими хозяевами как «пьяность плесневая, грибковая»» (Кирилов 1913: 3–4).

Освоили восточнославянские переселенцы и применение опийного мака. И. У. Басаргин так описывает его сбор и использование: «...И сбор начался. Тонкими ножичками сборщики очерчивали вокруг головок мака надрезы, отсюда вытекало маковое молочко, которое собирали лопаточками в плошки. Так из капелек набирались туюски макового молочка, которое затем разливали в противни, сушили, мяли, катали шарики» (Басаргин 2016: 55). Н. А. Байков пишет, что цветки мака «целебны, и старый зверолов тщательно срывает их, завертывает в бумажку и прячет за пазуху. Он знает, что целебная сила их велика и помогает от душевного расстройства и меланхолии» (Байков 2009: 187). Маковые головки использовали в отваре для улучшения сна у тяжелобольных: «Устин много спал. Не знала Груня, что баба Катя поила его отваром маковых головок, чтобы меньше ворочался, а больше спал» (Басаргин 2016: 374). Кроме того, исследователи отмечают, что переселенцы стали с успехом использовать малые дозы опия для лечения дизентерии (Аргудяева 2002: 24).

В произведениях дальневосточных писателей можно найти описание способов применения многих таежных растений. Ягоды лимонника «силы придают и усталость снимают» (Кортелев 2011: 13). Герой повести И. У. Басаргина «сварил чай, бросив в него для силы и запаха ягоды лимонника. И скоро согрелся. Быстрее побежала по жилам кровь, силы прибавилось» (Басаргин 1971: 125). Для бодрости также заваривали корни «красного винограда и чёртового дерева» («чертово дерево» — аралия маньчжурская или высокая, лат. *Arália eláta* — прим. авт.) (Деменов 2002: 212).

В таёжных условиях часто требовалось лечить раны, порой весьма серьёзные. Для этих целей широко употреблялся берёзовый сок и продукты пчеловодства: «Фельдшер-травник... промыл рану Шевченко берёзовым соком, а порез смазал свежим таёжным медом и раствором, приготовленным из пчелиного воска — прополиса с кедровой смолкой-живицей» (Деменов 2002: 212–213). Для лечения ран использовался не только сок дерева, но и берёзовая настойка, которая хоть и «вызывала адскую боль», но применялась «для затягивания ран» (Петров 2007: 143). Вообще, берёзовое сырьё активно применялось в хозяйственных и лечебных целях: из берёзы получали «Первое — лучина, деготь, ... второе — берёзовый сок, им, сами знаете, лечат простуду, лихорадку. — Третье — банный веник, а четвертое — береста» (Деменов 2001: 10).

Встречаются краткие упоминания о том, как лечили внутренние болезни. Так, для лечения «болезней желудка» употребляли отвары трехлистника (вахты трехлистной) (Басаргин 2016: 117), элеутерококка, который «зачислили в братья женьшеня» (Басаргин 2016: 562). От повышенного давления использовали в пищу ягоды калины:

«... После первых морозов ягоды калины будут сладкими, и сельчане будут готовить из ягоды сок, который применяют для снижения кровяного давления» (Кортелев 2011: 17) или шикши (Христофоров 1981: 320). В качестве противогинготного средства ели ягоды брусники, голубики, шиповника (Деменов 2009: 12, 41). Кроме того, как отмечают исследователи, переселенцы быстро оценили витаминные свойства черемши (Аргудяева 2002: 24).

Были известны восточнославянским переселенцам и растения со многими лекарственными свойствами. Так, например, «синий зверобой, он и от ран, и от желудочной отравы, может и от надсады подействовать» (Христофоров 1981: 99), а душица используется для лечения ран и «помогает и сердцу, она расширяет сосуды» (Христофоров 1981: 313–314). М. С. Деменов, путешествуя тропами В. К. Арсеньева, пишет, что «ягоды барбариса, содержащие аскорбиновую кислоту» применяются для приготовления различных целебных напитков, для лечения желудка, печени, для регуляции деятельности сердца, а «шиповник — средство от сорока болезней» (Деменов 2009: 40–41), желтый луб бархата (бархата амурского, лат. *Phellodéndron amurénse* — авт.) используют в народной медицине «от болезней печени и как мочегонное средство», мед с бархата — «коричнево-желтый, ароматный, самый целебный мед, особенно для тех, кто страдает туберкулезом» (Деменов 2009: 45).

Широко употребляли смолу деревьев, в частности, для лечения ран у людей и животных: «Макар залепил раны пса пихтовой смолой» (Басаргин 2016: 299; Басаргин 2008: 177). Примочками из кедровой смолы и бархатного подкорного лыка лечили язвенные высыпания от оспы (Петров 2007: 122). Смолистым соком — живицей орехового дерева таежники издавна лечили ожоги, гнойные раны, порезы (Деменов 2009: 15).

Традиционные представления о том, что лекарственные растения приносят только пользу и никогда — вред, отражены в рецептах с использованием многих компонентов. Так, сбор из разнообразных лечебных растений, забрус, обрезки сот, пергу применяли для приготовления медовухи, которую делали без дрожжей: «Выпили по кружке медовухи, которую лучше Макара никто не варил. Тут и настой лечебных трав, от которых, кроме пользы, никакого вреда, тут и мед липовый, перга» (Басаргин 2016: 253). Одновременное смешение большого количества лекарственных трав также характерно для подготовки особых травяных напитков, якобы обладающих особыми целительными свойствами. Например, был известен особый травяной напиток из «многих трав» — «травнушка» или «сороковица», который давали роженицам для быстрого восстановления сил и здоровья: «Повивальная бабка составляла состав из 40 трав — сороковицу. За месяц–два до родов сделают бражку, накладывают этих трав, после родов очень быстро поднимала на ноги — дня 2–3. Сороковица силы сильно дает» (Поповкина 2008: 38). Траволечение входило в спектр деятельности народных целителей — знахарей, одной из функций которых была помощь женщине в родах.

Знахарство

Родовспоможение было важной частью народной медицины. Почти до 30-х гг. XX в. в селах чаще всего рожали дома. Знахарок-женщин, помогавших роженицам, называли бабками, повитухами, повивалками, а их занятие называли — «бабничать»,

«бабить», «ходить бабушкой» или «ходить по бабушкам» (Аргудяева 1997: 164–165; *Словарь* 1983: 15, 206, 317). Практически в каждом селе была бабка-повитуха, а в больших селах их бывало несколько. Повитуха наблюдала за правильным течением беременности, помогала при родах, следила, здоровы ли новорожденный и его мать, умела править животы, кости, знала лекарственные растения (Поповкина 2008: 37–431).

Бабки-повитухи были хорошо известны; нуждающийся в помощи обязательно ее получал. Так, например, старообрядцы помогали не только своим близким: «бабушка Маремьяна Даниловна... помогала при родах, знала травы. Не так ребенок лежит — поправит. Кореец за 10 километров ездил за бабкой русской, и она (жена его) родила. Бабушка наша помогла. Баню натопит, поправит головку ребенку» (ЛАТ дн.9).

Образ знахарки-повитухи неоднократно встречается в произведениях И. У. Басаргина. Прототипом знахарки бабы Кати в повести «Черный Дьявол», романах «Дикие пчелы» и «Распутье» явилась бабушка И. У. Басаргина по линии матери Екатерина, которая была известной повитухой в расположенных в Улахинской долине селениях Каменка и Нижние Лужки и которую, несмотря на ее молодой возраст, звали не иначе как баба Катя: «Бабка Катерина знала свое дело: и кости сложит, и пулю вынет из раны, живот поправит, кровь пустит, травами напоит. Многих она подняла на ноги. Её род деревенских лекарей идёт еще от времен тишайшего царя Алексея Михайловича» (Басаргин 1971: 177).

Герой новеллы И. У. Басаргина «На спине тигрицы» говорит о спасшей его после укусов тигра знахарке: «Вы наших бабок не хулите. Они были добрейшими старушенциями. Кровя заговаривали. От змеиного укуса легко отхаживали. Животы лечили. Только надо было верить тем бабкам. Мы верили. Они всё могли. Вот и меня бабка Катерина выходила. Очухался я на десятый день. Увидел свою спасительницу. Она стояла у печи и варила зелье. Пахло смолой, травой и ещё какой-то чертовщиной. В теле моём была лёгкость. Рука, которую бабка уложила в коряные лубки, не болела. Глаза открыл. Теперь оклемается, — услышал я её шёпот» (Басаргин 2016: 468).

Та же баба Катя лечила и выхаживала главного героя романа «Дикие пчелы» Устина Бережнова: «Из револьверга стреляли. Рана знакомая, худая рана. Не скоро заживёт, — ворчала баба Катерина, извлекая раздробленные косточки из раны, промывая её спиртом. — Жить будет. Обвысил стрелок, чуток бы ниже — и не жилец. Залила рану пихтовой смолой, туго перетянула тонкой холстинкой. Напоила отваром трав» (Басаргин 2016: 299).

Персонажи знахарок упоминаются также в произведениях других авторов, хоть и не часто. У С. И. Петрова это баба Агафья, лечившая детей от оспы (Петров 2007: 122). Функциями знахарки-травницы, которая хорошо помнит опыт своего «дедуся» и интересуется свойствами растений, наделена юная героиня Лариса в повести В. Г. Христофорова (Христофоров 1981: 313–314). Знахарство — неотъемлемая часть народной медицины восточных славян — нашло отражение в произведениях художественной литературы. Литературные персонажи наделены обязательными для знахарей качествами — отзывчивостью, умением применять лекарственные растения, знанием заговоров и т. п.

Лечение продуктами животного происхождения

Учились славянские переселенцы и использованию в лечебных целях продуктов животного происхождения. Панты, молодые неокостеневшие рога изюбра (Сысоев 1960: 106), использовались как тонизирующее средство: «Панты, те тожить помогают люду, излечивают болести» (Басаргин 2016: 496). Славяне узнали о ценности пантов от местного населения: «Мой знакомый удыгеец Гамбу Кылендзига хранил как драгоценность рожки убитого им на Улунге горала, строгал их ножом, стружки клал в рот и запивал водой. По его словам, «панты горала имели большую целебную силу»» (Сысоев 1960: 126).

Широко использовалась в народной медицине медвежья желчь, которой лечили раны и ожоги, некоторые заболевания внутренних органов: «Желчью медведя можно любую рану залечить, желудок поправить» (Басаргин 2016: 496), «Я принёс тебе гусяного жиру, который смешал с медвежьей желчью. Помажь (ожог). Станет легче» (Басаргин 2016: 496). Для усиления целительного эффекта желчь смешивали с другими ранозаживляющими средствами: «Макар, где не мог залезать раны пёс, например, на шее и голове, залепил их пихтовой смолой, засыпал медвежьей желчью, лекарство знакомое, лечит без осечки, уложил на топчан и не отходил от пса. Через три недели пёс был совершенно здоров» (Басаргин 2016: 282). Медвежья желчь была одним из универсальных средств, которые могли помочь при самых разных проблемах со здоровьем: она «от желудка помогает» (Жиденков 1982: 201), лечит печень (Балабин 1978: 137), «чихай, живот болит — лечи надо» (Деменов 2001: 10). Желчь медведя заготавливали впрок: «Цой Ен Ген, с разрешения Ефимки, несколько раз окунул желчный пузырь (медведя) в чугунок с кипящей водой, пока содержимое не превратилось в затвердевшую коричневую лепешку» (Деменов 2001: 10), а некоторые способы заготовки требовали немалого умения: «Приготовить желчь медведя для долгого хранения — это целое искусство. Варить ее нужно на медленном огне. Секрет заключается в том, чтобы ни в коем случае не переварить, а если ее не доварить, то хранить долгое время желчь не рекомендуется» (Кортелев 2011: 17). Полученное снадобье употребляли маленькими дозами: перед приёмом кусочек желчи со спичечную головку растворяли в кипятке (Деменов 2002: 10). Кроме медвежьей желчи, применяли и другие продукты животного происхождения, например, печень тигра для приготовления мази от обморожений (Жиденков 1982: 104) или порошок из его костей, к тому же наделенный, по мнению рассказчиков, магическими свойствами: «А порошок из тигровых костей? Кто ест такой порошок, тому не страшен никто. Но в то же время это — сильное лекарство, не слабее скажем корней женьшеня или пантов изюбра. Можно вылечить большое сердце, сломанные кости и даже чахотку» (Басаргин 2016: 52). Без сомнения, использованию экзотических средств лечения восточных славян учились у местных народов.

Также немаловажным снадобьем оказался жир животных. Так, жир кабана или медведя применялся как ранозаживляющее средство (Князев 1976: 129; Сысоев 1960: 50), а гусяным лечили обморожения (Сысоев 1960: 134), соленым свиным салом смазывались от укусов мошки (Деменов 2002: 140). В новых таежных условиях переселенцы учились использованию всех доступных средств лечения, в том числе и продуктам животного происхождения.

Вода как средство профилактики заболеваний

Много внимания уделялось использованию в быту чистой проточной воды, потому что «считается, что в проточной речке ангелы святят воду» (ЛАТ Дн. № 6. Л. 9–9 об.). По этой причине «Речку... чистили, как лёд сойдет, вода сойдет. В основном чистили мужики. Никогда ни зимой, ни летом ничего в речку не бросали. Речки берегли. В речке проточная вода» (ЛАТ Дн. № 6. Л. 9–9 об.). Окапывание водой считалось превентивной мерой от разного рода заболеваний. Например, в магической практике обрызгивание водой применялось для лечения глаза и испуга (Поповкина 2008: 48). Особенно внимательно относились к купанию и окапыванию водой детей: «Купали маленьких каждый день... Если в речке не купаются, такой туесок стоял — не чистый и не поганый, помоются, потом детей из него окапывали чистой водой» (ЛАТ Дн. № 6. Л. 9–9 об.).

Внимание к воде отразилось в произведениях И. У. Басаргина. У старообрядцев считалось, что «неумытые глаза худо видят» (Басаргин 2016: 574), а утром необходимо «продрать глаза» — умыться холодной водой: «Меланья угощала их вкусными шанежками, как только они продерут глаза, плеснут в них холодной водой» (Басаргин 2016: 98). Плескание водой аналогично использованию проточной воды или окапыванию водой маленьких детей. Схожим образом поступали при стирке белья: «Мама, если дома стирала, говорила — нужно обязательно слить хоть из ковша на каждую постиранную вещь. Летом — так из колодца. И я так делаю: хоть ковшичек, да сольешь» (ЛАТ Дн. № 6. Л. 9–9 об.). Представления о целебных и дезинфицирующих свойствах проточной воды отразились и в обычае мыть в реке посуду, бывшую в использовании у иноверцев: «Если приезжих накормят из своей посуды, будут мыть с молитвой обязательно на речке — проточная вода. Даже каждую неделю носили на речку ухваты и чугуны мыть» (ЛАТ Дн. № 6. Л. 9–9 об.).

В традиционных представлениях восточных славян проточная вода считалась всегда чистой и наделялась лечебными и магическими свойствами. Она характеризуется как «живая», «здоровая», «сильная», «ходовая», «быстрая», «резвая», «молодая» и противопоставляется стоячей воде («мертвой», «мутной», «ржавой», «старой», «гнилой»). В народной магии движущаяся вода соотносится с символической силой, напора, быстрого роста, развития, стойко связывается с очищением от негативного воздействия, с живительной силой и т. п. (Виноградова 2002). Видимо с этими представлениями связаны обычаи использовать воду как профилактическое средство от заболеваний и придавать воде движение посредством плескания или выливания (при умывании и мытье).

В произведениях дальневосточных писателей народная медицина предстает как живая повседневность, неотъемлемая часть жизни в таежных условиях. Описываемые эпизоды вполне соотносятся с выводами исследователей. Так, во многих аспектах овладения навыками выживания в новом природном и культурном ландшафте первенство принадлежит старообрядцам, которые раньше других переселенцев переняли у живших на Дальнем Востоке народов способы использования таежного сырья и приспособления к окружающей природной среде. Как отмечает Ю. В. Аргудяева, научившись сами, староверы помогали восточнославянским переселенцам постигать новые приемы, в числе которых и умение заготавливать впрок плоды целебных растений. Например, они научили украинцев «делать березовый квас, медовуху (бражку), настойку для аппетита (из листьев женьшеня), сушить впрок мясо и ягоду,

заготавливать плоды лимонника, дикого винограда, актинидии, орехов, разбираться в грибах...» (Аргудяева 2002). Однако, не все предлагаемые китайцами способы адаптации к новой среде и составу пищи находили одобрение у старообрядцев: «... Не садили и чеснок, нельзя — китайская еда — грех» (ЛАТ дн.6). Но со временем они стали использовать как противоязвенное средство черемшу и приучили к этому переселенцев украинцев и белорусов (Аргудяева 2000: 180). Материалы других исследователей также свидетельствуют о том, что славяне в новых условиях учились у местного населения применению экзотических средств лечения: «Много учили китайцы и корейцы, староверы. Мои родители рассказывали об этом. Китайцы научили заваривать и делать настойки из корня элеутерококка. Использовать желчь и струю кабарги — они практически от всего. Китайцы научили женьшень собирать. Первопоселенцы же его не знали» (Поповкина 2008: 116).

Как видно из представленного материала, в этнографической литературе мало подробностей освоения таежного сырья в лечебных целях. Освещены особенности этнокультурной адаптации славянских переселенцев в дальневосточном регионе, однако изменения в традиционной медицине изучены недостаточно. Одним из немаловажных источников в этом случае могут стать произведения художественной литературы, предоставляющие, в отличие от имеющихся научных работ, вниманию исследователя широкий спектр достаточно подробных описаний применения бытовых лекарственных средств и в сопоставлении с полевыми материалами способны дополнить, уточнить имеющиеся сведения или побудить пересмотреть и уточнить их. Таким образом, можно говорить о том, что литературные произведения писателей-дальневосточников могут явиться дополнительным источником для изучения народной медицины славянских переселенцев в их взаимодействии с местным населением, другими переселенцами, выявления особенностей адаптации к новой культурной и экологической среде, а в некоторых случаях выступить причиной для пересмотра и уточнения уже имеющихся сведений.

Благодарность

Автор выражает глубокую благодарность краеведу Татьяне Александровне Тюнис и члену клубного краеведческого объединения «Исток» библиотеки им. И. У. Басаргина Цилюрик Раисе Григорьевне, г. Владивосток.

Источники и материалы

- Байков 2009 — Байков Н. А. Великий Ван. Владивосток: Тихоокеанское изд-во «Рубеж», 2009.
- Балабин 1978 — Балабин С. П. Егерь: повесть. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1978. 240 с.
- Басаргин 1971 — Басаргин И. У. Волчья ночь: Повесть и рассказы. Владивосток: Дальневост. книжн. изд-во, 1971.
- Басаргин 2016 — Басаргин И. У. Дикие пчелы: Избранные произведения. Владивосток: Рубеж, 2016.
- Басаргин 2008 — Басаргин И. У. Черный Дьявол: Повесть. Владивосток: изд-во МГУ им. Невельского, 2008.
- Вознюк 1979 — Вознюк Ю. В. Тепло отгоревших костров: повести, рассказы, очерки. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1979.

- Деменов 2009 — Деменов М. С. Аленький цветок Арсеньева: повести и рассказы. Владивосток, 2009.
- Деменов 2002 — Деменов М. С. У залива Виктория: Роман. Владивосток: Дюма, 2002.
- Жиденков 1982 — Жиденков Б. А. Петля тайги: Роман. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1982.
- Князев 1976 — Князев Л. Н. Залпы в тайге: Повести. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1976.
- Кортелев 2011 — Кортелев Н. А. Таежные истории: Рассказы. Кавалерово, 2011.
- Петров 2007 — Петров С. И. Зеленый рай. Арсеньев: Дар, 2007.
- Словарь 1983 — Словарь русских говоров Приамурья. М.: 1983.
- Сысоев 1960 — Сысоев В. П. Охота в дальневосточной тайге. Хабаровск: Хабаровское кн. изд-во, 1960.
- ЛАТ — личный архив краеведа Тюнис Татьяны Александровны
- Христофоров 1981 — Христофоров В. Г. Пленник стойбища Оемпак: Повесть и рассказы. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1981.

Научная литература

- Аргудяева Ю. В. Взаимодействие и взаимовлияние аборигенных, восточнославянских и восточноазиатских народов в условиях Дальнего Востока (вторая половина XIX — начало XX в.) // Азиатско-Тихоокеанский регион в глобальной политике, экономике и культуре XXI века. Междунар. науч. конф. 22–23 октября 2002 г. Матер. докл. Хабаровск: б/и, 2002. С. 16–25.
- Аргудяева Ю. В. Крестьянская семья у восточных славян на юге Дальнего Востока России (50-е годы XIX в. — начало XX в.). М.: ИЭА РАН, 1997.
- Аргудяева Ю. В. Старообрядцы на Дальнем Востоке России. М.: ИЭА РАН, 2000.
- Виноградова Л. Н. Та вода, которая... (Признаки, определяющие магические свойства воды) // Признаковое пространство культуры. М.: Издательство «Индрик», 2002. С. 32–60.
- Кирилов Н. В. Огородная культура женьшеня // Приморский хозяин, 1913, № 8. С. 1–5.
- Подмаскин В. В. Этномедицина и этнодиетология в истории и культуре народов Дальнего Востока России (XVIII–XX вв.). Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН; Владивост. гос. мед. ун-т Минздравсоцразвития России, 2011.
- Поповкина Г. С. Знахари и знахарство у восточных славян юга Дальнего Востока России. Владивосток: Дальнаука, 2008.
- Фетисова Л. Е. Семейные традиции народной медицины восточно-славянского населения на юге Дальнего Востока России // Семья и семейный быт в восточных регионах России. Владивосток: Дальнаука, 1997. С. 139–154.

References

- Argudyaeva, Yu. V., 2002. Vzaimodeystvie i vzaimovliyanie aborigennykh, vostochnoslavjanskikh i vostochno-aziatskikh narodov v usloviyakh Dal'nego Vostoka (vtoraya polovina XIX — nachalo XX v.) [Interaction and Mutual Influence of Aboriginal, East Slavic, and East Asian Peoples in the Far East (second half of the 19th — beginning of the 20th century)]. In *Aziatsko-Tikhookeanskiy region v global'noy politike, ekonomike i kul'ture XXI veka* [Asia-Pacific in Global Politics, Economics, and Culture in the 21st Century.]. Khabarovsk. 16–25.
- Argudyaeva, Yu. V., 1997. *Krest'yanskaya sem'ya u vostochnykh slavyan na yuge Dal'nego Vostoka Rossii (50-e gody XIX v. — nachalo XX v.)* [Peasant family among the Eastern Slavs in the south of the Russian Far East (50s of the 19th century — the beginning of the 20th century)]. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology RAS.
- Argudyaeva, Yu. V., 2000. *Staroobryadtsy na Dal'nem Vostoke Rossii* [Old Believers in the Russian Far East]. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology RAS.

- Fetisova, L. Ye., 1997. Semeynyye traditsii narodnoy meditsiny vostochno-slavyanskogo naseleniya na yuge Dal'nego Vostoka Rossii. In *Sem'ya i semeynyy byt v vostochnykh regionakh Rossii* [Family and Family Life in the Eastern Regions of Russia]. Vladivostok: Dalnauka. 139–154.
- Kirilov, N.V., 1913. Ogorodnaya kul'tura zhen'shenya [Garden culture of ginseng]. *Primorskiy khozyain* 8: 1–5.
- Podmaskin, V.V., 2011. *Etnomedsina i etnodiyetologiya v istorii i kul'ture narodov Dal'nego Vostoka Rossii (XVIII–XX vv.)* [Ethnomedicine and ethnodietology in the history and culture of the peoples of the Far East of Russia (XVIII–XX centuries)]. Vladivostok.
- Popovkina, G.S., 2008. *Znakhari i znakharstvo u vostochnykh slavyan yuga Dal'nego Vostoka Rossii* [Witch doctors and witchcraft among the Eastern Slavs in the south of the Russian Far East]. Vladivostok: Dal'nauka.
- Vinogradova, L.N., 2002. Ta voda, kotoraya... (Priznaki, opredelyayushchie magicheskie svoystva vody) [The water that ... (Signs that determine the magical properties of water)]. In *Priznakovoe prostranstvo kul'tury* [The sign space of culture]. Moscow: Indrik. 32–60.

ФИЗИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

УДК 572

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-2/174-192

Научная статья

© Н. А. Лейбова, С. С. Тур

НОВЫЕ ДАННЫЕ К ОДОНТОЛОГИИ НОСИТЕЛЕЙ
ПАЗЫРЫКСКОЙ КУЛЬТУРЫ ГОРНОГО АЛТАЯ

В научный оборот вводятся новые данные по одонтологии представителей северного локального варианта пазырыкской археологической культуры скифского времени (VI–III вв. до н. э.). Всего были получены данные по 117 индивидуумам, представляющим население Средней и Нижней Катунь, а также долины р. Чарыш. Целью исследования является проверка на основе одонтологических данных гипотезы о существовании тесных связей между носителями северного варианта пазырыкской культуры и представителями каменной и староалейской культур Верхнего Приобья скифского времени. В результате проведенного исследования была выявлена близость одонтологического комплекса населения пазырыкской культуры Средней и Нижней Катунь и обеих серий староалейской, а также некоторых серий каменной. Погребенные в Могильнике Ханкаринский дол, расположенном в предгорьях Северо-Западного Алтая, как и по данным археологии, обнаружили большее сходство с пазырыкским населением Центрального и Юго-Восточного Алтая, чем с обитателями Северного Алтая. Таким образом, одонтологические данные выявляют морфологическую близость населения староалейской культуры и северного локального варианта пазырыкской, причиной которой может быть общий генетический компонент.

Ключевые слова: пазырыкская культура, староалейская культура, каменная культура, Горный Алтай, скифское время, одонтология

Ссылка при цитировании: Лейбова Н. А., Тур С. С. Новые данные к одонтологии носителей пазырыкской культуры Горного Алтая // Вестник антропологии, 2022. № 2. С. 174–192.

Лейбова Наталья Александровна — к. и. н., старший научный сотрудник Центра физической антропологии, Институт этнологии и антропологии РАН (119991, Москва, Ленинский пр. 32-а). Эл. почта: nsuvorova@mail.ru

Тур Светлана Семеновна — к. и. н., старший научный сотрудник, Алтайский государственный университет (656049, Барнаул, просп. Ленина, 61). Эл. почта: tursvetlana@mail.ru

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 19–09–00205).

UDC 572

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-2/174-192

Original Article

© Natalia A. Leibova, Svetlana S. Tur

NEW DENTAL ANTHROPOLOGY DATA ON THE PAZYRYK CULTURE
POPULATION OF THE ALTAI MOUNTAINS

New data on the dental anthropology of the Scythian time (VI–III centuries BC) population of the northern local variant of the Pazyryk archaeological culture are introduced into scientific use. The data were obtained from 117 individuals representing the population of The Middle and Lower Katun River and the valley of the Charysh River. The purpose of the study is to test, based on dental data, the hypothesis of the close ties between the Scythian time population of the northern variant of the Pazyryk culture and the Kamenskaya and Staroaleyskaya cultures of the Upper Ob region. The study revealed the proximity of the dental complex of the population of the Pazyryk culture of the Middle and Lower Katun on the one hand and both samples of the Staroaleyskaya and some samples of Kamenskaya cultures on the other. The individuals buried in Khankarinsky Dol ground, located in the foothills of the North-Western Altai, displayed a greater similarity with the Pazyryk population of the Central and South-Eastern Altai than with one of the Northern Altai. This conclusion is consistent with previously obtained archeological data. Thus, anthropological data confirm that the Pazyryk population, namely its northern variant, participated in the formation of the Staroaleyskaya culture.

Keywords: Pazyryk culture, Staroaleyskaya culture, Kamenskaya culture, Mountain Altai, Scythian time, dental anthropology

For Citation: Leibova, N.A., Tur, S.S. 2022. New Dental Anthropology Data of the Pazyryk Culture Population of the Altai Mountains. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 2: 174–192.

Author Info: Leibova, Natalya A. — Ph.D., Senior Researcher, Institute of Ethnology and Anthropology, RAS (119991 Moscow, Leninsky Pr. 32-a). E-mail: nsuvorova@mail.ru ORCID 0000–0003–0635–0725

Tur, Svetlana S. — Ph.D., Senior Researcher, Altai State University (656049 Barnaul, Lenin Avenue, 61, RF). E-mail: tursvetlana@mail.ru ORCID 0000–0002–0616–6525

Funding: The research was carried out with the financial support of the RFBR (grant No. 19–09–00205).

Введение

Пазырыкская археологическая культура скифского времени (VI–III вв. до н. э.), хозяйственной основой которой было отгонное скотоводство, занимала обширную территорию Горного Алтая, включающую Юго-Восточный, Южный, Центральный, Северный и Северо-Восточный Алтай, а также прилегающие районы Западного Ка-

захстана и Северо-Западной Монголии. Очевидно, центром «пазырыкского» объединения являлся Центральный Алтай, где сосредоточено наибольшее количество «царских» и «элитных» погребально-поминальных комплексов, а погребальный обряд был наиболее стабильным. В других районах пазырыкской культуры, особенно пограничных, многие элементы погребального обряда, включая надмогильные и внутримогильные конструкции, а также ориентацию и положение погребенных, существенно варьировали.

Археологические памятники Средней и Нижней Катуня, а также северной части Центрального Алтая выделяют в северный локальный вариант пазырыкской культуры. Сходство по многим категориям инвентаря и отдельным элементам погребального обряда предполагает тесные связи населения Средней Катуня с представителями староалейской и каменной культур Верхнего Приобья (*Кирюшин, Степанова* 2004: 137). Специфика памятников Юго-Восточного Алтая отражает влияние соседних культур Тувы и Монголии (*Кубарев, Шульга* 2007: 12). Не менее очевидное своеобразие памятников Северо-Западного Алтая остается пока слабо изученным (*там же*: 11).

В ареале распространения пазырыкских памятников прослеживаются две традиции захоронений — в срубам и в каменных ящиках. Выделение последних в качестве особой кара-кобинской культуры (*Суразаков* 1983: 46–48) практически сразу же вызвало обоснованные возражения (*Шульга* 1986: 23; *Кубарев* 1992: 115–117; *Полосьмак* 1994: 138). Большинство исследователей, учитывая, что погребения в каменных ящиках, по-видимому, сами неоднородны, не имеют четкого района локализации и встречаются в одних могильниках наряду со срубам, рассматривают их в качестве кара-кобинского типа погребений пазырыкской культуры (*Кирюшин, Степанова* 2004: 124–126). Хотя термин «кара-кобинская культура» по-прежнему можно встретить в литературе (*Бородовский, Бородовская* 2013: 53; *Чикишева* 2012: 153). Предполагается, что погребения в срубам и каменных ящиках были оставлены группами пазырыкского населения, имеющими разное происхождение (*Кирюшин, Степанова* 2004: 124–126).

Согласно результатам краниометрического анализа в антропологическом составе населения Юго-Восточного и Южного Алтая преобладал автохтонный морфологический тип с относительно низким лицом и промежуточными значениями признаков европеоидно-монголоидного ряда, который, по определению Т. А. Чикишевой, относится к южно-евразийской антропологической формации (*Чикишева* 2012). Данный морфологический вариант, происхождением своим связанный с носителями культур окуневского круга, на территории Алтая прослеживается с рубежа неолита и энеолита. В среде «пазырыкцев» он преобладает у захороненных в могильнике Уландрык и в мужской группе «кара-кобинцев» (*Чикишева* 2012: 152–153). Второй компонент, европеоидный, характеризующийся высоким и широким лицом, сосредоточен преимущественно в локальных группах «пазырыкцев» долины рек Барбургазы и Бугузун, плато Укок и Центрального Алтая. Предположительно он появился на территории Алтая в эпоху бронзы в результате генетического взаимодействия с племенами Средней или Передней Азии и был унаследован пазырыкцами от населения каракольской культуры. В краниологическом типе представителей элиты пазырыкского общества прослеживается также влияние монголоидов Восточной Сибири и Монголии (*Чикишева* 2012).

Антропологический состав населения южной и северной половины ареала пазырыкской культуры по данным краниологии обнаруживает значительное сходство. Основное различие между ними обусловлено неодинаковым соотношением исходных компонентов смешения — у «северных пазырыкцев» меньше европеоидная примесь и выше удельный вес автохтонного промежуточного европеоидно-монголоидного комплекса с относительно низким лицом (*Тур* 2003: 143–145), вследствие чего они больше сближаются с «кара-кобинцами» и популяцией из долины р. Уландрык, чем с другими локально-территориальными группами «южных пазырыкцев».

В одонтологическом комплексе населения южной половины ареала распространения пазырыкской культуры отмечается смешение признаков, маркирующих европеоидов и монголоидов, соотношение которых различается в мужских и женских сериях, а также в локально-территориальных группах. Характерной особенностью этого комплекса является также вкрапление фенотипов южных европеоидов. Таким образом, одонтологический комплекс «южных пазырыкцев» может отражать процессы метисации, в которых участвовали южносибирские, переднеазиатские и центральноазиатские компоненты (*Чикишева* 2012: 167–168). Одонтологические данные, характеризующие «северных пазырыкцев», в литературе отсутствуют.

Таким образом, краниометрические особенности носителей пазырыкской культуры, игравшей значительную роль в Центрально-Азиатском регионе и оказывавшей заметное влияние на своих соседей, довольно подробно изучены. Одонтологическими же исследованиями были охвачены лишь обитатели южной части ареала распространения пазырыкской культуры. Цель нашей работы — изучить одонтологические особенности носителей северного варианта пазырыкской культуры, проверить на основе одонтологических данных гипотезу о существовании тесных популяционных связей между «северными пазырыкцами» и представителями каменной и староалейской культур Верхнего Приобья скифского времени и определить их место в системе популяций бронзового и раннего железного века Западной, Южной и юга Восточной Сибири, Южного Приуралья, Приаралья, Центрального и Западного Казахстана.

Материалы и методы

Одонтологические материалы, составляющие основу данного исследования, были получены при раскопках следующих могильников (в скобках указаны годы и авторы раскопок): Усть-Бийке 3 (А. А. Тишкин, 1997 г.), Чобурак 2 (В. П. Семибратов, 2007 г.), Верх-Еланда 2, Кайнду, Тыткескень 6 (Н. Ф. Степанова, 1985–1987 гг.), Чултуков лог 1, 2 (А. П. Бородовский, 2002–2015 гг.), Тавдушка (П. И. Шульга, 2004, 2007 гг.), Ханкаринский дол (П. К. Дашковский, 2003–2019 гг.).

В могильниках Чултуков Лог 1, Усть-Бийке 3, Верх-Еланда 2, Кайнду и Тыткескень 6 наряду с погребениями в деревянных срубам встречаются и каменные ящики, которые относят к кара-кобинской культуре (*Суразаков* 1983; *Бородовский, Бородовская* 2013; *Чикишева* 2012) или кара-кобинскому типу погребений (*Кирюшин, Степанова* 2004). Индивидов из этих погребений мы не включали в анализ, однако рассмотреть их как самостоятельную группу нам не позволила малая их суммарная численность — всего семь индивидов. Собственно пазырыкские материалы были сгруппированы в три серии: население Нижней Катуня — Чултуков Лог 1, 2 и Тав-

душка (45 и 11 индивидов); население Средней Катунь — Кайнду (6 индивидов), Верх-Еланда 2 (12 индивидов), Чобурак 2 (5 индивидов), Усть-Бийке 3 (1 индивид), Тыткескен 6 (10 индивидов); и отдельно рассматривалась серия из Ханкаринского дола (27 индивидов). Всего были описаны 117 индивидов.

Все могильники, за исключением Ханкаринского дола, локализуются в долине Средней и Нижней Катунь и относятся к северному варианту пазырыкской культуры (рис. 1). Могильник Ханкаринский дол, расположенный в предгорьях Северо-Западного Алтая, обнаруживает большее сходство с пазырыкскими памятниками Центрального и Юго-Восточного Алтая, чем с памятниками Северного Алтая (Дашковский 2016: 55). Материалы в целом датируются VI–III вв. до н. э. Изученные краниологические серии хранятся в Музее археологии и этнографии Алтая АлтГУ (г. Барнаул). В качестве сравнительных использовались серии эпохи бронзы и раннего железного века с территории Западной, Южной и юга Восточной Сибири, Южно-Приуралья, Приаралья, Центрального и Западного Казахстана (табл. 1).

Рис. 1. Схематичное расположение могильников, материалы из которых анализируются в данной работе: 1 — Усть-Бийке 3; 2 — Чобурак 2; 3 — Верх-Еланда 2; 4 — Кайнду; 5 — Тыткескен 6; 6 — Чултуков лог 1, 2; 7 — Тавдушка; 8 — Ханкаринский дол.

В статье обсуждаются 8 ключевых одонтологических признаков, по которым имеются сравнительные данные в литературе: лопатообразная форма верхнего медиального резца ($shov I^1(2+3)$), бугорок Карабелли на первом верхнем моляре ($saга M^1(2-5)$), редукция гипоконуса на втором верхнем моляре ($HuM^2(3, 3+)$), число бугорков на нижних молярах (M_16, M_14, M_24); на первом нижнем моляре — дистальный гребень тригониды ($dtc M_1$) и коленчатая складка метакониды ($dw M_1$). Оценка признаков и дальнейший их анализ производились в соответствии с методикой и методологией, содержащейся в трудах А. А. Зубова (Зубов 1968, 1979; Зубов, Халдеева 1993). Межгрупповое сопоставление осуществлялось посредством корреспондентного анализа или анализа соответствий (Correspondence Analysis) в пакете STATISTICA 12.

Таблица 1

Сведения о сериях эпохи бронзы и РЖВ, привлеченных для сравнительного анализа

№	Памятник	Культура	Территория	Датировка	Источник данных
1	Чултуков лог 1, 2; Тавдушка	пазырыкская	Горный Алтай, Нижняя Катунь	VI–III вв. до н. э.	Лейбова Н.А.
2	Кайнду, Верх-Еланда 2, Чобурак 2, Усть-Бике 3, Тыткескен 6	*	Горный Алтай, Средняя Катунь	*	*
3	Ханкаринский дол	*	Горный Алтай, долина р. Чарыш	*	*
4	Уландрык I, II, III, IV	*	Горный Алтай, долина р. Уландрык	V–III в. до н. э.	Чикишева 2012
5	Юстыд I, III, XII, XXII; Джюлин I, II; Бураты	*	Горный Алтай, долина р. Юстыд	*	*
6	Барбургасы I, II, III; Малталу	*	Горный Алтай, долина рр. Барбургасы и Бугузун	*	*
7	Ак-Алаха 1, 3; Кутургунгас; Бертек 1, 10, 12, 27; Мойнак-1, 2; Верхний Кальджин 1, 2, 6	*	Горный Алтай, плато Укок	IV–III — I в. до н. э.	*
8	Курганы Баратальской долины и долины Алагаил	*	Горный Алтай, рр. Чуя, Урсул, Катунь	V–III в. до н. э.	*
9	Аржан-2	алды-бельская	Тува	VII в. до н. э.	*
10	Копто	*	*	V–IV в. до н. э.	*
11	Догээ-Баар. II	уюкско-саглынская	*	VI–IV в. до н. э.	*
12	Камень 2	каменная	Лесостепной Алтай	V–III в. до н. э.	Лейбова, Тур 2020
13	Масляха 1	*	*	III–II в. до н. э.	*
14	Новотроицкое 1,2	*	*	V–III в. до н. э.	*

Таблица 1 (продолжение)

№	Памятник	Культура	Территория	Датировка	Источник данных
15	Рогозиха 1, Кирилловка 3	*	*	VI–III в. до н. э.	*
16	Объездное 1	*	*	V–IV в. до н. э.	*
17	Быстровка 3	*	Новосибирское Приобье	III–I в. до н. э.	<i>Кишкурно</i> 2018
18	Фирсово 14	староалейская	Лесостепной Алтай	VI–V в. до н. э.	<i>Лейбова, Тур</i> 2020
19	Обские плёсы 2, Тузовские бугры	*	*	*	*
20	Айрыдаш I	булан-кобинская	Горный Алтай	первая половина I тыс. н.э.	<i>Лейбова</i> 2019
21	Бош-Туу I	*	*	II – первая половина IV в.н.э.	*
22	Булан-Кобы IV	*	*	конец III – IV вв.н.э.	*
23	Степушка 1, 2	*	*	II – первая половина IV в.н.э.	*
24	Покровка 10	прохоровская	Южное Приуралье	IV–II в. до н. э.	<i>Суворова</i> 2008
25	Покровка 10	поздне-сарматская	*	II–IV в. н.э.	*
26	Казыбаба	савроматская	Юго-Западное Приаралье	V–I в. до н. э.	Багдасарова 2000
27	Казыбаба	поздне-сарматская	*	III–I в. н.э.	*
28	Лебедевка	ранне-сарматская	Южное Приуралье	VI–III в. до н. э.	<i>Сегеда</i> 2006
29	Новый Кумак	*	*	IV–III в. до н. э.	*
30	Сборная серия тасмолинской культуры	тасмолинская	Центральный Казахстан	VIII–V в. до н. э.	<i>Бейсенов и др.</i> 2015
31	Алдыган	кулайская	Томско-Нарымское Приобье	V–II в. до н. э.	<i>Аксянова и др.</i> 2004
32	Дордуль, Гич-гельды, Бейнау, Кемал-кыр, Назар-как, Ханалы-кыр, Шахсенем, Тамыр-кая 3	узбойская	Северо-западный Туркменистан	I в. до н. э. – IV в.н.э.	<i>Аксянова, Гельдыева</i> 2002
33	Алтынасар 4	джетыасарская	Восточное Приаралье	VII в. до н. э.– VII в.н.э.	<i>Рыкушина</i> 1995
34	Косасар 2 (грунтовые)	*	*	V в. до н. э.	<i>Рыкушина</i> 1993
35	Косасар 3, Томпакасар, Бедаикасар	*	*	не позднее IV н.э.	*

Таблица 1 (продолжение)

№	Памятник	Культура	Территория	Датировка	Источник данных
36	Черновая VIII, Сыда школа и Уйбад Красный Яр II, Лебяжье, Сыда V, Уйбыт, Усть-Бюрь, Разлив X	окуневская	Минусинская котловина	II тыс. до н. э.	<i>Рыкушина</i> 1977
37	Сухое озер. I	андроновская	*	II тыс. до н. э.	*
38	Фирсово-14, Чекановский Лог-2, 10, Маринка, Березовский, Прудской, Барсучиха, Малаховский, Подтурино	*	Лесостепной Алтай	II тыс. до н. э.	<i>Тур</i> 2009
39	Улуг-Кюзюр. Байкалово, Подгорное озеро, Саргов, Северный берег Варчи II, Малые Копены 3, Сухое озер. III	тагарская	Минусинская котловина	VIII–III в. до н. э.	<i>Рыкушина</i> 1977
40	Кюргенер I и II, Сухое озер. II, Малые Копены 3, Карасук I и др.	карасукская	*	к. II – нач. I тыс. до н. э.	<i>Рыкушина</i> 2007

Результаты

Полученные материалы впервые дают возможность охарактеризовать особенности зубной системы носителей северного варианта пазырыкской культуры (табл. 2). Рассмотрим особенности изученных нами серий в сравнении с уже имеющимся данными по населению южной части ареала пазырыкской культуры (*Чикишева, 2012*).

Таблица 2

Частоты основных одонтологических признаков в сериях пазырыкской археологической культуры

	<i>shov I'</i>	<i>M₁6</i>	<i>dw M₁</i>	<i>dte M₁</i>	<i>hy(3, 3+)</i> <i>M²</i>	<i>cara M'</i>	<i>M₁4</i>	<i>M₂4</i>
Северная часть ареала пазырыкской археологической культуры								
Нижняя Катунь (Чултуков лог, Тавдушка)	0* (25)**	9,8 (41)	43,5 (23)	3,7 (27)	33,3 (42)	30 (20)	7,3 (41)	76,2 (42)
Средняя Катунь (Кайнду, Верх-Еланда 2, Чобурак 2, Усть-Бике 3, Тыхтескень б)	20 (10)	6,5 (31)	12,5 (16)	4,3 (23)	40 (25)	53,8 (13)	9,7 (31)	83,3 (30)
Ханкаринский дол	0 (7)	0 (26)	8,3 (12)	5 (20)	12,5 (16)	22,2 (9)	34,6 (26)	91,7 (24)

Таблица 2 (продолжение)

	<i>shov I'</i>	M_1^6	$dw M_1$	$dte M_1$	$hy(3, 3+)$ M^2	$cara$ M^1	M_1^4	M_2^4
Южная часть ареала пазырыкской археологической культуры (данные Т.А. Чикишевой, 2012)								
долина р. Уландрык	0 (4)	0 (23)	0 (11)	0 (21)	36,1 (21)	8,7 (23)	13 (23)	100 (26)
долина р. Юстыд	50 (10)	0 (40)	0 (30)	5,3 (38)	28 (25)	15 (40)	37,5 (40)	79 (38)
долина рр. Барбургазы и Бугузун	0 (5)	0 (17)	0 (4)	0 (13)	38,9 (18)	5,9 (17)	11,8 (17)	90,5 (21)
плато Укок	41,2 (17)	4,2 (24)	0 (14)	0 (19)	53,9 (26)	8,3 (24)	20,8 (24)	66,7 (24)
долины рр. Чуя, Урсул и среднего течения р. Катунь	36,4 (11)	0 (32)	0 (17)	4,6 (22)	35 (20)	6,7 (15)	12,9 (31)	87,5 (32)

Примечание: * — % встречаемости признака в группе; ** — N, общее число наблюдений признака в группе

Лопатообразная форма верхних медиальных резцов ($shov I'(2+3)$): всеми исследователями констатируется присутствие как европеоидных, так и монголоидных компонентов в антропологическом составе носителей пазырыкской культуры. В одонтологии ключевым признаком, отражающим присутствие монголоидных элементов в морфологическом типе той иной группы, является лопатообразная форма верхних медиальных резцов. Однако, очень часто мы сталкиваемся с утратой именно этого класса зубов и во многих сериях число наблюдений по этому признаку оказывается меньше 10, что делает наши выводы относительно распространенности этого фена весьма и весьма ненадежными. В среде населения южного варианта пазырыкской культуры встречаются как группы с полным отсутствием лопатообразности верхних медиальных резцов, так и с довольно высокими ее частотами. Пожалуй, уверенно говорить о повышенных значениях этого признака мы можем только в отношении серии с плато Укок (41,2% на 17 наблюдениях). Еще большее значение — 50% — для серии из долины р. Юстыд получено всего на 10 индивидах и вряд ли отражает существовавшую реальность. На материалах северного варианта, изученных нами, лопатообразные формы центральных резцов были встречены всего у двух индивидов, представляющих население Средней Катунь. К полученной частоте 20% при малом числе наблюдений (10) надо так же относиться с осторожностью.

Шестибугорковые первые нижние моляры (M_1^6): для носителей южного варианта пазырыкской культуры этот восточный фен не был характерен. Из пяти серий он зафиксирован с незначительной частотой (4,2%) лишь у обитателей плато Укок. У носителей северного варианта он отмечен в бассейне Средней и Нижней Катунь (6,5% и 9,8%).

Коленчатая складка метаконида ($dw M_1$): по распространенности этого маркера восточного одонтологического ствола носители северного и южного вариантов пазырыкской культуры резко отличаются: в южном ареале он не был встречен ни в одной из серий, в то время как на севере зафиксирован во всех выборках, причем у населения Нижней Катунь (Чултуков Лог 1, 2 и Тавдушка) со значительной частотой — 43,5% (рис. 2).

Дистальный гребень тригониды ($dte M_1$): в отличие от коленчатой складки метаконида, этот монголоидный фен встречается как на севере, так и на юге террито-

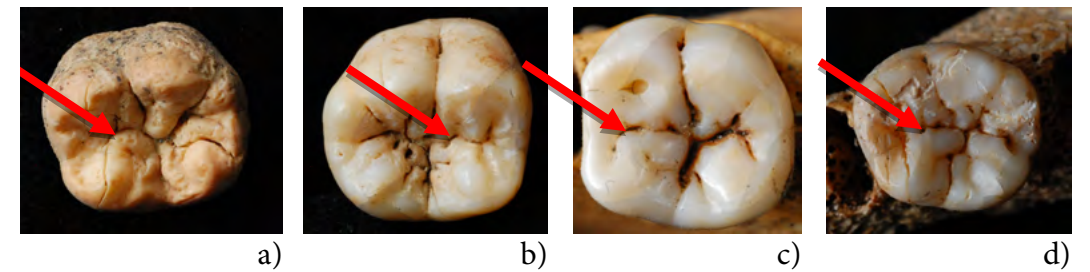

Рис. 2. Коленчатая складка метаконида на первом нижнем моляре (dwM_1): а-с — могильник Чултуков Лог 1, d — Тавдушка; а, с, d — первые правые моляры, b — первый левый моляр. Фото Н. А. Лейбовой.

рии распространения пазырыкской культуры, во всех случаях с невысокой частотой (3,7–5,3%).

Редукция гипоконуса второго верхнего моляра ($HyM^2(3, 3+)$): в южных группах пазырыкской культуры процесс редукции верхних моляров в основном выражен очень умеренно (28,0–38,9%), на общем фоне выделяется серия с плато Укок (53,9%). Частоты трехбугорковых форм M^2 в северных группах близки к основному диапазону изменчивости на юге (33,3% и 40,0%); за его пределами оказывается выборка из Ханкаринского дола, демонстрирующая преобладание матуризованных форм в этом классе зубов (12,5%).

Бугорок Карабелли на первом верхнем моляре ($cara M^1(2-5)$): Для южных групп пазырыкской культуры характерны низкие частоты этого фена (5,9–15,0%). В северных выборках мы таких значений не встречаем, бугорок Карабелли здесь фиксируется чаще — не реже 22,2%. Из трех серий выделяется население Средней Катунь, у которого значение этого признака достигает 53,8%.

Четырехбугорковые M_1 : по степени грацилизации первых нижних моляров как южные, так и северные группы неоднородны. Среди южных носителей пазырыкской культуры обитатели долины р. Юстыд и плато Укок относятся к кругу грацильных типов, в то время как в остальных сериях частота четырехбугорковых M_1 не превышает 13,0%. На севере дифференциация групп по этому показателю еще более резкая: с одной стороны — население Нижней и Средней Катунь с низкой частотой четырехбугорковых форм (7,3% и 9,7%), с другой — серия из Ханкаринского дола, демонстрирующая принадлежность к кругу грацильных вариантов (34,6%).

Четырехбугорковые M_2 : Диапазон изменчивости этого признака в пазырыкских группах — 66,7% — 100,0%, характерен для групп западного одонтологического ствола. Какиелибо отличия между северными и южными группами или особенности распределения частот внутри каждой из них не наблюдаются. Можно лишь отметить, что самые низкие частоты (66,7%) отмечены в серии с плато Укок.

Таким образом, морфологический анализ серий, представляющих северный вариант пазырыкской археологической культуры, позволяет отнести их в целом к группам западного одонтологического ствола с включением фенов восточного. Группы отличаются по набору и степени выраженности восточных фенов. Наибольшей спецификой выделяется серия из Ханкаринского дола: в противоположность выборкам Нижней и Средней Катунь она относится к кругу грацильных вариантов, при этом восточный комплекс проявляется в гораздо меньшей степени, как и редукция вторых верхних моляров. Уже на данном этапе анализа можно констатировать неод-

народность носителей пазырыкской археологической культуры по данным о морфологии зубной системы.

Обсуждение

Для уточнения истоков формирования одонтологических комплексов «пазырыкцев» и определения положения пазырыкских серий на фоне серий РЖВ с территории Западной Сибири, Южного Приуралья, Западного и Центрального Казахстана и Средней Азии был применен статистический многомерный анализ — корреспондентный анализ или анализ соответствий (Correspondence Analysis). Для сравнения привлечены и несколько серий эпохи бронзы, методическая сопоставимость которых не вызывает сомнений.

В первом варианте анализа использовался набор из восьми признаков: shov I¹, cara M¹(2–5), Ну M² (3, 3+), M₁6, M₁4, M₂4, dw, dtc. Вектор I, с которым связано 31,66% инерции, отображает усиление вклада восточных фенотипов в межгрупповую изменчивость, в первую очередь — лопатообразности медиальных верхних резцов и дистального гребня тригониды (табл. 3). На противоположном полюсе I вектора определяющей является коленчатая складка метаконида. Вектор II (26,44% инерции) отражает степень грацилизации первых нижних моляров (рис. 3а). Пазырыкские серии на графике расположились, в основном, на значительном удалении друг от друга, демонстрируя значительную дифференциацию как внутри северной части ареала распространения, так и южной (рис. 3б). Объединились друг с другом лишь выборки из долины р. Уландрык и рр. Барбургазы и Бугузун, с одной стороны, и оставшиеся выборки южного ареала — с другой.

Как уже отмечалось, в наибольшей степени положение групп на графике определяет межгрупповая изменчивость частот лопатообразных медиальных резцов, однако во многих выборках, привлеченных для сравнения, включая авторские материалы, значения этого ключевого признака скорее всего искажены ввиду малой численности зубов этого класса. На втором этапе анализа проведем межгруппо-

Рис. 3. а) Результаты анализа соответствий: положение одонтологических 8 признаков в пространстве I и II векторов;

б). Положение изученных серий на фоне групп эпохи бронзы и раннего железного века по результатам анализа соответствий. Сведения о группах в таблице 1.

1 — пазырыкская Нижней Катунь, 2 — пазырыкская Средней Катунь, 3 — пазырыкская Ханкаринский дол, 4 — пазырыкская (р. Уландрык), 5 — пазырыкская (р. Юстыд), 6 — пазырыкская (рр. Барбургазы и Бугузун), 7 — пазырыкская (пл. Укок), 8 — пазырыкская (рр. Чуя и др.), 9 — Аржан-2, 10 — Копто, 11 — Догээ-Баары II, 12 — Камень-2, 13 — Масляха-1, 14 — Новотроицкое-1,2, 15 — Рогозиха-1, Кирилловка-3, 16 — Обьездное-1, 17 — Быстровка-3, 18 — Фирсово-14, 19 — Обские плесы-2, 20 — Айрыдаш I, 21 — Бош-Туу I, 22 — Булан-Кобы IV, 23 — Степушка-1, 2, 24 — Покровка-10 (прохор.), 25 — Покровка-10 (сарматы), 26 — Казыбаба (сарматы), 27 — Казыбаба (сарматы), 28 — Лебедевка, 29 — Новый Кумак, 30 — тасмолинская культура, 31 — Алдыган, 32 — Узбой, 33 — Алтынасар-4, 34 — Косасар-2, 35 — Косасар-3, 36 — окуневская культура, 37 — андроновская культура Минусинской котловины, 38 — андроновская культура Алтая, 39 — тагарская культура, 40 — карасукская.

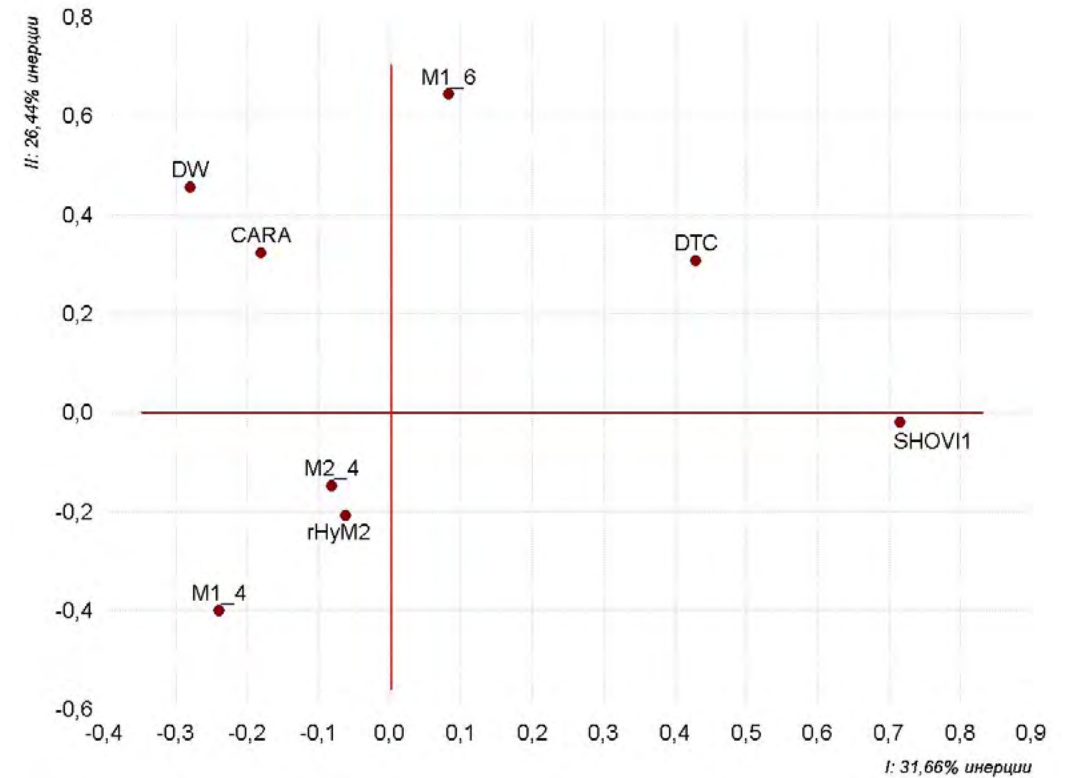

Рис. 3а

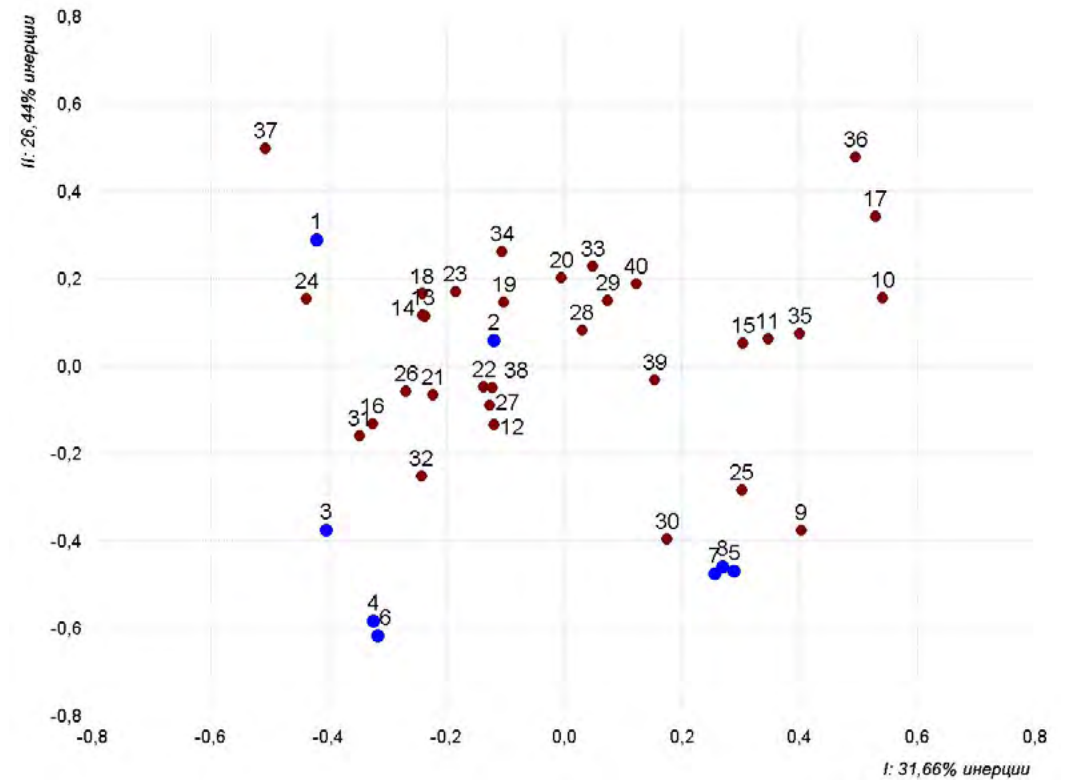

Рис. 3б

Таблица 3

Результаты анализа соответствия
(40 групп). Координаты
одонтологических признаков
в пространстве I и II векторов

Признак	I	II
shov I ¹	0,72	-0,02
M ₁ 6	0,08	0,64
dw M ₁	-0,28	0,45
dts M ₁	0,43	0,31
hy(3, 3+) M ²	-0,06	-0,21
cara M ¹	-0,18	0,32
M ₁ 4	-0,24	-0,40
M ₂ 4	-0,08	-0,15

вое сопоставление, исключив лопатообразную форму верхних медиальных резцов из набора анализируемых признаков. Результат анализа близок полученному ранее (Лейбова, Тур 2020), добавление новых серий пазырыкской культуры в целом не повлияло на степень вклада анализируемых признаков в структуру межпопуляционной изменчивости (рис. 4а). Наибольшее влияние на положение групп по вектору I (36,60% инерции) демонстрируют восточные маркеры M₁6, dw, dts, с одной стороны, и признаки редукционного комплекса M₁4, Hy M² (3, 3+), M₂4 — с другой. Вектор II отражает 21,21% изменчивости, которая по-прежнему определяется высокими значениями cara M¹(2–5), характерными для северных представителей европеоидной расы и dts, максимальные частоты которого, наряду с монголоидными популяциями, отмечены у представителей южной ветви европеоидов, т. е. этот вектор задает направление «север»–«юг» (Зубов, Халдеева 1993). Все остальные признаки по вектору II находятся в зоне нулевых значений.

Сравниваемые группы на графике расположились теперь компактнее: все серии пазырыкской культуры, изученные ранее Т. А. Чикишевой, образовали единое скопление (рис. 4б). К объединению серий южных «пазырыкцев» тяготеет и группа из Ханкаринского дола наряду с серией Тасмолинской культуры и поздних сармат с территории Южного Приуралья из Покровки 10. Пазырыкцы Средней и Нижней Катуня оказались на границе компактного скопления, включившего в себя синхронные серии населения лесостепного Алтая (староалейская и каменская культуры), Южного Приуралья (ранние сарматы из Лебедевки, Нового Кумака и «прохоровцы» из Покровки 10). В морфологическом комплексе населения, оставившего курганы Чултуков Лог 1, 2 и Тавдушка прослеживается сходство с суммарной серией эпохи бронзы карасукской культуры Минусинской котловины. Носители же пазырыкской культуры со Средней Катуня по комплексу признаков обнаруживают определенное сходство с андроновцами Лесостепного Алтая.

Рис. 4. а) Результаты анализа соответствий: положение 7 одонтологических признаков в пространстве I и II векторов;

б). Положение изученных серий на фоне групп эпохи бронзы и раннего железного века по результатам анализа соответствий (без shov I¹). Группы аналогичны группам на рис. 3.

Таблица 4

Результаты анализа соответствия
(40 групп). Координаты
одонтологических признаков
в пространстве I и II векторов
(без shov I¹)

Признак	I	II
M ₁ 6	-0,69	0,08
dw M ₁	-0,43	0,03
dts M ₁	-0,36	0,71
hy(3, 3+) M ²	0,21	-0,05
cara M ¹	-0,31	-0,33
M ₁ 4	0,43	0,05
M ₂ 4	0,15	0,03

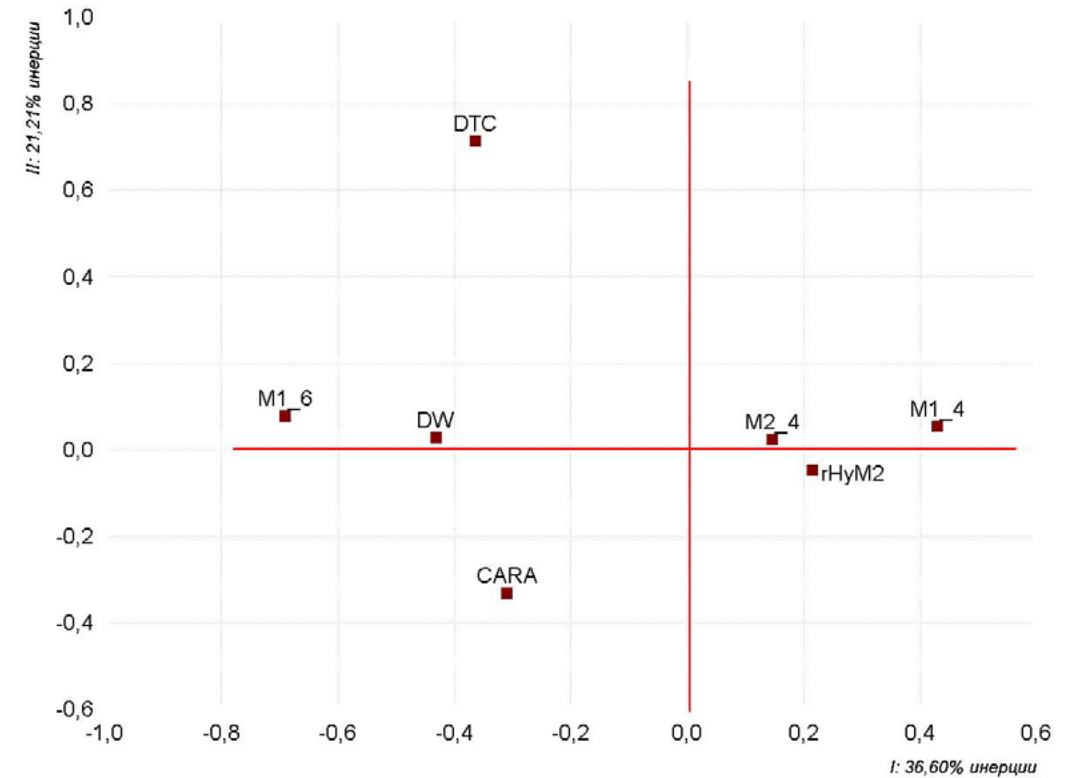

Рис. 4а

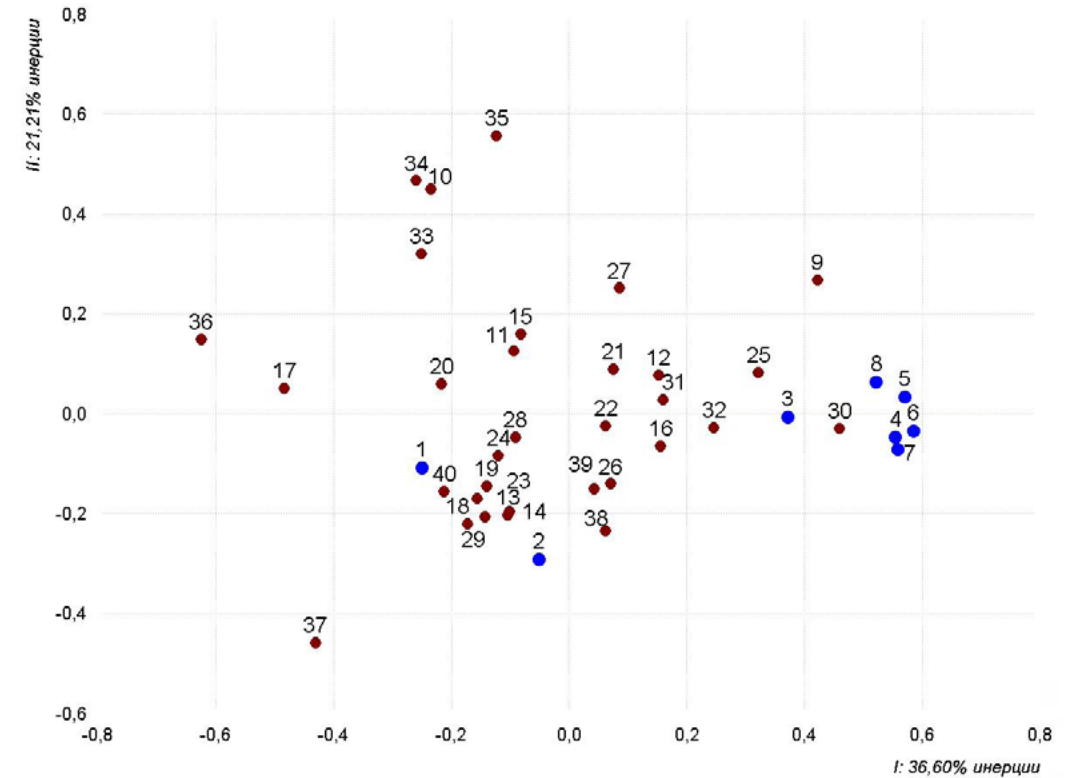

Рис. 4б

Заключение

В ходе настоящего исследования были введены в научный оборот одонтологические данные, расширяющие наши представления о морфологических особенностях зубной системы носителей пазырыкской культуры. Изученные нами серии получены главным образом из курганов северной части ареала ее распространения. Морфологический анализ серий, представляющих северный вариант пазырыкской археологической культуры позволил отнести их в целом к группам западного одонтологического ствола с включением фенотипов восточного. Межгрупповое сопоставление выявило неоднородность носителей пазырыкской археологической культуры по особенностям морфологии зубной системы.

В предшествующих работах, посвященных одонтологии населения Лесостепного Алтая скифского времени и Горного Алтая гунно-сарматского времени, нам не удалось проследить участие носителей пазырыкской культуры в формировании антропологического состава населения староалейской, каменной и булан-кобинской археологических культур. Это не могло не вызывать вопросы, так как комплекс археологических данных и результаты краниологического анализа это участие фиксировали (Лейбова 2019; Лейбова, Тур 2020). Очевидно, что и не следует ожидать абсолютного совпадения выводов, полученных на основе анализа палеоантропологических материалов в рамках разных морфологических систем признаков. И тому есть ряд причин: это и различия в самой природе этих признаков, отличающихся по времени формирования в эволюционном аспекте и природе наследования; и не идентичность краниологических и одонтологических выборок, полученных из одного могильника, но включающих в себя разных индивидов (в краниологические выборки попадают взрослые индивиды, в то время как значительную часть одонтологических составляют дети и подростки, у которых, как и у взрослых, изучается постоянная смена зубов); и отличающийся набор групп, привлеченных для сравнительного анализа. Но в каждом случае, когда расхождения в выводах по данным разных антропологических систем очень уж велики, желательно с этим несоответствием разобраться.

Привлечение для анализа новых данных по одонтологии «пазырыкцев» позволило частично снять противоречие между выводами, полученными на основе краниологического и одонтологического анализа. Объяснение кроется в неоднородности антропологического состава пазырыкцев, в территориальной дифференциации их морфологических комплексов. По одонтологическим данным население пазырыкской культуры Нижней и Средней Катунь (Северный Алтай) существенно отличается от населения пазырыкской культуры Южного и Юго-Восточного Алтая и сближается с населением староалейской и каменной культуры Верхнего Приобья. С учетом археологического контекста (Фролов 2008: 156–158) сходство между «северными пазырыкцами», «староалейцами» и некоторыми группами «каменцев» может объясняться общим генетическим компонентом.

Таким образом, вопрос о существовании тесных связей между «северными пазырыкцами» и представителями каменной и староалейской культур Верхнего Приобья скифского времени решен положительно. Чего мы пока не можем сказать в отношении населения гунно-сарматского времени, представленного носителями булан-кобинской археологической культуры. Единственная серия «булан-кобинцев», продемонстрировавшая сходство с «северными пазырыкцами», происходит из мо-

гильников Степушка 1, 2, но серия эта малочисленна, что заставляет с осторожностью относиться к результату анализа.

Научная литература

- Аксанова Г. А., Боброва А. И., Яковлев Я. А. Могильник Алдыган — некрополь раннего железного века кулайской культуры // Вестник антропологии, 2004. Вып.11. С. 54–75.
- Аксанова Г. А., Гельдыева Г. Морфологические особенности зубной системы населения античного времени северо-запада Туркменистана // На путях биологической истории человечества. М.: ИЭА РАН, 2002. Т. II. С. 5–55.
- Багдасарова Н. А. Одонтологическая характеристика кочевников Устюрта савромато-сарматского времени (по материалам могильника Казыбаба) // Этническая антропология Средней Азии. Антропологические и этнографические сведения о населении Средней Азии. М.: Старый сад, 2000. Вып.2. С. 113–124.
- Бейсенов А. З., Исмагулова А. О., Китов Е. П., Китова А. О. Население Центрального Казахстана в I тыс. до н. э. Алматы: Ин-т археологии им. А. Х. Маргулана, 2015. 188 с.
- Бородовский А. П., Бородовская Е. Л. Археологические памятники горной долины нижней Катунь в эпоху палеометалла. Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2013. 230 с.
- Дашковский П. К. Могильник пазырыкской культуры Ханкаринский дол на Алтае: характеристика погребального обряда и основные направления междисциплинарных исследований // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2016. Вып. IX. С. 42–65.
- Зубов А. А. Заключение // Этническая одонтология СССР. М.: Наука, 1979. С. 229–251.
- Зубов А. А. Одонтология. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1968. 200 с.
- Зубов А. А., Халдеева Н. И. Одонтология в антропофенетике. М.: Наука, 1993. 226 с.
- Кирюшин Ю. Ф., Степанова Н. Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. III. Погребальные комплексы скифского времени средней Катунь. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. 292 с.
- Кишкурно М. С. Происхождение носителей каменной культуры Новосибирского Приобья по одонтологическим данным из могильника Быстровка-3 (III–I вв. до н. э.) // *Camera praehistorica*, 2018. № 1. С. 134–147.
- Кубарев В. Д., Шульга П. И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. 282 с.
- Кубарев И. Д. Курганы Сайлюгема. Новосибирск, 1992. 219 с.
- Лейбова Н. А. Одонтологическая характеристика населения Горного Алтая гунно-сарматского времени // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология, 2019. Т. 30. С. 34–49.
- Лейбова Н. А., Тур С. С. Одонтологические особенности населения лесостепного Алтая скифского времени // Вестник археологии, антропологии и этнографии, 2020. № 4(51). С. 171–186.
- Полосьмак Н. В. Пазырыкская культура // Древние культуры Бертекской долины. Горный Алтай, плоскогорье Укок. Новосибирск, 1994. С. 134–144.
- Рыкушина Г. В. Материалы по одонтологии джетыясарской культуры. Грунтовые погребения могильников Косасар 2, Косасар 3, Томпакасар, Бедаикасар // Низовья Сырдарьи в древности. Вып. III. Джетыясарская культура. Ч. II. Могильники Томпакасар и Косасар. М.: ИЭА РАН, 1993. С. 194–205.
- Рыкушина Г. В. Одонтологическая характеристика населения джетыясарского времени (по материалам могильников Алтынасар 4) // Низовья Сырдарьи в древности. Вып. V. Джетыясарская культура. Ч. V. М.: ИЭА РАН, 1995. С. 290–303.

- Рыкушина Г. В. Одонтологическая характеристика населения карасукской культуры // Вопросы антропологии, 1977. Вып. 57. С. 143–154.
- Рыкушина Г. В. Палеоантропология карасукской культуры. М.: ИЭА РАН, 2007. 198 с.
- Сегеда С. П. Ранние сарматы Южного Приуралья по данным одонтологии (на материалах могильника Лебедевка) // Железчиков Б. Ф., Клепиков В. М., Сергацков И. В. Древности Лебедевки (VI–II вв. до н. э.). М.: Восточная литература РАН, 2006. С. 155–159.
- Суворова (Лейбова) Н. А. Одонтологическая характеристика ранних кочевников Южного Приуралья по материалам могильника Покровка-10: (Предварительное сообщение) // Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время. М.: Вост. лит. РАН, 2008. С. 87–95.
- Суразаков А. С. Курганы эпохи раннего железа в могильнике Кызык-Телань I (к вопросу о выделении кара-кобинской культуры) // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 годах. Горно-Алтайск, 1983. С. 42–52.
- Тур С. С. Антропологический состав населения Средней Катунки скифского времени (внутригрупповой анализ) // Кирюшин Ю. Ф., Степанова Н. Ф., Тишкин А. А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. II. Погребально-поминальные комплексы скифской культуры. Приложение II. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. С. 137–169.
- Тур С. С. Одонтологическая характеристика населения андроновской культуры Алтая // Известия АГУ, 2009. № 4 (64). Т. 2. С. 228–235.
- Фролов Я. В. Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья в VI в. до н. э. — II в. н. э. (по данным грунтовых могильников). Барнаул: Азбука, 2008. 479 с.
- Чикишева Т. А. Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпохи неолита — раннего железа. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. 468 с.
- Шульга П. И. К вопросу о культуре скотоводов Горного Алтая в VI–II вв. до н. э. // Скифская эпоха Алтая: тез. докл. конф. Барнаул, 1986. С. 20–23.

References

- Aksyanova, G.A., and Gelidyeva G. 2002. Morfologicheskie osobennosti zubnoi sistemy naseleniia antichnogo vremeni severo-zapada Turkmenistana [Morphological features of the dental system of the ancient population of the northwest of Turkmenistan]. In *Na putiakh biologicheskoi istorii chelovechestva*, 5–55. T. II. Moscow: IEA RAN.
- Aksyanova, G.A., Bobrova, A.I., and Yakovlev Ya.A. 2004. Mogil'nik Aldygan — nekropol' rannego zheleznoogo veka kulaiskoi kul'tury [The Aldygan burial ground — a necropolis of the early Iron Age of the Kulai culture]. *Vestnik antropologii* 11: 54–75.
- Bagdasarova, N.A. 2000. Odontologicheskaiia kharakteristika kochevnikov Ustiuarta savromato-sarmatskogo vremeni (po materialam mogil'nika Kazybaba) [Odontological characteristics of the nomads of Ustyurt of the Savromato-Sarmatian time (based on the materials of the Kazybab burial ground)]. In *Etnicheskaiia antropologiia Srednei Azii*. Vyp.2. Antropologicheskie i etnograficheskie svedeniia o naselenii Srednei Azii, 113–124. Moscow.
- Beisenov, A.Z., Ismagulova, A.O., Kitov, E.P., and Kitova A.O. 2015. *Naselenie Tsentral'nogo Kazakhstana v I tys. do n. e.* [The population of Central Kazakhstan in the 1st millennium BC]. Almaty.
- Borodovskii, A.P., and Borodovskaia E.L. 2013. *Arkheologicheskie pamiatniki gornoj doliny nizhnei Katuni v epokhu paleometalla* [Archaeological sites of the mountain valley of the lower Katun in the back of the paleometal]. Novosibirsk: Izdatel'stvo Instituta arkheologii i etnografii SO RAN.
- Chikisheva, T.A. 2012. *Dinamika antropologicheskoi differentsiatsii naseleniia iuga Zapadnoi Sibiri v epokhi neolita — rannego zheleza* [Dynamics of anthropological differentiation of the population of the south of Western Siberia of the Neolithic — Early Iron Age]. Novosibirsk.

- Dashkovskii, P.K. 2016. Mogil'nik pazyrykskoi kul'tury Khankarinskii dol na Altae: kharakteristika pogrebal'nogo obriada i osnovnye napravleniia mezhdistsiplinarynykh issledovaniia [Burial grounds of the Pazyryk culture Khankarinsky Dol in Altai: characteristics of the funeral rite and the main directions of interdisciplinary research]. In *Mirovozzrenie naseleniia Iuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii v istoricheskoi retrospektive*, 42–65. Barnaul: Izdatel'stvovo Altaiskogo universitetata.
- Frolov, Ia.V. 2008. Pogrebal'nyi obriad naseleniia Barnaul'skogo Priob'ia v VI v. do n. e. — II v. n. e. (po dannym gruntovykh mogil'nikov) [Funeral rite of the population of Barnaul Ob in the 6th century BC — 2nd century AD (according to soil burial grounds)]. Barnaul: Azbuka.
- Kiriushin, Iu.F., and Stepanova, N.F. 2004. *Skifskaiia epokha Gornogo Altaia. III. Pogrebal'nye komplekсы skifskogo vremeni srednei Katuni* [Scythian era of Altai Mountains. Part III. Burial complexes of the Scythian time of the middle Katun]. Barnaul: Izdatel'stvo Altaiskogo universiteta.
- Kishkurmo, M.S. 2018. Proiskhozhdenie nositelei kamenskoj kul'tury Novosibirskogo Priob'ia po odontologicheskim dannym iz mogil'nika Bystrovka-3 (III–I vv. do n. e.) [Odontological Characteristics of the Anthropological Series from the Early Iron Age Burial Ground Verkh-Suzun-5 from the Novosibirsk Ob Region]. *Camera praeistorica* 1: 134–147.
- Kubarev, V.D., and Shuliga, P.I. 2007. *Pazyrykskaiia kul'tura (kurgany Chui i Ursula)* [Pazyryk culture (mounds of Chuya and Ursula)]. Barnaul: Izdatel'stvo Altaiskogo universiteta.
- Kubarev, I.D. 1992. *Kurgany Sailyugema* [Mounds of Saylyugem]. Novosibirsk.
- Leibova, N.A. 2019. Odontologicheskaiia kharakteristika naseleniia Gornogo Altaia gunno-sarmatskogo vremeni [Nonmetric Dental Traits of the Mountain Altai Population of Xiongnu-Sarmatian Era]. *Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia Geoarkheologiia. Etnologiia. Antropologiia* 30: 34–49.
- Leibova, N.A., and Tur, S.S. 2020. Odontologicheskie osobennosti naseleniia lesostepnogo Altaia skifskogo vremeni [Dental features of the Forest Steppe Altai Scythian time population]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* 4 (51):171–186.
- Polosimak, N.V. 1994. Pazyrykskaiia kul'tura [Pazyryk culture]. In *Drevnie kul'tury Bertekskoi doliny*. Gornyi Altai, ploskogor'e Ukok. Novosibirsk.
- Rykushina, G.V. 1977. Odontologicheskaiia kharakteristika naseleniia karasukskoi kul'tury [Odontological characteristics of the population of the Karasuk culture]. *Voprosy antropologii* 57: 143–154.
- Rykushina, G.V. 1993. Materialy po odontologii dzhetyasarskoi kul'tury. Gruntovye pogrebeniia mogil'nikov Kosasar 2, Kosasar 3, Tompakasar, Bedaikasar [Odontological characteristics of the population of the Karasuk culture]. In *Nizov'ia Syrdar'i v drevnosti*. Vyp. III. Dzhetyasarskaiia kul'tura. Ch. II. Mogil'niki Tompakasar i Kosasar: 194–205. Moscow.
- Rykushina, G.V. 1995. Odontologicheskaiia kharakteristika naseleniia dzhetyasarskogo vremeni (po materialam mogil'nikov Altynasar 4) [Odontological characteristics of the population of the Dzhetyasar time (based on the materials of Altynasar 4 burial grounds)]. In *Nizov'ia Syrdar'i v drevnosti*. Vyp. V. Dzhetyasarskaiia kul'tura. Ch. V: 290–303. Moscow.
- Rykushina, G.V. 2007. *Paleoantropologiia karasukskoi kul'tury* [Paleoanthropology of Karasuk culture]. Moscow.
- Segeda, S.P. 2006. Rannie sarmaty Iuzhnogo Priural'ia po dannym odontologii (na materialakh mogil'nika Lebedevka) [Ранние сарматы Южного Приуралья по данным одонтологии (на материалах могильника Лебедевка)]. In *Drevnosti Lebedevki (6th-2nd centuries BC)*:155–159. Moscow.
- Shuliga, P.I. 1986. K voprosu o kul'ture skotovodov Gornogo Altaia v VI–II vv. do n. e. [On the question of the culture of cattle breeders of the Altai Mountains in the VI–II centuries BC]. In *Skifskaiia epokha Altaia*: 20–23. Barnaul.
- Surazakov, A.S. 1983. Kurgany epokhi rannego zheleza v mogil'nike Kzyk-Telan' I (k voprosu o vydelenii kara-kobinskoi kul'tury) [Mounds of the Early Iron Age in the burial ground of

- Kyzyk-Telan I (on the issue of the allocation of the Kara-Kobin culture)]. In *Arkheologicheskie issledovaniia v Gornom Altae v 1980–1982 godakh*: 42–52. Gorno-Altaiisk.
- Suvorova, N.A. (Leibova). 2008. Odontologicheskaia kharakteristika rannikh kochevnikov Iuzhnogo Priural'ia po materialam mogil'nika Pokrovka-10: (Predvaritel'noe soobshchenie) [Odontological characteristics of the early nomads of the Southern Urals based on the materials of the Pokrovka-10 burial ground: (Preliminary report)]. In *Stepnoe naselenie Iuzhnogo Priural'ia v pozdnesarmatskoe vremia*: 87–95. Moscow.
- Tur, S.S. 2003. Antropologicheskii sostav naseleniia Srednei Katuni skifskogo vremeni (vnutrigruppovoi analiz) [Anthropological composition of the population of the Middle Katun of the Scythian period (intragroup analysis)]. In Kiriushin, Iu.F., Stepanova, N.F. and Tishkin, A. A. *Skifskaiia epokha Gornogo Altaia. Ch. II. Pogrebal'no-pominal'nye kompleksy skifskoi kul'tury. Prilozhenie II*: 137–169. Barnaul: Izdatel'stvo Altaiskogo universiteta.
- Tur, S.S. 2009. Odontologicheskaia kharakteristika naseleniia andronovskoi kul'tury Altaia [Odontological characteristics of the population of the Andronovo culture of Altai]. *Izvestiia AGU*, 94 (64): 228–235.
- Zubov, A.A. 1968. *Odontologiya. Metodika antropologicheskikh issledovaniia* [Odontology: Methodology of anthropological research]. Moscow: Nauka.
- Zubov, A.A. 1979. Zakliuchenie [Conclusion]. In *Etnicheskaiia odontologiya SSSR*, 229–251. Moscow: Nauka.
- Zubov, A.A., and Khaldeeva, N.I. 1993. *Odontologiya v antropofenetike* [Odontology in anthropogenetics]. Moscow: Nauka.

УДК 572

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-2/193-225

Научная статья

© **Е. В. Веселовская, Ю. В. Пеленицына, О. И. Алехина, Е. А. Крыков, А. М. Юдина**

НИКТО НЕ ЗАБЫТ, НИЧТО НЕ ЗАБЫТО

Статья посвящена теме актуализации исторической памяти в виде обращения к материалам военно-патриотических поисковых отрядов. На базе эксгумированных останков воинов, погибших на фронтах Великой Отечественной войны, проводили антропологическое исследование и восстановление прижизненной внешности бойцов. Работа осуществлялась в Лаборатории антропологической реконструкции (ЛАР) Центра физической антропологии (ЦФА) Института этнологии и антропологии (ИЭА) РАН в рамках проекта НИР «Восстановление облика павших воинов ВОВ». Участники проекта: сотрудники ИЭА РАН, Института археологии РАН, студенты МГУ и РГГУ, волонтеры. Цель работы — получение максимально полной информации о внешних особенностях солдат, найденных спустя много лет на полях сражений. Также важным аспектом считаем привлечение внимания к конкретным эпизодам войны.

По каждому индивиду выполнены контурные и графические реконструкции (фас и профиль), приведены словесные описания внешности. Представлены таблицы индивидуальных измерений посткраниального скелета и черепа. По остеологическим данным определяли длину тела и тип телосложения. На базе краниометрических исследований рассчитаны индивидуальные прижизненные размеры головы. Данные по каждому индивиду представлены в контексте особенностей захоронения, включая возможные причины смерти. Еще восемь человек, погибших в боях за страну, увековечены в портретах. Возможно, что читатели, увидев их, смогут опознать своих ушедших на фронт и не вернувшихся родственников. А история ВОВ пополнится новой информацией.

Веселовская Елизавета Валентиновна — д. и. н., проф. РГГУ, главный научный сотрудник Центра физической антропологии Института этнологии и антропологии РАН (Москва, Ленинский пр. 32-а). Эл. почта: Veselovskaya.e.v@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-2932-9884

Пеленицына Юлия Вадимовна — магистр, МГУ им. М.В. Ломоносова (119234 Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 12). Эл. почта: j.pelenitsyna@gmail.com ORCID: 0000-0003-3378-9151

Алехина Ольга Игоревна — лаборант Центра физической антропологии Института этнологии и антропологии РАН (Москва, Ленинский пр. 32-а). Эл. почта: danga-alyokhina@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0003-0674-4812

Крыков Егор Андреевич — бакалавр Российского государственного гуманитарного университета (125993, Москва, Миусская площадь, д. 6). Эл. почта: theeternalglow@mail.ru; ORCID ID: 0000-0001-8104-8353

Юдина Анастасия Михайловна — м. н. с. Института археологии РАН (117292, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19). Эл. почта: nastasia2455@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-2456-0948

* Исследование выполнено в рамках темы НИР «Эволюционный континуум рода Homo». Под-тема «Антропология древних и современных популяций»

Ключевые слова: антропологическая реконструкция внешности; восстановление облика павших воинов

Ссылка при цитировании: Веселовская Е. В., Пеленицына Ю. В., Алехина О. И., Крыков Е. А., Юдина А. М. Никто не забыт, ничто не забыто // Вестник антропологии, 2022. № 2. С. 193–225.

UDC 572

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-2/193-225

Original Article

© Elizaveta V. Veselovskaya, Yulia V. Pelenitsyna, Olga I. Alyokhina, Egor A. Krykov, Anastasia M. Yudina

NOBODY IS FORGOTTEN, NOTHING IS FORGOTTEN

The article is devoted to the findings of military-patriotic search teams. It provides the results of the anthropological study and restoration of the lifetime appearance of the soldiers who died in the Great Patriotic War based on the exhumed remains. The work was carried out in the Laboratory of Anthropological Reconstruction of the Center for Physical Anthropology of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (IEA RAS) within the research project “Restoring the appearance of fallen WWII soldiers”. Project participants: employees of the IEA RAS, the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, students of Moscow State University and Russian State University for the Humanities, volunteers. The aim of the work is to obtain the most complete information about the appearance of soldiers who were found many years later on the battlefields. We also consider it important to draw attention to specific episodes of the war.

Contour and graphic reconstructions (face and profile) were made for each individual, verbal descriptions of appearance were prepared. Tables of individual measurements of the postcranial skeletons and skulls are presented. Based on osteological data, body length and constitution were determined. Individual lifetime head sizes were calculated based on craniometric data. Eight people are immortalized in portraits. It is possible that readers will identify their relatives who went to the front and did not return. And some more gaps in our knowledge of the Second World War will be filled by the new information.

Keywords: anthropological reconstruction; facial reconstruction of fallen soldiers

For Citation: Veselovskaya, E. V., Pelenitsyna, Y. V., Alyokhina, O. I., Krykov, E. A., Yudina, A. M. 2022. Nobody Is Forgotten, Nothing Is Forgotten. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 2: 193–225.

Author Info: Veselovskaya, Elizaveta V. — Doctor of Historical Sciences, Professor, Russian State University for the Humanities (125993, Moscow, Miusskaya Square, 6); Chief Researcher, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (119991 Moscow, Leninsky Prospect, 32A). E-mail: veselovskaya.e.v@yandex.ru; ORCID ID: 0000–0002–2932–9884

Pelenitsyna, Yulia V. — Student, M. V. Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia). E-mail: j.pelenitsyna@gmail.com

Alyokhina, Olga I. — Laboratory assistant, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (119991 Moscow, Leninsky Prospect, 32A). E-mail: danga-alyokhina@yandex.ru; ORCID ID: 0000–0003–0674–4812

Krykov, Egor A. — Bachelor, Russian State University for the Humanities (125993, Moscow, Miusskaya Square, 6). E-mail: theeternalglow@mail.ru; ORCID ID: 0000–0001–8104–8353

Yudina, Anastasia M. — Junior Researcher, *Institute of Archaeology*, Russian Academy of Sciences (117292, Moscow, Dmitry Ulyanov st.). E-mail: nastasia2455@yandex.ru; ORCID ID: 0000–0002–2456–0948

Funding: The article is published as part of the Research Plan of the Institute of Ethnology and Anthropology (Russian Academy of Sciences, Moscow) “The evolutionary continuum of the genus Homo”, Subtopic “Anthropology of Ancient and Modern Populations”.

Введение

Актуализация памяти — одна из важнейших задач гуманитарной сферы, которая стоит сегодня перед страной. Искажение исторической правды, фальсификация реальных событий, сознательное их искажение — факты, с которыми мы все чаще сталкиваемся. Очень часто объектом таких инсинуаций выступает Великая Отечественная война. Обращение к этой теме со стороны ученых, антропологов, обусловлено желанием получить максимально полную информацию о героях, вынесших на своих плечах все тяготы войны и обеспечивших победу нашей страны. Восстановление внешнего облика по черепам погибших воинов добавит еще несколько страниц в книгу общественной летописи «Лица войны». Возможно, посмотрев на портреты — графические реконструкции — и сопоставив их с фотографиями из семейного архива, кто-то узнает своего деда или прадеда, пропавшего без вести...

В Лаборатории антропологической реконструкции (ЛАР) Центра физической антропологии ИЭА РАН уже несколько лет ведутся работы по научной реконструкции внешности воинов, останки которых поднимают поисковые отряды (Веселовская 2022). В настоящей статье мы представим результаты антропологического исследования останков восьми воинов, погибших на различных фронтах в годы войны.

Впервые в 2016 году в Лабораторию обратились поисковики отряда «Последний бой». Были доставлены останки бойца, предположительно 355 стрелковой дивизии, погибшего под Ржевом. В этом же году активист отряда А. И. Резвов обратился с просьбой о восстановлении облика офицера, погибшего в 1943 г. под Курском. Вместе с останками был найден медальон на имя Фомы Филипповича Хвоцинского. Поскольку бывают случаи обмена медальонами, поисковики просили восстановить прижизненную внешность погибшего и сравнить его с имеющейся фотографией. Именно тогда в ЛАР было принято решение открыть инициативный проект «Восстановление облика павших воинов ВОВ» и включить его в программу НИР ИЭА РАН. Для настоящей статьи еще две реконструкции были выполнены по останкам воинов, погибших на Волховском фронте, близ Апраксина (Ленинградская область), а четыре по эксгумированным воинам, воевавшим за высоту Зайцева гора, важного стратегического объекта в Бяратинском районе Калужской области. В литературе ведутся споры относительно целесообразности непременно взятия этой высоты.

Приводим описание событий 1942–1943 гг. связанных с этой страницей военной истории.

Сражение за Зайцеву гору

После освобождения Калуги и ряда районов области в декабре 1941-го — январе 1942-го основные события на Калужской земле развернулись в ее западной части. *Сражение за Зайцеву Гору* — такое собирательное наименование получили ожесточенные бои 50-й армии Западного фронта за контроль над Варшавским шоссе с начала с февраля 1942 года. Длелись они более года, по март 1943, охватив территорию нескольких высот и деревень Барятинского района.

В конце 1941 года 50-я армия генерала Болдина, героически отстоявшая Тулу, а потом освободившая Калугу, вышла к Варшавскому шоссе, по которому немцы поставляли припасы и подкрепления для своей Юхновской группировки, базировавшейся возле г. Юхнов Калужской области. Тут 50-я армия наткнулась на немецкую оборону в самой высокой точке (275 м) нынешней Калужской области — на Зайцевой горе. Противник имел здесь развитую сеть опорных пунктов, насыщенных различного вида вооружением, и многочисленные инженерные сооружения. С господствующих высот немцы контролировали местность на десятки километров. В боях за Зайцеву Гору полегли многие тысячи бойцов и командиров Красной армии. Основные потери войска 50-й армии понесли в тяжелейших боях в марте-апреле 1942 года.

Непосредственно в сражениях за Зайцеву Гору воевали десять стрелковых дивизий (58, 69, 116, 146, 173, 239, 290, 298, 336, 385) и три танковые бригады (11, 108 и 112). Можно добавить сюда еще 344-ю и 413-ю стрелковые дивизии, которые участвовали в штурме в марте 1943 года. Некоторые дивизии вступили в сражение, уже будучи сильно измотанными контрнаступлением под Москвой, — это 173, 239, 290 и 336 стрелковые дивизии. На залпы немногочисленных легких пушек и минометов, которые бойцам Болдина удавалось на руках перетаскивать через Шанино болото (единственно возможный подход к Зайцевой горе), немцы отвечали шквалом артиллерийского огня по давно пристрелянным целям, наблюдая противника как на ладони (*Schmidt 2005*).

Немецкое командование уделяло серьезное внимание защите Варшавского шоссе, по которому шло снабжение их окруженной Юхновской группировки. Советские танки по Шанину болоту пройти не могли. Авиаподдержка господствовала в воздухе и постоянно оказывала помощь оборонявшемуся врагу: пикирующие бомбардировщики Ю-87 («Штука») со своим душераздирающим воем атаковали даже отдельных бойцов и командиров 50-й армии, замеченных ими на поле боя или болоте за ним. Командование понимало, что высоту необходимо взять, пока не началась весенняя распутица, которая сделает Шанино болото непроходимым, и послало дивизию за дивизией на штурм высоты. На смену дивизии Новосельского в бой бросили 58-ю Одесскую дивизию полковника Шкодуновича. Она продержалась на плацдарме за Шаниным болотом дольше всех, но почти весь состав погиб в бесконечных дневных и ночных атаках. Ей на смену пришла 173-я стрелковая дивизия полковника Гиханова. Весь апрель 50-я армия почти ежедневно атаковала Зайцеву гору большими силами, каждый раз безрезультатно, неся огромные потери.

Наконец, Болдину все же удалось взять высоту 269,8 (Фомино-1) и собрать там последние силы для решающей атаки на высоту 275,6 (Фомино-2) — собственно Зайцеву гору. Немцы оборонялись отчаянно. Когда сразу несколько советских дивизий пошли на них через Варшавское шоссе, те взорвали плотину Милятинского водохранилища. Поток ледяной воды из него, утопив множество красноармейцев на шоссе между высотами, пошел в низину, в Шанино болото, сделав его на несколько месяцев непроходимым. Южная сторона Варшавского шоссе, с которой наступала 50-я армия, расположена ниже северной (что в любом бою давало немцам преимущество по высоте), водохранилище же делало эту местность очевидной мышеловкой, о чем Болдин и заявил Жукову еще перед началом боев (*Ильюшечкин 2014*).

Положив весной на Зайцевой горе практически весь личный состав своей армии, летом генерал Болдин заменил опустевшие подразделения на свежие недавно мобилизованными солдатами. Задачу взять Зайцеву гору с армии никто не снимал. После гибели Юхновской группировки противника прорвать здесь немецкую оборону нужно было, чтобы обеспечить выход из окружения 1-му гвардейскому кавалерийскому корпусу Белова. На этот раз Болдин придумал военную хитрость. В конце лета, когда почва подсохла, он приказал делать под гору подкоп (*Ильюшечкин 1997*).

Помощник начальника инженерных войск 50-й армии майор Максимцов должен был с передовых позиций определить наилучшее направление подкопа и место для последующего взрыва фашистской цитадели на горе. В результате весенних боев за бойцами 50-й армии осталась значительная часть открытого поля перед Зайцевой горой. На этих позициях долго не жили — не прошло и трех дней как Максимцов был легко ранен, но со своей задачей майор справился. Со всей армии собрали команду из 43 человек, в основном горняков из Донбасса. Командовать ими назначили уроженца Калужской области лейтенанта Новикова, который лишь в марте прибыл в действующую армию из инженерного училища. Его знание местности пригодилось в разведке. В разведзвезде лейтенант каким-то чудом пережил апрельскую мясорубку и взрыв водохранилища. Теперь этот мальчишка был одним из самых опытных и надежных офицеров в армии Болдина.

Ночью 26 августа команда Новикова скрытно выдвинулась на передовые позиции. Работа началась в 70–80 метрах от переднего края немцев. В первую ночь удалось вырыть колодец глубиной пять метров, в котором были разбиты направления выработки и сделаны ниши для отдыха. В этих тесных углублениях можно было уместиться, только свернувшись. Позднее рядом с колодцем был построен замаскированный блиндаж, из которого велось постоянное наблюдение за противником. Размер тоннеля по высоте составлял 110 см, по ширине — 70 см. Копали лопатами и кирками при свете карманного фонаря, землю оттаскивали ведрами. Из воспоминаний Болдина: «Вынутую породу насыпают в мешки, складывают вдоль забоя, а ночью поднимают вверх и относят в тыл. Часть грунта использовали для имитации двух ложных ходов сообщения» (*Ильюшечкин 1997*).

Через пятьдесят метров стал ощущаться острый недостаток кислорода. Придумали сконструировать вентиляционную установку из кузнечного меха и гофрированных трубок от противогозов. Несколько раз немцы посылали разведгруппы, чтобы захватить языка из странной советской части, непонятно чем занимающейся у них под носом. В такие минуты шахтеры брали в руки оружие и отбивали атаки (*Ильюшечкин 2014*).

Через сто метров на пути шахты обнаружился огромный валун, из-за которого пришлось изменить направление подкопа. За ним оказался участок песка, который привел к обвалу и гибели нескольких бойцов. В конце сентября лейтенант Новиков доложил в штаб армии, что слышит, как над ним немцы под гармошку пляшут. Еще несколько дней ушло на прокладку двух рукавов к блиндажам и противотанковой батарее врага. 29 сентября Максимцов и Новиков проложили по шахте детонирующий шнур, для надежности сеть продублировав. В три камеры заряда (около 10 метров от цели) заложили 25 тонн тротила.

4 октября 1942 года на передний край в районе подкопа прибыл весь штаб 50-й армии вместе с командармом. Стоя на НП перед подрывной машинкой, Болдин вдруг остановился, подумал и приказал своей пехоте отойти от немецких позиций на 400–500 метров (Любимова 1983).

«Все, что произошло потом, нельзя было передать словами, — вспоминал он позднее. — Земля под ногами задрожала так, словно страшная, неведомая, неподвластная человеческому разуму сила пыталась вырваться наружу, чтобы поглотить все живое в округе. Казалось, что высота от внутреннего удара подпрыгнула. Через мгновение из нее вырвался огромных размеров земляной столб. Языки ярко-оранжевого пламени озарили высоту в предрассветной мгле. Еще в воздухе стоял протяжный гул от раскатов грома, как на переднем крае, на расстоянии до километра, начали рваться минные поля — наши и противника» (Любимова 1983).

Командование 4-й полевой армии вермахта, защищавшей Зайцеву гору, в тот день докладывало в Берлин о применении русскими нового оружия, еще более мощного, чем «сталинские органы». В клубящуюся после взрыва пыль пошла советская пехота. На месте немецких позиций красноармейцы нашли воронку сто метров в диаметре и десять метров глубиной. Не встречая сопротивления, они заняли то, что осталось от высоты 269,8 и деревни Фомино-1. Памятная табличка на Зайцевой горе сообщает, что при взрыве 4 октября 1942 года погибло около 400 немецких солдат (Ильюшечкин 2014).

Долго удержаться на высоте советским войскам опять не удалось, вскоре они были выбиты немецкой контратакой на прежние позиции у болота. Новый 1943 год немцы встречали на Зайцевой горе. Весной они ушли сами — в рамках операции «Буйвол» сокращали линию фронта, высвобождая дивизии для Курской дуги.

Оценки погибших в этой операции разнятся у разных авторов. Минимальное значение потерь Красной Армии на Зайцевой горе составляет 65 000 человек, максимальная цифра — 120 000 человек (Ильюшечкин 2014). Сегодня там находится деревня Цветовка, в ее окрестностях — тысячи братских могил. Об этих боях, которые продолжались больше года и стоили так дорого, написано очень мало. Вопрос, можно ли было атаковать Варшавское шоссе в каком-нибудь другом, более благоприятном для наступления месте, Жукову никто не задавал. После войны Болдин написал объемные мемуары «Страницы жизни», в которых почти ничего не рассказал об атаках своей армии на Зайцеву гору. Эту страницу своей жизни командарм предпочел забыть...

Материалы и методы

Антропологическое исследование построено на изучении останков 8 воинов, погибших во время ВОВ. Один боец погиб в 1942 году под Ржевом, близ деревни Ново-Семеновское; один сложил голову в 1943 году под Курском; двое, в их числе 1 молодая женщина, погибли на Волховском фронте под Ленинградом, близ Апраксина; останки четырех индивидов обнаружены на местах боев за взятие высоты «Зайцева гора» близ деревни Цветовка Барятинского района Калужской области. В таблице 1 даны краткие справочные данные о восьми воинах, которым посвящено настоящее исследование (Табл. 1). Останки воина, погибшего под Ржевом (№ 1), были подробно изучены в Центре физической антропологии ИЭА РАН. Краниологическое исследование офицера, погибшего под Курском (№ 2), также осуществляли в ЛАР. В этих двух случаях восстановление облика проводили на основе обводов, выполненных с помощью диоптографа. Останки шести других индивидов проходили первичное антропологическое исследование на местах эксгумации во время экспедиций. Там проводили измерения черепа и скелета, а также антропологическую съемку черепов в двух нормах: фас и профиль. Затем на основе фотоизображений получали обводы черепов, которые служили основой для последующих контурных реконструкций и восстановления облика в виде графических портретов.

По остеологическим материалам восстанавливали рост и тип телосложения погибших (Trotter 1952, 1958; Алексеев 1966; Звягин 2001), проводили стандартное краниологическое измерение и описание с добавлением размеров, используемых для восстановления внешности (Алексеев 1960). Реконструкция длины тела и типа телосложения была произведена для семи человек, т. к. у индивида под № 2 посткраниальный скелет не был передан поисковиками для исследования. Учитывали длины всех доступных костей с правой стороны. В случае отсутствия или недостоверных измерений использовали размеры аналогичных костей с левой стороны. Для реконструкции предполагаемого телосложения индивидов применяли методику В. Н. Звягина и М. А. Григорьевой (Звягин 2001). Суть ее в том, что на основании измерений длинных костей вычисляются индивидуальные значения первой и второй главных компонент телосложения (координаты микро-/макросомии и лепто-/эуризомии). Сочетание этих значений определяет вариант массивности скелета, которому соответствует тип телосложения по В. В. Бунаку (Бунак 1941). Помимо размерных характеристик длинных костей авторы также рекомендуют учитывать форму грудной клетки, позвоночного столба и степень выраженности мышечного рельефа для более точного определения соматотипа. На основании этого проводили разделение между брюшным и мускульным типами телосложения для макроэуризомного (робустного) варианта массивности скелета. Возраст и пол определяли по стандартным методам, принятым в отечественной и зарубежной антропологии (Алексеев 1960; Герасимов 1955; Мамонова 1989; Brooks 1990; Schaeffere 2009).

Для каждого индивида помимо антропологической характеристики приводим краткое описание контекста захоронения (сохранность скелета и черепа, травмы, возможные причины смерти, сопровождающие предметы).

Антропологическая реконструкция внешности бойцов проводилась методом М. М. Герасимова (Герасимов 1955) с учетом современных разработок. В Лаборатории антропологической реконструкции Центра физической антропологии Института этнологии и антропологии РАН на протяжении многих лет ведутся научные исследования по совер-

Таблица 1
Справочные данные об исследованных индивидах

Номер индивида	Пол Возраст	Дата экструзии	Поисковый Отряд (ПО)	Командир ПО	Авторы реконструкции	Место гибели
1.	Муж 25–35 лет	05.2016	«Последний бой», Москва	Васильев А.С., Резвов А.М.	Веселовская Е.В., Борисова Е.Б.	Оборона Ржева, возле с. Ново-Семеновское
2.	Муж 42 года	08.2016	«Курган», Курск	Сотников А.В., Васильев А.С., Резвов А.М.	Веселовская Е.В.	Курская дуга. Командир 1-го стрелкового батальона 258-го Хабаровского полка 140-й Сибирской стрелковой дивизии 70-й армии Фома Филиппович Хвоцинский
3.	Жен 18–22 года	19.08.2019	ПО «Возрождение», Москва	Веселов Д.А.	Алехина О.И.	Волховский фронт. Апраксин
4.	Муж 30–40 лет	19.08.2019	ПО «Терский рубеж», Чеченская Республика	Сардалов И.А.	Веселовская Е.В.	Волховский фронт. Апраксин
5.	Муж 35–45 лет	12.09.2019 17.09.2019	ПО «МВД РУСЬ», Калуга	Голубев К.В.	Веселовская Е.В.	Западный фронт. Варшавское шоссе. Битва за Зайцеву гору
6.	Муж 25–35 лет	12.09.2019 17.09.2019	ПО «МВД РУСЬ», Калуга	Голубев К.В.	Веселовская Е.В., Давиденко О.	Западный фронт. Варшавское шоссе. Битва за Зайцеву гору
7.	Муж 35–45 лет	12.09.2019 17.09.2019	ПО «МВД РУСЬ», Калуга	Голубев К.В.	Веселовская Е.В.	Западный фронт. Варшавское шоссе. Битва за Зайцеву гору
8.	Муж 25–35 лет	12.09.2019 17.09.2019	ПО «МВД РУСЬ», Калуга	Голубев К.В.	Алехина О.И.	Западный фронт. Варшавское шоссе. Битва за Зайцеву гору

шенствованию метода и уточнению взаимосвязи морфологии лица и черепа (Лебединская 1965, 1989; Балуева, Веселовская 2004; Веселовская, Балуева 2012). Результаты этих исследований с учетом мировых наработок в области антропологической реконструкции легли в основу программы «Алгоритм внешности», которая позволяет получить многие размерные и описательные прижизненные характеристики на базе соответствующих параметров черепа (Веселовская 2018). Использование этой программы позволяет более точно воспроизводить внешний облик, а также представлять описание прижизненных индивидуальных лицевых пропорций и особенностей (Веселовская 2015).

В таблице 2 представлен алгоритм получения ряда прижизненных размеров за счет прибавления толщины мягкого покрова в соответствующих точках (Табл. 2).

Таблица 2

**Усредненные показатели толщины мягких тканей для расчета
прижизненных размеров головы**

Размер черепа	Толщина мягких тканей, мм		Размер головы
	Мужчины	Женщины	
Широтные размеры			
Продольный диаметр gl-op	14	13	Продольный диаметр
Поперечный диаметр eu-eu	13	12	Поперечный диаметр
Ширина лба co-co	10	10	Ширина лба
Наименьшая ширина лба ft-ft	10	10	Наименьшая ширина лба
Верхняя ширина лица fmt-fmt	10	10	Верхняя ширина лица
Скуловой диаметр zy-zy	10	10	Скуловой диаметр
Симотическая ширина	6	5	Ширина переносья
Ширина спинки носа	6	5	Ширина спинки носа
Ширина между подбородочными отверстиями me-me	16	14	Ширина подбородка
Угловая ширина нижней челюсти go-go	20	18	Ширина лица на уровне ротовой щели
Высотные размеры			
Морфологическая высота лица So-gn	7	6	Морфологическая высота лица
Высота носа so-ss	0	0	Высота носа
Высота положения раковинного гребня conh-ss	0	0	Высота крыла носа
Высота верхней челюсти) ss-sd	0	0	Высота верхней губы
Высота нижней челюсти st-gn	7	6	Высота нижней челюсти
Высота подбородка sm-gn	7	6	Высота подбородка

Так, например, прижизненный поперечный диаметр рассчитывают, исходя из аналогичного размера на черепе с добавлением 13 мм для мужчин и 12 мм для женщин. Данные о толщине лицевых покровов собирались в экспедициях Лаборатории. Их

получали с помощью ультразвука при исследовании современных популяций европеоидного и монголоидного происхождения (Balueva et al. 2009). В этой же таблице даны размеры, совпадающие на лице и на черепе. В таких случаях в колонках, где представлена толщина тканей, проставлен 0.

Другие размеры элементов внешности рассчитывают по уравнениям регрессии, которые основаны на достоверных корреляциях между размерами лица и черепа (Табл. 3).

Таблица 3

Формулы расчета прижизненных размеров головы с применением регрессионного анализа

Рассчитываемый размер головы	Независимый предиктор	Уравнения регрессии для мужских черепов
Физиономическая высота лица (ФВЛ)	Морфологическая высота лица (МВЛ)	$ФВЛ = 96,984 + 0,722 \times (МВЛ + 7 \text{ мм})$
Высота уха (ВУ)	Скуловой диаметр (СД)	$ВУ = 38,317 + 0,177 \times (СД + 10 \text{ мм})$
Ширина уха (ШУ)	Высота уха (ВУ)	$ШУ = 20,911 + 0,270 \times ВУ$
Ширина носа (ШН)	Расстояние между альвеолярными возвышениями клыков (А11-А11)	$ШН = 17,936 + 0,446 \times (А11-А11)$
Ширина между носогубными складками (ШНГС)	Расстояние между альвеолярными возвышениями клыков (А11-А11)	$ШНГС = 21,744 + 0,843 \times (А11-А11)$
Ширина рта (ШР)	Расстояние между вторыми (Пм2-Пм2) премолярами	$ШР = 35,169 \text{ мм} + 0,389 \times (Пм2-Пм2)$
Высота глазной щели (ВГЩ)	Высота орбиты (ВО)	$ВГЩ = 5,158 \text{ мм} + 0,132 \times ВО$
Длина глазной щели (ДГЩ)	Ширина орбиты (ШО)	$ДГЩ = 11,633 \text{ мм} + 0,335 \times ШО$

Качественные прижизненные характеристики описывали с применением специальной программы соответствия определенных вариантов морфологии головы и черепа (Веселовская 2018).

Восстановление облика в рисунках начинают с получения обвода черепа в профиль и фас. На основе обвода строят контур мягких тканей. Таким образом создают контурную реконструкцию, на которой хорошо видна процедура построения внешности конкретного индивида. Далее контуры прижизненного облика переносят на новый лист и дорабатывают портрет путем нанесения теней и прорисовки деталей. Такой портрет называют графическим, и он представляет собой конечный этап процесса восстановления прижизненной внешности в плоскостном рисунке. В статье приведены контурные и графические реконструкции, выполненные по всем восьми черепам.

Результаты исследования

В таблице 4 представлены индивидуальные остеологические данные по 7 бойцам (за исключением № 2, у которого отсутствовал посткраниальный скелет) (Табл. 4).

На их основе оценивали длину тела и тип телосложения, из-за различий в сохранности скелета в ряде случаев в вероятностной форме.

Таблица 4

Измерения скелета, использованные для реконструкции длины тела и типа телосложения

Признаки/ Индивиды	1		77-2.2		СНГ-10.1		40.1-9/2		40.1-9/3		40.1-9/5		40.1-9/7	
	П	Л	П	Л	П	Л	П	Л	П	Л	П	Л	П	Л
Плечевая кость (H)														
H1. Наибольшая длина	302	-	314*	313	360	355	311	314	-	-	-	318	-	-
H7a. Окружность середины диафиза	64	-	61	65	72	75	73	72	-	-	68	68	83	-
H3. Ширина верхнего эпифиза	42	-	48,5*	46	54	55,5	57	53*	-	-	-	52,5	-	-
H4a. Наибольшая ширина нижнего эпифиза	58	-	-	-	66	68	68	67	-	-	61	65	64	-
Лучевая кость (R)														
R1. Наибольшая длина	218	-	230*	-	262	258*	232	-	-	-	-	-	-	-
R5(5). Окружность середины диафиза	-	-	-	-	43	46	51	-	-	-	-	-	-	-
Локтевая кость (U)														
U1. Наибольшая длина	-	-	250	-	291	289	244	244	-	-	-	-	-	-
Бедренная кость (F)														
F1. Наибольшая длина	-	-	-	432	521	522	428	-	479	472	-	-	472	-
F2. Общая длина в естественном положении	-	-	-	430	519	518	424	-	475	471	-	-	470	-
F8. Окружность середины диафиза	76	-	-	90	97	94	94	90	92	93	-	-	97	97

Таблица 4 (продолжение)

Признаки/ Индивиды	1		77–2.2		СНГ-10.1		40.1–9/2		40.1–9/3		40.1–9/5		40.1–9/7	
	П	Л	П	Л	П	Л	П	Л	П	Л	П	Л	П	Л
F21. Ширина нижнего эпифиза	–	–		82*	92	90	–	–	85	87	–	–	–	–
Большая берцовая кость (Т)														
T1. Общая длина	–	–	348	352	420	412	361	–	–	–	–	349	390	390
T3. Ширина верхнего эпифиза	–	–		76*	84	80	71*	72*	–	–	–	72,5	–	71*
Малая берцовая кость (Fi)														
Fi1. Наибольшая длина	–	–	–	341	414	410	–	–	–	–	–	–	–	–

* — измерение недостоверно

В таблице 5 приведены реконструированные по длинным костям оценки прижизненной длины тела и типа телосложения воинов (Табл. 5). Из таблицы видно, что рост погибших значительно варьирует. Наименьшее значение получено для № 1, максимальное 183 см для № СНГ-10.1. За исключением первого номера остальные погибшие при жизни были выше средних для своего времени значений (в сравнении с данными (Зенкевич 1978)). Встреченные варианты массивности скелета: для двоих бойцов определен макроэуризм, которому соответствуют мускульный или мускульнобрюшной типы телосложения по Бунаку (Бунак 1941); для двоих — микролептосомный (грацильный) вариант, аналогичный грудному типу; для одного — макролептосомный (грудномускульный). Отдельно стоит сказать о реконструкции предполагаемого типа телосложения индивида № 77–2.2 (девушка). Очевидно, использованная методика предназначена для прогнозирования соматотипа индивидов мужского пола. Однако, нетрудно заметить, что выделенные компоненты соответствуют компонентам микро-/макросомии и лепто-/брахисомии схемы телосложения В. Е. Дерябина (Дерябин 2003), т. е. описывают те же направления изменчивости признаков телосложения. В. Е. Дерябиным было показано, что направления изменчивости выделенных признаков совпадают для мужчин и женщин. Основываясь на этом, мы переложили вариант массивности скелета № 77–2.2, вычисленный по методике Звягина и Григорьевой, на схему телосложения И. Б. Галанта для женщин (Галант 1927). Индивиду № 77–2.2 соответствует стифроидный, или микроэуризм, вариант массивности, что в рамках методики соответствует мужчине среднего или ниже среднего роста с хорошим поперечным развитием костяка. Однако, в рамках женской выборки рост индивида № 77–2.2 будет выше среднего. В совокупности с хорошим поперечным развитием костяка и умеренно выраженным мышечным рельефом, можно предположить субатлетический тип телосложения по схеме Галанта («тип высокой стройной женщины при крупном сложении»). Косвенно это подтверждает и тип лица этой девушки, описанный далее: высокое,

с широким лбом и более узкой нижней челюстью лицо соответствует церебральному варианту, и М. А. Негашевой было установлено, что женщинам субатлетического типа телосложения чаще соответствуют мезопрозопный и церебральный варианты (Негашева 1996).

Таблица 5

Результаты реконструкции длины тела и типа телосложения

№ индивида	Длина тела (см) по Trotter, Gleser, 1952, 1958	Массивность скелета (Звягин, 2000)	Вероятный тип телосложения (Бунак, 1941)
1*	163,34 ± 3,51	микролептосомный (грацильный) вариант	грудной
77–2.2	168,86 ± 3,76	микроэуризмный (стифроидный)	субатлетический (Галант, 1927)
СНГ-10.1	183,42 ± 4,18	макролептосомный (тейноидный)	грудной или грудно-мускульный
40.1–9/2	166,98 ± 4,29	макроэуризмный (робустный)	мускульный или мускульнобрюшной
40.1–9/3	176,66 ± 3,94	–	–
40.1–9/5	168,2 ± 4,29	микролептосомный (грацильный) вариант	грудной
40.1–9/7	175,68 ± 3,89	макроэуризмный (робустный)	мускульный или мускульнобрюшной

* Для вычисления типа телосложения использованы: наибольшая длина плечевой кости (Н1); окружность середины диафиза плечевой кости (Н7а); наибольшая ширина нижнего эпифиза плечевой кости (Н4а); наибольшая длина лучевой кости (R1); окружность середины диафиза бедренной кости (F8). Предполагаемая длина тела рассчитана только по наибольшим длинам плечевой и лучевой кости.

В таблице 6 даны первичные краниологические данные, которые необходимы для восстановления прижизненного облика (Табл. 6).

В таблицах 7а–7с приведены индивидуальные прижизненные размеры головы, рассчитанные на основе краниологических измерений, приведенных в предшествующей таблице (Табл. 6). В соответствии с описанной методикой часть размеров получали за счет прибавления толщины мягких тканей в соответствующих участках головы (Табл. 7а).

Ряд размеров совпадает для лица и черепа (Табл. 7б).

Размеры глазной щели, уха, ширина носа и рта, расстояние между носогубными складками рассчитаны с применением уравнений регрессии (Табл. 7с). Все рассчитанные прижизненные размеры учтены при создании портретов.

Далее представляем антропологическую характеристику особенностей внешности для каждого воина в сопровождении выполненных портретов — реконструкций облика. В тех случаях, когда мы располагали информацией, приводим краткое описание контекста погребений.

№ 1. Раскопки проводились в мае 2016 года на местах героической обороны Ржева у села Ново-Семеновское, предположительно в месте дислокации 355 стрелковой дивизии. Останки бойца были доставлены в ЛАР поисковиком А. И. Резовым, где они и были подробно изучены. Череп бойца может быть описан как укороченный, невысокий и очень широкий. Приводим полный прижизненный словесный портрет.

Таблица 6
Индивидуальные размеры и указатели черепа

Буквами отмечены категории размера: Б – большой, С – средний, М – малый

Размер / номер индивида	1	2	77-2.2	СНГ-10.1	40.1-9/2	40.1-9/3	40.1-9/5	40.1-9/7
Продольный диаметр	185 (?) Б	183 С	178 Б	185 Б	178 С	176 М	184 С	189 Б
Поперечный диаметр	159 ОБ	140 С	145 ОБ	148 Б	152 ОБ	145 Б	147 Б	146 Б
Ширина лба	122 Б	122 (?) Б	120 ОБ	121 Б	127 ОБ	110 ОБ	121 Б	129 ОБ
Наименьшая ширина лба	93,5 С	99 Б	97 Б	102 Б	106 ОБ	96 С	89 ОБ	103 ОБ
Верхняя ширина лица	103 (?) С	110 Б	105 Б	114 ОБ	112 ОБ	104 С	101 М	107 Б
Ширина орбиты	42,9 С	40 С	40 С	42 С	43 ОБ	39 С	39 С	42 ОБ
Скуловой диаметр	127 (?) М	129 М	118 М	140 Б	132 С	126 М	129 М	130 М
Симотическая ширина	12 Б	8 С	9 С	9 С	10 Б	10 Б	–	11 Б
Ширина спинки носа	21	17	15	19	15	16	14?	15
Ширина между альвеолярными возвышениями клыков на уровне подносовой точки ss	33	34	30	36	29	32	32	38
Расстояние между 5-ми зубами верхней челюсти	53	51	44	54	48	51	46	52,5
Ширина между подбородочными отверстиями	55	52 (?)	42	51	47	44	44	44
Угловая ширина нижней челюсти	98С	104 Б	85 ОБ	112 ОБ	101 С	105 Б	104 Б	106 Б
Морфологическая высота лица	122 С	115 Б	117 С	135 Б	125,5 С	129 С	130 С	122 С
Высота орбиты	30,9 ОБ	32 С	34 С	32 М	33 М	32 М	37 Б	33 М
Высота носа so-ss	45,3 ОБ	57 ОБ	55 ОБ	61 ОБ	53	61 ОБ	57 С	58 С
Высота положения раковинного гребня col-ss	14	17	14	–	14	14 М	13?	18
Высота верхней челюсти	18	14	19	21	21	17	21	17
Высота нижней челюсти	38 М	40 М	39 М	49 С	47 Б	44 Б	44 Б	44 Б
Высота подбородка	23	23	22	24	24	25	24	23
Высота черепа	142 ОБ	–	–	141 Б	135 С	136 С	133 С	–
Черепной указатель	85,9	76,5	81,4	80,0	85,3	82,3	72,8	77,2
Высотно-продольный указатель	76,8	–	–	76,2	75,8	77,2	75	–
Высотно-поперечный указатель	89,3	–	–	95,2	88,8	91	102,9	–

Таблица 7.1

Прижизненные размеры (в мм), рассчитанные на основе размеров черепа путем прибавления значений толщины мягких тканей

Буквами отмечены категории размера: Б – большой, С – средний, М – малый

Размер / номер индивида	1	2	77-2.2	СНГ-10.1	40.1-9/2	40.1-9/3	40.1-9/5	40.1-9/7
Продольный диаметр	199 Б	197 Б	191 Б	199 Б	192 С	190 М	198 Б	203 Б
Поперечный диаметр	172 ОБ	153 Б	157 Б	159 Б	165 Б	158 Б	160 Б	159 Б
Ширина лба	132 Б	132 Б	130 Б	131 Б	137 ОБ	120 ОБ	131 Б	139 ОБ
Наименьшая ширина лба	103,5 М	109 С	107 Б	108 С	116 ОБ	106 С	99 ОБ	113 ОБ
Верхняя ширина лица	113 С	120 ОБ	115 Б	124 ОБ	122 ОБ	114 С	111 М	117 Б
Скуловой диаметр	137 М	139 С	128 М	150 Б	142 С	136 М	139 М	140 М
Ширина переносья	17	14	14	15	15	15	–	16
Ширина спинки носа	27	23	20	25	20	21	19?	20
Ширина подбородка	71 ОБ	68 Б	58 Б	66 Б	63 С	60 С	60 С	60 С
Угловая ширина ниж. челюсти	118С	124Б	103ОМ	122Б	111М	115М	114М	116М
Морфологическая высота лица	129 С	122 С	123 С	139 Б	132,5 Б	136 Б	137 Б	129 С
Высота нижней челюсти	45 М	47 С	45 С	56 Б	47 С	51 Б	51 Б	51 Б
Высота подбородка	30 М	30 М	28 Б	31 М	29 М	31 М	29 М	28 М

Таблица 7.2

Прижизненные размеры (в мм), совпадающие с размерами на черепе

Буквами отмечены категории размера: Б – большой, С – средний, М – малый

Размер / номер индивида	1	2	77-2.2	СНГ-10.1	40.1-9/2	40.1-9/3	40.1-9/5	40.1-9/7
Высота лба	56,5	63,1	58	58	50,1	59,2	60	66,2
Высота носа	55 М	57 М	55 М	61 С	53 М	61 С	57 М	58 М
Высота крыла носа	14 Б	17 Б	14 Б	15,5 Б	14 Б	14 Б	13? С	18 Б
Высота верхней губы	18С	14 М	19 Б	21 С	21 С	17 М	21 С	17 М

Таблица 7.3
Прижизненные размеры (в мм), рассчитанные на основе размеров черепа с применением уравнений регрессии

Буквами отмечены категории размера: Б – большой, С – средний, М – малый

Размер / номер индивида	1	2	77-2.2	СНГ-10.1	40.1-9/2	40.1-9/3	40.1-9/5	40.1-9/7
Физиономическая высота лица	185,5 С	185,1 С	180,3М	197 Б	182,6 С	185,2 С	185,9 С	180 М
Высота глазной щели	15	9,4	10,5	9,5	9,5	9,4	10	9,5
Длина глазной щели	31,4	25,8	28	26	26	24,7	24,7	25,7
Ширина носа	33 М	33,1 М	27 М	33 М	30,9 М	32 М	32,2 М	34,9 М
Расстояние между носогубными складками	48,7	50,4	43,5	50,5	46,2	49	48,7	53,8
Ширина рта	59,6С	55 М	52 С	55 М	53,8 М	55 М	53 М	55,6 М
Высота уха	64,8 С	62,9 С	59,5 М	65 С	63,5 С	62,4 С	63 С	63 С
Ширина уха	38,4 С	37,9 М	35 М	38,5 С	38 М	38 М	37,9 М	37,9 М

Форма головы в профиль округлая. Форма лица анфас прямоугольная. Вертикальная профилировка средняя — отмечается равномерное выступание этажей лица. Горизонтальная профилировка значительная. Лицо в скулах ближе к узкому. Лоб широкий, по высоте средний. Направление его вертикальное. Линия лба чуть волнистая из-за выраженного надбровного рельефа, развитие которого оценивается в 2 балла. Однако надбровные дуги короткие, не доходят до середины верхнего края глазницы. Лобные бугры выражены отчетливо.

Важная отличительная черта прижизненного облика — косонаружное положение разреза глаз, когда наружные уголки глаз заметно ниже внутренних. Контур бровей ломаный. Из-за наклона орбит, брови, скорее всего, также располагались косо: наружный край ниже внутреннего. Выступление глазных яблок из плоскости орбит среднее. Складка верхнего века отсутствует в медиальной части глаза и значительно нависает над наружными углами глаз. Глаза крупные. Скулы не выступают. Переносье узкое, не глубокое. Нос короткий, выступает слабо. Ширина его в крыльях средняя. Спинка носа средней ширины. В профиль форма спинки носа ближе к прямой. Кончик носа округлый. Крылья носа высокие. Верхняя губа низкая. Ширина рта большая. Прикус карнизообразный: передние зубы верхней челюсти нависают над нижними. Отмечается прогнатизм. При взгляде в профиль верхняя губа нависает над нижней. Подбородок по высоте и ширине средний, вперед выступает значительно. Нижняя челюсть высокая. Контур подбородка анфас квадратный. На рисунке 1 представлены контурные и графические реконструкции, выполненные на основе черепа № 1. Авторы реконструкции: Е. В. Веселовская и Е. Б. Борисова. Одонтологическое исследование выявило небольшую степень стертости зубов и краудинг (неправильное по-

ложение зубов в зубном ряду), что может объясняться крупными зубами при малых размерах челюстей.

Изучение посткраниального скелета также выявило ряд характерных особенностей. Кости скелета грацильные, развитие мышечного рельефа очень слабое, что не совсем характерно для представителя мужского пола. Это может свидетельствовать о том, что боец на протяжении гражданской жизни не занимался тяжелым физическим трудом и не подвергался сильным физическим нагрузкам. Возможно, он проживал в городе, где молодые люди не занимаются интенсивной физической работой. Рост оценивается примерно в 163,5 см, небольшой.

Лучеплечевой указатель, определяющий пропорции верхних конечностей, равен 72,2. Это означает, что предплечье было укорочено относительно плеча. Такой факт может косвенно говорить о северном происхождении бойца.

В целом описанный индивид обладает рядом характерных примет. Это был юноша небольшого роста с крупной головой и мало тренированным телом. Бросался в глаза редкий тип направления глазной щели, когда наружные уголки располагаются ниже внутренних. Нос короткий, нижняя челюсть высокая, глаза крупные с развитой складкой верхнего века над наружными уголками глаз. При улыбке могло бросаться в глаза неровное расположение зубов.

№ 2. Череп этого воина также был доставлен в ЛАР поисковиком А. И. Резвовым из раскопок под Курском. Останки были обнаружены курским поисковым отрядом «Курган» (командир Алексей Сотников) на поле возле с. Ольховатка Поньковского р-на. По биноклю, планшету и портупее участники отряда сразу определили, что перед ними офицер. На сохранившемся фрагменте погона удалось различить майорскую звезду. Он был ранен осколком в голову. На груди офицера была обнаружена довольно редкая серебряная медаль «XX лет Рабоче-Крестьянской Красной Армии». Такие награды вручались в 1938 г. кадровым офицерам, отслужившим 20 лет в армии, т. е. участникам Гражданской войны. Всего в СССР было выпущено 38 тыс. медалей этого образца. По наградным листам на Курской дуге воевал только один майор с такой наградой — командир 1-го стрелкового батальона 258-го Хабаровского полка 140-й Сибирской стрелковой дивизии 70 армии Фома Хвоцинский. Позже данные подтвердили эксперты: в планшете с документами нашли медальон на имя Ф. Ф. Хвоцинского. Он погиб 13 июля на северном фланге Курской дуги в возрасте 42 лет, так и не узнав о своем награждении орденом Красного Знамени. Приказ вышел 11 июля 1943...

Чтобы убедиться, что останки принадлежали владельцу медальона, по просьбе поисковиков было выполнено краниологическое исследование и восстановлен прижизненный внешний облик. Приведем его описание.

Мозговая часть головы крупная. Отмечается мезокефалия, головной указатель — 78. Лоб довольно широкий. Ширина лица в области скул и нижней челюсти средняя. Нижняя челюсть не крупная. Нос и верхняя губа короткие. Лицо средней высоты. Глаза некрупные. Нос и рот неширокие. На рисунках 2а-2д можно увидеть контурные и графические портреты — реконструкции. На рисунке 2е представлена прижизненная фотография Фомы Филипповича Хвоцинского. Основные пропорции на реконструкции и фотоизображении совпадают. Можно говорить о принадлежности останков под номером 2 Ф. Ф. Хвоцинскому.

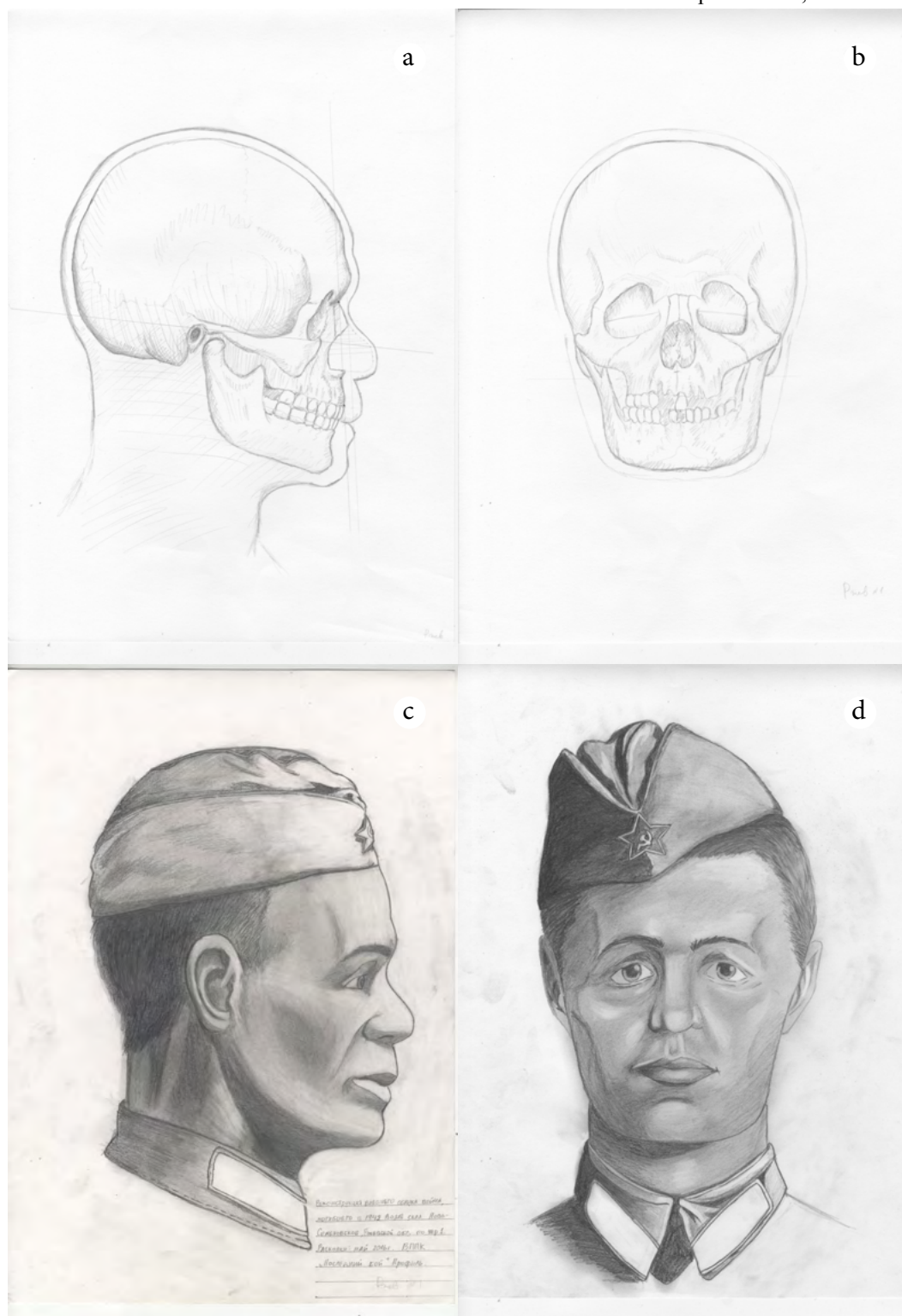

Рисунок 1. Реконструкция облика по черепу № 1

а) Контурная реконструкция, профиль; б) контурная реконструкция, фас; с) графический портрет, профиль; д) графический портрет, фас

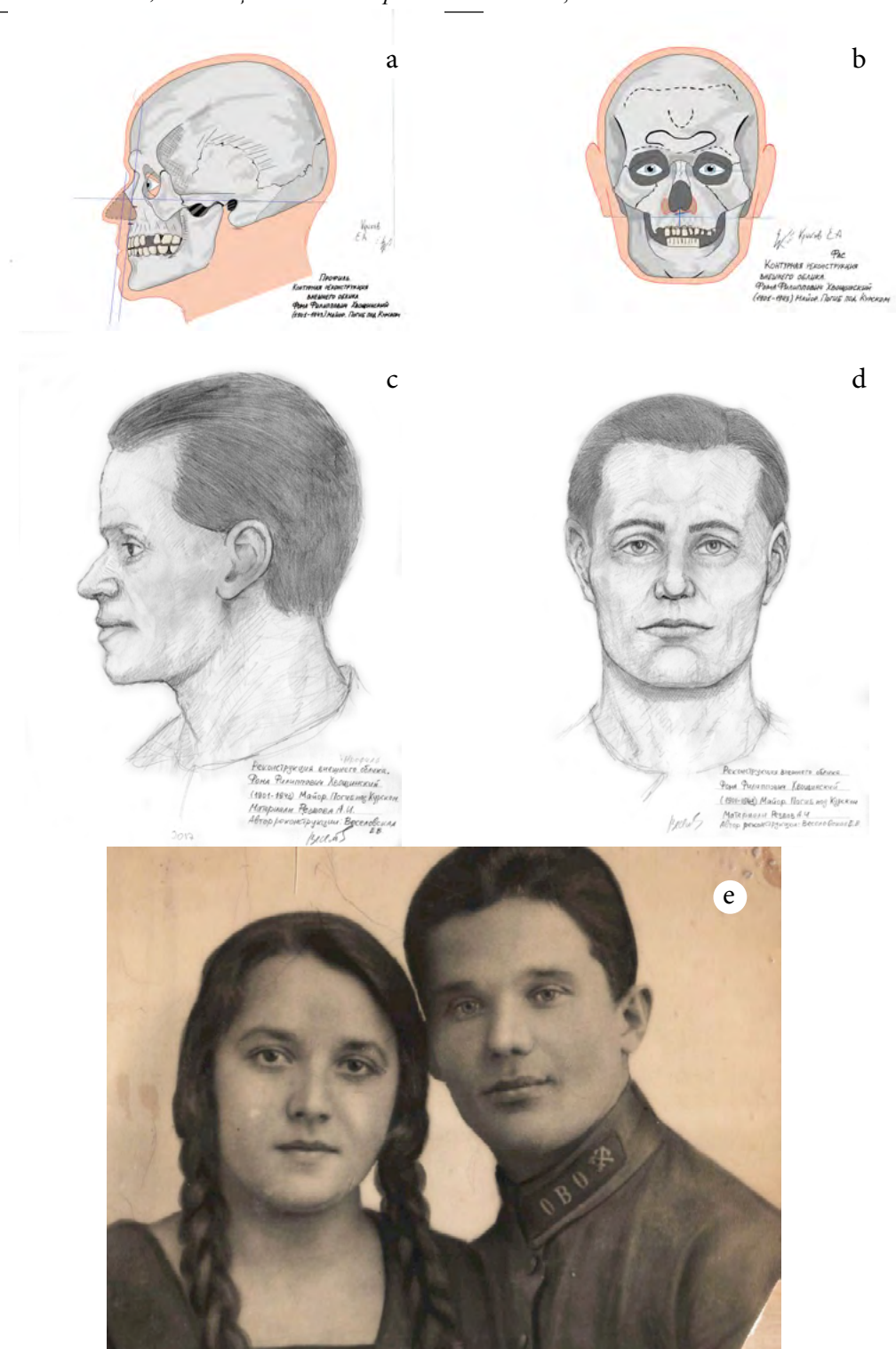

Рисунок 2. Реконструкция облика по черепу № 2

а) Контурная реконструкция, профиль; б) контурная реконструкция, фас; с) графический портрет, профиль; д) графический портрет, фас е) Прижизненная фотография индивида

77–2.2. Эти останки принадлежали молодой девушке двадцати лет, погибшей на Волховском фронте. Она была санитаркой или связисткой — мы не знаем, она погибла, чтобы жили мы... Исходя из особенностей захоронения — она лежала вместе с другим бойцом в одной воронке — перед глазами встает картина, частая для той войны: она могла быть медсестрой, пришедшей на помощь раненому, где их застала общая смерть от попадания снаряда.

Данное захоронение было эксгумировано 19 августа 2019 г. поисковым отрядом «Возрождение», командир Веселов Д. А. Ответственный за эксгумацию — Торгашев Д. В. Останки находились на небольшой глубине (порядка 30 см), в воронке от снаряда, рядом с останками мужчины. Поза останков естественная: на спине, тело выпрямлено, руки лежат вдоль туловища — можно предположить, что тела были захоронены. Небольшая глубина захоронения может говорить о спешке или о зимнем периоде, когда копанье мерзлой земли было проблематично.

Возраст оценивался по состоянию зубной системы и по зарастанию швов и составлял на момент смерти 18–22 года. На черепе сохранился метопический шов, отмечается наличие большого количества вставочных костей в лямбдовидном (затылочном) шве. При жизни были утрачены все шестые зубы и правый верхний седьмой в таком порядке: сначала верхние, затем правый нижний, последним — левый нижний. Причиной этого вероятнее всего стали кариес и вызванный им абсцесс окружающих тканей. Восьмой правый нижний (зуб мудрости) находится в челюсти — не прорезался, там же отмечается большое пространство между 7 и 8 зубами. На первых верхних резцах наблюдается характерный дефект эмали — ямки вдоль режущего края на буккальной стороне.

Фиксируются множественные осколочные переломы бедренных и тазовых костей, отсутствуют кости правого предплечья и кисти — девушка получила тяжелые осколочные ранения от разорвавшегося неподалеку снаряда, и, судя по обстоятельствам захоронения, погибла и была похоронена на поле боя.

В качестве особых примет можно обратить внимание на следующие черты внешнего облика: большой широкий лоб и вся верхняя часть головы с крупными выразительными глазами; в скулах и в области нижней челюсти лицо, напротив, узкое, женственное, грацильное. Лицо овальной формы, удлинненное, нижняя челюсть высокая. Можно отметить некоторую асимметрию носовой области: правое крыло носа несколько выше левого. Нос сильно выступающий, в крыльях узкий, основание несколько приподнятое.

Графическая реконструкция выполнена Ольгой Алехиной (Рис. 3а, б, с, d).

СНГ-10.1. Эксгумация осуществлена 19 августа поисковым отрядом «Терский рубеж» из Чеченской республики вместе с представителями сводного отряда стран СНГ. Командир — И. А. Сардалов, ответственный за эксгумацию — Т. В. Дубовик. Глубина залегания около 60 см. Найдены боеприпасы, а именно, патроны к винтовке Мосина. Погребенный лежал в могиле ничком. При нем обнаружены противогаз, двугорлая масленка, перочинный нож, алюминиевая ложка, зеленая эмалированная кружка, опасная бритва, красная губка (вероятно, уплотнитель для каски), мундштук. На ногах сохранились ботинки. Очевидно, тело не было захоронено, но, в то же время, не было потревожено солдатами, мародерами или животными — вероятно, его засыпало землей при очередном взрыве. Причина смерти — предположительно

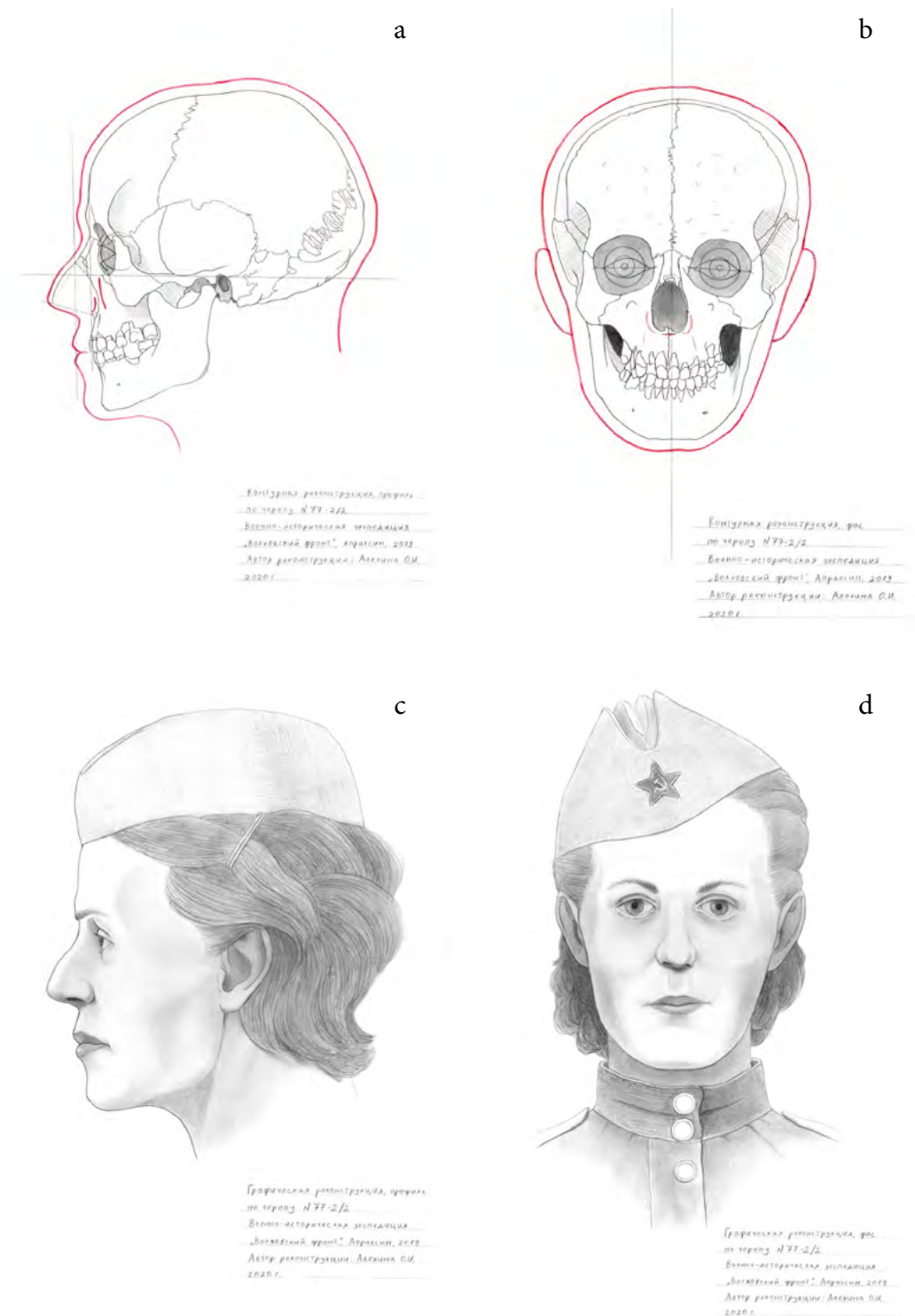

Рисунок 3. Реконструкция облика по черепу 77–2.2

а) Контурная реконструкция, профиль; б) контурная реконструкция, фас; в) графический портрет, профиль; г) графический портрет, фас

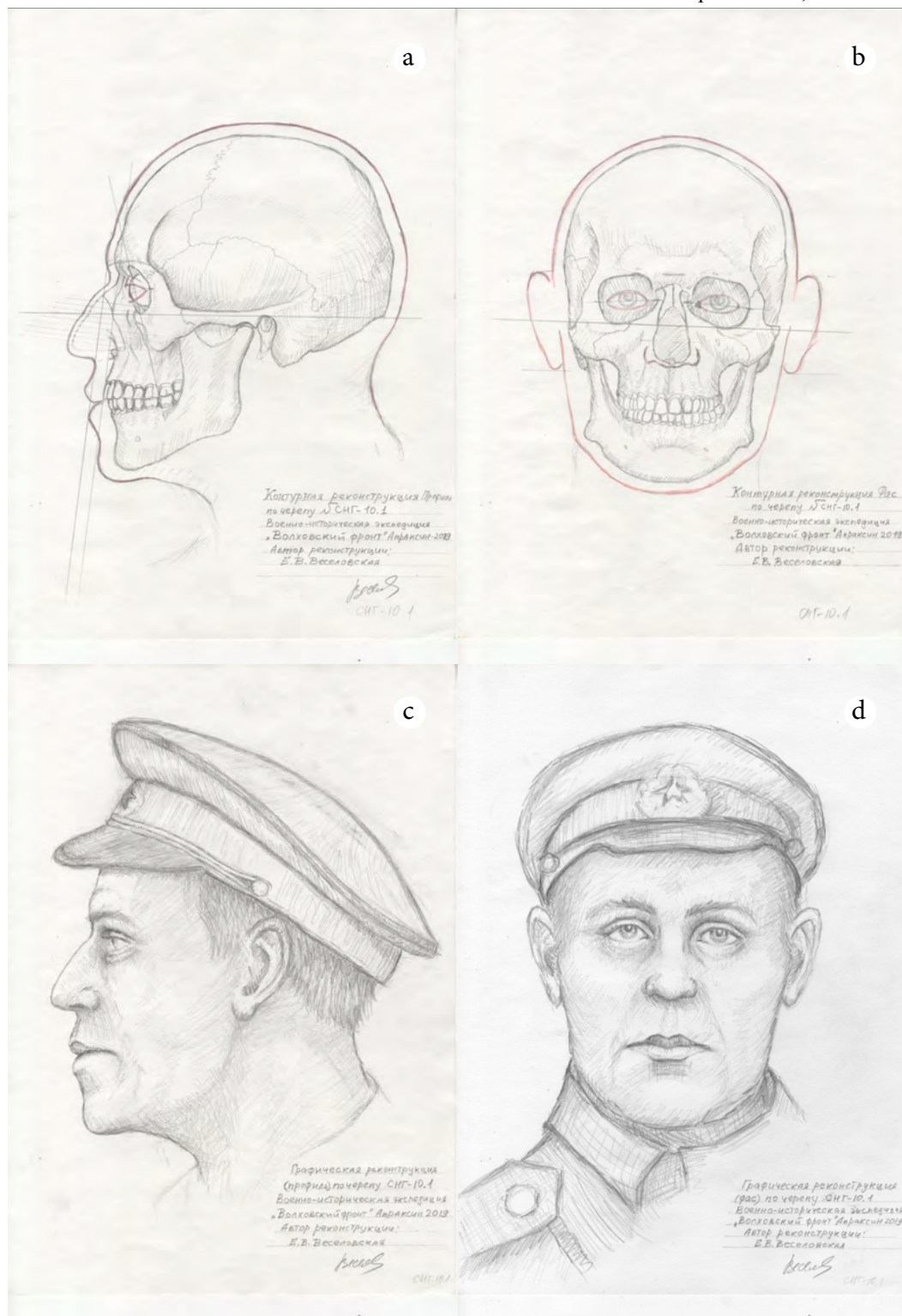

Рисунок 4. Реконструкция облика по черепу СНГ-10.1

а) Контурная реконструкция, профиль; б) контурная реконструкция, фас; в) графический портрет, профиль; г) графический портрет, фас

осколочное ранение в верхнюю часть грудной клетки справа. Повреждены ключица, ребра и грудные позвонки.

Это был высокий мужчина, около 183 см. Возраст по степени зарастания швов черепа можно оценить в 30–40 лет. Это дало основание для выполнения портрета в офицерской фуражке. На черепе отмечается хорошее развитие рельефа. Присутствуют признаки пародонтоза на верхней челюсти. На нижней челюсти — слабый зубной камень на всех зубах. Нижние правые коренные зубы подвергались лечению — в них амальгамные пломбы с примесью меди (зеленоватая патина на коронках и прилежащих тканях). На двух зубах — верхнем правом восьмом и нижнем левом пятом — кариес не залечен. На левых верхних медиальном резце и клыке — прижизненные сколы.

Графическая реконструкция выполнена Е. В. Веселовской (Рис. 4). Голова этого воина отличается крупными размерами, головной указатель 80 — мезокефалия. Лицо также крупное: высокое и широкое. Ширина лица в области скул, нижней челюсти и подбородка демонстрирует большие величины. Лоб не высокий и не широкий. Физиономическая и морфологическая высоты лица большие, нос короткий и узкий. Нижняя челюсть высокая, рот широкий, уши средних пропорций.

№ 40.1–9/2, № 40.1–9/3, № 40.1–9/5, № 40.1–9/7. Во время разведывательных работ в окрестностях дер. Цветовка, где проходили ожесточенные бои за взятие высоты «Зайцева гора» на лесной поляне из воронки, глубиной около двух метров, были эксгумированы 9 человек. Эксгумация останков проводилась с 12.09.2019 по 17.09.2019 поисковым отрядом «МВД РУСЬ» г. Калуга. Командир отряда и ответственный за эксгумацию Голубев К. В. Сохранность останков индивидов, получивших номера 40.1–9/2, 40.1–9/3, 40.1–9/5, 40.1–9/7, позволила провести антропологическое исследование. Положение останков в воронке хаотичное, словно тела туда сбрасывали в спешке. В связи с тем, что при бойцах были найдены нательные кресты, медальон, документы, элементы снаряжения и обмундирования РККА, обычное санитарное захоронение отрицаем.

По архивным данным это были бойцы 50-й армии Западного фронта; либо 173-ей стрелковой дивизии, сражавшейся за высоту в марте 1942 года, или 146 стрелковой дивизии, участвовавшей в боевых действиях на этой территории в апреле 1942 года. Время их дислокации здесь с 11 марта по 21 апреля. Перевес в сторону 146 дивизии косвенно даёт наличие у солдат ботинок. С учётом местного климата в марте должны были быть еще валенки. В таком случае, примерной датой гибели этих четырех солдат можно считать 12–21 апреля 1942 года.

№ 40.1–9/2. Возраст мужчины 35–45 лет (Алексеев 1964; Герасимов 1955; Brooks 1990). При останках этого солдата из обмундирования были найдены ботинки, из боеприпасов винтовочные патроны 7,62 на 54 мм.

На верхней челюсти отмечается прижизненная утрата резцов и второго правого премоляра (абсцесс в области его корней). Коронка первого правого премоляра утрачена, левые поражены кариесом. Пришеечный кариес на правом клыке. Кариес на первом правом моляре. Пародонтоз на всех зубах. Зубной камень на молярах. На нижней челюсти фиксируется прижизненная утрата первых резцов, второго правого премоляра, первого и второго моляров с обеих сторон. Пришеечный кариес

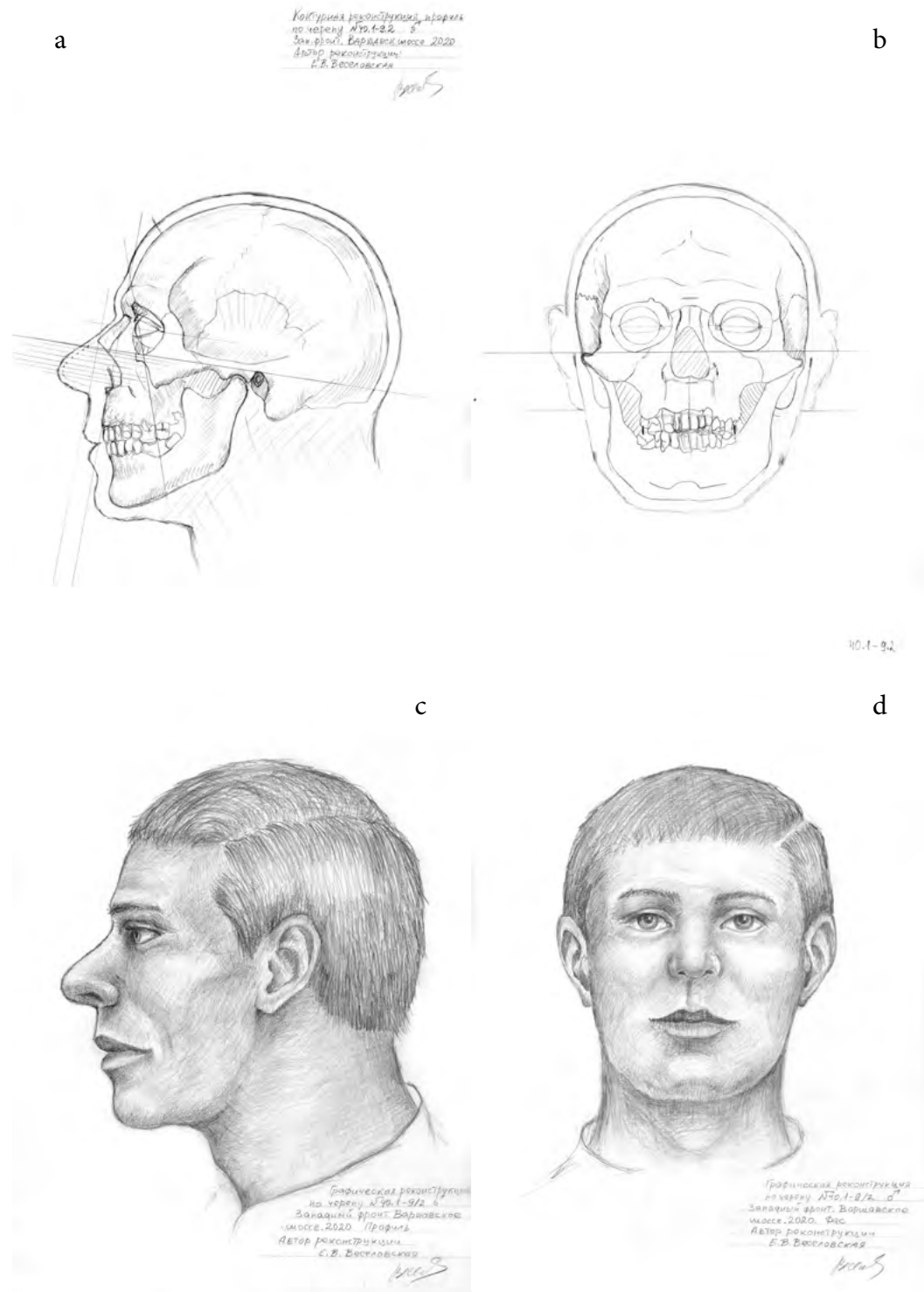

Рисунок 5. Реконструкция облика по черепу 40.1–9/2

а) Контурная реконструкция, профиль; б) контурная реконструкция, фас; в) графический портрет, профиль; д) графический портрет, фас

первого левого премоляра. Следы пародонтоза всего зубного ряда, зубной камень на правом втором резце, клыке и первом премоляре.

Повреждения на скелете не фиксируются. Особенности, в том числе возрастные: узел Шморля на третьем поясничном позвонке, очерчены края позвонков и фаланг. Мышечный аппарат хорошо развит.

Длина тела данного индивида оценивается в районе 167 см. Голова в лобно-затылочном направлении короткая. Лицо узкое, лоб широкий. Глаза относительно небольшие, глазное яблоко слабо выступает. Нос невысокий, узкий, с узким переносьем, относительно широкой спинкой и высокими крыльями. Верхняя губа средняя по высоте. Ширина ротовой щели небольшая. Подбородок средний по высоте и ширине. Нижняя челюсть невысокая. Уши средние по ширине, небольшие по высоте, средних пропорций.

Реконструкция облика выполнена Е. В. Веселовской и О. И. Давиденко. На рисунке 5 можно видеть контурные (фас, профиль) и графические (фас, профиль) портреты.

№ 40.1–9/3. Возраст этого мужчины оценивается в 25–35 лет. Вместе с останками был найден нательный ремень и винтовочные патроны 7,62 на 54 мм.

Из патологий зубной системы можно отметить только зубной камень.

Череп сохранился не полностью: из-за повреждения правых височной и теменной костей, большая часть их фрагментов утрачена. Предположительно это объясняется ранением в правую теменно-височную область. Характерные растрескивания переходят на другие кости черепа. Рядом присутствует осколок снаряда.

При работе с останками важно учитывать их комплектность. К сожалению, в ходе эксгумации были допущены ошибки, и некоторые кости конечностей были перепутаны. Обозначим сразу, что в расчёт параметров телосложения сомнительные по своей принадлежности конкретному индивиду части скелета не вошли. Длина тела, рассчитанная по наибольшей длине бедренной кости, составила 177 см, достаточно высокий рост для середины прошлого века.

Голова широкая, отмечается брахикефалия. Лицо узкое, лоб средний по ширине и высоте. Глаза относительно небольшие. Нос средний по высоте, узкий. Крылья носа средней высоты. Ширина переносья и спинки носа средняя. Верхняя губа невысокая, ширина ротовой щели небольшая. Подбородок узкий и высокий. Высота нижней челюсти средняя. Уши средней ширины, невысокие, средних пропорций. Автор реконструкции Е. В. Веселовская (Рис. 6).

№ 40.1–9/5. Прижизненный рост этого индивида составлял примерно 168 см. Этот человек был постарше остальных исследованных. Возраст его оценивается в 35–40 лет. При нём был найден элемент снаряжения в виде подсумка.

На верхней челюсти полностью утрачена коронка второго правого моляра, на соседних зубах пришеечный кариес. На нижней челюсти помимо коронки правого второго моляра, утрачены первый и второй левые моляры. На наружной поверхности зубов слабый зубной камень (1 балл).

Из особенностей черепа можно отметить небольшую остеоому диаметром 7 мм на правой верхней четверти лобной кости. Повреждение правой нососкуловой области, скорее всего, получено при эксгумации.

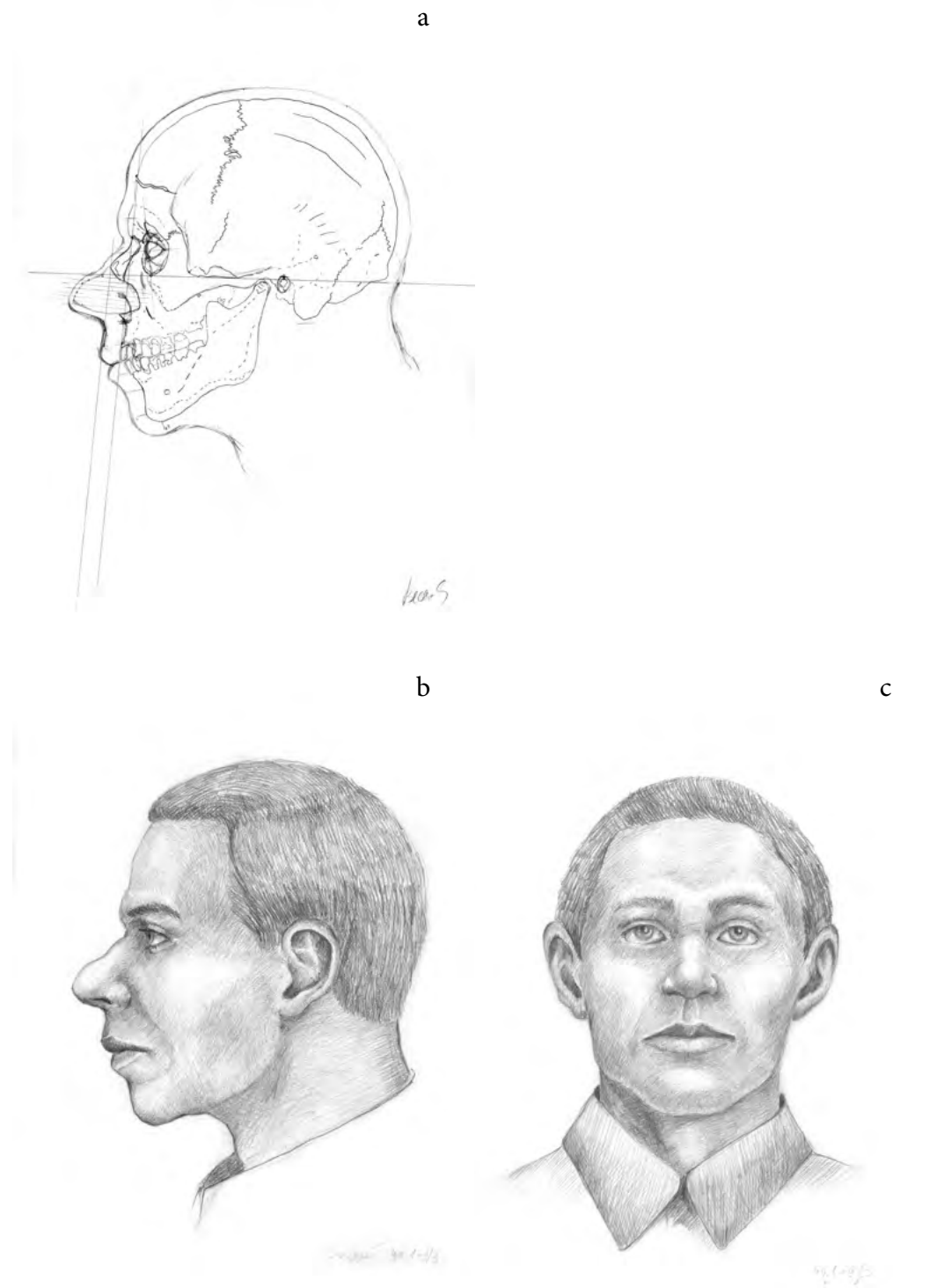

Рисунок 6. Реконструкция облика по черепу 40.1-9/3

а) Контурная реконструкция, профиль; б) графический портрет, профиль; в) графический портрет, фас

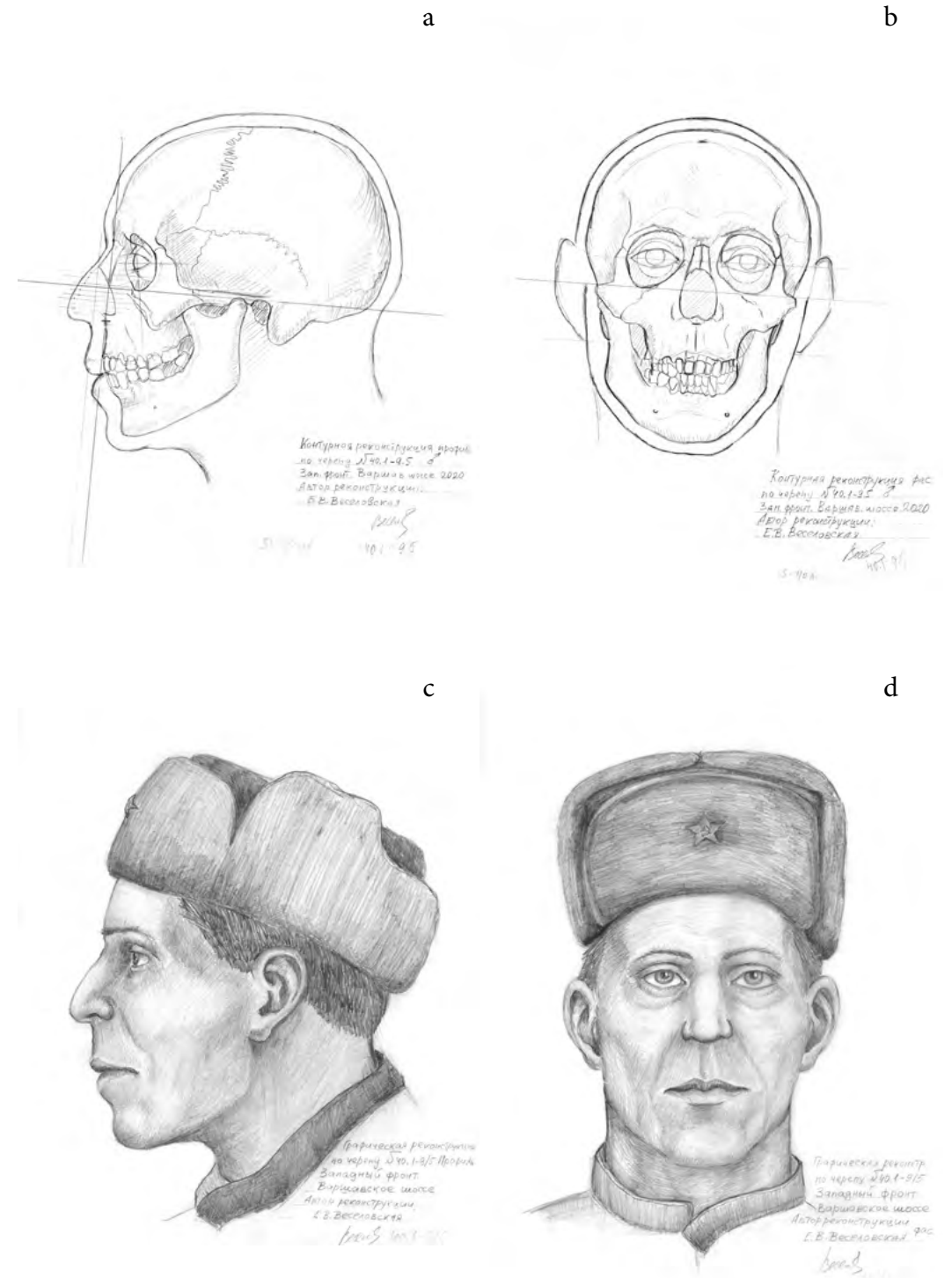

Рисунок 7. Реконструкция облика по черепу 40.1-9/5

а) Контурная реконструкция, профиль; б) контурная реконструкция, фас; в) графический портрет, профиль; д) графический портрет, фас

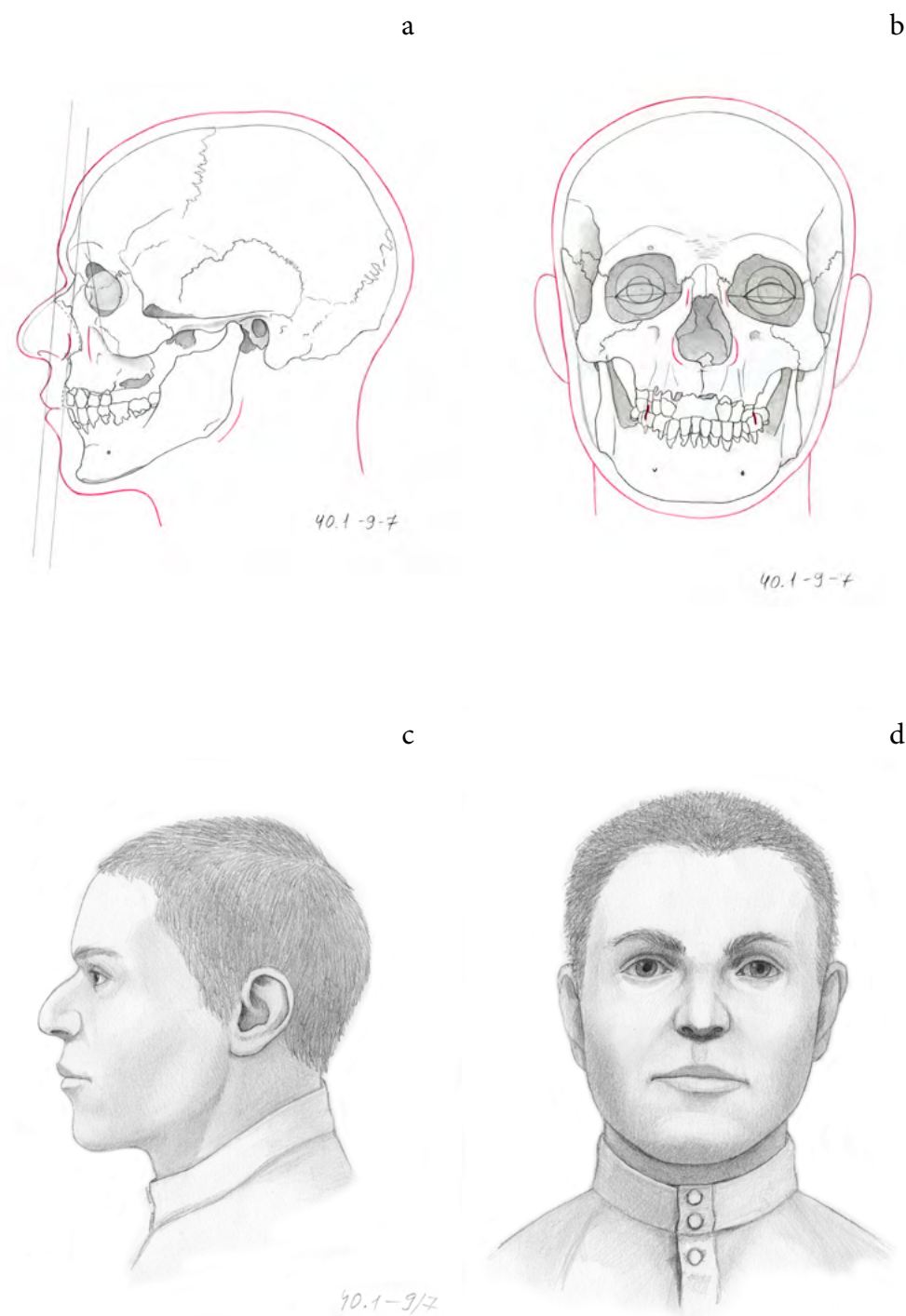

Рисунок 8. Реконструкция облика по черепу 40.1–9/7

а) Контурная реконструкция, профиль; б) контурная реконструкция, фас; в) графический портрет, профиль; г) графический портрет, фас

Мышечный рельеф на костях этого бойца хорошо развит. На той части посткраниального скелета, которая достоверно принадлежит этому индивиду, отмечается фрагментарная представленность бедренных и левых берцовых костей. Возможная причина гибели: осколочные ранения ног. Голова бойца длинная и узкая, по головному указателю попадает в разряд долихоцефалии. Лицо также узкое. Лоб широкий, средний по высоте. Глаза относительно небольшие. Нос средний по высоте, узкий с узкой спинкой, средними по высоте крыльями. Высота верхней губы средняя, ширина ротовой щели небольшая. Подбородок узкий, по высоте средний. Нижняя челюсть средней высоты. Уши средней ширины, невысокие, средних пропорций. Автор реконструкции Е. В. Веселовская (Рис. 7).

№ 40.1–9/7. Это был молодой мужчина 25–35 лет. От его обмундирования осталась только поясной ремень.

На верхней челюсти с обеих сторон утрачены первые моляры. Коронка из белого металла (предположительно медицинская сталь) на левом втором резце. Пришеечный кариес на левом втором премоляре. Из патологий зубов нижней челюсти можно отметить кариес на третьем правом моляре и слабый зубной камень на всех зубах.

На черепе имеется вставочная косточка в области соединения лямбдовидного и сагиттального швов. Повреждено основание черепа, отколот левый венечный отросток нижней челюсти. Стали ли эти повреждения причиной смерти или были получены после, не ясно.

Сохранность костной ткани средняя.

Мышечный рельеф хорошо развит. Длина тела оценивается несколько выше средних значений — 176 см. Голова крупных размеров, по форме удлинённая, отмечается долихоцефалия. Лицо узкое, лоб широкий и высокий. Глаза относительно небольшие. Нос короткий и узкий с широким переносьем, высокими крыльями. В профиль выступание носа значительное, спинка носа выпуклая. Верхняя губа низкая, ширина ротовой щели малая. Подбородок относительно узкий. Высота нижней челюсти средняя. Уши средние по ширине, высоте и пропорциям. Автор реконструкции О. И. Алехина (Рис. 8).

Заключение

Благодаря проекту «Восстановление облика павших воинов ВОВ» к настоящему времени удалось реконструировать прижизненную внешность более 20 бойцов, погибших защищая нашу Родину. В некоторых случаях восстановление облика способствовало идентификации (Веселкова, Веселовская 2022). После публикации портрета, выполненного по черепу № 1, описанному в настоящей статье, в социальных сетях, нам прислали фото, которое можно видеть на рисунке 9. Родственники предполагают, что воин, сидящий в нижнем ряду слева похож на восстановленного нами, погибшего под Ржевом. Сопоставление этих двух изображений выявляет близкое сходство лиц. На обоих видна важная особая примета — косонаружное положение глаз. Совпадают и другие признаки: небольшой рост, слабое телосложение, высокая нижняя челюсть, короткий нос. 22 июня 2016 г. эти останки были с почестями преданы земле в братской могиле у с. Ново-Семеновское.

Останки майора Красной Армии Фомы Филипповича Хвощинского благодаря проведенному восстановлению облика были точно идентифицированы. 26 октября

Рисунок 9. Прижизненная фотография индивида № 1

2016 г. в агрогородке Воротынь Бобруйского района Беларуси на Родине Фомы Филипповича останки были торжественно перезахоронены.

Церемония захоронения останков солдат Красной армии, сражавшихся за высоту «Зайцева гора» и найденных в ходе экспедиции «Западный фронт. Варшавское шоссе», состоялась в Барятинском районе близ деревни Цветовка на воинском захоронении 269,8 «Подрыв» 23 августа 2020 г.

Возможно, портреты, выполненные нами по черепам погибших, будут опознаны, кто-то из читателей узнает в них своих родных. В таких случаях мы непременно проведем идентификационную экспертизу, для чего нам понадобятся фотографии в разных ракурсах. Проект открыт, и работа по восстановлению облика павших воинов ВОВ продолжается.

Благодарности

Выполнение научной антропологической реконструкции внешности, а также написание статьи проведено в рамках НИР ИЭА РАН. Мы благодарим всех участников проекта и поисковиков.

Работа выполнена с привлечением материалов Центра коллективного пользования «Фонд палеоантропологических материалов ИЭА РАН».

Научная литература

- Алексеев В. П., Дебец Г. Ф. *Краниометрия. Методика антропологических исследований*. М.: Наука, 1964. 128 с.
- Балуева Т. С., Веселовская Е. В. Новые разработки в области восстановления внешнего облика человека по краниологическим данным // *Археология, этнография и антропология Евразии*, 2004. № 1. С. 143–150.
- Бунак В. В. *Антропометрия*. Москва: Учпедгиз, 1941. 368 с.
- Веселкова Д. В., Веселовская Е. В. Случай идентификации останков солдата, погибшего в Великой Отечественной войне // *Российский журнал физической антропологии*, 2021. Вып. 2. С. 47–64.
- Веселовская Е. В., Балуева Т. С. Новые разработки в антропологической реконструкции. *Вестник антропологии*, 2012. № 22. С. 22–42.
- Веселовская Е. В. Словесный портрет по черепу // *Сборник трудов Всероссийской научной конференции «Палеоантропологические и биоархеологические исследования: традиции и новые методики» (VI Алексеевские чтения)*, 2015. С. 31–33.
- Веселовская Е. В. «Алгоритм внешности» — комплексная программа антропологической реконструкции. *Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология*, 2018. № 2. С. 38–54.
- Галант И. Б. Новая схема конституциональных типов женщин // *Казанский медицинский журнал*, 1927. № 5. С. 547–557.
- Герасимов М. М. Восстановление лица по черепу (современный и ископаемый человек). Москва: Изд-во АН СССР, 1955. 585 с.
- Дерябин В. Е. Морфологическая типология телосложения мужчин и женщин. Москва: Деп. в ВИНТИ, 2003. 290 с.
- Звягин В. Н., Григорьева М. А. Метод установления соматологических особенностей человека при судебно-медицинской экспертизе костных останков. Методические рекомендации, 2001. 26 с.
- Зенкевич П. И., Алмазова Н. Я. Изменение размеров тела взрослого мужского населения Центральной части РСФСР за 100 лет // *Проблемы размерной антропологической стандартизации для конструирования одежды*, 1978.
- Ильющечкин А. А. Зайцева Гора в 1942–1943 гг.: неизвестная великая битва или ошибка полководцев? // *Песоченский историко-археологический сборник* / сост. и отв. ред. А. А. Бауэр. Вып., 1997 г. Киров: Кировский историко-краеведческий музей. С. 37.
- Ильющечкин А. А. Варшавское шоссе — любой ценой: трагедия Зайцевой горы, 1942–1943. Москва: Центрполиграф, 2014. 252 с.
- Любимова Л. П., Юшина Т. А. Великая Отечественная война на территории Спас-Деменского, Барятинского, Мосальского, Юхновского районов 1941–1943 гг. // *Материал для экскурсий военно-исторического музея «Зайцева Гора»*, 1983.
- Лебединская Г. В. О корреляциях между размерами мягких тканей и костной основой носа // *Сов. Этнография*, 1965. Вып. 3. С. 146–151.
- Лебединская Г. В. Реконструкция лица по черепу (методическое руководство). Москва: Старый сад, 1998. 125 с.
- Мамонова Н. Н., Романова Г. П., Харитонов В. М. Первичная обработка и определение антропологического материала в полевых условиях // *Методика полевых археологических исследований*, 1989. С. 50–83.
- Негашева М. А. Морфологическая типология лица у мужчин и женщин в связи с конституциональной принадлежностью. Авт. дисс. канд. биол. наук. Москва, 1996. 26 с.
- Valueva T., Veselovskaya E., Kobylansky E. Cranio-facial Reconstruction by Applying the Ultrasound Method in Live Human Populations. *International Journal of Anthropology*, 2009, 24 (2), pp. 87–111.

- Brooks S., Suchey J.M. Skeletal age determination based on the os pubis: a comparison of the Acsádi-Nemeskéri and Suchey-Brooks methods. *Human evolution*, 1990, 5 (3), pp. 227–238.
- Trotter M., Gleser G.C. Estimation of stature from long bones of American Whites and Negroes. *American journal of physical anthropology*, 1952, 10, pp. 463–514.
- Trotter M., Gleser G.C. A reevaluation of estimation of stature based on measurements of stature taken during life and of long bones after death. *American journal of physical anthropology*, 1958, 16 (1), pp. 79–123.
- Schaefer M., Black S., Scheuer L. Juvenile Osteology. A Laboratory and Field Manual. *Academic Press*, 2009, 2, 369 p.
- Schmidt A. Die Geschichte der 10 infanterie-Division. *Dorfler*, 2005. P. 40.

References

- Alekseev, V.P., and G.F. Debets. 1964. *Kraniometriia. Metodika antropologicheskikh issledovaniy* [Cranio-metry. Methodology of anthropological research]. Moscow: Nauka.
- Balueva T., Veselovskaya E., and Kobylansky E. 2009. Cranio-facial Reconstruction by Applying the Ultrasound Method in Live Human Populations. *International Journal of Anthropology* 24 (2): 87–111.
- Balueva, T.S., and E.V. Veselovskaia. 2004. Novye razrabotki v oblasti vosstanovleniia vneshnego oblika cheloveka po kraniologicheskim dannym [New developments in the field of restoration of human appearance according to craniological data]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* 1: 143–150.
- Brooks S., and Suchey J.M. 1990. Skeletal age determination based on the os pubis: a comparison of the Acsádi-Nemeskéri and Suchey-Brooks methods. *Human evolution* 5 (3): 227–238.
- Bunak, V.V. 1941. *Antropometriya* [Anthropometry]. Moscow: Uchpedgiz Publ.
- Deryabin, V.E. 2003. *Morfologicheskaya tipologiya teloslozheniya muzhchin i zhenshchin* [Morphological typology of the constitution of men and women]. Moscow: Dep. v VINITI.
- Galant, I.B. 1927. Novaya skhema konstitucional'nykh tipov zhenshchin [A new scheme of constitutional types of women]. *Kazanskij medicinskij zhurnal* 5: 547–557.
- Gerasimov, M.M. 1955. *Vosstanovleniye litsa po cherepu (sovremennyy i iskopayemyy chelovek)* [Reconstruction of the face on the skull (modern and fossilized person)]. Moscow: USSR Academy science Publ.
- Ilyushechkin, A.A. 2014. *Varshavskoe shosse — lyuboj cenoy: tragediya Zajcevoj gory, 1942–1943* [Varshavskoe Highway — at any cost: the Tragedy of Zaitseva Gora, 1942–1943]. Moscow: Centrpoligraf Publ.
- Ilyushechkin, A.A. 1997. Zajceva Gora v 1942–1943 gg.: neizvestnaya velikaya bitva ili oshibka polkovodcev? [Zaitseva Gora in 1942–1943: an unknown great battle or a mistake of the commanders?] In *Pesochenskij istoriko-arkheologicheskij sbornik*, edited by A. A. Bauer, 37. Kirov: Kirovskij istoriko-kraevedcheskij muzej.
- Lebedinskaia, G.V. 1989. *Rekonstruktsiia litsa po cherepu (metodicheskoe rukovodstvo)* [Facial reconstruction based on the skull: methodological guidelines]. Moscow: Staryi sad Publ.
- Lebedinskaya, G.V. 1965. O korrelyaciyah mezhdu razmerami myagkih tkanej i kostnoj osnovoy nosa [Correlations between the size of soft tissues and the bone base of the nose]. *Sovetskaya etnografiya* 3: 146–151.
- Lyubimova, L.P., and T.A. YUshina. 1983 *Velikaya Otechestvennaya vojna na territorii Spas-Demenskogo, Baryatinskogo, Mosal'skogo, YUhnovskogo rajonov 1941–1943 gg.* [The Great Patriotic War on the territory of the Spas-Demensky, Baryatinsky, Mosalsky, Yukhnovsky districts 1941–1943]. Kaluga.
- Mamonova, N.N., G.P. Romanova, and V.M. Kharitonov. 1989. Pervichnaya obrabotka i opredele-nie antropologicheskogo materiala v polevykh usloviyakh [Primary processing and determina-

- tion of anthropological material in the field]. *Metodika polevykh arkheologicheskikh issledovaniy*: 50–83.
- Negasheva, M.A. 1996. *Morfologicheskaya tipologiya lica u muzhchin i zhenshchin v svyazi s konstitucional'noj prinadlezhnost'yu* [Morphological typology of the face in men and women in connection with constitutional affiliation]. Ph.D. diss. abstract, Moscow State University.
- Schaefer M., Black S., Scheuer L. 2009. Juvenile Osteology. A Laboratory and Field Manual. *Academic Press* 2.
- Schmidt A. 2005. Die Geschichte der 10 infanterie-Division. *Dorfler*: 40.
- Trotter M., Gleser G.C. 1958. A reevaluation of estimation of stature based on measurements of stature taken during life and of long bones after death. *American journal of physical anthropology* 16 (1): 79–123.
- Trotter M., Gleser G.C. 1952. Estimation of stature from long bones of American Whites and Negroes. *American journal of physical anthropology* 10: 463–514.
- Veselkova, D.V., and E.V. Veselovskaya. 2022. Sluchaj identifikatsii ostankov soldata, pogibshogo v Velikoj Otechestvennoj Vojne [The case of identification of the remains of a soldier who died in the Great Patriotic War]. *Rossiyskij zhurnal fizicheskoy antropologii* 2: 47–64.
- Veselovskaia, E.V., and T.S. Balueva. 2012. Novye razrabotki v antropologicheskoi rekonstruktsii [New developments in anthropological reconstruction]. *Vestnik antropologii* 22: 22–42.
- Veselovskaya, E.V. 2015 Slovesnyy portret po cherepu [A verbal portrait on the skull]. *Sbornik trudov Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii "Paleoantropologicheskiye i bioarkheologicheskiye issledovaniya: traditsii i novyye metodiki" (VI Alekseyevskiy chteniya)*: 31–33.
- Veselovskaya, E.V. 2018. "Algoritm vneshnosti" — kompleksnaya programma antropologicheskoi rekonstruktsii ["Appearance algorithm" — the comprehensive program of craniofacial reconstruction]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 23: Antropologiya* 2: 38–54.
- Zenkevich, P.I., and N.Ya. Almazova. 1978. *Izmenenie razmerov tela vzroslogo muzhskogo nasele-niya Central'noj chasti RSFSR za 100 let* [Change in body size of the adult male population of the central part of the RSFSR for 100 years]. Moscow: Leg. Industry Publ.
- Zviagin, V.N., and M.A. Grigor'eva. 2010. Metod ustanovleniia somatologicheskikh osobennostei cheloveka pri sudebno-meditsinskoi ekspertize kostnykh ostankov [Method of establishing somatological features of a person during forensic medical examination of bone remains]. *Methodicheskie rekomendatsii*: 26.

УДК 572

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-2/226-238

Научная статья

© А. П. Пестряков, О.М Григорьева, Ю. В. Пеленицына

КРАНИОЛОГИЧЕСКИЕ ВАРИАНТЫ МОНГОЛОИДНОЙ РАСЫ И ИХ ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ПРИУРОЧЕННОСТЬ

Большую монголоидную расу обычно подразделяют на три малых: северные, восточные и южные монголоиды. Эти три расовых подразделения нами были изучены в краниологическом отношении по специальной программе, обычно используемой в подобных исследованиях. По литературным источникам взяты исходные краниологические данные по 116 сериям, близким к современности: 52 северных, 42 восточных и 22 южных монголоидов. Исследовались метрические признаки абсолютного размера и формы черепной коробки, всего 11 признаков. По комплексу изучаемых признаков определялось место этих серий в нашей краниологической классификации.

Абсолютное большинство краниосерий северных монголоидов оказались голарктидами, одним из трёх, выделенных нами ранее, панойкуменных краниотипов. Для таких серий характерна средняя или большая величина черепной коробки, наиболее низкосводной среди монголоидов, часто с выраженной тенденцией к брахикрании. Черепа в сериях восточных монголоидов, имея приблизительно такую же величину, значительно более высокосводны, сравнительно с северными монголоидами, и как правило мезокранны. По нашей краниологической классификации они являются ярко выраженными пацифидами. Лишь 5 краниосерий из 42-х не могут быть отнесены к этому панойкуменному краниотипу. Две серии китайцев территории крайнего северо-западного распространения этого этноса и серия хуэй (китайцев-мусульман Синьцзяна), вероятно, являются метисами между пацифидами и голарктидами. А две корейские серии, по форме черепа высокосводные, но при этом брахикранные, безусловно не могут быть отнесены ни к голарктидам, ни к пацифидам. Наиболее сложными в краниологическом отношении оказалась южные монголоиды. Краниосерии восточной части территории их распространения, имея такую же форму черепной коробки, хотя и значительно меньшего размера, как у восточных монголоидов могут быть отнесены к миниатюрному варианту краниотипа пацифидов. Но в западной части ареала южных монголоидов

Пестряков Александр Петрович — к. и. н., старший научный сотрудник Центра физической антропологии, Институт этнологии и антропологии РАН (Москва, Ленинский пр. 32-а) Эл. почта: labrecon@yandex.ru

Григорьева Ольга Михайловна — к. б. н., старший научный сотрудник Центра физической антропологии, Институт этнологии и антропологии РАН (Москва, Ленинский пр. 32-а) Эл. почта: labrecon@yandex.ru

Пеленицына Юлия Вадимовна — магистр, МГУ им. М.В. Ломоносова (119234 Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 12). Эл. почта: j.pelenitsyna@gmail.com ORCID: 0000-0003-3378-9151

* Исследование выполнено в рамках темы НИР «Эволюционный континуум рода Homo». Под-тема «Антропология древних и современных популяций»

господствует локальный тип сундидов, резко отличный как от краниотипа голарктидов, так и от краниотипа пацифидов. Для сундидов характерна наименьшая среди монголоидов величина черепной коробки, укороченной, средневысокой и резко брахикранный по форме. Интересно, что наши корейские серии имеют очень сходную форму черепной коробки, но, правда, значительно большую по размеру.

Локальный краниологический тип сундидов со всех сторон замкнут на территории своего современного распространения. С севера и востока его находится зона доминирования пацифидов, а на северо-западе (Индийский субконтинент) и юго-востоке (Австралия и Западная Океания) зона популяций (краниосерий) тропидов — совершенно другого панойкуменного краниотипа.

Ключевые слова: монголоиды, мозговой череп, краниосерия, краниотип, степень сферичности черепа, эволюционные изменения, сундиды

Ссылка при цитировании: Пестряков А. П., Григорьева О. М., Пеленицына Ю. В. Краниологические варианты монголоидной расы и их территориальная приуроченность // Вестник антропологии, 2022. № 2. С. 226–238.

UDC 572

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-2/226-238

Original Article

© Aleksander P. Pestriakov, Olga M. Grigoryeva, Yulia V. Pelenitsyna

CRANIAL VARIATION OF THE MONGOLOID RACE AND ITS GEOGRAPHIC DISTRIBUTION

The large Mongoloid race is usually divided into three small ones: northern, eastern and southern Mongoloids. These three racial divisions were studied according to the special craniometric program. The material of the study consisted of 116 published modern cranial samples (52 northern, 42 eastern and 22 southern Mongoloid samples) using 11 metric traits of the absolute size and shape of the cranium. These traits were used to assign the samples to the categories within our cranial classification. The absolute majority of the northern Mongoloid cranial samples were classified as Golarktids. They are characterized by average or large crania sizes and the lowest vault among all Mongoloid samples. The crania of eastern Mongoloids, being of approximately the same size, have higher vault than the northern Mongoloids and are usually mesocranial. According to our craniological classification, they are Pacifids. Only 5 of 42 samples cannot be attributed to this type. Two samples of northern Chinese and the Hui sample (Chinese Muslims of Xinjiang) occupy intermediate position between Pacifids and Golarktids. The two brachycranial Korean samples with high vaults cannot be attributed to any of these types. The southern Mongoloids turned out to be more complicated in craniological terms. Samples from the eastern part of the territory are similar to eastern Mongoloids in shape, but much smaller in size, and thus can be considered a small version of the Pacifid type. But the western samples of the southern Mongoloids are mainly presented by a local type of Sundids, who differ from both Golarktids and

Pacifids. Sundids have short, wide and medium-high crania, the smallest among Mongoloids. Interestingly, our Korean samples have a very similar shape of the crania, but much larger in size.

The local cranial type of Sundids is isolated on its modern territory. From the north and east there is a zone where the Pacifid type dominates, and the northwest (Indian subcontinent) and southeast (Australia and Western Oceania) areas are inhabited by the Tropic populations of a completely different cranial type.

Keywords: *Mongoloids, cranial, cranial sample, cranial type, sphericity of the skull, evolutionary changes, Sundids*

For Citation: Pestryakov A. P., Grigoryeva O. M., Pelenitsyna Y. V. 2022. Cranial Variation of the Mongoloid Race and Its Geographic Distribution. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 2: 226–238.

Author Info: **Pestryakov, Aleksander P.** — Ph.D. in hist., Institute of Ethnology and Anthropology, RAS (Moscow, Leninsky Pr. 32-a). E-mail: labrecon@yandex.ru

Grigorieva, Olga M. — Ph.D. in biol., Institute of Ethnology and Anthropology, RAS (Moscow, Leninsky Pr. 32-a). E-mail: labrecon@yandex.ru

Pelenitsyna, Yulia V. — Master, Lomonosov Moscow State University (119234 Moscow, Leninsky Gory, 1–12). E-mail: j.pelenitsyna@gmail.com ORCID: 0000-0003-3378-9151

Funding: The article is published as part of the Research Plan of the Institute of Ethnology and Anthropology (Russian Academy of Sciences, Moscow) “The evolutionary continuum of the genus Homo”, Subtopic “Anthropology of Ancient and Modern Populations”.

Введение

Народы, относимые к большой монголоидной расе, заселяют практически всю восточную половину огромного материка Евразии, а также большую часть архипелагов, прилегающих к этой территории с востока (Японские острова) и юга (Малайский архипелаг до линии Уоллеса). Академик Валерий Павлович Алексеев писал: «Деление азиатских монголоидов на северных, восточных и южных продемонстрировано на таких обширных материалах и аргументировано столь основательными данными и общетеоретическими соображениями, что нет никаких решительно оснований от него отказываться... Все три группы достаточно отчетливо различаются между собой» (Алексеев 2007: 152). Исходя из этого, нами было предпринято исследование краниологического разнообразия этнических групп, составляющих эти три малые расы, входящие в большую монголоидную расу, по литературным источникам.

На эту тему нами была уже опубликована значительная по объёму работа, изложенная в трёх статьях (Пестряков, Григорьева, Пеленицына 2021а; Пестряков, Григорьева, Пеленицына 2021б; Пестряков, Григорьева, Пеленицына 2021в.).

Две последние из названных работ непосредственно посвящены краниологическому изучению северных (Пестряков, Григорьева, Пеленицына 2021б) и восточных (Пестряков, Григорьева, Пеленицына 2021в) монголоидов, а первая (Пестряков, Григорьева, Пеленицына 2021а) — изучению населения того территориально обширного и географически исключительно разнородного региона, расположенного между юго-восточной Азией, с одной стороны, и Австралией, и Новой Гвинеей с Мела-

незией, с другой. Именно здесь, в западной части этого региона (западнее физико-географической линии Уоллеса) расселены популяции южных монголоидов.

Основные выводы этих статей изложены в ходе дальнейшего обсуждения.

Результаты исследования

Среди северных монголоидов (52 краниосерии) абсолютно доминирует панойкуменный краниотип голарктидов (по нашей классификации), что соответствует краниотипу континентальных монголоидов (по классификации Н. Н. Чебоксарова).

Среди восточных монголоидов (42 краниосерии) доминирует панойкуменный краниотип пацифидов (или тихоокеанских монголоидов по классификации Н. Н. Чебоксарова), к ним принадлежат 37 из 42 краниосерий восточных монголоидов (все серии японцев, гаошань и подавляющее большинство китайских). Но 5 из этих 42 серий, принадлежат так же, как и остальные к малой расе восточных монголоидов, к краниотипу пацифидов, а, следовательно, к тихоокеанским монголоидам (по Н. Н. Чебоксарову), безусловно относятся не могут. Таковыми оказались: серия хуэй из провинции Синьцзян, две китайские серии — китайцы Монголии и китайцы Джунгарии, и две серии корейцев. При этом две китайские серии и серия хуэй по некоторым характеристикам формы черепной коробки (например, доминирование брахикрании) несколько сближаются с северными монголоидами. Это легко объясняется их территориально-географическим расположением (крайний северо-запад расселения китайского этноса), облегчающем возможное их смешение с популяциями северных монголоидов.

Краниологические особенности двух краниосерий корейцев, в расовом отношении безусловно восточных монголоидов, таковы, что они не вписываются ни в краниотип голарктидов (имея, в отличие от них абсолютно и относительно очень высокий свод черепной коробки), ни в краниотип пацифидов (имея, в отличие от них, укороченную по форме брахикранию черепную коробку). Таким образом, их нельзя поместить ни в один, среди выделенных нами ранее панойкуменных краниотипов. Место корейцев в нашей краниологической классификации пока не определено.

В первой по времени опубликованной статье по названной тематике (Пестряков, Григорьева, Пеленицына 2021а), было рассмотрено краниологическое разнообразие населения географически и этнически очень сложного региона обитания южных монголоидов: от полуострова Индокитай на северо-западе до Филиппин и островов Малайского архипелага на восток и на юг от Индокитая. Далее на восток расположены остров Новая Гвинея и острова Меланезии, заселенные уже популяциями в расовом отношении принадлежащим к восточным экваториалам, которые, по нашей классификации, относятся к панойкуменному краниотипу тропидов.

Как выяснилось в краниологическом отношении южные монголоиды значительно более гетерогенны сравнительно с северными или восточными. Здесь население представлено как пацифидами, очень близкими по своим особенностям к восточным монголоидам (классическим пацифидам), так и выявленным нами впервые локальным краниотипом *сундидов*. Причём вторых здесь видимо больше, чем первых.

В таблице 1 даны среднегрупповые характеристики 22-х краниосерий южных монголоидов. Как обычно в подобных наших статьях изучаются 11 метрических признаков размера и формы черепной коробки. Из литературных источников берут-

ся лишь среднегрупповые величины диаметров черепа: наибольшего продольного, наибольшего поперечного и высотного (от *ba*). Остальные признаки рассчитывались авторами статьи исходя из среднегрупповых величин основных диаметров. Это: общая ростовая величина черепной коробки (ОРВ), вычисляемая векторным сложением величин трёх основных диаметров, черепной указатель (8:1), высотно-

Таблица 1

**Среднегрупповые величины краниологических признаков
в изучаемых сериях южных монголоидов**

этнос	1	8	17	ОРВ	8:1	17:1	17:8	УД	УБ	УГ	СС
Нага	181,3	137,9	136,6	265,6	76,1	75,3	99,1	132,1	87,6	86,4	80,6
Бирманцы-1	173,1	142,1	135,6	261,8	82,1	78,3	95,4	124,7	92,8	86,5	84,9
Бирманцы-2	173,5	143,7	136,0	263,2	82,8	78,4	94,6	124,1	93,5	86,1	85,2
Таиландцы	168,6	141,4	135,9	258,6	83,9	80,6	96,1	121,6	93,4	88,0	86,6
Кхмеры	173,7	140,4	136,8	261,9	80,8	78,8	97,4	125,3	91,1	87,6	84,4
Вьетнамцы	177,0	140,3	137,0	264,2	79,3	77,4	97,6	127,7	90,1	86,9	83,1
Малайцы	175,2	141,9	137,6	264,1	81,0	78,5	97,0	125,4	91,4	87,3	84,4
Индонезийцы западные	170,7	142,0	135,4	260,1	83,2	73,5	95,4	123,1	93,4	87,0	85,8
Индонезийцы восточные	174,9	139,4	135,6	261,6	79,7	77,5	97,3	127,2	90,5	86,8	83,4
Суматранцы	173,8	139,1	135,1	260,4	80	77,7	97,1	126,8	90,8	86,9	83,6
Ява, Багавия	170,2	141,7	134,6	259,2	83,4	79,1	95,0	123,2	93,6	86,7	85,7
Ява, Бантам	169,5	139,8	133,9	257,2	82,4	79,1	95,8	123,9	92,8	87,0	85,3
Ява центральная	172,6	142,5	135,1	261,6	82,7	78,3	94,8	124,4	93,3	86,1	85,0
Ява — сборная серия	174,0	142,1	135,8	262,7	81,9	78,3	95,6	125,3	92,4	86,4	84,5
Мадурцы	172,2	143,1	136,3	262,2	83,2	79,2	95,2	123,3	93,4	86,8	85,6
Балийцы	168,4	139,2	134,8	256,7	82,7	80,0	96,8	122,9	92,4	88,0	85,8
Буги	175,9	138,4	135,1	261,4	78,7	76,8	97,6	128,6	89,8	86,6	82,6
Альфурцы	178,0	136,0	134,2	261,1	76,4	75,4	98,7	131,8	88,0	86,3	80,8
Даяки	175,7	137,7	134,6	260,8	78,5	76,7	98,0	129,2	89,6	86,6	82,4
Тагалы	178,3	139,1	137,1	263,7	78,1	77,3	98,9	128,7	88,9	87,4	82,5
Филиппинцы	176,9	139,8	134,8	262,8	79,1	76,3	96,5	129,0	90,6	85,8	82,5
Аэта	171,0	143,5	136,2	262,1	84,0	79,4	94,7	122,7	91,6	86,7	85,2
Число серий	22	22	22	22	22	22	22	22	22	22	22
Средняя	173,84	140,50	135,64	261,50	80,91	77,82	96,57	125,96	91,4	86,8	84,09
Сигма	3,34	2,06	0,99	2,20	2,39	1,67	1,41	2,97	1,86	0,58	1,66
Ошибка	0,71	0,44	0,21	0,47	0,51	0,36	0,30	0,63	0,40	0,12	0,35
Вариация	1,92	1,46	0,73	0,84	2,95	2,15	1,46	2,36	2,04	0,67	1,97
Медиана	173,75	140,35	135,6	261,7	81,45	78,3	96,67	125,3	91,5	86,8	84,5
Мах	181,3	143,7	137,6	265,6	84	80,6	99,1	132,1	93,6	88,0	86,6
Мин	168,4	136	133,9	256,7	76,1	73,5	94,6	121,6	87,6	85,8	80,6
Корреляция	1	-0,532	0,317	0,792							
		8	0,335	0,076							
			17	0,703							
				ОРВ							

продольный указатель (17:1), высотно-поперечный указатель (17:8). Указатели долихоидности (УД), брахиоидности (УБ) и гипсиоидности (УГ) представляют собой средние геометрические отношения каждого из трех названных диаметров черепной коробки к двум оставшимся (в %). Например, $УД = 100 * [(1^2 / (8 * 17))^{1/2}]$. И т. п. Последний параметр — степень сферичности (СС) объединяет значения трёх этих указателей, рассчитывается по формуле $СС = (200 - УД + УБ + УГ) / 3$. Чем ближе эта величина к 100, тем более черепная коробка приближается по форме к сфере.

Исходные краниологические данные по сериям южных монголоидов, представленные в таблице 1, взяты из следующих литературных источников. Данные по сериям нага, вьетнамцев, таиландцев, малайцев, суматранцев, бугов, балийцев и альфуров (жителей Моллукских островов) взяты из работ В. П. Алексеева (Алексеев 1974; Alexejev 1973). Данные по сериям кхмеров, индонезийцев западных и индонезийцев восточных из краниологических таблиц в приложении фундаментальной монографии Н. Н. Чебоксарова (Чебоксаров 1982). Одна серия бирманцев (бирманцы-1) взята из статьи Тилдесли (Tildesley 1921), вторая (бирманцы-2) из статьи Тернера (Turner 1899). Данные по четырём сериям яванцев, по сериям мадурцев (жителям острова близ Явы), даяков (о. Калимантан), тагалов (основного этноса Филиппин), и аэта Филиппинских островов взяты из работы Бонина (Bonin 1931). Данные по сборной серии филиппинцев взяты из большой краниологической сводки Хауэллса (Howells W. W. Craniometric data set. URL: <https://web.utk.edu/~auerbach/HOWL.htm>).

Из данной таблицы видна значительная неоднородность южных монголоидов в краниологическом отношении. Так межгрупповая корреляция величин продольного и поперечного диаметров черепа достоверно отрицательная ($r = -0,532 \pm 0,199$), а межгрупповая корреляционная связь поперечного диаметра с общей величиной черепной коробки (ОРВ) равна 0,076 — заведомо недостоверна. В то же время как корреляционная связь поперечника с общей величиной черепной коробки в массиве серий северных монголоидов равна $0,633 \pm 0,109$, а восточных монголоидов равна $0,430 \pm 0,143$. Это говорит об их большей краниологической однородности.

Сравним обобщённые краниологические характеристики этих трёх малых рас монголоидов.

Из таблицы 2 видно, что практически по всем изучаемым метрическим признакам северные, восточные и южные монголоиды достоверно различаются между собой. Общая величина черепной коробки (ОРВ) у северных и восточных монголоидов практически равна, у южных достоверно меньше. Продольный диаметр черепной коробки максимальный у северных монголоидов, минимальный у южных. Поперечный диаметр наибольший также у северных монголоидов, но у восточных и южных он практически равен. Напротив, высотный диаметр минимальный у северных монголоидов, максимальный у восточных. По величине черепного указателя северные и южные монголоиды обычно брахикранные, восточные мезокранные. Также достоверны различия краниосерий этих малых монголоидных рас по тройным указателям формы черепной коробки (УД, УБ, УГ). Лишь по указателю гипсиоидности (УГ) восточные монголоиды неотличимы от южных.

Интересны данные по величине показателя сферичности черепной коробки (СС) — он максимален у южных монголоидов и минимален у северных, при этом их отличия достоверны на высоком уровне.

Таблица 2

**Краниологические характеристики
северных, восточных и южных монголоидов**

	1	8	17	ОРВ	8:1	17:1	17:8	УД	УБ	УГ	СС
Северные монголоиды, n=52	180,94	145,08	131,75	266,71	80,20	72,83	90,89	130,93	93,99	81,33	81,47
Сигма	2,65	4,04	3,08	3,32	2,50	1,81	3,43	2,80	3,03	2,27	1,58
Восточные монголоиды, n=42	179,29	139,80	137,91	265,93	77,98	76,93	98,67	129,15	88,92	87,12	82,30
Сигма	2,19	2,00	2,63	2,46	1,42	1,56	2,43	1,92	1,67	1,79	1,08
Южные монголоиды, n=22	173,67	140,58	135,61	261,41	81,04	77,88	96,50	125,81	91,52	86,81	84,17
Сигма	3,44	2,03	1,02	2,29	2,41	1,69	1,42	3,01	1,89	0,58	1,68
Различие северных с восточными	1,65	5,28	6,16	0,78	2,22	4,10	7,78	1,78	5,07	5,79	0,83
Достоверность различия	**	***	***	нет	***	***	***	**	***	***	**
Различие северных с южными	7,27	4,50	3,86	5,30	0,84	5,05	5,61	5,12	2,47	5,48	2,70
Достоверность различия	***	***	***	***	нет	***	***	***	***	***	**
Различие восточных с южными	5,62	0,78	2,31	4,52	3,06	0,95	2,17	3,57	3,10	0,31	1,87
Достоверность различия	***	нет	***	***	***	*	***	***	***	нет	***

Примечание. Достоверность различия по t-критерию Стьюдента: * — 95%, ** — 99%, *** — 99,9%

Так как наибольшие различия среди краниосерий южных монголоидов касаются формы черепной коробки, то нами была построена дендрограмма взаимных различий их краниосерий по шести её признакам (кроме параметра СС).

Дендрограмма (рис. 1) разделяет 22 краниосерии на два кластера — соответственно 8 и 14 серий. При этом серии этих кластеров территориально отчётливо разнесены: серии одного кластера расположены в восточной или северо-восточной части изучаемого региона, другого в западной или юго-западной его части. В таблице 3 представлены среднегрупповые величины изучаемых признаков восьми краниосерий первого кластера (расположен сверху) дендрограммы, и их средние межгрупповые величины и подобные величины четырнадцати краниосерий второго кластера (расположен внизу) дендрограммы.

Из таблицы видно выраженное различие между этими кластерами (часто по самому высокому уровню достоверности, принятому в антропологических исследованиях). Лишь по высоте черепной коробки и относительной высоте (параметр УГ) это различие недостоверно. Краниосерии первого кластера (представляемого как целое) характеризуются большей величиной черепной коробки, абсолютно и относительно (по форме) более удлинённой, при этом абсолютно и относительно более широкой в сравнении с краниосериями второго кластера. По этим характеристикам серии 1-го кластера следует отнести к тихоокеанским монголоидам (к пацифидам по краниологической классификации). Совершенно иная форму черепной коробки харак-

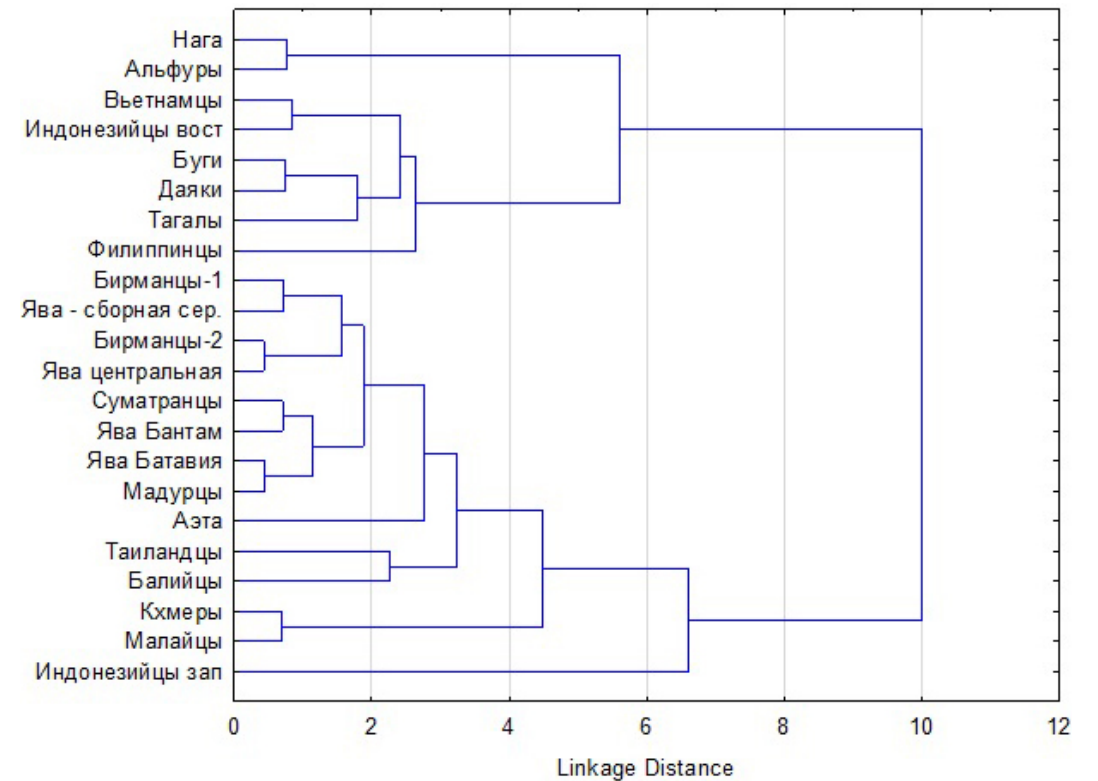

Рис. 1. Дендрограмма взаимных расстояний между изученными сериями южных монголоидов по шести признакам формы черепной коробки

Таблица 3

**Сравнение краниологических характеристики изучаемых признаков
первого и второго кластера в краниосериях южных монголоидов**

1 кластер	1	8	17	ОРВ	8:1	17:1	17:8	УД	УБ	УГ	СС
Число серий	8	8	8	8	8	8	8	8	8	8	8
Средняя	177,25	138,58	135,63	262,65	78,24	76,59	97,96	129,29	89,39	86,60	82,24
Сигма	2,00	1,38	1,14	1,72	1,32	0,87	0,89	1,76	1,12	0,48	1,00
<i>Ошибка</i>	0,71	0,49	0,40	0,61	0,47	0,31	0,31	0,62	0,40	0,17	0,35
2 кластер	1	8	17	ОРВ	8:1	17:1	17:8	УД	УБ	УГ	СС
Число серий	14	14	14	14	14	14	14	14	14	14	14
Средняя	171,62	141,73	135,60	260,70	82,64	78,61	95,66	123,82	92,74	86,93	85,28
Сигма	2,14	1,32	0,99	2,32	0,95	1,62	0,88	1,11	0,84	0,62	0,62
<i>Ошибка</i>	0,57	0,35	0,27	0,62	0,25	0,43	0,23	0,30	0,22	0,16	0,17
Различие меж кластерами	5,63	3,15	0,03	1,95	4,40	2,02	2,30	5,47	3,35	0,34	3,04
Достоверность различия	***	***	нет	*	***	**	***	***	***	нет	***

Примечание. Достоверность различия по t-критерию Стьюдента: * — 95%, ** — 99%, *** — 99,9%

терна для серий 2-го кластера. Это выражено брахикранные черепа, имеющие достоверно меньшие общие размеры черепной коробки. В одной из предшествующих наших статей серии такого краниотипа были названы нами *сундидами*. (Пестряков, Григорьева, Пеленицына 2021а). Итак, среди краниосерий южных монголоидов выделяется два краниотипа: пачифиды и сундиды. При этом территориально сундиды тяготеют к западной части полуострова Индокитай и к западной же части Малайского архипелага.

Какой из этих двух вариантов южных монголоидов показывает большее сходство ростовых процессов между их краниосериями, какой меньше? Для этого сравним величины межгрупповых корреляций между важнейшими признаками в этих частях южных монголоидов (таблица 4).

Таблица 4

Парные корреляции важнейших метрических признаков между собой в краниологических вариантах южных монголоидов

Корреляции	1 с.8	1 с.17	8 с.17	1 с.ОРВ	8 с.ОРВ	17 с.ОРВ
Пачифиды	-0,276±0,392	0,423±0,370	0,557±0,339	0,786±0,253	0,384±0,377	0,819±0,234
Сундиды	0,488±0,276	0,695±0,227	0,441±0,284	0,923±0,122	0,749±0,210	0,800±0,190

Здесь жирным шрифтом выделены достоверно большие коэффициенты корреляции, жирным шрифтом с курсивом слабые корреляции, простым шрифтом недостоверные корреляции. Согласно расчётам, у сундидов все эти корреляции достоверны, при этом в четырёх случаях из шести величины коэффициентов корреляции большие (около 0,7 и выше). Среди краниосерий пачифидов южных монголоидов лишь в двух случаях эти корреляции имеют большую и достоверную величину (1 с ОРВ и 17 с ОРВ). Отсюда следует, что именно сундиды являются основным краниологическим костяком южных монголоидов. Пачифиды в этом регионе располагаются

Таблица 5

Краниологические характеристики сравниваемых расовых объединений

Группы серий	1	8	17	ОРВ	8:1	17:1	17:8	УД	УБ	УГ	СС
Европеиды Восточной Европы	178,3	143,6	134,6	265,5	80,6	75,5	93,7	128,4	92,7	84,1	82,8
Северные монголоиды	180,9	145,1	131,8	266,7	80,2	72,8	90,9	130,9	94,0	81,3	81,5
Восточные монголоиды	179,7	139,4	138,0	266,0	77,6	76,8	100,0	129,6	88,6	87,2	82,1
Корейцы	175,9	142,5	140,5	266,4	81,0	79,9	98,6	124,3	90,7	88,7	85,0
Метисы сев. и вост. монголоидов	177,2	142,7	135,4	264,8	80,6	76,4	94,9	127,5	92,2	85,2	83,3
Южные монголоиды пачифиды	176,3	139,2	135,7	262,5	79,0	77,0	97,5	128,4	89,7	86,6	82,7
Южные монголоиды сундиды	171,8	141,8	135,7	260,9	82,6	78,6	95,7	123,8	92,7	86,9	85,3
Тропические пачифиды	169,1	137,6	131,2	254,5	81,4	77,5	95,3	125,9	92,4	86,0	84,2
Восточные экваториалы	184,0	131,0	135,3	263,3	71,3	73,5	103,3	138,2	83,1	87,1	77,3
Индо-веддоиды	179,8	133,4	135,4	262,1	74,6	72,2	101,6	134,3	85,5	87,4	79,5

в восточной части, представляя собой часть восточных монголоидов, смешивающихся с южными.

Далее рассмотрим краниологические характеристики малых монголоидных рас Азии на фоне краниосерий других расовых объединений, соседних с монголоидами. Европеиды здесь представлены краниосериями русских (Алексеев 1969), восточные экваториалы папуасами и меланезийцами (Алексеев 1974), веддоиды Индии краниосериями с южной и восточной Индии (Harrower 1925; Alexejev 1973), тропические пачифиды из нашей основной краниологической сводки (Пестряков, Григорьева 2004). Данные по северным и восточным монголоидам взяты из двух наших последних работ (Пестряков, Григорьева, Пеленицына 2021б и Пестряков, Григорьева, Пеленицына 2021в.).

По данным этой таблицы построена дендрограмма (рис. 2) таксономических расстояний между этими десятью расовыми общностями по 11 краниологическим метрическим признакам.

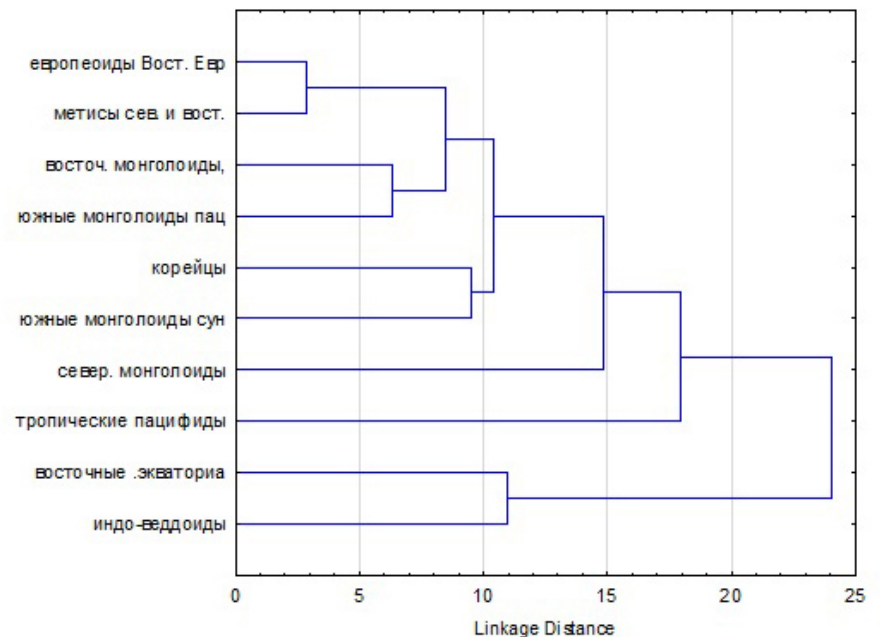

Рис.2. Дендрограмма сравнительных расстояний между краниосериями различных расовых подразделений по 11 изучаемым краниологическим признакам

Согласно данным этой дендрограммы, основной кластер представленных расовых группировок состоит из шести расовых подразделений, где европеиды Восточной Европы (русские) наиболее близки к сериям возможных метисов северных и восточных монголоидов (крайне северо-западные китайцы и хуэй), восточные монголоиды объединяются с южными монголоидами, пачифидами по краниотипу, а южные монголоиды, сундиды по краниотипу, с сериями корейцев. Отдалены от этого основного кластера дендрограммы северные пачифиды, ещё более тропические пачифиды. Наиболее отличными от всей массы сравниваемых расовых группировок оказались индийцы и восточные экваториалы, принадлежащие по нашей краниологической классификации к панойкуменному краниотипу тропидов.

Выводы

Из всей нашей работы по изучению краниологических особенностей краниосерий монголоидов можно сделать следующие выводы.

1. Северные монголоиды наиболее отличны и от восточных, и от южных. Основной краниотип восточных монголоидов (пацифиды по нашей классификации) распространён также и на популяции южных монголоидов в восточной части расселения последних.
2. Южные монголоиды разбиваются на два различных краниотипа. Один из них близок к восточным монголоидам (пацифиды), другой (сундиды) представляет особое явление в Южной Азии. Для черепов этого типа характерна укороченная, средневысокая, брахикранная форма, резко отличная в этом отношении и от северных и от восточных монголоидов.
3. По форме черепной коробки к сундидам очень близки тропические пацифиды (андаманцы, аэта и некоторые западные меланезийцы), которые в виде малочисленных анклавов встречаются на территории островного мира между Азией и Австралией. Череп тропических пацифидов представляют собой как бы уменьшенную копию черепов сундидов. Это позволяет предположить некоторую общность генезиса этих краниологических форм. Брахиокrania, доминирующая среди сундидов и тропических пацифидов, нигде больше не встречается в экваториальной и тропической зонах Старого Света.
4. Череп корейцев, место которым мы не находили в нашей краниологической классификации, также очень сходны с сундидами по форме (укороченные, брахикранные), но намного большие по абсолютному размеру. Можно предположить наличие в предках корейцев популяций типа сундидов (в краниологическом отношении).
5. Краниосерии китайцев Монголии, китайцев Джунгарии и хуэй (китайцы мусульмане провинции Синьцзян), в которых мы предполагали примесь северных монголоидов (в связи с их географическим расположением), вероятнее всего имеют примесь европеоидов Средней и Центральной Азии.
6. Наибольшая сферичность черепной коробки оказалась у южных монголоидов, наименьшая — у северных. Согласно номогенетической концепции эволюционной изменчивости, это свидетельствует о наибольшей хронологической изменённости среди монголоидов этого важного краниологического признака у южных монголоидов, а именно у сундидов.

Научная литература

- Алексеев В. П. Происхождение народов Восточной Европы (краниологическое исследование). М.: Наука, 1969. 324 с.
- Алексеев В. П. Материалы по краниологии Новой Гвинеи, Зондских и Молуккских островов, Малайского полуострова. // Культура народов Австралии и Океании. Сборник Музея антропологии и этнографии ХХХ. Ленинградское отделение, Ленинград: Наука, 1974. С. 187–236.
- Алексеев В. П. Избранное, том 2 // География человеческих рас. М.: Наука, 2007. С. 9–296.
- Веселовская Е. В., Григорьева О. М., Пестряков А. П., Рассказова А. В. Антропологическая изменчивость населения Восточной и Центральной Европы от средневековья до современности // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. М., 2015. № 1. С. 4–24.
- Пестряков А. П., Григорьева О. М. Краниологическая дифференциация современного населения. // Расы и народы. Ежегодник № 30. М.: Наука. 2004. С. 86–131.
- Пестряков А. П., Григорьева О. М. Австралийские аборигены на краниологическом фоне населения Южной и Юго-восточной Азии и Западной Океании. // Вестник Московского университета. Серия XXIII антропология. Изд-во Московского университета, 2013. № 2. С. 17–33.
- Пестряков А. П., Григорьева О. М., Пеленицына Ю. В. Между Азией и Австралией. Краниологическое разнообразие мозгового черепа современного населения Юго-Восточной Азии. // Вестник антропологии, 2021а. № 1 (53). С. 166–182.
- Пестряков А. П., Григорьева О. М., Пеленицына Ю. В. Краниологическая дифференциация большой монголоидной расы. Часть 1. Характеристика краниосерий северных монголоидов // Вестник антропологии, 2021б. № 2 (54). С. 274–291.
- Пестряков А. П., Григорьева О. М., Пеленицына Ю. В. Краниологическая дифференциация большой монголоидной расы. Часть 2. Характеристика краниосерий восточных монголоидов // Вестник антропологии, 2021в. № 4 (56). С. 396–408.
- Чебоксаров Н. Н. Основные принципы антропологической классификации // ТИЭ (нов. сер.). М.- Л., 1951. Т. XVI.
- Чебоксаров Н. Н. Этническая антропология Китая. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1982. 301 с.
- Alexejev V. P. Craniological material from new Guinea, Indonesia and the Malayan Peninsula // Anthropologie. Moravske Muzeum — Ustav Anthropos, Brno, 1973. P. 201–248.
- Bonin von. Beitrag zur Kraniologie von Ost-Asien. Biometrika. Vol. 21. № 1/2 (Nov. 1931). P. 52–113.
- Howells W. W. Who's Who in Skulls. Ethnic Identification of Crania from Measurements. Papers of the Peabody Museum of Archaeology and Ethnology. Vol. 82. P. 108. Cambridge, Mass.: Peabody Museum, 1995. № 4.
- Howells W. W. Craniometric data set. URL: <https://web.utk.edu/~auerbach/HOWL.htm>
- Harrower Gordon. A Study of the Hakian and Tamil Skull. Singapore, 1925. P. 1–31. Appendix.
- Turner W. Contributions to the craniology of the people of the empire of India. Part 1. The hill tribes of the north — east frontier and the people of Burma. Transactions of the Royal society of Edinburgh, 1899. Vol. XXXIX. Part III. N28.
- Tildesley M. L. A first Study of Burmese Skull. Biometrika, (Jul. 1921). Vol. 13. № 2/3. P. 176–262.

менности // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. М., 2015. № 1. С. 4–24.

Пестряков А. П., Григорьева О. М. Краниологическая дифференциация современного населения. // Расы и народы. Ежегодник № 30. М.: Наука. 2004. С. 86–131.

Пестряков А. П., Григорьева О. М. Австралийские аборигены на краниологическом фоне населения Южной и Юго-восточной Азии и Западной Океании. // Вестник Московского университета. Серия XXIII антропология. Изд-во Московского университета, 2013. № 2. С. 17–33.

Пестряков А. П., Григорьева О. М., Пеленицына Ю. В. Между Азией и Австралией. Краниологическое разнообразие мозгового черепа современного населения Юго-Восточной Азии. // Вестник антропологии, 2021а. № 1 (53). С. 166–182.

Пестряков А. П., Григорьева О. М., Пеленицына Ю. В. Краниологическая дифференциация большой монголоидной расы. Часть 1. Характеристика краниосерий северных монголоидов // Вестник антропологии, 2021б. № 2 (54). С. 274–291.

Пестряков А. П., Григорьева О. М., Пеленицына Ю. В. Краниологическая дифференциация большой монголоидной расы. Часть 2. Характеристика краниосерий восточных монголоидов // Вестник антропологии, 2021в. № 4 (56). С. 396–408.

Чебоксаров Н. Н. Основные принципы антропологической классификации // ТИЭ (нов. сер.). М.- Л., 1951. Т. XVI.

Чебоксаров Н. Н. Этническая антропология Китая. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1982. 301 с.

Alexejev V. P. Craniological material from new Guinea, Indonesia and the Malayan Peninsula // Anthropologie. Moravske Muzeum — Ustav Anthropos, Brno, 1973. P. 201–248.

Bonin von. Beitrag zur Kraniologie von Ost-Asien. Biometrika. Vol. 21. № 1/2 (Nov. 1931). P. 52–113.

Howells W. W. Who's Who in Skulls. Ethnic Identification of Crania from Measurements. Papers of the Peabody Museum of Archaeology and Ethnology. Vol. 82. P. 108. Cambridge, Mass.: Peabody Museum, 1995. № 4.

Howells W. W. Craniometric data set. URL: <https://web.utk.edu/~auerbach/HOWL.htm>

Harrower Gordon. A Study of the Hakian and Tamil Skull. Singapore, 1925. P. 1–31. Appendix.

Turner W. Contributions to the craniology of the people of the empire of India. Part 1. The hill tribes of the north — east frontier and the people of Burma. Transactions of the Royal society of Edinburgh, 1899. Vol. XXXIX. Part III. N28.

Tildesley M. L. A first Study of Burmese Skull. Biometrika, (Jul. 1921). Vol. 13. № 2/3. P. 176–262.

References

- Alekseev, V.P. 1969. Proiskhozhdenie narodov Vostochnoj Evropy (kranilogicheskoe issledovanie) [Origin of the peoples of Eastern Europe (Craniological research)]. M: Nauka.
- Alexejev, V. P. 1973. Craniological material from new Guinea, Indonesia and the Malayan Peninsula // Anthropologie. Moravske Muzeum — Ustav Anthropos, Brno: 201–248.
- Alekseev, V.P. 1974. Materialy po kranilogii Novoj Gvinei, Zondskih i Molukkskih ostrovov, Malajnskogo poluostrova [Materials on the craniology of New Guinea, the Sunda and Moluccas Islands, the Malay Peninsula]. Kul'tura narodov Avstralii i Okeanii. Sbornik Muzeya antropologii i etnografii XXX. Leningrad: Nauka: 187–236.
- Alekseev, V.P. 2007. Izbrannoe, tom 2 [Favorites, volume 2] // Geografiya chelovecheskih ras. M: Nauka: 9–296.
- Bonin, von. (Nov. 1931). Beitrag zur Kraniologie von Ost-Asien. Biometrika 21, 1/2: 52–113.
- Cheboksarov, N.N. 1951. Osnovnye principy antropologicheskoy klassifikacii [Basic principles of anthropological classification]. TIE. Nauchnyj sbornik: 291–322.

- CHeboksarov, N.N. 1982. Etnicheskaya antropologiya Kitaya [Ethnic Anthropology of China]. Moscow: Nauka: 301.
- Harrower, Gordon. 1925. A Study of the Hakan and Tamil Skull. Singapore: 1–31. Appendix.
- Howells, W. W. Craniometric data set. URL: <https://web.utk.edu/~auerbach/HOWL.htm>
- Howells, W. W. 1995. Who's Who in Skulls. Ethnic Identification of Crania from Measurements. Papers of the Peabody Museum of Archaeology and Ethnology. Cambridge, Mass.: Peabody Museum 82: 108.
- Pestryakov, A.P., and O. M. Grigorieva. 2004. Kraniologicheskaja differentsiatsiia sovremennogo naseleniia [Craniological differentiation of the modern population] // *Rasy i narody. Ezhegodnik*. M.: Nauka, 30: 86–131.
- Pestryakov, A.P., Grigorieva O. M. 2013. Avstralijskie aborigeny na kraniologicheskom fone naseleniya YUzhnoj i YUgo-vostochnoj Azii i Zapadnoj Okeanii [Australian aborigines on the craniological background of the population of South and Southeast Asia and Western Oceania.]. // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya XXIII. Antropologiya*. M., 2: 17–33.
- Pestryakov, A. P., Grigorieva, O.M., and Pelenitsyna, YU. V. 2021a. Mezhdru Aziej i Avstraliej. Kraniologicheskoe raznoobrazie mozgovogo cherepa sovremennogo naseleniya YUgo-Vostochnoj Azii [Between Asia and Australia. Craniological diversity of the cerebral skull of the modern population of Southeast Asia]. *Vestnik antropologii* 1 (53): 166–182.
- Pestryakov, A. P., Grigorieva O. M., and Pelenitsyna, YU. V. 2021b. Kraniologicheskaja differenciaciya bol'shoj mongoloidnoj rasy. CHast' 1. Harakteristika kranioserij severnyh mongoloidov [Craniometric differentiation of the large Mongoloid race. Part 1. Northern Mongoloids]. *Vestnik antropologii* 2 (54): 274–291.
- Pestryakov, A.P., Grigorieva O. M., and Pelenitsyna, YU.V. 2021v. Kraniologicheskaja differenciaciya bol'shoj mongoloidnoj rasy. CHast' 2 Harakteristika kranioserij vostochnyh mongoloidov [Craniometric Differentiation of the Mongoloid race. Part 2. Eastern Mongoloids]. // *Vestnik antropologii* 4 (56): 396–408.
- Tildesley, M.L. (Jul. 1921). A first Study of Burmese Skull. *Biometrika*, 13, 2/3: 176–262.
- Turner, W. 1899. Contributions to the craniology of the people of the empire of India. Part 1. The hill tribes of the north-east frontier and the people of Burma. *Transactions of the Royal society of Edinburgh*. Vol. XXXIX, part III, N28.
- Veselovskaia, E.V., O. M. Grigorieva, A. P. Pestryakov, and A. V. Rasskazova. 2015. Kraniologicheskaja izmenchivost' naseleniia Vostochnoi i Tsentral'noi Evropy ot srednevekov'ia do sovremennosti. [Craniological variability of the population of Eastern and Central Europe from the Middle Ages to the present.] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya XXIII. Antropologiya*. M., 1: 4–24.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ МОЗАИКА

УДК 39+323

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-2/239-256

Научная статья

© В. С. Воронцов, А. Е. Загребин

РОЛЬ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ-ЭКСПЕРТА В НАУЧНОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ (1990–2000-е гг.): ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕРТНОГО ОПРОСА

Проблемы национальной политики выдвинулись на первый план в общественно-политической жизни Советского Союза на рубеже 1980–1990-х гг. Полиэтническое государство испытывало в этот период серьезные «перегрузки» в области межнациональных отношений, явившиеся побочным следствием демократизации политической жизни и гласности периода перестройки. Распад союзного государства и крайне нестабильный характер развития межэтнических отношений в России 1990-х гг. (а отчасти и последующего периода) в еще большей степени актуализировали значение этой сферы деятельности государства. Со всей остротой встал вопрос о необходимости широкого применения научной экспертизы в процессе выработки и реализации государственной национальной политики, что стало серьезным вызовом для постсоветского экспертного сообщества. Последнему пришлось в ускоренном порядке переосмысливать унаследованные от советского времени концепции и представления о национализме и характере межэтнических отношений, искать новые формы взаимоотношений с государственной властью, вырабатывать механизмы воздействия на национальную политику.

Ключевые слова: государственная политика, межнациональные отношения, этнологическая экспертная деятельность

Ссылка при цитировании: Загребин А. Е., Воронцов В. С. Роль исследователя-эксперта в научном обеспечении государственной национальной политики в России (1990–2000-е гг.): по материалам экспертного опроса // Вестник антропологии, 2022. № 2. С. 239–256.

Воронцов Владимир Степанович — к. и. н., доцент, старший научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения РАН (6220108 Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16). Эл. почта: vvorontsov@rambler.ru

Загребин Алексей Егорович — д. и. н., профессор РАН, профессор кафедры истории Удмуртии, этнологии и антропологии, Удмуртский государственный университет (426034 Ижевск, Университетская ул., 1, корп. 2), главный научный сотрудник, ФГБУН «Федеральный исследовательский центр „Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук“» (167982, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 24). Эл. почта: zagreb72@izh.com ORCID: 0000-0001-9381-9581

* Выполнено в рамках Программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности».

UDC 39+323

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-2/239-256

Original Article

© Vladimir Vorontsov, Aleksei Zagrebin

THE ROLE OF AN EXPERT RESEARCHER IN THE SCIENTIFIC SUPPORT OF THE STATE NATIONAL POLICY IN RUSSIA (1990–2000-S): RESULTS OF AN EXPERT SURVEY

National policy problems came to the forefront in the socio-political life of the Soviet Union at the turn of the 1980s and 1990s. The multi-ethnic state experienced serious «overload» in the field of inter-ethnic relations during this period, which was a side effect of the democratization of political life and glasnost in the perestroika period. The collapse of the Soviet Union and the extremely unstable development of inter-ethnic relations in Russia in the 1990s (and partly in the following period) increased the importance of this sphere of state activity even more. The need for a broad application of scientific expertise in the developing and implementing state ethnic policy became a serious challenge for the post-Soviet expert community. The latter had to rethink the concepts and perceptions of nationalism and the nature of inter-ethnic relations inherited from the Soviet period, seek new forms of relations with the state authorities and develop mechanisms for influencing national policies in an accelerated manner.

Keywords: state policy, inter-ethnic relations, ethnological expert activity

For citation: Zagrebin, A. E., Vorontsov, V. S. 2022. The Role of an Expert Researcher in the Scientific Support of the State National Policy in Russia (1990–2000s): Results of an Expert Survey. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 2: 239–256.

Authors Info: Vorontsov, Vladimir Stepanovich — Ph.D., Docent, Senior Researcher, Udmurt Branch, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (620108 Ekaterinburg, Sofii Kovalevskoy st., 16). vvorontsov@rambler.ru

Zagrebin, Aleksei Egorovich — Dr. (Hist.), Professor of the Russian Academy of Sciences, Professor, Department of History of Udmurtia, Ethnology and Anthropology, Udmurt State University (426034 Izhevsk, Universitetskaya st., 1k2), Chief Researcher, Federal Research Center “Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences” (167982, Komi Republic, Syktyvkar, Kommunisticheskaya st., 24). E-mail: zagreb72@izh.com ORCID: 0000–0001–9381–9581

Национальный вопрос, вся значимость которого для развития страны обозначилась в период перестройки, сохраняет свою важность и в наши дни. Его роль в политической жизни обусловлена полиэтничным характером России, на территории которой, согласно данным Всероссийской переписи населения 2010 г., проживают представители 193 национальностей. Большинство из них сформиро-

валось в пределах нашей страны, внесло свой вклад в развитие ее государственности и культуры. С другой стороны, Россия в настоящее время является крупнейшим реципиентом трудовых мигрантов. Основная их масса отличается по своему этнокультурному облику от большинства принимающего населения, что создает возможности для конфликтов на этнокультурной почве. Гармонизация межэтнических отношений в данном контексте выступает как важнейший залог обеспечения социальной стабильности на территории нашей страны, укрепления ее безопасности, создания условий для устойчивого поступательного развития. Деятельность экспертного сообщества по анализу складывающейся в области межнациональных отношений ситуации, разработке основных положений и научному обоснованию национальной политики имеет, в связи с этим, не только научно-теоретическое, но и очевидное практическое значение, является ответом на наиболее насущные потребности современности.

Несмотря на всю значимость проблемы, научное обеспечение государственной национальной политики в постсоветский период не стало до настоящего времени темой специального исследования. Отдельные сведения, касающиеся данного вопроса, содержатся в работах, посвященных рассмотрению и обоснованию основных направлений национальной политики 1990–2000-х гг., а также истории развития межэтнических отношений в данный период (Кулешов, Аманжолова, Волобуев и др. 1997, Красовицкая, Тишков 2012, Тишков 2013, Дробижеева 2013, Трофимов 2013, Абдулатипов, Михайлов 2016, Зорин 2018а).

Особый интерес представляют исследования по истории выработки концептуальных документов в сфере национальной политики в 1990-е гг., подготовка которых потребовала максимального использования ресурсов научной экспертизы (разработка и обоснование нового понятийного аппарата, осмысление основных процессов развития национальных отношений и др.). К числу таких документов относилась, в частности, Концепция государственной национальной политики Российской Федерации 1996 г., сведения о которой содержатся в ряде работ, прежде всего, в статье В. А. Тишкова «Этнический фактор и новейшая история государственной этнополитики в России» (Тишков 2009). Труды, представленные авторами, которые возглавляли в 1990–2000-е гг. органы, ответственные за реализацию государственной национальной политики и/или осуществляли научную экспертизу в данной сфере, отражают их аналитическую и практическую работу в этой сфере (Абдулатипов, Михайлов, Чичановский 1997, Зорин 2018б).

Анализ политической экспертизы, ее места в процессе выработки и реализации государственной политики, представленные в трудах политологов, раскрывают роль экспертов в данном процессе (Дежарев 2004, Иванченко, Леонтьев 2006, Еленский 2011, Беляева 2013, Сунгуров 2015, Балаян 2016). Изучение и сопоставление данных различных исследований создает необходимую базу для теоретического и практического осмысления процесса реализации научного обеспечения государственной национальной политики.

Цель статьи — проанализировать отношение исследователя-эксперта к знаковым этапам и явлениям в сфере национальной политики, его оценку своего участия в научном обеспечении и реализации государственной национальной политики, что позволит сделать вывод о степени воздействия научной экспертизы на сферу национальной политики.

Исследование опирается на теории М. Фуко и Э. Саида, согласно которым знание в эпоху Модерна является специфическим видом или формой проявления власти, оказывающей значительное влияние на регулирование общественных отношений. Особый авторитет в данную эпоху обретает знание экспертное (научное), основанное на принципах объективности, непредвзятого толкования фактов, специализированного углубления в ту или иную отрасль научного поиска. Другой методологической установкой является оценка экспертизы как области взаимодействия двух существенно отличающихся друг от друга начал — сферы науки (знания) и сферы политики. Одна из этих сфер ориентируется на идеал объективности, стремится опираться на фактические данные, а другая вынуждена учитывать меняющуюся конъюнктуру общественно-политических процессов. Специфика положения эксперта заключается в том, что он в своей деятельности сталкивается с влиянием принципов, относящихся к различным сферам, вынужден сочетать и согласовывать их в своей деятельности.

В качестве основного источника исследования используются результаты экспертного опроса, проведенного осенью 2021 г. в рамках проекта Программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020–2022 гг.¹ В ходе исследования опрошено 30 экспертов из 20 регионов России — в основном, представителей научного сообщества и вузовских преподавателей, стаж их экспертной деятельности составлял от 5 до 30 и более лет. Экспертам было предложено высказать мнение о том, как осуществлялось научное обеспечение государственной национальной политики в нашей стране, и оценить роль экспертной деятельности в формировании и реализации госнацполитики Российской Федерации.

Осмысление теоретических оснований и практик современной национальной политики, анализ программных документов, взглядов ведущих политических деятелей — та область, вне которой не может осуществляться деятельность экспертов. Экспертам было предложено назвать политических лидеров, государственных служащих, общественных деятелей, ученых, этнических активистов, оказавших, на их взгляд, существенное влияние на формирование современной государственной национальной политики РФ. Бесспорно, что определяющее влияние на формирование государственной национальной политики Российской Федерации в настоящий период оказывает Президент Российской Федерации В. В. Путин, что и отмечено подавляющим большинством экспертов. Они пишут, что в соответствии с Конституцией, «Президент РФ определяет направления государственной национальной политики Российской Федерации, в том числе путем утверждения Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации, руководит Советом по межнациональным отношениям».

В то же время, несколько экспертов вспомнили и других руководителей государства, сыгравших свою роль как в определении фундаментальных основ советской национальной политики — В.И. Ленина, И. В. Сталина («позитивное влияние»), так и их разрушителей — М.С. Горбачёва, Б. Н. Ельцина («однозначно негативное»). Один из экспертов выразил солидарность с мнением Президента России В. В. Путина, который на заседании Совета по правам человека 10 декабря

2019 г. обвинил В. И. Ленина в том, что тот «... создал государственную структуру, заложив мину под российскую государственность, которая складывалась тысячу лет» (Заседание Совета 2019).

Государственные служащие федерального уровня — руководители профильных комитетов палат Федерального Собрания Российской Федерации; руководители ряда федеральных органов исполнительной власти, высшие должностные лица, руководители высших исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации — осуществляют выработку и реализацию государственной национальной политики и нормативно-правовое регулирование в данной сфере. Среди них экспертами названы С. В. Лавров; С. Э. Приходько, И. И. Шувалов, А. Г. Хлопонин, Р. Г. Абдулатипов, С. К. Смирнова, А. А. Томтосов, В. А. Михайлов, В. Ю. Зорин, В. А. Тишков, М. М. Магомедов, Р. А. Кадыров, М. Ш. Шаймиев и др. Из региональных служащих названы Н. П. Осипова (г. Самара), Л. Н. Буранова (Удмуртская Республика), М. Ю. Плясунова (г. Екатеринбург), В. В. Амелин (г. Оренбург); Ш. В. Кара-оол (Республика Тыва), Н. В. Фёдоров (Чувашия).

Единодушие проявили эксперты в определении ведущих ученых, исследующих проблемы этничности, национализма, национальной политики. Практически все опрошенные назвали В. А. Тишкова, Л. М. Дробижеву, В. А. Михайлова, М. Н. Губогло, Л. В. Андриченко, В. А. Ядова, М. К. Горшкова. Отмечены группы ученых из Башкортостана под руководством Р. М. Валиахметова, из Татарстана под руководством Г. Ф. Габдрахмановой, из СО РАН под руководством Ю. В. Попкова, из ЮФУ под руководством Г. С. Денисовой. В целом, вероятно, все эксперты согласились бы с мнением, выраженным одним из них: «Более всего практическое и теоретическое значение для формирования национальной политики играли и играют идеи академика В. А. Тишкова».

Не так много действующих лиц, имеющих влияние на сферу межнациональных отношений, обнаруживают эксперты среди общественных деятелей. Ими названы такие медийные личности, как кинорежиссеры К. Шахназаров и Н. Михалков, журналисты М. Лянге и В. Познер. Кроме того, по мнению одного из экспертов, в качестве акторов национальной политики выступают и религиозные деятели: Патриарх Кирилл (Гундяев) — от православия, Муфтий шейх Равиль Гайнутдин и Верховный муфтий Талгат Сафа Таджуддин — от суннитского ислама, Пандито Хамбо лама — Дамба Аюшеев — от буддизма, Берл Лазар, Адольф Шаевич — от иудаизма.

Не давая окончательной оценки деятельности и влиянию политиков, ученых, общественников, эксперты с сожалением отмечают: «Список [деятелей] очень ограничен, ибо слушают очень немногих».

Далее экспертов просили назвать меры (мероприятия, законодательные акты, выступления политиков и др.), которые оказали определяющее влияние на стабилизацию этнополитических процессов и межнациональных отношений в нашей стране. Период 1990-х гг. отличался сложным характером межнациональных отношений, ломкой прежних, становлением новых политических, социально-экономических реалий, что нашло отражение в принятых в тот период актах. Все эксперты выделили среди них основные: Закон РФ «О реабилитации репрессированных народов» (1991 г.), Федеративный договор (1992 г.), Конституция РФ (1993 г.), ФЗ «О национально-культурной автономии» (1996 г.). В 1996 г. была опубликована Концепция государственной национальной политики Российской Федерации — первый,

¹ Государственная национальная политика в постсоветский период: научное обеспечение формирования и реализации (рук. д. и.н., проф. РАН Загребин А. Е.)

посвященный исключительно этнополитике программный документ постсоветской России. Концепция указывала на «необходимость обеспечения единства и целостности России в новых исторических условиях развития российской государственности, согласования общегосударственных интересов и интересов всех населяющих ее народов, налаживания их всестороннего сотрудничества, развития национальных языков и культур». Среди «узловых проблем» также указывалось на необходимость укрепления духовной общности россиян, обеспечение политической и правовой защищенности национальных меньшинств, достижение и поддержание стабильности и межнационального согласия на Северном Кавказе, поддержку соотечественников, проживающих в бывших союзных республиках СССР (Об утверждении 1996).

Знаковым для начала 2000-х гг., по мнению экспертов, стал период политической стабилизации, приведение нормативно-правовых актов субъектов РФ в соответствие с федеральным законодательством. С приходом к власти В. В. Путина стала реализовываться стратегия т. н. «укрепления вертикали власти»¹. В ходе её осуществления федеральным центром проводились политика восстановления управляемости регионами, укрепления единого политического, правового, экономического, образовательного и языкового пространства страны. Как итог, в период «политической стабилизации» в стране было восстановлено верховенство федерального законодательства, проведена ротация региональных руководителей, снижены острота и угрозы этнического сепаратизма. В основном было подавлено открытое вооруженное сопротивление бандформирований в регионах Северного Кавказа, нейтрализованы их лидеры (А. Масхадов, Ш. Басаев, С. Радиев, З. Яндарбиев, А. Хаттаб и др.), перекрыты каналы снабжения сепаратистов оружием, финансами, экстремистской литературой, иностранными наемниками.

Исследователи полагают, что необходимость корректировки и дальнейшего развития российской этнополитики была актуализирована в предвыборной статье В. В. Путина «Россия: национальный вопрос» (23 января 2012 г.). В ней он подтвердил фундаментальный характер «национального вопроса» для многоэтнической и поликультурной России, сформулировал свое видение решения важнейших проблем государственной национальной политики. Он справедливо указал, что «любой ответственный политик, общественный деятель должен отдавать себе отчет в том, что одним из главных условий самого существования нашей страны является гражданское и межнациональное согласие». Впервые в новейшей истории России национальным лидером был определен приоритет общегражданской идентичности и поставлена стратегическая задача — объединить гражданское общество «русским культурным ядром». В. В. Путин указал на то, что «нам необходима стратегия национальной политики, основанная на гражданском патриотизме. Любой человек, живущий в нашей стране, не должен забывать о своей вере и этнической принадлежности. Но он должен прежде всего быть гражданином России и гордиться этим. Никто не имеет права ставить национальные и религиозные особенности выше законов государства. Однако при этом сами законы государства должны учитывать национальные и религиозные особенности» (Путин 2012).

¹ Под понятием «укрепление вертикали» понимают меры по повышению управляемости и подотчетности органов власти субъектов России федеральному центру, органов местного самоуправления (муниципальных образований) — субъектам РФ, повышению эффективности работы органов исполнительной власти.

Последнее десятилетие характеризуется также созданием Совета по межнациональным отношениям при Президенте Российской Федерации и принятием важнейших законодательных актов в сфере государственной национальной политике.

Совет по межнациональным отношениям при Президенте Российской Федерации был создан 5 июня 2012 г. Совет является совещательным и консультативным органом при главе государства, он образован в целях обеспечения взаимодействия федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления, общественных объединений, научных и других организаций при рассмотрении вопросов, связанных с реализацией государственной национальной политики Российской Федерации. Председателем Совета является Президент Российской Федерации, что подтверждает значимость решаемых Советом задач. Очень важно, что в подготовке и реализации государственной национальной политики наряду с органами власти непосредственно участвуют представители общественности и научно-экспертного сообщества, в том числе из регионов. Образование Совета стало новацией и существенным подспорьем в принятии политико-управленческих решений в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений (О Совете 2012).

13 июня 2012 г. была принята «Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года», в которой определены цели, принципы, задачи, основные направления и механизмы реализации государственной миграционной политики Российской Федерации. В концепции констатируется, что переселение мигрантов на постоянное место жительства в Россию становится одним из источников увеличения численности населения страны, а привлечение иностранных работников по приоритетным профессионально-квалификационным группам в соответствии с потребностями российской экономики является необходимостью для ее дальнейшего поступательного развития. Вместе с тем, для сохранения в стране этнополитической стабильности и межэтнического мира необходимо создавать условия для адаптации и интеграции мигрантов, включая их обучение русскому языку, правовое просвещение, информирование о культурных традициях и нормах поведения местного населения. При этом культурно-адаптационные центры необходимо открывать как в странах исхода мигрантов, так и в регионах Российской Федерации, испытывающих наибольший приток мигрантов (Концепция 2012).

Наконец, 19 декабря 2012 г. Указом Президента РФ была утверждена Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (О Стратегии 2012). Стратегия разработана в целях обеспечения интересов государства, общества, человека и гражданина, укрепления государственного единства и целостности России, сохранения этнокультурной самобытности её народов, сочетания общегосударственных интересов народов России, обеспечения конституционных прав и свобод граждан. Характеризуя Стратегию, член президентского Совета по межнациональным отношениям, академик РАН В. А. Тишков указывает: «принципиально важным было то, что такой весомый документ как «Стратегия», ...имела однозначную гражданскую направленность. Важнейшим ее положением была нацеленность на «укрепление гражданского самосознания и духовного единства многонационального народа Российской Федерации (российской нации)». «Российская нация» и «многонациональный народ Российской Федерации» рассматривались как синонимы, что демонстрировало намерения властей

не противопоставлять этничность согражданству, а добиваться того, чтобы «политика согражданства» сопровождалась сохранением культурного многообразия страны, а гражданская российская идентичность не противопоставлялась этнической (культурной) идентичности, а сосуществовала вместе с ней». В. А. Тишков отмечает, что «данный документ не был лишь декларацией намерений, а был построен как руководство к действию по следующей схеме: оценка проблемной ситуации — постановка политических целей и задач — определение механизмов реализации сформулированных целей» (Тишков, Степанов, Аккиева и др. 2018: 20).

В последующие годы были предприняты новые политико-управленческие меры по повышению эффективности реализации государственной национальной политики. Реальные практики и сам ход этнополитических процессов в стране подтвердили необходимость воссоздания на федеральном уровне специальной структуры, отвечающей за вопросы национального развития, межнационального благополучия и взаимодействия этносов в Российской Федерации. 31 марта 2015 г. Указом Президента РФ было образовано Федеральное агентство по делам национальностей (ФАДН). Создание ФАДН в структуре Правительства РФ позволило восстановить «вертикаль власти» в сфере реализации государственной национальной политики, повысить ответственность и исполнительскую дисциплину на местах. В этот же период был осуществлен перенос центра тяжести практической работы в межэтнической сфере с федерального на региональный и муниципальный уровни власти. При этом особая ответственность возложена на местное самоуправление, так как именно на уровне муниципалитетов принимаются практические решения по различным этно-вопросам, в том числе, выделяются места под строительство культовых сооружений, образуются общественно-консультативные советы и дома национальностей, формируются школьные классы с этнокультурной и языковой компонентами. Кроме того, именно на местах зарождается большинство противоречий, которые могут привести к открытым межэтническим и межконфессиональным конфликтам (Зорин, Аствацатурова 2018: 16).

Динамичность современных мировых процессов, кардинальная ломка сложившихся международных отношений, новые риски и вызовы, связанные с ростом террористических и экстремистских угроз, экономические и политические санкции против России со стороны ряда государств, попытки политической дестабилизации, предпринимаемые геополитическими противниками, требуют оперативного и адекватного реагирования со стороны российского руководства. Изменившиеся условия потребовали подготовки и принятия новых документов и внесения корректив в Стратегию государственной национальной политики.

В числе последних важнейших законодательных актов эксперты отмечают Госпрограмму РФ «Реализация государственной национальной политики», (2016 г.), Концепцию государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы (2018 г.), новую редакцию Стратегии государственной национальной политики РФ (2018 г.), Приказ ФАДН России об утверждении Методических рекомендаций для органов государственной власти субъектов Российской Федерации «О социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации» (2020 г.) и др. В этот же период представительными органами власти в субъектах Российской Федерации были приняты региональные программы по реализации государственной национальной политики на местах.

К мероприятиям, имевшим определенный положительный эффект, эксперты отнесли круглый стол «Национально-культурные особенности развития народов Южного Дагестана» (Москва, 11 декабря 2006 г.), который «в значительной мере снял напряженность в межэтнических отношениях в Дагестане»; круглый стол «Об укреплении российской гражданской идентичности на основе духовно-нравственных ценностей народов Российской Федерации, исторических и национально-культурных традиций» (Москва, 14 декабря 2018 г.), Всероссийский форум национального единства (Пермь, 2015–2020 гг.), заседания Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям и др. форумы, на которых происходило реальное взаимодействие политиков, ученых, заинтересованной общественности. По итогам обсуждения участниками принимались соответствующие рекомендации в адрес Министерства образования и науки РФ, Министерства культуры РФ, Федерального агентства по делам национальностей РФ, органов государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления.

Таким образом, эксперты отмечают большой объем проделанной в 1990–2020 гг. работы по укреплению единства государства, достижения межэтнического мира и согласия. Общими усилиями органов государственной власти и научно-экспертного сообщества были сформированы концептуальные основы российской этнополитики, приняты важнейшие законодательные акты, регулирующие межэтническую сферу, языковые и миграционные процессы в Российской Федерации, подготовлены предпосылки для укрепления общероссийского гражданского самосознания. Вместе с тем, некоторые эксперты указывают на ряд недоработок в сфере государственной национальной политики. Так определенные трудности сложились с подготовкой и принятием федеральных законов «о социальной и культурной адаптации иностранных граждан и их интеграции в российское общество» и «об укреплении единства многонационального народа Российской Федерации (русской нации)». Серьезные недоработки, по их мнению, были допущены и при подготовке законопроекта об этнологической экспертизе (существенно сужено «поле» и «диапазон» экспертизы). Разработчики отказались от отдельного федерального закона, посчитав достаточным внесение дополнений в ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации». Эксперты же считают, что процедура этнологической экспертизы при необходимости должна проводиться не только в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, но также на всей территории страны и в интересах любых категорий граждан Российской Федерации. Необходимо было также расширить диапазон направлений этнологической экспертизы, включив в практику применения этнокультурные, языковые и иные гуманитарные вопросы, а не только проблемы, связанные деятельностью ресурсодобывающих компаний, жилищного и дорожного строительства, освоения территорий с экстремальной природной средой (Степанов 2018).

Отдельные эксперты указывают на ведомственную рассогласованность и чрезмерно частые реорганизации структур, ответственных за реализацию госнацполитики на местах. «В целом же нормативно-правовые акты различных министерств и ведомств в сфере межнациональных отношений носят скорее рекомендательный характер и зачастую не согласуются друг с другом. Многочисленные реорганизации

госорганов, явно или опосредованно занимающихся национальными отношениями, также негативно влияют на реализацию декларируемых задач».

Как формируются исследовательские интересы, как становятся экспертами, какими принципами руководствуются они при осуществлении экспертизы — эти сведения характеризуют личность эксперта, его научную квалификацию, степень его компетенций. Большинство экспертов, принявших участие в опросе, начали свою деятельность как преподаватели вузов и научные сотрудники, специализирующиеся в области истории, этнологии, социологии и политологии. Они изучали проблемы этнической истории и культуры, межнациональных отношений, миграции, демографии и т. п., подтвердили свой научный статус, защитив кандидатские и докторские диссертации, среди них директора, ведущие и старшие научные сотрудники академических научно-исследовательских институтов, преподаватели вузов. Многие из них совмещали научную карьеру с работой в региональных органах власти (министерствах, администрациях, общественных советах). Надо заметить, что именно в начале 1990-х гг. наблюдается наиболее активный приток научных кадров во властные структуры, что было вызвано кадровым дефицитом для вновь формирующихся органов, наличием в регионах значительного числа высококвалифицированных ученых, подготовленных в советское время. Не все из них остались в поле публичной политики, многие вернулись к научно-исследовательской деятельности. Однако, именно профессиональная квалификация, область научных интересов, а также опыт работы во властных структурах, в том числе и законотворческой деятельности, позволяют им успешно выступать в качестве экспертов. Об этом же говорят и сами эксперты: «Перетекание» экспертов из научных учреждений на государственную службу рассматриваю положительно. Так как их научная компетентность, широта взглядов, теоретический и практический опыт позволяют им успешно решать многие этнические вопросы»; «...их практический опыт в этой сфере [государственной службы] как бы «приземлил» некоторых специалистов в сфере межэтнических отношений, как с точки зрения организации работы, ее направленности, акцентировал на реальный результат». Не лишним будет добавить, что эксперты, говоря о принципах экспертной работы, декларируют свою независимость, добросовестность, объективность, всесторонность и комплексный подход.

К основным формам экспертной деятельности, которая влияет или может влиять на выработку государственной национальной политики, участники опроса отнесли: организацию и проведение социологических опросов населения, выработку по их результатам предложений и рекомендаций органам власти; мониторинг межнациональных отношений, языковых и этнокультурных проблем; подготовку аналитических обзоров, докладов, записок, по названной тематике, выступления на научных и научно-практических конференциях; публикацию статей в средствах массовой информации; участие в соответствующих общественных организациях (советах по межнациональным отношениям); разработку и обоснование нового понятийного аппарата для сферы ГНП; подготовку экспертных заключений по проектам документов, законов и т. п.

Одной из действенных форм экспертной деятельности является участие ученых в различных общественных советах. Практически все принявшие участие в опросе эксперты в своих регионах входят, наряду с чиновниками, представителями СМИ, этнокультурных организаций, религиозными деятелями в состав советов по межна-

циональным отношениям, что позволяет им установить взаимодействие не только на уровне восприятия проблем, которые волнуют властные структуры и/или общественность, но и на уровне трансляции своих взглядов, выводов, мнений. Члены общественных советов привлекаются органами власти к обсуждению деятельности организаций по гармонизации межнациональных отношений, к экспертизе проектов региональных законов, программ, готовящихся мероприятий в данной сфере.

К наиболее успешным и высокопрофессиональным российским экспертным организациям большинство экспертов отнесли Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (ЕАВАРН) и Распределённый научный центр (РНЦ) межнациональных и межрелигиозных проблем¹. Сотрудники этих научно-экспертных организаций, по мнению опрошенных, выполняют актуальные и приоритетные исследования прикладного значения: проводят социологические опросы, анализируют межэтнические отношения, миграционную и религиозную ситуацию в регионах России. Аналитические доклады и рекомендации, подготовленные экспертами, способствуют более эффективной работе органов государственной власти и управления в этноконфессиональной сфере, предупреждению и разрешению межэтнической напряженности и конфликтов, утверждению в обществе российского самосознания и гражданского согласия.

Подробнее остановимся на деятельности Сети этнологического мониторинга, поскольку значительная часть опрошенных экспертов являются ее действующими участниками. Эта общественная, неправительственная организация, возглавляемая с 1993 г. академиком РАН В. А. Тишковым, вот уже более четверти века выполняет исследования и обобщает экспертную информацию, которая может быть полезна органам государственной власти для совершенствования этнополитики, регулирования межэтнических и религиозных отношений, предупреждения конфликтов. Эксперты Сети осуществляют постоянный мониторинг межнациональных отношений, анализ этнополитических, миграционных и языковых процессов в регионах Российской Федерации. Участниками Сети этномониторинга опубликованы десятки монографий, сотни информационных бюллетеней, ежегодные доклады, статьи, выступления в СМИ. Их аналитические материалы используются политиками и общественными деятелями, учеными и аналитиками России и других стран, а разработанная ими методика мониторинга признана специалистами и используется другими аналитическими группами и структурами.

В свою очередь, РНЦ межнациональных и межрелигиозных проблем распространяет свою деятельность на Северо-Кавказский, Южный, Приволжский, Центральный, Сибирский и Дальневосточный федеральный округа. В основу работы РНЦ положен метод подготовки аналитических докладов с рекомендациями, а также

¹ Эксперты также назвали: Институт этнологии и антропологии РАН им. Н. Н. Миклухо-Маклая, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (кафедра национальных и федеративных отношений), Центр исследования межнациональных отношений Института социологии РАН, Южный научный центр РАН, Северо-Кавказский федеральный университет, Южный федеральный университет, Комиссия по гармонизации межнациональных отношений Общественной палаты РФ, экспертные советы и комиссии Ассамблеи народов России, Московского дома национальностей, Совет при Президенте РФ по межнациональным отношениям, экспертные советы при главах субъектов РФ и при полпредах Президента РФ в федеральных округах, этнические и конфессиональные советы регионального и местного уровней.

подготовка научных, справочных и методических материалов для государственных и муниципальных служащих, политических и общественных деятелей, работников средств массовой информации. Продукция РНЦ имеет целевую аудиторию, носит открытый характер, рассылается по списку, согласованному с Аппаратом Совета Безопасности Российской Федерации и аппаратами Полномочных представителей Президента Российской Федерации в федеральных округах.

В 2013–2019 гг. Министерство образования и науки РФ ежегодно включало в государственное задание, определенным в федеральных округах девяти опорным государственным университетам в структуре РНЦ, выполнение исследований по мониторингу межэтнических и межконфессиональных отношений в соответствующих регионах, по результатам выполнения которых подготовлены экспертные доклады (см. напр.: Тишков, Степанов 2013а, Тишков, Степанов 2013б, Тишков, Хоперская, Степанов 2013, Тишков, Степанов 2016а, Смирнова, Степанов, Старченко 2020). Помимо мониторинга, экспертами РНЦ совместно с учеными Института этнологии и антропологии РАН и Сетью этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов было реализовано несколько важных исследовательских проектов. В частности, по единой методике в регионах России изучены взаимосвязь социальных показателей и показателей этнической нетерпимости (Тишков, Степанов 2014), идентификационные приоритеты и жизненные стратегии современной студенческой молодежи (Тишков, Бараиш, Степанов 2014), проанализирована языковая ситуация и потребности населения в этнокультурном образовании (Тишков, Степанов 2016б), раскрыты деструктивные воздействия националистической идеологии, бытового и печатного языка вражды, антимиграционной риторики (Тишков, Степанов, Аккиева и др. 2018) и др.

Свою высокую научную квалификацию, опыт аналитической деятельности эксперты используют для подготовки и переподготовки кадров, они преподают в вузах этнологию, этнополитологию, этносоциологию, этноконфликтологию и др. дисциплины, проводят учебные семинары для сотрудников органов государственной власти и муниципалитетов. Сотрудничество с общественными организациями этнокультурной направленности, Домами дружбы, Центрами национальных культур становится не только каналом просветительской деятельности, но также и каналом влияния экспертов.

Проблема сотрудничества и взаимодействия научно-экспертного сообщества с органами власти осознается экспертами как крайне важная. Исследование содержания, принципов и форм государственной национальной политики на современном этапе, с использованием самых новейших научных достижений в области межэтнической, этноконфессиональной и миграционной проблематики, рассматривается ими как задача, которая приобретает особую значимость в связи с происходящими общественными процессами и соответствующими изменениями в российском законодательстве. В этом направлении ключевой позицией является качество взаимодействия органов государственной власти, научно-экспертных организаций и институтов гражданского общества. Однако, эксперты с сожалением отмечают, что их знания и опыт, результаты экспертной деятельности, их выводы и предложения, не всегда востребованы органами власти, используются формально, особенно на региональном уровне. Так, некоторые эксперты пишут: «Власть не очень заинтересована в объективной научной экспертизе по целому ряду причин (власть хочет

видеть позитив, а реальная ситуация показывает, что негатива больше — особенно в экономико-социальной сфере, что определяет и проблемы в межнациональных и этноконфессиональных отношениях); «Несмотря на нашу готовность и неоднократные попытки информирования власти, опыт, предложения не всегда востребованы». Кроме того, проблемной остается и обратная связь эксперта и чиновника: «Эксперту по собственной инициативе практически невозможно получить информацию от органов госвласти»; «Чиновники обращаются к экспертам по мере необходимости и крайне ситуативно».

Эксперты обращают внимание на то, что аналитические службы, организованные при ряде государственных структур, зачастую идут по пути «приукрашивания», игнорирования некоторых проблем, стремятся выдать желаемое (властями) за действительное. С другой стороны, представляют опасность и публикации таких «экспертов», которые дают необъективную оценку межэтнической ситуации, сложившейся в ряде регионов России, и тем самым вводят в заблуждение общественность и органы власти. Так в 2014 г. заметный общественный резонанс получило мониторинговое исследование, подготовленное Центром изучения национальных конфликтов (ЦИНК). На основе опроса региональных экспертов и анализа конфликтных ситуаций, они подготовили своеобразный рейтинг регионов России по степени межэтнической напряженности под названием «Гроздь гнева». При этом, экспертами была допущена методологическая ошибка, при анализе учитывались исключительно негативные факторы (межэтническая и межконфессиональная напряженность, конфликтные ситуации, подготовка и проведение терактов и т. п.), в то же время, усилия органов власти по стабилизации межэтнической ситуации, деятельность этнокультурных и религиозных организаций, другие положительные примеры межэтнического взаимодействия в регионах во внимание не брались. Например, Татарстан был отнесен к регионам с высокой степенью межнациональной напряженности, где этническое противостояние начинает приобретать системный характер (Гроздь гнева 2014).

Чтобы разрядить сложившуюся ситуацию, по инициативе Института этнологии и антропологии РАН и Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов в Казани был проведен научно-практический семинар «Мониторинг межэтнических и межконфессиональных отношений в Российской Федерации: методология, методика и социальная практика» (24.12.2014 г.). На семинар были приглашены известные эксперты из разных регионов России (И. И. Бойко, Л. М. Дробужева, В. Ю. Зорин, А. Г. Михайлов, В. И. Мукомель, Н. С. Мухаметшина и др.), а также авторы доклада «Гроздь гнева». Итогом встречи стало достижение хрупкого консенсуса, авторы доклада согласились учесть допущенные методологические ошибки в ходе своих будущих мониторинговых исследований. Эксперты из числа их оппонентов, в свою очередь признали, что система мониторинга межэтнических и межконфессиональных отношений в регионах требует дальнейшего совершенствования. В итоговом заявлении они отметили, что залогом стабильности и поступательного политического, социально-экономического и культурного развития России является укрепление единства российской гражданской нации, основанной на признании ее многокультурности, поддержание межэтнического и межконфессионального мира и согласия в стране (Милов 2014).

Не лишним будет подчеркнуть, что недобросовестная, необъективная оценка этнополитической и этноконфессиональной ситуации в регионах крайне опасна, так

как формирует у властных и общественных структур искаженную картину о положении дел в регионах, вводит в заблуждение правоохранные структуры, приводит к принятию неверных управленческих решений в чрезвычайно сложной и чувствительной межэтнической сфере. Мы разделяем точку зрения В. А. Тишкова о том, что «Мониторинг имеет большую предписывающую силу, с ним нужно обращаться осторожно. Ведь смысл мониторинга в том, чтобы его восприняли прежде всего региональные власти, он же делается не только для московских кабинетов. Нельзя так, сидя в Москве и шаря по интернету, для такой большой и сложной страны как РФ составлять глобальные карты на очень чувствительные темы. К этому нужно относиться профессионально и очень ответственно» (Тишков 2014).

Экспертный опрос показал, что ученые находят свою нишу в осуществлении экспертной деятельности. Они имеют определенную организационную и финансовую поддержку со стороны государственных органов и общественных организаций. Свою квалификацию, знание исторических реалий, осмысление современной ситуации они используют в ходе изучения и анализа межнациональной обстановки и выработки рекомендаций для государственных органов, вносят свой вклад в научное обеспечение государственной национальной политики.

Источники и материалы

- Гроздь гнева 2014 — Гроздь гнева. Рейтинг межэтнической напряженности в регионах России. Весна — осень 2014 года (Татарстан) // Клуб регионов. <http://club-rf.ru/thegrapesofwrath/02/tatarstan.html> (дата обращения: 13.02.2022).
- Заседание Совета 2019 — Заседание Совета по развитию гражданского общества и правам человека 10 декабря 2019 г. // Администрация Президента России: офиц. сайт. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62285> (дата обращения: 13.02.2022).
- Концепция 2012 — Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Президентом РФ 13.06.2012 г.) // GARANT.RU: информационно-правовой портал. <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70088244/> (дата обращения: 13.02.2022).
- О Совете 2012 — О Совете при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям: Указ Президента РФ от 05.06.2012 № 776 // Администрация Президента России: офиц. сайт. <http://www.kremlin.ru/acts/bank/35435> (дата обращения: 13.02.2022).
- О Стратегии 2012 — О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 // GARANT.RU: информационно-правовой портал. <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70184810/> (дата обращения: 13.02.2022).
- Об утверждении 1996 — Об утверждении Концепции государственной национальной политики Российской Федерации: Указ Президента РФ от 15.06.1996 № 909 // Администрация Президента России: офиц. сайт. <http://www.kremlin.ru/acts/bank/9571> (дата обращения: 13.02.2022).

Научная литература

- Абдулатипов Р., Михайлов В., Чичановский А. Национальная политика Российской Федерации: от концепции к реализации. М.: Слав. диалог, 1997. 111 с.
- Абдулатипов Р. Г., Михайлов В. А. Россия в XXI веке: общенациональный ответ на национальный вопрос. М.: Этносоциум, 2016. 102 с.
- Балаян А. А. Фабрики мысли и экспертные сообщества. СПб.: Алетейя, 2016. 240 с.

- Беляева Н. Ю. Аналитические сообщества в публичной политике: глобальный феномен и российские практики. М.: РОССПЭН, 2013. 253 с.
- Дегтярев А. А. Политический анализ как прикладная дисциплина: предметное поле и направления развития // Полис. Политические исследования, 2004. № 1. С. 154–168.
- Дробижева Л. М. Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации: опыт 20 лет. М.: Новый хронограф, 2013. 336 с.
- Еленский А. В. Политическая экспертиза: генезис, понятие и когнитивные возможности // Вопросы философии, 2011. № 2. С. 57–69.
- Зорин 2018а — Зорин В. Ю. Национальная политика Российского государства в XX — начале XXI в.: учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2018. 251 с.
- Зорин 2018б — Зорин В. Ю. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации: новые перспективы // Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации: экспертное мнение. М.: ИЭА РАН, 2018. С. 6–15.
- Зорин В. Ю., Аствацатурова М. А. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации: формирование общероссийской гражданской идентичности и укрепление духовной общности российской нации. М.: ИЭА РАН, 2018. Вып. 263. 46 с.
- Иванченко Г. В., Леонтьев Д. А. (под ред.) Экспертиза в современном мире: от знания к деятельности. М.: Смысл, 2006. 454 с.
- Красовицкая Т. Ю., Тишков В. А. (отв. ред.) Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российского государства. М.: Новый хронограф, 2012. 448 с.
- Кулешов С. В., Аманжолова Д. А., Волобуев О. В. и др. Национальная политика России: история и современность. М.: Русский мир, 1997. 678 с.
- Миров В. Урожай «гроздьев гнева» в Татарстане снять не удалось // Казанские ведомости. 2014. <https://kazved.ru/news/urozhay-grozdiev-gneva-v-tatarstane-snyat-ne-udalos> (дата обращения: 13.02.2022).
- Путин В. В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 2012. 21 января.
- Смирнова Т. Б., Степанов В. В., Старченко Р. А. (ред.) Мониторинг межэтнических отношений и религиозной ситуации в регионах Урала, Сибири и Дальнего Востока России: экспертный доклад за 2019 год. М.-Омск: Издательский центр КАН, 2020. 181 с.
- Степанов В. В. О подходах нормативного закрепления этнологической экспертизы в Российской Федерации // Государственная национальная политика России: экспертное мнение / ред. В. В. Степанов, А. В. Черных. М.: ИАЭ РАН, 2018. С. 240–248.
- Сунгуров А. Ю. Как возникают политические инновации: «фабрики мысли» и другие институты-медиаторы. М.: РОССПЭН, 2015. 384 с.
- Тишков В. А. Мониторинг — это очень ответственное дело // Национальный акцент. 2014. <http://nazaccent.ru/column/37/> (дата обращения: 13.02.2022).
- Тишков В. А. Российский народ. История и смысл национального самосознания. М.: Наука, 2013. 649 с.
- Тишков В. А. Этнический фактор и новейшая история государственной этнополитики в России // Вестник Российской нации, 2009. № 6 (8). С. 45–61.
- Тишков В. А., Бараиш П. Э., Степанов В. В. (под ред.) Российское студенчество: идентичность, жизненные стратегии и гражданский потенциал. М.: ИЭА РАН, 2014. 342 с.
- Тишков В. А., Степанов В. В. (под ред.) Социальные факторы этнической нетерпимости (итоги междисциплинарного исследования). М.: ИЭА РАН, 2014. 364 с.
- Тишков В. А., Степанов В. В., Акиева С. И. и др. Феномен этнического конфликта: междисциплинарный подход и общественные практики. Опыт предупреждения и урегулирования конфликтов. М.: ИЭА РАН, 2018. 452 с.
- Тишков, Степанов 2013а — Тишков В. А., Степанов В. В. (под ред.) Межэтнические и профессиональные отношения в Приволжском федеральном округе: экспертный доклад. М.-Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2013. 118 с.

- Тишков, Степанов 2013б — Тишков В. А., Степанов В. В. (под ред.) Межэтнические и конфессиональные отношения в Северо-Кавказском федеральном округе: экспертный доклад. М.: ИЭА РАН, Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2013. 98 с.
- Тишков, Степанов 2016а — Тишков В. А., Степанов В. В. (под ред.) Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Крымском федеральном округе: экспертный доклад 2015 года. М.-Симферополь: ООО «Антиква», 2016. 88 с.
- Тишков, Степанов 2016б — Тишков В. А., Степанов В. В. (под ред.) Межэтнические отношения и этнокультурное образование в регионах России. М.: ИЭА РАН, 2016. 294 с.
- Тишков В. А., Хоперская Л. Л., Степанов В. В. (под ред.) Межэтнические и конфессиональные отношения в Южном федеральном округе: экспертный доклад. М.-Ростов-на-Дону, 2013. 114 с.
- Трофимов Е. Н. Россия многонациональная. Политико-правовые основы управления национальными процессами (1906–2012 годы). 2-е изд., пересмотр. и доп. М.: Логос, 2013. 377 с.

References

- Abdulatipov, R., V. Mikhailov, and A. Chichanovskii. 1997. *Natsional'naia politika Rossiiskoi Federatsii: ot kontseptsii k realizatsii* [National policy of the Russian Federation: from concept to implementation]. Moscow: Slav. Dialog.
- Abdulatipov, R.G., and V. A. Mikhailov. 2016. *Rossiiia v XXI veke: obshchenatsional'nyi otvet na natsional'nyi vopros* [Russia in the 21st century: a national response to the national question]. Moscow: Etnosotsium.
- Balayan, A.A. 2016. *Fabriki mysli i ekspertnye soobshchestva* [Thought factories and expert communities]. St. Petersburg: Aleteiia.
- Beliaeva, N. Iu. 2013. *Analiticheskie soobshchestva v publichnoi politike: global'nyi fenomen i rossiiskie praktiki* [Analytical Communities in Public Policy: A Global Phenomenon and Russian Practices]. Moscow: ROSSPEN, 2013.
- Degtiarev, A.A. 2004. Politicheskii analiz kak prikladnaia distsiplina: predmetnoe pole i napravleniia razvitiia [Political analysis as an applied discipline: subject field and directions of development]. *Polis. Politicheskie issledovaniia* 1: 154–168.
- Drobizheva, L.M. 2013. *Etnichnost' v sotsial'no-politicheskom prostranstve Rossiiskoi Federatsii: opyt 20 let* [Ethnicity in the socio-political space of the Russian Federation: 20 years of experience] Moscow: Novyi khronograf.
- Elenskii, A.V. 2011. Politicheskaiia ekspertiza: genesis, poniatie i kognitivnye vozmozhnosti [Political expertise: genesis, concept and cognitive possibilities]. *Voprosy filosofii* 2: 57–69.
- Ivanchenko, G.V., and D. A. Leont'eva, eds. 2006. *Ekspertiza v sovremennom mire: ot znaniia k deiatel'nosti* [Expertise in the modern world: from knowledge to activity]. Moscow: Smysl.
- Krasovitskaia, T. Yu., and V. A. Tishkov, eds. 2012. *Etnicheskii i religiozni faktor v formirovanii i evoliutsii rossiiskogo gosudarstva* [Ethnic and religious factors in the formation and evolution of the Russian state]. Moscow: Novyi khronograf.
- Kuleshov, S.V., D. A. Amanzholova, and O. V. Volobuev, eds. 1997. *Natsional'naia politika Rossii: istoriia i sovremennost'* [National policy of Russia: history and modernity]. Moscow: Russkii mir.
- Mirov, V. 2014. Urozhai «grozd'ev gneva» v Tatarstane sniat' ne udalos' [Harvest of «grapes of anger» in Tatarstan failed to harvest]. *Kazanskii vedomosti*. <https://kazved.ru/news/urozhay-grozdiev-gneva-v-tatarstane-snyat-ne-udalos>.
- Putin, V.V. 2012. Rossiia: natsional'nyi vopros [Russia: the national question]. *Nezavisimaia gazeta*. January 21.
- Smirnova, T.B., V. V. Stepanov, and R. A. Starchenko, eds. 2020. *Monitoring mezhetnicheskikh otnoshenii i religioznoi situatsii v regionakh Urala, Sibiri i Dal'nego Vostoka Rossii: ekspertnyi doklad za 2019 god* [Monitoring of interethnic relations and the religious situation in the regions

- of the Urals, Siberia and the Far East of Russia: expert report for 2019]. Moscow-Omsk: Izdatel'skii tsentr KAN.
- Stepanov, V.V. 2018. O podkhodakh normativnogo zakrepleniia etnologicheskoi ekspertizy v Rossiiskoi Federatsii [On the Approaches of Normative Consolidation of Ethnological Expertise in the Russian Federation]. In *Gosudarstvennaia natsional'naia politika Rossii: ekspertnoe mnenie* [State National Policy of Russia: Expert Opinion], edited by V. V. Stepanov and A. V. Chernykh. Moscow: IAE RAN: 240–248.
- Stepanov, V.V., and V. A. Tishkov, eds. 2014. *Sotsial'nye faktory etnicheskoi neterpimosti (itogi mezhdistsiplinarnogo issledovaniia)* [Social factors of ethnic intolerance (results of an interdisciplinary study)]. Moscow: IEA RAN, 2014.
- Sungurov, A. Yu. 2015. *Kak voznikaiut politicheskie innovatsii: «fabriki mysli» i drugie instituty-mediatory* [How Political Innovations Arise: Thought Factories and Other Institutions-Mediators]. Moscow: ROSSPEN.
- Tishkov, V.A. 2009. Etnicheskii faktor i noveishaia istoriia gosudarstvennoi etnopolitiki v Rossii [Ethnic factor and the latest history of state ethnic policy in Russia]. *Vestnik Rossiiskoi natsii* 6 (8): 45–61.
- Tishkov, V.A. 2013. *Rossiiskii narod. Istoriia i smysl natsional'nogo samosoznaniia* [Russian people. History and meaning of national self-consciousness]. Moscow: Nauka.
- Tishkov, V.A. 2014. Monitoring — eto ochen' otvetstvennoe delo [Monitoring is a very responsible business]. *Natsional'nyi aktsent*. <http://nazaccent.ru/column/37/>
- Tishkov, V.A., and V. V. Stepanov, eds. 2013a. *Mezhetnicheskie i konfessional'nye otnosheniia v Privolzhskom federal'nom okruge: ekspertnyi doklad* [Interethnic and confessional relations in the Volga Federal District: expert report]. Moscow-Izhevsk: Institut komp'iuternykh issledovaniia.
- Tishkov, V.A., and V. V. Stepanov, eds. 2013b. *Mezhetnicheskie i konfessional'nye otnosheniia v Severo-Kavkazskom federal'nom okruge: ekspertnyi doklad* [Interethnic and confessional relations in the North Caucasian Federal District: expert report]. Moscow: IEA RAN.
- Tishkov, V.A., and V. V. Stepanov, eds. 2016a. *Mezhetnicheskie otnosheniia i religioznaia situatsiia v Krymskom federal'nom okruge: ekspertnyi doklad 2015 goda* [Interethnic Relations and Religious Situation in the Crimean Federal District: Expert Report 2015]. Moscow-Simferopol': ООО «Антиква».
- Tishkov, V.A., and V. V. Stepanov, eds. 2016b. *Mezhetnicheskie otnosheniia i etnokul'turnoe obrazovanie v regionakh Rossii* [Interethnic relations and ethnocultural education in the regions of Russia]. Moscow: IEA RAN.
- Tishkov, V.A., L. L. Khoperskoi, and V. V. Stepanov, eds. 2013. *Mezhetnicheskie i konfessional'nye otnosheniia v Iuzhnom federal'nom okruge: ekspertnyi doklad* [Mezhetnicheskie i konfessional'nye otnosheniia v Iuzhnom federal'nom okruge: ekspertnyi doklad]. Moscow-Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo Iuzhnogo federal'nogo universiteta.
- Tishkov, V.A., R. E. Barash, and V. V. Stepanov, eds. 2014. *Rossiiskoe studentchestvo: identichnost', zhiznennye strategii i grazhdanskii potentsial* [Russian students: identity, life strategies and civil potential]. Moscow: IEA RAN.
- Tishkov, V.A., V. V. Stepanov, and S. I. Akkieva, eds. 2018. *Fenomen etnicheskogo konflikta: mezhdistsiplinarnyi podkhod i obshchestvennye praktiki. Opyt preduprezhdeniia i uregulirovaniia konfliktov* [The phenomenon of ethnic conflict: an interdisciplinary approach and social practices. Experience in preventing and resolving conflicts]. Moscow: IEA RAN.
- Trofimov, E.N. 2013. *Rossiiia mnogonatsional'naia. Politiko-pravovye osnovy upravleniia natsional'nymi protsessami (1906–2012 gody)* [Russia is multinational. Political and legal foundations for managing national processes (1906–2012)]. 2nd ed., revision and additional. Moscow: Logos.
- Zorin, V. Yu., and M. A. Astvatsaturova. 2018. *Strategiia gosudarstvennoi natsional'noi politiki Rossiiskoi Federatsii: formirovanie obshcherossiiskoi grazhdanskoi identichnosti i ukreplenie dukhovnoi obshchnosti rossiiskoi natsii* [The strategy of the state national policy of the Russian Federation: the formation of an all-Russian civic identity and the strengthening of the spiritual community of the Russian nation]. Moscow: IEA RAN. Vol. 263.

- Zorin, V. Yu. 2018a. *Natsional'naia politika Rossiiskogo gosudarstva v XX — nachale XXI v.: ucheb. posobie dlia bakalavriata i magistratury* [National policy of the Russian state in the XX — early XXI century: textbook. manual for bachelor's and master's degrees]. 2-e izd., ispr. i dop. Moscow: Yurayt.
- Zorin, V. Yu. 2018b. *Strategiia gosudarstvennoi natsional'noi politiki Rossiiskoi Federatsii: novye perspektivy* [Strategy of the State National Policy of the Russian Federation: New Perspectives]. In *Strategiia gosudarstvennoi natsional'noi politiki Rossiiskoi Federatsii: ekspertnoe mnenie* [Strategy of the State National Policy of the Russian Federation: Expert Opinion]. Moscow: IEA RAN: 6–15.

УДК 39+314
DOI: 10.33876/2311-0546/2022-2/257-265
Научная статья

© А. В. Гурко

ИДЕНТИЧНОСТЬ БЕЛОРУССКОЙ МОЛОДЕЖИ ПО МАТЕРИАЛАМ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ 2012–2014 ГГ. И 2020–2022 ГГ. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

В статье приводятся результаты сравнительного анализа данных, полученных в процессе двух разделенных по времени этносоциологических опросов, проведенных в молодежной среде в одном из регионов Беларуси — Гродненской области. Эти исследования являются частью более крупных международных проектов «На границе со странами ЕС: этнокультурные стратегии молодежи в Гродненской и Калининградской областях» (2012–2014 гг.) и «Опыт лонгитюдных исследований идентичности и жизненных стратегий молодежи Калининградской и Гродненской областей» (2020–2022 гг.), выполнявшихся коллективами этнологов Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси и Института этнологии и антропологии РАН, при поддержке двух научных фондов БРФФИ и РФФИ. Целью проектов являлось компаративное исследование динамики развития идентичностей и жизненных стратегий молодежи на пограничных со странами Европейского союза территориях двух стран: России и Беларуси. В качестве основных параметров, определяющих этнокультурные ориентации молодежи при проведении опросов, были выбраны следующие: во-первых, этническая самоидентификация; во-вторых, лингвистическая идентификация, в-третьих, идентификация на основе образов родной земли, в-четвертых, стратегии молодежи в передаче этнического опыта последующим поколениям. Был установлен ряд закономерностей, связанных с этнокультурными настроениями молодежи и сделаны выводы об усиливающемся доминировании гражданской идентичности над этнической.

Ключевые слова: этническая идентичность, этнические символы, гражданская идентичность, этнокультурные стратегии молодежи

Ссылка при цитировании: Гурко А. В. Идентичность белорусской молодежи по материалам полевых исследований 2012–2014 гг. и 2020–2022 гг. Сравнительный анализ // Вестник антропологии, 2022. № 2. С. 257–265.

¹ Гурко Александр Викторович — д. и. н., доцент, главный научный сотрудник отдела народоведения, Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси (Беларусь, 220072 Минск, ул. Сурганова, д. 1, корп. 2). Эл. почта: alhurko@yandex.ru

UDC 39+314

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-2/257-265

Original Article

© *Aliaksandr Hurko*

BELARUSIAN YOUNG PEOPLE'S IDENTITY. A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE TWO FIELD RESEARCH CAMPAIGNS IN 2012–2014 AND 2020–2022

The article presents the results of comparative analysis of the data obtained in the course of two ethno-sociological surveys conducted in the youth environment in one of the regions of Belarus — the Grodno Region. These researches are part of larger international projects “On the Border with the EU Countries: Ethnocultural Strategies of Young People in the Grodno and Kaliningrad Regions” (2012–2014) and “Longitudinal Research Experience of Identity and Life Strategy of Young People in the Kaliningrad and Grodno Regions” (2020–2022), carried out by teams of ethnologists of the Center for Research of Belarusian Culture, Language and Literature of the National Academy of Sciences of Belarus and the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, supported by two scientific funds: the Belarusian Foundation for Basic Research and the Russian Foundation for Basic Research. The aim of the projects was a comparative study of the dynamics of identity development and life strategies of young people in the territories bordering with the countries of the European Union in two countries: Russia and Belarus. The following were chosen as the main parameters determining the ethno-cultural orientations of young people during the surveys: first, ethnic self-identification; second, linguistic identification; third, identification based on images of their native land; fourth, youth strategies in transmitting ethnic experience to subsequent generations. A number of regularities related to the ethno-cultural attitudes of young people were established and conclusions were made about the increasing dominance of civic identity over ethnic identity.

Keywords: *Ethnic identity, ethnic symbols, national identity, ethnic and cultural strategies of youth*

For citation: Hurko, A. V. 2022. Belarusian Young People's Identity. A Comparative Analysis of the Two Field Research Campaigns in 2012–2014 and 2020–2022. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 2: 257–265.

Author Info: **Hurko, Aliaksandr V.** — Dr. (Hist.), Leading Researcher, Center for Research of Belarusian Culture, language and literature of the National Academy of Sciences of Belarus (Minsk, Belarus). E-mail: alhurko@yandex.ru

Данная работа основывается на результатах полевых исследований, выполненных нами в рамках проектов научных исследований «На границе со странами ЕС: этнокультурные стратегии молодежи в Гродненской и Калининградской областях» (2012–2014 гг.) и «Опыт лонгитюдных исследований идентичности и жизненных стратегий молодежи Калининградской и Гродненской областей» (2020–2022 гг.) научными кол-

лективами этнологов Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси и ИЭА РАН при поддержке двух фондов БРФФИ — РФФИ.

В ходе выполнения первого из названных проектов было опрошено 128 молодых людей в возрасте 16–28 лет в городах Гродно, Лида, Мосты, Волковыск, Свислочь, а также в Гродненском, Мостовском, Волковысском, Щучинском районах. Опрос проводился по случайной выборке. Для получения сравнительных данных по Гродненской области в ходе второго из проектов был проведён опрос 117 респондентов в возрасте от 15 до 36 лет, учащихся вузов, школ, служащих, рабочих, представителей творческих профессий из городов Гродно, Лида, Ивье, Ошмяны а также из Лидского, Ошмянского и Гродненского районов.

В качестве основных параметров, определяющих этнокультурные ориентации молодёжи при проведении опросов, были определены следующие. Во-первых, этническая самоидентификация. Во-вторых, лингвистическая идентификация. В-третьих, идентификация на основе образов родной земли. В-четвертых, стратегии молодёжи в передаче этнического опыта последующим поколениям.

В ходе сравнительного анализа результатов исследования молодёжи Гродненщины установлено, что большинство респондентов считают себя белорусами.

По результатам исследований 2012–2014 гг. белорусами считали себя 91% опрошенных; 5,5% отнесли себя к полякам, 3% — к русским. В то же время установлено, что в 70% семей респондентов оба родителя относят себя к белорусскому народу, около 7% — к польскому, около 1,6% — к русскому. Остальные семьи смешанные: белорусско-русские, белорусско-польские, белорусско-украинские. Сопоставление количества респондентов, отметивших свою принадлежность к белорусам (здесь национальное и этническое в заметной степени совпадают) очевидно превосходит количество тех, кто считает себя белорусами генетически. Это свидетельствует о том, что гражданская идентичность доминирует над генетической. Вместе с этим сохраняется скрытая двойная и тройная идентичность, основанная на знании и осознании этнического происхождения родителей. Множественная скрытая идентичность связана со сложной этнополитической историей и пограничным положением региона, она определяет своеобразие этнической культуры.

Результаты исследований, проведенных нами в Гродненской области в 2020–2021 гг., показали, что большинство опрошенных (около 80%) также считали себя белорусами, при этом из числа белорусов двое охарактеризовали свою этничность как славянскую, 1 респондент отметил белорусско-украинскую идентичность; 1 респондент охарактеризовал белорусско-польскую идентичность как «полька, но являюсь белоруской», 1 респондент охарактеризовал белорусско-русскую идентичность как «белоруска, но являюсь россиянкой». Поляками назвали себя 14,5%, русскими — 3,4%, 1 армянин, 1 еврей; 1 респондент указал русско-польскую идентичность. Как видно, по сравнению с исследованиями 2014 года, произошло увеличение процента респондентов, идентифицировавших себя с польским народом примерно в 3 раза, что вероятно связано с этнической мобилизацией поляков через проводимую Республикой Польша кампанию по получению «карты поляка». Соответственно, сократилось на 11% количество респондентов, идентифицировавших себя как белорусы. Процентное соотношение русских практически не изменилось.

В то же время установлено, что в 69,8% семей участников опроса оба родителя относят себя к белорусскому народу, около 6,8% — к польскому, 0,9% — к русско-

му. У 9,4% респондентов родители из смешанных белорусско-польских семей; 2,6% из русско-польских семей, 0,9% отнесли одного из родителей к славянам, другого — к полякам; 3,4% из русско-белорусских семей, 0,9% сообщили, что родители имеют русско-украинско-белорусские корни; 3,4% из белорусско-украинских семей; 0,9% отнесли одного из родителей к белорусам, другого — к итальянцам; еще 0,9% отнесли одного из родителей к белорусам, другого — к «германцам», 0,9% сообщили, что родители армяне.

Анализ этнического состава семей показывает, что 30% опрошенных теоретически могли бы идентифицировать себя с одним из народов, к которым относятся их родители. В то же время, исходя из ответов, около 80% респондентов указали на то, что они являются белорусами. Это свидетельствует о доминировании белорусской гражданской идентичности над этнической.

О некоторых изменениях лингвистической самоидентификации свидетельствуют следующие факты. По данным опроса 2013 года русский язык назвали родным 48% респондентов; белорусский язык — 30%; 22% — белорусский и русский. По данным опроса 2021 г. возрос процент идентифицирующих себя лингвистически с белорусами — до 50,4%. Выросло и количество респондентов, считающих родным русский язык — 77% опрошенных. Родным языком назвали польский — 3,5%, армянский язык — 0,9% (Рис. 1).

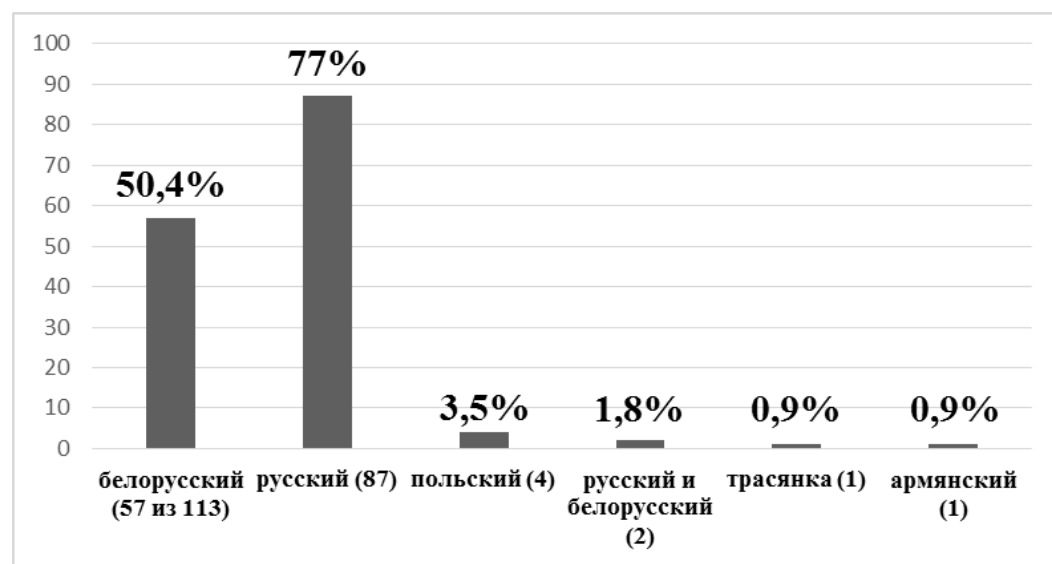

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Какой язык для Вас является родным?» (2021 г.)

Такая динамика указывает как на рост белорусского самосознания, выразившегося в лингвистической самоидентификации, так и на изменение восприятия русского языка как родного, поскольку он регулярно используется большинством граждан в повседневной коммуникации.

Результаты наших исследований 2021 года позволяют увидеть, что ряд признаков указывает на рост этнического и национального белорусского самосознания. В частности, более 75% респондентов ответили на вопрос «Назовите пять наиболее значи-

мых для Вас позитивных образов, символов родной земли». В 2013 году около половины респондентов оставили этот вопрос без ответа. При этом палитра символов, образов, связанных с этнической, национальной идентичностью, была сравнительно узкой: назывались герб, флаг, гимн, [родительский] дом, зубр, олень, аист, леса, озера, колосья, картошка.

Ответы, полученные в ходе опроса 2020–2021 годов можно разделить на несколько категорий. Из образов природы — это аисты, зубр, озёра, василек, поле с колосьями, поля с пшеном и рапсом, поле ржи, канюшина, синее небо, река, радуга, солнце, сосновый лес, сосны, ягоды, огород, картошка, клевер, пшеница, одуванчики, лён, ручей, лебеди, беловежская пуца, папоротник, полевые цветы, река Неман.

Из пространственно-архитектурных образов называли родной город, деревни, дом, площадь Советская (в Гродно), парк, имение Огинского, липовые аллеи, Лидский замок, замки, Национальная библиотека.

Из этнических образов в ответах упоминались дом, родители, семья, язык, детство, друзья, родительский дом, родная хата, церковь, касцёл, огород, хозяйство, Рождество в кругу семьи, Пасха, драники, светлые волосы, чистота, вышиванка (белая кашуля с чырвоным арнамантам), белорусский национальный костюм, пояс, орнамент, светлые люди, чистота, спокойствие, открытость, эмпатия, толерантность, миролюбие, дружелюбие, гостеприимство, трудолюбие.

Из национальных брендов: чистота страны, гостеприимство; чистая, светлая, белая, прекрасная, красивая (страна); тракторы; белорусская литература.

Из политических образов: президент, флаг, герб, гимн, армия.

Из исторических личностей: образы Великих Князей Литовских (такие как Витовт, Кейстут, Витень).

В отдельных единичных случаях указывались этнические символы других народов: менталитет людей в Республике Армения, горы, большое количество родственников в Республике Армения, культурные ценности Республики Армения, старинные храмы в Республике Армения. Белый орел, клецки, пироги. Берёзы, мороз, снег, медведь, баранки.

Около 4% респондентов указали альтернативную государственную символику (бело-красно-белый флаг, герб Пагоня, оппозиционных лидеров) в качестве значимых позитивных образов, символов родной земли.

В 2021 году более 74% респондентов ответили на вопрос: «Какие обычаи и традиции ассоциируются для Вас с домом, родной землёй?» Что характерно, ими оказались главным образом праздники и праздничные традиции — религиозные (Рождество, Вербное Воскресенье, Пасха, Преображение), народные (Масленица, Купалле, Каляды, Гуканне вясны, Дожинки), семейные (личные торжества, Крещение, Радуница, Дзяды, похороны) и гражданские (Новый год, День Победы, День Конституции). Также это — традиции гулять всем городом по воскресеньям, раз в год встречаться со всеми жителями деревни; собираться всей большой семьёй на праздники на природе, собираться за одним столом и обсуждать различные темы; семейный ужин за большим столом; по выходным собираться всей семьёй; семейные посиделки; совместные обеды; приготовление мамой торта на праздники; печь блины каждый день, национальная еда; традиционная пища; хлеб с солью и водкой; печь блины, украшать ёлку, дом к Новому году, украсить яйца на Пасху; рождественские гадания,

купальская ночь; подготовка к Рождеству. По сравнению с опросом 2013 года ответы более разнообразны, ориентированы на образы семьи и малой родины.

В отличие от ответов респондентов 2013 года, в 2021 году в числе этнических образов появились элементы облика белоруса, включающие блюда, символизирующие этническую принадлежность кухни, и детали одежды. Это указывает на рост этнического, национального самосознания и, на наш взгляд, непосредственно связано с работой СМИ области и республики, государственных и общественных организаций по освещению Года родной земли и пропаганде патриотических ценностей.

В 2020–2021 гг. в опросный лист нами были впервые включены вопросы, уточняющие параметры самоидентификации респондентов. Предлагалось перечислить признаки, по которым респонденты отождествляют себя со своей национальностью (ответило 66% респондентов); перечислить достоинства людей своей национальности (ответило 78% респондентов).

Как признаки, по которым респонденты отождествляют себя со своей национальностью, названы территория, знание истории и культуры своего края, проживание в Беларуси, черты характера, присущие нации, быт, обычаи, знание традиций и языка. Также единичные ответы были: русский дух и душа; польские корни.

К достоинствам людей своей национальности респонденты отнесли следующие: толерантность, дружелюбие, трудолюбие, честность, искренность, доброта, взаимовыручка, интеллект, нейтралитет, культура, веротерпимость, поддержка и солидарность, аккуратность, открытость отзывчивость, справедливость, гостеприимство.

Более половины респондентов (56%) сообщили о наличии в их доме предметов национального быта, одежды, декора (Рис. 2).

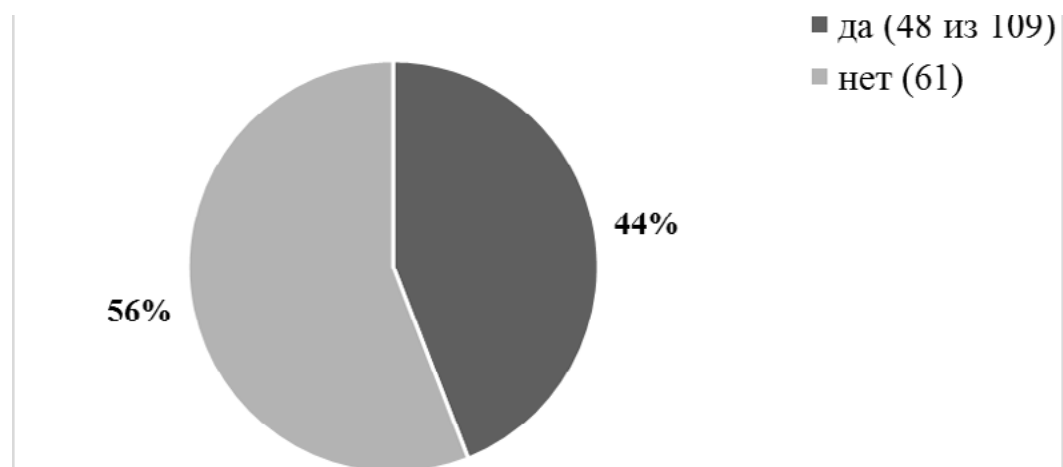

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «Есть ли у Вас дома предметы национального быта, одежды, декора» (2021 г.)

С формированием стратегий сохранения этнической идентичности молодежи связан вопрос анкеты «Как бы Вы отнеслись к браку своих детей с представителями других национальностей?».

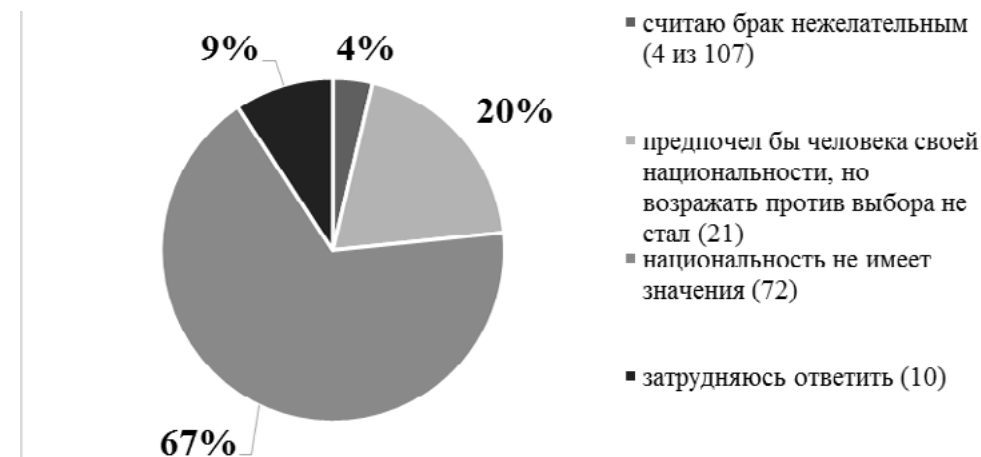

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Как бы Вы отнеслись к браку своих детей с представителями других национальностей?» (2021 г.)

В 2013 году ответы распределились следующим образом: Считаю брак нежелательным — 18%; Предпочел бы человека своей национальности, но возражать против выбора не стал — 34%; Национальность не имеет значения — 30%; Затрудняюсь ответить — 18%.

В 2021 году ответы распределились иначе: Считаю брак нежелательным — 4%; Предпочел бы человека своей национальности, но возражать против выбора не стал — 20%; Национальность не имеет значения — 67%; Затрудняюсь ответить — 9% (Рис. 3). Такое распределение ответов может указывать на идущий процесс размывания этнической идентичности в общем контексте смещения этнической идентичности в направлении гражданской (национальной) идентичности.

Тенденции размывания этнической идентичности в общем контексте ее смещения в направлении гражданской (национальной) идентичности подтверждаются и ответами на вопрос «Кем бы Вы хотели видеть Ваших детей? Выберите 3–4 ответа». 23% ответивших хотели бы видеть своих детей «людьми, знающими язык и культуру моей национальности». По сравнению с 2013 годом, когда 16% респондентов хотели бы видеть своих детей «людьми, знающими язык и культуру моей национальности», эта цифра несколько возросла, но остаётся относительно низкой. В то же время сократилось количество респондентов, которые хотели бы видеть своих детей «людьми моей национальности» с 15% в 2014 году до 6% в 2021 году. Незначительно увеличилось по сравнению с предыдущим исследованием, количество респондентов, которые «хотели бы видеть своих детей людьми, исповедующими их религию» — с 7% до 8% опрошенных. Ведущие позиции в ответе на этот вопрос занимают ответы о том, что респонденты своих детей хотели бы видеть «людьми, имеющими интересную работу» — 67,3%, «людьми, имеющими хорошую семью» — 59%, «людьми с высшим образованием» — 47%, «богатыми, состоятельными людьми» — 47%, людьми с чистой совестью — 46%. То есть вполне очевидно преобладание идей благополучного гражданского общества над этническими характеристиками.

Таким образом, результаты, полученные в ходе этнологического опроса, позволяют сделать выводы о доминировании гражданской белорусской идентичности

над этнической, большинство из опрошенных считает себя белорусами. Процесс складывания гражданской, национальной белорусской идентичности проходит достаточно заметно. Он находит выражение в появлении в числе этнических образов элементов облика белоруса, выраженных многочисленных элементов национально-го характера, человеческих качеств, элементов материальной культуры, в формировании представлений о характеристиках общества, в котором молодые люди видят своё будущее и будущее своих детей. Характеристики этнической идентичности в этих представлениях занимают заметные, но не ведущие позиции.

На процессы идентификации молодёжи определённым образом влияют происходящие изменения в демографической структуре. По данным, полученным в результате переписи населения, в Гродненской области, по состоянию на 4 октября 2019 года численность населения составила 1 026 816 человек: 771 078 горожан и 255 738 сельчан (75,1% и 24,9% соответственно). Сельское население за последнее десятилетие уменьшилось более чем на 76 тысяч человек, а городское, наоборот, увеличилось почти на 31 тысячу человек. Без малого 356 тысяч живет в Гродно. Всего на Гродненщине живут порядка 476 тысяч мужчин и свыше 551 тысячи женщин. Женщин, как и десять лет назад, в области больше (более чем на 75 тысяч). В возрастных группах до 35 лет мужское население преобладает над женским, а после 80 лет количество женщин больше в 3,5 раза. Самая многочисленная по населению возрастная группа в регионе — 55–59 лет. В трудоспособном возрасте находятся 55,8% жителей, 18,7% младше и 25,5% — старше трудоспособного возраста. Если сравнить с данными предыдущей переписи, почти на 19 тысяч увеличилось количество детей до 14 лет. На начало 2019 года численность молодежи в возрасте от 14 до 31 года составила 193,4 тыс. человек, или 18,6% от общей численности населения.

По последним данным средний возраст населения составил 41,2 года: мужчин 38,3 года, женщин — 43,7 лет. Как показала перепись, 64,4% мужчин и 54,6% женщин в возрасте 15 лет и старше состоят в браке или в незарегистрированных отношениях. Десять лет назад этот процент был ниже. 22,7% мужчин и 13,3% женщин никогда не состояли в зарегистрированном браке. Разведенных мужчин на Гродненщине 8,7%, женщин — 11,1%. Больше всего холостяков и незамужних женщин живет в Гродно и Лидском районе (Итоги 2019; Белстат 2019).

Из приведенных статистических сведений можно сделать вывод о том, что, во-первых, молодёжь Гродненщины составляет значительную, растущую социальную группу. При этом заметны позитивные тенденции к увеличению количества пар, образовавших семью, то является показателем заметной роли семьи в трансляции традиций и, соответственно, идентичности. Во-вторых, с учетом того, что самая многочисленная по населению возрастная группа в регионе — 55–59 лет, можно полагать, что именно эта группа является наиболее активным транслятором традиций, идей, идентичностей. В данной группе находятся люди, чьё личностное становление относится к периоду существования в условиях большого государства (СССР), обладавшего достаточно стабильной социальной системой. Эти люди, пережившие распад государства и получившие опыт переходного общества, на наш взгляд, являются носителями достаточно консервативных идей, которые транслируются молодёжи. В условиях нестабильности молодёжь опирается на опыт поколения, имеющего знания, «как должно быть» и как поступать в нестабильных экономических и социальных ситуациях. Именно поэтому роль семьи в трансляции этнокультурных тра-

диций, для молодёжи Гродненщины значительна. Большинство респондентов (63%) сообщили о том, что семья родителей является для них образцом (Рис. 4).

Как и в опросе, проведенном в 2013 году, в 2021 г. самым значимым пожеланием молодых людей в отношении к их потомкам является хорошая семья. На втором месте — интересная работа, на третьем — высшее образование. Таким образом, социальные ценности являются приоритетными.

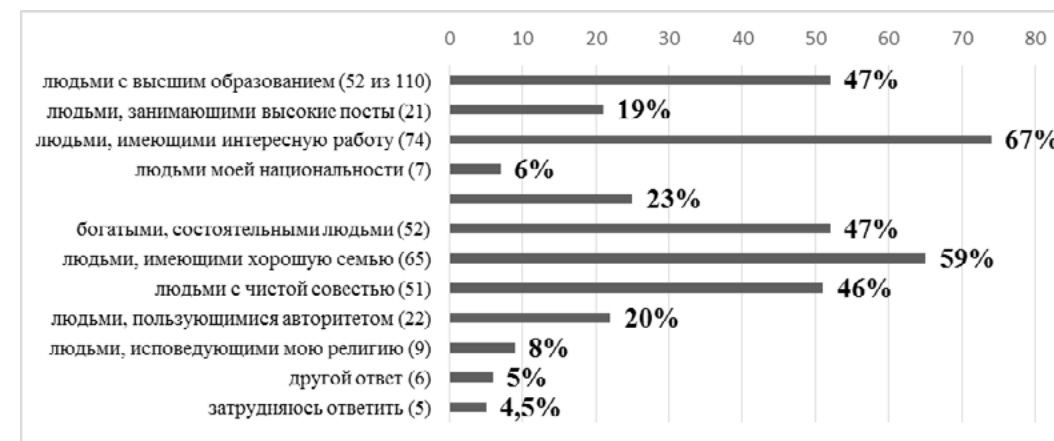

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос: «Кем бы Вы хотели видеть Ваших детей? Выберите 3–4 ответа» (2021 г.)

По сути, поколение, представленное людьми 55–59 лет (самая многочисленная по населению возрастная группа в регионе, родители, бабушки и дедушки нынешней молодёжи), является транслятором традиций, появившихся в социальном государстве. По сравнению с этническими, это достаточно новые традиции.

Процессы восстановления белорусского языка и культуры в качестве этнических символов отражено в стратегических намерениях молодёжи в виде желания транслировать потомству знание родной культуры и языка.

Источники и материалы

Итоги 2019 — Большинство — белорусы трудоспособного возраста. В области подвели итоги переписной кампании 2019 года: [Электронный ресурс]. <http://www.vorany.by/?p=127002#more-127002> (дата доступа: 26.09.2020).

Белстат 2019 — Белстат подсчитал количество девушек и парней в Гродненской области. [Электронный ресурс]. <https://newgrodno.by/society/potomu-chno-na-10-devchonok-postatistike-9-rebyat-ko-dnyu-molodezhi-belstat-podschital-kolichestvo-devushek-i-parnej-v-grodnenskoj-oblasti/> (дата доступа: 30.06.2019).

УДК 39+37

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-2/266-273

Научная статья

© Г. А. Корнишина, О. А. Мишина

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ ДЕТЕЙ МИГРАНТОВ В ШКОЛАХ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ

В представленной статье на основе включенного наблюдения авторов, анализа учебной, научной литературы, практических источников рассмотрены основные направления деятельности школ Республики Мордовия по созданию условий и организации образовательных, воспитательных и адаптационных процессов для детей мигрантов. На современном этапе развития общества большой исследовательский интерес вызывает такое явление как «детская миграция», поскольку вопросы этнокультурной, языковой адаптации и образования детей мигрантов школьного возраста становятся одной из важнейших социальных проблем. Дети мигранты являются особой категорией граждан, которые в силу возраста, несформированной психики, особенностей психологического восприятия образовательной и культурной среды подвержены стрессу и нередко попадают в сложные конфликтные ситуации. Адаптация детей мигрантов школьного возраста, как правило, носит продолжительный по времени характер, так как представляет собой сложный социальный процесс, при котором молодые люди сталкиваются с определенными трудностями, среди которых: иностранный язык, новая школьная образовательная программа, социокультурная среда, климатические особенности нового места пребывания и многое другое.

Ключевые слова: дети мигранты, воспитание, языковая и этнокультурная адаптация, социокультурное пространство, образовательная и культурная среда.

Ссылка при цитировании: Корнишина Г. А., Мишина О. А. Этнокультурная и социальная адаптация детей мигрантов в школах Республики Мордовия // Вестник антропологии, 2022. № 2. С. 266–273.

Корнишина Галина Альбертовна — д. и. н., профессор кафедры истории России, Историко-социологический институт ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва» (430005 Саранск, Большевикская ул., 68/1). Эл. почта: g.kornihina@mail.ru

Мишина Ольга Александровна — преподаватель, ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва» (430005 Саранск, Большевикская ул., 68/1). Эл. почта: olgasar01.09@mail.ru

UDC 39+37

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-2/266-273

Original Article

© Galina Kornishina, Olga Mishina

ETHNOCULTURAL AND SOCIAL ADAPTATION OF MIGRANT CHILDREN IN SCHOOLS OF MORDOVIA

The article considers the activities of schools in the Republic of Mordovia aimed at creating conditions and organizing educational and adaptation processes for migrant children. The study is based on the analysis of educational and scientific literature and practical sources. The current social situation determines the research interest in the phenomenon of “children’s migration”, hence the importance of the present study. Migrant children are a special category of citizens who, due to their age, unformed psyche, and particular psychological perception of the educational and cultural environment, are subject to stress and often face conflict situations. The adaptation of children of migrants of school age is usually a lengthy process since they have to deal with a foreign language, a new school curriculum, socio-cultural environment, climate, and much more.

Keywords: migrant children, education, linguistic and ethnocultural adaptation, socio-cultural space, educational and cultural environment.

For citation: Kornishina G., Mishina, O. 2022. Ethnocultural and Social Adaptation of Migrant Children in Schools of Mordovia. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 2: 266–273.

Author Info: Kornishina, Galina A. — Dr. (Hist.), Professor, N. P. Ogarev Mordovian State University (Saransk, RF). E-mail: g.kornihina@mail.ru

Mishina Olga Alexandrovna — Lecturer, N. P. Ogarev Mordovian State University (Saransk, RF). E-mail: olgasar01.09@mail.ru

В современном мире всё активнее происходят процессы миграции населения. Миграция, которая по различным причинам с годами усиливается, ставит перед обществом множество проблем. Немалую часть мигрантов составляют дети школьного возраста, которые чаще всего вместе со своими родителями остаются жить, учиться и работать в новых для них социальных и культурных условиях. (Мельник 2006: 12; Омельченко 2020; Омельченко 2021; Мартынова 2004). Если обратиться к статистике, то быстрее всего проходит адаптация детей рабочих мигрантов, которые прибывают в Россию из бывших советских республик: Украины, Белоруссии, стран Балтии. А у детей, как правило, неславянской внешности, приехавших из азиатских стран и Кавказа возникают более серьезные проблемы с адаптацией, в т. ч. связанные с непониманием языка принимающей их страны (Никонова 2012: 277–279).

На основании официальных данных, ежегодно поступающих от Управления по вопросам миграции по Республике Мордовия, Территориальным органом федеральной службы государственной статистики по Республике Мордовия ведется сбор и обобщение информации об итогах миграции населения по республике в целом и ее

регионам. До 2019 года использовались документы статистического учета прибытия и убытия (листок статического учета прибытия и выбытия), а с января 2019 года стали использоваться федеральные статистические формы № 1-ПРИБ, № 1-ПРИБ ИнГр, № 1-ВЫБ, № 1-ВЫБ ИнГр, которые составляются и заполняются при регистрации или снятии с регистрационного учета населения по месту жительства или по месту пребывания (Управление по вопросам миграции).

Согласно официальным данным, за 2020 г. на территорию Республики Мордовия прибыло 18733 мигрантов, тогда как за 2019 год — 23828, а за 2018 год — 25869, т. е. очевидна тенденция к уменьшению миграционного прироста (Стат. ежегодник 2021: 84). При этом международная миграция в последние три года тоже показывает отрицательную динамику. В 2018 г. в Мордовию прибыло из-за рубежа 7920 чел., в 2019 г. — 5536 чел., а в 2020 г. — 3344 чел. (Там же: 85). В 2019 г. население республики увеличилось на 1537 человек за счет мигрантов из Таджикистана (миграционный прирост составил 682 человека), Узбекистана (639 человек) и Туркмении (115). Миграционный прирост со странами дальнего зарубежья в 2019 г. составил 725 человек. В этой категории наибольший приток мигрантов зафиксирован из Индии (247 человек), Иордании (61) и Сирии (23).

В 2020 году в республику из стран СНГ прибыло 2729 человек, а из других зарубежных стран — 615. Наибольший прирост составили мигранты из Таджикистана (863 мигранта), Туркмении (692), Узбекистана (604), Украины (147). За период с января по декабрь 2021 г. количество прибывших международных мигрантов составило 3554 человека (миграционный прирост составил 2355 чел.), в том числе из государств-участников СНГ — 2630 человек (миграционный прирост — 1632 чел.). Всего же за 2021 год на территорию Республики Мордовия прибыли 11566 человек и выбыли за ее пределы 10528 человек, миграционный прирост населения составил 1038 человек.

По сравнению с 2020 годом число прибывших увеличилось на 181 человека, а число выбывших сократилось на 4490 человек. Из общего числа прибывших в республику 2003 человека приехали на постоянное место жительства, 4145 — вернулись после временного пребывания в других регионах России, 5418 человек прибыли временно на срок 9 месяцев и более. За пределы республики выбыли на постоянное место жительства 4353 человека, 3075 — выехали после временного нахождения в Республике Мордовия и 3100 — выбыли на срок 9 месяцев и более. За прошедший год из других регионов России на территорию республики прибыли 7500 человек, выехали 9327 человек. Миграционная убыль по этому потоку составила 1827 человек. Лидирующим регионом по привлечению мигрантов из нашей республики является Московская область (миграционная убыль — 1514 человек), а также Нижегородская (146) и Ленинградская (53) области. Со странами ближнего и дальнего зарубежья наблюдался миграционный прирост, который составил 2865 человек. (Статистический сборник 2021)

Из приведенных статистических данных информация о детях мигрантах следующая: из стран СНГ в республику прибыло детей в возрасте от рождения до 4 лет — 59 человек (2018 г.), 63 человека (2019 г.). Детей в возрасте от 5 до 9 лет — 69 человек (2018 г.), 79 человек (2019 г.); от 10 до 14 лет — 60 (2018 г.), 47 (2019 г.); от 15 до 19 лет — 794 (2018 г.), 502 (2019 г.). Из других зарубежных стран в республику прибыло детей в возрасте от рождения до 4 лет — 4 ребенка (2018 г.), и ни од-

ного в 2019 г., в возрасте от 5 до 9 лет по одному ребенку соответственно; от 10 до 14 лет — 2 (2019 г.); от 15 до 19 лет — 188 человек (2018 г.), 298 человек (2019 г.) (Стат. ежегодник 2019; Стат. ежегодник 2021). Увеличение числа детей мигрантов в возрасте 15–19 лет обусловлено тем, что многие из них намеренно приезжают в республику, чаще без сопровождения родителей для получения высшего образования.

К сожалению, проблем, возникающих при обучении детей мигрантов очень много. Лингвистическая адаптация детей мигрантов, а иногда и их родителей, является самой главной. Она заключается в том, что дети мигрантов школьного возраста плохо говорят по-русски или не говорят вовсе. Когда в российские школы приходят такие дети, учителя сталкиваются с тем, чего раньше не видели: с мотивированными, но не знающими русского языка учениками. Проблема в том, что в основном учителя в российских школах не преподают русский язык как иностранный. Некоторые школы направляют учителей на курсы повышения квалификации, подготавливают свои учебные программы. В одних школах предпочитают преподавать детям мигрантам сначала русский как иностранный. В других считают, что ребенок сам выучит язык, но при этом нужно сразу же обеспечить ему максимальное включение в коллектив. Иногда для лучшего усвоения занятий по русскому языку для детей мигрантов проводят дополнительные групповые или индивидуальные занятия, в зависимости от сложности и необходимости. Но и здесь на первых этапах возникают трудности общения. Ребенок не может объяснить педагогу свои чувства и потребности, а педагог не может понять его. Зачастую и родители-мигранты не говорят на русском языке, тогда общение затрудняется вовсе. Но следует учитывать и то, что при успешном освоении ребенком устной речи необходимо изучить письменную речь и правила русского языка. Также, существенной проблемой является то, что практика русской речи происходит только на занятиях в школе, а дома с родственниками дети мигранты общаются на родном языке. Кроме того, необходимо проводить работу и с родителями мигрантами (ПМА; *Нагаткина* 2012: 13).

Для учителей и педагогов в настоящее время стала чрезвычайно актуальной проблема социальной адаптации ребенка-школьника из семьи мигрантов в общеобразовательном учреждении. Прежде всего ребенок приспосабливается к кардинально новым условиям обучения, жизни и деятельности в новой для себя образовательной и культурной среде (*Мартынова* 2007: 472). И главной задачей учителей на данном этапе будет являться сохранение психического здоровья ученика.

Школьники мигранты, в отличие от взрослых людей, личность которых находится в процессе становления, в силу недостаточно сформированного характера, неустойчивой психики, чаще всего подвержены негативному влиянию со стороны сверстников из неблагополучных семей. Это происходит ещё и потому, что современное общество в процессе своего развития стало информационным, где потоки информации буквально заполняют людей, воздействуя на сознание и психику, изменяя их желания, потребности и возможности. Тем самым, среди несовершеннолетних возникает новая природа общения, меняется уровень и характер взаимоотношений, ценности. То, что для одного ребенка считалось нерушимой ценностью, привитой с детства, для другого будет противоречием, и потребовать немедленного разрешения. В противном случае, если конфликт не будет разрешен, то личность ребенка может деформироваться или произойдет формирование асоциальной лич-

ности. Взрослый мигрант может легко приспособиваться к новой среде обитания, будь то это новая работа или место жительства. В то время, как одни мигранты-школьники остро и негативно реагируют на изменения в их жизнедеятельности, отказываются принимать сложившиеся обстоятельства, не хотят контактировать со сверстниками и одноклассниками. Другие — наоборот, переживают процесс адаптации более спокойно, сдержанно, с интересом общаются с ровесниками, охотно рассказывают о себе, своей семье, обычаях, культуре, и в целом о стране из которой приехали. Именно на этом этапе педагог должен сформировать толерантное отношение у ребенка мигранта к стране, в которой он живет и к социуму, в котором находится (Фельдштейн 2011: 46–47).

По статистике, 25% детей из семей мигрантов вообще не учатся в школах. Иногда дети мигранты по разным причинам не сразу идут в школы, пропуская год учебы, поэтому учатся хуже сверстников. Некоторые рано перестают ходить в школу, потому что начинают помогать родителям (например, папе на рынке). Реже встречаются ситуации, когда совсем юных школьников, не достигших брачного возраста, выдают замуж по национально-религиозным традициям.

Тем не менее, педагоги и администрация школ в числе достоинств детей мигрантов выделяют их усидчивость, целеустремленность, ответственность, отзывчивость, стремление выполнить все задания, уважение к школе и учителям, послушание (ПМА).

Проблемы адаптации, воспитания и образования мигрантов школьного возраста актуальны для всех регионов России. Не является исключением и Республика Мордовия, где исторически сосуществуют различные этнические группы, и имеется достаточно богатый опыт построения межкультурных и межэтнических отношений (Постановление Правительства РМ 2013).

В школьных учебных заведениях Республики Мордовия проводятся конференции и семинары, посвященные проблемам этнокультурной и социальной адаптации, воспитания и образования детей мигрантов школьного возраста. В декабре 2018 года на базе МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 9» Рузаевского муниципального района была организована VII Муниципальная научно-практическая конференция с республиканским участием «Образование и воспитание школьников в условиях поликультурного региона». Основной целью конференции стало обобщение теоретического и практического опыта, изучение истории развития поликультурного образования не только Рузаевского района, но и республики в целом. Задачами данной конференции стали вопросы социальной и этнокультурной адаптации, воспитания и образования детей мигрантов школьного возраста, оказание помощи в сохранении их национальной традиционной культуры, создание благоприятных условий для творческого сотрудничества и методического обмена по вопросам поликультурного образования, гармонизация межнациональных, межкультурных и межконфессиональных отношений в межшкольной среде (СОШ № 9).

23 августа 2019 г. в МОУ «Центр образования «Тавла» — Средняя общеобразовательная школа № 17» (г. о. Саранск) состоялся семинар-практикум на тему «Этнокультурная образовательная среда: преемственность в формировании языковой личности». В семинаре, организатором которого выступило Министерство образования РМ, приняли участие руководители образовательных и общественных организаций,

ученые, преподаватели вузов, учителя мордовского языка и мордовской литературы. Целью данного семинара было освещение вопросов создания адаптивных курсов и «приветственных» классов для скорейшего вливания школьников мигрантов в коллектив, проведение индивидуальных и групповых занятий русского языка с детьми мигрантами, тренингов, направленных на сплочение класса, тренингов, направленных на коррекцию межличностных отношений, проведение недели толерантности в школах республики (ЦО Тавла).

Большую работу в освещении проблем адаптации и образования проводит Республиканский межшкольный центр национальных культур (МОУ «Гимназия № 19» г. о. Саранск). 22 ноября 2019 года проводилась VIII Всероссийская научно-практическая конференция «Этнокультурное образование: опыт и перспективы». Организаторами конференции выступили Министерство образования Республики Мордовия, ГБУ ДПО «Мордовский республиканский институт образования», Республиканский межшкольный центр национальных культур. В работе конференции приняло участие более двухсот человек. Основной целью конференции стало обобщение теоретического и практического опыта, изучение истории развития поликультурного образования, а также вопросов воспитания, и адаптации мигранта в социокультурное пространство Республики Мордовия, для гармонизации межнациональных, межкультурных и межконфессиональных отношений в межшкольной среде (СОШ № 19).

В конференциях принимают участие не только преподаватели и научные сотрудники, но и ученики разных школ республики. Так, 20 марта 2020 года на базе МОУ «Гимназия № 19» г. о. Саранск состоялась Всероссийская учебная исследовательская конференция учащихся школ «Живая культура: традиции и современность». Главной задачей конференции стали вопросы сохранения и передачи национальных семейных ценностей, а также выявление у учеников интереса к культуре, быту, образованию и воспитанию детей в семьях мигрантов. Цель конференции заключалась в выявлении интересов и склонностей учеников к историческому, культурному и природному наследию, а также привитие чувства глубокого патриотизма и гордости за свое государство через развитие исследовательских компетенций. Благодаря проведению таких конференций, удается привлекать детей мигрантов к участию в классных, школьных и межшкольных мероприятиях, путем вовлечения их во внеурочную деятельность, направленную на воспитание у обучающихся бережного отношения к общечеловеческим ценностям (СОШ № 19).

Таким образом, к решению данных проблем нужен комплексный подход как одно из условий организации педагогического процесса в школьных общеобразовательных учреждениях. В первую очередь следует помочь ребенку вжиться в новую среду общения, предотвратить состояния отчужденности и отверженности, тревожности и психологической напряженности, агрессивности, озлобленности и повышенной конфликтности. Такую помощь можно оказать только при совместном действии педагогов, родителей, детских психологов, и специальных адаптивных программ. Если педагог сможет сплотить группу в помощи ребенку мигранту, его социальная адаптация пройдет намного легче и быстрее. Такому ребенку будет проще освоиться в школе, где понимают ценность его личности и не принимают за чужого.

Источники и материалы:

- ПМА — Полевые материалы авторов, школьные учреждения Республики Мордовия, 2019–2022 гг.
- Демографический ежегодник 2019 — Демографический ежегодник России. 2019: стат. сб. / Росстат. М., 2019.
- Стат. ежегодник 2019 — Мордовия: стат. ежегодник / Мордовиястат. Саранск, 2019. [Электронный ресурс]. <https://mrd.gks.ru/folder/25240>
- Стат. ежегодник 2021 — Мордовия: стат. ежегодник / Мордовиястат. Саранск, 2021. [Электронный ресурс]. <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1649744002&tld=ru&lang=ru&name>
- Статистический сборник — Социально-экономическое положение Республики Мордовия в январе-декабре 2021 года. № 1 (12) / Статистический сборник. Саранск, 2021 [Электронный ресурс]. <https://mrd.gks.ru/folder/25240>
- СОШ № 9 — Официальный сайт МБОУ «СОШ № 9». [Электронный ресурс]. <https://sc9ruz.schoolrm.ru/>
- ЦО Тавла — Официальный сайт МОУ «Центр образования «Тавла» — Средняя общеобразовательная школа № 17». [Электронный ресурс]. <https://sc17sar.schoolrm.ru/>
- СОШ № 19 — Официальный сайт МОУ «СОШ № 19». [Электронный ресурс]. <https://gim19sar.schoolrm.ru/>
- Постановление Правительства РМ 2013 — Постановление Правительства РМ от 18.11.2013 № 507 «Об утверждении государственной программы «Гармонизация межнациональных и межконфессиональных отношений в Республике Мордовия»» (с изм. на 03.04.2020). [Электронный ресурс]. <http://docs.cntd.ru/document/424029654> (дата обращения: 28.12.2020).
- РСЕ 2019 — Российский статистический ежегодник. 2019: стат. сб. / Росстат. М., 2019.
- Управление по вопросам миграции — Управление по вопросам миграции МВД России по Республике Мордовия // Официальный сайт. [Электронный ресурс]. <https://13.mvd.rf/gumvd/structure/item/7759441> (дата обращения: 05.01.2021).

Научная литература:

- Дадабаева З. А. Особенности интеграции трудовых мигрантов из средней Азии в современное российское общество // Россия и современный мир. 2013. № 2 (79). С. 115–126.
- Мартынова М. Ю. Поликультурное пространство России и проблемы образования // Этнографическое обозрение. 2004, № 1. С. 37–51.
- Мартынова М. Ю. Поликультурная Москва и этнокультурные аспекты модернизации школьного образования // Молодежь Москвы. Адаптация к многокультурности. М.: ИЭА РАН, 2007. С. 472–508.
- Мельник А. Ф. Этнокультурная адаптация мигрантов Закавказья в Республике Мордовия (на примере азербайджанской диаспоры): автореферат на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Саранск: 2006. 18 с.
- Нагаткина Е. С. Детская субкультура: анализ подходов к выделению понятия // Новый университет. Серия «Актуальные проблемы гуманитарных и общественных наук». Йошкар-Ола: 2012. № 2. С. 12–15.
- Народы Мордовии: историко-этнографическое исследование / Л. И. Никонова [и др.]; под ред. д-ра ист. наук, проф. В. А. Юрченкова, д-ра ист. наук, проф. Л. И. Никоновой; НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск: 2012. 608 с.
- Никонова Л. И. Гуманитарные исследования этнокультуры народов Кавказа в Мордовии: опыт, практика и современные исследования // Гуманитарные и социально-политические проблемы модернизации Кавказа. Сборник научных статей II-ой Международной Конференции / Отв. ред. И. М. Сампиев. Назрань: 2012. С. 274–285.

- Омельченко Е. А. Дети из семей мигрантов в российской школе: проблемы адаптации в контексте международных подходов // Вопросы этнополитики. 2020. № 1. С. 24–41.
- Омельченко Е. А. Проблема адаптации детей иноэтничных мигрантов: негативный дискурс в интернете // Вестник антропологии, 2021. № 4. С. 269–282.
- Фельдштейн Д. И. Глубинные изменения современного Детства и обусловленная ими актуализация психолого-педагогических проблем развития образования // Вестник практической психологии образования. Москва: 2011. № 1. С. 45–54.

References:

- Dadabayeva, Z. A. 2013. Osobennosti integratsii trudovykh migrantov iz srednei Azii v sovremennoe rossiiskoe obshchestvo [Features of the integration of labor migrants from Central Asia into modern Russian society]. *Rossia i sovremennyyi mir*. 2 (79): 115–126.
- Feldshtein, D. I. 2011. Glubinnye izmeneniia sovremennogo Detstva i obuslovlennaia imi aktualizatsiia psikhologo-pedagogicheskikh problem razvitiia obrazovaniia [Deep changes in modern childhood and the resulting actualization of psychological and pedagogical problems of education development]. *Vestnik prakticheskoi psikhologii obrazovaniia*. 1: 45–54.
- Martynova, M. Yu. 2004. Polikul'turnoe prostranstvo Rossii i problemy obrazovaniia [The Multicultural Space of Russia and the Problems of Education] *Etnograficheskoe obozrenie*. 1: 37–51.
- Martynova, M. Yu. 2007. Polikul'turnaia Moskva i etnokul'turnye aspekty modernizatsii shkol'nogo obrazovaniia [Multicultural Moscow and Ethnocultural Aspects of School Education Modernization]. In *Molodezh' Moskvy. Adaptatsiia k mnogokul'turnosti* [Youth in Moscow. Adaptation to Multiculturalism]. Moskva: Institut etnologii i antropologii RAN, S. 472–508.
- Melnik A. F. *Etnokul'turnaia adaptatsiia migrantov Zakavkaz'ia v Respublike Mordoviia (na primere azerbaidzhanskoi diaspori)* [Ethno-cultural adaptation of migrants from Transcaucasia in the Republic of Mordovia (on the example of the Azerbaijani diaspora)]. Saransk: 2006. 18 p.
- Nagatkina E. S. 2012. Detskaia subkul'tura: analiz podkhodov k vydeleniiu poniatii [Children's subculture: analysis of approaches to the definition of a concept]. *Novyi universitet. Seriya "Aktual'nye problemy gumanitarnykh i obshchestvennykh nauk"*. 2: 12–15.
- Nikonova L. I. et. al. 2012. Narody Mordovii: istoriko-etnograficheskoe issledovanie [The peoples of Mordovia: historical and ethnographical research]. Saransk. 608 p.
- Nikonova, L. I. 2012. Gumanitarnye issledovaniia etnokul'tur narodov Kavkaza v Mordovii: opyt, praktika i sovremennye issledovaniia [Humanitarian research of ethnocultures of the peoples of the Caucasus in Mordovia: experience, practice and modern research]. In *Gumanitarnye i sotsial'no-politicheskie problemy modernizatsii Kavkaza. Sbornik nauchnykh statei 2 Mezhdunarodnoi Konferentsii* [Humanitarian and socio-political problems of modernization of the Caucasus. Collection of scientific articles of the 2 International Conference / Ed. ed. I. M. Sampiev]. Nazran. 274–285.
- Omel'chenko E.A. 2020. Deti iz semei migrantov v rossiiskoi shkole: problemy adaptatsii v kontekste mezhdunarodnykh podkhodov [Children from Migrant Families in Russian Schools: Problems of Adaptation in the Context of International Approaches]. *Voprosy etnopolitiki*. 1: 24–41.
- Omel'chenko, E.A. 2021. Problema adaptatsii detei inoetnichnykh migrantov: negativnyi diskurs v internete [Ethnic Migrants' Children Adaptation: The Negative Internet Discourse]. *Vestnik antropologii*. 4: 269–282.

УДК: 392.8 + 314.74

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-2/274-291

Научная статья

© О. Д. Фаис-Леутская

О РОЛИ ПИЩИ В ДИАЛОГЕ «СВОИХ» И «ЧУЖИХ» НА ЮГЕ ИТАЛИИ

Статья посвящена исследованию одного из важнейших аспектов миграционной проблематики — роли пищи в контексте межкультурных контактов мигрантов и местного населения, «пришлых» и «принимающей стороны». На конкретных примерах, зафиксированных в ходе полевых исследований на юге Италии, пища, ее выбор, бинарная оппозиция «наша»/«чужая» и набирающий популярность переход на новую инокультурную алиментарную систему каждого из участников процесса аккультурации рассматриваются не только как отражение их социокультурного взаимодействия, но и как фактор формирования и оптимизации взаимоотношений в современном обществе. Особое внимание уделяется широкому спектру параметров влияния на характер общения на «пищевой почве» и на алиментарно-обусловленное поведение как мигрантов, так и жителей Италии, представителей «принимающей стороны» — от исторических, социальных, культурных предпосылок до традиционных ментальных стереотипов, типичных для населения отдельных социальных страт и областей Италии. Анализ сугубо «пищевых аспектов» контекста миграционной темы позволяет ярко высветить региональные различия в менталитете локального населения. Особое место в исследовании занимает освещение миграционной политики властей той или иной автономной области страны и ее исторических регионов, детерминирующие аспекты видения «пришлых» в широких слоях социума, а также роль исторической памяти населения в процессе формирования стереотипов восприятия «Другого».

Ключевые слова: Южная Италия, традиционная пища, алиментарная культура, мигранты, местное население, историческая память, идентичность, межкультурные контакты

Ссылка при цитировании: Фаис-Леутская О.Д. О роли пищи в диалоге «своих» и «чужих» на Юге Италии // Вестник антропологии, 2022. № 2. С. 274–291.

UDC 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-2/274-291

Original Article

© Oksana D. Fais-Leutskaya

THE ROLE OF FOOD IN THE DIALOGUE BETWEEN “US” AND “OTHERS” IN SOUTHERN ITALY

This article is devoted to a rather poorly studied aspect of migration research in the scientific discourse — the role of food in cross-cultural contacts between migrants and the local population, «newcomers» and «hosts». It uses concrete examples to consider food, its choice (the binary opposition «our»/«someone else's»), and the transition to a new foreign-cultural alimentary system not only as a reflection of the socio-cultural interaction of these two categories of the population in the context of modern Italian society but also as a factor in the formation and optimization of relations between them. Special attention is paid to a wide range of factors that influence the nature of these relationships on «food soil» and alimentary-motivated behavior of both migrants and the people of Italy. These include both historical, social, and cultural backgrounds and traditional attitudes of the population of certain social strata and certain regions. The analysis of purely «dietary aspects» of the immigration problem also allows us to clearly highlight the regional diversity of the population of Italy. Special emphasis is put on discussing migration policies of different autonomous regions of the country and its historical regions, which largely shape the way the broad layers of society see migrants and the role of the historical memory of the population in forming stereotypes about the «Other».

Keywords: Southern Italy, traditional food, alimentary culture, migrants, local population, identity, historical memory, cross-cultural contacts

For Citation: Fais-Leutskaya, Oksana D. The Role of Food in the Dialogue between “Us” and “Others” in Southern Italy. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 2: 274–291.

Author info: Fais-Leutskaya, Oksana D. — Ph.D. (History), Senior Researcher, Center for European Studies, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Leninsky Pr., 32A, 119991 Moscow Russia) E-mail: oxana-fais@yandex.ru

Funding: The study was carried out as a part of the research plan of the Institute of Ethnology and Anthropology RAS.

Новое «переселение народов», миграции второй половины XX — начала XXI вв. относятся к числу наиболее острых и актуальных проблем, с которыми сталкивается сегодня человечество. Они приобретают особое звучание в контексте современной Европы, в частности, недавнего «миграционного кризиса» — казалось бы, преодоленного, но незатухающего, как показывают события осени 2020 г. во Франции, Австрии и т. д.

Несомненно, одним из ключевых аспектов связанных с миграциями проблем являются повседневные взаимоотношения «своих» и «чужих», «пришлых» и «при-

Фаис-Леутская Оксана Давидовна — к. и. н., старший научный сотрудник Центра европейских исследований, Институт этнологии и антропологии РАН (119991 Москва, Ленинский пр-т, 32-А). Эл. почта: oxana-fais@yandex.ru

* Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН

нимающей стороны», остающиеся, невзирая на всю их важность, малоизученными в современном научном, административном и политическом дискурсах. От внимания исследователей, как правило, ускользают бытовые, ежедневные, обиходные детерминанты сосуществования и взаимодействия мигрантов и автохтонного населения того или иного региона, понимание, выявление и последующий учет которых могли бы способствовать выработке (как на академическом, так и на властном уровне) грамотных стратегий в отношении мигрантов, и, в конечном итоге, способствовать оптимизации взаимоотношений «своих» и «чужих».

Последнее актуализирует анализ, с одной стороны, конкретных граней обыденности «пришлых», с другой — культурных особенностей повседневности «принимающей стороны», что могло бы, на наш взгляд, способствовать налаживанию более адекватных контактов между местными и чужими, выработке механизмов их общения и положительного взаимоприятия, а также позволило бы очертить, образно говоря, «площадь соприкосновения». В частности, к числу подобных «феноменов повседневности», требующих внимания исследователей, относятся пищевые аспекты межкультурной коммуникации мигрантов с локальным населением (*Colombo, Semi* 2007: 41–42). Их важность в контексте разговора об аккультурации мигранта и об оптимизации его взаимоотношений с представителями земли обетованной обусловлена тем, что, по замечанию социолога В. Тети, пища и ее выбор для «пришлого» «представляет собой одну из форм защиты собственной культурной идентичности и отражает необходимость мигранта быть признанным и принятым» новым регионом его оседания (*Teti* 2001: 575–576).

Обращаясь к контексту Италии отметим, что антропологи, социологи, культурологи здесь довольно активно апеллируют к пищевым тематикам в свете миграционной проблемы (*I viaggi del cibo* 2009; *Morrone, Scardella, Piombo* 2010; *Horn* 2010; *Bonanzinga, Giallombardo* 2011: 143–146; *Cusumano* 2012: 121–142; *Ambrosini* 2014; *Di Renzo* 2015; *Leonini* 2015: 92–110; *Ricci* 2017: 309–326; *Della Puppa, Segalia* 2018), что обусловлено одновременно и большой численностью мигрантов в Италии, и повышенным научным интересом к миграционной проблематике в целом, и той важной ролью, которую исторически в повседневности, культуре, ментальности итальянцев и в научной традиции страны играет пища¹.

Тем не менее вопросы о том, насколько, в каких алиментарных сферах и при каком стаже пребывания на новой почве мигранты переходят на «чужую» еду, в какой степени местное население ассимилирует пищевую экзотику, с которой сталкивается в общении с мигрантами, и что составляет пищевую основу консенсуса «местных» и «пришлых», в контексте Италии остаются открытыми. Между тем, они становятся еще более актуальными в современных условиях, отмеченных изменениями в алиментарном поведении и самих итальянцев, которые демонстрируют разрушение многовековых канонов устойчивого национального «алиментарного патриотизма» и обнаруживают зарождение интереса к инокультурной алиментарной традиции (*Censis* 2010: 1–6; *Baldassarre* 20.01.2017; *Torriani* 09.08.2018; *Ristorazione in Italia* 2018).

¹ Нами также была предпринята попытка подвергнуть анализу такой пищевой аспект повседневности мигрантов в Италии, как их приобщение к локальной хлебной традиции на примере Сицилии (*Fauc* 2020a: 159–169); эта работа представляет собой исследование алиментарных предпочтений мигрантов на базе полевого материала.

В данном исследовании, обращаясь к реалиям Юга Италии¹, мы хотим, пусть очень кратко и тезисно, остановиться на роли пищи в диалоге «своих» и «чужих». Не в меньшей степени заслуживают внимания и причины, предопределяющие активность и эффективность межкультурных алиментарных контактов в условиях тесного социального взаимодействия этих двух групп населения в южных регионах страны. Чтобы лучше понять ситуацию, охарактеризуем сначала особенности истории региона, его традиционной культуры, социального бытия населения, а также локальную специфику миграционного присутствия.

Отметим, во-первых, что Юг Италии, или *Mezzogiorno* (итал. «полдень»), — один из пяти экономико-географических регионов Италии — резко отличается от Северной Италии более низким уровнем урбанизации, индустриализации, экономико-социального развития, политической нестабильностью, что обусловлено спецификой истории и многочисленными экономическими и социальными факторами. Юг характеризуется также очень своеобразным, отличным от северного, укладом жизни и культурой. Локальный социум представляет собой крайне закрытую интровертную структуру, а ментальность и нормы поведения населения в значительно большей степени, чем в северных регионах страны и сегодня ориентированы на примат личностных и особенно внутрисемейных и внутриклановых отношений над любыми потестарными институтами, законами и государством, что еще более усугубляется крайне исторически непростыми отношениями автономных областей Юга Италии с центральной властью (*Barbagallo* 1980; *Perrotta, Sunna* 2012). Но одновременно парадоксальным образом на Юге страны, в силу ряда исторических предпосылок, при большей закрытости социума, значительно больше развит дух странноприимности и толерантности к инаковости (*Fauc* 2013: 389–417; *Cusumano* 2019: 16; *Cusumano* 2019).

Во-вторых, речь идет об областях, которые отличает высокая численность мигрантов, включая и нелегальных. Показателен пример Сицилии, к тому же ярко иллюстрирующий расхождения официальной и фактической «миграционной» статистики. Так, хотя по официальным данным, Сицилия насчитывает 247 тыс. мигрантов, что составляет 5% от населения острова и 4,8% от всего числа мигрантов в Италии (XXVII Rapporto Immigrazioni: 2, 6; *Greco, Tumminelli* 2018: 2–3; *Dati statistici* 2017: 6), реальное их число в регионе, по данным католической благотворительной организации Каритас, за счет нелегальной составляющей достигает уникального для Италии уровня в 850–900 тыс. человек, т. е. 20% населения острова (XXVII Rapporto Immigrazioni: 2; *Dati statistici* 2017: 3).

В-третьих, для Юга, в отличие от остальной Италии, характерна своего рода свободная «анемохория» мигрантов, их расселение без ограничений, разрешенное и санкционированное властями. Поясним: в областях Центра и Севера Италии, как это доказывают реалии крупных полисов — например, Лукки, Виченцы, Брешии, Бергамо, Монцы, Милана, — ареал проживания и предпринимательской деятельности мигрантов, включая коммерцию, законодательно ограничен городскими окраинами, а многие формы социального существования в центре городов запрещены (*Canestrini* 2005: 129–130; *Cusumano* 2012: 124); это приводит к концентрации мигрантов на периферии полисов или за городской чертой и их социальной маргинализации.

¹ Имеются в виду области Кампания, Калабрия и Сицилия.

В регионах же Юга власти, во многом опираясь на исторические традиции локальных полисов, берут на вооружение политику социальной гомогенизации социума, подразумевающую интеграцию мигрантов в принимающее их общество, и сохранение мультикультурализма последнего. Именно поэтому решениями мэров городов на Юге мигрантов не только допускают в исторические центры городов, но и расселяют их в этих древних, бывших аристократических кварталах, где сегодня часто царит запустение, встречаются заброшенные здания и обитают преимущественно народные слои населения. Это позволяет одновременно решить проблему обеспечения «пришлых» жильем; руками мигрантов спасти от тотального разрушения ветшающие постройки средневековых кварталов (*Traina* 2018: 36; *Rizzo* 2016: 154–155); оптимизировать социальный микроклимат в этих «сложных» с точки зрения правопорядка и контроля делинквенции кварталах; укрепить взаимоотношения мигрантов с местными. Также власти предоставляют мигрантам разрешение на открытие в центральных районах городов «этнических» заведений — магазинов, ресторанов, клубов. Так, например, в Неаполе мигранты проживают в историческом центре — районах Сан Джузеппе, Порто, Пендино, Меркато, Сан Лоренцо и Викария (*La presenza* 2019), в Катандзаро, столице Калабрии, — в районах Санджованни и Беллавиستا, в Палермо они дисперсно селятся в самых древних кварталах города — Кальса, Альбергерия и Сералькадио, в Мадзара-дель-Валло городская администрация еще в 60-е гг. XX в. раз и навсегда закрепила за мигрантами-тунисками право заселить Касбу — центральный исторический арабский район города, с которого в X в. началась колонизация Сицилии (*Lainati* 1999: 9, 34; *Cusumano* 2007: 192).

И хотя по мнению некоторых исследователей «бедность никогда по-настоящему не способна на солидарность, это роскошь, которую она не может себе позволить» (*Ferrarotti* 1974: 71), тем не менее, подобная дислокация мигрантов, как показывает практика, приводит к приятию «пришлых» в среде преобладающих на Юге Италии в численном, социальном и культурном отношении «народных слоев» населения. Еще одним фактором, «работавшим» на приятие мигрантов, является солидарность местных с «чужими» вследствие «собственного опыта пребывания в ситуации меньшинства» (внутри локального социума как социально-маргинальной общности, в контексте Италии — ввиду их этно-региональной принадлежности), что проявляется в «меньшем отторжении Другого и большей терпимости к инаковости» (*Филиппова, Ле Торривелек* 2018: 7).

Следует подчеркнуть, что мигранты в исторических кварталах в *Mezzogiorno* соприкасаются и коммуницируют отнюдь не только с народными стратами населения, но и со значительно более широкими слоями социума, что связано с особенностями урбанистических и административных принципов организации городских пространств в этих областях. Так, в большинстве из них именно в исторических кварталах полисов дислоцируются местные парламенты и другие институты власти, университеты, различные учреждения культуры, музеи, библиотеки, офисы, банки и т. д., но одновременно — и так называемые *исторические рынки* (*Silvestrini* 2007: 29–40; *Sorgia* 2015: 5), древние торговые структуры под открытым небом, посещаемые представителями всех слоев общества. Это значительно расширяет социальную базу контактирующих ежедневно с мигрантами представителей «принимающей стороны». Кроме того, следует учитывать тот факт, что в последние годы «старые

кварталы» приобрели необычайную популярность среди представителей интеллигенции, многие из которых на гребне моды также предпочитают селиться в них.

Возвращаясь к теме народной толерантности к мигрантам в кварталах их проживания, отметим, что она имеет широкий спектр проявлений — от «признания» их права жить рядом, по соседству, до допущения «чужих» в такую «святую» для населения Юга Италии и «закрытую сферу», как уличная торговля, в видении локального населения являющейся исключительно «своей», почти «сакральной», фактически представляющей собой замкнутую, недоступную для посторонних, интровертную систему, в которой, например, во всех южных областях Италии жестко табуируется присутствие китайских торговцев (*Cusumano* 2012: 123, 138; *Sorgi* 2015: 5–6).

Как показывает практика, в сфере уличной коммерческой деятельности в этих регионах «принимающая сторона» в первую очередь допускает «пришлых» к торговле «своими» продуктами питания и к открытию точек «своего» питания. Среди «пришлых» в предпринимательской деятельности такого рода «лидируют» представители преобладающих в численном отношении миграционных анклавов — тунисцев (11%), марокканцев (8%), ланкийцев (7%), нигерийцев (4,8%), ганийцев (4%)¹ (*Dati statistici* 2017; *Greco, Tumminelli* 2018: 8; *Greco, Tumminelli* 2019: 15).

Большинство из них — фигуры достаточно новые для локального контекста, появившиеся на гребне миграционного подъема последних лет. Новой для «принимающей стороны» предстает и предлагаемая мигрантами пищевая продукция, ориентированная на «свою» аудиторию, которая в глазах большинства местного населения часто выглядит не только «чужеродной», но и «пугающей», «отталкивающей» (как, например, блюда ганийцев или нигерийцев) (*Bonanzinga, Giallombardo* 2011: 143–146). Исключение составляют лишь жители Магриба, в первую очередь тунисцы, относящиеся к «давним» мигрантам (их массовая иммиграция пришла на Южную Италию еще в 60-е годы XX в.); небольшие точки туниской кухни, преимущественно кебабные, широко открывались на Юге, в первую очередь в Сицилии, еще в 70-е-80-е годы XX в., а их продукция (кебаб, кускус) пользуется большой популярностью среди «местных», поскольку такие же или схожие блюда — пусть и под другими названиями — входят в местное традиционное меню (*Traina* 2011: 146; *Traina* 2018: 33–51).

Но приятие в южных регионах Италии со стороны местного населения туниской и в целом магрибской кухни детерминировано не только длительностью стажа пребывания этих мигрантов в локальном контексте и не только сходством южноитальянской, а особенно — сицилийской системы питания с магрибской, восходящим к единым средиземноморским корням. То особое место, которое выходцы из Магриба и Туниса, в частности, занимают в иерархии мигрантов в глазах местного населения на Юге Италии, тот факт, что, согласно полевым материалам, респонденты, анализируя дихотомию «свой/чужой», массово определяют тунисцев как «своих» (*Фаус-Леутская* 2020b: 129–158), в свою очередь, тесно связано с давними историческими связями Магриба и этих регионов Италии, и, в частности, с мусульманской экспансией VIII в., с ее положительной оценкой в мировидении населения и в целом

¹ Следует отметить, что первая по численности группа мигрантов — выходцы из Румынии (29,5% всех «пришлых») — позиционируя себя при опросах как «европейцы», быстрее всего переходит на локальную пищу и полностью ассимилируется в алиментарном отношении, а, в силу этого, не участвует в вышеописанных процессах.

с высоким уровнем витальности исторической памяти населения (Eco 21.10.2013; Sonaglia 04.03.2015; Eco 30.03.2016.; Abate 19.05.2017), в том числе и в контексте южных областей страны (*Cusumano* 2019: 15–17; Cotronei 1.10.2020).

Убедительные доказательства того, что этническую иерархичность восприятия мигрантов во многом обуславливает именно историческая память представителей «принимающей стороны», приводят и результаты проводившихся нами опросов сицилийцев. Так, около 80% респондентов в Сицилии считает исторически «близкими» мигрантов из стран Магриба, в первую очередь тунисцев — на том основании, что именно предки последних в IX в. начали колонизацию региона, превратив его в мусульманское государство, и в течение веков соседствовали с сицилийцами как на острове, так и на территории Туниса, в области *Piccola Sicilia* («Маленькая Сицилия»), в которой оседали сицилийские колонисты и мигранты; более «далекими» предстают выходцы из Марокко и Алжира, за которыми следуют представители африканских, а затем уже и азиатских анклавов (*Фаус-Леутская* 2020b: 151–152).

В контексте данной работы уместно акцентировать еще одно отличие между Севером и Югом Италии, касающееся их алиментарно-детерминированного поведения. Так, в областях *Mezzogiorno* население, в силу большего традиционализма, интенсивнее, чем где-либо еще в Италии, обнаруживает ригидность в вопросах выбора пищи и склонность к «алиментарному патриотизму» и неприятию инокультурных пищевых инноваций (*Kannati, Montanari* 2006: 10; *Dickie* 2007: 335; *Donà, Di Franco* 2013: 39). Подобная пищевая консервативность касается меню, но также и каналов репродукции локального гастрономического культурного наследия и локусов поглощения традиционной пищи. Поясним: если на Юге традиция сохраняется и воспроизводится преимущественно в домашней среде, а в системе общественного питания преобладают преимущественно «мелкокалиберные» заведения и точки *уличной кухни* — своего рода локального фаст-фуда, то на Севере и в Центре Италии домашняя сфера репродукции и потребления местной алиментарной традиции все больше уступает свои позиции в пользу системы общественного питания, представленной широким спектром и иерархией заведений — от мелких типа тратторий до многочисленных ресторанов.

Тем парадоксальнее, на фоне подобной «разборчивости», выглядят многочисленные примеры приобщения местного населения в южных областях к «этнической» пище — кулинарно-гастрономической продукции мигрантов, предназначенной для «своих» и реализуемой через систему точек *уличной кухни*. Это явление лишь в последнее время стало объектом внимания исследователей и рассматривается ими преимущественно в русле и в парадигме антропологии миграций (*Cusumano* 2012; *Sammartano* 2012–2013; *Ananasso, Iadeluca, Reparato, Salvo* 6.10.2015).

На первый взгляд, и в остальной Италии сегодня наблюдается аналогичная тенденция, что позволяет СМИ заявлять о «подрыве ревностно сохранявшейся веками монополии сугубо национальной системы питания в угоду этничности» (*Ferrario* 2016: 16). Однако речь идет о двух не связанных друг с другом разнокачественных явлениях (*Morrone, Scardella, Piombo* 2010: 19), сосредоточенных в разных регионах Италии и охватывающих потребителей различной социальной принадлежности.

Новый социально-гастрономический тренд наблюдается в основном на Севере и в Центре страны, он связан с модой и с эксплуатацией понятий «новизна» и «экзотичность». Речь идет о «дорогостоящей забаве», о «прихоти» (*Moretti* 15.09.2020) —

удовлетворении интереса к «чужой» пище, преимущественно к японской, китайской, арабской, индийской и мексиканской кухням — реализуемом исключительно на ресторанном уровне, причем с достаточно высоким ценовым уровнем (*Ratti* 14.11.2016: 1). Эти «этнические» заведения, как правило, рассчитаны на итальянского потребителя, относящегося к среднему и высшему классу. Чаще всего они принадлежат итальянским же владельцам, а в них работают профессиональные повара из числа как местных, так и «приезжих». Кухня основана на «обобщенных» и стилизованных элементах традиционных «этнических» систем питания. Заведения призваны не просто накормить посетителей и обеспечить им досуг, но также пробудить в них интерес к иной, альтернативной гастрономической культуре с далеко идущими коммерческими целями (*Ratti* 14. 11. 2016: 3).

На Юге «экзотика обладает совершенно иным лицом и вкусом» (*Leonini* 2015: 104). Она ограничена преимущественно арабской (магрибской), индийской, шри-ланкийской, африканской (ганской, нигерийской и т. д.) кухнями. Также она включает пищевые традиции тех «маргинальных» этнических сообществ, которые, подвергаясь остракизму на Севере, не имеют там экономической возможности «пробиться», и культура которых считается «низкой» (в качестве примера упомянем открытое цыганами кафе в Скампии, Кампания) (*Ananasso, Iadeluca, Reparato, Salvo* 6.10.2015). На Юге не востребованы дорогие «этнические» рестораны, как на Севере и в Центре Италии, но преобладает «скромная этничность в миграционной подаче» (*Della Puppa, Segalia* 2018: 127–128). Последняя встречается и в других регионах Италии, но там она «относится к социокультурному маргинальному андерграунду». Так, по данным статистики, на Севере страны только 3% итальянцев когда-либо пробовали пищу «у мигрантов», в областях Центра эта цифра возрастает до 11%, а в *Mezzogiorno* достигает 67% (*Colombo, Navarini, Semi* 2008: 78–79).

На Юге «этничность» представлена не «стилизованной абстракцией», но более аутентичной и бедной, в основном повседневной народной кухней различных анклавов. Как подчеркивают исследователи, эти «этнические заведения» отличаются низким статусом (преобладают уличные точки «быстрого питания», реже фигурируют закусовые, грили, редко — небольшие рестораны), и очень умеренными ценами, их содержат не профессионалы, а «рядовые» представители миграционной среды, сами же и работающие у плиты и на подаче. Эти «забегаловки» рассчитаны преимущественно на «своих»: их потребительскую аудиторию составляют преимущественно выходцы из этнически родственного повара/«ресторатору» сообщества, для которых социальное назначение этих точек общепита — быть местом встречи и общения, является не менее значимой, чем гастрономическая функция — попробовать на вкус родную алиментарную культуру (*Colombo, Navarini, Semi* 2008: 779–80; *Cusumano* 2012).

Отслеживая индекс приобщения местного населения к кухне мигрантов в различных областях Италии, исследователи проблемы, попытавшиеся обобщить разрозненные статистические и полевые данные в национальных масштабах, отметили, что процессы «слияния местного населения и мигрантов на почве пищи нарастают по мере продвижения с севера страны на юг» (*Della Puppa, Segalia* 2018: 139–140), тем самым подтвердив предположение социолога М. Амброзини, высказанное им ранее (*Ambrosini* 2014: 260).

Переходя к конкретике, отметим, что 95% итальянских потребителей магрибской кухни в южных регионах Италии принадлежат к превалирующим в социуме народ-

ным слоям населения. Комментируя причины своего алиментарного любопытства, они, по их признанию, проявляют интерес к этой пище, потому что она, во-первых, «изготавливается людьми, с которыми они сосуществуют бок о бок ежедневно», и во-вторых, — «потому что это пища тех, с кем мы связаны историей и общей судьбой» (Ambrosini, Castagnone 2009: 9–28). Этот канал приобщения, пусть и нерегулярного, к инокультурной пищевой традиции антрополог А. Кузумано называет *казуальным и нерегулярным, но преобладающим* (Cusumano 2012: 134). Особо итальянскими респондентами в качестве стимула и «оправдания» их алиментарных экспериментов акцентируется и тот факт, «что их пища похожа на нашу»; при этом представители принимающего сообщества заостряют внимание на вкусе и запахе поглощаемой еды как основных критериях определения ее «съедобности» пищи и соответствия локальной алиментарной традиции: «едим, потому что это очень близко к *prodotto nostrano*» (Ambrosini, Castagnone 2009: 23; Cusumano 2012: 136).

Эти ответы в основном совпадают с теми, которые мы получали во время опросов (ПМА), когда респонденты, мотивируя широту своих взглядов и способность приобщения к «чужой» пище, также апеллировали к фактору совместного проживания рядом с теми, с кем они «преломляют хлеб», но не в меньшей степени — и к исторической памяти («это свои») и к сходству пищевых традиций — локальной и чужой.

Таким образом, факторы совместного проживания и историческая память оказываются в состоянии «подавить» алиментарную консервативность и пищевую ксенофобию, а также устойчивые принципы неприятия культурных инноваций, и благоприятствуют социальным контактам «принимающей стороны» и «пришлых». Весьма характерны и значимы слова сицилийского респондента — уличного торговца на рынке Балларо в Палермо — о ланкийце, торгующем рядом с ним: «Он такой же, как я и торгует тем же; едим один день то, что он принесет, на следующий — то, что приношу я» (ПМА1), иллюстрирующие роль пищи как фактора постепенной социальной консолидации «своих» и «чужих» и оптимизации этой этносоциальной скрепы.

Показательно, что основными акторами взаимодействия на алиментарной почве как со стороны мигрантов, так и со стороны «принимающей стороны» в областях Юга Италии являются мужчины, что соответствует нормам ролевого поведения, принятым и в среде «пришлых», и в локальной — народной — среде. Это связано с тем, что в миграционном массиве преобладает именно доля мужчин вне зависимости от этнической принадлежности сообществ (XXVII Rapporto Immigrazioni: 2, 6; Greco, Tumminelli 2018: 2–3; Dati statistici 2017: 6), и именно мужчины «рулят» в любого рода сферах деятельности в достаточно патриархальных социумах Юга Италии (Billitteri 2003: 7–8).

Кроме того, именно в алиментарной сфере подобный факт гендерного соответствия особенно значим и результативен. Дело в том, что *уличная кухня*, в контексте которой оно проявляется и через посредство которой осуществляются контакты мигрантов и представителей местного социума, в регионах Юга Италии в целом и Сицилии, в частности, всегда была «кухней мужчин и для мужчин» — участие в них женщин в качестве поваров, продавцов и потребителей до сих пор жестко табуируется (Giallomabrodo 2005: 127–135; Donà, Di Franco 2013: 137). Поэтому соотрапезничество лиц одного пола, вне зависимости от их этнической принадлежности, усиливает взаимную «солидарность» и способствует взаимоприятию. Не последнюю роль в упрочении контактов «пришлых» и «местных» играют и эгалитарные настро-

ения, чувство «социального равенства» (Cusumano 2012: 135), также подкрепленное их совместным проживанием, а кроме того — уже упоминавшаяся солидарность «меньшинства» с «меньшинством».

Но, помимо тунисской, марокканской и алжирской кухонь, преимущественно пользующихся популярностью в народных (наиболее консервативных в алиментарном отношении) слоях городского населения *Mezzogiorno*, осторожный интерес в этой среде начинает в последние годы вызывать более «экзотические» системы питания. Имеются в виду шри-ланкийская и африканские (нигерийская, ганская, кот-дивуарская) кухни, точки которых органично пополнили характерные уличные «пищевые пейзажи» Юга, став постоянным элементом его городской алиментарной повседневности.

При этом такие изыски, например, ланкийской кухни, как рыбное карри, особенно под кисло-сладким соусом, *kotthu* — нашинкованный хлеб с овощами или мясом и специями, *hoppers*, или *appam* — «блинчики» из рисовой муки, по своим вкусу, составу ингредиентов, способам готовки напоминают блюда локального меню, и, при всей своей чужеродности, вполне вписываются в «нишу» предпочтений местных уроженцев.

Сложнее дело обстоит с деликатесами западноафриканской кухни, отличающимися большим своеобразием. И если нигерийская *suya*, очень острая ягнятина на вертеле, в глазах аборигенов может выглядеть вполне «съедобной» в силу сходства с уже знакомыми им кебабами или, например, со *stigghiola* — бараньими кишками на вертеле, деликатесом местной народной *уличной кухни*, то *attieke*, или *амтекау* — традиционное для Кот-д'Ивуара блюдо на основе сброженных плодов маниоки, похожее на *кускус*, или *foufou* (*фуфу*) — густая каша из толчёных в ступе вареных корнеплодов маниока, ямса, батата, бананов-плантанов, которую подают в виде шариков в качестве «хлеба» с супом или соусом — уже рождают определенный скепсис. Ужас же и брезгливость «принимающей стороны» вызывает *grasscutter* — большая тростниковая крыса, освежеванные тушки которой в изобилии выставляются ганийцами и нигерийцами на «своих» мясных прилавках.

Аудитория «местных» любителей ланкийской или африканских кухонь существенно отличается от тех, кто изредка разнообразит свой рацион магрибскими блюдами: сокращается их число, меняется социальный состав, возраст и мотивация обращения. Если кебаб или кускус поглощают в основном представители низших слоев локального социума, мужчины средних лет, уличные торговцы и ремесленники, то проводниками «в массы» более экзотических кухонь становится молодежь, что также связано с городским административным районированием, типичным для *Mezzogiorno* принципами расселения мигрантов, городской географией проживания «пришлых» и их «неизбежными» контактами с местным студенчеством, интеллигенцией, служащими, «белыми воротничками», сконцентрированными в зонах исторического центра городов. В этих случаях распространение традиции следует, условно говоря, *альтернативным* каналом (Cusumano 2012: 134): «работает» не историческая память, как в «народе», но житейские потребности («необходимо перекусить в обеденный перерыв»), либо в большей степени и чаще — «здоровое любопытство молодых, не отягощенных комплексами старшего поколения» (Billitteri 2003: 173).

И именно эти, пусть робкие и относительно малочисленные, но контакты данной категории «местных» с носителями «экзотической» кулинарно-гастрономической

культуры «на пищевой почве» также постепенно приводят к изменению абриса алиментарной повседневности южных регионов Италии, к проведению новых ее границ, а также к расширению площади «человеческих, дружеских взаимоотношений с представителями иных этносов и конфессий, носителями других культур, ментальности и поведенческих кодов» (Cusumano 2012: 134; Cusumano 2017: 13). Таким образом, со-трапезничество и совместное «преломление хлебов» стимулирует упрочение социальных контактов и распространение новых алиментарных сведений, а также «стоящей» за ними культурной информации. Очень точные в отношении механизма выработки контактов с «пришлыми» слова своего респондента — студента университета из Неаполя приводит исследователь Д. Сеттинери: «Еда вторична в этих процессах общения. Мы преломляем хлеб с теми, кого видим каждый день, с кем здороваемся, разговариваем и постепенно узнаем больше. А когда узнаем, садимся вместе за стол, на котором может стоять «наше», а может — и «чужое». Мы осваиваем другую культуру, не ущемляя свою, и еда — это часть ее, часть обмена, общения, доверия, любопытства друг к другу...» (Settineri 2016: 169).

Но, осветив, пусть и вкратце, некоторые аспекты социо-алиментарного поведения аборигенов, уместно задаться вопросом, как ведут себя в этом отношении сами мигранты, или, вернее, какую роль играет пища в установлении их контактов с «принимающей стороной» и какой является мотивация «пришлых» в изменении алиментарно-обусловленного поведения на чужбине?

Ранее мы уже упоминали собственное исследование, основанное на полевом материале и касающееся «хлебных» предпочтений мигрантов (правда, ограниченное рамками и контекстом только Сицилии), которое убедительно доказало добровольность перехода мигрантов на локальные виды хлеба исключительно из стремления доказать свою готовность к интеграции с «принимающей стороной» в ответ на проявленную к ним странноприимность (Фаус 2020а: 162–164).

Дабы проиллюстрировать другие «формы» алиментарного поведения мигрантов, обратимся к интереснейшим данным, содержащимся в трудах Censis (Centro Studi Investimenti Sociali — основанного в 1964 г. итальянского института социологических и экономических исследований) — едва ли не самого крупного в Италии, наряду с Национальным Институтом Статистики (ISTAT), центра глобальной аналитики. В 2014–2015 гг. Censis осуществил исследовательский проект под названием «Интегрируемые итальянские рецепты» («Ricette Italiane di Integrazione»), целью которого было выяснение уровня приверженности итальянцев национальной кухне, но также и степени «освоения» ее мигрантами (Censis. Ricette italiane 2015).

При осуществлении проекта использовались различные источники, он очень широко опирался на полевые материалы, включая результаты анонимных опросов мигрантов в трех точках Италии: в Милане, Риме и Палермо. В частности, они предусматривали выяснение того, при каком стаже пребывания в Италии и в какой степени мигранты переходили на итальянскую пищу, а также — как они освещали мотивацию такого поведения.

Результаты, во-первых, подтвердили различие алиментарно-обусловленного поведения мигрантов в отдельных регионах Италии: «пришлые», проживающие в *Mezzogiorno*, значительно быстрее и в существенно большей степени «осваивали» пищу «принимающей стороны», нежели в Центре и на Севере страны. Так, например, из 1300 мигрантов, остановленных на улице в каждом из регионов исследования,

на Юге из числа пребывающих в Италии менее года ежедневную приверженность итальянским блюдам/продуктам подтвердили 19,6% опрошенных, в Риме — 15%, в Милане — 13,5%. При этом, если мигранты в центральных и северных регионах в качестве таких блюд и продуктов указывали преимущественно хлеб, спагетти, пиццу и сыры, на Юге степень освоения локального меню была выше, речь шла и о многих типичных блюдах местной кухни (Censis. Ricette italiane 2015: 19–21). Среди «пришлых» со стажем эмиграции от года до пяти число перешедших в повседневности со «своей» пищи на итальянскую на Юге достигало 45,3%, в Риме — 34,7%, в Милане — 29,6%. Среди мигрантов, живущих в стране более 5 лет, эти показатели распределялись следующим образом — Юг (48,8%), Центр (44,7%), Север (39,6%) (Ibid.: 23–24), причем дислоцированные на Юге мигранты оставляли позади проживающих в других регионах «пришлых» по богатству и диапазону «освоенных» местных блюд (Ibid.).

Во-вторых, опрос, что крайне интересно, выявил различия как в мотивации мигрантов в их переходе на «новую» пищу, так и в сопутствующих этому переходу обстоятельствах, включая условия ее потребления, обусловленные регионом их проживания в Италии. Так, на Юге свыше 60,5% «пришлых» заявили, что фактором ускорения алиментарной аккультурации послужило их осознанное желание скорее ассимилироваться и интегрироваться в странноприимную, «открытую для них» среду, тогда как на Севере и в регионах Центра Италии этот переход к «чужой» пище объяснялся мигрантами большей простотой «освоения» ими итальянской кухни, нежели поддержанием «своей» (ввиду дефицита нужных и привычных ингредиентов, отсутствия условий и нужного оборудования для готовки и т. д.) (Ibid.: 35–43).

Говоря об условиях потребления этой «местной» пищи, 55,6% мигрантов на Юге уточнили, что часто едят ее непосредственно «на улице», в точках *уличной кухни*, или приобретают ее там для поглощения дома, подчеркнув, что процесс приобретения, а тем более еды сопряжен с общением с «местным» населением. Подавляющее же большинство мигрантов, опрошенных в Риме и Милане, говорят об исключительно домашней готовке ими итальянских блюд (Censis. Ricette italiane 2015: 37).

При этом «пришлые», проживающие в *Mezzogiorno*, подчеркнули (83%), что «знакомство» с итальянской/локальной кухней у них произошло вследствие общения с соседями по месту жительства или работе из числа «местных»: их угостили, с ними поделились, им сообщили рецепт, их научили готовить и т. д. В данном случае речь идет о еще одном упомянутом А. Кузумано — *социальном* — канале распространения культурной информации и о дополнительном факторе межкультурного общения и социальной консолидации, зигждущихся на пищевом обмене и предполагающих дружбу, общение, разделение проблем повседневности между представителями анклава «пришлых» и «принимающей стороны» (Cusumano 2012: 134).

Подавляющее же большинство (93%) мигрантов в Риме и Милане отмечали отсутствие контактов с представителями «принимающей стороны», тем более в алиментарной сфере, и ограничение круга общения преимущественно «своими», а также тот факт, что «знания» об итальянской кухне они почерпнули из СМИ, «из рекламы», из интернета, от своих соотечественников, ранее прибывших в страну, но не вследствие контактов с представителями «принимающей стороны». Готовка же дома «своих» блюд ориентирована на потребление их либо в кругу семьи, либо с представителями «своего» землячества или с мигрантами другого происхож-

дения, но крайне редко — на трапезу с участием итальянцев (Censis. *Ricette italiane* 2015: 37–39).

Показательно, что по данным Censis, только мигранты, проживающие на Юге Италии, акцентировали социальный момент, сопутствующий домашней готовке традиционных блюд «своей» кухни, связанный с контактами с окружающей средой, и подчеркивали собственную активную социальность в алиментарной сфере в отношении «аборигенов». Так, 50,5% респондентов указали, что готовят дома «свои» блюда для того, чтобы пригласить к себе и угостить ими своих друзей или знакомых из числа «местных», 39,9% опрошенных — что делятся с «местными» рецептами «своих» блюд, 50,2% — что принимает участие в трапезах со смешанным в этническом смысле составом участников и мультиэтническим меню (Ibid.: 36).

На основе вышесказанного подведем некоторые итоги. Даже краткий анализ ограниченного круга источников позволил выявить в Италии определенные, четко отслеживаемые, регионально-детерминированные различия в алиментарно-обусловленном поведении как итальянцев, так и «пришлых» в контексте их взаимоотношений.

Факторами, влияющими на эти региональные стереотипы поведения «местных», равно как в целом на их отношение к «пришлым», являются историческая память, социальные стереотипы самовосприятия и позиционирования «Другого», вытекающие из исторического прошлого региона проживания, особенностей культуры и социальной специфики, традиций страноприимности. Важную роль в формировании культуры взаимотолерантности и взаимоприятия играют и степень концентрации «пришлых», и особенности их расселения, также оказывающие существенное влияние на степень и характер взаимоотношений мигрантов с «местными». Свой вклад в дело формирования «общественного взгляда» на «пришлых», несомненно, вносит и позиция властей, своей политикой по отношению к мигрантам «благословляющих» их или «предающих остракизму» в глазах социума. Равным образом и отношение «пришлых» к «местным» есть следствие действия всех вышеперечисленных факторов.

При этом пища в контексте этих контактов является отнюдь не только зеркалом, отражающим взаимоотношения разных категорий населения в контексте и в рамках единого социума. Как показывают конкретные примеры, приведенные в исследовании, в первую очередь имеющие отношение к областям Юга Италии, она играет роль пусть специфического, но активного формообразующего фактора «лепки» этих взаимоотношений, и может служить средством достижения конструктивных результатов общения. При этом ее социальные и культурные аспекты не только ничуть не уступают по значимости гастрономическим, но часто бывают первичными, заставляя вновь вспомнить семиотическое определение пищи как системы коммуникации и поведения, знака обычаев, ситуаций и поступков (Bart 2018: 308, 310, 316).

Источники и материалы

ПМА — Полевые материалы автора. Сицилия (2017–2019 гг.). Опросная группа — 140 человек (области Сицилия, Калабрия, Кампания).

ПМА1 — Полевые материалы автора. Палермо, Сицилия (2019 г.). Респондент — Gigi Traina (1965 г. р.).

Abate 2017 — Abate E. La memoria storica // *Poliscritture*. 19.05.2017. <http://www.poliscritture.it/2017/05/19/la-memoria-storica/>

Ananasso et. al. 2015 — Ananasso A., Iadeluca P., Reparato P., Salvo M. Sempre più straniera la cucina italiana // *La Repubblica*. 6.10.2015. https://inchieste.repubblica.it/it/repubblica/rep-it/2015/10/06/news/la_cucina_italiana_parla_straniero-123654704/

Ambrosini 2014 — Ambrosini M. Il cibo che nutre l'incontro // *Caritas e Migrantes* (a cura di). XXIV Rapporto Immigrazione 2014. Migranti, attori di sviluppo. Perugia: Tau. 2014: 258–274.

Ambrosini, Castagnone 2009 — Ambrosini M., Castagnone E. Cibo, diversità culturale, intrapresa. Gli operatori economici immigrati nel settore dell'alimentazione // *Camera di Commercio di Torino* (a cura di). I viaggi del cibo, il cibo dei viaggi. Le iniziative economiche degli immigrati nella filiera alimentare. Torino: Fieri. 2009: 9–28.

Baldassarre 2017 — Baldassarre A. La diffusione del cibo etnico in Italia: dai ristoranti cinesi alle proposte più innovative. Promossi sushi e sashimi, bocciati gli insetti // *Il Fatto Alimentare*. 20.01.2017. <https://ilfattoalimentare.it/cibo-etnico-proposte-innovative.html>

Barbagallo 1980 — Barbagallo F. Mezzogiorno e questione meridionale (1860–1980). Napoli: Guida Editori. 1980.

Censis 2010 — Censis. Il primo rapporto sulle abitudini alimentari degli italiani // *Coldiretti*. 19.05.2010. <https://www.coldiretti.it/archivio/censis-il-primo-rapporto-sulle-abitudini-alimentari-degli-italiani-alcuni-flash-19-05-2010>

Censis 2015 — Censis. Ricette italiane di integrazione. Abitudini alimentari ed avventure imprenditoriali di italiani e migranti. Roma: Censis. 2015.

Cotronei 2020 — Cotronei E. L'importanza della memoria storica // *Deliapress*. 1.10.2020. <https://www.deliapress.it/1-cronaca/limportanza-della-memoria-storica/>

Dossier 2019 — Dossier Statistiche immigrazioni 2019: i dati in Campania // *IDOS — Confronti*. 2019. <http://www.stranieriincampania.it/new/dossier-statistico-immigrazione-2019-i-dati-in-campania/>

De Mauro 1987 — De Mauro T. *L'Italia delle Italie*. Roma: Editori Riuniti. 1987.

Di Renzo 2015 — Di Renzo E. Immigrazione e interculturalità alimentare // XXIV Rapporto Immigrazione Caritas e Migrantes. Migranti, attori di sviluppo. Todi (Perugia): TAU. 2015, pp. 289–298.

Eco 2013 — Eco U. Contro la perdita della memoria // *ONU — New York*, 21.10.2013. http://www.festivalcomunicazione.it/wp-content/uploads/2018/02/Umberto_Eco_ONU_2013_Contro_la_perdita_della_memoria.pdf

Eco 2016 — Eco U. L'importanza della memoria secondo U. Eco // *Artademia*. 30.03.2016. <https://artademia.it/limportanza-della-memoria-secondo-umberto-eco/>

Ferrario 2016 — Ferrario C. “Il cibo degli altri”. Percorsi evolutivi dell'imprenditoria straniera in Italia // *CORE Reader — Archivio Istituzionale della Ricerca*. Università del Piemonte Orientale 2016: 16. <https://core.ac.uk/reader/226156880>

Greco, Tumminelli 2017 — Greco S., Tumminelli G. (a cura di). *Migrazioni in Sicilia 2017*. Milano–Udine: 2018.

Greco, Tumminelli 2019 — Greco S., Tumminelli G. (a cura di). *Migrazioni in Sicilia 2018*. Milano–Udine: Mimesis. 2019.

I viaggi del cibo 2009 — I viaggi del cibo, il cibo dei viaggi. Torino: Camera di commercio industria artigianato e agricoltura di Torino. 2009.

La presenza 2019 — La presenza straniera in Campania // *ImpactCampania*. 2019. <http://www.stranieriincampania.it/new/presenza-straniera-campania/>

Moretti 2020 — Moretti F. Ha ancora senso parlare di ‘cucina etnica’ per i ristoranti stranieri in Italia? // *Vice*. 15.09.2020. <https://www.vice.com/it/article/pky9w8/cucina-etnica-definizione-sbagliata>

Morrone et. al. 2010 — Morrone A., Scardella P., Piombo L. *Manuale di Alimentazione Transculturale*. Ferrara: Editeam. 2010.

- RICM–XXVII Rapporto Immigrazioni Caritas e Migrantes 2017–2018 (RICM): “Un nuovo linguaggio per le migrazioni”. (Sintesi per i giornalisti). [б. д.]. <http://www.caritasitaliana.it/caritasitaliana/allegati/7824/Sintesi%20per%20giornalisti.pdf>
- Ratti 2016 — Ratti M. Quanto vale il cibo etnico // L'Espresso. 14 novembre 2016. <https://espresso.repubblica.it/affari/2016/10/12/news/il-cibo-etnico-muove-milioni-e-non-conosce-crisi-1.285655/>
- Ristorazione 2018 — Ristorazione in Italia: rapporto annuale Fipe 2018//Giustissimo. 2018. <https://www.gustissimo.it/magazine/news/ristorazione-italia-rapporto-fipe-2018.htm>
- Torriani 2018 — Torriani L. Cucine straniere preferite dagli italiani. La classifica// UniversoFood. 09.08.2018 <http://www.universofood.net/2018/08/09/cucine-straniere-preferite-dagli-italiani/>

Научная литература

- Барм Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры. Москва: Академический проект. 2018.
- Каппати Ф., Монтанари М. Итальянская кухня. История одной культуры. М.: Новое Литературное Обозрение. 2006.
- Фаус О. Д. Мигранты в Сицилии: восприятие их местным населением и проблемы толерантности // Очерки о европейской идентичности и многокультурности. М: ИЭА РАН. 2013. С. 389–417.
- Фаус О. Д. Хлеб в Сицилии в контексте современности: новые аспекты проблемы // Традиционная культура. 2020а. Т. 25. № 4. С. 159–169.
- Фаус О. Д. «Свои» и «чужие»: casus Сицилии в контексте современных миграционных процессов // Этнография. № 4. 2020b. С. 80–102.
- Филлипова Е., Ле Торривелек К. Введение // Свои и чужие. Метаморфозы идентичности на востоке и западе Европы. М: Горячая линия — Телеком. 2018. С. 3–9.
- Barbagallo F. Mezzogiorno e questione meridionale (1860–1980). Napoli: Guida Editori. 1980.
- Billitteri D. Homo Panormitanus, cronaca di un'estensione impossibile. Palermo: Sigma. 2003.
- Bonanzinga S., Giallombardo F. Il cibo per via. Paesaggi alimentari in Sicilia. Palermo: Centro Studi Filologici e Linguistici Siciliani. 2011.
- Canestrini D. Trattoria Genius Loci // Rami Ceci L. (a cura di). Turismo e sostenibilità. Risorse locali e promozione turistica come valore. Roma: Armando, 2005. P. 161–178.
- Colombo E., Semi G. Multiculturalismo quotidiano. Le pratiche della differenza. Milano: Franco Angeli. 2007. P. 41–42.
- Colombo E., Navarini G., Semi G. I contorni del cibo etnico // Neresini F., Rettore V. (a cura di). Cibo, cultura, identità. Roma: Carocci. 2008. P. 78–96.
- Cusumano A. Mazara, imperfetto presente. Conversazione con Giovanni Venezia. Mazara del Vallo: Libridine. 2007.
- Cusumano A. Culture alimentari ed immigrazione in Sicilia. La piazza universale è a Ballarò // Alimentazione, produzioni internazionali e cultura del territorio. Palermo: Fondazione Buttitta. 2012. P. 121–142.
- Cusumano A. Nota introduttiva // Cusumano A. (a cura di). Antropologia delle migrazioni. Mazara del Vallo: Istituto euroarabo di Mazara del Vallo. 2017. P. 9–14.
- Cusumano A. Migrazioni e Mediterraneo // Archivi CRICD (Centro Regionale Siciliano per l'inventario, la catalogazione e la documentazione). 2019. N. 6. P. 15–21.
- Della Puppa F., Segalia S. “Come a casa mia”: pratiche alimentari, intersezioni identitarie e attraversamenti urbani nell'esperienza dell'immigrazione // Quaderni di Sociologia. 2018. 76. P. 127–145.
- Dickie J. Delizia! The Epic History of the Italians and Their Food. L.: Hodder & Stoughton, 2007.
- Donà M. G., Di Franco C. Viaggio attraverso i sapori del quotidiano. Palermo: Qanat. 2013.
- Ferrarotti F. Vite di baraccati. Napoli: Liguori. 1974.

- Giallombardo F. La tavola, l'altare, la strada. Palermo: Sellerio. 2005. P. 127–135.
- Horn V. Assaporare la Tradizione: Cibo, identità e senso di appartenenza nella Letteratura Migrante // Revista de Italianistica. 2010. N 19–20. P. 155–175.
- Lainati C. Tunisini a Palermo: spazi, relazioni ed identità in gioco // Il progetto migratorio tra aspettative collettive e libertà individuali. Torino: L'Harmattan, 1999. P. 934.
- Leonini L. Cibo, immigrazione e identità // Progressus. Rivista di Storia, Scrittura e Società — Università di Siena. Anno II, n.2. 2015: 92–110.
- Perrotta C., Sunna C. L'arretratezza del Mezzogiorno. Le idee, l'economia, la storia. Milano: Bruno Mondadori. 2012.
- Ricci A. Immigrazione, identità e incontro. I colori del cibo in Italia // Motta G. (a cura di). I tempi e i ruoli del cibo. Pratiche e simboli della cultura alimentare della storia. Roma: Nuova Cultura. 2017. P. 309–326.
- Rizzo F. La Casbah di Mazara. Dall'etnico all'esotico // Cusumano A. (a cura di). Antropologia dell'emigrazione. Mazara del Vallo: Istituto Euroarabo di Mazara del Vallo, 2016.
- Sammartano G. L. Culture alimentari e storie di vita. Imprenditori migranti a Palermo // Tesi di laurea. Facoltà di Lettere e Filosofia. Università di Palermo. Anno accademico 2012–2013.
- Settineri D. Dispositivi ed eccezioni nel processo migratorio // Antropologia delle migrazioni. Mazara del Vallo: Istituto Euroarabo in Mazara del Vallo. 2016. P. 166–172.
- Silvestrini E. I mercati e “la piazza”. Espositori a Roma tra Settecento e Ottocento // Mercati storici siciliani. Palermo: Regione Siciliana, CRICD. 2007. P. 29–40.
- Sonaglia R. C. C'è la mancanza di memoria storica che ci sta fregando // Etnie. 04.03.2015. URL — <https://www.rivistaetnie.com/mancanza-di-memoria-storica/>.
- Sorgi O. I mercati e i cibi da strada. Palermo: Regione siciliana, Assessorato dei beni culturali e dell'identità siciliana, Dipartimento dei beni culturali e dell'identità siciliana. 2015.
- Teti V. Emigrazione, alimentazione, culture popolari // Bevilacqua P., De Clementi A., Franzina, E. (org.). Storia dell'emigrazione italiana. Roma: Donzelli, 2001. P. 575–597.
- Traina A. Palermo ai tuoi occhi. Palermo: Flaccovio, 2018.

References

- Barbagallo, F. 1980. *Mezzogiorno e questione meridionale (1860–1980)* [Mezzogiorno and the southern question (1860–1980)]. Napoli: Guida Editori.
- Barth, R. 2018. K psikhosotsiologii sovremennogo pitaniia [To the Psychosociology of Modern Nutrition]. In Barth R. *Sistema mody. Stat'i po semiotike kul'tury* [Fashion System: Articles about Semiotics of Culture]. Moscow: Akademicheskii proekt. 308–317.
- Billitteri, D. 2003. *Homo Panormitanus, cronaca di un'estensione impossibile* [Homo Panormitanus, chronicle of an impossible extension]. Palermo: Sigma.
- Bonanzinga, S., Giallombardo, F. 2011. *Il cibo per via. Paesaggi alimentari in Sicilia* [Food on the street. Food landscapes in Sicily]. Palermo: Centro Studi Filologici e Linguistici Siciliani.
- Canestrini, D. 2005. Trattoria Genius Loci [Trattoria Genius Loci]. In Rami Ceci L. (ed.). *Turismo e sostenibilità. Risorse locali e promozione turistica come valore* [Tourism and sustainability. Local resources and tourism promotion as value]. Armando. 161–178.
- Colombo, E., Semi, G. 2007. *Multiculturalismo quotidiano. Le pratiche della differenza* [Daily multiculturalism. The practices of difference]. Milano: Franco Angeli.
- Colombo, E., Navarini, G., Semi, G. 2008. I contorni del cibo etnico [The contours of ethnic food]. In Neresini F., Rettore V. (eds.). *Cibo, cultura, identità* [Food, culture, identity]. Roma: Carocci. 78–96.
- Cusumano, A. 2007. *Mazara, imperfetto presente. Conversazione con Giovanni Venezia* [Mazara, imperfect present. Conversation with Giovanni Venezia]. Mazara del Vallo: Libridine.
- Cusumano, A. 2012. Culture alimentari ed immigrazione in Sicilia. La piazza universale è a Ballarò [Food cultures and immigration in Sicily. The universal square is in Ballarò]. In Mannia S.

- (ed.). *Alimentazione, produzioni internazionali e cultura del territorio* [Food, international productions and local culture]. Palermo: Fondazione Buttitta. 121–140.
- Cusumano, A. 2017. Nota introduttiva [Introductory note]. In Cusumano A. (ed.). *Antropologia delle migrazioni* [Anthropology of migration]. Mazara del Vallo: Istituto euroarabo di Mazara del Vallo. 9–14.
- Cusumano, A. 2019. Migrazioni e Mediterraneo [Migration and the Mediterranean] // *Archivi CRICD (Centro Regionale Siciliano per l'inventario, la catalogazione e la documentazione)*. 6: 15–21.
- Della Puppa, F., Segalia, S. 2018. “Come a casa mia”: pratiche alimentari, intersezioni identitarie e attraversamenti urbani nell’esperienza dell’immigrazione [“As in my home”: food practices, identity intersections and urban crossings in the immigration experience]. *Quaderni di Sociologia*. 76: 127–145.
- Dickie, J. 2007. *Delizia! The Epic History of the Italians and Their Food*. London: Hodder & Stoughton.
- Donà, M.G., Di Franco, C. 2013. *Viaggio attraverso i sapori del quotidiano* [Journey through the flavors of everyday life]. Palermo: Qanat.
- Fais, O. 2013. Migranti v Sitsilii: vospriyatie ikh mestnym naseleniem i problemy tolerantnosti [Migrants in Sicily: local perceptions and problems of tolerance]. In Martynova M. Yu. (ed.). *Ocherki o evropeiskoi identichnosti i mnogokul'turnosti* [Essays on European identity and multiculturalism]. Moscow: IEA RAS Publ. 389–417.
- Fais, O. 2020a. Khleb v Sitsilii v kontekste sovremennosti: novye aspekty problemy [Bread in Sicily in the context of modernity: new aspects of the problem]. *Traditsionnaya kul'tura*. 25 (4): 159–169.
- Fais, O. 2020b. “Svoi” i “chuzhie”: casus Sitsilii v kontekste sovremennykh migratsionnykh processov [“Insiders” and “Outsiders”: the case of Sicily in the context of modern migration processes]. *Etnografiya*. 4: 129–158.
- Filippova, E., Le Torrivelek, K. 2018. Vvedenie [Introduction]. In Filippova E., Le Torrivelek (eds.). *Svoi i chuzhie. Metamorfozy identichnosti na vostokey zapade Evropy* [Ours and others. Metamorphoses of Identity in the East and West of Europe]. Moscow: Goriachaia liniia — Telekom Publ. P. 3–9.
- Ferrarotti, F. 1974. *Vite di baraccati* [Slum lives]. Napoli: Liguori.
- Giallombardo, F. 2005. *La tavola, l'altare, la strada* [The table, the altar, the road]. Palermo: Sellerio.
- Horn, V. 2010. Assaporare la Tradizione: Cibo, identità e senso di appartenenza nella Letteratura Migrante [Savoring tradition: food, identity and sense of belonging in migrant literature] // *Revista de Italianistica*. 19–20: 155–175.
- Kapatti, A., and M. Montanari. 2006. *Ital'ianskaia kuhnia. Istoriia odnoi kul'tury* [Italian Cuisine: History of One Culture]. Moscow: NLO.
- Lainati, C. 1999. Tunisini a Palermo: spazi, relazioni ed identità in gioco [Tunisians in Palermo: spaces, relationships and identity at stake]. In *Il progetto migratorio tra aspettative collettive e libertà individuali* [The migration project between collective expectations and individual freedoms]. Torino: L'Harmattan. 934–935.
- Leonini, L. 2015. Cibo, immigrazione e identità [Food, immigration and identity]. *Progressus. Rivista di Storia, Scrittura e Società — Università di Siena*. II (2): 92–110.
- Perrotta, C., Sunna, C. 2012. *L'arretratezza del Mezzogiorno. Le idee, l'economia, la storia* [The backwardness of Mezzogiorno. Ideas, economics, history]. Milano: Bruno Mondadori.
- Ricci, A. 2017. Immigrazione, identità e incontro. I colori del cibo in Italia [Immigration, Identity and encounter. The colors of food in Italy]. In *I tempi e i ruoli del cibo. Pratiche e simboli della cultura alimentare della storia* [The times and roles of food. Practices and symbols of food culture of history], edited by Motta G., 309–326. Roma: Nuova Cultura.

- Rizzo, F. 2016. La Casbah di Mazara. Dall’etnico all’esotico [The Kasbah of Mazara. From ethnic to exotic]. In *Antropologia delle migrazioni* [Anthropology of migration], edited by Cusumano A., 152–165. Mazara del Vallo: Istituto Euroarabo di Mazara del Vallo.
- Sammartano, G.L. 2012–2013. *Culture alimentari e storie di vita. Imprenditori migranti a Palermo* [Food cultures and life stories. Migrant enterprisers in Palermo]. Tesi di laurea. Palermo: Facoltà di Lettere e Filosofia. Università di Palermo.
- Settineri, D. 2016. Dispositivi ed eccezioni nel processo migratorio [Devices and exceptions in the migration process]. In Cusumano A. (ed.). *Antropologia delle migrazioni* [Anthropology of migration]. Mazara del Vallo: Istituto Euroarabo in Mazara del Vallo. 166–172.
- Silvestrini, E. 2007. I mercati e “la piazza”. Espositori a Roma tra Settecento e Ottocento [Markets and “the square”. Exhibitors in Rome between the eighteenth and nineteenth centuries]. in; Sorgi O. (ed.). *Mercati storici siciliani* [Sicilian historical markets]. Palermo: Regione Siciliana, CRICD. 29–40.
- Sonaglia, R.C. 2015. C’è la mancanza di memoria storica che ci sta fregando [There is the lack of historical memory that is fooling us]. *Etnie*. 04.03.2015. <https://www.rivistaetnie.com/mancanza-di-memoria-storica/>
- Sorgi, O. 2015. *I mercati e i cibi da strada* [Markets and street foods]. Palermo: Regione siciliana, Assessorato dei beni culturali e dell’identità siciliana, Dipartimento dei beni culturali e dell’identità siciliana.
- Teti, V. 2001. Emigrazione, alimentazione, culture popolari [Emigration, food, popular cultures] In Bevilacqua P., De Clementi A., Franzina, E. (eds.). *Storia dell’emigrazione italiana*. [History of Italian emigration]. Roma: Donzelli. 575–597.
- Traina, A. 2018. *Palermo ai tuoi occhi* [Palermo in your eyes] Palermo: Flaccovio.

ИСТОРИОГРАФИЯ, ШКОЛЫ, КОНЦЕПЦИИ

УДК 39
DOI: 10.33876/2311-0546/2022-2/292-309
Научная статья

© С. А. Арутюнов

НЕСЕРЬЕЗНЫЕ ЗАБАВЫ ОЧЕНЬ СЕРЬЕЗНЫХ ЛЮДЕЙ (ОБЗОР КНИГ О КУЛЬТУРЕ ДОСУГА В ЯПОНИИ)

Настоящая статья представляет собой расширенный обзор нескольких монографий С. Б. Маркарян, Э. В. Молодяковой, Е. Э. Войтишек, А. Р. Садовой, Д. А. Трынкиной, посвященных разным аспектам духовной культуры, так или иначе связанным с досугом, играми, праздниками, обрядами, культами и поверьями, относящимися к удаче или неудаче, и тому подобными сюжетами. Материалы и данные собраны авторами во время их длительной полевой работы в Японии или взяты из японских источников.

Ключевые слова: фуку, ёкай, карты, игры, праздник, досуг, демонология
Ссылка при цитировании: Арутюнов С. А. Несерьезные забавы очень серьезных людей (Обзор книг о культуре досуга в Японии) // Вестник антропологии, 2022. № 2. С. 292–309.

UDC 39
DOI: 10.33876/2311-0546/2022-2/292-309
Original Article

© Sergey Arutyunov

FRIVOLOUS AMUSEMENTS OF VERY SERIOUS PEOPLE (REVIEW OF THE BOOKS ON LEISURE CULTURE IN JAPAN)

This text is a comprehensive overview of several monographs published in the 1990-s-2020-s by outstanding Russian experts in Japanese studies: S. B. Markarian, E. V. Molodiakova, E. E. Voytishek, A. R. Sadokova, and D. A. Trynkina.

The authors gathered the materials for their books during their prolonged field work in Japan or borrowed them from a huge number of Japanese sources, both books and articles plus internet resources, dedicated to festivals, games, rituals, supernatural beliefs, demonology, and other related subjects.

Keywords: fuku, yokai, festivals, cards, games, good luck, blessing, demonology

Арутюнов Сергей Александрович — д. и. н., член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Отдела Кавказа, Институт этнологии и антропологии РАН (119991 Москва, Ленинский просп., 32А). Эл. почта: gusaba@iea.ras.ru

* Работа выполнена в рамках Плана научно-исследовательских работ ИЭА РАН

For Citation: Arutyunov, Sergey A. Frivolous Amusements of Very Serious People (Review of the books on leisure culture in Japan). *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 2: 292–309.

Author Info: Arutyunov, Sergey A. — Dr. (History), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Leading Research Fellow, N. N. Mikluho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Leninsky ave, 32A, Moscow, 119334). E-mail: gusaba@iea.ras.ru

Funding: The study was carried out as a part of the research plan of the Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences.

Весной 1979 года в Ереване проходила очередная Всесоюзная отчетно-экспедиционная этнографическая сессия, из традиций которой позднее вырос проходящий ныне раз в два года Конгресс антропологов и этнографов России. В ней участвовало большое число моих коллег и друзей, в том числе Э. С. Маркарян и Ю. И. Мкртумян. За полгода до того мы несколько недель подряд вместе с рядом аспирантов-учеников Э. С. Маркаряна ежедневно собирались на импровизированный семинар в Институте философии Академии наук Армении. Мы тогда готовили к печати вышедшую в свет пятью годами позже нашу совместную книгу «Культура жизнеобеспечения и этнос» (Ереван 1983). Мы много дискутировали о культуре как феномене человеческой деятельности вообще, ее определениях, внутреннем членении и других аспектах соответствующих дефиниций и классификаций. Таких определений в науке имеются сотни и все они по-своему правомерны, в зависимости от познавательных задач исследования. В данном случае, в качестве самого общего определения культуры мы приняли версию Э. С. Маркаряна как «специфически человеческого внебиологически выработанного и внегенетически передаваемого способа деятельности» (Маркарян 1969). Что же касается внутреннего членения традиционной культуры на подсистемы, оптимальным нам тогда, как и в дальнейшем, представлялось четырехчастное деление традиционной культуры, предложенное Ю. И. Мкртумяном, о чем он сообщил на заседании вышеуказанной сессии и большинство коллег его приняло (Мкртумян 1978: 42).

Графически такое членение может быть представлено в виде довольно изящной схемы, получившей неформальное название «Цветок культуры» (см. рисунок).

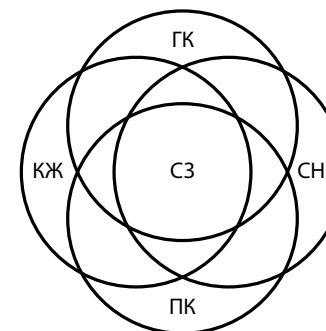

Рис. 1. «Цветок культуры».

ПК — производственная культура; КЖ — культура жизнеобеспечения; ГК — гуманитарная культура; СНК — соционормативная культура; СЗ — сверхзадача культуры в целом (расширенное самовоспроизводство общества)

«Процесс создания продукта и необходимые для этого хозяйственные мощности — суть составляющие культуры производства (КП). Культура жизнеобеспечения (КЖ) — это потребление продукта, а главные из ее сфер — пища, жилище, одежда, а также транспорт и другие сопутствующие области потребления. Соционормативная культура (СНК) включает в себя право (установление того, что делать можно и что нельзя), этику (представления о том, что делать следует или не следует), которая определяет наше поведение, т. е. его границы. Наконец, гуманитарная культура (ГК) суть всё, что мотивирует, стимулирует деятельность человека. Это рациональные и эмоциональные способы познания мира — наука, искусство, философия, религия, и т. д. При этом важно отметить, что все они существуют не обособленно, а пересекаются и взаимодействуют друг с другом». (Арутюнов, Рыжакова 2004: 78–79).

Если с совокупностью предметов и явлений, входящих в КП и КЖ, все более или менее ясно, а именно в КП любой нации входит вся ее экономика, т. е. промышленность и сельское хозяйство, а в КЖ — весь ее быт, т. е. прежде всего пища, одежда и жилище, то с гуманитарной культурой дело обстоит гораздо сложнее, ибо ее предметность поистине необъятна. Здесь сосредоточена вся мыслительная и творческая деятельность общества, все то, что является собственно культурой в ее обыденном публицистическом понимании, в том числе то, что подлежит государственному администрированию со стороны министерств культуры, науки, образования, просвещения, туризма, спорта и др. По существу, это вся духовная культура общества, но далеко не только она одна. Однако, при анализе собственно народной, традиционной, вплетенной в повседневный быт части гуманитарной культуры особенно значимой представляется та ее часть, которую можно охарактеризовать как «культуру досуга».

У разных народов структура и абрис культуры досуга приобретают весьма разнообразные очертания. У народов Балтии особую значимость, например, получили песенные компоненты досуга. Помимо повседневных песен здесь нельзя не отметить ту колоссальную роль, которую приобрели в народном самосознании грандиозные ежегодные певческие праздники. В странах Латинской Америки не меньшее, если не большее значение имеют спортивные соревнования, в особенности футбол, и не менее яркие, так или иначе вовлекающие в свой сценарий практически все население, карнавалы. В некоторых странах соперничество футбольных команд становилось поводом для существенных межнациональных осложнений и даже настоящих войн. А вот индийцы к футболу довольно равнодушны, и любимым всеми профессиональным спортом здесь стал совершенно неизвестный нам крикет, а также состязания «пехлеванов» — силачей и борцов, которые иногда даже занимают центральное место в терзающих Индию межобщинных столкновениях мусульман и индуистов (Арутюнов 2009: 251).

В Японии достаточно хорошо известны и футбол, и баскетбол, и волейбол, но все они изрядно уступают по популярности бейсболу, а истинно культовым видом спорта является борьба сумо.

Японцы — едва ли не самые рьяные трудоголики в мире, но может быть, именно поэтому они не склонны тратить довольно скудный объем остающегося у них свободного времени на *dolce far niente* — «сладкое ничегонеделание» в южно-европейском стиле.

Очень большое значение в их жизни с давних, можно сказать, незапамятных времен имеет разветвленная и бесконечно многообразная культура досуга. Ее источ-

ники и катализаторы можно видеть в целом ряде факторов, среди которых не последнее место занимает густота народонаселения, его скученность на сравнительно малой доле равнинных земель, наиболее пригодных для поселений и хозяйственного освоения, исторически сложившаяся феодальная раздробленность страны вплоть до начала XVII века, связанная с характером японского феодализма, жесткая регламентация всех сторон экономической и социальной жизни, а также подчеркнутая контрастность между образом жизни различных слоев населения. Эти факторы вели к большой дробности и многообразию различных видов досуга, отражавших гедонистическое стремление к роскоши, изысканности и изощренности у многочисленных придворных, особенно придворных дам и их изнеженных кавалеров, с одной стороны, брутальность и культ сурового аскетизма монахов и воинов-самураев, с другой, и стремление крестьян чем-то скрасить и разметить однообразие своих убогих будней, с третьей.

Аристократы состязались в сочинении стихов (дамы в японском стиле, а мужчины также и в китайском), пересылали друг другу изящные, каллиграфически написанные послания, самураи проводили время в фехтовании, стрельбе из лука и множестве других воинских упражнений, все из которых, между прочим, в той или иной форме сохранились вплоть до наших дней, монахи оттачивали изысканность кажущейся простоты церемоний чаепития в узком кругу превращавшихся в целые философско-эстетические школы неформальных сообществ, да и крестьяне сопровождали такие производственные процессы, как пахота, посадка рисовой рассады, жатва или обмолот, массой сложных обрядовых действий, отражавших многообразие локальных верований. Всё это, хотя бы в форме хобби или местной туристической достопримечательности, тоже дошло до современности.

Пожалуй, везде в мире дети развлекаются, пуская по воде кораблики из скорлупок орехов, сухих листиков и тому подобного мусора или соревнуются в меткости, бросая бараньи альчики, камешки или деревянные чурки. С распространением школьного образования, а стало быть и бумаги, досуг детей обогатился такими поделками, как складывание из неё корабликов и самолетиков, которые при известном умении можно запустить на довольно значительную дистанцию. Но мало где, кроме Японии, оформилось особое и изощренное искусство изготовления разнообразнейших, порою очень сложных фигурок и композиций из многократно сложенной бумаги («оригами»). В Японии этим увлекаются не только дети, но и взрослые, и есть мастера оригами, имеющие всенародную известность. Многие делают такие фигурки в тысячных количествах в качестве своеобразного религиозного обета, в память об усопшем, или как украшение для храмовых праздников и т. д. Есть даже предприятия по изготовлению цветной и орнаментированной бумаги, специально предназначенной для изготовления фигурок оригами, а также других праздничных украшений, и её можно купить в любом писчебумажном магазине, так что, в некотором смысле, можно сказать, досуг вошел и в производственную культуру.

Можно также отметить, что и производственная культура вошла в досуг, например в виде изготовления уникальных, каллиграфически расписанных вееров из бумаги, причем они, наравне со специальными дротиками, используются для метания в цель, и существуют оригинальные правила, как метать веер, как он должен лечь на мишень или на другой веер, или как должен угодить дротик в довольно узкое горлышко служащего мишенью кувшина, и можно было бы до бесконечности пере-

числять подобные занятия, посвященные не только единственной цели проведения досуга, но и имеющие нередко очень неожиданные перекрёстные значения, включая соревновательные, религиозно-культовые и философско-эстетические осмысления. То же самое можно было бы сказать и о других формах досуга, начиная с сочинения цепочек стихов из чередующихся трехстрочных и двухстрочных изречений и кончая многообразными воинскими искусствами, от таких широко известных, как кэндо — фехтование на бамбуковых мечах, до таких экзотичных, маргинальных и сугубо локальных, как нома-гари — ловля и обуздание одичавших лошадей, ныне сосредоточенная на ограниченной территории Северной Японии. То и другое было первоначально отнюдь не видом досуга, а нормальной самурайской повседневной практикой, и выездка диких лошадей была важной частью ремонта княжеской кавалерии, параллельно с джигитовкой, стрельбой на скаку и другими видами военной тренировки. Всё это дошло до наших дней, но уже в форме экстремального досуга или профессионального спорта.

О многом из вышеупомянутого российская публика была, хоть и поверхностно, но все же достаточно широко начитана еще с дореволюционного времени, во многом благодаря всплеску интереса к Японии в связи с распространением стиля модерн и с русско-японской войной (1904–1905 гг.). Однако специальных работ, посвященных этой сфере культуры соседней страны в отечественной японоведческой литературе не имелось вплоть до 1990 г., когда в Главной редакции восточной литературы издательства «Наука» вышла книга довольно большого объема (250 стр.) Э. В. Молодяковой и С. Б. Маркарян «Праздники в Японии». Я не могу в этом обзоре давать какую-либо оценку этой книге уже хотя бы по этическим соображениям, т. к. сам являюсь ее ответственным редактором, но и не упомянуть ее тоже не вправе. Публикация, посвященная своеобразным и красочным сторонам японской культуры, сильно повысила широкий читательский интерес к Японии, и в 2004 году оба автора вновь совместно опубликовали новую книгу «Мацури: традиционные праздники Японии».

Обе книги получили в целом положительные читательские отклики, хотя некоторые особо требовательные читатели и отмечали их недостаточную системность, произвольность в выборе материала для описания, а также определенную предвзятость и сухость изложения в той части, которая касается календарных, официальных и так называемых пролетарских праздников. Все же в целом, при всей своей определенной мозаичности, эти книги впервые открыли российскому читателю широту и разнообразие спектра японской праздничной культуры, как общенародных сезонных праздников, так и локальных, храмовых и связанных с местными историческими событиями, и даже с достопримечательностями отдельно взятых населенных пунктов. Многие читатели особо отмечали хорошо удавшиеся авторам яркие описания специфически детских праздников, как общенациональных (праздник девочек 3 марта и мальчиков 5 мая), так и характерных только для определенной области. Так, для северной Японии, с ее обильнейшими снегопадами, типичен праздник снега, когда дети сооружают для своих игр не только разные фигуры из снега, но и настоящие снежные хижины, очень похожие на знаменитые эскимосские «иглу».

К сожалению, ограниченный объем популярного издания не всегда давал авторам возможность в достаточной мере отразить всё многообразие этих увеселений, подчас принимающих не по-детски суровую форму. Поэтому иногда я позволю

себе дополнять материал входящих в данный обзор книг материалами собственных наблюдений. Так, 11 января 1997 года в городе Отару (о-в Хоккайдо) я мог наблюдать пробег юных дзюдоистов (в возрасте от 6 до 11 лет) местной начальной школы вокруг своего квартала. Дети пробежали по заснеженным улицам в легких хлопчатобумажных спортивных костюмах и босиком, при температуре 3–4 градуса ниже нуля, пока родители ждали их на финише в здании школы. Все были очень горды и счастливы. Это, конечно, был праздник, хотя и необычный, и не связанный, в отличие от большинства других, с какой-либо датой, личностью, легендой, мифом или божеством.

Для храмовых праздников, напротив, такая связь обязательна. Синтоистских храмов, как общепонских, так и местных — городских, сельских, квартальных, в Японии насчитывается свыше двухсот тысяч, и у каждого хотя бы раз в году бывает свой «мацури» — храмовый праздник. Все жители села или квартала как-то участвуют в его подготовке. В должный день нестройная толпа полубоуженных молодых людей выносит из придела храма целый год ждавший там своего часа о-микоси, т. е. укрепленный на массивных брусках тяжеленный богато разукрашенный паланкин с символом объекта почитания, и не столько проходит, сколько с шумом и криком топчется с ним по окрестным улицам, пока дети с не меньшим шумом бегают со своим маленьким о-микоси. Тем временем на площадке или подмостках около храма актеры-любители начинают представление сато-кагура — юмористических сценок и скетчей, которые порой выходят далеко за рамки пристойности, чем явно противоречат обычно достаточно строгой, характерной для японцев сдержанной и скромной манере поведения.

Понятно, что культурный феномен таких масштабов как «мацури», не может быть достаточно полно охарактеризован в рамках популярной книжки. Он должен быть предметом целой серии исследований, многие из которых уже проведены в мировом японоведении, другие же продолжают проводиться. Тем не менее, работы указанных авторов дают широкому читателю основные ориентиры для понимания безбрежности океана японской праздничной культуры.

Следующий важный этап в ознакомлении русскоязычного читателя с разными аспектами японской культуры досуга обозначен появлением фундаментального труда Елены Эдмундовны Войтишек «Игровые традиции в духовной культуре стран Восточной Азии (Китай, Корея, Япония)». В отличие от С. Б. Маркарян и Э. В. Молодяковой, которые задолго до обращения к тематике праздников уже успели опубликовать немалое число работ по разным аспектам новейшей истории Японии, по демографии ее населения, по проблемам продовольственной безопасности и другим смежным вопросам, Е. Э. Войтишек с самого начала избрала предметом своих исследований традиционные игры. Первая ее книга «Карты «Ироха»: Старинная интеллектуальная японская игра» была объемом в 80 страниц (Войтишек 1999). Десятью годами позже вышла в свет ставшая ее основным трудом и фундаментом для ее докторской диссертации книга «Игровые традиции» (Войтишек 2009). За прошедшие годы и по сей день из-под пера Е. Э. Войтишек вышло еще немало работ, посвященных культуре досуга японцев и их соседей, в основном в ее интеллектуально-игровой форме. В Японии известны практически все игры, которые в ходу в европейских странах: и обычные четырехмастные карты, как в азартной, так и в стратегической категории, и шашки, и домино, и классические шахма-

ты, и нарды (они же трик-трак или back-gammon). Японский упрощенный вариант трик-трака под названием сугороку (т. е. 4–5–6) сейчас рассматривается как игра для детей младшего возраста, но в старину входил и в число придворных забав. Шахматы в Японии известны как в классическом, так и в японском варианте «сёги». Последние, также как и классические шахматы, исторически восходят к индийской чатуранге, но в них употребляются не точеные фигуры, а трапециевидные фишки с названиями фигур, написанными на них, и правила игры в них существенно видоизменены по сравнению с классическим вариантом. Так, в отличие от привычной нам разметки доски по схеме $8 \times 8 = 64$, доска для сёги обычно размечена по схеме $9 \times 9 = 81$, но по договоренности между игроками возможны и более обширные разметки, с соответственным увеличением численности основных фигур. Наконец, достаточно популярна в Японии и такая сложная и стопроцентно интеллектуальная игра, как «го», или «иго», насчитывающая в Китае несколько тысяч лет истории, а в XX в. распространившаяся в той или иной степени по всем странам мира. Сегодня и в Китае, и в Корее известны под разными названиями некоторые местные варианты этой игры, различающиеся по разметке доски и соответственно по числу фишек, но классический вариант, принятый в Японии, использует доску $19 \times 19 = 361$ и два комплекта черных и белых фишек, похожих на круглые плоские гальки. Игроки выкладывают их по очереди, стараясь создать конфигурации, затрудняющие выкладку фишек противника. Упрощенно говоря, смысл игры в го напоминает знакомую едва ли не всем нам с детства игру в «крестики-нолики».

Впрочем, самой массовой игрой рядовых японцев являются не эти игры, а банальные игровые автоматы «патинко», где игрок запускает шарик, и тот, прыгая по случайной сложной траектории со шпенька на шпенёк, либо пропадает в утробе автомата, либо попадает в лузу, и тогда автомат отсыпает в лоток игроку сколько-то выигранных шариков. Каждый вечер по всем крупным городам Японии тысячи человек, не желающих давиться в забитой людьми электричке, предпочитают либо скоротать час пик с приятелями за рюмкой в ближайшем баре, либо в одиночку в салоне патинко. Игра на деньги в патинко запрещена, но если игроку удалось набрать достаточно много шариков, то он может обменять их на коробку конфет, блок сигарет или иной какой-либо не слишком дорогой приз. Впрочем, нередко тут же у дверей салона патинко вертятся некие подозрительные личности, готовые купить такой приз за полцены, чтобы тут же перепродать его за чуть более высокую цену.

Пик популярности игровых автоматов пришелся в Японии на конец XX в., затем их несколько потеснили такие технологические новинки, как разные виды анимэ, тамагочи, покэманы и т. п., но мода быстротечна, и каждая «хорошая» игрушка забывается, чтобы уступить место «еще более хорошей».

Го, сёги, и другие игры с расчерченной доской основаны на чисто рассудочной стратегии, исключаяющей какую-либо роль фактора случайности, везения, азарта, риска. В ряде других, менее распространенных, главным образом детских игр, этот фактор вводится с помощью броска игральной кости — кубика, на гранях которого набором точек обозначены числа от 1 до 6, определяющие следующий ход. Другой путь создания фактора случайности применяется в большинстве карточных игр. Это случайность и непредсказуемость размещения карт в хорошо перемешанной колоде, из которой ведётся раздача карт игрокам и их прикуп. Но есть одна суперазартная и чрезвычайно широко распространенная игра, в которой оба эти способа совмеща-

ются. Это маджонг, игра китайского происхождения, приобретающая к началу XX века общемировую известность. Есть несколько ее локальных вариантов, в том числе вьетнамский и корейский, но глобальное признание получил именно японский вариант, т. н. «риити-мадзян» (англ. «Reach majong»).

Впрочем, основной контент книги Е. Э. Войтишек посвящен не этим, подчас столь ярко драматически окрашенным забавам, а тем, что уже как минимум с позапрошлого века, а то и веками ранее связаны с гораздо более широким кругом дальневосточных культурных традиций, о чем будет сказано ниже.

По своему генезису маджонг (яп. мадзян) это карточная игра, но из соображений удобства и долговечности в ней используются не бумажные карты, а костяшки, несколько похожие по дизайну на кости домино. Первоначально они делались из кости, дерева, бамбука, а в настоящее время в основном из пластмассы. В японском (и международно признанном) мадзяне колода состоит из 144-х карт и восьми джокеров, которые чаще всего не используются. 108 карт принадлежат трем основным мастям (точки, цифры и бамбуки, но в своей книге Е. Э. Войтишек предпочитает называть точки дотами, а цифры — символами), по 36 в каждой масти, остальные 36 образуют несколько групп дополнительных категорий. Игроки сидят за квадратным столом, условно ориентированным по странам света, ведущий занимает восточную сторону, остальные трое соответственно по трем другим сторонам стола. Каждый играет сам за себя, стремясь набрать наиболее выигрышные комбинации, а в конце партии происходит подсчет очков. В целом игра напоминает по правилам покер или преферанс. Исторические предшественники маджонга (мадзяна) были играми с бумажными картами, возникшими в Китае (более всего на юге страны), начиная с конца эпохи Сун (XIII в. или даже ранее). Окончательный облик игры сформировался лишь во второй половине XIX века. По ряду причин маджонг в странах Восточной Азии содействует развитию лудомании, пожалуй, больше, чем другие аналогичные игры. Власть и закон по-разному относились к маджонгу в разных странах и в разное время. Мао Цзе-дун, например, считал его игрой, развивающей аналитическое мышление и ставил его в один ряд с другими высшими достижениями китайской цивилизации. С другой стороны, в кризисные периоды власти многих стран, как с коммунистическими, так и с фашистскими или милитаристскими режимами, в том числе и в Японии, неоднократно накладывали запрет на маджонг, как, впрочем, и на многие другие игры. Излишне говорить, что все эти запреты в конечном счете никакого эффекта не имели и только подогревали интерес играющей публики.

Трагические ситуации и зигзаги судьбы, связанные с азартными играми и крупными проигрышами, занимают немалое место в литературе стран Востока, как и в русской классической литературе. Однако, хотя в японской культуре (или, если угодно, антикультуре) суицидальные темы занимают исключительно важное место, все же неудачи в игре отходят, как их факторы, на задний план по сравнению с оскорбленной честью, провалом на экзаменах и т. д., тогда как в Китае дело обстоит скорее наоборот. Впрочем, эти социальные аспекты игровой культуры для дискурса Е. Э. Войтишек почти не имеют существенного значения, зато история рассматриваемого сюжета, как правило, освещается очень подробно. При этом текст Е. Э. Войтишек настолько насыщен важной информацией, что некоторые его отрывки в дальнейшем будет необходимо привести дословно.

Определенное внимание автор уделяет истории игральных карт на Западе. Скорее всего, игральные карты там сложились из гадательно-магических карт Таро (малого аркана), имеющих, по-видимому, весьма давнее древнеегипетское происхождение, где они рисовались на папирусе. Параллельно с этим в Китае уже с VII века можно говорить о разных играх и развлечениях, основанных на бумажках и дощечках с разнообразными рисунками и надписями. Практически все они вскорости проникали либо через Корею, либо напрямую в Японию, становясь, пусть иногда и ненадолго, модными в придворно-аристократических кругах, хотя за их пределы обычно почти не выходили. Такая ситуация продолжалась вплоть до первой половины XVI в., когда до Японии добрались португальцы. Это произошло уже через пару десятков лет после их закрепления в прибрежных районах Индии. Португальские, и отчасти испанские моряки и католические монахи-миссионеры были встречены с большим недоверием верховными властями Сёгуната, но нашли весьма радушный прием в княжествах Юга Японии. Владетели этих княжеств имели свои сепаратистские и междуособно-военные планы и намерения, в которых пришельцы со своим огнестрельным оружием могли бы оказаться существенной поддержкой.

Впоследствии все иностранцы (за исключением протестантов-голландцев) были изгнаны из Японии, а их сторонники и адепты из числа японцев были либо истреблены, либо ушли в глубокое подполье. Однако эти события имели своим результатом множество заимствований в языке и в материальной культуре, настолько глубоко усвоенных, что уже стали самими японцами рассматриваться как неотъемлемая часть японского культурного достояния. Сюда относятся и карточные игры, именно того типа, который был тогда распространен в Испании и Португалии. По аналогии с ними в XVII–XVIII вв. было создано и продолжает и ныне создаваться много разнообразных интеллектуальных карточных игр, которым и посвящена третья глава рассматриваемой книги. Эта глава занимает в книге Е. Э. Войтишек центральное место и из 210 страниц основного текста (без приложений) охватывает 98 страниц, т. е. почти половину.

Е. Э. Войтишек пишет в своем труде: «При наличии в японском языке нескольких заимствованных слов, которые в языке-оригинале имеют значение «игральная карта», их употребление различно. Так, слово *ка:до* (от англ. Card) используется для обозначения европейских карточных игр и как понятие «открытка», «кредитка»; *карутэ* (от нем. Karte) обозначает медицинскую карту; *карүто* (от франц. Carte) обозначает меню в ресторане. При этом только португальское слово *Carta* (яп. карута) используется для обозначения карточных игр. К этому следует добавить, что в этом случае речь идет только о традиционных национальных играх типа карт с пословицами (*ироха-карута*), поэтических карт (*ута-карута*) и др. Кроме того, надо ещё упомянуть термин *фуда* («карточка», «бирка»), который используется в названиях карт в странах иероглифической дальневосточной культуры. В качестве примера можно привести цветочные карты (яп. хана-фуда, кор. хватху). Во всех остальных случаях, когда оригинальные для восточной культуры идеи оформляются с учетом дизайна четырех мастей европейских карт *trump*, в названии присутствует элемент *торампу*.

Сама идея карт, основанных как на традиционной линии развития, так и на линии развития с элементами заимствования, оказалась чрезвычайно плодотворной и привлекательной для восточного национального духа. В настоящее время в Японии и в Китае найдены новые интересные формы обучающе-познавательного про-

цесса с использованием разнообразных карт, имеющих отношение к литературе, истории, культуре, науке и искусству. Умение играть в интеллектуальные карточные игры зачастую подразумевает владение культурно-историческим контекстом и знание большого количества обычаев, касающихся материальной и духовной жизни китайского и японского народов и складывающихся на протяжении многих столетий» (Войтишек 2009: 68).

После этого краткого, но чрезвычайно важного для понимания центральной концепции рассматриваемой книги введения, ее автор переходит к основному тексту 3-й главы, который состоит из 5 параграфов. Параграфы эти суть: 1. Книгопечатание и литературные карточные игры, 2. Японские поэтические карты *ута-карута*, 3. Японские карты с пословицами *ироха-карута*, 4. Японские цветочные карты *хана-фуда* и их корейский вариант *хватху*, 5. Развитие карт в восточноазиатском регионе в XX–XXI вв.: тенденции, проблемы, перспективы.

В этих параграфах говорится не только об истории и специфике указанных игр, о способах и правилах их проведения, но и о тех достаточно обширных сферах культуры, к которым они имеют отношение. Так, в разделе об *ута-карута* довольно подробно охарактеризована история и специфика японского стихосложения, а говоря об *ироха-карута*, автор не только сообщает массу сведений о японском силлабарии вообще, о сочинении «*Ироха-ута*» и его аналогах, о японской паремии и афористике, но и приводит немало конкретных пословиц и поговорок в их иероглифическом написании, и очень удачно найденные русские соответствия им. В итоге получается целый развернутый синопсис японской игровой, поэтической и паремической культуры.

Четвертая глава книги, значительно уступающая по размерам третьей главе, в основном заполнена историческим обзором развития таких форм праздничного поведения, как «застольные приказы», имеющие своей целью разнообразить процесс распивания крепких напитков во время пирушек, или же часто сопровождавшие не только такие пирушки, но и гораздо более рафинированные «*тя-но-ю*» (церемонии чаепития), состязания в отгадывании различных сортов чая, благовоний, компонентов возжигавшихся в ходе них ароматических свечей и тому подобных материалов, и вообще сходные состязательные упражнения. Несомненно, эти состязания также являются формой проведения досуга, однако в них отсутствует элемент азарта и риска, не говоря о какой-либо стратегии. По существу они близки обычным викторинам, хорошо знакомым российской смотрящей телевизор публике. Но в отличие от викторин они не могут быть осуществлены в одиночку, а требуют хотя бы небольшого коллектива. Кроме того, чаще всего эти забавы выступают не сами по себе, а как один из компонентов обширного комплекса застольных обычаев. Как правило, они требуют от участников тонкого развития вкуса и обоняния, а также неплохого знания разнообразных экзотических растительных ароматических веществ, помимо многогранных качеств вездесущего чая. Хотя этими способностями обладает далеко не каждый человек, и их реализация нередко требует довольно больших денежных затрат, тем не менее в отдельные периоды истории немалая часть японцев, преимущественно из самурайских и монашеских кругов, а также из подражавшей им буржуазии увлекалась таким своеобразным времяпрепровождением. В современной Японии оно иногда практикуется, но в целом не имеет широкого распространения. Кроме того, как уже было сказано, всё это должно рассматриваться не как самостоя-

тельные формы досуга, а скорее, как элемент, позволяющий как-то расцветить и разнообразить застолье. А это, как говорится, уже совсем другая история.

Понятно, что в «ироха-карута» или в «ута-карута» играют не ради выигрыша и уж конечно не на деньги, тем более что и выигрыш, и победителя в прямом смысле слова тут иногда даже трудно определить, а исключительно ради удовольствия, получаемого в процессе игры, от возможности блеснуть своей эрудицией или сообразительностью. В маджонг, напротив, играют исключительно на деньги, играть в маджонг просто ради удовольствия, пожалуй, показалось бы нелепо. В России, правда, среди молодых людей с нулевым финансовым и не очень высоким интеллектуальным статусом некоторое распространение имеет еще одна опция, а именно, игра на шелбаны, то есть шелчки по лбу, но в Японии мне её обнаружить не удалось.

В любом случае, в играх ради выигрыша большую роль наряду со стратегическим расчетом играет и просто везение, или, иначе говоря, счастье. Но счастье понимается не только как приумножение личного богатства; иные, довольствуясь очень скромным достатком, видят счастье в детях, их здоровье, их правильном моральном и физическом развитии. Многие видят счастье в успехах по службе или в творчестве. Для артиста главное счастье нередко состоит в масштабе собственной популярности, в том, что мы с недавних пор привыкли называть медийностью и в тому подобных вещах.

В Японии существует разнообразный и многоликий культ счастья, хотя, пожалуй, наибольшим удельным весом в этом сложном феномене, всё-таки, обладает именно материальный и непосредственно денежный успех. Недаром наибольшим распространением в изобразительном искусстве в качестве олицетворения счастья пользуется фигура весьма упитанного улыбающегося человечка с большим мешком за плечами или у ног. У персонажей китайского происхождения это просто мешок, а у исконно японских персонажей это соломенный тюк стандартных размеров, формы и объёма, т. н. коку, служивший в старой Японии вместительным для определенного количества зернового риса (180 литров). Именно в количестве коку риса измерялся до начала вестернизации Японии весь бюджет государства, все цены на недвижимость, налоги, долги, пенсии и прочие значительные выплаты.

Счастью («фуку») в его разнообразных проявлениях, его культу, символике, путям его достижения посвящена книга Анастасии Рюриковны Садовой (Садовой 2020). Особенностью ее по сравнению с другими монографиями, рассматриваемыми в данном обзоре, является иллюстративное богатство. Иллюстрации здесь имеются почти на каждой странице, что делает эту книгу востребованной не только в познавательном, но и в чисто художественном плане. Эти красочные иллюстрации являются либо фотографиями, снятыми самим автором во время её длительной полевой работы во множестве городов и сел Японии, либо взяты из разнообразных японских интернет-ресурсов, что обязательно указывается в пояснительных подписях под иллюстрациями.

Книга А. Р. Садовой состоит из трех почти равновеликих глав, примерно по сто страниц в каждой. Она называется «Символика счастья в японской народной культуре и фольклоре», что, на мой взгляд, не вполне точно, хотя бы потому, что фольклор и есть народная культура, если и не вся в целом, то по крайней мере одна из важнейших её составных частей. Поэтому правильнее было бы говорить об образах добра

и счастья в японских поверьях, сказаниях и быту, что точно соответствует содержанию этих трех глав. Но это не столь уж важно. Важно то, что в своей совокупности контент этих глав позволяет достаточно полно обрисовать многогранное содержание понятия фуку, которое не вполне укладывается в семантику «счастья» в основных европейских языках и ближе стоит к русскому «благодать» или «баракат» в языках Ближнего Востока.

В Японии трудно провести чёткую грань между «высокой» религией и народными культами. Точно также не всегда можно разграничить исполнение религиозного обряда и форму развлечения или проведения досуга, и это относится не только к Японии. В экскурсионном автобусе, совершающем объезд ряда известных храмов, могут быть и полные благоговения паломники, и вполне не религиозные люди, удовлетворяющие свой туристический интерес. Книжки, о которых пойдет речь ниже, повествуют о божествах, мифах, обрядах, но одновременно в полной мере относятся и к культуре досуга.

В католичестве, православии, исламе большое место занимают понятия катарсиса, покаяния молитвенного рвения, которым сложно найти аналоги в синтоистской и буддийской культовой практике. Социологические опросы показывают, что более 70% японцев являются стихийными материалистами, т. е. не верят в существование каких-либо потусторонних сил. В то же время около 65% считают, что религия выполняет полезные функции в обществе, и более 90% родителей, независимо от конфессиональной принадлежности, неукоснительно выполняют обряды сити-го-сан и сэцубун.

Обряд сити-го-сан, что означает семь-пять-три, проводится с девочками, которым в текущем году исполнилось три года или семь лет, и с мальчиками, которым исполнилось пять лет. Можно сказать, что это своеобразный общий день рождения, но более важный, чем другие возрастные вехи. Первоначально он отмечался 15 ноября, но сейчас, когда большинство пап и даже некоторая часть мам работают по найму, его могут отмечать в любой свободный день, но чаще в воскресенье второй половины ноября. Маленьких героев торжества одевают в особые, чаще всего взятые напрокат очень нарядные, а главное, в совершенно взрослые костюмы и ведут в какой-нибудь ближайший синтоистский храм, где проводится соответствующая молитвенная служба об их здоровье, благополучии и счастливом будущем. Затем покупаются подарки, игрушки и специально изготовленные к этому празднику сладости, и далее чествуют детей дома, хотя в самое последнее время начинает распространяться практика устройства торжественного застолья в ресторане.

Существенно сложнее обряд сэцубун, который отмечается 3–4 февраля и связан с новогодними торжествами как их непосредственное продолжение. Этот обряд проводят как на дому, так и в различных крупных храмах, а иногда даже в некоторых рабочих помещениях, например, в торговых залах крупных магазинов и т. д. По случаю сэцубуна организуется целый ряд карнавальных мероприятий — разжигание костров, шуточные бесчинства устрашающе одетых ряженых, песенные выступления гейш и много чего другого. Но главное мероприятие этого праздника состоит в разбрасывании по разным углам жилого или храмового помещения поджаренных соевых бобов, которыми предположительно пугают прячущихся по углам бесов и прочих злокозненных тварей. При этом приговаривают «они ва сото, фуку ва ути», то есть «бесы вон, счастье в дом». Потом бобы собирают и съедают, причем каждый

человек должен съесть столько бобов, сколько ему в этом году исполняется лет. Дети обожают эти праздники, ждут их, готовятся к ним и пренебречь ими значило бы примерно то же, что для российского ребенка лишиться новогодней ёлки или для европейского ребенка остаться без празднования рождества.

Указанные обряды и обычаи реализуются на дому и в синтоистских храмах, посвященных самым разным божествам, с различными основными функциями. Но есть божества, занятые прежде всего распределением «фуку». Некоторым из них не строят или нечасто строят специальные храмы, но воздвигают во множестве их небольшие, а порой и очень большие, статуи и символы под открытым небом, чаще всего на перекрестках, а также у въездов на мосты, в ограде больших храмов, внутри торговых помещений и в самых неожиданных местах. Наибольшее внимание из них А. Р. Садокова уделяет Дзидзо, божеству индо-буддийского происхождения, (санскр. Кшитигарбха), которое в Японии приобрело новые, многочисленные и изначально, в Индии, совершенно ему не свойственные функции. Сходную метаморфозу претерпели в Японии и некоторые другие иноземные, индийские и китайские небожители. Из их массы в рассматриваемой здесь книге вполне ожидаемо немало места уделено группе из семи персонажей, один из которых, едва ли не самый значимый, женский. Это богиня Бэнтэн, чей образ восходит к индийской богине Сарасвати.

Благодаря своей употребляемости в искусстве мелкой пластики все они довольно широко известны за пределами Японии. Это Семь богов счастья, Ситифукудзин. Изображения этих богов, имеющих весьма разное происхождение, в виде статуэток, безделушек, брелоков, рисунков на вывесках, этикетках, открытках, на веерах, на ширмах, на обивочной ткани, и т. д. можно найти в Японии на каждом шагу, а имена их красуются в качестве брендов на самых разных товарах, например, на остро-солёных пикуньях из имбиря и корневищ лотоса, «фукудзин-дзук». Паломничествам к их особо известным храмам и изображениям, связанным с ними мифам, историям, поверьям и обычаям посвящена большая часть 1-й главы. Далее в ней частично говорится о некоторых амбивалентных и даже парадоксальных культах, вроде культа Бога бедности (Бимбо-гами), как своего рода антитезы культу богатства. Но более всего остальная часть этой, безусловно, самой важной главы книги отдана рассказу о боге риса — Инари и его неразлучной спутнице лисе.

Сегодняшняя Япония живет далеко не только лишь рисом единым. 70–80% основных видов сельхозпродукции — пшеницы, гречки, соевых бобов, мяса, сахара и пр. — завозится из-за рубежа. Но и сегодня правительство уделяет самое первостепенное внимание задаче самообеспечения страны рисом, видя в нем основу продовольственной безопасности. А еще лет полтора тому назад в рисоводстве и только в нем японцы видели основу основ всех сторон своего национально-бытия. Поэтому понятно, почему из примерно двухсот тысяч синтоистских храмов более тридцати тысяч, т. е. 15% посвящено богу риса Инари.

Эти храмы легко узнать по ярко-красным воротам тории очень простого дизайна, причем иногда путь к храму ведет через целую анфиладу таких ворот, и по неизменным каменным статуям лис. Помимо главной функции обеспечения обильного урожая, тем или иным храмам приписывается еще много других свойств, разнообразие которых неисчислимо, но все они находят свое объяснение в местных легендах и преданиях.

Бог Инари — личность однозначно и сугубо положительная, чего нельзя сказать о его помощницах лисах. Помимо охраны урожая и истребления грызунов-

вредителей, они способны оборачиваться красивыми женщинами и в этом облике морочить голову людям, разыгрывая с ними всевозможные проделки, не приносящие, впрочем, серьезного вреда. А иногда, вступая с ними в любовную связь, они могут поступать и как примерные жены и любящие матери.

Вторая глава этой книги о счастье отдана магическим предметам — амулетам и талисманам. Обращения к богам и духам предполагают взаимоотношения личностей: человек просит бога дать ему счастье, а бог, как другая, более сильная личность, решает, стоит ли дать, или следует отказать. Талисман же ничего не решает, он служит всего лишь орудием исполнения желаний, более или менее действенным в зависимости от того, умело его используют или нет.

В Японии талисманы и амулеты можно видеть на каждом шагу. Амулеты называются «о-мамори», что значит просто защита, и их можно сравнить с русскими оберегами. Они должны защищать от злых духов и всякой нечисти, которой так много вокруг, что никаких бобов эсцубуна для неё не хватает. Другое дело талисманы: у японцев это понятие более широкое и обозначается словом «энгимоно», т. е. предмет судьбы. Разные энгимоно, которые носят на себе, зашивают в платье, вешают на специальные стойки в храме, написав на них послания богам, или ставят где-нибудь поближе ко входу в жилище или в лавку, должны, как магнитом, притягивать к себе деньги, здоровье, посетителей, покупателей и вообще все, что желательно привлечь.

Энгимоно получили широкое распространение главным образом в XVII–XVIII вв. и первоначально они были связаны с возросшей ролью храмов, как синтоистских, так и буддийских, в повседневной жизни, прежде всего, горожан. Крестьянам по-прежнему важно было лишь одно: чтобы побольше уродилось риса. С этим должны были справиться разные Инари вкуче со своими лисами. А торговцу в его лавке, ремесленнику в его мастерской и даже актеру на его подмостках очень хотелось иметь какие-то предметы, которые позволили бы ему сохранять при себе кусочки той благодати, источник которой находился в храме божества, покровителя его профессии. Чтобы это божество задобрить, лучше всего было бы пожертвовать храму что-нибудь ценное. Это могли быть либо посвящаемые божествам животные, главным образом лошади, а если на них средств не хватало, то хотя бы петухи и куры. При некоторых храмах до сих пор имеются стойла для посвященных их богам лошадей, а в главных храмах Японии до сих пор можно видеть разгуливающих по храмовой территории петухов и кур. Правда, этот обычай остался с древности только в немногих храмах, но зато в каждом синтоистском храме есть ворота «тории», а слово это значит «пробывание кур». Первоначально, очевидно, тории служили насестами. Что касается лошадей, то живых лошадей со временем всё чаще стали заменять их скульптурными или рисованными изображениями. Еще чаще храму можно было преподнести массивный бронзовый колокол или большой барабан. В более позднее время храмы стали активно торговать рисованными или изготовленными из простых материалов изображениями таких предметов, с каждым из которых была связана какая-то легенда об их чудотворной силе или о произошедших с ними чудесных событиях. В позднем средневековье сложился целый рынок талисманов, которыми активно торговали практически все крупные храмы, так что после каждого посещения храма прихожане могли унести с собой хотя-бы маленький и соответственно дешевый талисман или амулет — оберег.

Данная глава книги А. Р. Садовой полна увлекательными описаниями разных предметов и историческими рассказами о них, а также пословицами и поговорками, связанными с происхождением и действием различных энгимоно. Много таких легенд и мифов относится к рыбе тай (морскому окуню), одной из самых ценных промысловых рыб Японского моря. Её изображения могут быть и в виде малюсеньких керамических фигурок в 3–4 см величиной и в виде гигантских изображений на деревянном каркасе, обтянутом раскрашенной красной или черной тканью, в 5–6 м высотой и 15–18 м длиной. Такие изображения, подобно уже упоминавшимся о-микоси, носят многие десятки собравшихся вместе молодых мужчин, поскольку весят они тонну и больше. Их проносят по определенному маршруту, выносят на неглубоких участках в море, дают им поплавать на волнах прибоя, затем снова затаскивают на сушу.

Популярна история кошки Тама, которая спасла от гибели видного политического деятеля начала XVII в. Ии Наотака. Место захоронения этой кошки привлекает к себе множество паломников, а ее скульптурные изображения размером от 6–7 см до метра и больше можно найти и в гостинице жилого дома и у входов в гостиницы и магазины. Эта кошка всегда сидит с поднятой лапкой, как сидела кошка Тама, предупреждая Ии Наотака о грозящей ему опасности. Этим жестом она приглашает войти в дом и само счастье, и удачу, и гостей, и постояльцев, и покупателей.

Таких талисманов и связанных с ними рассказов и поговорок великое разнообразие. Но особо следует остановиться на одном их типе, называемом «эма», то есть «нарисованная лошадь». Старинные эма представляли собой довольно большие картины, изображавшие стоящих или скачущих лошадей, но сейчас наряду с ними встречаются эма, на которых при сохранении традиционного названия встречаются цветы, листья и т. д. Многие известные храмы успешно торгуют самыми разными эма, как, впрочем, и обширным ассортиментом других энгимоно. В наши дни эма обычно имеют вид больших почтовых открыток, сделанных из толстой фанеры, и посетители храма, купив эма, пишут на обратной стороне дощечки просьбу к местному божеству и вешают эту дощечку на специальной стойке.

Покаюсь в одном прегрешении: когда у меня в Японии выдавались свободные полчаса, нередко я пользовался ими для того, чтобы зайти в безлюдный храм и почитать то, что написано на висящих на стойках эма. Конечно, нехорошо читать чужие письма, и я старался, чтобы никто не застал меня за этим занятием, но чего не сделаешь в интересах антропологической науки. Эти письма божествам с просьбами прихожан (или, скорее, прихожанок) были разного содержания, но по моим подсчетам более половины из них были написаны женщинами, просившими богов отвести их мужей от повседневного пьянства. Примерно 20% просьб касалось сдачи вступительных или переходных экзаменов, а все прочие просьбы составляли менее оставшихся 20%.

С просьбами и желаниями, сопровождающими преподношение талисмана в форме краткой молитвы, можно оставлять не только энгимоно, но и мелкие приношения в виде игрушек, конфет и даже маленьких пакетиков фруктового сока около изваяний или символов божеств-защитников детей и в других местах, но все же это бывает реже, чем оставление эма, распространенное повсеместно.

Третья глава по своей тематике несколько диссонирует с предыдущими, поскольку целиком отдана описанию различных базаров. Их в Японии очень много, они организуются в регионах, где еженедельно, а где трижды в месяц по фиксированным датам.

Некоторые подобны барахолкам, где можно найти всё, что угодно, но есть и специальные овощные или рыбные. На базарах знакомятся, назначают свидания, обмениваются сплетнями и слухами, а в предпраздничные и особенно предновогодние дни ажиотажно закупают всевозможные параферналии, необходимые для праздника. Именно таким базарам, их истории, принятым на них нормам поведения, обычаям и связанным с ними сторонам ярмарочной досуговой жизни рядовых японцев посвящены заключительные страницы такой яркой и необычной книги А. Р. Садовой.

Такие формы досуга, как тя-но-ю, икэбана, оригами, конечно, принадлежат к светлым и радостным аспектам бытия. За вычетом драматических и даже порой трагических моментов, связанных с крупными проигрышами, сам факт участия в игре говорит об ожидании положительных эмоций. Таким же ожиданием радости проникнуты, разумеется, и все грани символики счастья. Но книга Д. А. Трынкиной «Японская демонология», которой завершается наш обзор, посвящена образам, поверьям и преданиям, вызывающим совсем иные чувства, такие как тревога, страх и даже ужас, или в лучшем случае брезгливость и омерзение. Так можно ли эту книгу ставить в один ряд с разобранными выше и имеет ли она какое-то отношение к культуре досуга? Однако вспомним праздник сэцубун. Его главный смысл — заманить счастье в дом. Но оно не войдет, если предварительно не заставить бесов выйти вон. И бесы в виде ряженых играют в этом празднике одну из ключевых ролей. Подумаем также, насколько беднее был бы досуг наших детей без Бабы-Яги, Бармалея и Карабаса-Барабаса, а нас самих — без фильмов Хичкока и Спилберга.

Во введении к книге автор говорит о том, как трудно в сознании японца провести грань между богами, демонами, душами живших некогда людей и даже душами животных, растений и различных предметов. Она пытается дать по возможности четкие определения таких ключевых понятий, как «они» — черти, «ёкай» — духи, «юрэй» — призраки и пр., хотя в каждом случае найти полный русский эквивалент бывает трудно. Именно «они» являются предметом изгнания в обряде сэцубун, но форм и разновидностей их очень много. Не менее популярными персонажами фантастических рассказов и поверий бывают животные-оборотни, прежде всего лисы и тануки. О лисах читатель уже знает из разбора предыдущей книги, но найдет здесь много нового, особенно касательно их амбивалентности. О тануки же следует сказать особо. Это животное семейства псовых, которое вслед за англоязычными авторами часто путают с барсуком или енотом. Енотов в Японии нет, а барсуки всем хорошо знакомы и называются иначе, а именно анагума, т. е. «норные медведи». Тануки обычны почти везде в лесах Восточной Азии, в том числе и на российском Дальнем Востоке. Но только в Японии это любимый персонаж фольклора. Его чучела и изображения можно встретить повсюду, и чаще всего с большой бутылкой в лапах, ибо он заядлый любитель выпить. Спьяну он вечно попадает впросак и бывает бит или покусан собаками. В общем, это трикстер, но трикстер глуповатый и неvezучий. К волшебным животным-оборотням относятся также кошки, змеи и пауки. Они более однозначно вредоносны, чем лисы и тануки, но характерно, что и им присуща способность платить добром за добро. То есть ключевое понятие японской этики, он-гаэси, возвращение благодеяния, раскрывается и здесь в полной мере.

Остальная часть книги Д. А. Трынкиной посвящена в основном разным ёкай и юрэй, сказания о которых послужили базой для известных литературных и художественных произведений. Подобные персонажи и сюжеты берутся не только

из фольклора прошлого и позапрошлого века, но и прямо из нынешней повседневности — мчащаяся навстречу катастрофе электричка вдруг исчезает, а после находят на путях сбитую лису, красивая девушка снимает медицинскую маску, и вдруг обнажается страшный оскал ведьмы, и так далее. В общем, эта книга — не только синопсис и анализ тем этнологической традиционной демонологии, но и показ тенденций ее дальнейшего развития.

Подводя итоги, можно сказать, что мы видим, как рядом с высокоразвитыми школами отечественного экономического и политического японоведения формируется новое направление — этнолого-антропологическое изучение комплекса японской народной гуманитарной культуры.

Научная литература

- Арутюнов С. А., Рыжакова С. И. Культурная антропология. М.: Издательство «Весь Мир» 2004.
- Арутюнов С. А. Вражда без конца и без края // Иностранная литература. 2009, № 11. С. 251–257.
- Войтишек Е. Э. Карты Ироха. Старинная японская интеллектуальная игра. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН (ИАЭТ), 1999.
- Войтишек Е. Э. Игровые традиции в духовной культуре стран Восточной Азии (Китай, Корея, Япония). Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН (ИАЭТ), 2009.
- Культура 1983 — Культура жизнеобеспечения и этнос. Под ред. С. А. Арутюнова и Э. С. Маркаряна. Ереван: Издательство АН Армянской ССР, 1983.
- Маркарян Э. С. Очерки теории культуры. Ереван: Издательство АН Армянской ССР, 1969.
- Мкртумян Ю. И. Основные компоненты культуры этноса // Методологические проблемы исследования этнической культуры. Ереван: Издательство АН Армянской ССР, 1978.
- Молодякова Э. В., Маркарян С. Б. Праздники в Японии. М.: Наука, 1990.
- Молодякова Э. В., Маркарян С. Б. Мацури: традиционные праздники Японии. М.: Наука; Главная редакция восточной литературы, 2004.
- Садоква А. Р. Символика счастья в японской народной культуре и фольклоре. М.: Издательство восточной литературы, 2020.
- Трынкина Д. А. Японская демонология. М.: Ломоносовъ, 2021.

References

- Arutjunov, S.A., Ryzhakova, S.I. 2004. *Kul'turnaja antropologija* [Cultural Anthropology]. Moskva: Izdatel'stvo "Ves' Mir".
- Arutjunov, S.A. 2009. *Vrazhda bez konca i bez kraja* [Enmity with no end in sight]. *Inostrannaja literatura*. 11: 251–257.
- Arutjunov S. A., Je. S. Markarjan (ed.). 1983. *Kul'tura zhizneobespechenija i jetnos* [Culture of Life Support and Ethnicity]. Erevan: Izdatel'stvo Akademii nauk Armianskoi SSR.
- Markarjan, Je.S. 1969. *Ocherki teorii kul'tury* [Essays on the Theory of Culture]. Erevan: Izdatel'stvo Akademii nauk Armianskoi SSR.
- Mkrtumjan, Je.S. 1978. *Osnovnye komponenty kul'tury jetnosa* [The Basic Components of Ethnic Culture]. In *Metodologicheskie problemy issledovanija jetnicheskoi kul'tury* [Methodological Problems of Researching Ethnic Culture]. Erevan: Izdatel'stvo Akademii nauk Armianskoi SSR.
- Molodjakova, Je.V., Markarjan, S.B. 1990. *Prazdniki v Japonii* [Holidays in Japan]. Moskva: Nauka.
- Molodjakova, Je.V., Markarjan S. B. 2004. *Macuri: tradicionnye prazdniki Japonii* [Matsuri: Japan's traditional holidays]. Moskva: Nauka; Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury

- Sadokova, A.R. 2020. *Simvolika schast'ja v japonskoj narodnoj kul'ture i fol'klore* [Symbolism of happiness in Japanese folk culture and folklore]. Moskva: Izdatel'stvo vostochnoi literatury.
- Trynkina, D.A. 2021. *Japonskaja demonologija* [Japanese Demonology]. Moskva: Lomonosov.
- Vojtishek, E. Je. 1999. *Karty Iroha. Starinnaja japonskaja intellektual'naja igra* [Iroha Cards. An ancient Japanese intellectual game]. Novosibirsk: Izdatel'stvo Instituta arkheologii i etnografii Sibirskogo otdeleniia RAN.
- Vojtishek, E. Je. 2009. *Igrovyje tradicii v duhovnoj kul'ture stran Vostochnoj Azii (Kitaj, Koreja, Japonija)* [Gaming traditions in the spiritual culture of East Asian countries (China, Korea, Japan)]. Novosibirsk: Izdatel'stvo Instituta arkheologii i etnografii Sibirskogo otdeleniia RAN.

УДК 39
DOI: 10.33876/2311-0546/2022-2/310-319
Научная статья

© М. Н. Бахматова

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ АУДИО- И ВИДЕО НАСЛЕДИЯ ИТАЛИИ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

В статье рассказывается об истории основания Центрального института аудио- и видео наследия Италии и об эвристических возможностях хранимых в нем источников. Институт берет свое начало из частной коллекции звукозаписей «Голоса великих», переданной в 1927 г. государству. Так как первые фонды состояли преимущественно из аудиоматериалов на граммофонных пластинках, ему было присвоено название «Государственной дискотеки». Благодаря усилиям первого директора фонды стали пополняться и видеоматериалами. Кроме того, Дискотека стала превращаться из хранилища преимущественно пропагандистских материалов в научное заведение по сбору и хранению аудио- и визуальных источников. Благополучно пережив эпоху фашизма, Институт стал крупнейшим центром, в который стекаются материалы таких знаковых музыкальных фестивалей, как «Сан-Ремо», богатейшие частные коллекции по итальянскому фольклору, хранятся вещественные источники по истории звукозаписывающих устройств, а также обязательные экземпляры аудио- и видео документов, произведенных в Италии. Кроме того, здесь находится единая точка Доступа к Архиву Визуальной истории Государственного архива, где опубликованы интервью с итальянскими жертвами Холокоста, а также к базе данных Фонда Шоа Стивена Спилберга. Фонды Института представляют значительный интерес для историков, этнологов и антропологов.

Ключевые слова: Государственная дискотека, Центральный институт аудио- и видео наследия, аудиозапись, визуальные источники, Холокост, фольклор, дискография, граммофонная запись, итальянская песня, единая точка Доступа.

Ссылка при цитировании: Бахматова М. Н. Центральный институт аудио- и видео наследия Италии: прошлое и настоящее // Вестник антропологии, 2022. № 2. С. 310–319.

Бахматова Марина Николаевна — к. и. н., Ph.D., доцент кафедры этнологии, МГУ имени М. В. Ломоносова (119991, Москва, Ломоносовский просп., 27, корп. 4, Россия). Эл. почта: mbakhmatova@gmail.com ORCID: 0000-0003-0189-3050

UDC 39
DOI: 10.33876/2311-0546/2022-2/310-319
Original Article

© Marina Bakhmatova

THE CENTRAL INSTITUTE FOR SOUND AND AUDIOVISUAL HERITAGE OF ITALY: THE PAST AND PRESENT

The paper is dedicated to the history of the creation of the Central Institute for Sound and Audiovisual Heritage of Italy and the exploration of the heuristic possibilities offered by its storage. The foundation of the Institute stems from the legacy of the private collection of audio recordings “The Words of the Greatest”, donated in 1927 to the Italian State. The first name of the Institute was “State Records”, since the first archive mostly consisted of audio recordings on phonograph records. Thanks to the efforts of its first Director, video recordings were added to the collection. Moreover, the archive began to evolve from a deposit of mainly propaganda recordings to a scientific institution for the collection and conservation of audio and video sources. Having successfully survived the Fascist Era, the Institute became the largest center for the collection of recordings coming from different sources, such as the renowned Sanremo music festival, rich private collections of Italian folklore, artifacts from the history of recording instruments, as well as the mandatory copies of all audio and video documents produced in Italy. In addition, the Institute stores the unique access point to the Archives for Visual History of the state archives, which include interviews with the Italian victims of the Holocaust, as well as the databases of the Steven Spielberg Shoah Foundation. The sources of the Institute can be of considerable interest to historians, ethnologists, and anthropologists.

Keywords: State records, Central Institute for Sound and Audiovisual Heritage of Italy, audio recording, visual sources, Holocaust, folklore, discography, phonograph record, Italian song, unique access point

For citation: Bakhmatova, M. 2022. The Central Institute for Sound and Audiovisual Heritage of Italy: the past and present. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 2: 310–319.

Author Info: Bakhmatova, Marina N. — Ph.D. (Hist.), Associate Professor, Faculty of History, Department of Ethnology, Lomonosov Moscow State University (27 Lomonosovsky Prospect, Bld. 4, Moscow, Russia). E-mail: mbakhmatova@gmail.com ORCID: 0000-0003-0189-3050

Центральный институт аудио- и видео наследия Италии имеет давнюю и богатую историю. Он объединяет под одной крышей источники, появившиеся в XX в. благодаря технологическому прорыву в воспроизведении аудио- и видеoinформации. Сосредоточение в одном месте столь разных по типологии документов позволяет ученым проводить комплексные исследования самых различных аспектов итальянской истории, этнографии и культуры, обогащать данные визуальных источников многоголосием аудиозаписей разных эпох и жанров, вписывать блеклые фотогра-

фические изображения в кипучий контекст реальной жизни, запечатленный кино- и телекамерой. Надо сказать, что начало коллекции было положено документами, не имевшим ничего общего с визуальными источниками: у истоков института стоял видный театральный деятель, соратник Филиппо Томмазо Маринетти, футурист Родольфо Де Анжелис (*Blasi* 2008: 27–32), который в 1924–25 гг. стал записывать на грамофонные пластинки в 78 оборотов голоса ветеранов Первой мировой войны, государственных деятелей, писателей и поэтов, дав этому собранию пластинок громкое название «Слово Великих» (*La parola dei grandi*: 2021). В 1927 г. он продал свою коллекцию Национальной Ассоциации Инвалидов войны, которая взяла на себя миссию по сбору, распространению и хранению аудио материалов культурного и идеологического значения (*La nascita*: 2021). Официальный статус коллекция обрела 19 августа 1928 г., когда по указу короля Виктора Эммануила III она получила несколько экзотическое для современного уха название «Государственной Дискотеки». В королевском декрете особо отмечалась насущная необходимость «в целях патриотической пропаганды» систематизировать и развивать посредством вновь образованного института дело собирания и распространения на территории королевства и в колониях фонографических пластинок с записью голосов итальянских граждан, отличившихся особыми заслугами перед Отечеством» (*Regio Decreto-legge n. 2223*: 10.08.1928). Возможно, данное учреждение так и осталось бы очередным органом фашистской пропаганды, разделив участь многих подобных институтов, бесславно канувших в Лету по окончании Второй мировой войны, если бы не счастливое стечение обстоятельств. В 1932 г. на должность директора Дискотеки был назначен незаурядный человек, композитор, музыковед-этнограф, специалист по сардинскому фольклору Гавино Габриель [*Gavino Gabriel*] (*Pasticci*: 2018; *Uras*: 2007), решительно изменивший вектор развития института. Благодаря его стараниям, в 1934 г. был принят закон № 130/1934 о преобразовании Дискотеки в центр по собиранию музыкального, этно-музыкального, фольклорного и лингвистического наследия Италии с правом налаживать сотрудничество с аналогичными зарубежными центрами. Это позволило преодолеть тесные рамки пропагандистского толка, установленные учредительным декретом 1928 г. Фонды Дискотеки стали пополняться записями песенной и устной традиции на диалектах всех регионов как самой Италии, так ее колоний, что превращало институт в важнейший центр историко-этнографических и музыковедческих исследований. Интересы Гавино Габриеля не ограничивались только аудио источниками, но распространялись и на кинематограф. Примером тому является интереснейший документальный фильм «В селениях сукноделов» [*Nei paesi dell'orbace*], снятый им в 1931 г. в сотрудничестве со студией Чинес-Питгалуга (*Redi*: 2009), и представляющий немалую ценность как источник по визуальной антропологии. Неудивительно, что благодаря стратегическому видению директора, Дискотека стала центром сбора самых передовых для того времени носителей информации, и к аудиоматериалам стали добавляться источники визуального характера: документальные и художественные киноматериалы. Но самое главное заключалось в том, что на первый план вышел интерес не коммерческий или идеологический, а научный. Растущий авторитет и значимость Дискотеки привели к тому, что в 1935 г. она сменила свой статус и перешла под контроль сначала Секретариата по делам печати и пропаганды, а затем и Министерства народной культуры, согласно Королевскому декрету № 467 от 2 февраля 1939 г. (*Regio Decreto Legge n. 467*:

2.02.1939). Это открывало широкие возможности как по систематическому приобретению дискографической продукции, так и по целенаправленному формированию и пополнению новых фондов. В духе своего времени в ст. 12 декрета прописывалась необходимость подвергать все дискографические материалы цензуре: «На запись всех новых оригинальных текстов нужно получить предварительное разрешение» (ст. 12 «Дискографическая цензура»).

Несмотря на то, что в 1936 г., когда Италия была провозглашена империей, Гавино Габриель оставил пост руководителя Дискотеки и перебрался в т. н. «первородную» итальянскую колонию Эритрею (*Del Boca*: 1985), его приемники продолжали дело директора-энтузиаста, превратив институт в важнейший центр по собиранию и хранению аудио- и видео наследия Италии. Фонды стали пополняться и частными пожертвованиями. Так, например, в 1938 г. Дискотека приняла в дар от представителей фирмы «Грамофон», братьев Лорето из Неаполя, богатую и единственную в своем роде коллекцию пластинок и устройств по воспроизведению музыки, что еще более расширило номенклатуру единиц хранения института.

Во время Второй мировой войны Дискотека была эвакуирована на север Италии, а некоторые ее фонды оказались утеряны. Но уже в 1948 г. законодательным декретом № 274 она была реорганизована и переведена в управление отдела информационной службы и авторских прав Президиума Совета министров Италии, к которому в тот период переходили все функции упраздненного фашистского Министерства народной культуры (*Decreto Legislativo n. 274*: 8.04.1948.). Дискотеке было передано здание Палаццо Маттей ди Джове [*Palazzo Mattei di Giove*] в Риме по адресу ул. Микеланджело Каэтани, 32 (*ICBSA*: 2021), являвшегося частью архитектурного комплекса Маттеи начала XVII в., знаменитого, в том числе, и тем, что там проживали в свое время художник Караваджо и великий итальянский поэт Джакомо Леопарди (*Fabrizi*: 2016). Этот дворец стал и свидетелем трагического события периода т. н. «свинцовых лет», когда 9 мая 1978 г. «красные бригады» оставили на улице Каэтани машину с телом Альдо Моро (*Criscuoli*: 1978). Здание до сих пор является местом расположения Дискотеки, которая делит его с Итальянским институтом новой и новейшей истории. Таким образом, Институт аудио- и видео наследия Италии разделил со своей страной все самые темные и славные страницы истории XX века.

В 1999 г. был принят закон № 237, в силу которого в Риме при музее современного искусства был учрежден Центр документации и продвижения современных видов искусства, целью которого является сбор, хранение и популяризация материалов визуальной международной культуры (*Legge n. 237*: 1999). В рамках данной законодательной инициативы при Дискотеке был основан аудиовизуальный Музей, задачей которого стало познакомить широкую публику со всем комплексом аудио- и видео материалов, как на традиционных, так и на высокотехнологичных видах носителей. Одновременно был учрежден и Музей фотографии, призванный собирать и систематизировать все виды фотоматериалов и технологий для ведения фотосъемки. Данные учреждения получали полную научную, административную и финансовую автономию, позволявшую беспрепятственно осуществлять все виды просветительской и научной деятельности, предусмотренной соответствующими статутами. В 2004 г. был принят закон (106/2004) о передаче на хранение в Дискотеку в двухмесячный срок с момента выхода в свет обязательного экземпляра аудио- и видео документов, целиком или частично произведенных в Италии, или же лицензионных продук-

тов, предназначенных к продаже или распространению на внутреннем итальянском рынке (Legge n. 135: 7.08. 2012). Это, безусловно, подняло на новый уровень статус данного учреждения культуры. К тому времени в фондах Дискотеки уже хранилось 300.000 носителей разного рода: изобретенные Эдисоном восковые цилиндры, пластинки, магнитофонные ленты, видеозаписи всех видов, включая цифровые. Исследователи могут познакомиться и с богатой коллекцией всевозможных проигрывателей в их технологическом и историческом развитии: от фонографов и граммофонов до более современных устройств, датируемых концом XIX века — 1950-ми гг. В задачи учреждения входит разработка стандартов и условий хранения и эксплуатации аудио- и видеотехники разных исторических эпох, а также, в сотрудничестве с другими итальянскими и международными институтами, организация и проведение курсов повышения квалификации по соответствующим научно-техническим дисциплинам.

В 2007–08 г. Дискотека была преобразована в Центральный институт аудио- и видео наследия [Istituto Centrale per i Beni Sonori ed Audiovisivi], что еще более расширило его компетенции и правомочия. Однако кризисные годы второго десятилетия XXI в. осложнили работу института. В 2012 г над ним сгустились тучи: в связи с решением правительства Марио Монти о сокращении, по причине сложной финансовой ситуации, расходов на учреждения культуры, его деятельность была приостановлена. За сохранение института развернулась самая настоящая борьба. Виднейшие деятели культуры стали собирать подписи под воззванием не допустить закрытия этого важнейшего центра. На это обращение откликнулось более 5000 человек, среди которых находим имена как выдающихся деятелей международной и итальянской культуры, так и простых граждан (L'agghiacciante soppressione: 2012; Italia senza memoria audiovisiva: 2012). Коллективная петиция возымела действие, и в августе 2012 г. было принято решение о возобновлении работы учреждения. Ее текст с именами подписантов опубликован на официальном сайте Института вместе со словами благодарности со стороны дирекции всем неравнодушным людям, выступившим против столь непопулярного решения правительства (L'elenco dei firmatari: 2012).

В настоящее время Институт является крупнейшим в Европе центром по хранению музыкального и аудиовизуального наследия. В его фонды входят не только песенные и музыкальные источники, но и записи спектаклей, концертов, материалы таких знаковых мероприятий как ежегодный конкурс итальянской песни «Сан Ремо». Материалы музыкальных фондов за XX в. Доступны и русскоязычному пользователю на портале, посвященном итальянской песне (Canzone italiana 1900–2000). С точки зрения визуальной антропологии особую ценность представляют публикация изображений, напечатанных на конвертах виниловых пластинок, представленных в разделе «виртуальный музей» (Museo virtuale). Они запечатлевают образы эпох: лики популярных певцов и исполнителей, моды и эстетические тенденции, каноны женской и мужской красоты, культовые предметы, являвшиеся объектом вожделения представителей разных возрастных групп на протяжении десятилетий итальянской истории. Например, очень показательной является коллекция пластинок с записями песен, связанных с летним отдыхом на море. По иллюстрациям на конвертах можно проследить эволюцию пляжной моды, демонстрирующую постепенное падение целого ряда табу, связанных с тиражированием изображений женского тела

в 1960–70-е гг., когда в Италии происходили радикальные изменения социальных и гендерных парадигм (Catelli). Эти изменения, закрепленные и на законодательном уровне после принятия закона о разводе в 1970 г. (Legge n. 898: 1.12.1970) и нового законодательства о семейно-брачных отношениях 1975 г. (Legge n. 151: 19.05.1975), отразились на всех аспектах социальной и культурной жизни Италии, включая женскую моду и темы песенных текстов (De Angelis: 1955; De Paci: 1963; Rossetti: 1990; Il favoloso archivio: 1986).

Фонды Института пополняются и частными собраниями. Особый интерес для этнологов представляет фонд «На юг», сформированный в 2000 г. из коллекции известного итальянского антрополога Лучано Бласко (Aquilanti: 2008; Verso Sud; Blasco). Он включает в себя более 1800 диапозитивов, 60 часов видеозаписей и 40 часов аудиозаписей народных праздников, традиций, ритуалов, песнопений и религиозных праздников, собранных в 1970–80 гг., которые могут стать важным источником информации для социальных антропологов, занимающихся, по стопам Эрнесто де Мартино, изучением магических практик южных регионов Италии. Отдельный пласт информации составляют votivные изображения «Ex voto» с острова Прочида [Procida] (Ex voto di Procida), — благодарственные живописные картины, изображающие трагическое обстоятельство жизни дарителя, из которых, благодаря «чудесному» заступничеству того или иного святого, ему удалось выбраться живым. Лучано Бласко в течение двух лет тщательно документировал все визуальные источники острова, дающие широчайшее видение быта и повседневной жизни его обитателей. Несомненный интерес для этнологов представляют и еще пока малоизученное собрание устного народного фольклора, описанного по системе Антти Аарне — Стита Томпсона (Андреев: 1929), с которым можно ознакомиться по каталогу, опубликованному на сайте (Catalogo delle tradizioni orali non cantate). Другой жемчужиной Института является фонд под названием «Этнолингвистический музыкальный архив» (AELM), у истоков которого в 1962 г. стояли этномузыковед Диэго Карпителла и лингвист Антонио Пальяро (Agamennone: 2003). Коллекция включает в себя этническую музыкальную и фольклорную традицию: произведения устного народного творчества и народной драматургии, литургические и ритуальные песнопения, дающие представление не только об автохтонных диалектах и их диаспоральных вариантах, но и об анклавах аллоглоссии в самой Италии. Речь идет о 40 тысячах документов, среди которых, например, есть интереснейшее собрание «плача старых дев», записанных сразу после окончания Второй мировой войны в 1947 г. в сантуарии Валлепьетра близ Рима (Il santuario di Vallepiedra). Другим примером является богатейшее собрание записей на итальянских диалектах очень популярной в Италии притчи о блудном сыне, позволяющее проводить компаративные исследования лингвистического и антропологического характера (Blasi: 2008). Неоценимые эвристические возможности для историков и антропологов представляет фонд устных эго-источников, начало которому было положено в 1980-гг. Усилиями сотрудников Института было собрано и записано на аудионосители значительное количество интервью со свидетелями самых разных исторических событий XX в. В качестве респондентов выступали представители всех слоев итальянского общества, — от малограмотных крестьян до выдающихся политических деятелей. Результаты этой кропотливой работы были обобщены в 2009 г. в коллективной монографии «Живые голоса: интервью как источник информации» (Bachiddu: 2010).

В рамках программы по сохранению исторической памяти 21 января 2013 г. Институт подписал договор о сотрудничестве с американским Фондом Шоа (USC–Shoah Foundation Institute), целью которого является предоставление единой в Италии точки полного доступа к базе данных Фонда, который был основан в 1994 г. Стивеном Спилбергом [Steven Spielberg] для сведения воедино интервью с жертвами трагедии Холокоста. База данных фонда в настоящее время включает в себя около 52000 видео-свидетельств на 32 языках от людей, проживающих в 56 странах мира. По материалам этих интервью составлен подробнейший указатель, позволяющий, с помощью 60000 ключевых слов и фраз поминутно найти всю необходимую информацию. Есть в собрании и материалы, касающиеся преследований цыган и других этнических и религиозных групп. Здесь мы найдем, например, свидетельства выживших жертв геноцида народа тутси в Руанде 1994 г., а также рассказы сотрудников гуманитарных миссий, оказывавших им помощь. Договор 2013 г., подписанный при содействии Генеральной Дирекции архивов и библиотек, учреждений культуры и авторских прав, и направленный, как уже говорилось, на создание единой в Италии точки доступа к Архиву визуальной истории, дополняет и существенно расширяет возможности уже действующего сайта Государственного архива, на котором опубликованы интервью с итальянскими жертвами Холокоста «Я расскажу тебе историю: голоса шоа» (Ti racconto la storia).

Рамок одной статьи недостаточно, чтобы описать все сферы деятельности Центрального института аудио- и видео наследия Италии. Одно несомненно: в условиях неустанный растущего массива аудио и визуальных источников работа ему предстоит колоссальная на многие и многие годы вперед. А для этнографов, антропологов, историков, музыковедов и ученых других специальностей фонды Института представляют неисчерпаемый источник богатейшей информации по самым разным отраслям гуманитарного знания¹.

Источники и материалы

Андреев Н. П. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Государственное русское географическое общество, Отделение этнографии, Сказочная комиссия. Ленинград: издание Государственного русского географического общества, 1929. <https://dlib.rsl.ru/viewer/01008563266#?page=1> (дата обращения 20.10.2021).

AELM — Archivio etnico linguistico-musicale. <http://www.icbsa.it/index.php?it/116/aelm-archivio-etnico-linguistico-musicale> (дата обращения: 20.10.2021).

NEA POLIS — Associazione di promozione sociale, culturale NEA POLIS. <http://www.neapolisroma.it/palazzo-mattei-dove-vissero-caravaggio-e-leopardi/> (дата обращения 20.10.2021).

Canzone italiana — Canzone italiana 1900–2000. <http://www.canzoneitaliana.it/> (дата обращения 20.10.2021).

Catalogo delle tradizioni — Catalogo delle tradizioni orali non cantate <http://www.icbsa.it/index.php?it/161/catalogo-delle-tradizioni-orali-non-cantate> (дата обращения 20.10.2021).

¹ Материалы данной статьи были частично представлены 28 февраля 2019 г. в одноименном докладе на Всероссийской конференции с международным участием «Роль источников визуальной информации в информационном обеспечении исторической науки». 28.02.2019 г. Исторический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва).

Decreto Legislativo 1948 — Decreto Legislativo 8 aprile 1948, n. 274. Sistemazione dei servizi stampa, spettacolo e del Commissariato del turismo, nonché dei relativi ruoli organici. (GU Serie Generale n.91 del 17–04–1948) https://www.gazzettaufficiale.it/eli/id/1948/04/17/048U0274/sg;jsessionid=TOI3e0fvoRldGPc4RgTaOw__ntc-as1-guri2b (дата обращения 20.10.2021).

Ex voto di Procida — Ex voto di Procida. ICBSA. http://www.icbsa.it/mostrevirtuali/verso_sud/13_ex-voto/pages/01.html (дата обращения 20.10.2021).

ICBSA — Istituto Centrale per i beni sonori ed audiovisivi. <http://www.icbsa.it/index.php?it/1/home> (дата обращения: 20.10.2021).

Il favoloso archivio — Il favoloso archivio della Discoteca di Stato. Roma: Ed. Il Ventaglio, 1986.

Internet cataloghi — Internet Culturale cataloghi e collezioni digitali delle biblioteche Italiane <http://www.internetculturale.it/it/64/partner/27881/> (дата обращения 20.10.2021)

Italia senza memoria audiovisiva — Italia senza memoria audiovisiva: “No chiusura Discoteca di Stato”. <https://web.archive.org/web/20160916155859/http://www.unita.it/culture/italia-senza-memoria-audiovisiva-br-non-chiudete-la-discoteca-di-stato-1.429068> (дата обращения 20.10.2021).

L’agghiacciante — L’agghiacciante soppressione dell’Istituto per i beni sonori ed audiovisivi. Con il decreto legge del 6 luglio 2012 n.95. <http://www.ilcorrieremusicale.it/lagghiacciante-soppressione-dellistituto-per-i-beni-sonori-ed-audiovisivi/> (дата обращения 20.10.2021).

La nascita — La nascita. ICBSA. <http://www.icbsa.it/index.php?it/95/la-storia> (дата обращения 20.10.2021).

La parola dei grandi — La parola dei grandi di Rodolfo de Angelis. ICBSA. <http://www.icbsa.it/index.php?it/100/la-parola-dei-grandi-di-rodolfo-de-angelis> (дата обращения 20.10.2021).

Legge 12 — Legge 12 luglio 1999, n. 237. Istituzione del Centro per la documentazione e la valorizzazione delle arti contemporanee e di nuovi musei, nonché modifiche alla normativa sui beni culturali ed interventi a favore delle attività culturali. Gazzetta Ufficiale n. 173 del 26.07.1999. <http://www.parlamento.it/parlam/leggi/99237l.htm> (дата обращения 20.10.2021).

Legge 2 — Legge 2 febbraio 1939 n.467. Riordinamento della Discoteca di Stato e istituzione di una particolare censura dei nuovi testi originali da incidere sui dischi. Regio Decreto <http://www.icbsa.it/index.php?it/103/regio-decreto-legge-2-febbraio-1939-n467> (дата обращения 20.10.2021).

Legge 7 — Legge 7 agosto 2012, n. 135. Conversione in legge, con modificazioni, del decreto-legge 6 luglio 2012, n. 95, recante disposizioni urgenti per la revisione della spesa pubblica con invarianza dei servizi ai cittadini. https://www.tuttocamere.it/files/Archivio/2012_135.pdf; (<http://www.icbsa.it/index.php?it/146/deposito-legale>) (дата обращения 20.10.2021).

Legge 1 — Legge 1 dicembre 1970, n. 898 Disciplina dei casi di scioglimento del matrimonio. (GU Serie Generale n.306 del 03–12–1970) <https://www.gazzettaufficiale.it/eli/id/1970/12/03/070U0898/sg> (дата обращения 20.10.2021).

Legge 19 — Legge 19 maggio 1975, n. 151. Riforma del diritto di famiglia. (GU Serie Generale n.135 del 23–05–1975). <https://www.gazzettaufficiale.it/eli/id/1975/05/23/075U0151/sg> (дата обращения 20.10.2021).

L'elenco dei firmatari — L'elenco dei firmatari in favore del mantenimento dell'Istituto. ICBSA. <http://www.icbsa.it/index.php?it/652/firme-dalla-rete> (дата обращения 20.10.2021).

Museo virtuale — Museo virtuale. ICBSA. <http://www.icbsa.it/index.php?it/133/museo-virtuale> (дата обращения 20.10.2021).

Nei paesi dell'orbace — Nei paesi dell'orbace. [https://www.facebook.com/SardegnaArcheologia/videos/nei-paesi-dell-orbace-1931-\(2a/1334075739993242/](https://www.facebook.com/SardegnaArcheologia/videos/nei-paesi-dell-orbace-1931-(2a/1334075739993242/) (дата обращения 20.10.2021).

Palazzo Mattei di Giove — Palazzo Mattei di Giove. <http://www.icbsa.it/index.php?it/92/sede> (дата обращения 20.10.2021).

Regio Decreto — Regio Decreto-legge 10 agosto 1928, n. 2223. <http://www.icbsa.it/index.php?it/98/regio-decreto-legge-10-agosto-1928-n-2223> (дата обращения 20.10.2021).

Santuario di Vallepietra — Santuario di Vallepietra. <https://santuariovallepietra.it/> (дата обращения 20.10.2021).

Ti racconto la storia — Ti racconto la storia: voci della shoah. <http://www.shoah.acs.beniculturali.it/> (дата обращения 20.10.2021).

USC — Shoah Foundation Institute for Visual History and Education. <https://sfi.usc.edu/> (дата обращения 20.10.2021).

Verso Sud. ICBSA — Verso Sud. ICBSA. http://www.icbsa.it/mostrevirtuali/verso_sud/itinerari/verso_sud.html (дата обращения 20.10.2021).

Научная литература

Agamennone M. (a cura di). *L'eredità di Diego Carpitella: etnomusicologia, antropologia e ricerca storica nel Salento e nell'area mediterranea: atti del convegno*. Calatina, 21–23 giugno 2002. Verbamudi. Vol. 52. Lecce, 2003.

Aquilanti F. *Servizi di rete e promozione dei beni audiovisivi // Il suono e l'immagine: tutela, valorizzazione e promozione dei beni audiovisivi* / a cura di M. Pistacchi. Bari Ed. Edipuglia: 2008. P. 9–15.

Bachiddu E. et al. *Vive voci. L'intervista fonte di documentazione* / a cura di M. Pistacchi M. Roma: Donzelli Editore, 2010. https://books.google.ru/books/about/Vive_voci.html?id=PnYFOTHfrvMC&redir_esc=y (дата обращения 20.10.2021)

Blasco L. *Archivio sonoro*. <http://www.archiviosonoro.org/archivio-sonoro/archivio-sonoro-campania/fondo-istituto-centrale-per-la-demoetnoantropologia-campania/luciano-blasco.html> (дата обращения 20.10.2021)

Blasi A. *La gestione della collezione audiovisiva della Discoteca di Stato — Museo Audiovisivo // Il suono e l'immagine: tutela, valorizzazione e promozione dei beni audiovisivi* / a cura di Pistacchi M. Bari: Ed. Edipuglia, 2008. P. 27–32.

Catelli R. (a cura di) *L'iconografia balneare nelle copertine dei 45 giri italiani degli Anni Sessanta*. ICBSA. <http://www.icbsa.it/index.php?it/523/tipi-da-spiaggia> (дата обращения 20.10.2021).

Criscuoli S. *L'assassinio di Moro // L'Unità*. Anno LV. N 110. 10 maggio 1978. https://archivio.unita.news/assets/main/1978/05/10/page_001.pdf (дата обращения 20.10.2021).

De Angelis A. *La Discoteca di Stato // Studi romani*. 1955; 3 (mar.-apr. 1955). N. 2.

De Paci E. (a cura di) *Catalogo delle edizioni e registrazioni della Discoteca di Stato*. Roma. Discoteca di Stato: 1963.

Del Boca A. *Italiani in Africa Orientale: Dall'Unità alla Marcia su Roma*. Bari: Ed. Laterza, 1985.
Pasticci S. (a cura di). *Musica e identità nel Novecento italiano: il caso di Gavino Gabriel*. Lucca: LIM, 2018.

Redi R. *La Cines. Storia di una casa di produzione italiana*. Bologna: Persiani Editore, 2009.

Rossetti R. *La voce della memoria. La Discoteca di Stato, 1928–1989*. Roma: Fratelli Palombi Editore, 1990.

Uras L. (a cura di). *Gavino Gabriel — Giuseppe Prezzolini. Carteggio 1908–1977*. Lucca: LIM, 2007.

References

Agamennone, M. (a cura di). 2003. *L'eredità di Diego Carpitella: etnomusicologia, antropologia e ricerca storica nel Salento e nell'area mediterranea: atti del convegno* [The legacy of Diego Carpitella: ethnomusicology, anthropology and historical research in Salento and the Mediterranean area: Proceedings of the conference]. Calatina, 21–23 giugno 2002. Verbamudi. Vol. 52. Lecce.

Aquilanti, F. 2008. *Servizi di rete e promozione dei beni audiovisivi* [Network Services and promotion of audiovisual goods] In *Il suono e l'immagine: tutela, valorizzazione e promozione dei beni audiovisivi* [Sound And Image: Protection, Enhancement and promotion of audiovisual goods] / a cura di M. Pistacchi. Bari Ed. Edipuglia. P. 9–15.

Bachiddu, E. et al. *Vive voci. L'intervista fonte di documentazione* [There are voices. The interview source of documentation] / a cura di M. Pistacchi M. Roma: Donzelli Editore, 2010. https://books.google.ru/books/about/Vive_voci.html?id=PnYFOTHfrvMC&redir_esc=y (date accessed 20.10.2021).

Blasco, L. *Archivio sonoro* [Sound Archive]. <http://www.archiviosonoro.org/archivio-sonoro/archivio-sonoro-campania/fondo-istituto-centrale-per-la-demoetnoantropologia-campania/luciano-blasco.html> (date accessed 20.10.2021).

Blasi, A. 2008. *La gestione della collezione audiovisiva della Discoteca di Stato — Museo Audiovisivo* [the management of the audiovisual collection of the state Disco — audiovisual Museum] In *Il suono e l'immagine: tutela, valorizzazione e promozione dei beni audiovisivi* [Sound And Image: Protection, Enhancement and promotion of audiovisual assets] / a cura di Pistacchi M. Bari: Ed. Edipuglia. P. 27–32.

Catelli R. (a cura di) *L'iconografia balneare nelle copertine dei 45 giri italiani degli Anni Sessanta*. ICBSA [The bathing iconography in the covers of the 45 Italian tours of the Sixties. ICBSA]. <http://www.icbsa.it/index.php?it/523/tipi-da-spiaggia> (date accessed 20.10.2021).

Criscuoli, S. 1978. *L'assassinio di Moro* [The Assassination of Moro]. *L'Unità*. Anno LV. N 110. 10 maggio 1978. URL: https://archivio.unita.news/assets/main/1978/05/10/page_001.pdf (date accessed 20.10.2021).

De Angelis A. 1955. *La Discoteca di Stato* [The State Disco]. *Studi romani*. 3 (mar. — apr. 1955). N. 2.

De Paci E. (a cura di). 1963. *Catalogo delle edizioni e registrazioni della Discoteca di Stato* [Catalogue of the editions and recordings of the disco di Stato]. Roma. Discoteca di Stato: 1963.

Del Boca, A. 1985. *Italiani in Africa Orientale: Dall'Unità alla Marcia su Roma* [Italians in East Africa: from Unity to the march on Rome]. Bari: Ed. Laterza.

Pasticci, S. (a cura di). 2018. *Musica e identità nel Novecento italiano: il caso di Gavino Gabriel* [Music and identity in the Italian Twentieth Century: the case of Gavino Gabriel]. Lucca: LIM.

Redi, R. 2009. *La Cines. Storia di una casa di produzione italiana* [La Cines. A History of an Italian film production company]. Bologna: Persiani Editore.

Rossetti, R. 1990. *La voce della memoria. La Discoteca di Stato, 1928–1989* [The Voice of memory. The state Disco, 1928–1989]. Roma: Fratelli Palombi Editore.

Uras, L. (a cura di). 2007. *Gavino Gabriel — Giuseppe Prezzolini. Carteggio 1908–1977* [Gavino Gabriel-Giuseppe Prezzolini]. Lucca: LIM, 2007.

УДК 39
DOI: 10.33876/2311-0546/2022-2/320-332
Научная статья

© Н. А. Кутявин

АНАЛИЗ НЕОЯЗЫЧЕСТВА И НАЦИОНАЛИЗМА В АНТРОПОЛОГИИ РЕНЕ ЖИРАРА

Данная статья посвящена рассмотрению теоретического наследия антрополога Рене Жирара. В тексте проанализированы размышления Жирара о таких явлениях как национализм и неоязычество. Рассмотрены его представления о генезисе данных феноменов, а также о месте и роли таких жироардианских концептов, как «миметическое желание», «миметическое насилие» и «обеспокоенность жертвами» в их становлении. Как можно узнать из работ Жирара, он видел истоки национализма как идеологии в распространении обезличенности и ресентимента в современных обществах, поскольку вместе с распространением эгалитаризма в них стало повсеместным «миметическое соперничество». Представления Жирара о неоязычестве можно обнаружить в работе «Я вижу Сатану, падающего, как молния», где он выделяет левое и правое направления в неоязычестве, в зависимости от их отношения к культурному тренду «обеспокоенности жертвами». Также в статье предлагается опыт применения гипотез и концепций Жирара в исследовании русского неоязычества, с примерами из истории и текстов неоязыческих идеологов, таких как В. Н. Емельянов, Г. П. Якутовский и Н. Н. Сперанский.

Ключевые слова: Рене Жирар, миметическая теория, национализм, неоязычество, родноверие

Ссылка при цитировании: Кутявин Н. А. Анализ неоязычества и национализма в антропологии Рене Жирара // Вестник антропологии, 2022. № 2. С. 320–332.

UDC 39
DOI: 10.33876/2311-0546/2022-2/320-332
Original Article

© Nikita Kutyavin

NEOPAGANISM AND NATIONALISM IN THE ANTHROPOLOGY OF RENE GIRARD

This article examines the theoretical legacy of Rene Girard, the French anthropologist. The text analyzes Girard's reflections on such phenomena as nationalism and neopaganism. The author examines his ideas about the genesis of these phenomena

Кутявин Никита Александрович — аспирант Института истории и социологии, Удмуртский государственный университет (426034, Россия, Ижевск, ул. Университетская 1). Эл. почта: nikitakutyavin@yandex.ru ORCID: 0000-0002-4244-2283

and the role of such girardian concepts as «mimetic desire», «mimetic violence» and «concern for victims» in their formation. As we learn from the work of Girard, he saw the origins of nationalism as an ideology in the spread of indiscernibility and resentment in modern societies since, along with the spread of egalitarianism, «mimetic rivalry» became ubiquitous in them. Girard's views on neopaganism can be found in «I See Satan Fall Like Lightning», where he distinguishes left and right wings in neopaganism, depending on their attitude to the cultural trend of «concern for victims». The article also offers an attempt to apply Girard's hypotheses and concepts to the study of Russian neopaganism, with examples from the history and texts of neopagan ideologues such as V. N. Emelyanov, G. P. Yakutovsky and N. N. Speransky.

Keywords: Rene Girard, mimetic theory, nationalism, neopaganism, rodnoverie.

For Citation: Kutyavin, N. A. Neopaganism and Nationalism in the Anthropology of Rene Girard. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 2: 320–332.

Author Info: Kutyavin, Nikita Aleksandrovich — Ph.D. student, Institute of History and Sociology, Udmurt State University (Izhevsk, RF). E-mail: nikitakutyavin@yandex.ru ORCID: 0000-0002-4244-2283

Рене Жирар (1923–2015) — известный франко-американский исследователь, чьи работы затрагивают дисциплинарные поля социокультурной антропологии, литературоведения, истории и философии. Две основные темы, являющиеся ключевыми практически для всех работ данного автора, это подражание (мимесис) и насилие. Он известен как создатель концепции «миметического желания», а также теорий «миметического насилия» и «козла отпущения». Работы Жирара, посвященные проблемам религии и насилия, цитируемые в таких западных пособиях, как «The Blackwell Companion to Religion and Violence» (2011) и «The Oxford Handbook of Religion and Violence» (2013), уже стали классическими для антропологии религии. На русский язык переведены 8 монографий Жирара и ряд его статей, а также работы некоторых его последователей (Дюпюи 2021). Постепенно происходит и отечественная рецепция работ этого автора (Зыгмонт 2016).

Поскольку теоретическое наследие Рене Жирара по большей части доступно на русском языке, и в общих чертах российские ученые-гуманитарии с ним знакомы, становится актуальным анализ тех аспектов его наследия, которые касаются более узких тем, не являвшихся для этого автора ключевыми, но затронутых в его статьях и книгах. В данной статье речь пойдет о проблеме праворадикального русского неоязычества — то есть о современных попытках возрождения древних религиозных верований и практик восточных славян, которые осуществляются новыми религиозными движениями нативистского толка¹. Изучение работ Жирара является актуальным для тех, кто занимается этой проблемой, по двум причинам. Во-первых, в некоторых работах Жирара прямо представлены рассуждения на тему неоязычества. Во-вторых, особый интерес его теории, объясняющие феномен религиозного

¹ Термин «неоязычество» не является конвенциональным для российского и мирового религиоведения. Одни исследователи используют его (Шнирельман 1998), другие — предпочитают говорить о «современном язычестве» (Гайдуков 2016). Последнее характерно и для западных Pagan Studies, где используется термин «contemporary paganism» (Гальцин 2020: 6–7). На эту тему имела место определенная полемика в печати (Шиженский 2010, Смольский 2014, Кутявин 2019, Бесков 2020), которая, однако, так ни к чему и не привела. Оба термина используются по сей день.

насилия, могут вызвать у исследователей радикальных неоязыческих направлений. Далее мы постараемся сформулировать ответ на вопрос, какое объяснение получают феномены национализма и неоязычества в контексте антропологии религии Р. Жирара, а также проиллюстрировать эти объяснения на примерах из истории русского неоязычества (родноверия).

Жирар об истоках национализма: обезличенность и ресентимент

Невозможно в полной мере понять теоретические построения Жирара без обращения к его основополагающему концепту — *миметическому желанию*. В основе этой концепции лежат представления о механизмах *мимесиса присвоения* и *конфликтного мимесиса*. Мимесис присвоения — это заимствование желания у другого. Когда одна обезьяна или один ребенок тянется за каким-то предметом, другие обезьяны или дети тут же обращают внимание на этот предмет. Как утверждает Жирар, это факт, доступный экспериментальной проверке (Жирар 2016: 9–10). При этом животные, как и взрослые люди, способны сдерживать это желание, дабы стремление двух субъектов к обладанию одним объектом не привело к конфликту (взаимному мимесису). По мнению психиатра Г. Лефора, ученика Жирара, «большая часть того, что мы называем вежливостью, состоит в умении стушеваться перед другими, во избежание поводов к миметическому соперничеству» (Жирар 2016: 9–10). Если же два человека, побуждаемые мимесисом присвоения, вступают в соперничество, то возникает конфликтный мимесис, особенностью которого является уход объекта, из-за которого начался конфликт, на второй план (Жирар 2016: 30).

Существует, однако, два вида миметического желания, которые различаются по степени своей деструктивности. Эти два типа формулируются Жираром исходя из соотношения между субъектом и *медиатором*, у которого субъект заимствует желание. В ранних работах Жирар иллюстрировал свою типологию через литературные образы. Менее конфликтный тип — *внешняя медиация*, при которой между субъектом и медиатором есть значимая дистанция — социальная, географическая или онтологическая. Пример внешней медиации — Дон Кихот, подражающий у Сервантеса Амадису Галльскому, идеальному рыцарю из легенд. Противоположность внешней — *внутренняя медиация*, когда возможности субъекта и медиатора примерно равны и они каким-либо образом друг с другом пересекаются. Пример — отношения Жюльена Сореля с другими персонажами романа Стендаля «Красное и черное» (Жирар 2019: 38–39). В этом случае медиатор может стать соперником и живым препятствием субъекта, заимствующего у него желание. Стендаль был уверен, что «чем меньше социальная дистанция, тем большую аффектацию она порождает» (Жирар 2019: 117). Ситуацию максимальной близости соперников Жирар назвал *нулевым различием*.

В Новое время разница между людьми и между социальными классами постепенно размывается, причем, по мнению Жирара — безвозвратно. Французская революция открыла аристократии произвольность ее привилегий. Пытаясь доказать, что эти привилегии на самом деле заслуженные, аристократия вступает в соперничество с классом, оспаривающим ее право на привилегии — буржуазией. В этом контексте возникает, например, расистская историософия Ж. А. де Гобино, пытавшегося обосновать природное превосходство аристократии. Его история является показа-

тельным примером судьбы человека, в складывавшейся ситуации обезличенности: «Отпрыск благородной семьи, отстраненный от власти Французской революцией, граф Артур де Гобино провел детство в атмосфере воспоминаний о былом величии аристократии и ненависти к буржуа, которые окончательно лишили ее влияния после революции 1830 года. Его детские воспоминания, усугубляемые ранней смертью отца, объясняют, почему Гобино был буквально одержим своим происхождением. До самой смерти он трудился над историей своего рода, чтобы доказать, что происходит от норманнского предводителя пиратов, жившего в IX веке» (Нуарьель 2013: 49). Буржуазия стала медиатором для аристократов, и разница между классами начала исчезать с еще большей скоростью. Возникает класс бюрократии, для которого внутренняя медиация становится одной из основных черт. Жирар исследует особенности этого класса с опорой на произведение Ф. М. Достоевского «Двойник»:

«Чтобы понять навязчивые идеи мелких чиновников Достоевского, нужно обратиться к бюрократическому царскому аппарату середины XIX века, к его строгой иерархии, к бесконечному приумножению бесполезных, мало оплачиваемых должностей. Процесс «обезличивания», которому массово подвергалось низшее сословие служащих происходил настолько быстро, эффективно и при этом прикровенно, что он легко сходил за жестокое, но пустое соперничество, порожденное системой. Персонажи, постоянно конфликтующие, борющиеся друг с другом, не могут понять, что их собственная личность находится на пути к исчезновению... Бюрократия — это внешняя сторона структуры, внутренней стороной которой является галлюцинация двойника» (Жирар 2013: 41).

Миметическое соперничество может овладевать не только отдельными людьми, но и целыми нациями: «Народы одержимы друг другом, их отношения с каждым днем становятся все теснее — но зачастую в отрицательном смысле. Подобно тому, как индивидуальная замороженность [миметическим соперничеством] порождает индивидуализм, коллективная порождает «коллективный индивидуализм» — или национализм, шовинизм и тоталитаризм» (Жирар 2019: 246).

Жирар утверждал, что основная функция идеологий — это функция механизма по оправданию насилия. Еще одно его наблюдение заключалось в том, что все современные идеологии построены на отрицании. Революционные идеологии отрицали старый порядок, реакционные идеологии — эгалитаризм. Либерализм противостоял тем, кто посягает на свободы, а социализм — тем, кто, прикрываясь идеей свободы, защищает неравенство. Он иллюстрирует эту идею на примере такого персонажа романа Ф. М. Достоевского «Бесы», как Шатов. Шатов — бывший сторонник революционной идеологии. Поняв, что эта идеология построена на отрицании, он пытается найти позитивную основу мировоззрения в славянофильстве, но оказывается в ловушке «отрицания отрицания»:

«Идея Шатова, как и все мысли «бесноватых» навеяна Ставрогиным. Это значит, что она находится во власти нигилизма, хотя и претендует на его преодоление. Концепция нашего героя не традиция, но идеология традиции. Нигилизм есть источник всех идеологий, поскольку он является истоком любых подпольных разделений и любых противопоставлений. Вот почему все идеи, которые распространяет вокруг себя Ставрогин, крайне противоречивы. Шатов против западничества, против революции, против своих друзей. Славянофильское кредо претендует на абсолютную

позитивность, но, несмотря на внешний вид, «против» предваряет в нем «за» и определяет его» (Жирар 2013: 95–96).

Таким образом, национализм, как и другие политические идеологии, строится на основе соперничества и отрицания. В конечном итоге оказывается не важным, на каком основании, левом или правом, выстраивается идентичность той или иной политической группы: «Идеология сегодня — не более чем контекст для борьбы неистовых, но втайне согласных меж собой противоположностей. Интернациональный национализм и национализм Интернационала перекрывают друг друга и спутываются в безнадежных узлах» (Жирар 2019: 259).

Последний момент, связанный с жирардианским осмыслением феномена национализма, это объяснение динамики войн между национальными государствами. Война, в теории Жирара, предстает в качестве «расширенного поединка», где взаимодействие сторон подчинено принципу реципрокности. Противоборствующие стороны отвечают друг другу ударом на удар так же, как два человека во время поединка. Принцип реципрокности заимствован Жираром у Марселя Мосса, исследовавшего функционирование обмена дарами в первобытных обществах. Дар, как писал Мосс, обязательно должен быть возмещен, иначе возможен конфликт. При этом, на примере культуры маори можно увидеть, что один и тот же термин «уту» означает у них и компенсацию за дар и удовлетворение кровной мести (Мосс 2014: 149). Это значит, что месть, как и обмен дарами, действует по одному и тому же принципу реципрокности — то есть взаимности. Дар следует возместить с помощью дара, а насилие — с помощью ответного насилия.

«Расширенный поединок» развивается по принципу «устремления к крайности», позаимствованному Жираром из работы Карла фон Клаузевица «О войне». Клаузевиц постулировал в своем трактате, что на войне «оба противника до последней крайности напрягают усилия» и предел этих усилий определяется «противодействующими силами». Один противник, таким образом, своими действиями «предписывает закон другому» (Жирар 2019: 20). Суть этого концепта достаточно проста — один противник производит тем больше насильственных действий, чем больше их производит другой.

Жирар об истоках неоязычества: ницшеанство и забота о жертвах

Ключевой тенденцией в развитии западного мира Жирар считал все более возрастающую *обеспокоенность жертвами* или *заботу о жертвах*. Истоки этой заботы о всех нищих, преследуемых, больных и угнетаемых, он возводит к христианской религии¹ (Жирар 2015: 171–172). В христианском и пост-христианском мире наиболее распространенной моральной установкой становится защита жертв угнетения, откуда берут начало все эмансипаторные и эгалитарные идеологии, а также современные политики идентичности. Именно в контексте анализа этой

¹ Вот как об этом же пишет, например, историк раннего христианства Б. Д. Эрман: «Сама мысль, что общество должно служить бедным, слабым, угнетенным, — мысль чисто христианская. Без победы христианства у нас, скорее всего, никогда не было бы ни социальных служб, ни системы здравоохранения. Миллиардам людей могло бы никогда не прийти в голову, что общество обязано заботиться о слабейших своих членах, что необходимо помогать тем, кто в нужде, — словом, те ценности, которые сейчас на Западе именуются «гуманистическими» (Эрман 2019: 19).

социокультурной тенденции Жирар и затрагивает феномен неоязычества. В своей книге «Я вижу Сатану, падающего, как молния» он описывает возникновение неоязычества как следствие двух критических реакций на господство заботы о жертвах в сфере современной морали.

Создателем первой версии неоязычества оказывается Фридрих Ницше, который сознательно пошел против господствующей морали, обвинив христианство в том, что в современном мире жизнь индивида ставится слишком высоко и что современный «псевдо-гуманизм» навязывает «мысль, что никого нельзя приносить в жертву». Ницше выступал против этого, так как считал, что «вид сохраняется только благодаря человеческим жертвам» (Жирар 2015: 183).

Здесь необходимо указать на различия между теориями мифа в ницшеанстве и жирардианстве. В интерпретации Жирара мифы в племенных культурах представляли из себя нарративы, скрывающие истинную природу обрядов жертвоприношения — выведение сообщества из кризисной ситуации с помощью его сплачивания в акте коллективного насилия. Решение социальных проблем осуществляется через жертвоприношение благодаря механизму двойного переноса. Сначала внимание концентрируется на жертве, как на единственной причине злоклучений общины. Затем, после убийства, жертва оказывается ответственной за возврат к спокойствию (Жирар 2016: 31). В этом Жирар видел исток амбивалентности сакрального, о которой писали французские антропологи М. Мосс и А. Юбер. Жертва обряда священна, и поэтому ее убийство — «преступление, нечто вроде святотатства». Тем не менее, если ее не убить, она не станет в полной мере священной («пожертвованной», фр. «sacrifée») (Мосс 2000: 42–45). Жирар считал, что миф постепенно разлагается под действием христианской религии откровения. Ницше, в свою очередь, встал на сторону мифа и против рефлексии, рациональности, его разрушающей: «Познание убивает действие, для действия необходимо покрывало иллюзии...» (Ницше 2011: 80). Целью такого «правого» неоязычества была релятивизация христианства, преодоление его морального доминирования и замена его новой религией. Помимо Ницше, Жирар относит к этому направлению и известного философа Мартина Хайдеггера.

Та же логика, по мнению Жирара, стояла за преступлениями немецких национал-социалистов, осуществивших геноцид евреев — попытку «похоронить современную обеспокоенность жертвами под горой трупов» (Жирар 2015: 184). Хотя исторически национал-социализм потерпел поражение, его ницшеанский пафос позаимствовали многие праворадикальные неоязыческие движения. Опора на авторитет Ницше встречается как в работах русских неоязычников (Иванов 1978), так у французских неоязыческих «Новых правых» (Бенуа 2013: 8–12). Также большую роль в мировоззрении правых неоязычников играет и Хайдеггер (Клири 2017: 116).

Вторая версия неоязычества является политически левой. Это неоязычество, которое рассматривает христианство в качестве религии, распространяющей репрессивные догмы, мешающие людям удовлетворять свои желания и потворствующей социальной несправедливости, притеснению меньшинств. Если правое неоязычество противопоставляет заботе о жертвах, то левое пытается оседлать волну и использовать язык жертв для достижения политического господства (Жирар 2015: 189–190), которое Жирар обозначает как *другой тоталитаризм* (чтобы отличать его от тоталитарных режимов XX в.). Обвинение в травле «козлов отпущения» («scapegoating») становится инструментом политической и социальной борьбы. Отсюда происходит

концепция *травли козлов отпущения второго уровня*, когда организуется травля тех, кто сам был обвинен в угнетении других (Жи́рар 2015: 165). На сегодняшний день эта концепция, сформулированная Жи́раром еще в 1999 г., видится довольно актуальной, поскольку может быть применена к так называемой *культуре виктимности*, возникновение которой в США описали социологи Брэдли Кэмпбелл и Джейсон Мэннинг (Campbell, Manning 2018: 15–16). Культура виктимности пришла на смену культуре достоинства, где каждый человек обладал неотчуждаемой ценностью, которую не способны задеть никакие оскорбления. В рамках культуры виктимности оскорбления воспринимаются как нечто, наносящее такой же урон, как и физическое насилие, поэтому оскорбленный имеет право требовать защиты и возмездия обидчику со стороны государства и общества.

Язык жертв создает новые термины для обозначения таких форм угнетения, которые не носят характер прямого насилия. Например, как пишут Кэмпбелл и Мэннинг, если мужчина объясняет что-то женщине со снисходительным тоном, то это обозначается термином *mansplaining*. По аналогии формулируются и другие подобные термины, например, *whitesplaining* (белый привилегированный американец объясняет афроамериканцу) и *straightsplaining* (гетеросексуал объясняет би- или гомосексуалу) (Campbell, Manning 2018: 87–88). Все эти термины, означающие морально порицаемые с точки зрения культуры виктимности формы оскорбления угнетенных членов общества, при взгляде на них сквозь жирардианскую оптику оказываются типичными примерами травли козлов отпущения второго уровня.

Выделенное Жи́раром левое направление в неоязычестве широко представлено в Европе и США. Как пишет Д. Д. Гальцин, зло часто определяется западными неоязычниками через категории угнетения и подавления женщин, ЛГБТ+, расовых меньшинств и «коренных жителей», а также «уничтожения экосистем» (Гальцин 2020: 225). Язык жертв также начал применяться российскими неоязычниками из Фонда Традиционных Религий, запустивших на сайте tradition.foundation проект «Красная лента» по мониторингу агрессии в свой адрес. Интересно, что на момент написания данной статьи (30.11.2021), «Красная лента» зафиксировала 65 происшествий за 2021 г., из которых больше половины (39) идут под рубрикой «язык вражды».

Жи́рардианская теория и генезис русского родноверия

Теперь мы попытаемся коротко описать процесс зарождения русского неоязычества и проанализировать его, используя наработки Рене Жи́рара. Для начала рассмотрим социальный контекст, в котором происходил этот процесс. По мнению историков М. С. Восленского и Н. А. Митрохина, в СССР склонными к русскому национализму оказались члены партийно-государственного аппарата, представители бюрократии и номенклатуры. По мнению Жи́рара, бюрократия — это среда особенно подверженная миметическому соперничеству, в силу обезличенности ее представителей. Свободное распространение внутренней медиации внутри класса бюрократии могло бы легко привести к конфликту всех против всех. Такую ситуацию Жи́рар обозначал словосочетанием *жертвенный кризис*, выходом из которого является поиск козла отпущения, благодаря которому борьба всех против всех превращается в ситуацию «все против одного» или «большинство против меньшинства». Нетрудно найти аналогию этому процессу в истории коммунистической пар-

тии СССР, внутренняя борьба в которой порождала такие категории исключения, как «левый уклонизм», «правый уклонизм», «троцкизм», «безродный космополитизм» и другие.

Процесс поиска козла отпущения в СССР шел от типично левых образов врага (контрреволюционеры, бывшие представители привилегированных классов Российской Империи и т. д.) к правоконсервативным. Восленский так описывал этот процесс: «С номенклатурной ксенофобией связан и антисемитизм. Сначала он прикрывался лозунгом борьбы с троцкизмом, затем — уже менее завуалированно — с «безродными космополитами», теперь — совсем уже прозрачно — с сионизмом» (Восленский 2016: 422). Если в первом случае враг определяется через принадлежность к сторонникам человека, якобы искажающего коммунистическую идеологию, то в последнем он обретает конкретную этническую принадлежность. Причиной тому послужило изменение структуры советского общества в 1930–1940-е гг., в котором, как подразумевала советская идеология, больше не было антагонистических классов. По мнению В. А. Шнирельмана, в это время «произошла смена парадигм, и классовое видение реальности сменилось этнонациональным» (Шнирельман 2011: 233). Этому, как пишет Митрохин, сопутствовал приход в партию большого количества малообразованных людей, желавших подняться в бюрократической иерархии на волне идеологических «чисток», а также этому способствовали взгляды лично И. В. Сталина на национальный вопрос (Митрохин 2003: 41–43).

Примером такого националистического перерождения советской бюрократии может быть история одного из создателей русского неоязычества, арабиста и референта Н. С. Хрущева Валерия Николаевича Емельянова и его соратников по борьбе с «международным сионизмом». Емельянов написал влиятельную для неоязыческих кругов книгу «Десионизация», а также был одним из первых, кто поднял на щит поддельную «Велесову книгу», рассказывавшую о дохристианской истории славян. Важным свидетельством правоты Восленского и Митрохина, а также свидетельством плодотворности гипотезы Жи́рара, является внимание советской бюрократии к откровенно параноидальным и апофеническим идеям Емельянова.

Показательными здесь являются два примера. В. Н. Емельянов верил, что сионисты стремятся влиять на сознание граждан СССР внедряя повсюду свою символику. В 1977 г., когда планировался выпуск юбилейной монеты в честь шестидесятилетия революции, В. Н. Емельянов тщательно проанализировал ее изображение, опубликованное в газете «Известия». Среди прочего, на монете был изображен атом лития. В скрещении орбит его электронов неоязыческий мыслитель сумел разглядеть шестиконечную звезду. Поскольку он счел это сионистской провокацией, то через секретаря ЦК по идеологии М. В. Зимянина ему удалось сделать так, что перед чеканкой монет атом лития был заменен на атом бериллия (Полюхович 2018). Незадолго до этого, в сентябре 1977 г., он подал в ЦК записку «О проникновении враждебной символики в архитектуру». В этом случае объектом его критики стал архитектор М. В. Посохин, фамилию которого советские борцы с сионизмом переделали в «Пейсохин» (Митрохин 2003: 306). В четырех высотных зданиях, спроектированных Посохиним, он увидел образ Торы, пятикнижия Моисея из Ветхого Завета, хотя одного здания и не хватало до полного счета. Реакция М. В. Зимянина, цитируемая в монографии Г. В. Костырченко, выглядит так, словно В. Н. Емельянов и правда обнаружил заслуживающую внимания угрозу:

«Зав. Отделом науки Трапезникову: надо, видимо, компетентно разобраться с книгой т. Посохина» (*Костырченко* 2019: 542).

Таким образом, исходя из примера В. Н. Емельянова мы можем предположить, что родноверие в целом зарождалось в качестве одного из вариантов русского национализма. Этот тезис, на первый взгляд, противоречит широко представленному в исследовательской литературе мнению о разнообразии направлений в русском неоязычестве¹. Тем не менее, определенный националистический компонент является неотъемлемой частью мировоззрения многих влиятельных неоязыческих идеологов, не относящихся к числу националистических радикалов. Возможной причиной является то, что родноверие — это форма нативизма. Кем бы ни был русский неоязычник, он подспудно исповедует идею, согласно которой у каждого народа есть свойственная ему уникальная духовность. Следовательно, язычество — это религия, сущностной характеристикой которой является ее соответствие психологии конкретной этнической группы. Поскольку этнос понимается родноверами в примордиалистском ключе, то и сущность язычества оказывается неизменной, как неизменна «природа» этноса. Этнос может принять другую религию, например, христианство, но эта религия останется для него чуждой, так как создана другим этносом. Проиллюстрировать подобный взгляд можно с помощью слов одного из патриархов русского неоязычества, Г. П. Якутовского («Всеслава Святозара»), чьи взгляды являются довольно умеренными:

««Новое язычество» или «нативизм» появились в России не случайно и не вдруг. Сотни лет народ русский искал возможность выразить русский дух наиболее полно и искренне. В этой связи именно «ретро-религия», восстановленная и переосмысленная мифология, то есть «возрожденная Традиция» и стала исторически неизбежной...» (*Якутовский* 2008: 11).

Похожий тезис высказывал Н. Н. Сперанский («волхв Велимир»), также относимый к числу наиболее умеренных идеологов родноверия:

«Вместо подлинной этнической традиции, отражающей дух и психику народа, русским людям подсовываются скучные и безсильные² стереотипы поведения и мышления глобалистического общества, а также суррогат неохристианской церкви, которая хотя и называется русской, все же традиционно отстаивает интересы выкормившего ее государства и мирового глобализма, а не русского народа» (*Волхв Велимир* 2012: 50).

Н. Н. Сперанский, был известен своей борьбой с «глобализмом». О побудительных мотивах «Велимира» к неоязыческому творчеству очень многое может сказать одна фраза, произнесенная им, по его собственному признанию, когда он закончил работу над своей первой «языческой» книгой: «П****ц Америке!» (*Сперанский* 2008: 38). Очевидно, что таким образом он поставил свое обращение к славянскому язычеству в контекст геополитического противостояния между США и СССР-Россией. И в этом контексте возрождение древней религии оказывается сведено к ин-

струменту, с помощью которого можно укрепить русский народ и его государство перед лицом внешнеполитических вызовов.

Таким образом, мы имеем ряд свидетельств, говорящих в пользу правого уклона в русском неоязычестве на этапе его становления. Однако, важно заметить, что если мы обратимся к вопросу об отношении русских неоязычников к проблеме заботы о жертвах, то здесь будет иметь место явный водораздел между ранними идеологами. Если В. Н. Емельянов полностью поддерживал репрессивную политику в отношении некоторых социальных групп (например, евреев и христиан), то никаких доказательств наличия подобных фактов в биографиях Г. П. Якутовского и Н. Н. Сперанского нет.

Заключение

Как показал анализ работ Рене Жирара, в его исследованиях достаточно много внимания уделено возникновению политических идеологий в Новое время. Основной причиной их распространения он считает обезличенность европейских обществ, стирание границ между социальными классами и, как результат, широкое распространение внутренней медиации, с вытекающими из нее ресентиментом и нигилизмом. Особенно склонным к политизации оказывается наиболее обезличенный класс — бюрократия. При этом в основе всех идеологий оказывается отрицание и нигилизм, из-за чего они легко становятся оправданием для насилия к избранным «козлам отпущения».

Неоязычеству в его работах посвящено намного меньше внимания, однако, из них можно вывести дихотомию правого и левого неоязычества. Правое неоязычество, в понимании Жирара, было вдохновлено Ницше и стремилось опрокинуть основную тенденцию христианской и пост-христианской культуры — обеспокоенность жертвами. Левое неоязычество, напротив, обвиняет христианство в недостаточной заботе о жертвах и использует язык жертв в политических целях.

Наконец, если мы обращаемся к истории русского неоязычества (родноверия), то мы обнаруживаем, что некоторые наблюдения Жирара оказываются весьма плодотворными. Ключевым местом распространения русского национализма действительно оказалась бюрократия — самый обезличенный класс. Один из основоположников русского неоязычества, В. Н. Емельянов, был представителем советской номенклатуры и пользовался своим положением и связями для распространения своих антисемитских взглядов и преследования «сионистских агентов». При этом даже наиболее умеренные идеологи неоязычества, такие как Г. П. Якутовский и Н. Н. Сперанский разделяли имплицитно националистические взгляды. Тем не менее, на сегодняшний день в российском неоязычестве видны и левые тенденции, выраженные в проекте «Красная лента».

Источники и материалы

- Бенуа 2013 — Бенуа А. Как можно быть язычником. М.: Русская Правда, 2013. 240 с.
 Волхв Велимир 2012 — Волхв Велимир. Родноверие. М.: Самотека, МИД Осознание, 2012. 269 с.
 Иванов — Иванов А. М. Христианская чума. Велесова слобода. <https://velesova-sloboda.info/christ/ivanov-hristianskaya-chuma.html> (дата обращения: 29.07.2020).

¹ Различные классификации родноверческих направлений собраны в начале работы В. А. Шнирельмана «Русское родноверие» (*Шнирельман* 2012: 6).

² Удивительно, но, будучи неоязычником, Н. Н. Сперанский, судя по всему, верил в собственную православным ультраконсерваторам теорию, согласно которой большевики через реформирование орфографии заменили приставку «без-» на «бес-», чтобы русскоговорящие люди постоянно поминали бесов (демонов) в своей речи.

- Клири 2017 — Клири К. Взывая к Богам. Эссе о язычестве в расколдованном мире. М.: Тottenбург, 2017. 270 с.
- Полюхович 2018 — Полюхович Д. Похождения «сионистского» рубля. U-Jew! <https://ujew.com.ua/magazine/u-jew-vyipusk-1-2018/poxozhdeniya-sionistskogo-rublya> (дата обращения: 30.11.2020).
- Сперанский 2008 — Сперанский Н. Н. Воспоминание о началах пути // Северная Традиция. Священный остров Руян: сборник / сост. и общ. ред. Д. А. Гаврилов, С. Э. Ермаков. М.: Издательство Социально-политическая мысль, НИО Северный ветер, 2008. С. 32–39.
- Якутовский 2008 — Якутовский Г. П. Возрождение Традиции: аргументы в пользу современного язычества // Северная Традиция. Священный остров Руян: сборник / сост. и общ. ред. Д. А. Гаврилов, С. Э. Ермаков. М.: Издательство Социально-политическая мысль, НИО Северный ветер, 2008. С. 11–31.
- Научная литература**
- Бесков А. А. О язычестве, неоязычестве и подходах к их изучению (размышления над статьей Н. А. Кутявина «К проблеме парадигмы исследования неоязычества») // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология, 2020. Т. 30, вып. 4. С. 638–648.
- Восленский М. С. Номенклатура. М.: Захаров, 2016. 640 с.
- Гайдуков А. В. Новое язычество. Неоязычество. Родноверие: проблема терминологии // Язычество в современной России: опыт междисциплинарного исследования: монография / под ред. Р. В. Шиженского. Нижний Новгород: Мининский университет, ООО Типография Поволжье, 2016. С. 24–46.
- Гальцин Д. Д. Лики Протея: история современного язычества как религиозной идентичности. СПб.: Издательство РХГА, 2020. 296 с.
- Дюпюи Ж.-П. Знак священного. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 272 с.
- Жирар Р. Вещи, сокрытые от создания мира. М.: Издательство ББИ, 2016. 518 с.
- Жирар Р. Достоевский: от двойственности к единству. М.: Издательство ББИ, 2013. 162 с.
- Жирар Р. Ложь романтизма и правда романа. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 352 с.
- Жирар Р. Я вижу Сатану, падающего, как молния. М.: Издательство ББИ, 2015. 202 с.
- Зыгмонт А. И. Современная прихрамовая среда как сообщество в ситуации жертвенного кризиса // Религиоведческие исследования, 2016. № 1 (13). С. 151–189.
- Костырченко Г. В. Тайная политика: от Брежнева до Горбачева. В 2 ч. Часть I. Власть — Еврейский вопрос — Интеллигенция. М.: Международные отношения, 2019. 592 с.
- Кутявин Н. А. К проблеме парадигмы исследования неоязычества // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология, 2019. Т. 29. Вып. 4. С. 691–697.
- Митрохин Н. А. Русская партия. Движение русских националистов в СССР, 1953–1985 годы. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 624 с.
- Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. М.: КДУ, 2014. 416 с.
- Мосс М. Социальные функции священного. Избранные произведения. СПб.: Евразия, 2000. — 448 с.
- Ницше Ф. Рождение трагедии, или Эллинство и пессимизм. Так говорил Заратустра. Казус Вагнер. Сумерки идолов, или Как философствуют молотом. Антихрист. Эссе Номо. М.: АСТ: Астрель, 2011. 691 с.
- Нуарель Ж. У истоков расового вопроса. Расистские доктрины и социальное господство // Расизм, ксенофобия, дискриминация. Какими мы их увидели...: сб. статей / сост. и отв. ред. Е. Деминцева. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 43–74.
- Смульский Е. В. К развитию вопроса о понятии «неоязычество» // COLLOQUIUM НЕРТАПЛОМЕРES: Научный альманах. Выпуск I: Язычество в XX–XXI веках: россий-

- ский и европейский контекст. / Сост. А. А. Бесков, Р.В Шиженский. Нижний Новгород: НГПУ им. К. Минина, 2014. С. 24–33.
- Шиженский Р. В. Язычество и неоязычество XX–XXI вв. (К вопросу о терминологии славянских вариаций «indigenous religions») // Indigenous Religions. «Русь Языческая»: Этническая религиозность в России и Украине XX–XXI вв. / под ред. Р. В. Шиженского. Н. Новгород: НГПУ, 2010. С. 6–17.
- Шнирельман В. А. Неоязычество и национализм (восточноевропейский ареал) // Исследования по прикладной и неотложной этнологии Института этнологии и антропологии РАН, 1998. № 114. С. 3–25.
- Шнирельман В. А. «Порог толерантности»: Идеология и практика нового расизма. Том I. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 552 с.
- Шнирельман В. А. Русское родноверие: неоязычество и национализм в современной России. М.: Изд-во ББИ, 2012. 302 с.
- Эрман Б. Д. Триумф христианства. Как запрещенная религия перевернула мир. М.: Эксмо, 2019. 384 с.
- Campbell B., Manning J. The Rise of Victimhood Culture: Microaggressions, Safe Spaces, and the New Culture Wars. Palgrave Macmillan. 2018. 278 p.

References

- Beskov, A.A. 2020. O iazychestve, neoiazychestve i podkhodakh k ikh izucheniiu (razmyshleniia nad stat'ei N. A. Kutiavina "K probleme paradigmy issledovaniia neoiazychestva") [About research approaches in the study of paganism and Neopaganism (reflections on N. A. Kutyavin's article "To the problem of the paradigm of studying neo-paganism")]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Istorii i filologii*. 30 (4): 638–648.
- Campbell, B., Manning, J. 2018. *The Rise of Victimhood Culture: Microaggressions, Safe Spaces, and the New Culture Wars*. Palgrave Macmillan. 278 p.
- Dupuis, J.-P. 2021. *Znak sviashchennogo* [The Mark of the Sacred]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 272 p.
- Ehrman, B.D. 2019. *Triumf khristianstva. Kak zapreshchennaia religii perevernula mir* [The Triumph of Christianity: How a Forbidden Religion Swept the World]. Moscow: Eksmo. 384 p.
- Gaidukov, A.V. 2016. *Novoe iazychestvo. Neoiazychestvo. Rodnoverie: problema terminologii* [New paganism. Neo-paganism. Rodnoverie: the problem of terms]. In *Iazychestvo v sovremennoi Rossii: opyt mezhdistiplinarnogo issledovaniia: monografiia*. Edited by R. V. Shizhensky. P. 24–46. Nizhnii Novgorod: Mininskii universitet, ООО Tipografiia Povolzh'e.
- Gal'tsin, D.D. 2020. *Liki Proteia: istoriia sovremennogo iazychestva kak religioznoi identichnosti* [The Faces of Proteus: A History of Contemporary Paganism as a Religious Identity]. St. Petersburg: Izdatel'stvo RKhGA. 296 p.
- Girard, R. 2013. *Dostoevskii: ot dvoistvennosti k edinstvu* [Resurrection from the Underground: Feodor Dostoevsky]. Moscow: Izdatel'stvo BBI. 162 p.
- Girard, R. 2015. *Ia vizhu Satanu, padaiushchego, kak molniia* [I See Satan Fall Like Lightning]. Moscow: Izdatel'stvo BBI, 202 p.
- Girard, R. 2019. *Lozh' romantizma i pravda romana* [Deceit, Desire, and the Novel]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 352 p.
- Girard, R. 2016. *Veshchi, sokrytye ot sozdaniia mira* [Things hidden since the foundation of the world]. Moscow: Izdatel'stvo BBI. 518 p.
- Kostyrchenko, G.V. 2019. *Tainaia politika: ot Brezhneva do Gorbacheva. V 2 ch. Chast' I. Vlast' — Evreiskii vopros* [Secret policy: from Brezhnev to Gorbachev. In 2 volumes. Vol 1. Government and jewish problem] *Intelligentsiia*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia. 592 p.

- Kutiavin, N.A. 2019. K probleme paradigmy issledovaniia neoiazychestva [To the problem of the paradigm of studying neo-paganism]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Istorii i filologiya*. 29 (4): 691–697.
- Mauss, M. 2014. *Obshchestva. Obmen. Lichnost'. Trudy po sotsial'noi antropologii* [Society. Exchange. Personality. Works on social anthropology.]. Moscow: KDU. 416 p.
- Mauss, M. 2000. *Sotsial'nye funktsii sviashchennogo. Izbrannye proizvedeniia* [Social functions of the sacred. Selected works]. St. Petersburg: Evraziia. 448 p.
- Mitrokhin, N.A. 2003. *Russkaia partiia. Dvizhenie russkikh natsionalistov v SSSR, 1953–1985 gody* [Russian party: Russian nationalist's movement in USSR in 1953–1985]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 624 p.
- Nietzsche, F. 2011. *Rozhdenie tragedii, ili Ellinstvo i pessimizm. Tak govoril Zaratustra. Kazus Vagner. Sumerki idolov, ili Kak filosofstvuiut molotom. Antikhris. Ecce Homo* [Birth of Tragedy, or Hellenism and Pessimism. Thus spoke Zarathustra. Casus Wagner. Twilight of idols, or How to philosophize with a hammer. Antichrist. Ecce Homo.]. Moscow: AST: Astrel'. 691 p.
- Nuariel, J. 2013. U istokov rasovogo voprosa. Rasistskie doktriny i sotsial'noe gospodstvo [At the origin of the racial issue. Racist doctrines and social domination]. In *Rasizm, ksenofobiia, diskriminatsiia. Kakimi my ikh uvideli...* Edited by E. Demintseva. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. P. 43–74.
- Smulskij, E.V. 2014. K razvitiu voprosa o poniatii “neoiazychestvo” [Towards the development of the question of the concept of “neo-paganism”]. *COLLOQUIUM HEPTAPLOMERES: Nauchnyi al'manakh. Vypusk I: Iazychestvo v XX–XXI vekakh: rossiiskii i evropeiskii kontekst*. Edited by A. A. Beskov, R. V. Shizhenskii. Nizhnii Novgorod: NGPU imeni K. Minina, P. 24–33.
- Shizhenskij, R.V. 2010. Iazychestvo i neoiazychestvo XX–XXI vv. (K voprosu o terminologii slavianskikh variatsii «indigenous religions») [Paganism and neo-paganism of the XX–XXI centuries. (On the question of the terminology of the Slavic variations of «indigenous religions»)]. *Indigenous Religions. «Rus Iazycheskaia»: Etnicheskaia religioznost' v Rossii i Ukraine XX–XXI*. Edited by R. V. Shizhenskij. Nizhnii Novgorod: NGPU. P. 6–17.
- Shnirelman, V.A. 1998. Neoiazychestvo i natsionalizm (vostochnoevropeiskii areal) [Neopaganism and nationalism (Eastern European region)]. *Issledovaniia po prikladnoi i neotlozhnoi etnologii Instituta etnologii i antropologii RAN*. № 114. P. 3–25.
- Shnirelman, V.A. 2011. “Porog tolerantnosti”: Ideologiya i praktika novogo rasizma. Vol. I. [“Threshold of Tolerance”: Ideology and Practice of New Racism. Volume I.] Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 552 p.
- Shnirelman, V.A. 2012. *Russkoe rodnoverie: neoiazychestvo i natsionalizm v sovremennoi Rossii* [Russian Rodnoverie: Neopaganism and Nationalism in Modern Russia]. Moscow: Izdatel'stvo BBI. 302 p.
- Voslenskii, M.S. 2016. *Nomenklatura* [Nomenclature]. Moscow: Zakharov, 640 p.
- Zygmunt, A.I. 2016. *Sovremennaia prikhramovaia sreda kak soobshchestvo v situatsii zhertvennogo krizisa* [Contemporary parish milieu as the community in the situation of the sacrificial crisis]. *Religiovedcheskie issledovaniia*. 1 (13): 151–189.

РЕЦЕНЗИИ

УДК 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-2/333-339

Рецензия

© О. Е. Казьмина

РЕЦ. НА МОНОГРАФИЮ: TISHA M. RAJENDRA. MIGRANTS AND CITIZENS: JUSTICE AND RESPONSIBILITY IN THE ETHICS OF IMMIGRATION. GRAND RAPIDS (MICHIGAN): WILLIAM B. EERDMAN PUBLISHING COMPANY, 2017. — 179 P.

Книга Т. Раджендры предельно актуальна. Главный аргумент автора заключается в том, что для понимания современного миграционного кризиса и справедливого распределения ответственности между гражданами и мигрантами современные взаимоотношения местных и пришлых необходимо поставить в исторический контекст. Жаркие споры и неоднозначное отношение к беженцам и мигрантам в принимающих странах создают, по мнению Т. Раджендры, разные, порой диаметрально противоположные нарративы, нередко содержащие исторические неточности и даже откровенную ложь. Справедливость по отношению к мигрантам, по ее мнению, требует исправления этих неточностей, вымыслов и фальсификаций, создания нарративов, которые бы более верно отражали отношения между гражданами и мигрантами. Поэтому неточные и неполные нарративы должны быть заменены полными нарративами, верно отражающими сложившуюся реальность. Т. Раджендра приходит к выводу, что для адекватного ответа на этические вопросы об обязательствах граждан по отношению к мигрантам и потенциальным мигрантам и об основаниях этих обязательств необходимы не только новые нарративы, но и новое представление о справедливости, которое обращается скорее к понятиям «обязательства», «ответственность», чем к обычно применяемому в дискурсе о мигрантах понятию «права человека». Такое понимание справедливости она обозначает «справедливость как ответственность в отношениях». Книга Т. Раджендры заставляет по-иному взглянуть на миграционный кризис и проблему нелегальных мигрантов, дает новый подход к переосмыслению и реконструированию нарративов об иммиграции — этой сложной и противоречивой реальности наших дней.

Ключевые слова: миграции, нарративы, этика, справедливость, ответственность, права.

Ссылка при цитировании: Казьмина О. Е. Рец. на мон.: Tisha M. Rajendra. Migrants and Citizens: Justice and Responsibility in the Ethics of Immigration. Grand Rapids (Michigan): William B. Eerdmans Publishing Company, 2017–179 p. // Вестник антропологии, 2022. № 2. С. 333–339.

Казьмина Ольга Евгеньевна — д. и. н., заведующая кафедрой этнологии, заместитель декана по международному сотрудничеству исторического факультета, МГУ имени М. В. Ломоносова, (Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4). Эл. почта: okazmina@inbox.ru

UDC 39
DOI: 10.33876/2311-0546/2022-2/333-339
Book Review

© *Olga Kazmina*

BOOK REVIEW: TISHA M. RAJENDRA. 2017. MIGRANTS AND CITIZENS: JUSTICE AND RESPONSIBILITY IN THE ETHICS OF IMMIGRATION. GRAND RAPIDS (MICHIGAN): WILLIAM B. EERDMAN PUBLISHING COMPANY, 179 P.

The publication of T. Rajendra's book is very timely. The author's main argument is that for understanding the contemporary migration crisis and fair distributions of responsibilities between citizens and migrants, current relations between locals and newcomers should be put into historical context. Heated debates and ambiguous attitudes towards refugees and migrants in receiving countries create, according to Rajendra, different, sometimes diametrically opposed narratives, which often contain historical inaccuracies and even barefaced lies. She thinks that justice to migrants requires correcting these inaccuracies, fiction, and falsifications and creating narratives more truly describing relations between citizens and migrants. Hence, these inaccurate and incomplete narratives should be replaced with fuller narratives faithful to reality. Rajendra concludes that an adequate answer to ethical questions about citizens' responsibilities to migrants and potential migrants and the bases of these responsibilities requires not only new narratives but also new accounts on justice grounded on the ideas of responsibilities rather than the ideas of human rights that are typically used in the migration discourse. She calls it "justice as responsibility to relationships". T. Rajendra's book provides a fresh look at the migration crisis and the problem of undocumented migrants and offers a new approach to the reimagining and reconstruction of narratives about immigration — this complex and contradictory reality of our days.

Keywords: *migration, narratives, ethics, justice, responsibility.*

For citation: Kazmina, O. E. Book Review: Tisha M. Rajendra. 2017. Migrants and Citizens: Justice and Responsibility in the Ethics of Immigration. Grand Rapids (Michigan): William B. Eerdman Publishing Company, 179 p. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 2: 333–339.

Author Info: **Kazmina, Olga** — Dr. Sc., Deputy Dean for International Cooperation, Chair of the Department of Ethnology, Faculty of History, Moscow State University (27 Lomonosovsky Prospect, Bld. 4, Moscow, Russia). E-mail: okazmina@inbox.ru

«Население находится в движении» — этим распространенным и очевидным утверждением Т. Раджендра начинает свое повествование. Но эта очевидная, если не банальная фраза, действительно, предельно емко характеризует современный глобализированный мир. Мобильность населения с ее потоками трудовых мигрантов, легальных и нелегальных, и беженцев, вытесняемых с насиженных мест политическими, этническими и религиозными конфликтами, — это реальность

современного мира. Мобильность остро ставит проблемы взаимоотношений пришлого и принимающего населения, выработки миграционной политики и стратегий интеграции пришлого населения, и все эти проблемы имеют существенную этическую составляющую. В этом плане книга Т. Раджендры очень своевременна и предельно актуальна. Современный миграционный кризис не случаен и не возник из неоткуда, что формирует главный посыл и аргумент автора о том, что только поставив современные взаимоотношения местных и пришлых в исторический контекст, можно попытаться достичь справедливого распределения ответственности между гражданами и мигрантами.

Отношения к беженцам и мигрантам очень неодинаковы и неоднозначны во всех принимающих странах, они вызывают жаркие политические и общественные споры. Это создает, по мнению Т. Раджендры, разные, порой диаметрально противоположные нарративы, в них могут быть исторические неточности и даже откровенная ложь (с. 3–4). Справедливость по отношению к мигрантам, по ее мнению, требует исправления этих неточностей, вымыслов и фальсификаций, создания нарративов, которые бы более верно отражали отношения между гражданами и мигрантами. Для достижения этой цели она обращается к анализу проблем миграции в философской этике и теологии. В этике она выделяет два основных подхода — космополитичный и коммунитарный. Первый делает упор на главенство прав человека, второй — на право государственного сообщества определять свое членство. В теологии, подчеркивает автор, оценки даются с позиций необходимого сострадания мигрантам. При этом, как она утверждает, и в этике, и в теологии обходится стороной проблема соотношения ответственности граждан и мигрантов по отношению друг к другу (с. 4–5). Ответственность она связывает со справедливостью и предлагает рассматривать справедливость как ответственность за отношения [justice as responsibility to relationships], как настоящие, так и прошлые (с. 6).

Чтобы лучше понять механизмы миграций и их связь с вопросом ответственности, Т. Раджендра рассматривает различные теории миграции, иллюстрируя их конкретными нарративами (с. 35–50), и для целей своего исследования она отдает предпочтение теории миграционных систем. С позиций этой теории автор рассматривает три кейса, связанных с тремя разными типами международных взаимодействий, которые положили начало трем миграционным системам. Это миграции, вызванные гастарбайтерскими программами послевоенной Германии, миграции в Великобританию из ее колоний, а позже из бывших колоний и миграции из Мексики в США, опосредованные инвестированиями американских компаний в мексиканскую промышленность. Каждый кейс отражает долгую историю эксплуатации и специфику отношений доминирования. В каждом из них Т. Раджендра исследует отношения, которые возникли между гражданами и мигрантами и которые потом воспроизводятся в отношениях между гражданами, потомками тех мигрантов, которые были в начале складывания соответствующих систем, и новыми мигрантами, воспроизводящими систему. Она показывает, что хотя мигранты каждый раз принимали свое собственное решение переехать, надеясь на лучшую жизнь для себя и своих семей, эти решения делались в контексте отношений, которые иногда предполагали выбор, а порой и не оставляли ему место. Индивидуальные решения были исторически обусловлены. Т. Раджендра показывает, что теория миграционных систем высвечивает тот факт, что миграция — это результат и прошлых, и настоящих отношений между

гражданами и мигрантами, а также отношений между самими гражданами и самими мигрантами, и делает вывод, что миграция — это обусловленная реальность. Такое понимание миграции меняет этический ракурс, делая принимающие страны не пассивными участниками миграционных процессов, а активными участниками миграционных систем, базирующихся на отношениях доминирования и эксплуатации, которые сложились десятилетия или даже столетия назад (с. 51–52). Из этого она делает следующий вывод, что этика миграций должна апеллировать не только к концепции прав человека, которыми обладают мигранты, но также должна ответить на вопрос, кто должен защитить права мигрантов и почему (с. 52).

Инструментарий теории миграционных систем позволяет Т. Раджендре заключить, что существующие нарративы о миграции неполные, неточные и даже неверные. В частности, она отвергает нарративы, рисующие мигрантов ищущими лучшей жизни иждивенцами, стремящимися получить помощь и пособия (с. 54). Ложные нарративы, утверждает автор, приводят к постановке неправильных вопросов и позволяют довольствоваться неправильными ответами. Поэтому неточные и неполные нарративы должны быть заменены полными нарративами, верно отражающими сложившуюся реальность [faithful to reality] (с. 54). Эти более полные и более верные нарративы должны заставить по-иному думать об отношениях между гражданами и мигрантами и учитывать историю, современные условия и возможное будущее этих отношений. Т. Раджендра показывает, что, когда доминируют неверные нарративы, включается структурный грех (структурным грехом она называет грех, который проявляется не только в человеческой воле, но также в социальных институтах, идеологиях и практиках — явная аналогия с концепцией структурного насилия). Этот структурный грех ставит отношения в рамки воспроизводящегося доминирования и эксплуатации и создает такие социальные условия, в которых иммигранты воспринимаются иждивенцами, латинос безответственными лентяями, а низкая оплата труда нелегальных мигрантов вполне оправданной (с. 56). Анализируя нарративы по трем своим кейсам и учитывая исторический контекст, сознательный выбор и вынуждающие обстоятельства, а также доминирующие в обществе представления о положении конкретной группы, она доказывает, что во всех трех случаях нарративы поражены структурным грехом, который уходит своими корнями в прошлое и определяет настоящее. Соответственно, государства должны найти решение проблем, которые предопределены отношениями, унаследованными от прошлого, и выбором, сделанным предшественниками (с. 75). Это побуждает Т. Раджендру обратиться к теории справедливости, разработанной Джоном Ролзом в вышедшей в 1971 г. одноименной книге (*Rawls* 1971), а также к другим подобным концепциям, чтобы разобраться, как понятие справедливости должно быть применено к универсальным моральным нормам и конкретно к ее кейсам, исходя из того, что понятие справедливости должно интегрировать нарративы конкретных взаимоотношений (с. 76–77). Автор книги утверждает, что несмотря на методологические различия, все теории справедливости подчеркивают два главных момента: важность универсальных моральных норм («минимальный набор социальных, материальных и политических благ, необходимых для человеческого существа для достойной жизни») и структурного измерения справедливости («не достаточно, чтобы конкретные люди относились друг к другу справедливо; экономические, политические и общественные институты должны обеспечивать и защитить возможности и права конкретных

людей») (с. 91). В то же время Т. Раджендра вынуждена признать, что ни один из вариантов теории справедливости не учитывает исторические обстоятельства, применительно к ее кейсам не объясняет, что свело вместе граждан и мигрантов (с. 91). Она также подчеркивает, что «универсальные моральные нормы недостаточно чувствительны к конкретным нарративам, отражающим взаимоотношения граждан и мигрантов» (с. 92) и обосновывает связь между исторически обусловленными отношениями и вытекающими из них обязанностями и ответственностью, предлагая свою собственную теорию справедливости, базирующуюся на отношениях между мигрантами и гражданами (с. 92–93). Она думает, что обоснованию ее теории поможет рассмотрение юридических положений о чужаках, содержащихся в Ветхом Завете, и отношения к пришлым в Новом Завете. Настаивая на прочтении Библии как единого текста, она считает необходимым выяснить, как библейские тексты трактуют справедливость (с. 93–97).

Т. Раджендра показывает, что и Ветхий Завет, и Новый Завет определяют справедливость как категорию, связанную с отношениями (с. 93–94). Библия учит, что наиболее уязвимые группы должны быть защищены и предостерегают от соблазна эксплуатировать не членов сообщества на том основании, что они этим членством не обладают (с. 99). В Ветхом Завете геры (*герим*) были наиболее уязвимой группой, поскольку они находились в системе политических и социально-экономических институтов, которую не выбирали (с. 101) — ситуация напоминает ту, в которой находятся современные мигранты в принимающих странах. Т. Раджендра обращает внимание, что назидания «обращаться с герами справедливо — и даже любить их — всегда сопровождаются напоминанием, что евреи сами когда-то были чужими, т. е. герами, в Египте» (с. 103). Проводя параллели с отношениями между мигрантами и гражданами сегодня, Т. Раджендра утверждает, что «главный соблазн для граждан сегодня — это подписаться под ложный нарратив, тот, который исключает начала отношений между мигрантами и гражданами», и делает вывод, что справедливость требует связать ответственность с правильными нарративами (с. 109). Этический императив Нового Завета протянуть руку помощи чужому также базируется на отношениях. Двойственная идентичность Христа: Иисус Христос — гость в Его земной жизни и Иисус Христос — хозяин, который гостеприимно принимает своих последователей в Царствие Божие, и есть фундамент христианского гостеприимства (с. 110). С этим связано и другое христианское положение: заботясь о незащищенном христианское сообщество заботится о Христе (с. 111). Т. Раджендра считает, что сюжеты Ветхого Завета могут быть основанием для христианской этики, однако признает недостаточность этого источника, поскольку положение о справедливости в Ветхом Завете базируется на конкретном нарративе об Исходе евреев из египетского плена, который выступает метанарративом, в то время как у современных граждан такого разделяемого всеми метанарратива или даже преобладающего нарратива нет (с. 111–112).

В заключительной главе Т. Раджендра приходит к выводу, что для адекватного ответа на этические вопросы об обязательствах граждан по отношению к мигрантам и потенциальным мигрантам и об основаниях этих обязательств необходимы не только новые нарративы, но и новое представление о справедливости, которое обращается скорее к понятиям «обязательства», «ответственность», чем к обычно применяемому в дискурсе о мигрантах понятию «права человека» (114). Такое по-

нимание справедливости для нее «справедливость как ответственность в отношениях» [justice as responsibility to relationships], она предлагает при рассмотрении общих обязательств не забывать об отношениях и институциях, которые мы не выбираем [unchosen relationships and institutions] (114). Поскольку нарративы могут быть более или менее соответствующими действительности, обязательства должны определяться комплексом нарративов об отношениях и оцениваться эти нарративы должны с позиций справедливости (122–123). Т. Раджендра уточняет, что любой нарратив неизбежно включает одни детали и опускает другие, т. е. любой нарратив ограничен (127). Она подчеркивает, что доминирующие нарративы часто замалчивают опыт и взгляды аутсайдеров в обществе, включая мигрантов, именно потому, что структуры греха, от которых выигрывают сильные мира сего, не пропускают нарративы тех, кто подвергается эксплуатации (128). Автор настаивает на новых рассказах, которые бы включали общественно и политически игнорируемые истории колониализма, гастарбайтерских программ и иностранных инвестиций, с тем чтобы можно было бросить вызов доминирующему нарративу о том, что мигранты — это бедные нуждающиеся иждивенцы, пользующиеся щедростью и великодушием граждан (129). Она считает, что обязательства граждан перед мигрантами должны базироваться на исторически-конкретных отношениях и связанных с ними нарративах. Такие нарративы показывают, что гражданам выгодно присутствие нелегальных мигрантов на рынке труда, что история колониализма побуждает признать мигрантов из бывших колоний соотечественниками, что кабальные гастарбайтерские программы прошлого должны заставить граждан более основательно подумать о нынешней политике, что американские инвестиции в экспортно-ориентированные предприятия Мексики принесли непропорциональные выгоды американским гражданам по сравнению с мексиканскими. Граждане должны признать эти отношения, потому что справедливость как ответственность перед отношениями, по Т. Раджендре, невозможна без солидарности, а солидарность требует изменений во внутренней и иммиграционной политике принимающих стран (с. 130–138).

В своей книге Т. Раджендра предлагает красивую и очень логичную концепцию справедливости как ответственности перед отношениями. Встает, однако, вопрос, возможно ли осуществить эту концепцию на практике. Отчасти Раджендра отвечает на этот вопрос, когда пишет, что совершенная справедливость будет достигнута в своей полноте только в Граде Небесном, а на грешной земле может быть только некий отблеск совершенной справедливости Небесного Града. Таким образом, она заключает, что справедливое выполнение обязательств в полной мере явно невозможно, но усилия, направленные на то, чтобы постараться понять реальность через отношения — это работа солидарности и это единственный путь достичь хотя бы несовершенной справедливости в земном граде мире (145).

Книга Т. Раджендры «Мигранты и граждане: справедливость и ответственность в этике иммиграции» заставляет по-иному взглянуть на миграционный кризис и проблему нелегальных мигрантов, а также шире на межэтнические и межконфессиональные отношения в странах с большой долей пришлого населения. Она напоминает о делах милосердия и благотворительности и наполняет понимание этой деятельности новыми смыслами. Работа дает новый подход к переосмыслению и реконструированию нарративов об иммиграции — этой сложной и противоречивой реальности наших дней.

Научная литература:

Rawls, John. *A Theory of Justice*. Cambridge (Massachusetts): Belknap Press, Harvard University Press, 1971.

References:

Rawls, John. 1971. *A Theory of Justice*. Cambridge (Massachusetts): Belknap Press, Harvard University Press.

УДК 39
DOI: 10.33876/2311-0546/2022-2/340-348
Рецензия

© Шабает Ю. П., Шилов Н. В.

**РЕЦ. НА: ЯЗЫК И ИДЕНТИЧНОСТЬ: АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ
ИССЛЕДОВАНИЕ СИТУАЦИИ В РОССИИ
/ ОТВ. РЕД. М. Ю. МАРТЫНОВА. М.: ИЭА РАН, 2021. 620 С.**

В рецензии на коллективную монографию «Язык и идентичность: антропологическое исследование ситуации в России» дается весьма высокая оценка названного труда. Отмечается, что работа построена на основе результатов, полученных в ходе реализации единого проекта по изучению современной языковой ситуации, складывающейся в российских регионах. Общая методика изучения и инструментарий позволили осуществить качественный сравнительный анализ языковой ситуации во многих регионах. В рецензии высказано согласие с тезисом авторов теоретической части работы, что абсолютизация роли языка чаще всего связана с укоренившимися представлениями о неразрывной связи языка и этничности, а точнее — с характером этнической идентификации, поскольку язык рассматривается как главный этнодифференцирующий признак и в первую очередь самими лингвистами, но также и широким кругом этнических активистов и других лиц, вовлеченных в практику сохранения культурного многообразия страны.

Отмечено, что в монографии описаны разные ситуации и показано, что в ряде случаев язык меньшинственных групп обладает высокой степенью «вitalности» (например, абазинский) и успешно функционирует, а в других существует реальная угроза вытеснения языков из сферы публичного применения. Но при всем многообразии языковых ситуаций, проанализированных авторами коллективной монографии, тенденции языкового развития в российских регионах имеют достаточно много сходства. Особо подчеркнута, что в монографии обращено внимание на качество языковых уроков, их содержание, квалификацию и специфику подготовки учителей, осуществляющих преподавание языковых предметов, т. е. на те проблемы, которые имеют место повсеместно, но которые редко попадают в поле зрения исследователей. Здесь же обращено внимание на одну из важнейших проблем, связанной с мерами по сохранению и развитию языков меньшинств, а именно: имидж языка.

Ключевые слова: рецензия, язык, идентичность, Россия

¹ Шабает Юрий Петрович — д. и. н., зав. сектором этнографии, Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми научный центр УрО РАН (Коммунистическая 26, Сыктывкар, 167001, Россия), профессор кафедры философии и социально-политических наук, Институт гуманитарных наук Сыктывкарского государственного ун-та им. Питирима Сорокина. Эл. почта: yupshabaev@mail.ru ORCID: 0000-0002-0867-4662

Шилов Николай Владимирович — д. и. н., профессор кафедры юридических дисциплин, ОЧУ ВО «Еврейский университет» (ул. Отрадная 6, Москва, 127273, Россия). Эл. почта: shilov13@mail.ru ORCID: 0000-0002-3067-7501

Ссылка при цитировании: Шабает Ю. П., Шилов Н. В. Рец. на: Язык и идентичность: антропологическое исследование ситуации в России / отв. ред. М. Ю. Мартынова. М.: ИЭА РАН, 2021. 620 с. // Вестник антропологии, 2022. № 2. С. 340–348.

UDC 39
DOI: 10.33876/2311-0546/2022-2/340-348
Book Review

© Yurii Shabayev, Nikolay Shilov

**BOOK REVIEW: MARTYNOVA, M. (ED.). 2021. LANGUAGE AND
IDENTITY: AN ANTHROPOLOGICAL STUDY OF THE SITUATION
IN RUSSIA. MOSCOW: INSTITUTE OF ETHNOLOGY AND
ANTHROPOLOGY RAS, 620 P.**

The review of the collective monograph “Language and Identity: An Anthropological Study of the Situation in Russia” gives a very high assessment of this work. It is noted that the research is based on the results obtained in the course of a single project to study the current linguistic situation in the Russian regions. The general research methodology and tools allowed to carry out a qualitative comparative analysis of the language situation in many regions. The review agrees with the thesis of the authors of the theoretical part of the work that the absolutization of the role of language is most often connected with the entrenched ideas about the inseparable connection between language and ethnicity, or more precisely, with the character of ethnic identification, since language is seen as the main ethno-differential attribute, primarily by linguists themselves, but also by a wide range of ethnic activists and other persons involved in the practice of preserving cultural diversity in the country.

It is noted that the monograph describes different situations and shows that in some cases the language of minority groups has a high degree of «vitality» (such as Abazinian) and functions successfully, while in others there is a real threat of displacement of languages from the sphere of public use. But for all the diversity of the linguistic situations analyzed by the authors of the collective monograph, there are many similarities in the trends of linguistic development in Russian regions. It is especially noted that the monograph draws attention to the quality of language lessons, their content, the qualifications and specifics of the training of teachers who teach language subjects, i. e. to those problems which occur everywhere, but which rarely come to the attention of researchers. Here attention is also drawn to one of the most important problems connected with measures to preserve and develop minority languages, namely the image of the language.

Keywords: review, language, identity, Russia

For citation: Shabayev, Yu. P., Shilov, N. V. Book Review: Martynova, M. (ed.). 2021. Language and Identity: An Anthropological Study of the Situation in Russia. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology RAS, 620 p. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 2: 340–348.

Author info: Shabaev, Yury Petrovich — Ph.D., Head of the Ethnology/Social Anthropology Department, Institute of Language, Literature, and History, Komi Scientific Center, Ural Branch, Russian Academy of Sciences; Professor, Department of Philosophy and Social and Political Sciences, Institute of Humanities, Syktyvkar P. Sorokin State University (Syktyvkar, RF). E-mail: yupshabaev@mail.ru ORCID 0000-0002-0867-4662

Shilov, Nikolay Vladimirovich — Ph.D., Professor, Department of Legal Disciplines, Hebrew University (Moscow, RF). E-mail: shilov13@mail.ru ORCID 0000-0002-3067-7501

Рецензируемая монография представляет собой комплексное исследование взаимосвязи языков и идентичностей как важных символических маркеров, вокруг которых не утихают острые общественные дискуссии. В основу монографии положены исследования Института этнологии и антропологии РАН, проведенные во многих российских регионах и значительную часть материалов, на которые в своих умозаключениях опираются авторы монографии, составляют результаты проекта «Русский язык, языки народов России и российская идентичность: антропологические подходы к изучению языковой ситуации и этнокультурной политики». Руководителем проекта выступила известный российский этнолог, доктор исторических наук М. Ю. Мартынова, которая определила цель руководимого ею проекта и соответственно цель коллективной монографии следующим образом: «Исследование... направлено на поиск факторов и механизмов, способствующих ценностной и институциональной консолидации сложного российского общества» (с. 8).

Язык есть носитель культуры, важнейшее средство коммуникации, значимый культурный маркер и по поводу данных позиций сомнений нет и, более того, — достигнут определенный консенсус среди исследователей. Но в том, что касается значимости языка, его социальной природы, связи между языком и этничностью, методов языкового образования и принципов языковой политики, разброс мнений велик. При этом в описаниях языковых ситуаций и в приводимых доводах по поводу мер поддержки языков у региональных филологов присутствуют не только глубоко обоснованные выводы и заключения, но нередко эмоционально-оценочные характеристики языка, практик языковой политики, норм и методов языкового просвещения и образования.

Абсолютизация роли языка и его восприятие как явления не социального, но сугубо природного свойственны лингвистам, которые создали «Красную книгу языков» России, где однозначно определили, что языки есть сугубо природное явление (Языки 2002: 114), а потому надо подходить к ним, как к редким видам растений и животных. Абсолютизация роли языка и его понимание как биологически заданного личностного качества очень распространены среди языковедов в российских регионах, о чем свидетельствует и полемика между В. А. Тишковым и Х. М. Акбаевым — зав. отделом языка, литературы и фольклора Карачаевского научно-исследовательского института (Смерть языка 2019: 19). Последний со ссылкой на Ноама Хомского утверждает, что «причиной появления языковой способности у человека является врожденный биологически обусловленный компонент» (Смерть языка 2019: 21). Но хотя привязка языка к «исконным, биологически обусловленным качествам личности» свойственна многим языковедам работающим в националь-

ных республиках, подобная позиция не мешает им заниматься безудержным пуризмом, т. е. социальным конструированием лексики, которое чаще всего не опирается ни на исторический фундамент, ни на логику языкового развития, ни на представления о врожденности и неизменности грамматических принципов языка, на котором говорят издавна представители того или иного этнического сообщества.

Завышенная оценка значения языка чаще всего связана с укоренившимися представлениями о неразрывной связи языка и этничности, а точнее — с характером этнической идентификации, поскольку язык рассматривается как главный этнодифференцирующий признак и в первую очередь самими языковедами, но также и широким кругом этнических активистов и других лиц, вовлеченных в практику сохранения культурного многообразия страны. При этом обширный этнографический и собственно лингвистический материал из разных регионов мира опровергает тесную корреляцию между языком и этнической принадлежностью и мы согласны с мнением В. А. Тишкова относительно того, что язык надо рассматривать как самостоятельное культурное явление, ибо «подход к языку как к самостоятельной субстанции, а к его носителям — совсем необязательно как к этнической группе, является ныне доминирующим, по крайней мере, в макрорегионе Евразии, за исключением некоторых стран бывшего СССР. Совсем неслучайно Европейская хартия региональных языков и языков национальных меньшинств основывается именно на философии приоритета и самооценности самого языка, его статуса и перспектив, жестко не привязывая эту категорию социальной реальности к определенным группам, а тем более — к этнонациям и к «этнокультурному развитию народов России» (с. 30).

Принципиальное значение имеют и замечания академика Тишкова по поводу категории «родной язык», относительно трактовки содержания которой как в официальных документах, так и в научных публикациях нет единства. Отсутствие этого единства как раз и обусловлено именно тем, что язык и этничность рассматриваются как специалистами, так и официальными лицами, ответственными за реализацию образовательной и национальной политики, в неразрывном единстве, хотя языковые компетенции и языковое поведение с одной стороны и, этническая идентичность — с другой, часто являются совершенно не совпадающими реалиями. Язык, с которым человек вырос, на котором он получил/получает образование, который является для него основным средством общения во всех сферах коммуникаций может отличаться от языка той этнической общности, к которой он себя причисляет, и от языка его предков. В России это массовое явление, однако «в российском научном и политическом дискурсе такие распространенные в мире категории, как «родной язык» и «национальный язык» отданы в эксклюзивное владение этнических общностей, которые могут называться по-разному: нации, народы, народности, этносы, этнические группы. Эта этнизация языков на основе трактовки этничности с примордиальных позиций группизма рано или поздно должна быть подвергнута сомнению, ибо она расходится с мировым трендом в понимании современных языковых процессов и включает в себе также конфликтогенные моменты» (с. 29).

Тем не менее, этнические элиты и находящиеся под их влиянием должностные лица настаивают на том, что индивиды, принадлежащие к той или иной этнической общности и идентифицирующие себя с ней должны знать «родной язык», а некоторые радикально настроенные этнические активисты маркирует тех представителей этнических групп, которые не владеют «родным языком как «предателей». В пред-

ставлениях этнических активистов и многих исследователей, выступающих в роли своеобразных культуртрегеров и моральных цензоров «собственных» культурных групп, отдельная личность должна быть полностью подчинена интересам группы, абсолютно солидарна с ней, а потому права человека (и, в частности, — культурные права) не принимаются ими во внимание. Дискуссии вокруг поправок к закону о языках, принятых в 2018 г., о которых упоминается многими авторами отдельных глав, а также отдельные акции протеста, которые имели место в национальных республиках связаны именно с тем, что местные этнические элиты и языковеды напрочь игнорируют идею культурной свободы и нормы прав человека, выступая с позиций жесткого администрирования и диктата группы над личностью. Категория права апологетами этнизации языка используется лишь для того, чтобы вычленив этнические группы и их языки из общего правового пространства. Поэтому этнические антрепренеры нередко пишут и обосновывают идею «особых языковых прав» или «специальных языковых прав» этнических сообществ, что противоречит логике права как такового, ибо оно должно быть универсальным и всеобщим. Впрочем, сторонники идеи лингвистической экологии (коей стихийно придерживаются многие этнические активисты и языковеды) полагают, что языки должны сохраняться любыми способами, несмотря на социальные и политические издержки и даже его не востребуемость самими потребителями языка.

Но и правовые российские нормы в области языковой политики, о которых В. А. Тишков и В. В. Степанов рассуждают в третьей главе монографии, основаны на идее, что у каждого народа (и каждого представителя данного народа) есть свой этнический язык, по поводу чего авторы задаются вопросом: «Как следует читать эти основополагающие тексты? Однозначно только как у каждого народа и тех, кто его составляет есть свой родной язык, в том числе и у русского народа есть свой родной русский язык. Другие варианты как бы законом и не предусматриваются. А тем не менее, такие варианты есть, и они даже очень существенные. Настолько существенные, что они диктуют некоторые срочные коррективы, хотя бы в рутинных процедурах фиксации языковой ситуации для выработки более адекватной и более нюансированной языковой политики» (с. 53).

А по поводу того, что эта политика имеет массу нюансов и специфических региональных коллизий, свидетельствует второй раздел коллективной монографии, в котором анализируется современная этноязыковая ситуация в регионах России, таких как Кабардино-Балкарская Республика (С. И. Аккиева), Карачаево-Черкесская Республика (Е. А. Щербина), Омская область (Смирнова Т. Б.), Республика Марий Эл (О. В. Орлова), Республика Мордовия (А. В. Мартыненко), Удмуртская Республика (В. С. Воронцов, А. Е. Загребин), Чувашская Республика (И. И. Бойко, А. П. Долгова, В. Г. Харитоновна).

Этнический состав населения в указанных регионах и доля представителей «титальных групп» существенно различается, как и многие другие социальные и культурные характеристики региональных сообществ, но тем значимее опыт сравнительного анализа языковых ситуаций, предлагаемый авторами.

Все названные исследователи опираются на результаты единого проекта по изучению языковых ситуаций и языковой политики, указанного выше, а равно и на собственный опыт изучения практик языковой политики и языкового образования, характера восприятия современных языковых реалий различными группами населе-

ния той или иной республики или области. Общая информационная основа обеспечивает релевантность сравнительного анализа языковых практик, имеющих место в разных регионах.

В целом отношение к языкам меньшинств везде позитивное, но вот к их изучению школьниками республик (и особенно к изучению с применением методов административного принуждения) оно отрицательное, особенно в среде городского населения, включая и значительную часть представителей меньшинств. Билингвизм же носит преимущественно национально-русский характер. Русские как представители доминантного культурного сообщества не видят для себя необходимости изучать языки меньшинств, что, впрочем, характерно для доминантных групп во многих странах мира. Меры поддержки языков везде стандартны и, как правило, не вполне эффективны, что и порождает стремление решить проблему сохранения языка этнической группы за счет принуждения ее членов изучать язык предков в обязательном порядке, за счет требований механически увеличивать в школьной программе количество часов, отводимых на изучение языков, т. е. мер которые не способны качественно изменить языковую ситуацию.

Понимание того, что призывы или даже языческие моления в поддержку языка меньшинств не дают результата (опыт последних десятилетий это доказал) порождают у некоторых представителей элит фрустрации (свидетельством чему и стало самосожжение А. Разина в Удмуртии) или неоправданные обвинения в адрес доминантных групп и властей, хотя напрашивается очевидный вывод о том, что необходимо качественно менять не только систему языкового образования, интегрируя в школьные программы систему семейной языковой политики, но и общественные настроения, создавая благоприятный климат для языкового плюрализма и повседневной толерантности (которая до сих пор в дефиците). К сожалению, указанным аспектам языковой политики авторы из республик уделили мало внимания, что вполне объяснимо, ибо ни у региональных властей, ни у этнических элит, ни у организаторов образовательного процесса нет глубоко продуманных и реалистичных идей, связанных с практиками языкового образования и писать о новаторстве в этой сфере сложно.

Не менее интересен и важен третий раздел монографии, где как раз и рассматривается опыт движений за сохранение миноритарных языков. В качестве примеров здесь приводятся движения за сохранения родного языка таких этнических групп, как сибирские татары (Ю. Н. Квашнин, Г. Т. Бакиева), абазинцы (Е. А. Щербина, Л. В. Кубанова), коми-пермяки (А. В. Черных, М. С. Каменских), цыгане (Н. Г. Деметер), немцы (Т. Б. Смирнова, Е. А. Шлегель), хотя, на наш взгляд, языковую ситуацию в Коми округе Пермского края (бывшем Коми-Пермяцком АО) логично было рассматривать во втором разделе. Здесь описаны разные ситуации и показано, что в ряде случаев язык меньшинственных групп обладает высокой степенью «витальности» (например, абазинский) и успешно функционирует (с. 280), а в других существует реальная угроза вытеснения языков из сферы публичного применения. В этом смысле весьма показателен пример коми-пермяцкого языка, а точнее его положение на территории Коми округа в Пермском крае. Специалисты нередко отмечают, что статус этнической автономии является тем фактором, который оказывает решающее влияние на сохранение и развитие языка этнического сообщества, особенно в России, построенной по принципу этнической федерации. Но пример с ко-

ми-пермяцким языком, на наш взгляд, ставит под сомнение эти утверждения. Доля коми-пермяков в составе населения Коми округа почти такая же, как доля чувашей в составе населения Чувашии, т. е. очень высокая, а положение языка титульной этнической группы в данных регионах существенно различается. Причем процессы языковой эрозии здесь шли особенно интенсивно именно тогда, когда округ имел статус национально-государственного образования и самостоятельного субъекта федерации (Котов 1996, Шабает 1998). После утраты прежнего статуса на поддержку коми-пермяцкого языка были направлены значительные ресурсы и обширный перечень мероприятий подобного рода перечислен авторами данной главы. Но тенденции языкового развития, отмеченные в 1990-е гг., никак не изменились. Проблемы, которые отмечены авторами, а именно: «отсутствие единых подходов к разработке учебной, методической и дидактической литературы, нехватку современных вузовских учебников по коми-пермяцкому языку, недостаточное количество высококвалифицированных кадров ...» (с. 304), являются, конечно, значимыми и имеют место как в Коми округе, так и в целом ряде других регионов. Но мы полагаем, что в данном и во многих других случаях более существенно влияют на ситуацию экстралингвистические факторы, на что мы указывали уже давно (Воронцов 2005).

Опыт движений за сохранение языков многоаспектен и здесь обращает на себя внимание глава, посвященная сохранению языка сибирских татар (Квашнин Ю. Н., Бакиева Г. Т.). Авторы данной главы обращают внимание на качество языковых уроков, их содержание, квалификацию и специфику подготовки учителей, осуществляющих преподавание языковых предметов, т. е. на те проблемы, которые имеют место повсеместно, но которые редко попадают в поле зрения исследователей. Здесь же обращено внимание на одну из важнейших проблем, связанных с мерами по сохранению языков меньшинств, — имидж языка. Нам уже приходилось обращать внимание на то, что сегодня в регионах РФ почти отсутствуют продуманные и целостные программы по формированию имиджа языков как титульных этнических групп, так и этнических меньшинств, проживающих в краях и областях. Между тем в мировой практике языковой политики, особенно в сложносоставных сообществах, именно этому направлению уделяется особое внимание. В таких программах на первом месте стоит задача формирования общественного мнения о престижности языка, но тесно увязана с ней и задача так называемого «языкового маркетинга», решение которой призвано изменить языковое поведение носителей недоминантных языков, а сам язык представляется как своеобразный продукт и в сфере общественного потребления рекламируются преимущества и достоинства этого продукта (Шабает 2018).

Четвертый раздел посвящен анализу практик этнокультурного образования как в программах средних образовательных учреждений, так и вузах, т. е. той сфере, где нерешенных проблем больше, чем удачных решений.

В пятом разделе коллективной монографии содержится анализ мнения экспертного сообщества разных регионов страны об особенностях и основных тенденциях реализации национальной и языковой политики в Российской Федерации. Нам представляется, что наиболее значимы здесь наблюдения и замечания И. С. Савина, который анализирует мнение экспертов по поводу реализации государственной национальной и языковой политики в Московской области, ибо автор четко указывает на значение и возможности использования мнений экспертов для конструктивно-

прикладной деятельности в сфере совершенствования культурных и образовательных практик.

Продуманная и логически выстроенная структура позволяет воспринимать объемный и многоаспектный текст монографии как единое целое. Авторы столь масштабного труда были самостоятельны в интерпретации материалов исследований, привлечении дополнительных материалов, способах их анализа и своих выводах. Но в подходах к анализу материалов, характере изложения авторских доводов и соображений вполне очевидно просматривается, что авторский коллектив объединен не только общим исходным материалом и тематикой исследования, но и представляет собой сообщество единомышленников.

В целом, коллективная монография «Язык и идентичность: антропологическое исследование ситуации в России» являет собой приглашение к чрезвычайно интересной дискуссии о месте и роли языкового фактора в культурном и политическом ландшафте России — проблеме чрезвычайно сложной, неоднозначной и многоплановой, которая к тому же тесно связана с необходимостью активизации межкультурного диалога в условиях формирования новых разделительных линий и культурных барьеров.

Научная литература

- Воронцов В. С., Шабает Ю. П., Шаров В. В., Шилов Н. В. Финно-угорские народы России: общее положение, проблемы и решения/под ред. В. А. Тишкова, Ю. П. Шабает. М.: ИЭА РАН, 2005 (Серия «Прикладная и неотложная этнология». Вып. 183).
- Котов О. В., Рогачев М. Б., Шабает Ю. П. Современные коми. Екатеринбург: УрО РАН, 1996.
- Нерознак В. П. (гл.ред.). Языки народов России: Красная книга: Энциклопедический словарь справочник/ Гл. ред. В. П. Нерознак. М.: Academia, 2002.
- Филиппова Е. И., Соколовский С. В. (отв.ред.). Смерть языка — смерть народа? Языковые ситуации и языковые права в России и сопредельных государствах/Отв. редакторы Е. И. Филиппова и С. В. Соколовский. М.: Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Горячая линия — Телеком, 2019.
- Шабает Ю. П. Этнокультурное и этнополитическое развитие народов коми в XX веке. М.: ЦИМО, 1998.
- Шабает Ю. П., Воронцов В. С., Орлова О. В., Мартыненко А. В., Миронова Н. П. Языковая политика и языковые ориентации населения в национальных республиках: конфликт интересов между группами или несовершенство культурных практик (на примере регионов с финно-угорским населением)// Вопросы филологии. 2018. № 1. С. 62–74.

References

- Vorontsov V. S., Shabaev Iu. P., Sharov V. V., Shilov N. V. 2005. *Finno-ugorskie narody Rossii: obshchee polozhenie, problemy i resheniia* [Finno-Ugric Peoples of Russia: General Situation, Problems and Solutions] /pod red. V. A. Tishkova, Iu. P. Shabaeva. Moskva: Institut etnologii i antropologii RAN (Seriiia «Prikladnaia i neotlozhnaia etnologiiia». No 183).
- Kotov O. V., Rogachev M. B., Shabaev Iu. P. 1996. *Sovremennye komi* [Modern Komi]. Ekaterinburg: Ural'skoje Otdelenije RAN.
- Neroznak V. P. (ed.). 2002. *Iazyki narodov Rossii: Krasnaia kniga: Entsiklopedicheskii slovar' spravochnik* [Languages of the Peoples of Russia: Red Book: Encyclopedic Dictionary Handbook]. Moskva: Academia.

- Filippova E. I., Sokolovskii S. V. (ed.). 2019. *Smert' iazyka — smert' naroda? Iazykovye situatsii i iazykovye prava v Rossii i sopredel'nykh gosudarstvakh* [Is the Death of a Language the Death of a People? Language Situations and Language Rights in Russia and Neighboring States] Moskva: Institut etnologii i antropologii RAN, Goriachaia liniia— Telekom, 2019.
- Shabaev Iu. P. 1998. *Etnokul'turnoe i etnopoliticheskoe razvitie narodov komi v XX veke* [Ethnocultural and Ethnopolitical Development of the Komi Peoples in the Twentieth Century]. Moskva: Institut etnologiji I antropologii RAN.
- Shabaev Iu. P., Vorontsov V. S., Orlova O. V., Martynenko A. V., Mironova N. P. 2018. Iazykovaia politika i iazykovye orientatsii naseleniia v natsional'nykh respublikakh: konflikt interesov mezhdru gruppami ili nesovershenstvo kul'turnykh praktik (na primere regionov s finno-ugorskim naseleniem) [Language Policy and Language Orientations of the Population in National Republics: Conflicts of Interest Between Groups or Imperfect Cultural Practices (The Case of Finno-Ugric Regions)] *Voprosy filologii*. 1: 62–74.

Научное издание

ВЕСТНИК АНТРОПОЛОГИИ

2022. № 2

HERALD OF ANTHROPOLOGY
(Vestnik Antropologii)

Редактор текстов по этнологии, социокультурной антропологии,
выпускающий редактор — М. Ю. Мартынова

Редактор английских текстов — Т. А. Сюткина

Редактор текстов по физической антропологии — О. М. Григорьева

Компьютерная верстка — В. О. Березин

Художественное оформление обложки — Е. В. Орлова

Поддержка сайта — О. А. Зыкина, Н. А. Белова

Подписано к печати 10.05.2022 Формат 70 x 108/16.

Усл.-печ. л. 30,45 Тираж 500 экз. Заказ №

Участок множительной техники

Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН
119991 Москва, Ленинский проспект, 32-А